А. С. Мендельсон

1928/29 хозяйственный год[1]

I

Задача настоящего кон'юнктурного анализа — на основе материалов о развертывании процесса воспроизводства — ответить на вопрос о том, как выполняются задания пятилетнего плана на отрезке 1928/29 г. и выяснить, с чем мы подходим к 1929/30 г. в связи с составлением контрольных цифр. 1929/30 г. в своих основных контурах дан во втором годовом отрезке пятилетнего плана. На основе кон'юнктурного анализа должны быть уточнены очертания хозяйственных перспектив и заданий на предстоящий год. Мы попытаемся охарактеризовать и оценить — в первом приближении — 1928/29 г. в целом, как базу для 1929/30 г.

Огромно количество конкретных данных, которыми характеризуется народнохозяйственное развитие. Поскольку мы ставим вопрос таким образом, что мы должны охарактеризовать движение с точки зрения выполнения задач, поставленных пятилетним планом, это значит — дать ответ на вопрос о том, как выполняются основные установки в области социалистического строительства; нужно дать ответ относительно того, как шло развитие производительных сил, техническая реконструкция, каков был темп и природа индустриализации, как развертывалось обобществление, в чем выразилось перераспределение национального дохода.

Ответ на эти вопросы нужно искать в анализе темпа развития отдельных элементов народного хозяйства, в анализе пропорций, которые сложились в результате определенных темпов развития отдельных элементов, в исследовании того, что представляет собой система народного хозяйства в целом в итоге годового развития по сравнению с тем, что было намечено в контрольных цифрах. Должен быть дан ответ на вопрос о резервах, с которыми мы начали движение в 1928/29 г. и о том, с какими резервами мы подходим к наступающему году, о степени напряжения всей хозяйственной системы, в которой протекает развертывание процесса. Особое значение приобрела на протяжении истекающего года проблема количества и качества в их соотношении.

---

1 Предварительная характеристика на основе кон'юнктурных материалов за 9—10 месяцев.

Своеобразная природа трансформационного процесса с его неизученными законами и закономерностями чрезвычайно затрудняет и оценку темпов и оценку пропорций в развитии отдельных элементов; просчеты в этом отношении имеются на протяжении последних нескольких лет: при переходе к так называемому реконструктивному периоду высказывались соображения относительно того, что прежние темпы развертывания народного хозяйства, в частности промышленности, в дальнейшем не осуществимы; многие с опаской говорили о возможности 20% темпа роста валовой продукции промышленности. Истекшие 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг. доказали, что эти опасения были неосновательны. При конструировании пятилетки оказалось возможным — после тщательного анализа всех условий — наметить более чем двадцатипроцентный годовой темп развертывания продукции промышленности на длительный ряд лет. Вырисовывающиеся более детально контуры 1929/30 г. говорят о значительно более высоком темпе.

Решение проблемы пропорционального развития отдельных элементов, как частей единой системы народного хозяйства, также наталкивается на трудности, являющиеся результатом недостаточной изученности нашего хозяйства и недоучета возможностей, заложенных в системе развивающегося на путях социалистического строительства общества: сколько было разговоров по поводу того, что нехватка — небаланс — стройматериалов не позволят выполнять программу капитального строительства, и на этом основании предлагалось замедлить темп капитального строительства. А между тем, в действительности, план удавалось выполнять — с трудностями, с нажимом, но во все растущем об'еме из года в год.

Есть несколько опорных точек при решении вопроса о темпах. Установка на развитие производительных сил на основе индустриализации и обобществления, установка на то, чтобы догнать и перегнать развитые капиталистические страны диктует необходимость стремления к максимальным темпам, с положительным знаком в одних случаях (продукция, производительность труда и т. п.), с отрицательным знаком в других (цены, издержки производства и т. п.). Лимитирующим моментом являются те возможности развертывания отдельных элементов, которые вскрываются при включении отдельных элементов в систему прочих, составляющих в своей совокупности народное хозяйство в целом. От максимума, который может быть выставлен в качестве желательного на первой стадии проектировки, нужно переходить к оптимуму, который диктуется всем сочетанием отдельных частей в единое целое.

При недостаточно глубоком знании народнохозяйственного процесса, при все новых ситуациях, создающихся в процессе развертывания трансформационного процесса, эмпирически нащупываем мы оптимальные темпы и оптимальные пропорции в соотношении частей. Этим об'ясняется расхождение между плановыми наметками

и фактическим положением вещей, которое имеет место на протяжении последних лет, когда мы имеем развернутый народнохозяйственный план — при сохранении в основном генеральных линий развития и выполнении планов в целом. Лишь при условии, когда мы значительно продвинемся по пути познания механизма народнохозяйственного процесса, можно будет добиться большего совпадения между проектировками-заданиями плана и их выполнением.

II

Прежде чем приступить к анализу и оценке экономических итогов 1928/29 г., нам нужно охарактеризовать — хотя бы в самых общих чертах — социальную обстановку истекшего года.

1928/29 г. прошел под знаком обострения классовой борьбы. Борьба между классами — в условиях переходного периода — ведется по всему фронту экономических, политических и социальных интересов. Обострение ее на протяжении 1928/29 г. было вызвано специфическими условиями. На отдельных перегонах развития борьба заостряется на том или ином об'екте. Специфический об'ект 1928/29 г. — хлеб. Именно хлеб — в обстановке истекающего года — избрала капиталистическая верхушка деревни об'ектом борьбы, считая этот участок наиболее уязвимым. Естественно усиливающиеся — благодаря росту — экспансия и наступление обобществленного сектора столкнулись в этом году с контратакой кулацкой верхушки, пожелавшей использовать выгодную — с ее точки зрения — ситуацию, создавшуюся в результате производственных итогов прошлого года в области зернового хозяйства. Борьбой за хлеб был окрашен 1928/29 г. именно эта борьба заставила пустить в ход те методы общественного воздействия на кулацкие элементы, которые внесли существенно новые моменты в классовые взаимоотношения внутри деревни. Оформление классового сознания — в обстановке заострившейся борьбы — протекало в истекающем году значительно интенсивнее, чем прежде. Обстановка действенной помощи со стороны бедняцких и середняцких элементов в борьбе за хлеб пролетарскому государству способствовала процессу интенсивной диференциации: лицо врага и союзника чётче определилось.

Заострение классовой борьбы имело место и в городе. Одна из форм проявления ее — уклонение частника от уплаты причитавшихся с него налогов и перекочевывание из легальной сферы в нелегальную. Нелегальная спекулянтская деятельность частного капитала в порах обобществленного сектора либо в замкнутом круге частного оборота, временами обособлявшегося от общего оборота, вредительски-дезорганизующе действовала на общий оборот в стране. В перераспределение народного дохода классово-враждебная пролетариату деятельность частного капитала внесла коррективы определенно отрицательного свойства.

III

Процесс расширенного воспроизводства нашел свое выражение в росте производственного аппарата—что особенно важно с точки зрения возможностей, создающихся для дальнейшего развертывания народного хозяйства в следующем году — и в росте продукции различных отраслей.

Продолжалась — в рамках плана — систематически ведущаяся работа по реконструкции энергетической базы. Мощность действующих районных электростанций на I/X-1928 г. была 569 тыс *квт*. Намечено было пустить в текущем году в эксплоатацию новую мощность в 147,5 тыс. *квт*. За первое полугодие вступило в эксплоатацию 83,5 тыс. *квт*, т.-е. 56,6%.

Сведений о расширении и реконструкции основного капитала транспорта в настоящее время нет.

Энергично продолжалась работа в области промышленности. Рост основного капитала промышленности — по данным ЦСУ — за последние четыре года выражается в следующих цифрах: 1924/25 г.— 1,3%; 1925/26 г.—4,5%; 1926/27 г.—9,3%; 1927/28 г.—11,1%. Ассигнованные на капитальное строительство суммы и фактический ход строительства дают все основания считать, что прирост основного капитала промышленности в текущем году составит 12—13%. Некоторой иллюстрацией изменения мощности действовавшего оборудования могут служить данные ВСНХ СССР: за 9 мес. текущего года, по сравнению с 9 мес. прошлого года, действовало доменных печей на 12,4% больше (69,9 и 61,9), мартеновских печей — на 5,8% больше (185,1 и 174,9); врубовых машин по Донуглю за 6 мес.— на 42,7% больше (545 и 382); веретен прядильных в хлопчатобумажной промышленности за 6 месяцев на 6,4% больше (7.140 тыс. и 6.711 тыс.) и т. д. По целому ряду отраслей в 1928/29 г. повысилась нагрузка оборудования по сравнению с 1927/28 г.: по чугуну — на 6,1%; по мартеновскому производству — на 6,5%; по прокату — на 7%; по нефтедобыче — на 4,2%; по лесопильной — на 11,1%, по бумажной — на 20,3% и т. д.

По линии сельского хозяйства на протяжении года включено дополнительно в работу около 7.000 тракторов и, примерно, на 200 млн. руб. сельскохозяйственных машин—на 60 млн. руб. больше, чем в прошлом году. Процесс насыщения сельского хозяйства тракторами и машинами, при значительном улучшении форм их использования, одновременно сопровождался замедлением прироста живой тяговой силы. Рост лошадей был в темпе ниже предшествующих лет. Количество рабочего скота—в силу значительного сокращения рабочих волов — в лучшем случае можно считать стабильным по сравнению с прошлым годом. Вместе с тем, уменьшилась обеспеченность крестьянских хозяйств продуктивным скотом. Одна из существеннейших особенностей в распределении как

живого, так и мертвого инвентаря в этом году — довольно резкое перемещение его в сторону низших слоев деревни и обобществленного сектора.

В области основных фондов 1928/29 г. характеризуется значительным нарастанием их в обобществленном секторе, при одновременном усилении процесса обобществления и сдвигов в размещении фондов в деревне. Расстановка сил на ответственнейшем участке хозяйства—в решающей области владения производственным аппаратом—складывалась благоприятно, позиции социалистического сектора и тяготеющей к нему социально близкой части деревни усилились.

IV

На протяжении года увеличилась численность наемного персонала: за полугодие она дала рост на 8,1%, при увеличении количества промышленных рабочих на 8,9% и железнодорожных на 1,1%. За 9 мес. рост числа промышленных рабочих — при плановом задании в +3,8% — выразился в +6,3% по отношению к среднегодовой 1927/28 г. В аккумулированных итогах за 7, 8 и 9 мес. по отношению к соответственному периоду прошлого года, имеется снижение: +8,3% +7,9% +7,4%; это свидетельствует о том, что директива о приведении в соответствие количества рабочих с потребностями предприятий по ряду отраслей начинает осуществляться.

Установка на индустриализацию находит свое выражение как в общем увеличении числа лиц наемного труда, так и в структурных изменениях: рост численности лиц наемного персонала обгоняет общий рост народонаселения, рост числа промышленных рабочих протекает интенсивнее, чем в других отраслях; внутри промышленности более быстрым темпом растет число рабочих, занятых в отраслях, производящих орудия и средства производства, чем в отраслях, производящих предметы потребления (+10,1% и +4,5%).

Темп роста безработицы резко уступает прошлогоднему: +7,9% с 1/X-28 г. по 1/VII-29 г. против +42,1% с 1/X-27 г. по 1/VII-28 г. в среднем за 9 мес. число состоящих на учете безработных повысилось на 14,5% (по сравнению с +11,5% по контрольным цифрам); при этом наибольший прирост дала группа впервые ищущих труда (+38,5%). Несмотря на рост безработицы и наличие излишней рабочей силы на предприятиях, данные Кон'юнктурного бюро НКТ СССР отмечают недостаток не только квалифицированных, но, местами, и неквалифицированных рабочих; это об'ясняется недостаточной подготовкой в предшествующие годы квалифицированных рабочих, изменением — в результате реконструкции — состава необходимых квалификаций, отчасти также жилищными условиями, мешающими перебрасывать рабочих из одного места в другое.

В области трудовой дисциплины намечается улучшение в последнем квартале, в связи с общественной кампанией по ее повышению и в результате социалистического соревнования.

Рост производительности труда за 9 мес. выразился в 14,7% по отношению к средне-годовой прошлого года и в 16,1% по отношению к соответствующему периоду прошлого года.

Номинальная заработная плата промышленных рабочих повысилась за 9 мес. на 6,9% по отношению к средне-годовой и на 8,8% к соответственному периоду прошлого года.

Источником дополнительных ресурсов на протяжении года являлся продолжающийся переход на 7-часовой рабочий день—вместо 132 тыс. рабочих или 5,8% общего количества на 1/X-28 г. по 1/VII-29 г. 7-часовой рабочий день был введен для 356 тыс. или для 15,4%. Начат переход в ряде предприятий на непрерывную рабочую неделю.

V

На ряду с ростом числа рабочих, при росте производительности труда, на ряду с ростом производственного аппарата, расширенное воспроизводство нашло свое выражение в росте продукции, поступившей в народное хозяйство.

Рост продукции промышленности был результатом как роста действующего капитала, так и более интенсивного и более рационального использования его. Промышленность дала основной прирост продукции в народном хозяйстве: за 10 мес. прирост валовой продукции составляет + 20,6% к средне-годовой прошлого года и + 22,3% к соответствующему периоду прошлого года. Фактический рост продукции за истекший период и условия работы в четвертом квартале—передвижка отпусков на III квартал и повышенный календарный рабочий период (в IV квартале число рабочих дней 78 против 72 в III квартале и 73 во II квартале)— дают основание считать, что задания контрольных цифр будут выполнены с превышением.

Для плавного течения процесса воспроизводства большое значение имеет структура продукции—соотношение между количествами продукции отдельных отраслей. К концу первого полугодия — при движении, близком к заданиям плана по общему об'ему валовой продукции — намечалось значительное отклонение по отдельным отраслям от плановых заданий. К концу III квартала положение выправляется, и в разрезе года фактическая структура продукции не слишком будет разниться от намеченной планом.

Из отдельных отраслей, на которые нужно обратить особое внимание, в связи с отставанием от плана, следует отметить каменноугольную: отставание незначительное — 1,3%— но при напряженности топливного баланса и больших задачах, которые намечаются для этой отрасли на будущий год, должны быть приняты меры к ее подтягиванию. Особого внимания требует химическая промышленность—основная и минеральных удобрений. Серьезно положение пищевой промышленности, особенно ее сахарной ветви, в связи с нехваткой сырья.

С точки зрения темпа роста, мы по линии промышленности имеем вполне удовлетворительный результат. Положительное значение весьма высокого темпа роста промышленной продукции несколько ослабляется отрицательным—с народнохозяйственной точки зрения—явлением ухудшения качества продукции в некоторых отраслях. Ухудшение качества продукции обнаружилось в ряде отраслей вырабатывающих предметы потребления—в текстильной (шерсть), кожевенной, резиновой, обувной. Жалобы на ухудшение качества продукции были и по линии отраслей, вырабатывающих минеральное сырье и средства производства—руда, сел.-хоз. машиностроение и т. д. Причины ухудшения качества: ухудшение сырья (лен), увеличение числа неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих, неправильное применение рационализаторских приемов; в отдельных случаях — попытки за счет ухудшения качества снизить себестоимость. Каковы бы ни были причины, явление ухудшения качества продукции не может быть терпимо, и одной из важнейших задач предстоящего года является перелом в этой области. Невыполнено в размерах, намеченных планом одно из основных заданий плана—по снижению себестоимости; в итоге года снижение себестоимости составит около 4,5—5% вместо намеченных 7%.

С точки зрения темпов, менее благоприятны итоги в области сельского хозяйства. На протяжении 1928/29 г. в хозяйственный оборот поступил — по линии растениеводства — результат производства предшествующего года. На сборе зерновых сказались неблагоприятные метеорологические условия предшествующего года, что —на ряду с активной борьбой против заготовок кулацкой верхушки в деревне — дало общий итог заготовок несколько меньший, чем в прошлом году. Заготовки технических культур дают превышение над прошлым годом по линии: льна — волокна, пеньки, хлопка, махорки, и недосбор—по сравнению с прошлым годом—по линии свеклы и табака. Заготовки продуктов животноводства прошли на значительно повышенном уровне по мясу и кожсырью и менее удовлетворительно по коровьему маслу. Так, заготовки мяса за 9 мес. составили 32,4 тыс. декатонн (58% плана) и на 70% превышают заготовки прошлого года. Крупных кож заготовлено 11,7 млн. шт. (97,6% плана), что составляет + 47,2% к прошлому году. Мелких кож заготовлено 21,2 млн. штук (70,9% плана), что на 22,7% выше прошлого года. Шерсти весовой заготовлено 1,9% тыс. декатонн (42,6% плана), осенней шерсти—797 декатонн (77,7% плана). Заготовки коровьего масла составили 4,9 тыс. декатонн (55% плана) и + 6,3% к прошлому году. Яиц заготовлено 903 тыс. ящиков (43% плана), что составляет 71,8% заготовок прошлого года.

Ценность всех плановых заготовок за весь сел.-хоз. год составила 1.760 млн. руб. против 1.549 млн. руб. в прошлом году, (+ 13,6%), ценность же плановых заготовок за 9 мес. определяется в 1.426 млн. руб., что дает прирост 15,1% против прошлого года.

В области производства по линии сельского хозяйства на 1928/29 г. было запроектировано расширение посевных площадей на

7% и повышение урожайности на 3%. Предварительные итоги в области расширения посевных площадей свидетельствуют о некотором недовыполнении директивы. Общее расширение посевных площадей несколько превышает 5%. Резкое увеличение посевов дал обобществленный сектор: совхозы + 35 — 40%, в колхозах площадь возросла больше, чем в три раза. Меньший рост показывают индивидуальные хозяйства, при снижении посевов верхушечной кулацкой частью деревни и повышении их середняцкими и бедняцкими слоями. Удельный вес обобществленного сектора в сборах зерновых составит около 5% против, примерно, 2,5% в прошлом году. Валовой сбор незерновых культур дает рост: по льну, хлопку картофелю и конопле, при сокращении сбора по свекле. К отрицательным моментам в области производственных итогов в сфере сельского хозяйства должно быть отнесено положение, создавшееся по линии животноводства, как оно рисуется по данным весенней анкеты ЦСУ: при росте числа лошадей, сокращение по всем видам продуктивного скота. Основная причина этого явления — недостаток кормовых ресурсов в целом ряде районов в текущем году, а также определенная тактика верхушечных слоев деревни.

В качестве существеннейшего момента при оценке итогов 1928/29 г. должен быть отмечен совершенно исключительный рост обобществленного сектора. Число колхозов по предварительным данным возрастает на 80—100% по целому ряду районов, при плановой наметке в 17%. При отмеченном выше росте посевных площадей, средний размер посевных площадей на один колхоз повысился — по предварительным расчетам около 72 *га*, при предположениях контрольных цифр—60 *га*.

Контрактация зерновых культур составила свыше 15 млн. *га*, а вместе с контрактацией озимых свыше 21 млн. *га* или около 25% всех зерновых посевов. Контрактация основных технических культур превышает 3,3 млн. *га*. Фактически законтрактованная площадь 1928/29 г. превышает площадь законтрактованную в прошлом году на 55%.

Следующей отраслью, по линии которой находит свое выражение процесс воспроизводства, является строительство. К сожалению, при всей важности своевременной информации о ходе дел в этой области, у нас это дело не налажено и сколько нибудь полных данных, характеризующих положение вещей во всех областях строительства в настоящее время не имеется. По имеющимся отрывочным данным, картина рисуется в следующем виде: можно констатировать, что при общем улучшении с проектированием, мы все же еще имеем в этой области недовыполнение заданий. Сообщения о ходе строительства говорят о целом ряде организационных невязок. Продолжается нехватка стройматериалов, особенно сказывающаяся в коммунальном и индивидуальном строительствах, при лучшей обеспеченности промышленного строительства. Дает себя знать также нехватка квалифицированной рабочей силы. Большая путаница — в отдельных случаях — происходит с отводом участков. Снижения стоимости строительства можно ожидать, главным образом, за счет снижения стоимости проектирования.

Неполные предварительные данные о ходе капитального строительства промышленности дают основание думать, что план будет выполнен. Особое внимание должно быть обращено на задержку в развертывании строительства промышленности стройматериалов, в связи с значением этой отрасли для капитального строительства в будущем году, и каменноугольной промышленности.

В общую массу продукции включается и своеобразная продукция транспорта, значительно возросшая в текущем году по сравнению с прошлым годом и значительно превысившая плановые предположения. С точки зрения народного хозяйства в целом, отрицательным моментом является возрастание пробегов, вызванное увеличившейся дальностью пробегов хлебных грузов, в связи с географией урожая прошлого года. Но этот минус перекрывается увеличением работы транспорта, в связи с увеличением общей товарной массы продукции промышленности и сельского хозяйства и значительно увеличившимся строительством.

По предварительным подсчетам превышение плана за год должно выразиться в 8,2% — перевезено будет вместо 162 млн. тонн 176 млн. тонн при средней дальности пробега в 601 *км* вместо намеченных по плану 590 *км*, что должно дать в итоге 106 мрд. грузовых тоннокилометров против 96 мрд. плана. Прирост пассажирских перевозок составил + 19% в первом полугодии 1928/29 г., по сравнению с первым полугодием 1927/28 г., за весь год превышение плана по пассажирским перевозкам должно выразиться не меньше 14,3%.

В связи с этим, следует ожидать превышение дохода НКПС против сметы на сумму около 200 млн. руб.

Со сложной задачей, поставленной перед транспортом специфической географией урожая прошлого года, он справился.

Развертывание промышленности в рамках плана и даже с некоторым превышением, развертывание сельского хозяйства в темпе несколько отстающем от плана, некоторые невязки в области строительства, при выполнении программы в основной и решающей части капитального строительства, значительный рост работы транспорта, по темпу своему приближающийся к наметкам для второго и даже — по пассажирским перевозкам — к третьему году пятилетки — таковы производственные итоги 1928/29 г. в основных и решающих отраслях.

VI

Производственные итоги, соотношение сил секторов и определенная политика планирующего и регулирующего центра обусловили уровень и соотношения цен—ценностную оболочку, в которой циркулировала продукция различных отраслей в виде товарной массы.

В тесной зависимости от недостаточной продукции хлеба — явление повышения цен на протяжении 1928/29 г. Наибольший рост дали базарные цены на рожь, пшеницу (+161,8 и +66,8%—1928/29 г. к 1927/28 г.). При повышении общеторгового индекса (9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г.) на 5,9%, сел.-хоз. субиндекс дал рост на 13,8%, промышленный на 1,6%.

Повышение цен на предметы широкого потребления и сел.-хоз. сырье сказалось, отчасти, на динамике себестоимости промышленной продукции. Повышение цен в порядке плановых наметок и сверх плана на хлеб, фураж и картофель увеличило рентабельность зернового хозяйства и картофелеводства.

Благодаря повышению сел.-хоз. цен значительно более интенсивному, чем повышение промышленных цен, произошло смещение соотношений в системе цен, „ножницы" значительно сомкнулись: 9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г. дали 122%, в то время, как соответственный период 1927/28 г. к предшествующему давал 131,5%. Большие смещения произошли в соотношении цен в сел.-хоз. группе товаров: эквивалентность технических культур снизилась по отношению к зерновым (свекла, пенька). В ряде районов понизилась рентабельность животноводства, в связи с повышением цен на корма.

Бюджетный индекс дал рост на 7,1% (9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г.).

Резко отличны темпы повышения цен по частному и обобществленному секторам; в последнем удалось не дать им сколько-нибудь значительно повыситься. Начавшееся было стихийное повышение цен кооперацией в середине года, было прекращено. Это значительно более сдержанное повышение цен обобществленного сектора смягчило то перераспределение национального дохода в пользу частного сектора, которое несомненно имело место благодаря росту цен.

VII

В отношении об'ема, структуры и циркуляции товарной массы 1928/29 г. характеризуется следующими чертами.

Вся товарная масса возросла за 9 мес. в неизменных ценах на 10—11%, при плановой наметке на год в 12,9%, при росте товарной массы промпродукции на 13—14% (продукция госпромышленности на 20%) и сел.-хоз. продукции (с учетом гарнцевого сбора) на 5—6%.

В структуре товарной массы мы имеем отклонения от плановых наметок по линии сел.-хоз. продукции, выразившиеся в более низком выходе хлеба и повышенном выходе продуктов животноводства. Из отраслей промышленности обращает на себя внимание кожевенно-обувная: продукция обуви возросла на 61,9%, а производство подошвы понизилось на 8,1%.

Общие размеры сети, по данным НКТорга СССР, за первое полугодие 1928/29 г. сократились, по сравнению с предшествующим годом, на 23,4%, в том числе госорганы возросли на 5,4%

кооперация на 23%, а частная дала снижение на 51,1%. Соответственно с этим, удельный вес частной торговли в оптовой сети упал до 12,6%, против 15,9% в прошлом году, а в розничной — до 39,2%, против 61,3% в прошлом году.

Общий рост оборота составляет около 21%, при росте грузооборота на 14,8% и росте цен по общеторговому розничному индексу на 6% и оптовому на 4,2%. При этом, оборот ВСНХ по отпускным ценам дал рост на 19%, оборот, синдикатов на 41% при плане—38%, оборот Центросоюза на 11,5%. Оборот серединного звена кооперации возрос на 30,2%, при плане в 22,7. Низовое звено обобществленной торговли дало рост на 20,4%, при плане—15,9, в том числе кооперативная на 27%, при плане—19,1%.

Оборот легальной частной торговли обнаружил большое снижение, при одновременном значительном росте нелегальной частной торговли. Указанные явления ставят вопрос о мерах регулирования частного рынка.

Охват синдикатами продукции сильно возрос, превысив план; ясна тенденция усиления связей промышленности непосредственно с областным и срединным звеном, усиление доли кооперации в срединном и низовом звене за счет торговли госрозницы и возрастание доли обобществленного сектора, при почти полном вытеснении частника из опта.

На протяжении 1928/29 г. значительно увеличился об'ем генеральных договоров кооперации с государственной промышленностью — по данным Центросоюза, он возрос на 44,2%, составив около 2,9 мрд. руб. В то же время резко усилилась практика генеральных договоров между отдельными кооперативными системами. Гендоговоры в этом году стали основным методом регулирования рынка.

VIII

Достижение высоких темпов развертывания отдельных элементом потребовало большого напряжения; недостижение плановых заданий по ряду других элементов усилило это напряжение. Напряженность движения всей народнохозяйственной системы нашла свое выражение в тех пропорциях между отдельными элементами, которые сложились на протяжении года и об'ективируются в частных балансах.

Топливный баланс. По расчетам ВСНХ, добыча топлива ожидается в размере 99,3% от плана — с превышением по нефтетопливу +5,4%, с соответствием плану по донтопливу и недовыработкой, по сравнению с заданиями плана, по торфу (88,6%) и дровам (85,8%). Расход топлива — в размере 101,7% от плана. В связи с этим накопление за год и абсолютное увеличение запасов не достигают намеченных планом заданий, что создает напряженное положение, которое должно быть учтено при верстке контрольных цифр на 1929/30 г.

Стройматериалы. На протяжении года, особенно в начале строительного сезона, ощущалось напряжение по ряду строительных материалов. Напряженным оно остается и к концу рассматриваемого периода, особенно по швеллерам, лесным материалам, алебастру. Значительно лучше положение — по сравнению с прошлым годом — по кирпичу, предложение которого местами превышает спрос.

Продовольственный баланс. У нас в настоящее время нет материалов, которые бы в цифровом выражении — характеризовали потребление населения по группам на протяжении истекших 9 мес. Характеристика может быть дана лишь на основании суммарных материалов о ходе снабжения.

Предварительный ориентировочный подсчет итогов продовольственного снабжения за год в целом, — с учетом перспектив IV квартала, — свидетельствует о небольшом абсолютном приросте городского потребления с тенденцией к снижению душевого потребления (за счет хлеба, овощей, коровьего масла); при этом во второй половине года в III квартале — некоторое ухудшение, при улучшении в IV квартале. Снабжение мясом в первой половине года — в связи с усиленным убоем скота — происходило в чрезмерном темпе, несогласованном с перспективами весенних заготовок; во второй половине года оно дало снижение. Снабжение мясом — в связи с итогами животноводства в текущем году — остается центральной проблемой продовольственного снабжения и на будущий год. Во второй половине года несколько улучшилось снабжение коровьим маслом, на неудовлетворительном уровне остались заготовки яиц; в связи с хорошим урожаем положение с овощами улучшится.

Для выравнивания соотношения между продовольственными ресурсами и потребностью в них приняты были меры по нормированию отпуска продуктов, давшие положительный результат; эти меры должны быть сохранены в системе мероприятий по регулированию продовольственного положения и в будущем году. При этом решение продовольственной проблемы лежит по линии реконструкции производственной базы, в первую очередь, как зерновой, так и в области животноводства и огородничества.

Баланс спроса и предложения промтоваров. По предварительным расчетам, общее предложение промышленных товаров на внутренний рынок возрастает на протяжении года на 15%. Приобретение организованного рынка дает +25%; розничная накидка +1,5%. В итоге, вся текущая продукция на широкий рынок возрастает, примерно, на 11%. Прирост потенциального спроса населения (с учетом накопления) может быть определен, примерно, в 12—13%. Эти коэфициенты свидетельствуют о сохранении напряжения в соотношении спроса и предложения, с которым пришлось считаться в прошлом году.

Баланс денежных доходов и расходов населения. По ориентировочным расчетам, на основании предварительных данных, соотношение денежных доходов и расходов населения на протяжении 1928/29 г. сложилось следующим образом. Если все население разбить на две группы — земледельческое и неземледельческое население, — то рост денежных доходов первой группы выражается, примерно, в 12%; по сравнению с прошлым годом, при росте доходов наемного персонала на 14—15% и доходов прочего неземледельческого населения на 4—5%. Доходы земледельческого населения дают рост, примерно, на 17—18%. Накопление и обязательные платежи возрастают по линии неземледельческого населения на 52%, по линии земледельческого населения — на 9%. Прирост расходов на сел.-хоз. товары неземледельческого населения выражается в 13%, на промтовары — около 7%, неземледельческого — на промтовары около 14 — 15%. По этим расчетам особенно значителен прирост денежных остатков у земледельческого населения — они увеличиваются больше, чем в три раза. В эти расчеты могут быть внесены уточнения, но основные моменты их вряд ли могут быть существенно изменены: они находятся в соответствии с логикой экономического развития на протяжении года.

Социальное содержание этих соотношений обнаруживается, если вскрыть натуральную подоснову и ценностные смещения по отдельным статьям. В натуральном выражении прирост приобретения неземледельческим населением промышленных товаров выражается в 3,5%, сел.-хоз. товаров — около 1%, а всего, — тех и других +2,2%, при росте неземледельческого населения, превышающем 2%. Рост приобретения промышленных товаров в натуральном выражении земледельческим населением равен, примерно, 12,4%.

Повышение цен на протяжении года дало прирост стоимости циркулировавшей на рынке продукции, примерно, на 700 с лишним млн. руб., из них около 400 млн. руб. досталось земледельческому населению. Если учесть сокращение верхушечными слоями живого инвентаря и довольно интенсивную спекуляцию хлебом в условиях, когда бедняцкая часть деревни должна была прикупать хлеб, то нужно считать, что значительная часть из аккумулированных денежных ресурсов сосредоточилась у кулацкой верхушки.

Сопоставление процессов, которые происходили по линии основных фондов и денежных ресурсов, говорит о том, что на протяжении года происходило перемещение фондов от кулацких верхушечных групп к группам бедняцким и середняцким, при одновременной концентрации денежных ресурсов в зажиточно-кулацкой части.

Баланс внешней торговли. По внешней торговле общий оборот за 9 мес. по европейской границе и 8 мес. по восточной границе, по сравнению с тем же периодом прошлого года, почти стабилен — (0,6%); при росте экспорта на 12,1% и снижении импорта на 10,9% активное сальдо равно 24,7 млн. руб. Замещение промышленностью выпавшего экспорта хлеба, несмотря на неблагоприятную для нас конъюнктуру цен, сказавшуюся на повышенных

требованиях к финансовой системе, — все же интенсивно осуществлялось и в текущем году, что отразилось на структуре экспорта, в котором удельный вес промэкспорта возрос до 49,5% с 42,4% в 1926/27 г.

Снижение импорта, по данным — по европейской границе, произошло, отчасти, за счет уменьшения импорта предметов производственного назначения, для промышленности и транспорта, росте для сельского хозяйства (— 14,4%), но еще в большей степени за счет снижения потребительских товаров (— 17,9%). Сокращение ввоза оборудования не сказалось на промышленности, в связи с большим ввозом его в предшествующий период. Гораздо более существенное значение имеет сокращение ввоза сырья — хлопка, кожсырья и цветных металлов — всего — 10,5%, в ценностном выражении, и в еще более значительной степени — благодаря росту цен на эти товары — в натуре.

Экспортно-импортный план, с внесенными в него на протяжении года коррективами, в своих основных установках будет выполнен.

IX

Одна из основных директив, принятых в установках пятилетнего плана — директива относительно создания резервов. Хозяйственная обстановка 1928/29 г. не благоприятствовала выполнению этой директивы в сколько-нибудь существенных размерах.

В области хлебных запасов — при всей напряженности положения — удалось на 1/VII — 29 г. накопить на 32% больше, чем на тот же срок в прошлом году.

Выполнение задания в области увеличения запасов топлива, как мы уже отмечали, отстает от плановой наметки.

Движение запасов в товаропроводящей сети представляется в следующем виде:

	I/X — 1928 г.		I/VII — 1929 г.	
	(в млн. руб.)			
1. Верхнее звено (синдикаты)	около	320	около	290
2. Райсоюзы	„	210	„	250
3. Горпо	„	415	„	531
4. Сельпо	„	238	„	282
		1.183		1.353

Общий рост на 170 млн. руб. или на 13—14%, т.-е. в рамках близких к плану. Но если учесть, что оборот превысил плановые предположения, то запасы в процентах к обороту снизились; по сельпо, в частности, на 1/VII в процентах к июню они составили 98%, в текущем году, 102% — в прошлом году и 97,8% — в 1926/27 г., по горпо они выше за счет продовольственных товаров.

Обеспеченность запасами (по данным ЦСУ) в днях:

	1927/28 г.	1928/29 г.	в %%
Оптовая торговля .	31,5	23,6	—25,7
Розничная „ . .	35,4	33,6	— 5,8

В пределах имеющихся ресурсов было произведено перераспределение во времени таким образом, чтобы к моменту развертывания хлебозаготовительной и сырьевой кампании можно было перебросить достаточные массы товаров в соответствующие районы: по расчетам НКТорга СССР, предложение предметов широкого потребления и производственного назначения превысит прошлогоднюю массу, примерно, на 38%.

Интенсивный рост народного хозяйства по всем направлениям, рост благосостояния населения — при отмеченном выше перераспределении народного дохода — не позволили на протяжении текущего года заметно увеличить иммобильные запасы. Инерция и логика быстрого продвижения вперед таковы, что в это движение вовлекаются массы и той продукции, которая должна была бы отпочковаться от общей массы и застыть в виде запасов.

X

Охарактеризованное развертывание народного хозяйства нашло свое финансовое выражение в следующем виде.

Ряд отраслей пред'явил к финансовой системе дополнительные требования по сравнению с намеченными планами. Ассигнования на сельское хозяйство по бюджету за 9 мес. превысили прошлогодние ассигнования за тот же срок на 170 млн. руб., общая задолженность банкам за год (с 1/VII—28 г. по 1/VII—29 г.) возросла на 64%; сальдо расчетов с госбанком превышает прошлогоднее сальдо вдвое; сверхсметные расходы требуют дополнительных ассигнований в 20 млн. руб. Рост хлебных кредитов на 1/X—29 г. по кредитному плану значительно больше, чем намеченный по плану в связи с запроектированным в последнее время созданием значительного хлебного резерва и увеличением заготовок в IV квартале. Госторговля пред'явила дополнительные требования к бюджету, в связи с экспортом. Кооперация пред'явила дополнительные требования, в связи с новыми задачами, возложенными на нее в деле замещения частника в торговле мясом и овощами. Этому противостоит, как отмечалось выше, перевыручка транспорта в сумме около 200 млн. руб., часть которых может быть привлечена к пополнению доходов бюджета.

Дополнительные требования к бюджету, при недоборе по некоторым статьям дохода — по займам более усиленная сброска, чем предполагалось, недобор по промысловому и подоходному налогам с частного капитала и по некоторым акцизам — оказывается возможным удовлетворить благодаря повышенным доходам транспорта и увеличению акцизных по другим об'ектам поступлений.

Исполнение сметы по доходам за 9 мес. составляет 73,6% годового назначения — 5.614,3 млн. руб., по расходам — 5.725 млн. руб., или 73,9%. Рост доходов за 9 мес., по сравнению с прошлым годом, составляет 22,7%. Исполнение местных бюджетов за полугодие выразилось по доходам в размере 50,5% и по расходам — в 47,0%.

В области денежного обращения мы имеем рост денежной массы, выразившейся за год — с 1/VII — 28 г. по 1/VII — 29 г. — в + + 30,1%. Прирост за 9 мес. текущего года, по сравнению с прошлым годом, составил 12,3%. Увеличенная, по сравнению с планом, эмиссия обусловлена: 1) неувязкой между бюджетом и кредитом при составлении контрольных цифр, что должно быть отнесено к дефектам плана; 2) недополучением — против плана — страховых платежей; 3) новыми, непредусмотренными планом заданиями — организация и расширение торговли обобществленного сектора мясом и овощами, а также наметившейся, в связи с кон'юнктурой текущего года, необходимостью увеличения средств, по сравнению с планом, — в хлебных операциях в IV квартале.

Таким образом, выполнение финансового плана текущего года столкнулось с рядом затруднений и дополнительных требований: а) недостаточное снижение себестоимости промышленностью; б) изменение методов работы и сферы деятельности частника и неспособность уловить ни его старых, ни новых кон'юнктурных прибылей со стороны бюджета; в) необходимость расширения убыточного экспорта, г) расширение обобществленной торговли и замещение уходящего частника на новых важных рынках предметов широкого потребления, д) повышение программы вложений в промышленность и сельское хозяйство.

Способом преодоления затруднений были: а) дальнейшая рационализация промышленности — мобилизация внутренних ресурсов, б) усиленная мобилизация средств населения через паенакопление, при некотором недовыполнении плана; в) ухудшение качества промтоваров и повышение цен кооперацией; г) эмиссия, превысившая план, д) мобилизация средств через транспорт.

Финансовый план был сбалансирован (за счет паев, ухудшения качества, повышения цен, частично, за счет транспорта), однако, по отношению к деревне все эти пути оказались недостаточно действенными для из'ятия денежных излишков, что форсировало явления товарного голода.

XI

В основных разрезах просмотрели мы элементы, в совокупности своей составляющие систему народного хозяйства СССР в ее развитии на протяжении 1928/29 г. Можно подвести некоторые итоги.

1. Если, при построении плана на 1927/28 г., пришлось выдержать атаку „слева", то план на 1928/29 г. строился в обстановке борьбы против генеральной линии партии справа. Оспаривалась

правильность проектировавшегося темпа индустриализации — его считали преувеличенным; преувеличенным считали размер капитальных вложений. Обстрелу справа подверглась намеченная в контрольных цифрах, политика в отношении крестьянства; особенно громко вопили по поводу практики проведения хлебозаготовок на протяжении года. Правые и меньшевистско-буржуазные элементы сомкнулись в критике проектировавшихся заданий и принятого плана на 1928/29 г. Аргументы от баланса строительных материалов, аргументы от прочих „узких мест", которые фигурировали на протяжении предыдущих лет в выступлениях чуждых нам по своей идеологии участников плановой работы, запестрели в качестве ultima ratio у правых.[1] Сдержать интенсивное продвижение вперед, сдержать размах строительства вот — „почтенная" задача, которую они себе поставили. В свете фактического положения вещей на исходе хозяйственного года блестящее банкротство предсказаний и реакционная сущность предложений справа выявляются с абсолютной ясностью.

План на 1928/29 г. был принят как план напряженный. Выполнение его, действительно, потребовало большого напряжения сил. На путях преодоления „узких мест" — отнюдь не на путях равнения по ним — искала партия и рабочий класс решения проблемы социалистического строительства в условиях капиталистического окружения и угрозы военной опасности.

2. Основные установки пятилетки на протяжении 1928/29 г. как первого годового отрезка перспективного плана выполняются в области: технической реконструкции, индустриализации, обобществления. Некоторое расхождение имеется по линии перераспределения народного дохода.

Значительный рост основных фондов обобществленного сектора на протяжении года, систематическое перевооружение рабочего класса, более рациональное и интенсивное использование оборудования, существенный сдвиг в технической перестройке сельского хозяйства — все это создает предпосылки для более быстрого продвижения вперед в процессе выполнения огромных и трудных задач, сформулированных в перспективном плане.

Намеченный в плане на 1928/29 г. темп индустриализации выдержан и даже несколько превзойден благодаря превышению промышленностью первоначального задания. Фронт индустриализации расширился вследствие того, что ею захвачен значительный участок обобществленного сектора — совхозы — с его промышленным методом сел.-хоз. производства. Полеводственная промышленность смыкается с промышленностью в обычном понимании этого слова. Измеряемое в натуральных показателях грузооборота изменение товарного облика СССР, по сравнению с дореволюционной Россией, сказывается в том, что перевозка продуктов сельского хозяйства

[1] Н. И. Бухарин. „Заметки экономиста".

в 1928/29 г., по отношению к 1913 г., составила 94,3%, а перевозка продуктов добывающей и обрабатывающей промышленностей—соответственно,—122,5%. Мы не приводим других показателей, из которых явствует, что выдерживается не только темп, но и характер индустриализации, предполагающей более быстрый рост отраслей, вырабатывающих орудия и средства производства.

Процесс обобществления продолжался в различных направлениях с усилением по линии товаропроводящего аппарата. Исключительный размах получил процесс коллективизации в сельском хозяйстве: по темпу он значительно превзошел плановые наметки не только контрольных цифр, но и увеличенные проектировки пятилетнего плана. По масштабу и характеру своему процесс коллективизации сельского хозяйства, в сочетании с технической реконструкцией является началом настоящей революции, которая должна преобразовать этот наиболее отстающий сектор народного хозяйства.

Отрицательно должны быть расценены результаты в области перераспределения народного дохода. Не был достигнут намеченный темп роста реальной заработной платы, сумели уклониться от взноса в бюджет причитавшейся с них суммы частники в городе—по соответствующей статье недоимка частного капитала возросла до почтенной суммы в 80 млн. руб., по данным за 9 мес. текущего хозяйственного года; производительный капитал верхушечной кулацкой части деревни трансформировался в денежный благодаря определенной тактике — скрещенных рук — этой части крестьянства и включился в оживленную спекуляцию хлебом и другими товарами, аккумулируя значительную часть денежных ресурсов, попавших в руки земледельческого населения благодаря росту цен.

3. При выполнении основных установок плана на 1928/29 г. имеются расхождения по конкретным заданиям по линии отдельных элементов. Расхождения между планом и выполнением могут быть отмечены в области продукции зерновых, животноводства, цен, эмиссии, качественных показателей работы промышленности, в частности, себестоимости. В области зерновых мы имеем некоторое отставание по линии задания относительно расширения посевных площадей, но расширение в 5 с лишним процентов (против плана 7%), мы все же имеем, и тем самым не оправдались предсказания насчет сокращения площадей в связи с мерами общественного воздействия, применявшимися при хлебозаготовках. Если сбор зерновых, по предварительным данным, несколько отстает от намеченного по плану, то это связано, с одной стороны, с отмеченным расширением посевных площадей, с другой — с метеорологическими условиями, которые в этом году так же, как и в прошлом, были неблагоприятны. Явления в области животноводства — в лучшем случае стабильность, вероятнее, некоторое сокращение продуктивного скота, при незначительном росте лошадей, — связаны главным образом, с недостатком кормов в ряде районов, отчасти — с тактикой кулацкой верхушки деревни, не только сокращавшей посевы, но и освобождавшейся от скота. Толчок к повышению цен исходил также из сельского хозяйства: на почве недостаточной продукции предыдущего года произошло плановое повышение заготовительных цен на 1928/29 г.; вольный рынок — базарные цены — дал повышение, значительно превзошедшее наметки контрольных цифр. Увеличение эмиссии, по сравнению с планом, в значительной своей части связано с новым планом хлебозаготовок; явления в области качественных показателей промышленности также, отчасти, связаны с результатами производства в сельском хозяйстве: повышение цен на сел.-хоз. сырье не могло не отразиться в какой-то степени на издержках производства, равно как на уровне реальной заработной платы не могло не сказаться повышение цен на предметы продовольствия. Если изобразить на диаграмме задания плана и фактическое выполнение, то по некоторым элементам получатся ножницы, об'яснения появления которых нужно искать, в большинстве случаев, в необобществленном секторе, главным образом, сельского хозяйства.

4. Проверка плана на 1928/29 г., в процессе его выполнения, вскрывает дефекты в проектировках-заданиях: при проектировке была допущена невязка между бюджетом и кредитом, не предусмотрено было в достаточной мере напряжение с продовольствием и вытекающие отсюда последствия для других областей хозяйства (цены). Эти дефекты плана пришлось исправлять в порядке маневрирования путем применения специальных мероприятий. К дефектам выполнения плана должны быть отнесены те явления в области распределения в текущем году, о которых мы говорили выше.

Опыт 1928/29 г. говорит о том, что нащупаны прочно правильные пути хозяйственного строительства в области производственной — и в области промышленной и в сельском хозяйстве. В практику распределения должны быть внесены коррективы.

5. Новыми специфическими моментами, выделяющими 1928/29 г. из ряда предшествующих лет, являются: а) начавшееся в середине года и широко развернувшееся социалистическое соревнование, захватывающее самые разнообразные сферы и вовлекающее все большие массы трудящихся; б) начало перехода на непрерывную рабочую неделю, значительно увеличивающее наши производственные возможности; в) общественные методы воздействия, впервые начавшие применяться при хлебозаготовках, прививщиеся и получившие широкое распространение как форма единого фронта рабочего класса с бедняцкими и середняцкими слоями деревни против ведущей атаку на обобществленный сектор кулацкой верхушки; г) в этом году, наконец, поставлен на практическую почву вопрос о планировании хозяйственной деятельности огромного массива индивидуальных крестьянских хозяйств, в виде доведения плана до села и в форме производственных заданий, в связи с получившей исклю-

чительное распространение контрактацией; д) широко развернувшийся процесс коллективизации сельского хозяйства, далеко перешагнувший намеченные в плане рамки.

6. Ход развертывания хозяйственного процесса, особенно во второй половине года, ряд новых отмеченных нами моментов, тщательное изучение возможностей развития народного хозяйства на основе конкретной модели — сконструированного пятилетнего плана — вскрывают, на опыте 1928/29 г., возможность внесения коррективов в проектировки пятилетки в сторону повышения намеченных темпов. И ускорение темпа строительства, и более интенсивное использование оборудования, и повышение темпов развертывания отдельных отраслей промышленности — вывод из обстановки конца текущего года. Но именно эта возможность повышения заданий, намечавшихся в перспективном плане, диктует необходимость особенного внимания, при составлении контрольных цифр на 1929/30 г., к следующим моментам: дальнейшее подтягивание зернового хозяйства, изменение тенденции, наметившейся в области животноводства, сел.-хоз. сырье, себестоимость промышленной продукции и качество ее, денежное обращение и вопросы распределения народного дохода.

7. 1928/29 г. с его специфическими особенностями выдвигает — практически весьма важную, теоретически сугубо интересную — проблему фазы переходного периода, которую проходит в настоящее время СССР. В системе связей между отдельными элементами целого, в методах и степени воздействия обобществленного сектора на необобществленный явно обозначился значительный сдвиг. Маневр 1928/29 г. не удался бы, если бы не была достигнута какая-то новая высшая ступень, по сравнению с той, на которой мы находились пару лет тому назад. Не намечая в данной связи какой-либо схемы этапов переходного периода, мы считаем, что для разграничения отдельных фаз критерием могла бы быть степень внедрения планового начала в систему СССР. По силе сопротивления капиталистических элементов и заострению классовой борьбы внутри страны, по настороженности и подготовке к интервенции со стороны капиталистического окружения, по степени вовлечения широких масс бедняцкого и середняцкого крестьянства в строительство обобществленного сектора можно считать, что мы значительно приблизились к конечной цели. Оценить это и взвесить необходимо, поскольку с этой оценкой связана система экономических и социальных мероприятий.

Л. М. Гатовский

К проблеме распределения в СССР

Анализ итогов 1928/29 г. в области цен

В задачу данной статьи, не входит исчерпывающее освещение основных моментов распределения в СССР. В ней сделана лишь попытка выявить соответствующую роль ценовых сдвигов на основе итогов 1928/29 г., дающих богатый материал для некоторых обобщений в частности и в отношении проверки утверждений правых о распределении дохода между городом и деревней. Естественно, что явления в области цен не могут быть рассматриваемы изолированно от всей системы распределения.

Политика цен, сложившаяся система цен, ее место в процессе воспроизводства упирается прежде всего в проблему распределения живого и мертвого труда в обществе.

Если в товарно-капиталистическом обществе труд распределяется в соответствии со стихийно складывающимися потребностями, возникающими в результате столкновения разрозненных товаропроизводителей, то в социалистическом обществе он распределяется в соответствии с социалистическим планом, на который элементы социальной стихии вовсе не оказывают никакого влияния, а в переходном обществе он распределяется в основном в соответствии с народнохозяйственным планом, учитывающим и стихийные тенденции.

Из этого основного различия в направлении, результате и способе распределения труда вытекают и остальные различия. Укажем здесь лишь некоторые отличительные моменты, имеющие непосредственное отношение к трактуемой нами проблеме.

Поскольку потребности общества выявляются и удовлетворяются через стихийный механизм спроса-предложения, естественно, что универсальной формой „обмена веществ“ в товарно-капиталистическом обществе является цена. Отражая степень удовлетворения стихийно возникающих потребностей, она в тенденции должна, в целях достижения относительного равновесия, соответствовать в среднем трудовым затратам на единицу произведенной продукции. Отклонения цен от этого среднего уровня (модифицирующегося на различных стадиях товарного хозяйства), влияя на рентабельность частного производства и являются непосредственной причиной дополнительного передвижения живого и мертвого труда, в соответ-

ствии с соотношением спроса предложения. Эта рентабельность воздействует и на средний технический уровень производства данной отрасли (условия для функционирования худших предприятий).

В социалистическом обществе цена, как способ распределения ресурсов, заменяется планом. Распределение ресурсов осуществляется в соответствии плановым задачам предстоящего развертывания той или иной отрасли. Технический уровень предприятий данной отрасли определяется, исходя из интересов производительности народнохозяйственного целого.

В условиях советской экономики имеет место процесс трансформации механизма распределения труда в обществе. Поскольку народнохозяйственный план является основным регулирующим началом, постольку:

1) цена перестает быть универсальным способом распределения ресурсов;

2) распределение ресурсов через посредство цены проходит в основном в соответствии с народнохозяйственным планом (что должно резко влиять в сторону изменения пропорций распределения труда, распределения дохода, по сравнению с условиями товарно-капиталистического общества);

3) ценовые пропорции уже не обязательно должны даже и в тенденции совпадать с пропорциями трудовых затрат, особенно в социалистическом секторе, что не устраняет необходимости пропорционального распределения труда в соответствии с народнохозяйственным планом;

4) отклонения ценовых пропорций от среднего уровня трудовых затрат в значительно меньшей степени являются движущим мотивом к дополнительной передвижке труда;

5) на технический уровень производства в отдельных отраслях значительно меньшее влияние оказывает кон'юнктура.

Критерием „оптимальности" обмена для переходной экомомики является соответствие распределения труда задачам народнохозяйственного плана построения социализма, т.-е. быстрому темпу индустриализации (требующему и соответственной системы равновесия), обобществления и под'ема материального уровня основных масс производителей.

Следовательно, народнохозяйственный план требует своего специфического обмена веществ между отраслями.

Таким образом абсолютно неверно — рассматривать отклонение от довоенного соотношения цен на пром. и сел.-хоз. товары, как сколько-нибудь исчерпывающий показатель пропорций распределения ресурсов между отраслями. Осуществление же требования, под видом „восстановления эквивалентного обмена", немедленного восстановления этого соотношения привело бы к крайне отрицательным социально-экономическим последствиям, резко обострив наличные диспропорции.

Следует помнить, что несоответствие меновых пропорций интересам капиталистических производителей (прибыль, кон'юнктурная сверхприбыль), наиболее чутко и быстро реагирующих на цены, в значительной степени уже потеряло свое значение (ограниченность их оборотов, затрудненность перехода в другие производственные отрасли, социально-политическая обстановка).

В основном мы имеем отношения мелких товаропроизводителей и пролетарского государства, с его социалистической промышленностью, при наличии и капиталистических элементов в стране. Это предопределяет и условия меновых пропорций. Получение бедняцко-середняцкими слоями значительного количества земли, резкое изменение в платежных обязательствах городу, новый, в корне измененный, сел.-хоз. кредит, снабжение средствами производства, агропомощь, коллективизация и вся совокупность мероприятий по снижению себестоимости в их хозяйствах, организующая роль контрактаций, отсутствие устремления к „прибыли на капитал", как стимулу хозяйственной деятельности, или этих масс деревни при наличии этого стимула в частно-капиталистическом хозяйстве и т. д.,—все это в корне меняет и условия для ценообразования. Если рост производительности будет приводить к тому, что основные массы деревни за единицу своего труда будут получать все большее количество благ, значительно повышающих их материально-культурный уровень, увеличивающих их энерговооруженность,—мы неизбежно будем иметь процесс интенсивного роста сельского хозяйства, денатурализации деревни.

Следует подчеркнуть, что установка пятилетнего плана заключается в постепенном улучшении ценовых пропорций для сел.-хоз. продукции, не путем повышения цен на сел.-хоз. товары, а путем значительного снижения цен на промтовары при одновременном несколько меньшем снижении цен на сел.-хоз. товары. Стимулирование сельского хозяйства не исчерпывается ценой, цена не единственный распределитель ресурсов, на ряду с ней действуют бюджет, кредит, плановое снабжение, роль которых должна все возрастать.

Цена имеет, по сравнению с другими распределителями ресурсов, свои специфические особенности, требующие снижения общего уровня цен. Это снижение, начинающееся с отраслей, производящих средства производства, является фактором под'ема производительности труда, оно влияет на снижение себестоимости, далее, оно является, наиболее благоприятным для народного хозяйства и условий его равновесия, способом повышения материального благосостояния трудящихся, оно благоприятно отражается на развитии необходимых денежных функций, оно улучшает баланс взаимоотношений с мировым капитализмом. Естественно, что повышение цен на сел.-хоз. товары сказывается неблагоприятно на материальном положении огромных масс трудящихся и используется верхушкой

деревни. Принцип диференциальных цен не может быть достаточно широко распространен, между тем как налог, кредит, снабжение позволяют проводить строго-классовый принцип. Поэтому, при невозможности заметно снизить цены на промтовары, улучшение материального положения основных масс деревни может и должно в основном проходить по линии неценовых факторов (бюджет, кредит, снабжение). В этом случае изменение в распределении ресурсов между отраслями пройдет мимо системы цен, как например, увеличение завоза промтоваров в деревню, имевшее место в текущем году, или снижение сел.-хоз. налога.

Итак в цене отражаются условия воспроизводства — производительность труда, себестоимость, рыночные условия, классовые взаимоотношения, условия денежного обращения, взаимоотношения с мировым хозяйством.

Это отражение в цене условий воспроизводства означает тем самым и обратное воздействие цены на процесс воспроизводства: на распределение живого и мертвого труда, себестоимость, степень устойчивости денежного обращения, рыночное равновесие, распределение дохода и на развитие операций с внешним миром. Таким путем, цена и осуществляет обслуживание „обмена веществ" в обществе.

Из вышесказанного следует, что эта роль цены в советских условиях радикально меняется. по сравнению с товарно-капиталистическими условиями: так, производственные условия отдельных отраслей уже не находят непосредственного точного отражения в цене, особенно, в обобществленном секторе — достаточно привести в виде примера разрыв динамики отпускных цен и динамики себестоимости по отраслям. Динамика цен отнюдь не определяет развертывание той или иной отрасли в пределах государственного сектора, ее роль в этом отношении ослаблена и для необобществленного производства; поскольку же эта роль цены сохранена, последняя выступает, в основном, как орудие планового воздействия на индивидуальные хозяйства. Возникающие здесь отклонения от плана не могут привести к изменению общего направления развития необобществленного хозяйства при условии правильности плановых установок. Рыночная кон'юнктура влияет на цену значительно слабее, чем в условиях капитализма, отсюда и значительное ослабление роли цены, как стихийного регулятора рыночного баланса, хотя плановое воздействие на спрос и предложение через цену, естественно, в известной мере сохраняется.

Социальная структура СССР приводит к исчезновению таких категорий, как цена земли, а в пределах обобществленного сектора „цена производства" земельная рента, различные формы прибыли; цена рабочей силы отрывается почти совершенно от спроса-предложения рабочей силы (хотя абсолютно это влияние еще не устранено например в строительстве). Капиталистические категории составляющие наиболее усовершенствованные части стихийного механизма

цен локализуется в ограниченных пределах капиталистического сектора, где за ценой еще скрываются категории прибыли (правда, эта прибыль подвергается огромному воздействию государства), диференциальной ренты (например, дальние заезды мешочников за хлебом вызывали резкий рост диференциальной земельной ренты от расстояния в кулацких хозяйствах).

В основном, цена уже становится орудием планового распределения доходов, в соответствии с классовыми задачами советского государства, хотя, вместе с тем, враждебные плану тенденции направлены к превращению ее во внеплановый перераспределитель дохода в противоположном направлении. Таким образом, в динамике цен отражается классовая борьба.

Условия денежного обращения, в частности эмиссия, также оказывают значительно более слабое воздействие на динамику цен. Курс нашего рубля в условиях нашей системы монополии внешней торговли как правило не оказывает влияния на динамику цен в СССР. Обратно, наличие плановых рычагов значительно ослабляет влияние динамики цен на устойчивость денежной системы. Огромную преобразующую роль в отношении денежной системы играет система нормированного снабжения. Наконец, цены мирового рынка на цены СССР влияют в ослабленной степени. Соотношение цен СССР и цен мировых оказывает ограниченное воздействие на развитие экспорта и импорта, поскольку экспорт и импорт сконцентрированы в одних руках и нерентабельность операций может быть компенсирована; однако, даже отсутствие компенсации не всегда служит препятствием к экспорту или импорту.

Все эти особенности, естественно, требуют соответствующего подхода к оценке системы цен в СССР в частности, соотношения цен пром. и сел.-хоз. товаров.

Эти изменения в природе цены в СССР должны быть поставлены в связь и с планированием процесса распределения материальных ресурсов.

Проблема распределения материальных и денежных ресурсов между отраслями хозяйства, между классами и социальными группами в СССР, естественно, является центральной, представляя огромный теоретический и непосредственно практический интерес. Анализ этого процесса распределения представляет собой оценку нашего народнохозяйственного плана и степени его осуществления. Процесс распределения ресурсов в условиях советской экономики, естественно, имеет (выражаясь сугубо условно) два русла денежный и натуральный, хотя и знаменующих две фазы процесса воспроизводства, но порой находящихся в наших условиях в известном противоречии. Это противоречие об'ясняется, между прочим, тем, что степень планового воздействия на процесс распределения в той и в иной форме и на тех или иных участках неодинакова. Так, например, очень высокому уровню планирования распределения новых средств производства,

где элементы планового снабжения, в основном, преобладают может противостоять, с другой стороны, накопление добавочных, сверх плана, денежных ресурсов от реализации средств потребления, благодаря сдвигам стихийного порядка в области цен, где роль планирования ниже. В капиталистических условиях денежный поток гораздо больше корреспондирует потоку материальных ресурсов, в социалистических — мы имеем единый материальный поток; в наших условиях экономическая политика государства, концентрирующего в своих руках подавляющую массу продуктов промышленности и огромную массу продуктов сельского хозяйства, может распределять их отнюдь не пропорционально распределению денежных средств (пример: классовый принцип снабжения сел.-хоз. машинами или нормированное снабжение продовольствием). Однако, такой разрыв натурального и денежного потоков и в наших условиях (поскольку деньги у нас еще не превратились в чеки) имеет свои границы. Задачей единого финансового плана, ведающего распределением денежных ресурсов страны, является приведение денежного потока в большее соответствие с материальным, направление которого определяется политикой быстрого темпа индустриализации и обобществления. Если цена, ценовые пропорции, имеющие огромное значение в распределении денежного потока, отражают уже, в основном, народнохозяйственный план, то они все же являются формой проявления и стихийных тенденций, вносящих существенные изменения в распределение денежных ресурсов и осуществляющих сильнейший нажим на систему распределения материальных ресурсов (например, воздействуя на пропорции натурального обмена во внутридеревенском обороте, приобретение добавочного количества промтоваров и т. д.). Задачей бюджета и кредита, являющихся в большей степени, чем цена, формой проявления народнохозяйственного плана, является исправление тех результатов ценовых сдвигов, которые отклоняются от основного классового направления экономической политики. Бюджет, кредит, политика цен, заработная плата, финансы обобществленного сектора в целом должны все больше и больше синтезироваться в едином финансовом плане. Этот единый финансовый план должен, в свою очередь, все больше сливаться с планом распределения материальных ресурсов (плановое распределение в пределах обобществленного сектора, планы территориального размещения товаров, планы снабжения), а также со всей системой мер социально-политического воздействия на те или иные группы населения. Таким путем и может осуществляться у нас постепенная натурализация хозяйственных отношений.

Сделанные замечания, касающиеся некоторых особенностей процесса распределения в условиях СССР, позволяют перейти к анализу системы цен истекающего года.

Анализ системы цен, сложившийся в 1928/29 г., ее оценка, требует ее сопоставления с плановыми предположениями в области

цен. По контрольным цифрам в 1928/29 г. повышение цен предполагалось лишь по сел.-хоз. товарам и притом не во всех торговых звеньях. Оно должно было произойти на заготовительном рынке в общем, примерно, на 6% и на оптовом сел.-хоз.—также, примерно, на 6%. Кроме того, удорожание коммунальных услуг и расходов на культурные нужды должно было повысить бюджетный индекс на 2,8%. По линии промтоваров оптовый индекс должен был дать даже снижение на 1%.

В итоге, при повышении общего оптового и бюджетного индексов на 2,5—3%, должна была быть сохранена стабильность общего уровня розничных цен.

Такой системе цен корреспондировала проектировка прироста дохода, его распределения между городом и деревней, между различными слоями населения, проектировка роста номинальной и реальной заработной платы, темпа снижения себестоимости, проектировка баланса спроса и предложения (платежеспособный спрос деревни и т. д.).

Обратимся к итогам динамики цен за 9—10 месяцев текущего года и попытаемся увязать их с ходом процесса воспроизводства, процесса распределения народного дохода.

Намечавшееся по плану на 1928/29 г.—первый год пятилетки—повышение некоторых категорий цен и стабильность цен на промтовары широкого потребления означали временное отклонение от общей тенденции пятилетки в области цен — их общего снижения. Это отклонение, вызванное специфическими условиями 1928/29 г. (в частности, необходимостью повышения хлебных цен) фактически оказалось, однако, еще большим.

Истекшие 10 месяцев дали даже более значительный рост общего уровня розничных цен, чем 1927/28 г., в результате чего плановые предположения о стабильности общего уровня розничных цен не были осуществлены.

Общеторговый розничный индекс Кон'юнктурного института (новый исправленный, с переменными весами) оказался выше, в среднем за 10 месяцев текущего года, на 6,1% среднего уровня соответствующего периода прошлого года; бюджетный индекс — на 7,9%. Каковы причины этого 6% повышения уровня розничных цен? Факт резкой неравномерности повышения уровня цен по различным группам товаров наталкивает на об'яснение этого повышения цен производственно-рыночными условиями этого года.

Наиболее резкое повышение цен произошло по группе продовольственных товаров (хлеб, овощи, молочные, мясные, растительное масло, сахар); из непродовольственных товаров соответствующее значительное повышение произошло лишь по бумаге (резкий дефицит и отсюда рост вольных цен).

Чрезмерное отставание сельского хозяйства от спроса, особенно по линии продовольствия, сказавшееся и по линии недостатка сырья для

пищевой промышленности и недовыработки ее продукции против плана и было причиной повышения цен. Характерно, что и в обобществленной рознице цены на хлебные товары, на овощи, молочные, мясные дали заметное повышение. Следует подчеркнуть различие результатов воздействия рыночной кон'юнктуры на обобществленную и на частную торговлю. Если вторая, отражая напряженную кон'юнктуру продовольственных товаров, колоссально вздувала как продажные, так и свои заготовительные цены (была ведущим началом в повышательном движении), получая высокую кон'юнктурную прибыль, если толчок к повышению цен здесь, главным образом, шел от реализации, то обобществленная торговля была сдерживающим началом в динамике цен. География урожая, акцизы и промналоги действовали в сторону повышения накидок.

Правильно было бы сделать вывод о том, что динамика вольных цен преувеличивала картину напряженности рынка (кон'юнктурная сверхприбыль, нелегальные формы торговли, элементы спекулятивного риска и т. д.), а цены обобществленной торговли, благодаря плановым сдерживающим тенденциям, ее преуменьшали.

Следует подчеркнуть, что процесс ценообразования в розничной частной торговле корреспондировал уже не только общему балансу спроса и предложения на том или ином рынке. Благодаря нормированному снабжению рабочих и служащих в обобществленной рознице и снятия некоторых категорий лиц с этого снабжения, стихийно сложился в известной мере замкнутый частный оборот, где покупателями у частных торговцев в значительной степени выступали эти категории лиц. Напряженность того или иного баланса спроса и предложения на вольном рынке, гнавшая вверх частно-розничный индекс, здесь зачастую не соответствовала состоянию снабжения тем или иным продуктом страны в целом.

Итак, причиной повышения цен сверх плановых предположений было обостренное продовольственное положение, кореняющееся в условиях сельского хозяйства, при чем эффективность этого обострения по линии цен не была предусмотрена планом.

Это превышение плановых предположений по линии цен произошло:

1) благодаря тому, что обобществленный сектор сам превысил предположения по линии цен,

2) благодаря тому, что динамика цен частного рынка внесла соответствующие повышательные коррективы и к этому, повышенному сверх плана, уровню цен обобществленной торговли несмотря на значительное сокращение удельного веса частной розницы.

Каков удельный вес 1 и 2 причины? В известной мере об этом свидетельствует следующая таблица:

Темп повышения розничных индексов в 1928/29 г.

(среднее за 9 мес. 1928/29 г. в % к тому же периоду 1927/28 г.)

	Общего	По сел.-хоз. тов.	По промтов.
Темп повышения среднего по обоим видам торговли уровня розничных цен .	+5,9	+13,8	+1,6
Темп повышения цен обобществленной розницы	+3,3	+ 7,0	+1,2
Разница, возникающая благодаря более высокому темпу роста цен частной торговли	+2,6	+ 6,8	+0,4

Таким образом, по грубому подсчету (учитывая удельный вес обобществленной розницы) очень значительная часть сумм, переплаченных потребителем благодаря повышению цен в „розничной торговле" (что не исчерпывает, конечно, всех покупок потребителя) падает на долю переплат обобществленной рознице. Рост общего уровня розничных цен в значительной степени вызван повышением цен на сел.-хоз. товары в обобществленной рознице. Это повышение сверх плана началось с заготовительного звена; так, по данным Наркомторга, общий плановый заготовительный индекс в 1928/29 г. оказывается выше прошлогоднего примерно на 10%, при предполагавшемся по плану росте его на 6%, при чем по хлебным товарам рост оказался на 20,5% против плана на 16,5%, особенно же повысились цены, против плана, по линии животноводческих продовольственных товаров: так, по яйцам этот рост выразился в 13,5%, по молочным даже — в 17,5%, по мясу — в 2%. Всего суб-индекс животноводческих продовольственных товаров повысился на 10%, при предполагавшейся по плану его стабильности; индексы цен сырья превысили план также на 1%.

Это превышение плановых предположений по заготовительному индексу передалось и на оптовый сел.-хоз. суб-индекс (прирост на 8,9% против 6,1% по плану). Таким образом, и заготовительный индекс и оптовый сел.-хоз. суб-индекс превысил план на 4% и на 3%.

Это 10% повышение заготовительного индекса докатилось до потребителя в виде 7% повышения розничных цен на сел.-хоз. товары в обобществленной торговле. Особенно повысился уровень цен обобществленной торговли во всех звеньях, по группе молочных товаров (это имеет особое значение в связи с прогнозом состояния молочного рынка на 1929/30 г.) В общем, разница в %% средних за 9 мес. 1928/29 хоз. года, к 9 мес. 1927/28 хоз. года розничных индексов Кон'юнктурного института обобществленной торговли, по группе хлебных составила 7% (несмотря на директиву о крайне незначительном повышении розничных хлебных цен), по мясным 5, по овощам 5,9, по молочным 17,2.

Перейдем к динамике цен частного сел.-хоз. рынка.

В среднем цены частного заготовительного рынка за 1928/29 сел.-хоз. год, в отношении среднего уровня 1927/28 сел.-хоз. года,

повысились, примерно, на 35% (в том числе по хлебу на 100—115%), что при росте цен плановых заготовителей на 10% должно было привести к повышению общего среднего (общеторгового) заготовительного индекса на 18—20%.

О динамике заготовительных цен частного рынка дает известное представление динамика базарных цен ЦСУ. Так, разница в %% цен 1928/29 сел.-хоз. года к ценам 1927/28 сел.-хоз. года выявляется в следующей таблице:

	Рожь	Ржаная мука	Пшеница	Овес	Сено	Картофель	Масло коровье топленое	Яйца
Производ. полоса РСФСР	+128,6	+108,3	+ 66,8	+51,4	+24,1	+51,6	+25,4	+17,5
Украина	+146,1	+162,6	+154,9	+56,4	+53,4	+76,5	—	—

Эта динамика отражается и частно-торговым розничным индексом Кон'юнктурного института. Так, разница среднего его урожая за 9 месяцев 1928/29 хоз. года к 9 месяцам 1927/28 хоз. года составляла 47,1%, по хлебным 90,1%, по молочным 33,7%, по овощам 20,9%, по мясным 19,9%.

Разрывы базарных и плановых заготовительных цен, особенно хлебных значительно возросли, достигли в 1928/29 г. огромных размеров; так, в III квартале хоз. года в ряде районов базарные хлебные цены были в среднем в 4—4,5 раза выше заготовительных. Этот огромный разрыв (несмотря на значительное повышение плановых заготовительных цен) имеет тем большее значение, что в 1928/29 г. размеры „вольного" отчуждения были несколько выше, чем в 1927/28 г. (данные ЦСУ).

Огромные размеры принял межрайонный разрыв базарных цен. Так, по ржаной муке разница в ценах между потребляющей и производящей полосами РСФСР составляла 113%, что содействовало спекуляции хлебом.

Таким образом, сел.-хоз. рынок дал значительное повышение цен.

В значительно меньшей степени возросли цены и на рынке промтоваров — в обобществленной рознице на 1,4%, в частной на 9,5%, а всего на 2,0%. В опте цены на промтовары остались стабильными.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, следует, что плановые предположения в области цен были заметно изменены в связи: 1) с повышением плановых заготовительных цен на хлебофураж и овощи сверх плана, 2) с значительным повышением плановых заготовительных цен на продукты животноводства; 3) с огромным ростом частных цен на все продовольственные товары,

перекрывшим снижение удельного веса частной торговли по ряду сел.-хоз. товаров; 4) с соответствующим влиянием транспортных расходов и акцизов на торговую накидку обобществленной торговли.

В результате, рабочий потребитель вынужден был (если отбросить удорожание коммунальных услуг) увеличить свои расходы на приобретение товаров согласно бюджетному индексу на 7,5%, при чем по сел.-хоз. товарам рост расходов оказался значительно выше этой цифры.

Это повышение розничных цен сказалось на реальной зарплате, оставшейся (отвлекаясь от прироста реализации госзаймов и ухудшения качества продукции) в среднем в 1928/29 г. почти на уровне прошлого года.

Отмеченные сдвиги, происшедшие в системе цен, против плановых предположений не могли не оказать своего влияния на процесс воспроизводства.

Влияние повышения цен сказалось на процессе накопления в промышленности: намечавшаяся по плану разница между отпускными ценами и себестоимостью, в результате девятимесячной работы, промышленностью не была достигнута.

Эта разница между отпускными ценами и себестоимостью составляет пока, по крайне предварительным данным, на протяжении трех кварталов около 3—4% вместо 6%, (7% снижения себестоимости и 1% снижения цен), что уже на протяжении указанного периода дает приблизительно на 200 млн. руб. уменьшение суммы накопления. По данным за первое полугодие разница составила всего около 2%. Эта сумма в 200 млн. руб. останется, очевидно, действительной для всего 1928/29 г.

Это отступление от плана об'ясняется, в основном, двумя причинами—влиянием 1) ценовых факторов и 2) организационных факторов.

Не отрицая огромной роли последних, следует отметить, что помимо влияния повышения цен сел.-хоз. сырья (кстати ухудшение качества сырья являлось в известной мере замаскированным дополнительным повышением цен), сравнительно высокий уровень номинальной заработной платы против плана, и в значительной степени соотношение номинальной заработной платы и производительности труда об'яснялось высоким уровнем розничных цен.

Влияние ценовых факторов на промышленность было на деле несколько большим, чем это следует из вышесказанного, потому что в некоторых случаях достигаемый уровень снижения себестоимости покупался ценой снижения качества продукции.

Таким образом, изменения в системе цен, по сравнению с планом, действовали в сторону некоторого, правда, незначительного снижения того темпа накопления промышленности, который намечался по плану, хотя, в основном, намеченный темп накопления был достигнут.

Более значительным было влияние изменений в системе цен на сел.-хоз. производство. Прежде всего, рентабельность всего сел.-хоз. производства в денежном выражении заметно возросла. При этом дополнительно возросла (сверх предполагавшегося роста по плану) относительная рентабельность зернового хозяйства и картофелеводства. В среднем цены на хлеб повысились (учитывая и цены вольного рынка), примерно, на 40%. Эту тенденцию отмечают и „Крестьянские индексы" Кон'юнктурного института, согласно которым конкурентоспособность пшеницы (т.-е. отношение индекса пшеницы к общему индексу цен отчуждаемых сел.-хоз. товаров) повысилась в III квартале 1928/29 г., по сравнению с III кварталом 1927/28 г., по южной Украине на 28%. Северному Кавказу — на 31%, Западной Сибири — на 28% и т. д.

Это повышение конкурентоспособности хлеба и картофеля (при росте рентабельности сельского хозяйства в целом) произошло за счет ряда других сел.-хоз. товаров. Так, снизилась конкурентоспособность некоторых технических культур (свеклы, пеньки и др.).

По Украине конкурентоспособность свеклы упала в 1928/29 сел.-хоз. году на 35%. Индекс цен свеклы составлял в 1928/29 г. лишь 46% к общему индексу, реальзуемых сел.-хоз. товаров, а на 1/VII—1929 г. даже 36% по Украине и 27% по б. Курской губернии.

В то же время, индекс картофеля в б. Курской губернии составлял 158% к общему индексу, превышая индекс свеклы в 6 раз (по Украине он превышал его в 2,5 раза).

В результате, несмотря на всю относительность влияния цены свеклы на ее производство (значение снабжения, контрактации, налогов, кредита и т. д.), этот разрыв цен был так велик, что производство свеклы в 1928/29 г. сократилось, в основном, под влиянием ценового фактора.

В том же направлении действовал ценовой фактор в некоторых районах по линии продуктивного животноводства, отражая состояния рынка кормов (снабжение кормами идет, в основном, по линии внутридеревенского оборота и потому стихийные факторы здесь имеют большое значение). Так, согласно „Крестьянским индексам", индекс молока в Зауралье составлял лишь 67% к индексу цен на корма в Западной Сибири 74%. В Зауралье конкурентоспособность молока понизилась на 15%. Подсчеты ЦСУ (эквиваленты мяса и скота в частных ценах на зерно) также резко подчеркивают эту тенденцию.

Чрезвычайно характерно положение со льном. Огромный рост частных цен на хлеба и картофель должен был, казалось бы снизить рентабельность льноводства, однако, плановое снабжение льноводов хлебом по твердым ценам повысило рентабельность льноводства, поскольку природные условия льноводных районов принижали роль хлеба, как конкурирующего продукта (здесь играют роль не заготовительные, а реализационные цены на хлеб). Улучшение положения со льном в значительной степени отражало эти рыночные условия (хлеб играл роль „мерила ценности" льна). Таким образом, плановое начало одержало здесь значительную победу.

В общем, динамика частных цен внесла известные коррективы в ту систему конкурентоспособности отдельных культур, которая была намечена по плану. Сокращение посевов свеклы и неблагоприятные тенденции в области молочного хозяйства в известной мере отражают этот момент.

Перейдем к вопросу о соотношениях цен на пром. и сел.-хоз. товары.

Изменение в соотношениях розничных цен на промышленные и заготовительные цены на отчуждаемые сел.-хоз. товары, имевшее место и в 1927/28 г. и резко проявившееся в 1928/29 г., означает значительное изменение раствора „ножниц".

Если раствор „ножниц" между розничными ценами на промтовары обобществленной торговли и заготовительными ценами плановых заготовителей („ножницы" в пределах обобществленного сектора) составлял в 1926/27 г. 145—150, то в 1927/28 г. он сократился до 130—133, а в 1928/29 г. уже не превышал 120—121.

Еще более резкая картина получается при учете цен частного рынка, т.-е. при сопоставлении общеторговых индексов, а не только индексов обобществленной торговли (данные об общем заготовительном индексе являются сугубо ориентировочными).

В 1926/27 г. раствор „ножниц" равнялся 150—155, в 1927/28 г. 130—135, а в 1928/29 г. уже только 112—116 (общеторговый заготовительный индекс принят для 1928/29 г. в 180, что, очевидно, дает даже преуменьшение, по сравнению с фактическим положением).

Темп сжатия раствора „ножниц" является очень быстрым, превосходя плановые предположения. Так, для 1928/29 г. раствор „ножниц" намечался Наркомторгом в 130. Это обстоятельство имеет огромное значение, поскольку разница в 10—15% здесь означает сотни миллионов рублей, размещаемых вопреки плану. Особенно учитывая способ сжатия раствора „ножниц" (значение — роста базарных цен).

Чрезвычайно характерным является сопоставление достигнутого раствора „ножниц" с предположениями пятилетки. По оптимальному варианту в 1929/30 г. раствор „ножниц" должен был равняться 125—128, т.-е., по крайней мере, на 10 пунктов выше фактического раствора 1928/29 г. В 1932/33 г. раствор должен быть равен 106—107, т.-е. всего на 5—10 пунктов ниже 1928/29 г. Это также свидетельствует о чрезмерно быстром темпе сжатия „ножниц", имевшем место в 1928/29 г.

Следует отметить, что фактический раствор „ножниц" в 1928/29 г. был даже ниже 112—116, вследствие того, что в качестве довоенной базы взяты по существу цены не непосредственных заготовок от крестьянина на селе, а включающие и тор-

говые накидки в то время, как современные заготовительные индексы оперируют с ценами, более близкими к непосредственному отчуждению, иными словами, уровень довоенных цен несколько преувеличен по сравнению с современным.

Учитывая, кроме того, некоторое преуменьшение фактического уровня заготовительных цен заготовителями, некоторых животноводческих товаров, имеющее место в последние годы, следует полагать, что фактический раствор „ножниц“ уже в настоящее время, вероятно, не первышает 105—107.

„Крестьянские индексы“ Конъюнктурного института также выявляют процесс сближения „ножниц“.

Согласно „Крестьянским индексам“ в среднем на 1928/29 сел.-хоз. год по ряду районов, а на 1/VII—29 г. даже по всем 8 районам уже образовались „обратные ножницы“. Поскольку „Крестьянские индексы“ переоценивают удельный вес вольного хлебооборота, они преувеличивают темп повышения сел.-хоз. индекса. Фактически „обратные ножницы“, конечно, не являются общим правилом. Однако, тенденция сжатия „ножниц“ выявляется „Крестьянскими индексами“ правильно.

Приведем следующую таблицу „ножниц“ по „Крестьянским индексам“:

	Север. Кавказ	Южн. Украина	Правоб. Украина	Вост. Зауралье	Западн. Сибирь	б. Курск. губ.
1927/28 сел.-хоз. год . .	126,6	112,4	151,5	138.9	109,9	169,5
1928/29 „ „ „ . .	089,3	076,3	107,5	102,0	096,2	114,9
1/VII—29 „ „ „ . .	058,5	065,8	090.9	070,9	076,3	059,5

Наиболее резко выявился процесс сжатия „ножниц“ на частном рынке. Поскольку цены частного рынка чутко улавливают рыночную конъюнктуру и поскольку наиболее острое напряжение наблюдалось на рынке сел.-хоз. товаров, а не промтоваров, цены на промтовары на частном рынке поднялись значительно меньше, чем на сел.-хоз. товары, в результате чего на частном рынке резко обозначились „обратные ножницы“. Эти „обратные ножницы“ приблизительно характеризуют ту систему цен, которая сложилась бы при развязывании частного оборота и ее роль в процессе распределения ресурсов в стране. „Обратные ножницы“ частного рынка содействовали „раздвоению“ рынка при хлебозаготовках когда верхушка деревни предпочитала, уклоняясь от промтоваров, получаемых в кооперации в обмен за хлеб, приобретать промтовары у частника, отчуждая на частный рынок хлеб по крайне высоким ценам.

В IV квартале 1928/29 сел.-хоз. года эти „ножницы“ (полученные от деления индекса частно-лавочной торговли по промтоварам на базарные индексы по сел.-хоз. товарам, по децентрализованному индексу ЦСУ) были следующие:

СССР	Украина	Сев. Кавказ	Сибирь	Урал	ЦЧО	Зап. обл.
0.695	0,620	0,563	0,837	0,571	0,472	0,903

Итак, значительный и при этом неравномерный рост цен в 1928/29 г. представлял собой заметный фактор перераспределения дохода, действуя в сторону: 1) снижения роста материального уровня бедноты деревни и лиц наемного труда (покупка сел.-хоз. товаров), 2) добавочного прироста денежного дохода зажиточной и середняцкой деревни, 3) добавочного поступления денежных сумм в торговый аппарат, приведшего к росту сверхприбыли оставшегося частника, при чем этот добавочный прирост в обобществленной торговле перешел в бюджет (акциз, доход транспорта и т. д.) при росте торговой накидки.

Добавочный прирост денежных доходов при недостаточном развитии государственного кредита в деревне, несомненно, привел к добавочному, против плана, спросу деревни на промтовары (несмотря на значительный рост их потребления деревней); верхушка деревни не могла производительно использовать денежных накоплений, которые в известной мере давили на рынок и служили орудием спекулятивных операций.

Ориентировочный подсчет перераспределения дохода, благодаря росту цен (отвлекаясь от прочих факторов распределения), говорит о следующем.

Прирост денежных доходов середняцкого и кулацкого крестьянства от повышения цен по реализуемой сел.-хоз. продукции на внедеревенский рынок составляет от 500 до 550 млн. руб., из них от 320 до 350 млн. руб. падает на отчуждение на частный рынок и около 180—200 на обобществленный (из расчета, проведенного по отдельным товарам и районам согласно которому, в общем, около 40% товарной массы было реализовано на частный рынок). Эти 500—550 млн. руб. распределяются следующим образом: на хлеб приходится около 270—300 млн. руб. На животноводческо-продовольственные около 30 млн. руб. (здесь положительную роль сыграло повышение удельного веса обобществленной торговли), на сырье около 20—30 млн. руб. на прочие (кроме охоты, лесных доходов и рыболовства) около 180—200 млн. руб. (сено, овощи, фрукты и т. д.).

Около 75—100 млн. руб. осело в сохранившемся частном торговом аппарате по торговле сел.-хоз. товарами (общий фонд доходов частной торговли, разумеется, мог при этом сократиться).

Прирост цен на промтовары составляет около 250—275 млн. руб., при чем основная масса этого прироста была поглощена бюджетом по линии акцизов и промналога, некоторая сумма в 25—30 млн. руб. осела в оставшемся частном аппарате по реализации промтоваров.

Повышение цен, в общем, перераспределило (помимо внутридеревенского оборота) около 850—900 млн. рублей. Эта сумма была уплачена более, чем наполовину, рабочими и служащими (главным образом по линии сел.-хоз. товаров), около 80—100 млн. руб. уплачено крестьянством по промтоварам (внутридеревенский оборот

исключен), остальная сумма падает на прочих потребителей, в том числе и промышленность по линии закупки сырья.

Середняцкое и кулацкое крестьянство (в подавляющем большинстве производящих районов) выиграло от роста цен от 400 до 450 млн. руб. (500 или 550 млн. руб. минус 80—100 млн. руб., возвращенных за промтовары), частный торговый аппарат около 100 млн. руб.

Остальная масса (из 750—800 млн. руб., а не из 850—900 млн. руб., поскольку 100 млн. руб., возвращенных деревней по линии промтоваров нужно вычесть для получения сальдо), в основном, непосредственно перешла в бюджет.

Помимо того, сдвиг в области цен по хлебофуражу не мог не сказаться на пропорциях обмена по линии внутридеревенского оборота. Беднота в целом, несомненно, передала зажиточной части деревни и отчасти и середнякам производящих районов значительное добавочное количество благ, в том числе и в натуральной формс. Крайне приблизительные подсчеты в этой области говорят о сумме от 100 до 150 млн. руб. Это обстоятельство отнюдь не исчерпывает приходо-расходного баланса бедноты, расширившей в текущем году свое производство. Потеря на ценах является лишь одним элементом этого баланса.

Таким образом зажиточные (не середняцкие) слои деревни использовали конъюнктуру в целях накопления и усиления эксплоатации.

Значительный рост цен на сел.-хоз. товары, таким образом, действовал в сторону перераспределения народного дохода в ущерб рабочим и служащим, поглотив в значительной мере прирост номинальной заработной платы.

Весь фонд денежных доходов наемного труда возрос в 1928/29 г., примерно, на 14% (при росте месячной номинальной зарплаты на 1 рабочего на 9,5%). Доход всего города возрос на 12%. Номинальный доход земледельческого населения возрос, приблизительно, на 16%, а если учесть значительный прирост поступлений от неземледельческих заработков (от строительных работ, лесных работ, от отхожего промысла) составляющий около 20—22%, то весь прирост дохода деревни будет, вероятно, не меньше 18%. При этом следует иметь в виду, что покупательная сила „крестьянского рубля“ изменилась значительно меньше покупательной силы „рабочего рубля“ (крестьянство, в среднем, покупает, в основном, промтовары, а город—сел.-хоз. товаров больше, чем промтоваров). Таким образом, динамика реального потребления промтоваров в деревне, в среднем, была значительно благоприятнее, чем городских рабочих и служащих, особенно, если учесть очень значительное по сравнению с деревней повышение в 1928/29 г. доли города и лиц наемного труда в займах и налогах, удорожание коммунальных услуг и т. д.

В общем, крестьянство потребило в 1928/29 г. промтоваров почти на 500—600 млн. руб. больше, чем в 1927/28 г., удельный вес

деревни в потреблении промтоваров возрос — он равен, примерно 55—60%. Значительно возросло душевое потребление промтоваров деревней. Особенно оно возросло в восточных районах, в связи с премированием хлебосдатчиков, где временами наблюдалась даже заметная заминка в их сбыте.

Между тем, в городе в 1928/29 г. общее на все население потребление промтоваров в натуре возросло всего на 100—150 млн. руб., а по другим данным почти стабилизировалось.

Таким образом, прирост продукции промтоваров широкого потребления был поглощен в основном деревней.

Вместе с тем, подсчеты баланса спроса и предложения отмечают значительное возрастание неиспользованных денежных остатков деревни, прирост по которым, по некоторым данным, равен 250—300 млн. руб. (в городе они примерно стабилизировались). Ряд подсчетов приводят к цифре в 1 мрд. руб. суммы денежных остатков деревни (на руках в виде дензнаков), что составляет, несомненно, относительно, значительный процент к доходу и оказывает свое влияние на состояние рыночного равновесия.

Следует подчеркнуть относительность приведенных подсчетов. Однако, тенденция уловлена ими правильно.

Таким образом, вопреки утверждениям правых в истекающем году имело место значительное рыночное стимулирование середняцких хозяйств. Установка правых на дополнительное рыночное стимулирование всей деревни (в частности установки на дальнейшее повышение цен на сел.-хоз. товары), приобретает исключительно опасный характер в свете имевшего место спекулятивного обогащения деревенской верхушки.

В общем, данные текущего года, выявляют некоторое различие итогов процесса распределения по линии распределения средств производства и связанного с ним производительного накопления, с одной стороны, по линии распределения средств личного потребления и их потребления с другой стороны и по линии распределения денежных ресурсов и их накопления с третьей стороны.

В общем и целом, весь процесс распределения проходил в условиях осуществления быстрого темпа индустриализации и обобществления, однако, на этом фоне имелись кое-где более или менее заметные отклонения от плана распределения между различными группами населения.

В отношении средств производства имел место процесс несомненного значительного их роста в обобществленном секторе (промышленность, транспорт, сельское хозяйство), значительный рост их использования у некапиталистических элементов деревни, что и нашло свое отражение в значительном темпе производительного накопления у обобществленного сектора и у некапиталистических слоев деревни, расширивших свое производство, на общем фоне расширенного воспроизводства

в стране в целом. Наоборот, у капиталистических элементов, несомненно, имел место процесс суженного воспроизводства. Этот сдвиг в распределении средств производства и в размещении производительного накопления, составляющий базу для развития классовых взаимоотношений в стране, свидетельствует, между прочим, и о соответствующей высокой роли планового начала в этой ведущей области. Концентрация в руках государства подавляющей массы нового оборудования, твердая классовая система его распределения и, наконец, соответствующая социально-политическая обстановка в деревне привели к этим социальным итогам в области производительного накопления.

На ряду с очень значительным приростом производства средств производства, текущий год дал заметный рост производства предметов личного потребления и их реализации на широком рынке.

Благодаря тому, что обобществленный сектор не занимает такого доминирующего положения в области производства средств потребления, по сравнению с областью производства средств производства (особенно это относится к продовольственной отрасли), отклонения от плана, в условиях рыночного напряжения, здесь более или менее заметно проявились.

Это отклонение выявилось в сдвиге в ценовых пропорциях обмена в пользу производителей продовольственных товаров в ущерб их потребителям, основной массой которых является пролетариат и беднота деревни. Естественно, что эти ценовые сдвиги привели к перераспределению денежных ресурсов, по сравнению с планом, привели к значительному поступлению денежных сумм, между прочим, и к зажиточным кругам деревни, что сыграло свою роль несмотря на тенденцию к уменьшению их дохода от сокращения производства и к сохранившемуся (легальному и нелегальному) частному торговому аппарату.

Поскольку этот прирост денежных ресурсов к капиталистическим элементам не нашел применения в области средств производства, он мог быть использован для спекулятивных операций для, операций на фондовом рынке (что и имело место) и в попытках значительно увеличить долю в потреблении за счет трудовых слоев.

Однако, вмешательство государства внесло существенный коректив в эту ситуацию путем установления системы планового снабжения населения рядом предметов широкого потребления. Система нормированного снабжения внесла существенную поправку к ценовым сдвигам, которые без применения этой системы привели бы к такому перераспределению дохода, которое было бы уже несовместимо с взятым темпом индустриализации и вызвало бы общехозяйственный кризис.

Вышеприведенные в данной статье итоги влияния цен на процесс распределения имели место даже при действии этой системы;

нормированного снабжения,— естественно, что при ее отсутствии картина была бы несравненно более отрицательной.

Таким образом, нормированное снабжение на данной стадии, неизбежно опирающееся, в свою очередь, на систему заготовительных мероприятий, сводящихся к стеснению отчуждения на частный спекулятивный рынок и форсированию реализации их плановым заготовителем—это нормирование снабжения явилось орудием классовой самозащиты пролетариата от враждебных стихийных тенденций, в значительной мере предохраняя трудящихся от результатов повышения цен, стремясь перенести переплату по ценам на нетрудовые элементы.

Выступление правых элементов против системы классовых мероприятий по линии заготовок — снабжения, их требование развязывания частноторгового оборота привело бы (помимо непосредственного социального эффекта) к огромному росту цен на сел.-хоз. товары и бюджетного индекса (резкое увеличение доли частника благодаря разрыву цен) и, следовательно, к такому перераспределению рессурсов, который вызвал бы срыв наших планов. Наша экономическая политика пошла не по пути наименьшего сопротивления, не по пути подчинения рыночной стихии, — и план был в основном осуществлен.

Итак, следует подчеркнуть, что социальные итоги в области производительного накопления, личного потребления и денежного накопления оказались несколько различными (второй и третий моменты оказались относительно менее благоприятными по итогам, в социальном отношении). Этот разрыв оказался отнюдь не такого размера, чтобы привести к хозяйственному кризису, сорвать намеченные темпы. Однако, он требует к себе усиленного внимания и должен быть предметом тщательного изучения при составлении и осуществлении плана 1929/30 г.

Отвергая троцкистские установки наше планирование на 1929/30 г. должно учесть классовые итоги ценовых сдвигов, решительно преодолевая правые оппортунистические теории.

Необходимо (отнюдь не ценой отказа от взятых темпов индустриализации и обобществления, но путем их дальнейшего форсирования) посредством системы плановых мероприятий, привести в большее соответствие производительное накопление, потребление и денежное накопление. Это достижимо путем повышения удельного веса пролетариата и бедноты в потреблении (при абсолютном росте потребления всех основных масс деревни), путем системы кредитных, бюджетных и других финансовых мероприятий. Естественно, что эта система мероприятий не должна итти в разрез с взятой установкой на стимулирование середняцких слоев деревни.

Из вышесказанного следует, что элементы планирования хозяйственных процессов в их натуральном выражении уже колоссально возрастают. Достаточно привести пример роли натурального

премирования сдатчиков хлеба. Момент планового снабжения промтоварами играет сейчас, несомненно, большую стимулирующую роль в отношении сел.-хоз. заготовок, чем повышение цен. Огромное значение приобрело нормированное снабжение рабочих и служащих сел.-хоз. и промтоварами, рост снабжения продовольственными товарами бедноты. Наконец осуществление продуктообменных операций при контрактациях (система заказов на промтовары).

Остающееся еще чрезмерное отставание сельского хозяйства настойчиво требует, помимо системы мероприятий по его изживанию, также и твердого выполнения системы планового снабжения. Совершенно бесспорно, что проблема реальной заработной платы сейчас упирается именно в вопрос о степени развертывания системы нормированного снабжения. На 1929/30 г. требуется гигантская борьба за снабжение рабочего потребителя, требуются огромные сдвиги в обобществлении рынка продовольственных товаров, в значительном усилении планового регулирования заготовок не только хлебных, но и других, в том числе и животноводческих, в ограничении спекуляции и в развертывании контрактации в этих отраслях. Одновременно необходима (к этому уже приступили) огромная работа по под'ему животноводства, огородничества бедняцко-середняцких хозяйств и их коллективизации, создания соответствующих крупных государственных хозяйств. Проблема организации распределения продовольственных продуктов является основной для под'ема реальной заработной платы. От разрешения этой проблемы зависит и уровень цен (в связи с изменением весов обобществленного сектора).

Следует помнить, что недостаточность планового снабжения рабочих могло бы свести на-нет или ослабить эффект не только роста номинальной зарплаты, но и снижение цен.

Поскольку цена наиболее подвержена влиянию стихийных тенденций (хотя, в основном, она уже является формой проявления народнохозяйственного плана), требуется все большее сближение политики цен с системой планового снабжения, вносящего свои классовые коррективы.

С другой стороны, необходимо итти по пути развертывания системы диференцированных цен, полинии реализации (продажа товаров по разным ценам — различным группам), поскольку система планового снабжения позволяет это осуществить. Таким образом, будет внесен (это уже было осуществлено по линии хлебной торговли) плановый классовый корректив в отношении возможных стихийных сдвигов в пределах самой системы цен. Плановое начало, начало соответствующего классового распределения дохода будет, таким образом, значительно усилено. Необходимо изучить вопрос о возможности применения диференцированных цен и по линии сел.-хоз. заготовок (в связи с большим удельным весом контрактации).

Подводя общие итоги следует отметить, что сдвиги, происшедшие в 1928/29 г. в области цен, имея ряд неблагоприятных последствий, о которых выше шла речь (распределение дохода, покупательная сила рубля, ухудшение условий производства для некоторых отраслей сельского хозяйства), отнюдь не привели к срыву намеченных планов индустриализации и обобществления.

Цена не представляет собой чего-то внешнего для процесса воспроизводства в наших условиях, а является его неот'емлемым атрибутом. Если при этом в истекающем году имел место процесс расширенного воспроизводства и в промышленности и в сельском хозяйстве, с значительным темпом роста социалистического накопления в условиях сохранения необходимого для этого относительного равновесия, то это тем самым означает, что в основе „обмена веществ" в общественной системе, осуществляемого, в основном, через рынок и ценовые пропорции, и в текущем году оставался народнохозяйственный план. Итоги года свидетельствуют о значительной победе планового начала, действовавшего в тяжелых условиях чрезмерного отставания сельского хозяйства и рыночного напряжения.

Общие перспективы продовольственного баланса на 1929/30 г. говорят о возможности значительного разрыва цен обобществленной и частной торговли, особенно по животноводческим товарам. Отсюда вытекает задача максимального ограждения рабочих, служащих и бедноты деревни от воздействия частного рынка. Должна быть осуществлена жесточайшая плановая дисциплина по линии цен обобществленной розницы. Требуется широчайшее развертывание общественной инициативы по линии сокращения издержек обращения и торговых накидок. Необходима решительная борьба со всякого рода скрытым повышением цен, в частности, улучшение качества продукции.

Необходимо добиться, фактического снижения отпускных цен по отдельным товарам группы „Б", особенно учитывая значительный процент снижения себестоимости, намечающийся в 1929/30 г. (около 11%). По группе „А" требуется точное выполнение намеченного пятилеткой снижения цен. При чем, здесь требуется диференцированный подход в зависимости от степени реализации того или иного товара из группы „А" на широком рынке и в зависимости от реализации его тем или иным группам населения. Диференцированный подход требуется, в особенности в отношении товаров группы „Б". Необходимо добиться наиболее заметного снижения цен при реализации рабочим и низшим служащим. Следует помнить, что стабилизация уровня розничных цен обобществленной торговли в пределах 1929/30 г. означает повышение их по сравнению с среднегодовым уровнем 1928/29 г.

Уровень цен плановых заготовителей в настоящих условиях является достаточно стимулирующим сельское хозяйство (учитывая специфические условия обмена в советских условиях и темп сближения „ножниц" в истекшем году).

Необходимо во что бы то ни стало сохранить этот общий уровень от повышения, вместе с тем, внимательно следя за динамикой конкурентоспособности отдельных сел.-хоз. товаров.

Специфические особенности цены в условиях СССР (о чем было сказано в начале статьи) позволяют и в условиях непременной кон'юнктуры запроектировать на 1929—30 г. (учитывая его особенности по сравнению с истекающим годом) снижение общего уровня цен и значительное повышение реальной заработной платы.

Следует резко подчеркнуть имевшие место в 1928—29 г. неблагоприятные моменты в распределении дохода между классами, что должно и может быть исправлено в условиях наступающего года.

В итогах истекающего года резко выявилось тем самым, что явно оппортунистические утверждения и установка правых в области распределения народного дохода и политики цен оказались совершенно разбитыми в свете реальных фактов. Всякие попытки протащить в той или иной форме эти установка должны получить жесточайший отпор при установлении и осуществлении контрольных цифр будущего года.

Перспективы форсированного темпа обобществления оборота сел.-хоз. товарами на 1929—30 г., перспективы снижения отпускных цен, применение развернутой системы диференцированных цен — в условиях твердого осуществления классового нормированного снабжения позволяют запроектировать и осуществить в предстоящем году снижение бюджетного индекса на 4%.

Значительное повышение удельного веса обобществленной торговли должно привести к снижению среднего (по всем видам торговли) заготовительного и розничного индексов даже при возможном росте цен частного рынка.

Необходимо и возможно осуществить снижение цен обобществленной розницы как по сел.-хоз. товарам (овощам в первую очередь) так и по промтоварам.

С. Г. Струмилин

Расслоение советской деревни в 1927/28 г.

Процессам расслоения советской деревни за последние годы уделялось не мало внимания в нашей литературе. Но все же даже основной вопрос о критерии, по которому следует отличать кулака от середняка и середняка от бедняка, не получил еще достаточно авторитетного разрешения. Большого внимания заслуживают последние работы тов. Гайстера в ЦСУ, где он пытается расчленить советскую деревню на социально-классовые группировки по размеру средств производства отдельных хозяйств в комбинации с признаком найма или отпуска в наем рабочей силы и некоторыми другими. Это, несомненно,—довольно сложный и дорогой, но многообещающий путь. Однако, возможны и другие пути. И, в частности, мною еще год тому назад была выдвинута на обсуждение, в качестве метода изучения социальной структуры деревни, идея подоходной группировки хозяйств.[1]

На мой взгляд общий размер дохода на хозяйство среднего размера, а еще лучше на работника или на душу населения в этом хозяйстве является таким обобщающим показателем, в котором суммируются все основные элементы производства и который поэтому может с успехом заменить собою целую комбинацию хозяйственных признаков. К числу достоинств этого метода можно отнести его сравнительную элементарность, к числу недостатков невозможность установить для каждого хозяйства в отдельности непосредственную связь между размером его дохода и классовой характеристикой. Несомненно, что в отдельных случаях эксплоатируемый батрак по размерам своего дохода может превзойти простого товаропроизводителя, а этот последний при благоприятных условиях урожая или близости к рынку может получить более высокий доход, чем эксплоатирующий постоянно наемный труд кулак-предприниматель. Именно поэтому мы вынуждены довольствоваться в своих расчленениях лишь такими общими социальными характеристиками, как бедняцкая, середняцкая и зажиточная группы деревни, в то время, как хотелось бы эту деревню расчленить гораздо точнее на пролетариат, полупролетариат и сельскую буржуазию, с вы-

[1] См. „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г." М. 1929 г., стр. LXIX—XCIII и „Плановое Хозяйство". 1928 г., март, стр. 34—62.

делением особо групп обобществленного и простого товарного секторов и т. д. Однако, и принятый нами критерий, если не в отношении к каждому отдельному хозяйству, то в общем для целых статистических совокупностей таких хозяйств дает не плохие результаты. Во всяком случае полученные нами до сих пор выводы о социальной структуре деревни отнюдь не противоречат известным нам работам других исследователей.

В самом деле, по данным Госналога за 1926/27 г., зажиточная группа по нашему методу определилась в 3,3% от всего земледельческого населения СССР, середняцкая в 66,4% и бедняцкая, со включением сюда и батраков, в 30,3%.[1] Комиссия СНК Союза по тяжести обложения, пользуясь совершенно иными источниками и другими методами, определила за тот же год „предпринимательскую" группу деревни в 3,9% к самодеятельному и в 5,2% ко всему сельско-хозяйственному населению СССР, середняцкую в 62,7% от самодеятельного и 71,9% от всего населения и бедняцкую, включая сельский пролетариат, соответственно в 33,4% и 22,9%. По расчетам А. И. Гайстера для того же года, верхняя группа „мелко-капиталистических товаропроизводителей" достигала 5,1%, средняя („простые товаропроизводители") — 70.6% и низшая („пролетариат и полупролетариат") — 23,7% общего итога сельскохозяйственного населения.[2] Если учесть, что последние два расчета строились на довольно узкой базе выборочных исследований, а материал Госналога — на сплошной переписи по всему Союзу, что уже само по себе исключает возможность полного совпадения выводов, то определившуюся в этих процентах структуру деревни придется признать по всем расчетам весьма схожей, если не тождественной. И с этой точки зрения наш метод способен, повидимому, дать вполне удовлетворительные результаты.

Гораздо хуже обстоит дело с тем статистическим материалом, которым приходится пользоваться для подоходной группировки. Данные налоговых сводок по единому сел.-хоз. налогу для этой цели могут быть использованы без особого риска только начиная с кампании 1927/28 г. Правда, мы пытались до известной степени использовать для подоходной группировки и данные 1926 27 г. Но для этого пришлось сделать довольно большие и сложные пересчеты с перемещением „сказуемого" основных налоговых таблиц в „подлежащее", так как в основу группировки хозяйств 1926/27 г. был положен не доход, а посевная площадь и число голов крупного скота. Данные 1927/28 г. сгруппированы, наоборот, по доходу, а посевы и скот перенесены из подлежащего в сказуемое. Уже это делает группировки

[1] „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г." стр. LXXIX.

[2] „Тяжесть обложения в СССР", М. 1929 г., стр. 74, 76 и 124; у т. Гайстера, помимо названных групп, выделено еще в особую группу население колхозов (0,6%)

Таблица 1

Итоги сплошного учета по СССР за 1927/28 г. (без Якутской АССР)

Типы хозяйств и республики	Число хозяйств в тыс.	Население в млн. душ	Посев в тыс. гектаров	Облагаемый скот в тысячах	Доход в млн. рублей			Исчисленный налог в тыс. руб.
					Облагаемый	Учтенный		
						Весь	В т. ч. от промыслов	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Единоличные хозяйства:								
1. РСФСР	16.895	86.30	65.135	36.750	3.905	4.926	1.258	247.652
2. УССР	5.066	24.61	21.373	7.116	1.293	1.463	208	94.892
3. БССР	793	4,25	2.455	2.074	191	210	26	10.809
4. ЗСФСР	913	4 62	1.250	2.466	154	173	28	8.008
5. УзбССР	989	4,30	1.761	2.042	184	192	14	14.660
6. ТуркССР	171	0,77	270	477	32	33	2	2.690
Итого по СССР . . .	24.828	124,85	92.244	50.923	5.759	6.997	1.536	378.705
В т. ч. скотов. хоз-ва [1] . .	(587)	(2,84)	(306)	(2.870)	(84)	(88)	(6,2)	(4.920)
II. Коллективные хозяйства . . .	13,7	0,65	705	145	38	40	2,6	2.228
III. Совхозы	10,1	—	1.178	184	72	72	0,2	4.768
Всего по I-III								
а) итоги 1927/28 г. . . .	24.852	125 5	94.127	51.252	5.869	7.109	1.544	385.701
б) то же за 1926/27 г. . .	24.223	121,5	88.713	53.498	5.683	—	—	381.560

[1] Распространенные данные.

названных лет почти не сравнимыми. К этому еще надо добавить, что группировка 1926/27 г. была сплошная по всем хозяйствам, а за 1927/28 г. выборочная — на 19,7% общего числа хозяйств. Если к этому еще добавить, что изменились нормы оценки дохода, изменен возраст скота, подлежащего обложению, и целый ряд других моментов, то возможность сравнения данных за два указанных года станет еще проблематичнее. За 1928/29 г. в связи с новыми изменениями закона о сел.-хоз. налоге и программы разработки налоговых данных рассчитывать на полную их сравнимость с данными предшествующих лет тоже не приходится. Таким образом, возможность наиболее интересных для нас динамических сопоставлений социальной структуры деревни за ряд лет становится весьма сомнительной.

Тем не менее, данные 1927/28 г. представляют вполне самостоятельный интерес для освещения социальной структуры деревни и пройти мимо них исследователю этой проблемы едва ли возможно.

Общие итоги налоговых сводок по единому сел.-хоз. налогу за 1927/28 г., по сравнению с предыдущим годом, представляются в следующем виде (см. табл. 1 на стр. 51).

В приведенные итоги не вошло некоторое количество так называемых „бездоходных" единоличных хозяйств (за 1927/28 г. 388 тыс. хозяйств с 1.193 тыс. едоков), а также мелких общественных хозяйств, принадлежащих разным организациям (за 1927/28 г. до 45 тыс. хозяйств, 255 тыс. *га* посева и 13,2 млн. руб. облагаемого дохода), едва ли полон учет колхозов, не вошла Якутская АССР, не полностью учтены скотоводческие кочевые хозяйства (в особенности их мало за 1927/28 г.), преуменьшено для 1927/28 г. число голов крупного скота за повышением на один год возраста скота, подлежащего обложению, что должно было отразиться и на учете облагаемого дохода 1927/28 г., по сравнению с предыдущим.[1] Но все же в общем мы имеем здесь весьма полный учет типа сплошной переписи.

Наиболее условны в этом учете нормативно исчисленные суммы доходности обложенных хозяйств. Основанный на средних за несколько лет нормах урожайности и ценах, этот учет, прежде всего, отнюдь не отражает реальной доходности данного года, а затем, он крайне осторожно, т.-е. с заведомым преуменьшением определяет и средний уровень доходности каждого хозяйства.

Какое влияние на исчисление этой доходности оказывают разные нормы и методы расчета, можно усмотреть из следующего сопоставления (см. таблицу 2 на стр. 53).

[1] Одно лишь население, в приведенной таблице, несомненно сильно преувеличено в целях облегчения налога (так называемое приписное население, а не наличное).

Таблица 2

Доходы земледельческого населения СССР
(в млн. червонных рублей)

Категории дохода и источники	1926/27 г.	1927/28 г.	Прирост	
			Абс.	в %
1	2	3	4	5
I. Население в млн. душ	120,9	124,8	3,9	3,2
II. Доходы населения:				
1. Облагаемый (индив. хозяйств)				
а) от сельского хозяйства	5.263,1	5.460,4	197,3	3,7
б) от промыслов	225,5	298,8	73,3	32,5
Итого по налоговым данным . .	5.488,6	5.759,2	270,6	4,9
2. Условно-чистый (по средним за ряд лет нормам):				
а) от сельского хозяйства	8.097,5	8 384,2	286,7	3,5
б) от промыслов	826,1	1.535,9	709.9	86,0
Итого по исчислениям НКФ . .	8.923,6	9.920,1	996,6	11,2
3. Условно-чистый (по ценам и нормам данного года):				
а) от сельского хозяйства	9.250.9	9.716,4	465.5	5,0
б) от промыслов	826,1	1.535,9	709,9	86,0
Итого по исчислениям НКФ . .	10.077,0	11.252,3	1.175,4	11,7
то же на душу населения в руб .	83,5	90,0	6,5	7,8
4. Доход земледельческого населения СССР по „Контр. цифрам" Госплана				
а) по всем секторам[1]	12.757	13.333	576	4,5

Прирост населения, показанный в этой таблице, несомненно преувеличен за счет неточного учета едоков в Средней Азии, где число едоков не принимается в расчет при начислении налога. Так, например, по УзбССР за 1926/27 г. учтено всего 3.100 тыс. душ, а за 1927/28 г. их вследствие улучшения учета насчитано там уже 4.302 тыс., т.-е. на целых 39% больше. Разумеется, такого прироста быть не могло. Нормальный прирост не свыше 2,3%. Значит недоучет едоков за 1926/27 г. по этой республике надо оценивать не менее 1.100 тыс. и тогда общий прирост земледельческого населения по всему Союзу составит не более 2,8 млн. на 122, т.-е. как-раз 2,3%.

Прирост доходов от сельского хозяйства несколько обгоняет этот прирост населения. Что же касается доходов от промыслов, то по исчислениям НКФ они растут совершенно несообразно с ростом населения. И это служит лучшим доказательством деффектности

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г." М., 1929 г. стр. 438; для частного сектора эти итоги следует понизить примерно на 2,7 и 3,4%.

их учета, в особенности за 1926/27 г., когда эти доходы стали учитываться впервые. По расчетам Госплана СССР, основанным на бюджетных данных, доход от промыслов крестьянского населения (отхожих и местных) достигал в 1926/27 г. 2.798 млн. и в 1927/28 г. 3.068 млн. руб., т.-е. раза в два выше максимальной цифры по учету Госналога.[1]

Правда, тов. Н. Дьяченко, посвятивший целую статью освещению методов учета доходности населения налоговыми органами НКФ, думает, что расчеты Госплана в этом отношении „заведомо преувеличены".[2] Однако, это утверждение отнюдь им не доказано А между тем специальная комиссия по тяжести обложения, использовавшая для своей работы все материалы ЦСУ и НКФ, определила размер промысловых доходов сельскохозяйственного населения за 1926/27 и 1927/28 гг. в сумме свыше 5 мрд. руб., т.-е. раза в три выше „утвержденной" для 1927/28 г. суммы этих доходов по Госналогу, а общая сумма условно — чистого дохода земледельческого населения за 1926/27 г. определена там в 12.756 млн. черв. руб., вместо тех 10.077 млн. руб., которые получились у тов. Дьяченко, т.-е. на 27% выше.[3]

Исходя из этих данных, мы считаем итоги „облагаемого" дохода преуменьшенными по крайней мере в 2,2 раза. Это соотношение получилось у нас для 1926/27 г. и подтвердилось данными следующего года. Однако, поскольку мера этого преуменьшения известна и при том, судя по соотношению между облагаемым и всей суммой учтенного Госналогом дохода за 1927/28 г., эта мера преуменьшения почти одинакова для бедняков, середняков и зажиточных, то и „облагаемый" доход является достаточно показательной мерой относительной состоятельности различных социальных групп.

К бедняцким группам мы относим все хозяйства с доходностью не выше среднего уровня жизни сельского батрака, т.-е. с доходом рублей 80 на душу, по данным 1926/27 г. Для середняка, в качестве верхней границы, мы повышаем батрацкую норму в 2,5 раза, что соответствует примерно уровню жизни индустриального городского рабочего. Крестьянские хозяйства с доходом выше этого уровня мы относим уже к категории зажиточных.

Разумеется, в условиях растущей зарплаты эти моменты не остаются неподвижными. В частности, зарплата за 1927/28 г. и в городе и в деревне выросла, по нашим расчетам, процентов на десять. Таким образом, для 1927/28 г. наши лимиты с 80 и 200 руб. поднимаются до 88 и 220 руб., а в применении к „облагаемому" доходу их следует еще разделить на 2,2 и тогда получаем верхний

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.", М., 1929 г., стр. 449.

[2] „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г.", М., 1929 г., стр. CX.

[3] „Тяжесть обложения в СССР", М., 1929 г., стр. 82 и 78.

Таблица 3

Расслоение деревни в 1927/28 году

(Распространенные итоги по СССР без УзбССР и ТуркССР)[1]

Группировка по облагаемому доходу на душу

Показатели	Бедняки до 40 руб. на душу	Середняки — от 40 руб. до 100 руб.	Зажиточные — свыше 100 руб. на душу	Итого
1	2	3	4	5
1. Число хозяйств:				
а) в тысячах	10.179	11.879	1.119	23.177
б) в %% к итогу	43,9	51,3	4,8	100
2. Население:				
а) в тысячах душ	53.372	60.155	4.186	117.713
б) %% к итогу	45,3	51,1	3.6	100
в) в среднем на 1 хозяйство	5,24	5,06	3,74	5,08
3. Посевная площадь:				
а) в тысячах гектаров	24.324	56.320	9.771	90.415
б) в %% к итогу	26,6	61,7	10.7	100
в) в га на 1 хозяйство	2,39	4,74	8,73	3,90
4. Облаг. рогатый и рабочий скот:				
а) в тысячах голов	15.199	27.226	3.782	46.207
б) в %% к итогу	32,9	58,9	8,2	100
в) на 1 хозяйство	1,49	2,29	3,38	1,99
5. Учтенный доход:				
а) в млн. руб.	1.822	4.212	677	6.711
б) в %% к итогу	27.1	62,8	10,1	100
в) в руб. на хозяйство	179.0	354,6	605,0	289,6
г) в руб. на едока	34,14	70,02	161,73	57,02
6. В т. ч. от промыслов:				
а) в млн. руб.	403,2	952,8	154,6	1.510,6
б) в %% ко всему доходу	22,1	22,6	22,8	22,5
7. Облагаемый доход:				
а) в млн. руб.	1.486	3.434	569	5.489
б) в %% к итогу	27.1	62.5	10,4	100
в) в руб. на хозяйство	146,0	289,1	508,5	236.8
г) в руб. на едока	27,84	57,08	135,92	46,64
8. Исчисленный налог:				
а) в тысячах руб.	39.155	233.228	85 317	357.700
б) в %% к учтенному доходу	2,15	5,54	12,60	5,33
в) в %% к облагаемому доходу	2,63	6,7	14,99	6,52
г) в руб. на хозяйство	3,85	19,63	76,25	15,43
д) в руб. на душу	0,74	3,87	20,39	—

[1] Исключая хозяйства скотоводческих районов.

лимит для бедняков по облагаемому доходу 1927/28 г. 40 руб. и для середняков 100 руб. на душу. В основных таблицах Госналога за 1927/28 г. группировка по доходу на едока предусматривает такие интервалы. И, стало быть, расчленение всей массы хозяйств на три группы, по вышеуказанному признаку, не представляет никаких затруднений.

К сожалению, подоходная группировка на едока в материалах Госналога почему-то осуществлена только по четырем республикам из шести. По УзбССР и ТуркССР мы располагаем группировкой доходов только на хозяйство, независимо от размеров семьи, и потому нижеследующая сводная таблица не включает названных среднеазиатских республик (см. таблицу 3 на стр. 55).

В приведенной таблице, прежде всего, может смутить резкое увеличение процента бедняцкой группы, по сравнению с расчетами предшествующего года. В 1926/27 г. бедняки составляли, по нашему расчету, только 30% земледельческого населения СССР, а через год эта цифра достигает уже 45%, т.-е. возрастает в полтора раза. Отчасти это можно было бы отнести за счет неполной сравнимости сопоставляемых за два года данных и методов их обработки. Но главная причина этого расхождения лежит, повидимому, в другой области. Уровень батрацкой зарплаты, как было уже указано, вырос за 1927/28 г., примерно, на 10%. А средний уровень доходности всего земледельческого населения за этот год, по целому ряду кон'юнктурных причин, не обнаружил такого прироста. Вполне естественно, что в этих условиях, при повышении мерки бедняцкого уровня состоятельности под нее попадает более широкий круг хозяйств.

Не мешает попутно отметить, что сельский пролетариат по своему уровню доходности стоит у нас выше значительной массы деревенской бедноты, именуемой обычно „полупролетариатом". Так, например, по данным исследования „Тяжесть обложения в СССР", средний доход „бедняцкой" группы, не включая сюда батраков, едва достигал за 1926/27 г. 78,6 руб. на 1 душу, у батраков же он поднимался до 93,6 руб., при среднем уровне „середняцкого" дохода в 113,3 руб. на душу. Таким образом, „полупролетариат" нашей деревни, в среднем, живет хуже полного, стопроцентного пролетариата. И это вполне понятно, ибо большая часть нашей „полупролетарской" бедноты лишена средств производства, примерно, в той же или почти в той же мере, как и средний батрак, но вдобавок к этому не имеет еще и достаточно работы по найму. Говоря иначе, такой „полупролетарий" очень часто отличается от безработного пролетария только тем, что он не записан на бирже труда, так как имеет клок земли и потому формально числится самостоятельным хозяином.

Известное повышение численности бедноты, с повышением мерки бедняцкого уровня состоятельности, вполне естественно. Но правдоподобно ли столь значительное расширение круга бедноты в полтора раза при повышении уровня ее дохода только на 10%?

Вот вопрос, требующий дополнительной проверки. Чтобы сделать такую проверку, следовало бы или понизить на 10% соответствующий лимит бедноты для 1927/28 г., но к сожалению этого не позволяют наличные интервалы в подоходной группировке этого года, либо повысить на те же 0% этот лимит в нашей искусственной группировке за 1926/27 г. Последний путь для нас легче осуществим. И вот что он нам дает.

В пределах земледельческих районов РСФСР за 1926/27 г. мы насчитали в прошлом году из 15.965 тыс. общего числа хозяйств бедняцких дворов со средним доходом до 36 руб. на едока—4.700 тыс. т.-е. 29,6%. А когда мы этот лимит повысили теперь всего на 10% (до 40 руб.), то к числу бедняцких хозяйств пришлось прибавить еще 2.485 тыс. хозяйств и общее их число поднялось до 45,1% всего числа хозяйств. Этот подсчет показывает, что никакого реального роста бедняцкой массы за 1927/28 г. не имело место. Меняется лишь в наших расчетах понятие бедноты, поскольку мы его связываем со средним уровнем дохода батрацкой массы, а этот уровень заметно возрастает с каждым годом.

Возвращаясь после этой, весьма существенной, оговорки к данным таблицы 3, мы можем сделать следующие выводы. Основную массу в деревне и по этому расчету, как и по другим данным,— составляет середняк. Ему принадлежит около 62% посевов, 59% скота и до 63% всего учтенного дохода. Бедняцкая опора пролетарской диктатуры в деревне представляет собою по этому расчету тоже весьма крупную социальную силу. На эту группу падает до 27% посевов, до 33% скота и 27% от всего учтенного дохода; тогда как верхняя кулацко-предпринимательская группа обнимает собою всего около 3—4% населения, не свыше 11% посевов, около 8% скота и около 10% всех крестьянских доходов.

Весьма характерно, что по среднему доходу на едока каждый предприниматель раз в пять богаче рядового бедняка и в два с лишним раза мощнее типичного середняка. Но за то классовый характер сел.-хоз. налога несколько выправляет это резкое неравенство, ибо с бедняков он начисляется всего в размере 2,15% от учтенного дохода, у середняков этот процент из'ятия возрастает до 5,54%, а у зажиточных даже до 12,6%, т.-е. почти в шесть раз выше, чем у бедняков. А если учесть еще те льготы и скидки, которые даются беднякам после начисления налога, то эта налоговая прогрессия окажется еще резче. И в общем кулак, будучи только раз в пять богаче бедняка, облагается из расчета на хозяйство раз в 20, а из расчета на душу даже раз в 30 большей суммой сел.-хоз. налога.

В 1926/27 г. эта прогрессия была заметно слабее выражена: процент из'ятия у зажиточных только в 4,8 раза превышал норму из'ятия у бедняков, а вместе с тем и абсолютный размер исчисленного налога, из расчета на душу, колебался от группы к группе в менее резком диапазоне.

Таблица 4

Расслоение деревни в 1927/28 г.

(Распространенные итоги по всему СССР)[1]

Группировка по облагаемому доходу на хозяйство

Показатели	Бедняки, до 200 руб. на 1 хозяйство	Середняки, от 201 до 600 руб. на 1 хозяйство	Зажиточн., свыше 600 р. на 1 хозяйс.	Итого
1	2	3	4	5
1. Число индивидуальных хозяйств:				
а) в тысячах	11.943	11.589	778	24.310
б) в % к итогу	49,1	47,7	3,2	100
2. Население:				
а) в тысячах душ	46.553	69.778	6.501	122.732
б) в % к итогу	37,9	56,8	5,3	100
в) душ на 1 хозяйство	3,9	6,0	8,3	5,05
3. Посевная площадь:				
а) в тысячах гектаров	22.299	58.976	11.481	92.756
б) в % к итогу	24,0	63,6	12.4	100
в) в га на 1 хозяйство	1,87	5,09	14,75	3,81
4. Облагаемый крупный скот:				
а) в тысячах голов	14.795	29.564	4.316	48.675
б) в % к итогу	30,4	60,7	8,9	100
в) голов на 1 хозяйство	1,24	2,56	5,56	2,00
5. Учтенный доход:				
а) в млн. рублей	1.709	4.468	758	6.935
б) в % к итогу	24.6	64,5	10,9	100
в) в рублях на 1 хозяйство	143,1	386,0	975,0	285,3
г) в рублях на 1 душу	36,7	64,0	116,6	56,5
6. В т. ч. от промыслов:				
а) в млн. рублей	362,1	998,8	164,9	1.525.8
б) в % ко всему доходу	21,2	22,4	21,7	22,0
7. Облагаемый доход:				
а) в млн. рублей	1.408 0	3 654.6	642,3	5.704.9
б) в % к итогу	24 7	64.0	11.3	100
в) в рублях на 1 хозяйство	117,9	316,0	826,0	234,7
г) в рублях на 1 душу	30,2	52,4	99,0	46,5
8. Исчисленный налог:				
а) в тысячах рублей	49.030	238.564	87.346	374.940
б) в % к учтенному доходу	2,87	5,35	11,5	5,41
в) в % к облагаемому доходу	3,48	6,53	13,6	6.57
г) в рублях на 1 хозяйство	4,11	20,65	112,1	15,42

[1] Исключая хозяйства скотоводческих районов.

Абсолютные цифры таблицы 3 менее показательны, так как не охватывают собой двух среднеазиатских республик. Чтобы охватить и их, мы должны перейти от группировки по душевому доходу к другой группировке, проведенной по всему Союзу, а именно, к группировке по доходу на хозяйство. Считая в нормальном середняцком хозяйстве от 5 до 6 душ, мы низшую границу доходности для такого хозяйства определяем в $40 \times 5 = 200$ руб. и верхнюю в $100 \times 6 = 600$ руб. облагаемого дохода. При таком условии социальная структура советской деревни представится в следующем виде (см. таблицу 4 на стр. 58).

В основном и эта группировка подтверждает все те выводы, какие мы выше делали, исходя из группировки по душевому доходу. Но можно отметить и некоторые существенные отличия. Важнейшим из них является совершенно иной состав семьи в крайних социальных группах. В самом деле, среднее число душ на 1 хозяйство по обеим группировкам изменяется для разных социальных групп следующим образом:

Группировки:	Бедняки	Середняки	Зажиточные
1. По доходу на едока	5,2	5,1	3,7
2. „ „ „ хозяйство	3,9	6,0	8,3

В первом случае размер семьи падает с возрастанием дохода, во втором, наоборот, очень быстро нарастает. И в результате бедняки занимают по размеру семьи место зажиточных, зажиточные увеличивают свой семейный состав более чем вдвое и лишь середняки не выходят за пределы 5—6 душ на двор. Это приводит к тому, что если по числу дворов бедняцкая группа повысила свой удельный вес в общем итоге хозяйств, то по населению, наоборот, заметно его сокращает, а зажиточная группа, напротив, сократив свой удельный вес по числу хозяйств, увеличивает его по проценту населения.

О чем же говорят столь резкие смещения семейного состава крайних групп?

Едва ли может быть сомнение, что в этих смещениях проявляется действие искусственного отбора семей по тому или иному признаку.

Когда мы в качестве признака группировки выбираем определенный размер дохода на хозяйство, то, несомненно, в высшую группу совершенно искусственно отбираем помимо настоящих кулаков, имеющих повышенный доход от эксплоатации чужого труда, и значительную массу середняков, с повышенным доходом за счет большего числа работников в семье и, стало быть, за счет повышенного трудового дохода таких многодушных семей. Наоборот, мелкая семья, даже кулацкого типа, по тем же основаниям пониженного дохода попадает при этом в „середняки“, а более мелкие середняки переходят в „бедняцкую“ группу. Таким образом

по этому признаку все наиболее крупные семьи отбираются в высшую группу, а все наиболее мелкие, наоборот, в низшую по доходу, бедняцкую группу.

Социальное лицо каждой группы благодаря таким смещениям, разумеется, в той или иной мере искажается. И потому, вышеиспользованный прием расчленения деревни по размеру дохода на хозяйство, независимо от числа составляющих его членов, годится лишь в качестве самого первого приближения к изучению социальной структуры советской деревни.

В частности, этот прием дает нам, несомненно, преувеличенный удельный вес кулацкой группы в общем населении деревни. Это видно уже из того, что средний доход этой группы из расчета на душу составляет у нас по таблице 4 всего 99 руб., т.-е. даже в среднем по всей группе не достигает установленной минимальной нормы для зажиточной группы (100 руб.).

Гораздо лучшие результаты в смысле социальной чистоты группировки должен обеспечивать признак определенного размера дохода из расчета на душу. В этом случае простое слияние двух середняцких семей уже отнюдь не создает нам одной кулацкой, как это было бы при пользовании в качестве мерила неподвижным аршином посемейного дохода. Здесь с увеличением размера семьи возрастает и та сумма дохода, которая характеризует ее как бедняцкую, середняцкую или кулацкую. Однако, и подвижная мерка душевого дохода далеко не всегда удовлетворяет своему назначению. С возрастанием или сокращением числа членов семьи при нормальном ее составе, признак душевого дохода полностью сохраняет свое значение мерки определенного социального уровня. Но в отношении отдельных хозяйств с нетипичным составом семьи и душевой доход становится недостаточно четким критерием социального расчленения.

Поясним это примером. Допустим, что предельной нормой трудового дохода в условиях нашего сельского хозяйства середняцкого типа мы установили 100 руб на душу или 600 руб. на семью в 6 душ. При этом допущении, если доход такого хозяйства превышает указанную норму, то избыток этого дохода мы рассматриваем уже как нетрудовое приобретение, т.-е. как результат эксплоатации, в той или иной форме, чужого труда и потому относим такое хозяйство в категорию предпринимательских, называем его кулацким и т. д. Такое рассуждение, однако, верно лишь в том случае, если сопоставляемые хозяйства достаточно сравнимы между собою во всех отношениях и, прежде всего, по обеспечению рабочей силой и средствами производства. В среднем хозяйстве из 6 душ можно считать 3 работника и 3 иждивенца. Стало быть, предельный трудовой доход, падающий на одного работника, составит 200 руб. Ну, а если в нашей семье из 6 душ только 2 работника и они все же добывают на семью те же 600 руб.— Очевидно, в этом случае этот доход уже

превышает предельную трудовую норму данного числа работников указывая на наличность предпринимательства и эксплоатации чужого труда. И, наоборот, при 4 работниках из 6 душ даже 700 руб. дохода отнюдь еще не превышает предельную норму середняцкого хозяйства и не дает права относить такое хозяйство к типу кулацких.

Отсюда мы делаем следующие выводы. При использовании подоходной группировки для расчленения сельского населения на социальные группы — наиболее грубое приближение дает группировка по доходу на хозяйство. Она преуменьшает размер бедняцкого хозяйства по числу его членов и резко преувеличивает среднее число членов в зажиточных хозяйствах, включая сюда все многодушные середняцкие семьи. Лучшие результаты дает группировка по доходу на едока. Но и она, в известной мере, искажает средний состав семьи в крайних социальных группах, отбрасывая все семьи с избытком иждивенцев к бедняцкому концу и с избытком работников к кулацкому концу деревни. Наиболее правильный результат дала бы в этом отношении группировка по доходу на работника. Но она, к сожалению, по состоянию имеющегося в нашем распоряжении налогового материала в настоящее время не осуществима.

В известной мере эти замечания следовало бы учесть и тем товарищам, которые в основу социальных группировок, вместо доходности, предпочитают класть признак наличных средств производства. И здесь наилучшие, на наш взгляд, результаты дала бы группировка по размеру средств производства на работника, а не на хозяйство. Материал, с которым оперируют работники ЦСУ, это несомненно позволяет сделать. И я не совсем понимаю, почему они пренебрегают этой возможностью.

Переходя от общих итогов по СССР к отдельным республикам, получаем следующее сопоставление (см. таблицу 5 на стр. 62).

На первом месте по облагаемому душевому доходу стоит Украина, на последнем — Закавказская федерация. Облагаемый доход в этом отношении, правда, не особенно показателен, так как он далеко не с одинаковой полнотой учитывается в разных республиках. Так, например, по расчетам тов. Дьяченко за 1926/27 г. облагаемый доход в среднем по всему Союзу преуменьшен, по сравнению с условно-чистым, на 37,2%, но по Украине этот процент падает до 35,2%, а по ЗСФСР возрастает до 49,7%. С поправкой на эту разницу в полноте учета мы получили бы, вероятно, совсем иной порядок в расположении наших республик по уровню благосостояния деревни. Особенно заметно повысился бы при этом уровень среднеазиатских республик и Закавказья. Но все же, даже с учетом этой поправки, ЗСФСР, повидимому, осталась бы на последнем месте.

Однако, эта различная полнота учета облагаемого дохода, положенного в основание группировки, в сильнейшей степени затрудняет сравнение между собою полученных результатов в

Таблица 5

Социальная структура деревни в 1927/28 г.

Индивидуальные хозяйства земледельческих районов

Республики	Население				Облагаемый доход в рублях на душу				Коэфициент расслоения
	всего в тыс. душ	в %% к итогу							
		бедняки	середняки	зажиточные	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Группировка по доходу на душу									
1. УССР	24.638	34,4	60,7	4,9	29,0	59,5	131,8	52,5	30,8
2. РСФСР	84.168	46,8	49,9	3,3	28,0	56,3	137,8	45,8	36,3
3. БССР	4 283	48,6	49 0	2,4	29,1	55 8	131,8	44,7	33,9
4. ЗСФСР	4.623	73,9	24,2	1,9	22,5	57,3	143,4	33,2	47,6
Итого по 1—4	117.711	45,3	51,1	3,6	27,8	57,1	135,9	46,6	36,6
Б. Группировка по доходу на хозяйство									
1. УССР	24.638	31,4	63,2	5,4	35,0	57,4	99,0	52,5	21,2
2. РСФСР	84.168	37,2	57,3	5,5	30.3	50.9	98,0	45,8	25,3
3. БССР	4.283	34,8	62,7	2,5	32,0	49.7	96,0	44,7	19,8
4. ЗСФСР	4.623	64,0	32,2	3,8	22,9	47,0	87,2	33,2	39 4
Итого по 1—4	117.711	36,9	57,8	5,3	30,7	52,2	98,0	46,6	25,5
5. УзбССР	4 255	59,1	35,6	5,3	24,9	62,2	122,0	43,3	50,2
6. ТуркССР	765	56,4	37,6	6,0	27,1	51,0	101,2	40,6	37,3
Всего по СССР	122.732	37,9	56,8	5,3	30,2	52,4	99,0	46,5	26,3

республиканском и районном разрезах. Так, например, очень характерное понижение процента середняков, за счет повышения удельного веса бедняцкой группы, какое мы наблюдаем в ЗСФСР и среднеазиатских республиках, заслуживало бы серьезнейшего внимания. Но поскольку нам известно, что именно в этих республиках облагаемый доход учтен особенно неполно, то при одних и тех же доходных интервалах для всего Союза эта неполнота учета в данных республиках естественно должна была привести к огромному преувеличению в них бедняцкой группы за счет середняков. Это характеризует собою, однако, лишь относительно скверное состояние налогового учета в этих республиках, а не социальную структуру советской деревни в их пределах.

В качестве наиболее обобщенного показателя диференциации деревни мы принимаем коэфициент расслоения, исчисляемый следующим образом. Отклонение среднего душевого дохода бедняков, середняков и зажиточных от средней нормы по всем трем группам берется независимо от знака разности, выводится среднее, взвешенное по числу душ каждой группы, отклонение и это среднее отклонение выражается в процентах от среднедушевого дохода по данной республике или району. Как видно из нашей таблицы, этот коэфициент расслоения заметно меняется в зависимости от метода группировки и, в частности, при группировке хозяйств по доходу на хозяйство, где удельный вес середняков повышается, а уровни душевого дохода крайних групп сближаются, снижение коэфициента расслоения очень четко фиксирует это видимое смягчение диференциации деревни.

Но, конечно, такая видимая нивелировка, вытекающая только из изменения приемов группировки, не представляет никакого интереса. Интереснее были бы те колебания коэфициентов расслоения, какие можно отметить в районном разрезе. Но поскольку и здесь вследствие различной степени полноты учета облагаемого дохода мы не располагаем основной предпосылкой достаточной сравнимости сопоставляемых коэфициентов, никаких серьезных выводов из такого сопоставления мы сделать не решились бы.

Общий вывод, к которому мы приходим в настоящий момент, сводится к следующему. Налоговая отчетность в настоящем ее виде может быть использована в целях изучения социальной структуры советской деревни только для наиболее суммарных характеристик по всей стране в целом. По отдельным районам и республикам, в виду наличных дефектов этой отчетности, пользоваться ею было бы пока едва ли осторожно. Несомненно все эти дефекты устранимы. Налоговый учет с каждым годом совершенствуется. Но тем не менее переоценивать его пригодность для данной специальной цели в настоящий момент не приходится.

Л. А. Мендельсон

Сравнительный анализ структуры промышленности СССР и главнейших стран капитализма [1]

К постановке вопроса

Гигантская задача „догнать и перегнать“ передовые страны капитализма требует внимательнейшего сопоставления как статистики, так и динамики всех областей хозяйства СССР и мирового капитализма. Это тем более необходимо теперь, когда эта задача, звучавшая до недавней поры как декларативный лозунг, начинает трансформироваться в программу грандиозного по темпу и размаху строительства, первый и в то же время наиболее важный и трудный этап которого намечен пятилетним планом. Естественно, что с особой тщательностью нам приходится следить за динамикой соотношения технических уровней советского и капиталистического хозяйств, ибо отстаем мы прежде всего по этой линии. В области же социальной структуры мы уже обогнали капитализм, дав образец высшего по сравнению с капиталистическим типа экономической организации, в которой ведущее начало принадлежит сектору социалистическому, планово регулируемому. Конечно, понятие техники в данном случае не следует ограничивать очень узко, ибо наша отсталость велика не только по линии организации и методов производства, но и в области техники организации управления, учета и т. п.

Значение сравнительного анализа основных показателей технической структуры СССР и мирового капитализма троякое. С одной стороны, он должен вскрыть степень нашей технической отсталости и огромные трудности соревнования социализма с капитализмом в наших условиях, когда приходится радикально перестраивать социальные отношения и подводить под них новую техническую базу в стране с чрезвычайно слабо развитыми производительными силами. Взятые в динамике эти показатели должны, с другой стороны, выявить степень успешности соревнования, показывая, как на каждом данном этапе разрешается проблема „кто кого“. Одновременно техническая структура современного капитализма дает нам в известной мере прообраз нашего близкого технического будущего, типы отдельных предприятий, отраслей, которые должны быть созданы у нас в процессе реконструкции нашего хозяйства, ибо в силу нашей отсталости нам неизбежно приходится использовать самым широким образом богатейший технический, а подчас и организационный опыт мирового капитализма. Однако, необходимо с особой силой подчеркнуть, что использовать технический опыт капитализма следует не рабски копируя его, а сугубо критически проверяя его соответствие нашим условиям.

Глубочайшие различия в структуре социальных систем, в движущих пружинах развертывания производительных сил, в темпе роста последних, не могут не наложить глубокого отпечатка и на методах разрешения технических проблем. Социально-экономические преимущества нашей системы открывают возможность и необходимость не только иного, но подчас и лучшего, более совершенного разрешения ряда технических проблем глубочайшей важности. Не следует забывать, что техническая прогрессивность капитализма вообще, а паразитического, загнивающего, монополистического капитализма в особенности, глубоко относительна. Высший критерий капиталистической деятельности, так называемый принцип „рентабельности“ или прибыльности, как это теоретически и на ряде конкретных примеров блестяще доказано классиками марксизма, далеко не всегда находится в дружбе с техническим прогрессом и ростом производительных сил, не говоря уже об огромном тормозящем влиянии частной собственности на средства производства и стихийности всей экономики. Самый рост производительных сил в условиях капитализма, хотя и не случаен, а закономерно вытекает из структуры капиталистического общества, все же в глазах капиталистического организатора производства является не целью, а средством и своеобразным побочным продуктом процесса присвоения прибавочной стоимости. Эффективность отдельных технических сооружений, предприятий, комбинатов капиталист оценивает лишь с точки зрения своей индивидуальной нормы прибыли в данный конкретный период, без всякого учета их значения в процессе общего развертывания производительных сил общества. Наша система разрывает эти рамки, ограничивающие технический прогресс в условиях капитализма, обеспечивая ему не только невиданный темп, но и возможность иного типа развития. Плановое хозяйство дает нам возможности и наиболее выгодного территориального размещения промышленности, и создания в кратчайшие сроки крупнейших и сложнейших комбинатов, и употребления методов наиболее эффективного использования оборудования и т. п. Все это подчеркивает необходимость, даже на данной стадии социалистического строительства, когда наша отсталость еще колоссальна, сугубо критически использовать опыт мирового капитализма, что, однако, ни в коей мере не должно означать игнорирования последнего.

[1] Доклад, читанный в секции Мирового Хозяйства Госплана СССР 10 августа 1929 г.

Различие экономической структуры СССР и капиталистических стран, однако, влияет не только на темп движения производительных сил и характер разрешения отдельных технических проблем. Оно сказывается в глубочайшем несоответствии социальных результатов более или менее однородных технических сдвигов.

Для всякого классового общества типично, что изменения в технической основе сопряжены с перемещениями социального порядка. Такие явления как концентрация производства, рост массы средств производства, падающей на единицу занятой рабочей силы, систематические изменения в удельном весе отдельных отраслей хозяйства суть формы технического прогресса, значимые для всех или ряда эпох. Но в обществе, где господствует социальное неравенство, они неразрывно связаны с изменениями экономической силы отдельных классов и классовых прослоек, а вместе с этим с рядом глубочайших противоречий. Рост вооруженности труда средствами производства означает в условиях капитализма од овременное выталкивание рабочей силы из производственного процесса, рост резервной армии труда, обнищание широких масс. Перемещение производительных сил между отраслями и странами — этот всеобщий закон их движения трансформируется в условиях современного антагонистического общества в закон неравномерности капиталистического развития со всеми его противоречиями и т. д.

Наша советская система является классовой, хотя весь смысл ее существования, ее историческое назначение в подготовке перехода к обществу бесклассовому. Именно поэтому и в наших условиях всякого рода технические перегруппировки означают не только изменения в степени власти человека над природой, но и в соотношении классовых сил и их расстановке.

Одни и те же технические перегруппировки влекут, однако, в наших и капиталистических условиях социальные перемещения совершенно различного порядка. В зависимости от того, какой класс господствует и использует в своих интересах тот или иной рычаг технической реконструкции, меняется социальная значимость последнего. Поэтому, сопоставляя технические уровни и сдвиги СССР и стран капитализма, подвергая сравнительному анализу более или менее однородные формы технической реконструкции хозяйства, не следует забывать о их совершенно различной социальной роли, в результате того, что глубоко различны экономические системы, тенденции их развития и историческое место каждой из них.

Основным звеном пятилетнего плана является программа социалистической индустриализации. В этой области план выдвигает наиболее грандиозные, требующие максимального напряжения сил, задачи. Как и во всех других сферах нашего хозяйства, огромные количественные сдвиги в уровне производительных сил предполагаются здесь на основе очень больших качественных достижений. В итоге, наши позиции в мировом хозяйстве должны укрепиться не

только по линии роста абсолютных размеров продукции и ее доли в мировой, но и в области качественной структуры производственного аппарата и совершенства методов производства. Каковы же, однако, наши исходные пункты в этом отношении, каковы структурные особенности того производственного аппарата промышленности, с которым мы приступаем к разрешению гигантских задач пятилетнего плана, каковы его сильные и слабые стороны, по сравнению с индустрией передовых капиталистических стран? Не берясь исчерпывающе ответить на эти вопросы, попытаемся выяснить хотя бы основные структурные черты промышленности СССР. Круг исследования здесь ограничен теми качественными характеристиками, которые имеют адекватное количественное выражение в соответствующих статистических данных. Сравнительный аспект анализа вынуждает нас оставить неиспользованными и те структурные показатели, по которым мировая статистика не дает нам сопоставимых цифр. Чрезвычайная скудость мировой статистики и ее анархичность, свойственная капиталистическому способу производства, будет еще долго ставить нас в этом отношении в очень жесткие рамки. Наконец, мы не сочли целесообразным включать в сферу нашего рассмотрения огромное количество частных вопросов, связанных со структурными особенностями отдельных отраслей промышленности, и ограничились проблемами структуры всей промышленности в ее целом.

I. Уровень концентрации фабрично-заводского производства

История развития производительных сил мировой промышленности есть в значительной мере история роста степени технической концентрации производства, в связи с которой стоят и глубочайшие изменения в экономической структуре общества. Внутренней пружиной победоносного шествия капитализма по всему земному шару явились преимущества крупного производства перед мелким, выгоды труда кооперированного перед трудом индивидуальных, обособленных производителей. Переход от классического капитализма с его свободной конкуренцией к монополистическому является прямым последствием тех изменений в технической основе капитализма, которые были принесены процессами концентрации производства. „Концентрация“,— подчеркивал Ленин,—„на известной ступени своего развития сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии“ (Ленин, т. XIII, стр. 247). Но эта же гигантская концентрация производства является той материальной базой, которая создает не только возможность, но и историческую необходимость социалистического обобществления производства. Само собой разумеется, что концентрационные процессы развиваются на основе и в результате изменений в орудиях труда и методах производства, отражая в своем движении, правда, не всегда с достаточной полнотой и четкостью, изменения в общей технической основе производ-

ства. Но этим не умаляется огромное значение степени концентрации для характеристики структуры промышленности. Оно дает нам если не исчерпывающий, то все же очень важный показатель и технического уровня промышленности, и ее подготовленности к охвату новыми высшими организационными формами. Огромно значение технической концентрации и с точки зрения политической, поскольку она определяет и степень концентрации пролетарских масс, а в известной мере и степень классовой организованности пролетариата. В условиях социалистического строительства значение концентрации производства еще больше усиливается, ибо высокий уровень концентрации чрезвычайно облегчает и процессы обобществления и внедрение элементов плановости в экономику.

Новейшие сведения об уровне концентрации промышленности СССР дают нам предварительные итоги переписи 1926/27 г.:

Таблица 1

Концентрация цензовой промышленности СССР в 1926/27 г. [1]

	Всего	Заведения с числом рабочих: до 50	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	В том числе свыше 3.000
Абсолютные числа							
Число заведений	11.340	6.486	1.787	2.191	403	473	138
„ рабочих (тыс.)	2.465	142	129	489	279	1.426	848
Мощность механ. двиг. (тыс. лош. сил)	3.533	265	142	522	258	2.346	1.643
Валовая продукция (млн. черв. руб.)	11.958	1.156	881	2.632	1.441	5.848	3.085
В %%% к итогу							
Заведений	100	57,2	15,7	19,3	3,6	4,2	1,2
Рабочих	100	5,8	5,2	19.8	11,3	57,9	34,4
Механ. двигат.	100	7.5	4,0	14,8	7.3	66,4	46,5
Вал. продукции	100	9,7	7,4	22,0	12,0	48,9	25,8
В среднем на 1 заведение							
Рабочих	217	22	72	223	692	3.015	6.145
Двиг. в (лош. сил)	312	41	79	238	640	4.960	11.905
Вал. продукции (в тыс. черв. руб.)	1.054	178	493	1.201	3.576	12.364	22.355

Таблица указывает на огромный уровень достигнутой концентрации. Немногим менее 60% числа рабочих, 66,4% механической силы и 50% валовой продукции падают на предприятия-гиганты с числом рабочих свыше 1.000 в каждом. На долю 138 заведений, крупнейших

[1] Используемый нами материал, окончательно еще не обработанный и не опубликованный, любезно предоставлен в распоряжение Госплана ЦСУ СССР.

Абсолютные данные получены в ЦСУ. Остальные графы подсчитаны нами. В мощность двигателей включены: мощность первичных моторов и электромоторов чужого тока всей промышленности, без электростанций.

среди гигантов,[1] с числом рабочих в среднем на каждое свыше 6.000 приходится больше трети рабочей силы, 46% двигателей и 26% продукции — соотношение, как мы покажем ниже, неизвестное ни одной стране промышленного капитализма, включая Германию и С.-А. С. Ш. с их наиболее высоко концентрированным производством. Наоборот, удельный вес мелких заведений крайне невелик, даже если к их числу отнести и вторую группу заведений с числом рабочих от 51 до 100, которые по номенклатуре германских переписей относятся даже не к средним, а к крупным предприятиям. Эти две группы, составляющие 73% общего числа заведений, охватывают лишь 11% рабочей силы, 11,5% механической силы и дают 17,1% валовой продукции. Это, конечно, не означает, что роль мелкого производства незначительна в нашей промышленности, взятой в целом. Не следует забывать, что эти данные охватывают лишь цензовые заведения и фиксируют лишь степень концентрации фабрично-заводской промышленности, в которой, по нашим подсчетам, которые мы приведем ниже, занято лишь около 43% лиц промышленного труда.

Однако независимо от соотношения фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленностей, степень концентрации первой, сама по себе, имеет немаловажное значение и, поэтому, должна быть рассмотрена самостоятельно. Иная постановка вопроса — изучение доли отдельных групп заведений по отношению ко всей промышленности, включая сюда и ремесло — методологически ошибочна, ибо берет за одну скобку два качества, стушевывая тем самым реальные экономические различия между ними и внутри каждого из них. К особо грубым ошибкам мы бы пришли, пользуясь этим методом, при сравнительном анализе степени концентрации промышленности СССР и капиталистических стран, ибо важнейшей особенностью русской индустрии является ее превосходство в области концентрированности фабрично-заводской промышленности, при отставании и невыгодных пропорциях по линии соотношения между последней и кустарно-ремесленным производством.

Фиксируемый таблицей, чрезвычайно высокий уровень концентрации только в известной мере обязан специфическим условиям советской экономики. Годы социалистического строительства пока что принесли изменения лишь количественного, а не качественного порядка. Уже задолго до войны, на рубеже XX века, русская промышленность выделялась степенью своей концентрированности. В этом сказывались, прежде всего, особенности ее исторического развития. Вступив позже других стран на путь строительства крупной промышленности, русский капитализм естественно использовал опыт последних, заимствуя новейшие, наиболее мощные типы предприятий. Широкое участие иностранных капиталов и технических руководителей в развертывании ряда отраслей этому не мало способствовало.

[1] С числом рабочих от 3.000 и выше.

Здесь проявилась общая закономерность концентрационного движения, по которой страны с более молодой промышленностью и „новые" отрасли индустрии имеют наиболее высокий уровень концентрации производства, ибо они не ощущают давления огромных масс старого основного капитала, вложенного в более мелкие предприятия. Огромное влияние на интенсивность концентрационного движения оказывал и очень высокий, по сравнению с другими странами, темп развертывания русской промышленности, так как ничто не благоприятствует концентрации больше, чем лихорадочное новое строительство, которое, обычно, вызывает к жизни предприятия более совершенные по техническому уровню и более мощные по размерам, при одновременном расширении старых предприятий. Высокие темпы, при относительной дороговизне и недостатке капиталов, создавали условия для широкого использования системы многих смен, что естественно повышает среднее число рабочих и массу продукции на одно предприятие. Правда, в этом случае мы имеем специфическую форму концентрационного процесса, отличающуюся тем, что при ней не происходит роста массы орудий труда на 1 предприятие. Однако, масса рабочей силы и продукции являются и самодовлеющими показателями размеров предприятий, и их рост является несомненным признаком успехов концентрации. В наших советских условиях, позволяющих использовать основной капитал с такой интенсивностью, о которой современный капитализм, страдающий от хронической недогрузки производственного аппарата, и мечтать не смеет, данная форма концентрации приобретает особое значение.

Неблагоприятным для темпа концентрационного движения в довоенной русской промышленности было превалирование в последней отраслей подразделения „Б"[1], по своему уровню концентрации, как правило, сильно уступающих производству средств производства. Однако, необычно высокий уровень концентрированности текстильной промышленности, составлявшей львиную долю в индустрии средств потребления, в известной мере нейтрализовал это обстоятельство. Наконец, очень важным фактором, повышавшим средние размеры заведений по числу рабочих, при одновременном снижении по массе основного капитала, явилась дешевизна труда в довоенной России, которая служила сильнейшим тормозом процессов механизации даже на предприятиях-гигантах. Отсюда, большая насыщенность предприятий рабочей силой, при меньшем количестве средств труда и более низкой производительности труда. Эту особенность русской промышленности особо важно учитывать при анализе степени ее концентрированности, по сравнению с индустрией других стран. Но об этом позже. Пока же обратимся к рассмотрению концентрационной кривой русской промышленности за последнюю четверть века (см. таблицу 2 на стр. 71).

[1] Производства средств потребления.

Таблица 2

Динамика уровня концентрации цензовой промышленности СССР [1]

Годы \ Группы по числу рабочих	до 50	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	Всего
			Число предприятий			
1903	7.661	1.747	1.618	333	200	11.559
1913	7.974	2.012	2.066	394	328	12.774
1926/27	6.411	1.720	2.089	367	390	10.977
			Число рабочих (в тыс.)			
1903	166	120	358	229	436	1.309
1913	183	145	471	275	752	1.826
1926/27	140	124	463	255	1.104	2.086
			Число предприятий (в %% к итогу)			
1903	66,3	15,1	14,0	2,9	1,7	100,0
1913	62,4	15,7	16.2	3,1	2,6	100,0
1926/27	58,4	15,7	19,0	3,3	3,6	100,0
			Число рабочих (в %% к итогу)			
1903	12,7	9,2	27,3	17,5	33,3	100,0
1913	10,0	7,9	25,8	15,1	41.2	100,0
1926/27	6,7	5,9	22,2	12,2	52,9	100,0
			Среднее число рабочих на 1 предприятие			
1903	22	69	221	688	2.180	113
1913	23	72	228	698	2.293	143
1926/27	22	72	222	695	2.831	190

Чтобы сделать довоенные данные, заимствованные из отчетов фабричных инспекторов, сравнимыми с современными, мы отбросили в первых цифры, относящиеся к прибалтийским, польским и Бессарабской губерниям и исключили из вторых сведения по горной промышленности. В виду того, что эти поправки все же полного совпадения территории, а отчасти и методов учета не дают, сопоставление абсолютных данных страдает некоторой неточностью, не имеющей, однако, большого значения, ибо она, ставя под сомнение отдельные цифры, не искажает общей картины изменений в уровне концентрации.

Таблица показывает, что уже в 1903 г. на территории, примерно, равной европейской части СССР, насчитывалось 200 предприятий гигантов с 2.180 рабочими в среднем на каждое, которые, составляя 1,7% числа заведений, охватывали треть фабрично-заводского пролетариата. В 533 крупнейших предприятиях двух высших групп было сконцентрировано больше половины рабочих цензовой промышленности. На долю же 9,4 тыс. заведений с числом рабочих менее 100 в каждом падало лишь 21,9% всех рабочих. Все это свидетельствует об огромном, в особенности для того периода, уровне

[1] Без горной.

технической концентрации. Сильное превалирование предприятий-гигантов в русской промышленности уже в начале XX века — факт чрезвычайной важности, без учета которого нельзя понять ни значительного ее последующего охвата монополистическими об'единениями, при сравнительно слабом уровне индустриализации довоенной России, ни общей структуры и роли финансового капитализма в последней, ни некоторых особенностей рабочего движения, ни ряд других моментов.

Последнее довоенное десятилетие было периодом дальнейшего интенсивного роста промышленности, показателями которого может служить увеличение с 1903 по 1913 гг. выплавки стали в 2 раза. Количественный рост естественно сопровождался и качественными сдвигами, в том числе и по линии концентрации производства. Удельный вес предприятий-гигантов повысился по числу заведений с 1,7 до 2,6%, по числу рабочих — с 33,3 до 41,2%, среднее число рабочих в каждом из них — с 2.180 до 2.293. Число заведений-гигантов увеличилось за десятилетие на целых 64%, поднявшись с 200 до 328, а из общего прироста числа рабочих на долю этой группы падает 62%. Все это симптомы очень высокого, крайне напряженного темпа концентрационных процессов. Чрезвычайно характерно, что на протяжении всего довоенного, как и послевоенного периода, единственной группой заведений, выигрывавшей в результате концентрационного движения в своем удельном весе, были предприятия-гиганты; все же остальные, в том числе и крупнейшие заведения с числом рабочих от 500 до 1.000, неуклонно снижают свою долю во всей промышленности. Это говорит о том, что не только темп, но и тип концентрационных процессов был очень высок, хотя последний имел и свои слабые стороны.

В итоге, накануне войны степень концентрированности русской промышленности была такова, что несколько сот заведений-гигантов играли в ней решающую роль, что имело тем большее значение, что они были расположены в немногих крупных индустриальных центрах, а не распылены по необ'ятной территории страны. Из общего числа этих заведений на долю двух промышленных округов — Московского и Петроградского — падало 68,4% по числу предприятий и 70,3% по числу рабочих, при чем для двух одноименных губерний соответствующие цифры составляли 30,9 и 33,3%. Сосредоточение основного ядра промышленности и индустриального пролетариата на небольшом числе крупнейших предприятий и в немногих промышленных центрах было одним из важнейших условий, организационно облегчивших впоследствии в годы революции и мобилизацию рабочих масс, и разрешение ряда задач хозяйственного строительства.

Обратимся к рассмотрению изменений, происшедших в степени концентрации промышленности за годы войны и революции. Сопоставление соответствующих данных за 1913 и 1926/27 гг. позволяет

с несомненной очевидностью констатировать, что в этой области мы оставили значительно позади довоенный, уже тогда очень высокий, уровень. Мелкие заведения с числом рабочих до 50 снизили свою долю в массе рабочих с 10 до 6,7%, предприятия же гиганты вновь ее увеличили с 41,2 до 52,9%. Особенно резкие изменения, которых не знало даже чрезвычайно интенсивное довоенное концентрационное движение, показывают средние размеры предприятий. Среднее число рабочих на 1 заведение-гигант повысилось за последнее довоенное десятилетие на 113 чел. или 5,2%, а за 1913—1926/27 гг. на 538 чел. или 23,4%. Нет никакого сомнения поэтому, что темп концентрационных процессов в последние годы значительно выше, чем до войны. Ведь следует учитывать, что тот огромный сдвиг в степени концентрации, который имел место в 1913—1926/27 гг., является продуктом не всего этого тринадцатилетнего периода, а в основном лишь 5—7 лет восстановления и частичной реконструкции промышленности. Годы гражданской войны, снизившие продукцию промышленности до 20% довоенной, а по отдельным отраслям еще ниже этого, распылившие значительную часть фабрично-заводского пролетариата, отбросившие всю индустрию, и в количественном и в качественном отношениях, далеко назад, скорее тормозили концентрационные процессы, чем их стимулировали. Экономическая обстановка годов империалистической войны, в условиях которой отбор предприятий, степень их загрузки, изменение их величины решались, прежде всего, значением их продукта для ведения войны, наличием сырьевых и прочих ресурсов для развертывания производства, способствовали концентрационному движению лишь в отдельных отраслях, но здоровая база для последнего отсутствовала и в этот период. Только в последние годы, когда промышленность стала быстро восстанавливаться и началось новое строительство, концентрационные процессы вновь проявились, притом с удвоенной силой. Косвенное подтверждение этому мы находим в следующих данных:

В среднем на 1 заведение цензовой промышленности:

	1924/25 г.	1927/28 г.	Прирост в %
Рабочих	157	233	48,4
Продукции (в тыс. черв. руб.)	607	1.215	100,1

За три года среднее число рабочих на 1 заведение цензовой промышленности увеличилось на 48,4%, между тем как за последнее довоенное десятилетие прирост составил лишь 31,0%. В основном, этот рост носил не восстановительный характер, ибо уже цифры 1924/25 г. выше довоенных. Еще значительнее прирост средних размеров продукции, который фактически еще выше, чем показывают наши данные, поскольку они не учитывают происшедшего в эти годы снижения цен на промтовары.

Но если согласиться с тем, что разница в современном и довоенном уровнях концентрации, если не целиком, то в основном, явля-

ется результатом 6—7 последних лет, тогда нельзя не признать темп концентрационного движения этого периода огромным, даже по сравнению с очень высокими довоенными темпами. Теоретическое об'яснение этого явления особых трудностей не представляет, ибо оно кроется в общеизвестных особенностях нашей советской экономики. Это, прежде всего, результат планового регулирования промышленности и небывалого в истории темпа ее развертывания. Планирование означает не только ликвидацию стихийности в области концентрации, но и большую эффективность и повышение темпов последней. С другой стороны, в условиях лихорадочного нового строительства, расширения старых предприятий, введения дополнительных смен, роста загрузки производственного аппарата — темп концентрации не может не усилиться. Правда, товарный голод одновременно создает и противодействующую тенденцию, стимулируя в той мере, в какой этому не препятствуют сырьевые трудности, поддержание и развертывание мелких предприятий, не требующих больших капитальных затрат. Однако, эта тенденция неизмеримо слабее факторов, благоприятствующих концентрации.

К числу последних, в частности, относится и наша политика по отношению к частно-капиталистическому сектору нашей промышленности, состоящему почти сплошь из заведений мелкого типа, [1] насчитывающих в среднем на каждое около 20 [2] рабочих против 287 [2] в госпромышленности. Только за 2 года — с 1925/26 по 1927/28 — число частных заведений в цензовой промышленности сократилось с 2.114 до 775, а число рабочих в них — с 42,5 до 15,0 тыс. То, что в основном, это колоссальное падение сопряжено с ликвидацией заведений, а не с переходом их к обобществленному сектору, видно из того, что сокращению числа частных заведений на 1.339 единиц противостоит рост в обобществленном секторе лишь 338 единиц. Но массовая ликвидация мелких заведений, сопряженная в данном случае с социальными перегруппировками, есть крупный шаг вперед в области концентрации производства.

Очень большое значение для роста среднего числа рабочих и массы продукции на 1 заведение имеет процесс перехода к семичасовому рабочему дню и связанной с ним системе трех смен. В ту же сторону будет действовать и намечающийся переход на непрерывную рабочую неделю.

Вся система нашей экономики, высокие темпы, наша конкретная политика, таким образом, уже значительно усилили концентрационное движение. Однако, наши возможности в этом отношении далеко еще не раскрыты, поскольку мы стоим только на пороге генеральной реконструкции нашего хозяйства. Дальше мы покажем, какой огромный новый скачок вперед по линии концентрации пред-

[1] Не считая концессионных заведений.
[2] 1927/28 г.

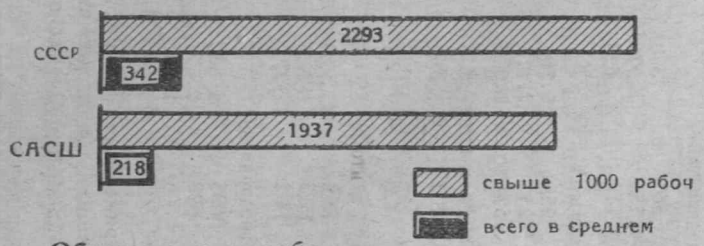
Уровень концентрации крупной обрабатывающей промышленности СССР, С.-А.С.Ш. и Германии

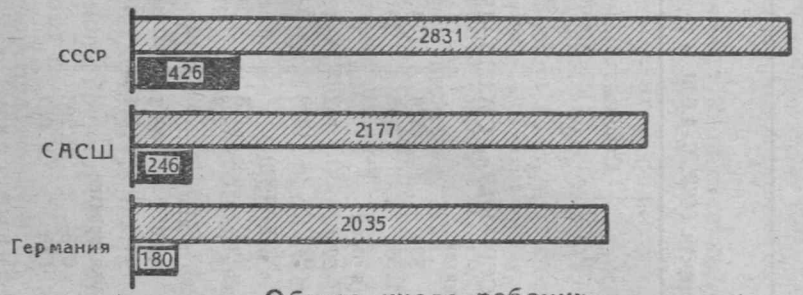
Диаграмма 1

Довоенные годы

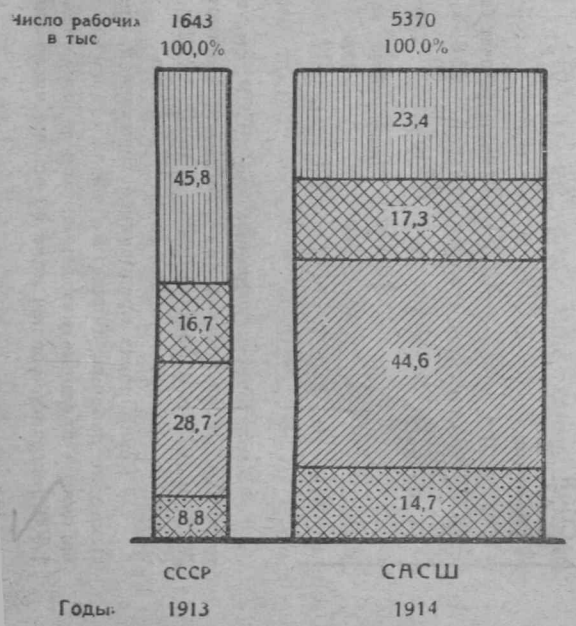
Послевоенные годы

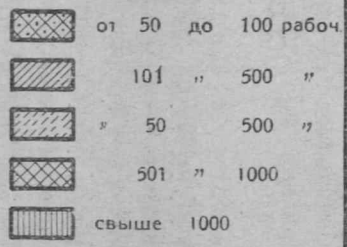
Число рабочих на 1 предприятие

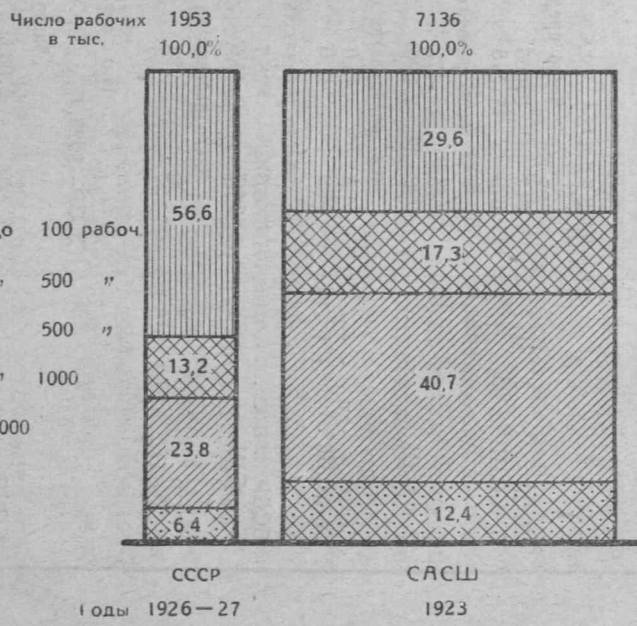




Общее число рабочих







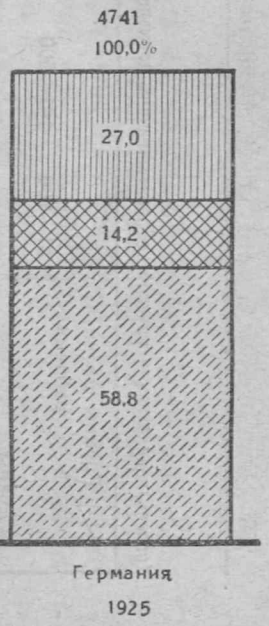


Таблица 3

Уровень концентрации крупной обрабатывающей промышленности СССР, С.-А.С.Ш. и Германии [1]

Страны \ Группы по числу рабочих	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	Всего
	Довоенные годы (СССР—1913 г., С-А.С.Ш—1914 г.)				
	Число предприятий				
СССР	2.012	2.066	394	328	4.800
С.-А.С.Ш.	11.079	11.578	1.348	648	24.653
	Число рабочих (в тыс.)				
СССР	145	471	275	752	1.643
С.-А.С.Ш.	792	2.396	927	1.255	5.370
	Число предприятий (в %% к итогу)				
СССР	41,9	43,0	8,2	6,8	100,0
С.-А.С.Ш.	44,9	47,0	5,5	2,6	100,0
	Число рабочих (в %% к итогу)				
СССР	8,8	28,7	16.7	45,8	100,0
С.-А.С.Ш.	14,7	44,6	17,3	23,4	100,0
	Число рабочих на 1 предприятие				
СССР	72	228	698	2.293	342
С.-А.С.Ш	71	207	688	1.937	218
	Послевоенные годы (СССР—1926/27 г., С.-А.С.Ш.—1923 г., Германия—1925 г.) [2]				
	Число предприятий				
СССР	1.720	2.089	367	390	4.566
С. А.С.Ш.	12.346	13.849	1.785	971	28.951
Германия	24.641		1.112	628	26.381
	Число рабочих (в тыс.)				
СССР	124	463	255	1.104	1.946
С.-А.С Ш.	883	2.907	1.232	2.114	7.136
Германия	2.789		674	1.278	4.741
	Число предприятий (в %% к итогу)				
СССР	37,7	45,8	8,0	8,5	100,0
С.-А.С.Ш.	42,6	47,8	6,2	3,4	100,0
Германия	93,4		4,2	2,4	100,0
	Число рабочих (в %% к итогу)				
СССР	6,4	23,8	13,2	56,6	100,0
С.-А.С.Ш.	12,4	40,7	17,3	29,6	100 0
Германия	58,8		14,2	27,0	100,0
	Число рабочих на 1 предприятие				
СССР	72	222	695	2.831	426
С.-А.С.Ш.	72	210	690	2.177	246
Германия	113		606	2.035	180

[1] Характеристику данных по СССР см. в примечаниях к предшествующим таблицам. Абсолютные данные по Германии заимствованы из „Wirtschaft und Statistik", № 2 за 1928 г. и № 2 за 1929 г., по С.-А.С.Ш. из „Statistical Abstract of the United States" за соответствующие годы.

[2] Группировка предприятий германской промышленности дана по числу занятых, а не рабочих, цифры же везде относятся к числу рабочих. Данные о числе рабочих в предприятиях германской промышленности с числом занятых от 500 до 1.000 экстраполированы нами на основе числа занятых в этой группе.

полагается по пятилетнему плану промышленности. Пока же обратимся к вопросу о том, каковы наши конкретные, уже достигнутые позиции в этой области, по сравнению с наиболее передовыми странами капитализма — Германией и С.-А. С. Ш. (см. таблицу 3 на 76 стр. и диаграмму 1 на 77 стр.).

В виду того, что статистика этих стран и СССР учитывает предприятия с разным цензом, нами везде взяты заведения с числом рабочих не менее 50, чтобы сделать сопоставление возможно более точным. Поскольку при современном уровне техники и концентрации мировой промышленности заведения более мелкие, за редким исключением, по своему типу относятся скорей к ремесленно-кустарному производству, в сферу нашего рассмотрения входит почти вся фабрично-заводская промышленность в собственном смысле слова. К сожалению, нам пришлось в стороне оставить горную промышленность, за отсутствием сопоставимых данных по С.-А.С.Ш. Большого значения, однако, последнее обстоятельство не имеет.

Таблица дает нам наглядное представление о соотношении уровней концентрации промышленности СССР, Германии и С.-А.С.Ш. на основе группировок заведений по числу рабочих. Но число рабочих хотя и чрезвычайно важный, но все же не единственный признак размеров предприятий. Это очень серьезное методологическое соображение, которое не следует упускать из виду при анализе приведенных данных.

Основной вывод, который ярко иллюстрируется таблицей, сводится к тому, что и до войны, и в 1926/27 г. русская промышленность стояла выше по уровню концентрации, чем американская и германская, с той оговоркой, что в данном случае мы условно суживаем понятие концентрации, ограничиваясь только одним из ее признаков. Характерно не только то, что мы стоим на первом месте в этом отношении, но и поразительны огромные размеры интервалов, отделяющих С.-А.С.Ш. и Германию от нас, при сравнительно скромной разнице между последними. Если в 1913 г. на долю предприятий-гигантов приходилось в довоенной России 6,8% заведений и 45,8% рабочих, то в С.-А.С.Ш. соответствующие цифры составляли лишь 2,6 и 23,4%. На долю предприятий-гигантов в С.-А.С.Ш. падал до войны почти в 2 раза меньший процент рабочей силы промышленности, чем у нас. Обратное соотношение удельных весов дают более мелкие заведения первых двух групп с числом рабочих до 500 в каждом. Значительно выше, чем в С.-А.С.Ш., было у нас и среднее число рабочих на каждое заведение и на крупнейшие из них в особенности. Все это тем более важно, что С.-А.С.Ш. все время стоят по уровню концентрации промышленности в первом ряду среди крупных индустриальных стран и что в них значительно выше, чем в русской промышленности, удельный вес отраслей, производящих средства производства, которые особо сильно концентрированы.

С довоенной германской промышленностью мы сопоставления в таблице не проводим, чтобы не увеличивать и без того значительные размеры последней. Однако, следующие две цифры показывают, что соотношение нашего уровня концентрации с германским было, примерно, такое же, как с американским. В 1907 г. процент рабочей силы крупной промышленности, занятой в заведениях-гигантах, составлял в Германии 21,7 против 42,7 в нашей промышленности.

Последние 10—15 лет значительно повысили степень концентрации промышленности всех трех стран. Однако, соотношение уровней концентрации не подверглось сколько-нибудь серьезным изменениям, несмотря на то, что в концентрационном движении промышленности СССР был перерыв в течение ряда лет, какого не знали С.-А. С. Ш., несмотря на пережитую за это время огромную экспансию американской индустрии и проведенную рационализацию в Германии, в условиях, когда промышленность СССР занималась восстановлением довоенного уровня. Это свидетельствует о превосходстве нашего темпа концентрации, связанном с особенностями нашей экономики. Иллюстрацией к тому, что „концентрационные ножницы", по сравнению с довоенным, скорее выросли, чем сузились, могут послужить следующие цифры, в которых соответствующие данные по СССР нами приняты за 100:

	Доля предприятий-гигантов в крупн. про-сти по числу рабочих		Среднее число рабочих			
			на 1 заведение крупной пр сти		на 1 заведение-гигант	
	до войны	в 1923/26 г.	до войны	в 1923/26 г.	до войны	в 1923/26 г.
СССР . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
С.-А.С.Ш. . .	51,1	52,2	63,7	57,7	84,5	76,9
Германия . .	50,8	47,6	—	42,3	—	71,9

Соотношение удельных весов заведений-гигантов осталось почти неизменным. Среднее же число рабочих на 1 заведение в СССР возросло значительно сильнее, чем в С.-А. С. Ш. и Германии, и их отставание от СССР соответственно увеличилось. Однако, повторяем, что пока что мы условно пользуемся лишь одним, хотя и важным, но не исчерпывающим признаком размеров предприятий и степени концентрации.

Реальное значение того, что наша промышленность состоит из заведений гораздо более крупных по числу рабочих, чем американская и германская, сильно ослабляется, однако, значительно меньшей эффективностью трудовых затрат и недостаточной механизацией производства. Мы уже отмечали вскользь, что об'яснение того парадоксального противоречия, что русский капитализм развертывал, с

одной стороны, заведения-гиганты, с другой же,— далеко в недостаточной мере снабжал их силовыми двигателями и прочими орудиями механизации труда, кроется, прежде всего, в дешевизне рабочей силы. К этому присоединяются длинный рабочий день, относительный недостаток основных капиталов и ряд других условий исторического развития русской промышленности.

Все это одновременно имеет свою оборотную сторону в низкой производительности труда, при чем снижающее влияние дешевизны рабочей силы и длинного рабочего дня было не только косвенным, через ослабление механизации, но прямым, поскольку вытекающие отсюда тяжелые материальные и культурно-бытовые условия давили на степень интенсификации труда. Известное влияние на высоту последней оказывала и специфическая структура нашего рабочего класса, наличие в нем огромной массы полупролетариев полукрестьян, для которых работа в промышленности является не только новым, но очень часто побочным делом, которые не освоились с особой размеренной дисциплиной и высокими темпами трудового процесса в условиях крупного машинного производства. В конечном счете — крайне нерациональное использование рабочей силы, которую русский капитализм растрачивал столь же хищнически, как и естественные богатства страны. Годы революции, в особенности начавшаяся реконструкция промышленности, в этом отношении многое изменили, но коренной перелом еще впереди. Пока же тип наших промышленных заведений, их техническое лицо, унаследованное от капитализма, продолжает нести налет той смеси американизма с азиатчиной, столь характерной для многих сторон нашего довоенного и даже советского бытия. В данном конкретном случае, в степени концентрации промышленности, это выражается в том, что заведения, являясь гигантами по числу рабочих, оказываются значительно меньших размеров, если последние определять по наличию орудий производства, и еще меньшими, если мерилом избрать их экономическую эффективность, выражающуюся в массе выбрасываемой ими продукции. Совершенно естественно, что соотношение уровней концентрации промышленности СССР и стран передового капитализма, при оценке размеров заведений по продукции и основному капиталу, оказывается поэтому подчас иным, чем то, которое мы смогли зафиксировать, сопоставляя заведения по числу рабочих.

Статистика С.-А. С. Ш. и СССР не дает нам вполне сопоставимых данных, чтобы судить о соотношении размеров промышленных заведений по основному капиталу и стоимости продукции. Однако, следующие подсчеты довольно четко иллюстрируют фактическое положение вещей в этой области.

В 1923 г. на долю заведений с числом рабочих до 50 приходилось в С.-А. С. Ш. около 19 – 20% общего числа рабочих промышленности. Это дает нам основание предполагать, что удельный вес этих заведений в валовой продукции и массе механической двига-

тельной силы промышленности был, во всяком случае, не выше 20, а, по всей вероятности, ниже этой цифры. Остановившись для осторожности на последней, мы получили возможность установить мощность двигателей и продукцию, падающую на крупную промышленность, т.-е. на заведения с числом занятых свыше 50. Далее мы предполагаем, что в 1927 г. абсолютное число заведений крупной промышленности С.-А. С. Ш., их удельный вес по всем показателям остался таким же, как и в 1923 г. В итоге мы получаем следующую таблицу:

	Всего в крупной[1] обрабатыв. промышленности				В среднем на 1 заведение					
	Заведений	Рабочих (тыс.)	Механич. двиг. (тыс. лош. сил)	Валовая продукция (млн. руб.)[2]	Рабочих	Механ. двиг. (тыс. лош. сил)	Валовая продукция (г. черв. р.)[2]	Рабочих	Механ. двиг.	Валовая продук.[2]
								СССР=100		
СССР 1926/27 г. . .	4.566	1.946	2.695	10.034	426	590	2.198	100,0	100,0	100.0
С.-А.С.Ш. 1923 г. . .	28.951	7.136	26.476	94.147	246	915	3.252	57,7	155,1	148,0
„ 1927[3] „ . .	28.951	6.681	31.226	97.501	231	1.079	3.368	54,2	182,9	153,2

Сделанное в таблице сопоставление ни в коей мере не претендует на точность отдельных цифр, ибо для получения данных по С.-А.С.Ш., в особенности за 1927 г., мы прибегли к довольно грубой экстраполяции. Однако, можно с полной уверенностью утверждать, что все допущенные неточности влияют исключительно в сторону преуменьшения средних размеров заведений С.-А.С.Ш., а не их преувеличения, ибо, во-первых, фактически удельный вес крупной промышленности, благодаря более высокой производительности труда и энерговооруженности, выше по продукции и механической силе, чем по числу рабочих, во-вторых, за 1923—1927 гг. удельный вес крупных заведений во всей промышленности по всем показателям, несомненно, увеличился, число же заведений, как показывают данные об общем движении последних, несколько уменьшилось.

Не имея возможности статистически учесть эти моменты, мы фактически преуменьшили среднюю продукцию и мощность двигателей на 1 заведение промышленности С.-А.С.Ш., что, однако, только усиливает выводы, иллюстрируемые таблицей.

Будучи более крупными по числу рабочих, заведения нашей промышленности, взятые в среднем, сильно уступают американским по массе механических двигателей. Еще сильнее наша отсталость по средним размерам продукции, при чем она, по крайней мере, в два

[1] Заведения с числом рабочих не менее 50.

[2] Без учета различий в уровнях цен.

[3] Данные экстраполированы.

раза выше, чем показывают приведенные цифры, ибо в последних не учтена разница в уровнях цен на промтовары, которые, если верить весьма сомнительным по своей точности исчислениям Кон'юнктурного Института ЦСУ, в 2,5 раза ниже в С.-А.С.Ш., чем у нас. Правда, с другой стороны, возможно, что у нас вкралась статистическая неточность обратного порядка, благодаря следующему обстоятельству. Очень вероятно,— фактически это проверить крайне трудно — что значительно больший удельный вес заведений-гигантов в СССР сопряжен и с большей степенью интеграции промышленности СССР, благодаря чему значительно большая доля продукции, чем в С.-А.С.Ш. переходит из цеха в цех, не попадая на рынок. Но тогда методологически правильнее сопоставлять с валовой продукцией промышленности С.-А.С.Ш. не валовую продукцию нашей промышленности, а ее валовой оборот. Это несколько изменяет соотношение размеров заведений по продукции в нашу пользу, поскольку валовой оборот на 1 заведение цензовой промышленности выше валовой продукции на 34%. Все же эта поправка, которая приемлема только отчасти, лишь несколько меняет количественные пропорции, оставляя нетронутыми качественные соотношения.

Отсутствие соответствующих данных вынуждает нас оперировать цифрами средних размеров заведений по всей крупной промышленности в целом. Поскольку в последней совершенно различен удельный вес заведений разной величины по числу рабочих в СССР и С.-А.С.Ш., возникает вопрос, не пришли ли бы мы к несколько иным выводам, имея более диференцированные показатели? В частности, применимо ли к заведениям-гигантам сказанное о средних размерах заведений крупной промышленности в целом? На последний вопрос приходится дать безусловно положительный ответ. Конечно, если говорить об удельном весе заведений-гигантов в валовой продукции, то он, несомненно, выше у нас, чем в С.-А.С.Ш., но это лишь функция того, что на их долю падает гораздо больший процент всей рабочей силы промышленности, чем в С.-А.С.Ш. Однако, на ряду с этим нельзя игнорировать вопрос о средней массе продукции, падающей на одно такое заведение, а она, несомненно, значительно ниже в промышленности СССР, по сравнению с американской. Ведь среднее число рабочих на 1 такое заведение в С.-А.С.Ш. лишь на 23% ниже, чем у нас, производительность же труда по грубым подсчетам раза в три выше нашей. Но то же самое верно и по отношению к средним размерам заведений-гигантов по числу механических двигателей.

Германские промышленные переписи совершенно не учитывают стоимости продукции. Это лишает нас возможности выяснить соотношение средних размеров заведений нашей и германской промышленности по продукции. Но зато мы имеем точные цифры о мощности механической двигательной силы в среднем на 1 заведение.

Таблица 4

Механические двигатели крупной промышленности СССР в Германии [1]

Страны \ Группы по числу рабочих	51—200	201—1.000	1.000 и выше	Всего
	Мощность двигателей (лош. сил).			
СССР	343.597	578.440	2.346.213	3.268.250
Германия	2.371.845	4.142.048	7.701.311	14.215.204
	Мощность двигателей (в %% к итогу).			
СССР	10,5	17,7	71,8	100
Германия	16,7	29,1	54,2	100
	Мощность двигателей на 1 заведение (лош. сил.)			
СССР	115	413	4.960	673
Германия	114	721	8.945	520

Заведения-гиганты и по массе механических двигателей играют в промышленности СССР гораздо большую роль, чем в германской. Однако нетрудно заметить, что отставание Германии здесь значительно меньше, чем по числу рабочих.

Средняя мощность двигателей на 1 заведение крупной промышленности также выше у нас, чем в Германии (673 лош. сил и 520 лош. сил). Но это лишь обманчивый результат статистических „средних", связанный с тем, что в Германии заведения с числом рабочих от 50 до 200 составляют значительно большую долю последних, чем в СССР. Но если взять только заведения с числом рабочих свыше 200, в которых сконцентрировано больше 80% всей двигательной силы, то здесь оказывается, что наши заведения, превосходя германские по среднему числу рабочих, сильно уступают по средней мощности двигателей, при чем особо сильно отстают заведения-гиганты. Правда, в известной мере последнее обстоятельство обязано иному распределению заведений-гигантов по отраслям промышленности; так, например, у нас из общего числа этих заведений на горную и металлургическую промышленность приходится 27%, а на текстильную — целых 38,2%. В Германии же соответствующие цифры равны 39,4% и 11,4%. Это, естественно, снижает среднюю мощность двигателей на 1 заведение-гигант в СССР по сравнению с Германией. Все же меньшие размеры наших заведений по мощности двигателей являются в основном продуктом не этих особенностей их структуры, а нашей отсталости по линии механизации производства, как это показывают приведенные нами ниже данные по отдельным отраслям промышленности.

[1] СССР—1926/27 г., Германия—1925 г. Данные охватывают все отрасли, включая и горную.

Общий вывод, который вытекает из сравнительного анализа уровней концентрации фабрично-заводской промышленности СССР и передовых стран капитализма, сводится к тому, что, значительно опередив другие страны по среднему количеству рабочих, падающих на 1 заведение, и удельному весу предприятий-гигантов, мы очень серьезно отстаем по средней массе механических двигателей и продукции на каждое заведение. По сравнению с промышленностью С.-А.С.Ш. и Германии, в нашей индустрии отчетливо вырисовываются „ножницы" между насыщенностью наших предприятий рабочей силой, с одной стороны, и массой средств труда и размерами продукции, — с другой. Именно поэтому глубоко ошибочно сопоставлять уровень концентрации нашей и капиталистической промышленности только на основе одного какого-нибудь признака размеров заведений, так как при этом можно, в зависимости от выбора признака, с одинаковым правом утверждать и об огромном превосходстве и об огромной нашей отсталости.

Здесь возникает вполне законный вопрос о том, можно ли рассматривать более крупный характер наших промзаведений по числу рабочих как экономическое преимущество в условиях нашего отставания по другим линиям? Не является ли это наше „превосходство" функцией нашей технической отсталости, низкой производительности труда, слабого уровня механизации производства? Иными словами, является ли тот огромный, невиданный в других странах уровень концентрации нашей промышленности по распределению рабочей силы, который мы выше констатировали, нашим техническим плюсом или минусом?

Мы полагаем, что то обстоятельство, что в нашей промышленности преобладают заведения гиганты по числу рабочих, то, что в этом отношении мы стоим впереди и С.-А. С. Ш. и Германии, есть фактор положительный, при том огромной важности, при всей нашей отсталости по размерам механических двигателей и продукции. Ведь бесспорно колоссальное экономическое значение того, что около 60% рабочей силы, 66,4% механических двигателей и около 50% продукции дают нам всего лишь 473 заведения-гиганта, или 4,2% из общего числа в 11.340. Это чрезвычайно облегчает и управление промышленностью и ее планирование, и техническую реконструкцию и дает ряд других преимуществ, которые столь же очевидны, как и упомянутые. Конечно, „ножницы" между размерами заведений по массе рабочей силы, основного капитала и продукции должны быть и будут, в процессе рационализации и реконструкции, устранены.

Разрешение этой задачи в ряде случаев будет сопряжено с абсолютным уменьшением числа рабочих отдельных заведений. Однако, наметившиеся пути и методы реконструкции нашей промышленности, как правило, связаны с увеличением размеров занятой рабочей силы, при значительно превосходящем его росте продукции и элементов основного капитала. Диспропорция между размерами заведений по

Таблица 5

Сравнительные данные об уровне концентрации отдельных отраслей промышленности СССР и Германии[1]

Отрасли промышленности	Среднее число рабочих на 1 заведение		Доля заведений гигантов в общ. числе рабочих		В среднем на 1 заведение-гигант				Данные по СССР в % к соответственным данным по Германии			
					Рабочих		Механ. двиг. (лош. сил.)				на 1 завед.-гигант	
	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	Рабочих на 1 завед.	Рабочих занят. в за вед.-гигант.	Рабочих	Механ. двиг. лош. сил.
1. Металлургическая	2.190	404	90,2	57,0	3.818	2.787	11.257	27.302	542	158	137	41
2. Горная	1.308	780	85,2	73,5	3.868	2.349	9.385	11.607	168	116	165	81
3. Текстильная	1.184	193	82,6	18,1	3.199	1.532	2.848	2.378	613	456	209	120
4. Машиностроение и средства передвижения	693	247	66,0	40,8	3.079	1.948	567	3.672	281	162	158	15
5. Электротехн. и точная механика.	647	285	69,1	56,4	1.688	2.563	2.060	4.198	227	123	66	49
6. Химическая	315	222	29,1	42,6	1.468	2.415	4.935	16.069	142	68	61	31
7. Обработка камня и глины	288	146	31,4	6,1	1.791	1.202	1.745	1.615	197	515	149	108
8. Обработка металлов	283	143	38,6	13,8	2.055	1.618	3.435	2.109	198	280	127	163
9. Швейная	239	119	15,2	8,2	1.820	1.474	985	513	201	185	123	192
10. Кожевенная и линолеумная.	213	148	15,9	20,8	1.243	2.103	1.199	3.989	144	76	59	30
11. Бумажная и полиграфическая	211	144	17,7	12,0	1.541	1.439	3.322	4.924	147	148	107	67
12. Пищевкусовая	193	119	16,7	11,6	1.702	1.360	2.111	1.688	162	144	125	125
13. Лесная и деревообр.	175	120	8,8	0,2	1.608	1.280	1.440	751	146	4.400	126	192

[1] Данные по СССР за 1926/27 г., по Германии — за 1925 г. Данные охватывают лишь заведения с числом рабочих не менее 50. Об'единение отдельных отраслей промышленности СССР в более крупные группировки произведено нами по номенклатуре германской переписи.

массе рабочих, продукции и орудий труда будет преодолеваться, таким образом, в порядке равнения не по наименьшему, а наикрупнейшему звену. Конкретно это означает, что, опираясь на колоссальную, неизвестную ни одной индустриальной стране концентрацию рабочей силы, мы будем догонять страны передового капитализма, укрупняя наши заведения по величине продукции и основного капитала.

Основные выводы, к которым мы пришли на основе рассмотрения данных об уровне концентрации всей промышленности, взятой в целом, полностью подтверждаются и цифрами, характеризующими удельный вес заведений разной величины в отдельных отраслях промышленности, позволяющими одновременно выявить ряд особенностей концентрационного движения в СССР, которые суммарными данными стушевываются (см. таб. 5 и диаг. 2 на стр. 84 и 86).

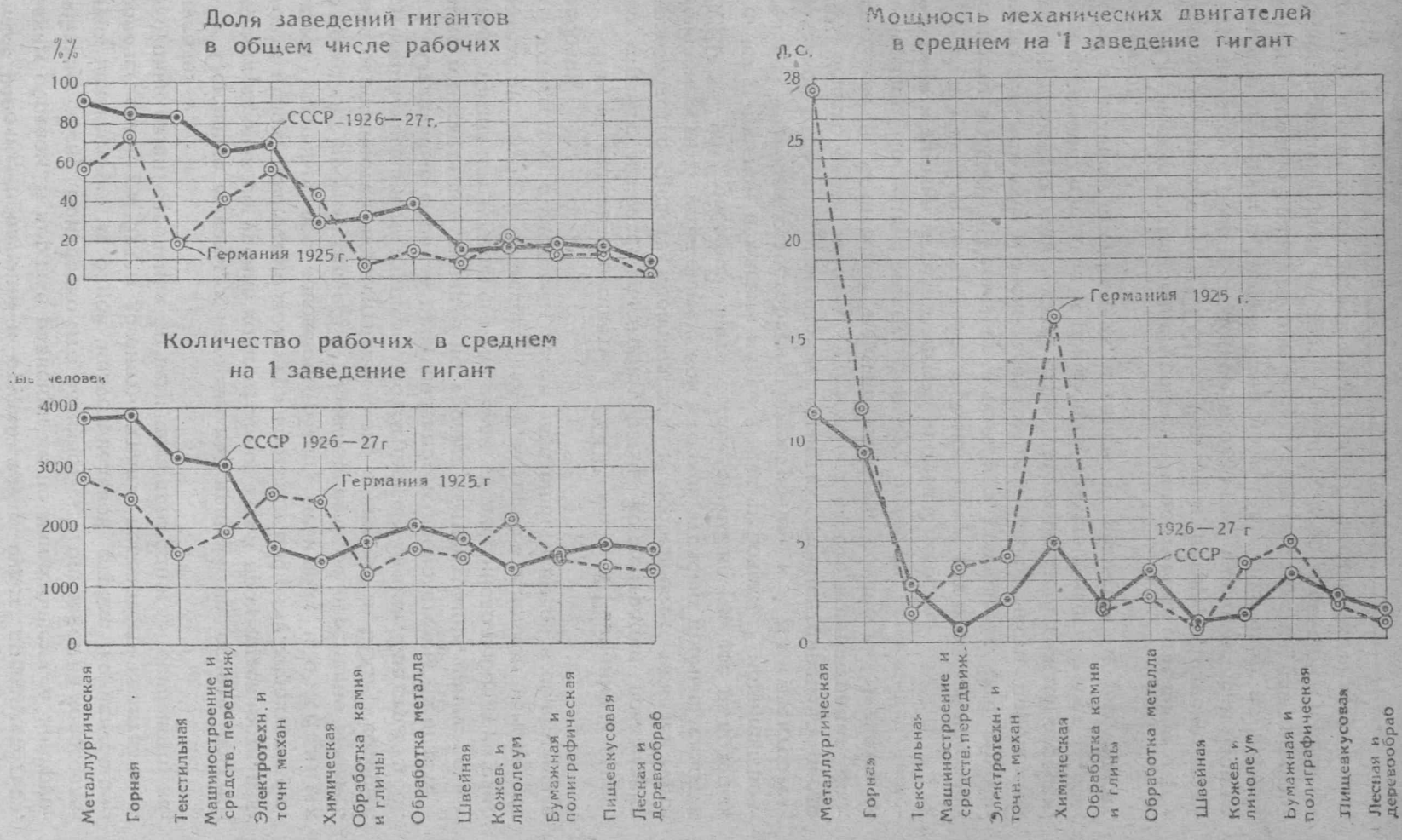
Отдельные отрасли промышленности расположены нами в таблице в нисходящем порядке по уровню концентрации, при чем основным признаком последнего мы взяли среднее число рабочих на одно заведение крупной промышленности, которое в основном изменяется в соответствии с удельным весом заведений-гигантов в общем числе рабочих.

Как и следовало ожидать, в СССР, как и в Германии и в других странах, наиболее высокий уровень концентрации показывает производство средств производства, в особенности тяжелая промышленность. В металлургической и горной отраслях промышленности СССР 85—90% рабочих занято в заведениях, на каждое из которых падает в среднем немногим менее 4 тыс. рабочих. В машиностроительной (включая судостроение, автостроение и т. п.) и электротехнической отраслях в заведениях-гигантах сконцентрировано около 70% общего числа рабочих. Значительно слабее концентрация производства в химической промышленности, обработка металлов и минералов. Последние места занимают швейная, кожевенная, пищевкусовая и прочие отрасли легкой промышленности.

Различия в уровнях концентрации отдельных отраслей промышленности в СССР и Германии, в основном, совпадают. Это обусловлено тем, что они в очень значительной своей части порождены специфичностью технической структуры заведений каждой отрасли, хотя огромное, а подчас и решающее значение здесь имеют и „возраст" отдельных производств, и темпы их развития, и ряд других моментов.

Сравнивая соотношение уровней концентрации отдельных отраслей промышленности в СССР и Германии, нетрудно, однако, заметить, на ряду с общим сходством, и одно глубокое отличие, имеющее большое значение: в противоположность Германии одно из первых мест по уровню концентрации занимает у нас текстильная промышленность, являющаяся не только типичной, но и основной и решающей отраслью нашей легкой индустрии. В заведениях-гигантах с чис-

Сравнительные данные об уровне концентрации отдельных отраслей промышленности СССР и Германии *Диаграмма 2*



лом рабочих не менее 1 тыс. в ней занято 579 тыс. рабочих из общего числа 701 тыс. [1], между тем в Германии из 830 тыс. рабочих на такие заведения падает лишь 150 тыс., при чем в среднем на каждое из них приходится в 2 раза меньше рабочей силы и на 20% меньше механической силы, чем у нас. Среднее число рабочих на 1 заведение в текстильной промышленности у нас в 6 раз больше, чем в Германии. При огромном удельном весе текстильных предприятий во всей нашей промышленности, это обстоятельство не могло не отразиться на общем уровне концентрации последней, взятой в целом, и его соотношении с германским.

Особо высокая степень концентрированности русского текстильного производства об'ясняется целым рядом обстоятельств. Она является, прежде всего, продуктом бурного темпа его развития в довоенные годы, широкого распространения в текстильной промышленности системы многих смен, высоко развитой интегрированности производства и т. п. В последние годы текстильная промышленность чрезвычайно интенсивно росла, оправившись быстрее других отраслей от провала периода гражданской войны, при чем многие ее заведения переведены на трехсменную систему и семичасовой рабочий день. Все это, конечно, повышает степень концентрированности производства.

Бурному развертыванию русской текстильной промышленности противостоит крайне медленное ее развитие в довоенной и полная ее стагнация, стоящая в связи с низким жизненным уровнем масс, в послевоенной Германии. Все эти исторические, социальные и конъюнктурные моменты об'ясняют нам совершенно различные места, занимаемые текстильной промышленностью по уровню концентрации в ряду других отраслей у нас и в Германии.

Таблица показывает, что, отмеченные нами более крупные размеры заведений в нашей промышленности по числу рабочих по сравнению с германскими, как и более высокий удельный вес заведений-гигантов, типичны не только для всей промышленности в целом, но почти для каждой отрасли, взятой в отдельности. Только химическая индустрия из более важных отраслей, чрезвычайно слабо развитая, по сравнению с германской, уступает последней по роли заведений-гигантов. Степень и качество превосходства размеров наших заведений, однако, в отдельных отраслях далеко не одинаковы.

По ряду производств, преимущественно легкой промышленности заведения нашей промышленности значительно крупнее, чем в Германии не только по числу рабочих, но и по массе механических двигателей, падающих на каждое из них. Сюда относятся: обработка текстильного волокна, металлов, минералов, пищевкусовых веществ и дерева. Но зато в решающих производствах с особой яркостью

[1] Сопоставляя наши заведения с германскими и американскими, мы здесь, как и везде, рассматриваем лишь заведения с числом рабочих не менее 50 в каждом.

проявляется ахиллесова пята того специфического типа концентрации, который характерен для нашей промышленности и отражает ее общую техническую отсталость. Она заключается в огромном несоответствии масс живой рабочей и механической двигательной сил. В особенности это чувствуется, если рассматривать предприятия-гиганты, имеющие в этих отраслях особое значение. В металлургическом, горном и машиностроительном производствах — этих трех китах современной индустрии — среднее число рабочих на 1 заведение-гигант в процентах к соответствующим данным по Германии составляет у нас 158%, 116% и 162%, а средняя мощность механических двигателей — лишь 41%, 81% и 15%. Наша осталость здесь колоссальна, и разрешение задачи „догнать и перегнать" потребует наибольших усилий и наибольшего внимания, ибо это узловая проблема технической реконструкции нашей промышленности.

Следующая таблица, в которой мы сопоставляем степень концентрированности отдельных отраслей промышленности в СССР и С.-А.С.Ш., имеет условное значение, поскольку в ней фиксируются размеры заведений лишь по числу рабочих. Они показывают, в какой мере мы по отдельным отраслям в этом отношении превосходим С.-А.С.Ш. Только в нефтеобрабатывающей и полиграфической отраслях доля заведений-гигантов у нас ниже, и то весьма незначительно, чем в С.-А.С.Ш. К сожалению, состояние статистических данных не позволило нам сопоставить среднюю массу продукции механических двигателей, падающую на 1 заведение-гигант в обеих странах. Но нет никакого сомнения, что в этих областях наши позиции еще более невыгодны, чем по сравнению с промышленностью Германии.

Доля заведений-гигантов в общем числе рабочих в отдельных отраслях промышленности СССР и С.-А.С.Ш.

Отрасли	СССР	С.-А.С.Ш.	Отрасли	СССР	С.-А.С.Ш.
1. Железнодорожное, транспортное машиностр.	95,0	71,3	11. Сельскохозяйственное машиностроение	48,6	36,6
2. Хлопчатобумажная	91,4	36,8	12. Табачная	39,0	19,5
3. Черная металлургия	91,0	60,5	13. Бумажная	32,7	13,9
4. Судостроение	81,8	51,4	14. Кожевенно-обувная	25,0	12,8
5. Электротехническая	69,1	56,2	15. Стекольная	22,3	16,8
6. Цементная	59,7	12,8	16. Шелковая	15,1	15,7
7. Трикотажная	58,5	14,1	17. Фарфоро-фаянсовая	14,7	3,0
8. Нефтеобрабатывающая	54,6	56,1	18 Полиграфическая	8,9	11,3
9. Шерстяная	51,9	34,9	19. Лесная и деревообрабатывающая	8,9	7,8
10. Производственное и прочее машиностроение	49,0	24,6			

Переходим к вопросу о тех изменениях в уровне концентрации промышленности СССР, которые можно ожидать в ближайшие годы, в связи с осуществлением пятилетнего плана.

Все основные установки пятилетки и об'ективные условия ее выполнения способствуют чрезвычайно интенсивной концентрации производства. Колоссальные темпы плана, его качественные устремления, упор в сторону особого внимания отраслям, производящим средства производства, грандиозная программа строительства новых заведений и коренной реконструкции значительной части действующих, связанная с укрупнением последних, предполагаемое создание целого ряда огромнейших комбинатов, установка на резкое повышение степени механизации труда и его производительности и, наконец, как основа всего перечисленного, плановый характер индустриализации — все это мощнейшие рычаги концентрационного процесса.

Основным и решающим для пятилетия является, однако, не только темп концентрационного движения, но и его тип. Мы очень значительно опередили другие страны по размерам наших заведений по числу рабочих. Но мы отстаем, и чрезвычайно сильно отстаем, по массе основного капитала, механических двигателей и продукции на одно заведение. Общий баланс технической структуры нашей промышленности не в нашу пользу. Отсюда задача — коренным образом изменить господствующий у нас тип промышленного заведения, привести в соответствие друг с другом об'ем людского аппарата предприятий с его материально-техническим остовом и экономической эффективностью, выражающейся в массе продукции, ликвидировать своеобразные „ножницы" между этими элементами, равняясь при этом не на слабейшее, а на сильнейшее звено. Без разрешения этой задачи наши промышленные заведения по своему типу останутся технически отсталыми, несмотря на огромное, неизвестное ни одной индустриальной стране мира, превалирование заведений-гигантов. Но соответствует ли темп и характер концентрационного движения, сопряженного с реализацией пятилетнего плана, необходимости коренного изменения существующего типа промышленных предприятий? На этот вопрос приходится дать безусловно утвердительный ответ.

Подсчеты Госплана не дают нам, к величайшему сожалению, чрезвычайно важного элемента для суждения о динамике средних размеров промышленных заведений за пятилетие — числа заведений предполагаемых в действии в 1932/33 г. Общее число намеченных к постройке новых заведений исчисляется по госпромышленности, примерно, около 2,5—3 тыс., что даст увеличение, примерно, на 30%. Известная часть заведений мелкого типа намечена к ликвидации. Можно поэтому предположить, что прирост числа предприятий за пятилетие составит около 25%.

Предполагаемый прирост числа рабочих на 33% в этих условиях означает сравнительно незначительное увеличение среднего количе-

ства рабочей силы, падающей на одно заведение цензовой промышленности. В этом направлении концентрационные процессы особо интенсивными не будут, хотя есть все основания полагать, что в связи с наметившимся переходом на непрерывную рабочую неделю и выяснившейся возможностью превышения ряда намеченных пятилеткой темпов, прирост числа рабочих будет значительно выше 33%.

Нет никакого сомнения, однако, что удельный вес заведений-гигантов по числу рабочих и среднее количество последних на каждое из них повысится весьма значительно. Это будет естественным результатом постройки целого ряда новых заведений-гигантов и того обстоятельства, что реконструироваться, укрупняться и переводиться на непрерывную рабочую неделю будут в первую голову крупнейшие предприятия. Основное значение того сдвига в уровне концентрации нашей промышленности, который произойдет за пятилетие, лежит, однако, в совершенно иной плоскости.

По наметке Госплана промышленность увеличится к концу пятилетия по основному капиталу в 3,0 раза,[1] продукции — в 2,8 раза[2], мощности механических двигателей — в 2,25 раза.[3] Если исходить из того, что общее число промышленных заведений увеличится, примерно, на 25%, это означает, что средние размеры промышленного заведения к концу пятилетия составят по сравнению с 1927/28 г. по основному капиталу 240%, двигательной силе — 180% и продукции — 225%. Среднее же число рабочих на одно заведение при этом увеличится, примерно, на 7%. Реализация пятилетнего плана, таким образом, предполагает резкое увеличение массы основного капитала и продукции на одно заведение, при почти стабильном уровне числа рабочих. Это чрезвычайно важная качественная характеристика концентрации производства, на основе осуществления промышленной пятилетки. Этот своеобразный тип концентрационного процесса, резко отличающийся от довоенного, будет иметь своим следствием если не полную ликвидацию, то очень сильное сжатие тех „ножниц", на которые мы выше указывали. Если сейчас наши преимущества в области концентрации промышленности по числу рабочих нейтрализуются в значительной мере низкой производительностью и капиталовооруженностью труда, то это пятилетие в этом отношении очень многое изменит. Выявившиеся необходимость и возможность значительного превышения ряда запроектированных темпов позволяют надеяться, что достижения будут еще выше, отмеченных нами.

Качественная характеристика концентрации пятилетия, сама по себе, еще недостаточно фиксирует их огромное значение. Чрезвычайно важно подчеркнуть их крайне напряженные, рекордные темпы. В какой мере последние значительно выше, чем в капиталистических странах, свидетельствуют следующие данные.

[1] Госпромышленность.
[2] Промышленность, планируемая ВСНХ.
[3] Цензовая промышленность.

Современной промышленности С.-А.С.Ш., при сохранении темпов последнего периода, потребуется для достижения соответствующего увеличения средних размеров заведений: по продукции свыше 20 лет, по механическим двигателям — 12—15 лет. В Германии за 18-летие — с 1907 по 1925 гг. — мощность двигателей на одно заведение крупной промышленности выросла на 110%, в СССР же предполагаемое увеличение за пятилетие составит 80%. Все это говорит о небывалом темпе концентрации производства в СССР.

Решающим фактором, определяющим и качественно и количественно концентрацию промышленности в 1927/28 — 1932/33 гг., является развертываемое нами грандиозное новое строительство. В какой мере тип наших вновь строящихся промышленных заведений выше того, который господствует в промышленности СССР в настоящее время, показывают следующие данные:

Таблица 6

Распределение старых и вновь строящихся промышленных заведений по размерам их основных капиталов[1]

Размеры предприятий по стоимости капиталов	На 1/X 1925 года				Запроектировано к постройке в пятилетие 1927/28—1932/33 гг.			
	Число заведений	Полная восстановительная стоимость основн. капитала и имущества			Число об'ектов	Строительная стоим.		
		В млн. чер. рублей	В %% к итогу	На 1 заведение		В млн. чер. рублей	В %% к итогу	На 1 заведение
До 250 тыс. руб.	6.688	500,2	7,8	0,1	954	102,7	1,3	0,1
От 250 тыс. руб. до 1 млн. руб.	1.461	815,3	12,6	0,6	535	311,1	4,0	0,6
„ 1 до 5 млн. руб.	722	1.733,4	26,9	2,4	663	1.407,7	18,0	2,1
„ 5 „ 10 „ „	111	877,6	13,6	7,9	192	1.254,2	16,0	6,5
„ 10 „ 50 „ „	87	1.883,9	29,2	21,7	125	2.434,6	31,1	19,5
Свыше 50 млн. руб.	9	638,7	9 2	71,0	21	2.323,0	29,6	110,6
Итого . .	9.078	6.449,0	100,0	0,7	2.490	7.833,3	100,0	3,1

С 1/X—25 г. по 1/X—28 г. основной капитал промышленности вырос на 22%. По всей вероятности, в результате этого роста изменились и удельные веса заведений разной величины в сторону усиления роли более крупных из них. Приводимые нами данные о капиталах действующих предприятий поэтому уже несколько устарели и не совсем соответствуют положению вещей в данный момент.

[1] Данные за 1925 г.—ЦСУ СССР. Остальные заимствованы из II тома „Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР", стр. 89. Данные не охватывают за 1925 г. топливной промышленности, а по новому строительству топливной и части строительной промышленности.

Все же их сопоставление с предполагаемой стоимостью новых предприятий разной величины представляет большой интерес.

В 1925 г. полная восстановительная стоимость основных капиталов и имущества 9.078 заведений СССР составляла 5,5 мрд. руб. За пятилетие же предполагается затратить на строительство 2.490 об'ектов 7,8 мрд. руб. Средняя стоимость каждого об'екта, таким образом, почти в 4,5 раза выше средней стоимости заведений в 1925 г.

Еще более показательны данные о доле заведений-гигантов в старом основном капитале и новых вложениях.

Во всей промышленности, кроме топливной и электростанций, насчитывалось в 1925 г. лишь 9 предприятий-колоссов с капиталом свыше 50 млн. руб. в каждом, в которых было сконцентрировано 9,2% всего капитала промышленности. За пятилетие же предполагается построить 21 об'ект стоимостью свыше 50 млн. каждый, вложив в них 2,3 мрд., или около 30% стоимости всего нового строительства. Средняя масса основных капиталов на такое заведение составляла в 1925 г. 71 млн. руб., а средняя строительная стоимость строящихся об'ектов исчисляется в 110 млн. руб.

Нужно учесть, что цифры стоимости вновь строящихся заведений не окончательны, так как они фиксируют лишь стоимость работ в это пятилетие, и что мощность многих заведений будет впоследствии значительно увеличена. Это еще больше усиливает различие размеров старых и вновь строящихся предприятий.

По отдельным отраслям Госплан следующим образом характеризует те сдвиги в уровне концентрации, которые принесет реализация промышленной пятилетки.[1]

В металлургической промышленности 9 заводов-гигантов стоимостью свыше 150 млн. каждый будут иметь мощность большую, чем все существующие заводы, вместе взятые.

По Донуглю средняя годовая добыча на 1 шахту составит в 1932/33 г. 178 тыс. тонн против 96 тыс. тонн в 1927/28 г.

В шерстяной промышленности будет выстроено 5 фабрик, которые дадут продукцию, равную довоенной, когда предприятий было около 350.

В стекольной промышленности из общего числа 11 строящихся заводов 5 крупнейших рассчитаны на продукцию, в полтора раза превышающую производительность существующих в настоящее время 150 заводов Союза и равную производительности всех заводов довоенного времени числом 300.

В лесопильных заводах устанавливаются рамы в 3 раза производительнее старых.

[1] „Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР", т. II, ч. 1, стр. 90.

В бумажной промышленности 5 предприятий дадут больше продукции, чем все заведения 1927/28 г.

В сахарной промышленности намечены к постройке заведения с суточной продукцией, в 3 раза превышающей существующую мощность. То же в консервной и других отраслях промышленности.

Все это дает основания утверждать, что „в конце пятилетия процессы концентрации во всех отраслях примут огромные размеры. При вступлении в эксплоатацию даже нескольких об'ектов на долю сотен старых останется ничтожнейший процент производства... На смену мелким предприятиям приходит новая фабрика, социалистическая не только по принадлежности рабочему классу, но и по высокой производительности".[1]

Огромное превосходство размеров строящихся нами заведений, по сравнению с существующими у нас, еще не решает вопроса о том, в какой мере новое строительство соответствует в этом отношении практике передовых капиталистических стран. Сопоставление здесь чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что ни в одной промышленной стране мира мы не имеем, в подавляющем большинстве отраслей, строительства новых предприятий-гигантов, так как и тот рост производственного аппарата, который происходит за счет расширения и переоборудования существующих предприятий, далеко обгоняет возможности сбыта. Сравнение же предполагаемой мощности вновь строящихся и старых, сложившихся в течение десятилетий, заводов методологически не совсем правильно, ибо, в первом случае, мы имеем производительность лишь исходную, с огромными потенциальными возможностями ее увеличения, во втором же, она является конечным продуктом длительного развития, с гораздо более ограниченными резервами дальнейшего роста. Все же подобное сравнение представляет значительный интерес.

В тяжелой промышленности нами принят за основу тип заводов мощностью в 650 - 750 тыс. тонн чугуна каждый. В Германии же около 50 доменных предприятий имеют общую мощность в 15—16 млн. тонн, что дает в среднем на каждое 300—320 тыс. тонн годовой выплавки. В С.-А.С.Ш. чугунолитейная промышленность насчитывает 122 завода с средней мощностью в 410 тыс. тонн. Запроектированная нами мощность выше средней и по Германии, и по С. А.С.Ш. Но она все же далека от тех рекордов, которые дает нам капиталистический мир. Так, например, один из заводов Gary Works в Америке имеет мощность: по чугуну 1,5 млн. тонн, по стали 2,0 млн. Впрочем, следует отметить, что нами уже приступлено к проектировке нового металлургического гиганта в Мариуполе с мощностью в 3,5 млн. тонн металла.

В каменноугольной промышленности мы имеем по Донуглю 13 начатых крупных шахт, которые дадут к концу пятилетия около

[1] Там же, стр. 91.

6 млн. тонн угля в год, т.-е. около 0,5 млн. тонн каждая. Это выше средней мощности шахт Германии. Однако, следует учесть, что в Руре средние шахты дают в год около 600 тыс. тонн, а самые крупные — до 2,4 млн. тонн в год. Но если будет реализован выдвинутый проект постройки шахты производительностью в 6 млн. тонн, то германские рекорды будут нами побиты.

В автомобильной промышленности Нижегородский завод с его предполагаемой продукцией в 100 тыс. машин будет иметь рекордную производительность по сравнению с современными предприятиями Европы. Крупнейшая фирма Европы — Ситроен — дала в 1927 г. продукцию в 75 тыс. машин, а вся Германия, насчитывавшая в 1927 г. 30 заводов только легкового автостроения, по американской оценке, выбросила на рынок в 1928 г. лишь около 90 тыс. машин. Но опять-таки нам еще очень далеко до американских рекордов.

По линии электростроительства самым мощным сооружением явится днепровская станция, рассчитанная на 560 тыс. *квт.* Крупнейшие же электростанции Германии имеют мощность в 300—400 тыс. *квт.*, а в С.-А.С.Ш. строится станция с окончательной мощностью — 1 млн. *квт.*

Эти примеры можно было бы в несколько раз умножить. Они показывают, что заведения и агрегаты, которые мы строим, значительно крупнее среднего обычного типа существующих в капиталистических странах, но за редкими исключениями ниже рекордов капиталистического мира. На данной стадии нашей индустриализации мы пока что только „догоняем“ передовые страны капитализма, стремясь заимствовать у них наиболее совершенные типы предприятий. Но в отдельных случаях мы вынуждены ориентироваться на „средний“, обычный, господствующий тип заведений передовых капиталистических стран, не имея возможности сразу брать самый новый, мощный по размерам и не всегда еще технически и экономически проверенный и оформившийся вид предприятия. Но необходимо с особой силой подчеркнуть, что в значительной мере это является не только продуктом об'ективных экономических условий, но и следствием некоторого консерватизма части технических кругов, нуждающегося в самом решительном отпоре, ибо это может нам впоследствии дорого стоить.

Роль кустарно-ремесленного производства

До сих пор мы рассматривали степень концентрации фабрично-заводской промышленности СССР, как таковой. Этим проблема концентрации, однако, не исчерпывается, ибо большое значение имеет и вопрос о соотношении между фабрично-заводским и кустарно-ремесленным производствами, особенно в СССР, где последнее играет весьма крупную роль.

По данным проф. А. Рыбникова, известного знатока нашей мелкой промышленности, в довоенной России около двух третей всех лиц

промышленного труда было занято в мелкой и только треть в крупной — цензовой промышленности. Ко всему сказанному выше об уровне концентрации нашей фабрично-заводской промышленности, таким образом, следует добавить, что в ней было занято до войны в 2 раза меньше рабочей силы, чем в кустарно-ремесленном производстве, чтобы получить представление о степени концентрированности всей нашей промышленности, взятой в целом. Изменения, происшедшие за годы войны и революции в этой области, весьма значительны, однако, коренного перелома они еще не означают (см. таблицу 7 и диаграмму 3 на стр. 96, 98).

В 1926/27 г. в цензовой промышленности СССР было занято всего 2.810 тыс. лиц,[1] в мелкой—3.790 тыс.[2]. Отсюда вытекает, что из всей массы промышленного труда 57,4% падает на мелкое производство. Это значительно меньше той цифры, которую мы приводили для довоенного времени (65%), свидетельствующей о происшедшем большом снижении удельного веса мелкой промышленности. Все же последняя до сих пор поглощает основную массу рабочей силы промышленности.

Экономическое значение мелкого производства в нашем хозяйстве меньше, чем это могло бы показаться, на основе приведенных цифр. Следует учесть глубокое различие в производительности труда в мелком и крупном производствах, благодаря которому доля первого в продукции промышленности меньше половины его доли в рабочей силе. Цензовая промышленность, охватывая лишь 42,5% рабочей силы, дает 72,1% валовой продукции, мелкая же промышленность концентрирует 57,5% занятых и выбрасывает лишь 27,9% продукции. Валовая продукция не является, конечно, точным измерителем производительности труда, но эти данные все же в достаточной мере отчетливо и правильно фиксируют огромное ее отставание в мелком производстве по сравнению с крупным. Это глубокое различие в эффективности трудовых затрат в фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленностях звучит одновременно как смертный приговор последней, хотя отсюда еще не вытекает, что мелкое производство не может увеличивать свои абсолютные размеры, а в известные моменты, и свою относительную долю в той или иной отдельной отрасли промышленности.

Рассматривая абсолютные размеры и удельный вес мелкого производства в отдельных отраслях, можно легко заметить, что колебания здесь огромны.

Противоположные полюсы в этом отношении занимают швейная промышленность, в которой нецензовые заведения охватывают 94,8% занятых и дают 73,6% продукции, и металлургия, совершенно

[1] Рабочих и служащих и административно-технического персонала.

[2] Здесь, как и в последующем, мы пользуемся данными ЦСУ СССР, полученными на основе выборочного обследования мелкой промышленности в 1927 г. и всесоюзной переписи 1926 г.

Таблица 7.

Абсолютные размеры и удельный вес мелкой промышленности в СССР и Германии [1]

Отрасли промышленности	Мелкая нецензовая промышленность СССР				Мелкая промышленность, включая цензовые заведения с числом занятых менее 50					
	занятые (в тыс.)	валовой оборот (в млн. черв. руб.)	Доля во всей пром—сти, в % %		занятых (в тыс.)		занятых, в % % ко всему числу работающих			
							во всей пром—сти		в мелк. пром—сти	
			по числу занятых	по валовой продукции	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия
1. Горная	1,2	0,3	0,3	0,0	3,3	14,8	0,7	1 8	0,1	0,3
2. Металлургическая	—	—	0,0	0,0	0,1	31,1	0.0	5,0	0,0	0 7
3. Обработка металлов	377,4	226,7	76,2	34,0	387,1	513,2	78,1	59,5	9,9	10,8
4. Машиностроение и средства передвижения	47,5	16,8	15,9	2,1	50 6	242,7	17,0	19.6	1,3	5 1
5. Электротехника и точная механика	2,5	4,0	7,9	2 9	3,0	182,5	9,6	30,5	0.1	3.8
6. Обработка камня и глины	114.3	40,5	36,3	10,0	126,5	260,4	40,2	38,0	3,2	5.5
7. Химическая	53,8	47,9	43,1	9,8	57,4	63,1	46,0	20.1	1.5	1,3
Итого 1—7	596,7	336,2	31,0	7,9	628,0	1..07,8	32,6	25,5	16,0	27,6
8. Текстильная	424,8	295,9	35.6	7,9	429,8	297,6	36 0	24,5	10.9	6,3
9. Швейная	1.484,9	737,0	94,8	73.6	1.487.7	1.132.3	95,0	79.3	37.9	23.9
10. Бумажная и полиграфическая	51,8	66.9	29,4	14.7	62 6	194,4	34,5	33,8	1,6	4,1
11. Кожевенная и линолеумная	168,5	813,0	77,9	59,3	175.7	96,1	81,2	58.1	4.5	2,0
12. Резиновая	0,2	1,0	1,0	0,6	0 2	5.6	1,0	8.5	0,0	0,1
13. Лесная и деревообрабатывающая	466.3	201.0	78,7	31.0	481.5	689,6	81,3	72 0	12.3	14.5
14. Пищевкусовая	597,5	2.117,4	65,8	44.8	659,7	961,1	72,6	70 4	16 8	20,3
15. Прочие	—	—	0,0	0,0	—	60,5	0,0	50,7	0,0	1,3
Итого 8—15	3.194,0	4.232,2	68,3	35,0	3.297,2	3.437,4	70,5	58,4	84,0	72,4
Всего	3.790,7	4.568,4	57.4	27,9	3.925,2	4.745,2	59,5	43,1	100,0	100,0

[1] Данные по Германии за 1925 г. Данные по СССР предоставлены в распоряжение Госплана ЦСУ Союза, и составлены на основе итогов выборочного обследования мелкой промышленности СССР в 1927 г. и данных переписи 1926 г. В число занятых включены везде рабочие, служащие и административно-технический персонал. Валовая продукция мелкой промышленности принята равной ее валовому обороту. Цифры по валовому обороту округлены, но при исчислении процентных отношений использованы неокругленные данные.

не знающая мелкого производства. Основная масса кустарно-ремесленных заведений концентрируется в производстве средств потребления, на долю которого падает свыше пяти шестых всех занятых и девяти десятых валового оборота мелкой промышленности. Вслед за швейной промышленностью выделяются высоким удельным весом и абсолютными размерами мелкого производства: обработка кожи, дерева, металлов и пищевкусовых веществ. Довольно значительный процент занятых падает на мелкую промышленность в отраслях: химической, силикатной, текстильной и бумажно-полиграфической, но ее доля в продукции этих производств крайне незначительна.

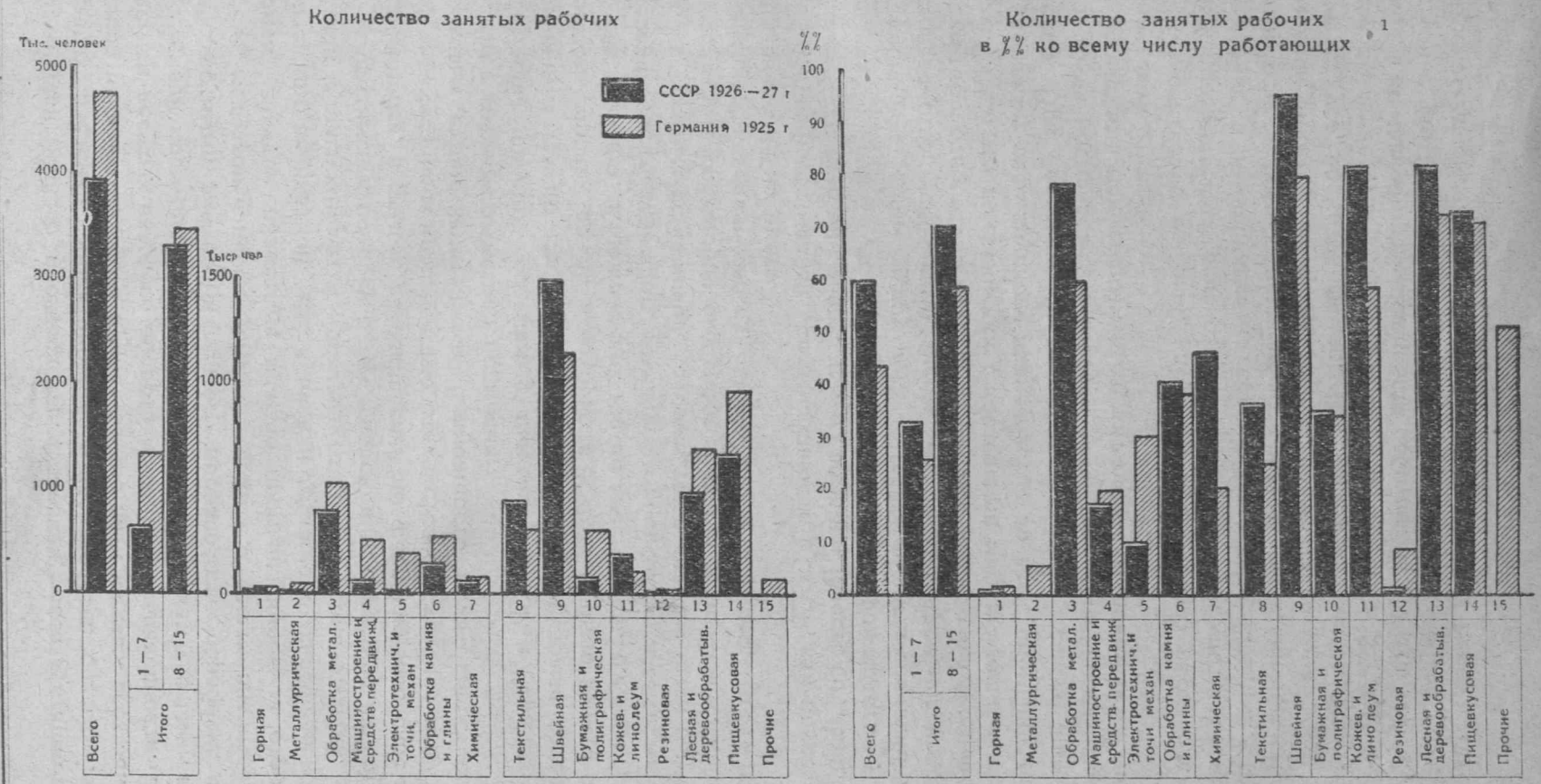
Обратимся к вопросу о том, в какой мере структура нашей промышленности, в смысле ее распадения на фабрично-заводское и кустарно-ремесленное производство, отличается от строения индустрии передовых стран капитализма. Возможность такого сопоставления нам дает только статистика Германии.

Чтобы получить сравнимые данные по СССР и Германии, мы включили в мелкую промышленность СССР и цензовые заведения с числом рабочих до 50, в которых в 1926/27 г. было занято около 142 тыс. рабочих. К сожалению, мы не знаем, сколько в этой группе заведений занято служащих, технического персонала и самостоятельных, не наемных работников, которые тоже должны были бы войти в подсчет. По сравнению с общими цифрами занятых в мелкой промышленности, количество их, однако, столь невелико, что эта неточность значения не имеет.

Удельный вес мелкой промышленности в СССР, как показывает таблица 7, значительно выше, чем в Германии. Вместо 60% лиц промышленного труда, которые падают на мелкое производство у нас, Германия дает лишь цифру в 45%. Чтобы оценить значение этого обстоятельства, необходимо учесть, что мелкая промышленность и абсолютно и относительно гораздо сильнее развита в Германии, чем в С.-А.С.Ш. и что по сравнению с последними мы еще больше отстаем по удельному весу крупного производства во всей промышленности в целом. При более низкой производительности мелкого производства, такое распределение рабочей силы промышленности является для нас весьма невыгодным и служит одним из показателей нашей технической отсталости.

Относительно высокий удельный вес мелкого производства в нашей промышленности не означает еще, что и абсолютные размеры его велики в особенности по сравнению с потребностями страны. В этом отношении соотношение абсолютных чисел, занятых в мелкой промышленности у нас и в Германии, чрезвычайно характерно. Оказывается, что, несмотря на то, что германское население меньше половины нашего, а ее крупная индустрия почти в 2,5 раза больше нашей, в ее мелкой промышленности работает на 813 тыс. чел. больше, чем у нас. Но Германия — страна с технически наиболее передовой и высоко концентрированной промышленностью в Европе. Возмож-

Абсолютные размеры и удельный вес мелкой промышленности в СССР и Германии. *Диаграмма 3*



[1] Во всей промышленности (цензовая + мелкая).

ность сожительства мелкого производства с крупным в условиях современной техники, таким образом, еще очень велика, несмотря на то, что удельный вес последнего беспрерывно падает, и концентрационные процессы во всем мире развертываются в последние десятилетия весьма интенсивно. Это обстоятельство необходимо серьезно учитывать и в нашем хозяйственном строительстве.

Сравнивая распределение мелких заведений по отраслям, у нас и в Германии, мы замечаем в общем то же закономерное тяготение их к отраслям, производящим средства потребления, при чем и в Германии на первом месте стоят: швейное, пищевкусовое производство и обработка дерева и металла. Но отмечается и различие существенного значения. В то время, как у нас на долю подразделения А падает лишь 16% всей мелкой промышленности, в Германии соответствующая цифра равна 27,6%. Отставание мелкой промышленности СССР по числу занятых от германской также происходит, главным образом за счет производства средств производства. Это является, в основном, отражением нашей общей технической отсталости, в особенности, по линии моторификации и электрификации нашего хозяйства. Только в двух отраслях — машиностроительной (включая средства передвижения) и электротехнической — мелкое производство Германии насчитывает 425 тыс. занятых против 53 тыс. у нас, при чем в основном это мастерские по электропроводке, радиофикации, авто- и велоремонту, ремонту разных машин и т. п. С успехами электрификации и моторификации страны эти виды мелкого производства, разумеется, будут у нас широко развиваться.

Возможности экспансии мелкой промышленности имеются у нас, однако, и в тех производствах, где она не дополняет, а конкурирует с крупным. Мелкая промышленность не имеет больших перспектив, в связи с низким уровнем производительности труда в ней, и историческая песенка ее спета. Но она имеет и известные преимущества, не требуя для своего развертывания больших основных капиталов и сроков. В условиях огромного недостатка последних, существующего на данном этапе нашего социалистического строительства, это обстоятельство приобретает особое значение; наоборот, наличие больших масс совершенно неиспользуемой рабочей силы и острый товарный голод отодвигают на задний план соображения о низкой производительности кустарно-ремесленного производства. Именно поэтому, стимулирование последнего в тех отраслях, в которых оно по сырьевым и иным условиям не будет мешать развертыванию крупной промышленности, не только целесообразно, но в современных условиях абсолютно необходимо, при чем кооперативная форма должна явиться основным типом его социальной организации. В некоторых отраслях — например, производстве ряда строительных материалов — развертывание мелких заведений является даже предпосылкой успешного выполнения программы строительства крупной индустрии.

С. Зак

О „законе“ падения производительности последовательных затрат капитала... в промышленности[1]

I

Интересный, — и с практической, и с теоретической стороны, — вопрос поднимает А. Калмановский в статье своей „К вопросу об измерении эффективности капитального строительства“ („Плановое Хозяйство“, № 10 1928 г.). Считая неудобной существующую у нас до сих пор практику измерять эффективность капитальных затрат „различными для каждого строительства приемами“, так как этот метод измерения „от случая к случаю“ отнимает всякие возможности „обобщения“, тов. Калмановский подвергает уничтожающей критике попытки „единообразно измерить эффективность строительства промышленности... сравнением динамики годовой продукции промышленности с динамикой стоимости основного капитала“, когда „рост годовой продукции на каждый рубль основного капитала считается бесспорным доказательством эффективности капитальных вложений и наоборот“. Эти „попытки“ тов. Калмановский в корне считает неправильными, так как „практика промышленного развития передовых капиталистических стран и, в частности Соединенных Штатов показывает, что, наоборот, вместе с общим ростом производства рост стоимости основных капиталов, как правило, значительно обгоняет рост продукции“. Другими словами, с каждым новым вложением в промышленность капитала, каждый вновь затрачиваемый на основной капитал рубль дает меньший производственный эффект в смысле массы вырабатываемой продукции.

Получается, таким образом, у тов. Калмановского своеобразное приложение к промышленности пресловутого „закона“ падения производительности последовательных затрат капитала в земледелии, „закона“, около которого долгое время велись горячие споры, и который теперь следует считать окончательно сданным в архив. Для ясности следует прибавить, что у тов. Калмановского речь идет не о капиталистической эффективности основного капитала. Его не норма прибыли на вновь затраченный основной капитал интересует а „натуральный об'ем продукции, производимой в определенный срок“.

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

Эта оговорка необходима потому, что проблема понижающейся нормы прибыли с повышением строения капитала, как известно, имеет у Маркса исчерпывающее разрешение, которое не только не опровергается, но категорически подтверждается капиталистической практикой. Речь идет о продукции, как таковой, в ее натуральном выражении, — о метрах ткани, тоннах железа, парах галош и т. д. И именно в этом смысле, по мнению тов. Калмановского, „практика промышленного развития передовых капиталистических стран“ требует приложения к промышленности опороченного в отношении земледелия „закона“ падения производительности последовательных затрат капитала.

Практику капиталистических стран тов. Калмановский проверяет сопоставлением „капитала“ и „продукции“ по ценам Соединенных Штатов за время 1849 по 1914 г. Даваемая им таблица чрезвычайно выразительна. На примере девяти цензов получается последовательное снижение продукции на один доллар капитала, с двумя только исключениями — в 1869 и 1879 гг., при чем если эффективность доллара капитала в 1879 г. выше чем в 1849 и 1859 гг., то она все-таки ниже, чем в 1869 г. Словом, „закон“ убывающей эффективности подтверждается в полной мере. Следует ли его признать окончательно доказанным? О таблице тов. Калмановского мы поговорим ниже. Теперь же, в виду того, что тов. Калмановский ссылается не на одни только Соединенные Штаты, а на практику „капиталистических стран“, посмотрим, как обстоит дело там, где возможны сопоставления, соответствующие тому, которое тов. Калмановский сделал для Соединенных Штатов. Как известно, европейские промышленные переписи оценок капитала не дают.[1] Приходится поэтому ограничиваться внеевропейской „практикой“. Остановимся прежде всего на Канаде.[2] В млн. долларов здесь имеется:

Годы	Капитал	Продукция	Продукции на 1.000 долл. капит.
1900	446,9	481,1	1.076
1905	833,9	706,4	847
1910	1.247,6	1.166,0	935
1915	1.958,7	1.381,5	705
1917	2.786,6	3.015,6	1.082
1918	3.034,3	3.458,0	1.139
1919	3.443,3	4.024,8	1.169
1923	3.538,8	2.695,1	762
1924	3.808,3	2.948,5	774

Как будто не требуется особенных комментариев, чтобы доказать, что на Канаде „закон“ тов. Калмановского не оправдывается. В 1905 году продукция в отношении „капитала“ снижается, но в 1910 г. она повышается. Новое снижение дает 1915 год, однако,

[1] Кроме Англии, но у нее были только два поддающихся сравнению цензада и то для двух весьма различных, для английской промышленности, эпох.

[2] „The Kanada Jearbook“ за разные годы.

после того мы имеем три года повышающейся постепенно продукции. В 1923 г. продукция опять снижается, а в 1924 г. повышается. Ту же картину мы находим в Австралии, где в миллионах фунтов стерлингов оценивались: [1]

Годы	Капитал	Продукция	Продукции на 100 ф. стерлинг. капитала
1910	58,5	120,9	206,7
1911	64,1	133,2	207.8
1912	69,3	148,8	214,7
1923/24	182,2	346.8	190.3
1924/25	200,4	380,8	190,0
1925/26	208,8	400,3	191,7

В Австралии мы видим то же самое, что в Канаде. Поскольку сравниваются годы, отделяющиеся друг от друга значительными промежутками, получается, как будто, снижающаяся эффективность капитала; но при сравнении близких друг к другу лет картина меняется: периоды 1917/19 гг. и 1923/24 гг. в Канаде, равно как периоды 1910/12 гг. и 1923/24—1925/26 гг. в Австралии показывают, наоборот, рост эффективности капитала.

Примеры Канады и Австралии мы привели не для того, чтобы на их основании построить какие-нибудь „законы", отличные от „закона" тов. Калмановского. Цель наших примеров — показать, что когда тов. Калмановский иллюстрирует примером Соединенных Штатов „практику промышленного развития передовых капиталистических стран", он имеет перед собою только Соединенные Штаты, а вообще „передовые капиталистические страны" приплетены им только для „красного словца": ни на одной другой капиталистической стране он своего „закона" не проверял. Правда, он ссылается еще на нашу собственную, русскую, практику. Но этой ссылкой он смешивает проблему с ее разрешением. Ведь самый вопрос возник в связи с теми сомнениями, которые диктуются нашей советской практикой. Что же касается довоенной России, то, ссылаясь на работу тов. Струмилина, тов. Калмановский удовлетворяется сравнением 1913 г. с 1885 г.; если бы он проанализировал таблицу тов. Струмилина более детально, он убедился бы, например, в том, что на единицу „основных фондов" приходилось „годового оборота" в 1900 г. менее 1 руб. 92 коп. при 1 руб. 95 коп. с лишком в 1913 г.

II

Когда тов. Калмановский говорит о продукции Соединенных Штатов, он принимает во внимание то обстоятельство, что ее размеры в денежном выражении не отражают в себе изменения в физическом ее об'еме. Выводы, вытекающие из его таблицы, он считает необходимым в дальнейшем поправить за счет роста цен на промтовары в довоенные полтора десятилетия XX века. Что же касается

[1] „Official Jear-Book of the Commonwealth of Australia" за разные годы.

„капитала", то в него он никаких поправок не вносит. А казалось бы тут именно требуются самые серьезные поправки. Начать с того, что когда речь идет о промышленности в какой-либо стране за годы, отделяющиеся друг от друга значительными промежутками времени, то имеют при этом дело с одной и той же промышленностью по политическому признаку, но не по экономическому, по структуре промышленности, по взаимоотношению между отдельными ее отраслями. А что отсюда вытекает, можно видеть из следующего примера. А. И. Гинзбург сделал попытку разделить промышленность Соединенных Штатов, по цензу 1921 г., на производства средств производства и производства средств потребления, и вот что у него получилось: [1]

	Капитал	Продукция	Продукции на 1.000 долл. капитала
	млн. долл.		
Производства средств производства . . .	24.289	29.270	120,5
Производства средств потребления	13.629	25.882	190,0

Очевидно, придерживаясь понятия „капитала" согласно американским цензам, следует констатировать меньшую его эффективность в производствах средств производства, чем в производствах средств потребления. С другой стороны, известно, что прогресс капиталистической промышленности выражается между прочим в том, что удельный вес производств средств производства в общем итоге национальной промышленности быстро возрастает. Этому закону подчинены, разумеется, и Соединенные Штаты. Как же должен влиять на эффективность „капитала" всей промышленности постоянно растущий удельный вес производств с низкой эффективностью капитала? Вряд ли следует доказывать, что в этих условиях видимая эффективность „капитала" всей промышленности через известные промежутки времени будут снижаться, хотя эффективность „капитала" каждой отрасли в отдельности будет возрастать.

Мы бы могли это положение проиллюстрировать на динамике разных отраслей американской и австралийской промышленности, но не делаем этого только потому, что вообще тот „капитал", который фигурирует в американских и австралийских „цензах", непригоден для изучения выдвинутой тов. Калмановским проблемы. Ведь это не капитал, в экономическом смысле, под которым следует разуметь денежную оценку действующих в промышленности средств производства. Это не производственный капитал, а капитал, который имеет тот же смысл, какой имеет акционерный капитал. Чтобы показать, в чем тут разница, возьмем случайный пример,— лежащий перед нами последний отчет акционерного общества Fr. Krupp. [2]

[1] А. М. Гинзбург. „Экономия промышленности", т. II, изд. 2-е, стр. 448.
[2] „Stahl und Eisen", 1929, № 3.

В млн. марок у этого акционерного общества было:

	1923/24 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Капитала в постройках и оборудовании	245,05	174,00	199,26
„ „ запасах	157,84	62,45	60,23
Всего . . .	402,89	236,45	259,49
Основной (или акционерный) капитал о-ва . . .	231,10	229,20	225,70
Акционерный капитал в процентах к производственному капиталу	57,4	97,0	87,0

Расхождение между капиталом в понимании капиталиста (а именно этот капитал регистрируется американскими цензами) и тем, что следует понимать под производственным капиталом (который один важен для разрешения выдвинутой тов. Калмановским проблемы), в Соединенных Штатах особенно велико было в те десятилетия, на которые ссылается тов. Калмановский, при чем с каждым периодом времени оно возрастало. Это были десятилетия, в течение которых американская промышленность сначала акционировалась, а потом также и трестировалась. Переход от единоличного предприятия на акционерные рельсы всегда сопровождался повышенной формальной оценкой капитала за счет безденежных акций (разводнение капитала). Особенно велико было „разводнение" капитала при устройстве различных трестов. Всему этому, кроме грюндерского ажиотажа, способствала также падающая норма прибыли, дававшая высшие оценки капитала, как результата капитализации прибыли. Учесть, в какой мере „дорожал" производственный капитал под влиянием всех этих манипуляций, нет возможности; известно только, что „воды" вливалось в капиталы американской промышленности изрядные количества. Поэтому строить какие-либо теории на основании того, что „цензы" называют капиталом, ни в коем случае недопустимо. И оправданием тов. Калмановскому служит разве только то, что на этот ложный путь его толкнул легкомысленный пример П. Маслова, на которого тов. Калмановский и ссылается в своей статье.

III

Но есть ли какой-нибудь иной способ подойти к выставленной тов. Калмановским проблеме, способ более серьезный? Нам кажется, что такой способ имеется. Мы его видим в том, что на место „капитала" тов. Калмановского ставим мощность первичных двигателей, выраженную в лошадиных силах. Этот фактор действительно характеризует перемены, происходящие в строении капитала. Число лошадиных сил на одного рабочего говорит об отношениях, существующих между основным (в производственном смысле) капиталом (которого, как известно, не следует смешивать с постоянным капиталом) и капиталом переменным. В то же время, продукцией на одну лошадиную силу определяются перемены в эффективности основного капитала. Ниже мы даем динамику промышленности Соединенных

Штатов за XX столетие, при чем продукцию оцениваем в постоянных ценах по индексу департамента промышленности:

Годы	Продукция в млн. долл.	Рабочих в тыс. чел.	Первичн. двигат. в тыс. л. с.	Продукция на 1 л. с. в долларах	Лош. сил на 100 рабочих	Нарастание лош. сил в % к предыд. году
1899	8.555	4.713	10.098	847	214	—
1904	13.323	5.468	13.488	988	247	115
1909	20.052	6.615	18.675	1.074	282	114
1914	23.508	7.036	22.437	1.048	319	110
1919	29.966	9 096	29.505	1.016	324	102
1923	39.129	8.768	33 057	1.184	377	116
1925	39.434	8.384	35.735	1.104	426	113

В абсолютных цифрах происшедшие в строе промышленности Соединенных Штатов перемены можно так охарактеризовать. Мощность механических двигателей выросла на 254%. В то же время количество приводимой этими механическими двигателями в движение живой рабочей силы увеличилось всего лишь на 78%. Получилась основательная реконструкция промышленности, выразившаяся в относительном вытеснении „мертвым" трудом труда „живого". Как шел этот процесс, показывают последние две графы таблицы. Они же дают ему точное выражение. Если в 1899 г. 100 рабочим противопоставлялась первичная двигательная сила в размере 214 лош. сил, то в 1925 г. тому же числу рабочих противопоставлялась уже первичная двигательная сила в размере 426 лош. сил, т.-е. относительная роль первичной двигательной силы удвоилась. Что произошло за это время с продукцией? Напоминаем, что продукция за все 25 лет выражена у нас в одинаковых, неизменных ценах. Следовательно, на ее размеры не влияло ничего, кроме изменений физического ее об'ема. И вот физический об'ем продукции увеличился на 361%, т.-е. в темпе, более сильном, чем рост „мертвого" труда, в 1,4 раза. Эффективность же механических двигателей усилилась на 30%, так как на одну лош. силу приходилось продукции на 847 долл. в 1899 г. и на 1.104 долл. в 1925 г.

Еще большее усиление эффективности получится, если 1899 г. сравнить не с 1925, а с 1923 г.: вместо 30% окажется 34%. Вообще, при бесспорной общей тенденции к росту, в отдельных случаях эффективность механических двигателей дает перебои. Вызываются они разными причинами. Можно думать, что в 1914 и в 1919 гг., охватывающих период сравнительного застоя в американской технике, они об'яснялись тем, что износ основного капитала шел быстрее его обновления. Некоторое снижение эффективности капитала в 1925 г., сравнительно с 1923 г., следует, вероятно, отнести на недогруз фабрик. Но „правило" строится не по „исключениям". Явление же в целом достаточно выразительно, чтобы возможны были какие-либо сомнения. Более того: в действительности рост эф-

фективности „мертвого“ труда был сильнее, чем показывает наша таблица. Выше мы указали, как влияет на эффективность „капитала“ промышленности в целом тот факт, что в процессе ее роста повышается удельный вес производств средств производства. Это остается в силе и тогда, когда развитие промышленности измерять не ничего не говорящим „капиталом“, а механическими двигателями. Возвращаясь к расчету, сделанному А. М. Гинзбургом для 1921 г., мы видим, что на одну лошадиную силу приходилось тогда в Соединенных Штатах продукции: в производствах средств производства — на 1.590 долл. и в производстве средств потребления — на 3.867 долл. Следовательно, рост удельного веса первой группы производств ослаблял итоговый эффект усиления „мертвого“ труда в американской промышленности. Наши выводы, очевидно, были бы гораздо более яркими, если бы возможно было рассмотреть особо динамику каждой из этих двух групп промышленности Соединенных Штатов.

Мы, конечно, понимаем всю недостаточность измерения эфективности технических процессов в промышленности при помощи одной двигательной силы. А что в это время происходит с „рабочей машиной“? К сожалению, для промышленности в целом, иного подхода к вопросу мы не видим. Однако, отдельным отраслям можно дать более разностороннее освещение. Взять, к примеру, хлопчатобумажную промышленность Соединенных Штатов. Динамика ее характеризуется следующими цифрами:

Годы	Рабоч. в тыс.	Мех. двигат. в тыс. лош. сил	Веретен в работе тыс.	Переработано хлопка тыс. *кг*	На 1 рабочего лош. сил	Потреб. хлопка на 1 веретено *кг*
1910	371,2	1.286	28.267	4.799	3,47	0,17
1914	379,4	1.564	31.520	5.786	4,12	0,18
1920	431,0	1.836	35.481	6.762	4,26	0,19
1923	471,5	2.153	36.260	7.312	4,57	0,20
1925	445,2	2.236	35.849	6.852	5,02	0,19

Растущее число лошадиных сил на одного рабочего свидетельствует о постепенном повышении строения капитала в хлопчатобумажной промышленности Соединенных Штатов. Как же это влияет на продукцию в натуральном выражении? За пятнадцать лет, когда двигательная сила увеличилась на 42,5% и число веретен („рабочая“ машина) на 26,8%, потребление производством хлопка увеличилось на 42,9%; при этом производственное потребление хлопка каждым веретеном растет из года в год, за одним исключением — для 1925 г., вероятно, в связи с недогрузкой фабрик, либо с улучшением качества пряжи.

И этот более быстрый рост физического об'ема хлопчатобумажной продукции, сравнительно с усилением роли „основного

капитала“ (не денежного, а реального — в форме двигательной силы и „рабочей“ машины), свойственен не одним только Соединенным Штатам. В Англии за вторую половину XIX столетия (1850—1900 гг.) число веретен в хлопчатобумажной промышленности увеличилось с 21,0 млн. до 47,9 млн. или на 129%, при увеличении числа рабочих с 330,9 тыс. до 523 тыс. или на 58,2%. Строение капитала, следовательно, значительно повысилось. Но еще сильнее возросло производственное потребление хлопка — с 531,7 млн. англ. фунтов до 1.576,6 млн. или на 196,5%.[1] В Ост-Индии в первое пятилетие XX века (1900—1906 гг.) в хлопчатобумажной промышленности число рабочих увеличилось с 163,3 тыс. до 212,7 тыс. или на 30,3%. Слабо, сравнительно с ростом рабочих, увеличилось число веретен — всего на 11,7% (с 4.738 тыс. до 5.294 тыс.), что, главным образом, об'ясняется усиленным развитием ткачества, на которое необходимо отнести увеличенное число рабочих. Число же ткацких станков за это время увеличилось с 38,5 тыс. до 52,3 тыс. или на 35,9%. Таким образом, и в ост-индской хлопчатобумажной промышленности за 5 лет произошло заметное повышение строения капитала. В продукции же в этот период произошли следующие изменения: производство пряжи увеличилось на 30,7% (с 501,7 млн. до 655,6 млн. а/ф.), а производство тканей поднялось на 64,4% (с 95,3 млн. до 156,6 млн. а/ф.[2]).

Чтобы яснее себе представить, к каким выводам мы приходим из приведенных выше фактов и расчетов, следует иметь в виду, что, если все свидетельствует о сокращении не только „живого“ труда, но и „мертвого“ на единицу продукции с прогрессом промышленности, то этому закону подчиняется и производство самих орудий производства. Следовательно, „окристаллизованного“ труда на единицу механической силы и „рабочей“ машины (в данном случае веретено и ткацкий станок) требуется меньше; другими словами, реальная ценность вытесняющего труд капитала (в натуре) должна быть ниже того, что выражается числом лошадиных сил, веретен, ткацких станков и пр. Это значит, что эффективность „капитальных затрат“ выше той, которую показывают приведенные нами примеры.

IV

Что остается от „правила“ тов. Калмановского? Тем не менее, мы вовсе не собираемся противопоставить одному „правилу“ другое „правило“. Когда тов. Калмановский категорически утверждает, что „процесс сокращения количества продукции на единицу стоимости основного капитала неизбежен в условиях индустриального развития“, он делает ошибку, лишенную какого бы то ни было оправдания, ибо его „доказательства“, мягко выражаясь, чрезвычайно легковесны. И ошибку опасную. Он сам спешит оговориться, что

[1] „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, III Auflage, т. II стр. 682—683.
[2] Там же, стр. 687.

из его „правила“ вовсе не вытекает, что чем сильнее процесс сокращения количества продукции на единицу стоимости основного капитала, тем „большим показателем хозяйственных достижений он обязательно является“. Можно себе вообразить, к каким плановым абсурдам мы приходили бы на основе такого вывода! Но более осторожный вывод, уже несомненно вытекающий из „правила“ тов. Калмановского, чреват достаточно серьезными последствиями. Может же тов. Калмановский аргументировать свое „правило“, между прочим, ссылкой на нашу собственную практику, как известно, вызывающую серьезные споры и сомнения?!

Нашей задачей было доказать, что на „правило“ тов. Калмановского нельзя смотреть, даже как на первый набросок, на черновик гипотезы. Это просто ни на чем не основанное предположение, чрезвычайно опасно формулированное. Что же касается самой проблемы, то о ней следует сказать словами тов. Струмилина:[1] „Эффективность капитальных вложений не такая простая категория... Она проявляется весьма многообразно“. К этому необходимо прибавить, что так как эта проблема у нас ставится, она не ставилась и не могла ставиться ни капиталистической практикой, ни построенной на ней экономической теорией. В этом необходимо себе отдать ясный отчет, чтобы понять смысл и сущность проблемы.

В тех случаях, когда в экономической литературе поднимался до сих пор вопрос о „производительности последовательных затрат в промышленности“, он трактовался с точки зрения выгодности для капиталиста „последовательных затрат“ в одном и том же промышленном предприятии. Много путаницы собралось в экономической литературе вокруг вопроса в этой постановке. Но правильно поставленный вопрос вряд ли можно назвать спорным.

Каждое промышленное предприятие составляет органическое целое, в котором отдельные составные элементы подогнаны друг к другу. Если, не меняя организационных форм предприятия,— сохраняя прежнее количество рабочих, прежний капитал в сырье и пр., увеличивать основной капитал на старой технической базе, то не должно быть никаких споров, что новые затраты будут снижать эффективность всего сосредоточенного в предприятии основного капитала. Однако, таких случаев,— экономически нелепых,— вообще не бывает. Если ставится дополнительная машина старой конструкции, то соответственно увеличивается число рабочих, капитал в сырье и т. д. Когда старые машины заменяются новыми, то согласно их требованиям реконструируется все предприятие. Увеличивается ли при этом продукция предприятия? В первом случае безусловно и соответственно продуктовой способности дополнительной машины, которая, разумеется, будет не ниже продуктовой способности прежних

[1] Цитируем по статье тов. Калмановского, который странным образом делает попытку опереться на тов. Струмилина.

машин. Другими словами, на единицу основного капитала будет вырабатываться прежнее количество продукции (в физическом об'еме). Это до такой степени очевидно, что тут даже у тов. Калмановского нет сомнений. Его сомнения сосредоточены на втором случае, который, наоборот, в экономической литературе до сих пор не вызывал никаких споров в применении к отдельным предприятиям. Что же касается целых отраслей промышленности, то в этом разрезе буржуазная экономика вопросом не занимается. Для нее вообще отрасль промышленности — только сумма отдельных предприятий: первую она считает номенклатурной абстракцией, конкретность для нее — последние; притом, и в отношении последних, важна для нее продукция, не как таковая, а как источник прибыли для капиталиста.

В условиях советской экономики дело получает иной характер. Рентабельность отдельных предприятий и для нее важна, но во всяком случае не менее важна их продуктивность. Кроме того, над рентабельностью и продуктивностью отдельных предприятий стоит рентабельность и продуктивность целой отрасли промышленности, подчиняя себе расчеты отдельных предприятий, при чем и отраслевую рентабельность, почасту, приходится подчинить соображениям отраслевой продуктивности. В этой сложной обстановке политика капитальных затрат требует большой экономической ясности и, в частности, особенную важность приобретает выдвигаемая тов. Калмановским проблема, но, разумеется, не в его разрешении последней.

Капитальные затраты у нас проводятся в четырех направлениях: 1) улучшаются и расширяются старые предприятия, с сохранением старых их организационных и технических форм, 2) реконструируются старые предприятия без серьезных изменений в строении капитала, 3) строятся новые предприятия со старым строением капитала и 4) строятся новые предприятия нового типа, т.-е. с новым строением капитала. Первые три направления, с точки зрения производственной способности основного капитала, тов. Калмановского не затрудняют, ибо они „либо полностью воспроизводят, либо мало изменяют ныне существующие способы производства“, так что „все эти затраты, а, следовательно, и весь основной капитал, на который эти затраты обращены, возрастает, конечно, в меньшей степени, чем масса продукции, им производимой“. А вот с четвертым направлением неблагополучно. „Там, где мы строим крупные предприятия нового типа, с применением последних технических достижений, с максимальным использованием машинной силы (хотя бы в соответствии уровню нашей заработной платы? *С. З.*), с введением новых приемов производства, там,— предупреждает нас тов. Калмановский,— мы имеем, как правило, неизменный рост затрат, авансированных на каждую единицу производственной способности основного капитала“. Не относится ли эта „теория“ к апологии технико-организационного застоя в промышленности? Тов. Калмановский формально себя отгораживает от этого подозрения. Да, с точки зре-

ния количества продукции на единицу основного капитала, предприятие нового типа невыгодно, но зато оно дает возможность „каждую единицу возрастающей массы продукции производить в возможно меньший срок, с минимальными затратами живого труда и максимальной заменой его трудом механическим".

Однако, такое „оправдание" технико-организационного прогресса в промышленности звучит достаточно двусмысленно в стране, в которой имеется крупное перепроизводство рабочей силы, оцениваемое отнюдь не с равнодушием капиталистических стран, и, в которой, наоборот, в чрезвычайном минимуме имеется именно капитал, а в связи с ним и товарная продукция. Если эффективность капитальных затрат на предприятия нового типа, т.-е. предприятия, использующие все колоссальные успехи мировой техники, от которой так сильно отстала техника унаследованной советской Россией от времен давно минувших промышленности,— действительно не может угнаться за самими капитальными затратами, то целесообразно ли, более того: дозволительно ли заниматься новым строением при наших скудных капиталах и нашем „товарном голоде"? Вот как приходилось бы ставить вопрос, если бы „правило" тов. Калмановского имело какое-нибудь основание.

В отдельных случаях, в применении к специфическим отраслям народного труда, „правило" тов. Калмановского может иметь место, но в наших условиях оно должно иметь также специфическое оправдание. Пример с Днепростроем, о котором говорит тов. Струмилин относится именно к таким специфическим случаям. Вот почему мы считаем выдвигаемую тов. Калмановским проблему чрезвычайно для нас важной, но как проблему, т.-е. как вопрос, требующий серьезного, углубленного, детального изучения.

Общая тенденция технического развития ведет промышленность не по тому пути, о котором говорит тов. Калмановский. Но общая тенденция имеет свои исключения. Не во всех отраслях промышленности продуктовая эффективность улучшенного строения капитала одинакова. Мыслимы и случаи, когда получается результат, о котором говорит тов. Калмановский. Планируя промышленное строительство в условиях недостатка капитала и слабого удовлетворения потребления,—да и вне этих условий,—необходимо иметь ясное и доказанное представление о каждом конкретном случае. Даже на пример тов. Струмилина мы не можем смотреть, как на роковую необходимость. Действительно ли нельзя было спланировать основные затраты по Днепрострою так, чтобы „каждый затраченный рубль капитала" не давал меньше киловатт энергии, чем „многие из ныне существующих электростанций", либо и тут сказалась размашистость „русской натуры", которой мы обязаны не малым количеством рублей без нужды затраченного капитала?

Интересно, что наша собственная практика отнюдь не поддерживает „правила" тов. Калмановского, несмотря на ее дефекты, ко-

торые всей своей тяжестью легли именно на основной капитал (высокая стоимость построек, убытки на приобретенном за границей оборудовании, дороговизна оборудования нашего собственного производства, лишние расходы на подготовительные работы и проч.). По контрольным цифрам на 1928/29 г. мы имеем такое взаимоотношение между валовой продукцией промышленности и действующим в ней к концу года основным капиталом (в млн. руб. по ценам 1926/27 г.):

Годы	Валовая продукция	Основной капитал	Продукция на 100 р. основного капитала
1925/26	12.448	7.435	167,4
1926/27	14.138	8.257	171,2
1927/28	16.528	9.500	173,9
1928/29	19.040	11.286	168,6

Три первых отчетных года дают определенный рост эффективности основного капитала; исключение составляет последний — плановый — год, но и в этом году эффективность основного капитала выше, чем в 1925/26 г. Не столь определенную картину рисуют контрольные цифры пятилетки ВСНХ СССР, но тенденция возрастающей эффективности основного капитала и здесь проявляется:

Годы	Валовая продукция	Основной капитал	Продукция на 100 р. основного капитала
1927/28	10.824	9.783	110,6
1928/29	13.192	10.874	121,3
1929/30	15.860	12.761	124,3
1930/31	19.317	15.850	121,8
1931/32	23.686	19.455	121,7
1932/33	28.981	23.366	124,0
За все пятилетие увеличение в %	167,7	138,8	—

За пять лет продукция увеличивается на 167,7% в то время как основной капитал дает увеличение всего на 138,8%. По отдельным годам получается большой разнобой, об'ясняемый разными причинами, на которых останавливаться здесь мы не станем. Но к уровню 1927/28 г. продукция, на единицу основного капитала, уже не возвращается.

Обе таблицы мы привели не потому, что они разрешают проблему продуктовой эффективности основного капитала. Во-первых, даже для отчетных лет, оценки основного капитала вызывают серьезные сомнения, так как они говорят о произведенных затратах, а не о реальных результатах этих затрат. Во-вторых, чтобы судить о производственном значении произведенных капитальных затрат, интересны они не в общей их сумме, а в той ее части, от которой непосредственно зависит производство, т.-е., которая затрачивается

на механическое оборудование. В третьих, за одни скобки нельзя брать капитальные затраты на расширение или частичное улучшение производства с капитальными затратами на реконструкцию и новое строительство. Наконец, странное впечатление производит сама статистика, которая в 1927/28 г. рисуется в обеих таблицах различными цифрами. Но для иллюстрации легкого отношения тов. Калмановского к проблеме, приведенные таблицы, конечно, вполне годятся.

V

Подведем итог всему нами сказанному о попытке тов. Калмановского воскресить „закон" падения последовательных затрат капитала, перенеся его с земледелия на..... промышленность. Что не одной продуктовой эффективностью основного капитала следует измерять результативность нашего промышленного строительства, разумеется, верно. Но во всяком случае, в наших условиях, основным мерилом все-таки остается именно продуктовая эффективность основного капитала. Однако, чтобы это мерило имело реальную силу, а, главное, чтобы его можно было положить в основание планирования промышленности, необходимо правильно осветить всю проблему взаимоотношений между промышленной продукцией и основным капиталом. Прежде всего, необходимо твердо установить, что для определения этого взаимоотношения не весь основной капитал имеет значение, а только производственная его часть. О необходимости чрезвычайной экономии в подготовительных работах,—конечно, без ущерба для их качества,—распространяться нет надобности. Но, если даже в отношении технического оборудования не всякие затраты могут признаваться целесообразными в конкретных условиях организации промышленного предприятия, то тем более осторожно следует относиться к таким затратам, как, например, расходы на постройки. Найти для нашей страны оптимум основного капитала промышленности, вообще, и его производственной части, в особенности,—такова очередная задача нашего планирования. И эту задачу можно разрешить не для промышленности в целом, а для каждой отрасли промышленности в данное время и данной конкретной обстановке в отдельности, ибо каждой отрасли промышленности в отдельности свойственно не только свое строение всего капитала, но и свое строение основного капитала. Для Германии, например, исчислено, что в электротехнической промышленности техническое оборудование поглощает 38% основного капитала, в бумажной 32%, текстильной 23%, металлической 20% и т. д.[1] С другой стороны, свой оптимум капитала и его технической части имеют предприятия одной и той же отрасли, но разных типов. Наконец, планирование проявляет чрезвычайную кустарность, когда оно исходит в определении эффективности затрат из средних величин, не диференцируя эти затраты по их назначению: направляются ли они на расширение и частичное улучшение предприятия, либо на его реконструкцию, или на совершенно новое строительство.

[1] „Grundriss der Sozialökonomik, VI Abt., 1923 г., стр. 158.

Все эти сложные и трудные вопросы не только у нас неизучены, но и в мировой экономике едва затронуты. Однако, в их разрешении всего более мы заинтересованы, и не только потому, что мы ведем планируемое хозяйство. Не следует забывать, что наше хозяйствование вообще носит специфический характер. И в условиях нашей экономики, поставленная тов. Калмановским проблема—но не в том ее разрешение, которое он предлагает,—требует исключительно серьезного внимания. Не грех бы этой проблемой заинтересоваться не только планирующим, но и исследовательским нашим учреждениям...

Г. Козлов

К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР

Вопросы денежной политики снова начинают привлекать общее внимание. Еще совсем недавно считалось как бы бесспорным, что высокие темпы роста денежной массы были свойственны лишь восстановительному периоду, что годы реконструкции должны сопровождаться резким их уменьшением. Однако все планы эмиссии последних лет были превзойдены — денежная масса в стране значительно увеличилась. Это снова вызвало горячее обсуждение вопросов нашей денежной политики. Но оценка состояния денежной системы, методы и способы лечения, если они нужны, не могут быть достаточно обоснованы без анализа природы наших денег. Между тем, мы можем решительно утверждать, что все характеристики нашего денежного обращения исходили все время из того неверного положения, что наши деньги суть настоящие деньги,— ни что иное, как та самая, древняя категория денег, которая существует уже не менее тридцати столетий.

Даже марксисты, исследовавшие природу наших денег, не смогли притти ни к какому иному выводу, что та же „прежняя архибуржуазная категория денег служит техническим средством в процессе социалистического хозяйственного строительства" (Леонтьев и Хмельницкая — „Очерки переходной экономики", стр. 330). Но если это „старая архибуржуазная категория" продолжает существовать, несмотря ни на какие успехи планового хозяйства, то, что удивительного, если по всякому поводу ряд экономистов то находит у нас инфляцию, то рекомендует старые испытанные способы борьбы с ней, то предсказывает „светопреставление", если темп прироста денежной массы увеличится еще на один процент.

Деньги суть ни что иное, как всеобщая эквивалентная форма стоимости, наиболее развитое и яркое выражение общественных отношений между товаропроизводителями и существеннейший элемент во всем стоимостном регулирующем механизме.

Познать судьбы денег у нас — это анализировать судьбы стоимости, это выяснить трансформацию регулирующего начала нашей экономики.

Эпоху военного коммунизма, этот своеобразный период с его законами военно-потребительского регулирования хозяйства, мы здесь

можем оставить вне рассмотрения. Это „пред'история", „История" перерождения стихийного регулятора в плановый начинается с введения новой экономической политики. Исходный момент здесь характеризуется значительным удельным весом в экономике страны мелко-товарного крестьянского хозяйства, при наличии в государственном секторе разрушенной крупной промышленности. Свобода торговли, развязывание рынка, при этих условиях, не могли не привести к господству стихийных закономерностей. Жесткое планирование эпохи военного коммунизма уступило место стоимостному регулированию. Но это не было господство закона стоимости в его чистом виде. В производстве и на рынке выступал ряд „автономных товаропроизводителей". Однако они делились на различные по своей экономической и социальной природе группы. Если, с одной стороны, мы имели действительно „независимых" производителей — крестьян, капиталистов, ремесленников, то, с другой — в ряду товаропроизводителей и товаропродавцов выступали государственные предприятия и учреждения. Здесь уже не было полной „независимости". Они выступали (в начале, правда, в очень слабой степени) как элементы одного обобществленного целого. Отсюда возникало противоречие между законом стоимости — его стихийной природой и природой части регулируемых им предприятий. Оно не могло не приводить к некоторым ограничениям его действия с самого начала. Развитие этого противоречия должно было привести к уничтожению закона стоимости. Но тогда могла быть лишь слабая модификация этого закона. Отсюда и роль товарной формы мало чем отличалась от ее роли в товарном хозяйстве. Вещная связь между товаропроизводителями полностью выражала те отношения, когда связь может существовать только через вещи. Элементы нарушения этого типа связи были очень слабы. Но наличие отмеченного противоречия было достаточно, чтобы из стоимости зародился план, как особая форма регулятора. В этом отличие советского хозяйства от монополистического капитализма, где частичное ограничение стоимостных закономерностей не ведет к их уничтожению, а, наоборот, расширяет поле их деятельности и силу их проявления. У нас же простой рост производства, где все преимущества оказываются на стороне обобществленных предприятий— „товаропроизводителей", переводит хозяйство на следующую ступень. Простой рост производства на основе закона стоимости приводит к усилению на рынке государственных предприятий и к усилению противоречий между характером регулирования и его об'ектами. Потенциальные возможности плановой связи благодаря росту этого противоречия начинают проявляться в действительности. Количественный рост продукции государственных предприятий делает значимым для всего хозяйства их политику цен. Кладется начало замены товарной формы, как формы вещной связи, другим типом связи. Но плановое начало здесь только зарождается, система равновесия хозяйства на основе плана еще не складывается, как прямо антагони-

стическая по своему существу системе стихийного равновесия. Наоборот, хозяйственные пропорции, намечаемые планом, в основном совпадают с пропорциями, складывающимися на основе стихийных закономерностей. План использует закон стоимости, старается действовать в его рамках, но план уже осознает себя, как регулирующую силу и отсюда через использование своей собственной базы — командных высот и обобществленной части хозяйства — план вносит коррективы в действие закона стоимости. Однако, в основном, дело сводится нестолько к созданию новых пропорций, сколько к предвосхищению стихийных закономерностей, к ускорению всего темпа развития. На этом этапе мы имеем дело не столько с планом в действии, сколько с подготовкой к этому, ростом осознания пролетариатом своей роли, как суб'екта регулирования всего хозяйства.

Дальнейший рост материального производства, расширение базы как планового начала, и так стоимостного ведет к усилению противоречия. Обобществленный сектор вырастает в такую силу, которая могла бы уже диктовать свои пропорции, свой тип равновесия народного хозяйства. Если раньше этому сектору приходилось считаться еще со старым капиталистическим распределением средств производства, со старым размещением основного фонда хозяйства, то сейчас он может приступить к перемещению этих основных фондов, к их распределению на новой основе.

Рост силы обобществленного сектора дает возможность в более широком масштабе использовать ту эволюцию товарной формы (внутри этого сектора, прежде всего), которая уже началась на предыдущем этапе. План материально и организационно укрепился, превратился в силу, которая способна решать направления всего хозяйственного развития. С другой стороны, рост материальной базы в частном секторе развивает скрывающиеся и в нем потенции: просто — стоимостные закономерности начинают заменяться все в большей мере капиталистическими. Если раньше не было антагонизма между планом и стоимостью (мы имели дело просто с двумя противоположными, но дополняющими друг друга элементами) и вследствие слабости плана, и вследствие того, что мы не столько имели дело с превращением стоимости в капитал, сколько продукта в товар, то теперь в новой обстановке начинается решительная борьба между планом и стоимостью за направление развития, за тип пропорциональности народного хозяйства. Борьба эта не может не кончиться победой плана. Закон стоимости пытается здесь противодействовать плану по двум направлениям: с одной стороны, через рыночный механизм он пытается воздействовать на обобществленный сектор, урвать большую долю национального дохода и распределить ее по-своему, с другой — если отношения складываются к невыгоде частного сектора, он действует через сокращение материального производства. Однако действию стоимости посредством рыночного механизма план противопоставляет не только свое влияние на рынок, но и ряд других рычагов перераспределения народного дохода, которыми он в достаточной мере овладел (всевозможные налоговые и налогообразные из'ятия, финансирование). Сокращению материального производства он противопоставляет силу своих ресурсов и организованного воздействия.

Одновременно с этим, происходит дальнейшее перерождение товарной формы. В обобществленном секторе она все больше лишается своего содержания. Попытка плана реализовать свои потенции, повернуть все народное хозяйство на путь своих пропорций, не может не означать кризиса товарной формы и в стихийном секторе. Эта форма полностью приспособлена к типу материальных закономерностей этого сектора. Прямая попытка нарушить их не, может не означать известного покушения и на существо вещной оболочки.

Руководящая роль плана имманентно присуща хозяйству переходного периода. Но она реализуется не сразу. Через простой рост материального базиса обобществленного сектора, через использование стоимостных закономерностей, их предвосхищение, через борьбу с капиталистическим вырождением закона стоимости лежит дорога плана к победе.

Старую формулу о том, как из стоимости рождается капитал, история дополняет другой — как из стоимости рождается план.

Значение плана как регулятора, выражается, прежде всего, в том, что он способен реализовать свои пропорции в хозяйстве, что он создает свой тип равновесия. Стоимость здесь по отношению к плану в принципиально отличном положении по сравнению с предыдущими этапами. Если раньше план шел по пути стоимостных закономерностей, то сейчас, на оставшемся участке их господства, план создает такие условия, при которых стоимостные закономерности идут в основном по руслу плановых тенденций.

Раньше народнохозяйственные пропорции, в основном, складывались на основе стихийных законов. План мог их лишь корректировать. Сейчас они складываются на основе сознательного регулирования. Стоимость уже неспособна реализовать присущий ей тип равновесия. Она лишь может слегка „портить" план.

Если раньше мы говорили о том, что план модифицирует закон стоимости, то сейчас отношения перевернулись — стоимость может лишь модифицировать план. Ее регулирующая роль во всем хозяйстве закончена. По существу, следовательно, только теперь и начинается окончательная ликвидация закона стоимости. Отсюда, роль товарной формы совершенно меняется. Она становится все больше вещной оболочкой лишенной своего прежнего содержания.

Товар не просто продающийся, а прошедший предварительно через систему прямого распределения уже на 95% лишился своих свойств товара. Движение товарных масс и в стихийном секторе

начинает носить черты все большей планомерности, хотя это и является не результатом проявления внутренних сил этого сектора, а результатом воздействия на него обобществленного. И здесь начинается решительное перерождение товарной формы. Только теперь это перерождение формы для стихийного сектора начинает становиться в значительной мере равносильным перерождению содержания. Раньше этого не могло быть поскольку некоторым изменениям товарной формы совершенно не соответствовали качественные изменения в направлении движения. Модификация формы могла даже сопровождаться развитием движения отдельных частей стихийного сектора в антагонистическом к плану направлении. Сейчас план празднует победу, так как движение в одном направлении уже начинает итти одновременно с двух концов. Но это победоносное шествие плана не означает, что стоимостные отношения уже вообще ликвидированы, не означает это также того, что план не встречает противодействующих, противоречивых ему тенденций. И стоимостные закономерности и капиталистические тенденции остаются. Но план оказывается уже достаточно сильным, чтобы преодолеть последние, чтобы не только не допустить их дальнейшего роста, но систематически вытеснить их, а стоимостным отношениям предоставить участвовать лишь на участке, отведенном им планом.

В оценке регулирующих начал нашей экономики в литературе мы имеем ряд ошибок, связанных преимущественно с неисторическим не генетическим подходом к изучению проблемы.

Одни оценивали план и стоимость, как две антагонистические по своему существу силы с момента зарождения планового начала в нашей экономике. Сторонники этой точки зрения перескакивали через ряд этапов того диалектического взаимоотношения, где два различных начала могут представлять собой просто различие, противоположность, но еще не противоречие. Они не понимали этапа, когда должна и может существовать известная гармония между планом и стоимостью.

Другие переносили отношения этого этапа на весь переходный период. Они вообще отрицали возможность антагонизма между планом и законом стоимости по их материальному существу, полагая, что план всегда обязан действовать лишь в рамках закона стоимости, через этот закон, и что только таким образом план может добиться своей системы равновесия. Эти просто не понимают того, что рост стоимостных отношений на известном этапе создавал тенденции к такой системе равновесия, которая по своему капиталистическому характеру представляла явно антагонистическую, совершенно противоречивую плановой системе сущность. И что в борьбе за иной тип равновесия, обобществленный сектор, материально и организационно созревший, может и должен итти даже на ломку капиталистических тенденций, заменяя их иным типом связи и направлением развития, и что лишь на ряду с этим оказывается

возможным отвести стихийному сектору определенный участок и господствующие там тенденции отвести, в основном, в русло плановой системы равновесия. Конечно, план до конца исчерпывает возможности регулирования через стоимость и для этого на известных ограниченных участках может создавать благоприятные условия для проявления закона стоимости, как такового, подавляя его тенденции превращения в закон капитала и поощряя его перерождение в очищенные от стихийных сил отношения.

Что касается третьей точки зрения — считающей, что на всех стадиях развития переходного хозяйства господствует закон стоимости, и только, то на ней останавливаться долго не следует. Сторонники этой точки зрения не могут освободиться от своеобразного фетишизма товарной формы в СССР, и одно наличие этой формы для них достаточный довод за господство закона стоимости. Они не видят совершенно тех противоречий, которые рождаются под „крышкой“ товарной формы, ни того, что эта форма все время, с ростом значения плана, теряет свою сущность. Их смущает, что „трудовые затраты выступают в стоимостной оболочке“. Но они не видят того, что эта стоимостная оболочка лишь по виду стоимостная, что стихийный ценностный „учет“ превращается все в более и более планомерную операцию, и что ценностные единицы превращаются все более и более в условные счетные единицы. Одним словом, они не видят своеобразного противоречия стоимостной формы в СССР.

Этого противоречия не понимают и авторы „Очерков переходной экономики“. Там мы встречаем положение, что товарная форма умирать по частям (!) не может, что она отомрет как-то сразу. К сожалению, авторы этой книги не раскрывают нам тайны этого странного скачка. Впрочем, навряд ли они могли бы это сделать, ибо, с другой стороны, они признают наличие процесса перерождения товарной формы!

Все эти возможные решения вопроса следует иметь в виду при анализе проблемы денег. Деньги всеобщая эквивалентная форма стоимости, необходимейшее и важнейшее звено во всем стоимостном регуляторном механизме. Совершенно очевидно, что от того или иного решения вопроса о роли стоимости в нашем хозяйстве будет зависеть решение вопроса о наличии денег в нашем хозяйстве и об их природе. В самом деле, если бы мы держались такой точки зрения, что стоимости и стоимостных закономерностей уже вообще не существует в нашем хозяйстве, очевидно нам пришлось бы отрицать как наличие денег, так и каких бы то ни было их переходных форм; с другой стороны, если бы мы признали, что регулятором является только стоимость — то очевидно исчезла бы сама проблема о природе денег в СССР. [1] Проблема эта возникает именно тогда, когда

[1] Поэтому мы не можем пред'явить особых претензий к проф. Юровскому, который считал возможным написать „толстое“ исследование о денежной политике

приходится констатировать наличие двух начал в советской экономике, проходящих этапы сотрудничества, обостренной борьбы, и преобладания одного из них — плана. Поскольку установлено наличие всех этих этапов, установлен более или менее продолжительный период вызревания плана, как руководящего начала, из недр стоимости, постольку, очевидно, и по отношению к деньгам следует сделать вывод о постепенном их отмирании, об их перерождении, как о длительном процессе.

Первый короткий этап — этап господства стоимости — очевидно, ничего не меняет в природе денег. Второй этап — этап зарождения и оформления планового начала — впервые вносит в категорию денег такие моменты, которые делают ее совершенно не похожей на деньги обычного товарного хозяйства.

В самом деле, поскольку план овладевает определенным участком, постольку деньги, функционирующие внутри охваченного планом участка, не являются уже деньгами. Охват планом определенной доли общественного труда означает, что здесь труд из абстрактного труда превращается в непосредственно общественный, и следовательно природа денег здесь меняется. Но деньги остаются деньгами на участке частного сектора, они остаются деньгами во взаимоотношениях между секторами. И лишь тогда, когда план подчиняет себе, своим целям, своему движению, движение стоимостных тенденций, когда он успешно преодолевает противоположное их направление, только тогда деньги и на грани действия двух секторов перестают быть деньгами, и внутри частного сектора их природа становится иной. Ведь, в самом деле, труд принимает абстрактную форму не потому, что существует система вещной связи между людьми, а как-раз наоборот, именно потому, что труд носит характер абстрактного труда, и возникает связь через вещи, через золото. Что же означает то обстоятельство, что пропорции распределения труда, в основном, устанавливаются планом? Это же означает ни что иное, как то, что труд уже в значительной степени перестал носить форму абстрактного труда. Внешняя форма связи здесь не должна обманывать. Эта внешняя форма всегда является мимикрией, способствующей более спокойному развитию новых отношений. Она отомрет позднее всех прочих „наследий прошлого“. Суть же дела заключается в том, что развитие плана, его решающая во всем хозяйстве роль означает уничтожение в решающей степени противоречия между абстрактным и конкретным трудом. В той же мере, в какой оно все же остается, оно играет весьма подчиненную роль.

совласти, не ставя вопроса о своеобразии категории советских денег. В советском хозяйстве он все время видел систему товарного хозяйства, которое план регулирует, а не преодолевает (см. „Денежная политика советской власти“ стр. 381—382).

Во что же перерождаются деньги на этом этапе? Являются ли они уже настоящими трудовыми талонами социалистического хозяйства? поскольку, хотя бы в известной мере, сохранились стоимостные отношения, постольку деньги еще не трудовые талоны, но поскольку план уже диктует пропорции всего хозяйственного целого, постольку они близки к трудовым талонам. Наличие стоимостных отношений является свидетельством еще не полной рационализации общественных отношений, постольку и „трудовые талоны“ планового этапа переходного периода имеют иррациональную форму, переодеваются в ценностную одежду, не способны выражаться непосредственно в труде и представляют из себя, по форме, деньги, а, по существу, номинальные счетные единицы...

Разбор функций денег должен подтвердить и развернуть высказанные здесь соображения.

Деньги СССР

Мерило ценности или счетная единица?

Поскольку на „стоимостном этапе“ деньги являются настоящими деньгами, постольку существует и функция мерила ценности. Однако, способы и методы реализации этой функции деньгами отличаются от капиталистического хозяйства.

Здесь следует обратить внимание на то, каким именно образом обычно, золото, как деньги, осуществляет свою функцию мерила. До начала процесса обращения все товары выражают свою стоимость в золоте. Стоимость золота здесь является данной. Она выявляется и определяется по отношению к товарам либо у источника золотой добычи, либо во внешней торговле. Это — границы процесса обращения, здесь он носит характер простого обмена. В этих двух пунктах определяется уровень товарных цен, поскольку он зависит от мерила ценности. Существование этих двух пунктов является решающим для функции золота, как мерила ценности, ибо оно может быть мерилом лишь постольку, поскольку оно само имеет ценность, способную изменяться, как ценность всех товаров, и поскольку эта меняющаяся ценность передается всему товарному миру. Монополия внешней торговли и регулирование внутренних цен на экспортные и импортные товары, в соответствии с задачами каждого данного момента, совершенно отрывают внутренние цены от какого-либо воздействия меняющейся мировой ценности золота на внутренний уровень цен. Если предположить, что мировая ценность золота падает и уровень товарных цен растет, то отсюда вовсе не следует, что мы должны экспортерам внутри страны выплачивать большее количество бумажных рублей, или импортеров заставлять продавать по более повышенным ценам. Комбинированная система из'ятия прибылей и премий позволяет удержать тот же уровень цен. Это позволяет вывозить убыточные товары, ввозя

рентабельные или даже ввозить и вывозить убыточные товары. План здесь всегда имеет в виду интересы целого, а не отдельной отрасли.

Но если мы оградили себя от изменений мировой ценности золота, то в какой мере внутренняя ценность золота здесь может играть роль? И здесь, как показывает опыт, отношения товарно-капиталистического хозяйства не применимы к нашему. В виду особой роли, которую золото играет на мировом рынке, мы регулируем его производство так, что оно ни в какой мере не связано с конкретным уровнем товарных цен. Никакого воздействия на производство золота он не оказывает. Оно регулируется исключительно государственными интересами. Оно может быть невыгодным, стоимость его может возрастать или падать, это не регулирует его производства ни в какой мере и в свою очередь не отражается на общем уровне цен. Таким образом, для золота, как товара с меняющейся ценностью, пути воздействия на общий уровень товарных цен в нашем хозяйстве отрезаны.

Это регулирование внешней торговли и золотопромышленности мы имели с самого начала нэпа. Означает ли это, что мы с самого начала потеряли товарное мерило? Отнюдь нет. На том этапе, когда господствовали стихийные закономерности этим мерилом все же выступало золото. Известны многочисленные факты, показывающие, как золото из „подземелий" выходило в мир товаров и осуществляло свои права и обязанности всеобщего эквивалента. Но золото уже тогда выступало не как свободно воспроизводимый товар, а с ценой, складывающейся исключительно под влиянием спроса и предложения, что уже делало его скверным мерилом. Государство пыталось регулировать бумажную цену золота и, таким образом, создать, если не „стандартное мерило ценности", то освободить товарный рынок от стихийных колебаний связанных с „ценой" золота, внося в этот процесс известную планомерность.

Такая попытка регулирования спроса и предложения золота, поскольку господствовали стихийные закономерности, была вполне правомерной и более обоснованной, чем в условиях капиталистического хозяйства. Но по мере роста значения планового начала она становилась недостаточной. Задачи становились шире, так как, в результате овладения важными рыночными позициями, план смог покуситься и на самую существенную часть рыночного механизма — на цены. Задача уже стояла — не просто предохранить уровень цен от колебаний бумажно-денежной цены золота, а регулировать его. Успехи плана на этом пути приводили к отмиранию функции мерила ценности.

Покуда это были отдельные разрозненные попытки, они не имели значения. Но когда это регулирование цен стало опираться на значительно возросшую (количественно и, отсюда, качественно) роль обобществленного сектора, когда вместо отдельных регулируемых цен сложилась система цен, которую можно было провести

в жизнь, тогда мы получили новый принципиальный момент, в корне отвергающий функцию мерила ценности.

В самом деле, мы и в эпоху финансового капитализма имели регулирование цен, однако — это регулирование отдельных цен, система цен складывается, как результат стихийной борьбы отдельных отраслей между собой. Плановая система цен означает поэтому принципиально иные отношения — такое состояние обобществления, когда, в основном, направление развития хозяйства (пропорции) устанавливается планом. Но это означает, что система цен освобождается от каких бы то ни было эквивалентных отношений к золоту, что система цен — это просто намечаемое перераспределение труда путем действия этого именно механизма (мы подчеркиваем этого именно, ибо у плана есть ряд других перераспределяющих рычагов). Но этим самым ликвидируется необходимость мерила ценности.

Таким образом, если на предыдущих этапах золото превращалось в плохое мерило, то сейчас система цен отрывается окончательно от связи с бывшим всеобщим эквивалентом.

Вместе с этим, выхолащивалось из денежной единицы какое-либо определенное трудовое содержание. Если бумажный рубль, отображавший определенное количество золота, тем самым являлся представителем определенного количества труда, то рубль, содержание которого определяется политикой плановых цен, представляет собой номинальную счетную единицу. Количество труда, которое представляет эта счетная единица, не является постоянным, так как оно зависит от тех маневров, которые проделываются с ценами планом. Снижение цен может и не выражать уменьшения количества труда и, наоборот, увеличение производительности труда может и не сказаться в снижении цен. Следовательно, это чисто номинальная единица, которая позволяет сравнивать выгодность различных хозяйственных затрат лишь в каждый данный момент (поскольку в системе цен ничего не меняется). Отсюда, необходимость счета в неизменных ценах, когда сравниваются затраты и результаты производства различных периодов. Ясно, что расчет в неизменных ценах для какого-либо капиталиста явная бессмыслица. Уже одно это обстоятельство является свидетельством номинальности нашей счетной единицы. Содержанием ее, следовательно, является количество труда, воплощенное не в одном каком-либо товаре, служащем всеобщим эквивалентом, а в наборе товаров. Ее содержание — это ее покупательная сила. Следовательно, все товары уже не приравниваются к одному особому избранному товару, но еще не приравниваются и к труду непосредственно. Переходной ступенью оказывается приравнивание к денежной единице, содержание которой определяется планом.

Но может ли быть природа наших денег такой, когда покупательную силу рубля определяет не только план, но и те движения,

которые претерпевают цены на частном рынке? Здесь надо иметь в виду следующее. Деньги становятся номинальной счетной единицей тогда, когда на рынке решающую роль начинает играть обобществленный сектор. Но и при этих условиях, поскольку остаются стихийные закономерности, движение цен в частном секторе может сложиться иначе, чем намечено планом, и покупательная сила рубля может отклониться от плана. Однако решающую роль играет обобществленный сектор, и движение цен в частном секторе принуждено исходить из определенного содержания денежной единицы. Поэтому, роль колебания цен, на основе стихийных закономерностей, ограничена, она сводится к поправкам—уже существующему уровню. Эти поправки уже не могут изменить основных линий распределения труда, намеченных планом.

Как бы ни сложились частные цены, у плана есть ряд других рычагов, посредством которых он может видоизменить действие чем и получить то распределение труда, которое в основном было намечено.

Но поскольку в частном секторе все же имеются стоимостные закономерности (сам план в известных пределах использует их для достижения своих целей), может возникнуть вопрос — если есть стоимость, то почему не должна существовать всеобщая эквивалентная форма стоимости? Частный сектор не может создать своих денег. Деньги с определенным содержанием, с определенной покупательной силой навязываются ему обобществленным сектором. Все товары приравниваются к этому именно содержанию денежной единицы. Частный сектор, следовательно, использует номинальные деньги, как действительных представителей действительных денег. Стоимостные закономерности, на своем ограниченном участке, заставляют денежные знаки представлять не существующую всеобщую эквивалентную форму. Эта об'ективная роль расчетных знаков в частном секторе создает представление о них, как о настоящих деньгах, несмотря на то, что в иллюзорности этих представлений убеждается владелец денег на каждом шагу: и когда он пытается их превратить в то, что он помнит было предметом всеобщего поклонения, власти, могущества, в блестящий товар, и когда он пытается купить товары вообще. Оказывается, что они продаются, но одних денег мало, чтобы эти товары получить. Чтобы купить большинство товаров, этот частный владелец денег должен пред'явить ряд особых документов, без которых деньги не действительны. Товары продаются и не продаются. Товары уже не товары, но еще не продукты. Отсюда ряд экономистов, вместе с обывателями, трактует наши деньги, как плохие деньги, вместо того, чтобы сказать о них, что они уже становятся не деньгами. Таким образом, если раньше функция денег, как масштаба цен, была тесно связана с функцией мерила ценности то сейчас она освобождается от этой связи. Деньги — просто масштаб цен, только счетные „деньги".

Орудие обращения или расчетные знаки?

Всеобщая форма стоимости заключает в себе противоречие между товарами и всеобщим эквивалентом. Это противоречие „ставится" при функционировании денег в качестве мерила стоимости и разрешается в процессе обращения товаров.

На первом этапе переходного периода мы здесь сколько-нибудь отличных законов не имеем. Поскольку господствует закон стоимости постольку существует это противоречие и особый метод его разрешения. Но уже на втором этапе, когда план оформляется, и хотя не играет еще руководящей роли в народном хозяйстве, но старается предвосхитить пропорции, складывающиеся на основе стихийных закономерностей, — уже здесь в известной мере разрешается противоречие всеобщей формы. Это происходит лишь в той мере, в какой распространяются сила и значение обобществленного сектора, и лишь в этих пределах разрешается здесь противоречие всеобщей формы. По мере роста значения обобществленного сектора и его влияния на частный, это противоречие оказывается разрешенным.

Процесс приравнивания товара к денежной единице не есть здесь постановка определенного противоречия, так как подавляющее большинство „товаров" произведено по плану и, следовательно, процесс приравнивания здесь лишь формальный процесс, так как их происхождение гарантирует их сбыт. Метаморфоза товарной формы в денежную была мучительным и сложным процессом для каждого товара в капиталистическом хозяйстве. Здесь же это простая формальность при переходе товара от звена к звену, пока он не придет к конечному пункту своего назначения. Собственно, и для большей части индивидуального производства этот процесс также переменил свой характер. Ведь при определении фонда, скажем зарплаты, делается расчет и на то, сколько товаров рабочие смогут купить непосредственно у частных товаропродавцов. Таким образом, план обеспечивает сбыт и большинству частных производителей. Отсюда, хотя по характеру своего хозяйства, для частного товаропродавца процесс кажется процессом действительной метаморфозы одной формы в другую, но, об'ективно, с точки зрения общественной, для той части частных товаропроизводителей, которые принимаются в расчет планом, этот процесс носит уже совершенно иной характер. Именно в силу этого, в противоположность капиталистическому хозяйству, может оказаться легче превратить товар в деньги, чем деньги в товар. Таким образом, в обобществленном секторе мы имеем дело уже не с процессом обращения, а с процессом почти прямого распределения (плановое распределение средств производства, плановый „завоз" предметов потребления). В отношениях обобществленного и частного секторов здесь по форме может оставаться как бы настоящий процесс обращения, но существо его иное (плановые заготовки,

плановые закупки кустарных товаров.[1] И лишь в небольшом секторе сделок внутри частного сектора здесь еще существует старое противоречие; превратиться в так называемые деньги может быть на некоторых участках также трудно, как и в обычном товарном хозяйстве в настоящие деньги. Но этот участок уже не решает. Процесс обращения, как процесс смены форм, для общества в целом превратился уже в значительнейшей мере в процесс распределения и лишь по форме остался процессом обмена. Орудия обращения превратились в расчетные знаки, а вся операция в операцию чисто формального характера. Само собой разумеется, что, в связи с этим, отпадает и функция монеты. Монета была ни чем иным, как знаком ценности, представителем всеобщего эквивалента. Расчетный знак по существу представляет ту покупательную силу, которая для него установлена. Он по природе — знак плановой цены товаров, а не ценности.

Частный сектор, употребляя счетную единицу установленную планом, как мерило ценности, употребляет и расчетные знаки, как знак ценности. Но так как советские деньги не являются тем, чем хотел бы частный сектор, то они становятся для этого сектора суррогатом бумажных денег, не просто бумажными деньгами, а плохими бумажными деньгами, ибо закон ценности бумажных денег полностью оказывается к ним не применим. Но об этом после — в связи с проблемой количества знаков.

Сокровище и запас расчетных знаков

По мере развития капитализма дело накопления сокровищ отдельными людьми становилось бессмысленным, поскольку природа капитала заключается в движении, в самовозрастании. Образование сокровищ стало функцией центральных банков, которые накоплением золотого запаса создавали резерв всего хозяйства. На первом этапе нэпа, когда золото было деньгами, такую же роль играл запас Госбанка. Он был резервом, поддерживавшим постоянную бумажную цену золота, и резервом для расчетов во внешних сношениях. По мере превращения денег в расчетные знаки, золотой запас разрывал свою связь с денежным обращением, государство отказывалось от размена денег и внутри и за-границей.

[1] Быстрый темп развития нашего хозяйства сказывается во всем. Жизнь успевает выдвинуть новые задачи и приступить к их решению в более короткий промежуток времени, чем успевает быть набраной статья... Когда данная статья была уже в наборе, ЦК ВКП (б) вынесено важнейшее решение по вопросу о новых задачах в области контрактации зерновых посевов. Там прямо говорится о необходимости перехода к „плановому продуктообмену с деревней“, что будет осуществлено путем двустороннего договора между крестьянскими об'единениями и государством, крестьяне производят по заказу хлеб и сдают его, а государство доставляет взамен средства производства (и по возможности — „промтовары“ широкого потребления) (см. решение ЦК от 26 авг. с. г.) Этим самым оформляются те тенденции, которые интенсивно развивались в течение последних лет.

Расчетные знаки по своей природе не могут выполнять функции сокровища. Они в себе не заключают того количества труда, которое они в данный момент представляют, и вообще они не представляют какое-либо постоянное количество труда, или безусловное право на продукты труда вообще. Это последнее делает совершенно чуждым для них функцию сокровища. Бумажные знаки ценности вообще не могут играть роль сокровища, ибо в этой функции может лишь находится сама ценность, а не ее заместитель. Но здесь расчетные знаки представляют сами себя и именно потому не могут быть сокровищем. С точки зрения нашего частного сектора, где, с одной стороны, в капиталистической его части преобладают мелкие неразвитые полукапиталистические хозяйства, с другой,—где крупное частное хозяйство стоит постоянно под угрозой насильственной ликвидации его (налоговыми методами), потребность в ликвидном резерве, в накоплении денег в форме сокровищ большая. Однако природа расчетных знаков не стимулирует их собирание. Отсюда стремление в мелких полукапиталистических хозяйствах накопления натуральных запасов, этой „варварской формы накопления ради накопления“, а в крупном к получению хотя бы по высокий цене, того, что является на мировом рынке всеобщим эквивалентом. Все же в известной мере происходит процесс собирания бумажек и в капиталистическом секторе.

Отношения переходного периода могут показаться крайне парадоксальными: расчетный знак, плановая социалистическая природа которого очевидна, может употребляться в качестве капитала. Он может ссужаться деревенским капиталистиком бедноте, он может ссужаться более богатым нэпманом более бедному. Само собой разумеется, что отношения ростовщического капитала тут порядочно модифицированы, так как получение большего количества расчетных знаков за меньшее отнюдь еще не означает увеличения его сокровищ. Но ростовщик может эти расчетные знаки либо превратить, в известной мере, в натуральные запасы и этим увеличить свою социальную силу, либо просто вести более расточительный образ жизни. Как видим, черты современного ростовщика, благодаря природе окружающих его социальных условий, прямо противоположны чертам классического ростовщика.

Что же касается обобществленного сектора, то отдельные его „автономные“ хозяйственные единицы собирают резервы расчетных знаков, необходимые для их связи и расчетов с прочими. Обычно, эти резервы передаются в банк, который отнюдь не собирает их в своих кассах. Его кассы имеют лишь постоянный резерв расчета. Остальное все либо уничтожается, либо хранится, как чисто технический запас „бумажек соответственного образца“. Этот запас, конечно, ничего не говорит ни о „богатстве“ банка, ни общества. Права на получение определенного количества расчетных знаков в банке, и „наличные“ расчетные знаки хозяйственным единицам обоб-

ществленного сектора еще не дают безусловного права ни на приобретение любых продуктов, ни на получение того товара, за который в „капиталистической заграницe“ можно получить любой товар. Здесь все подлежит плановому регулированию.

Золотой запас центрального банка совершенно не связан с внутренним обращением. Это государственный резерв для расчетов с „капиталистическими“ странами. Золото из этого резерва предоставляется за определенное твердое количество расчетных знаков тем, кому разрешено импортировать, и сюда же в этот резерв должны сдавать экспортеры всю заграничную выручку. Но ни в какой связи этот золотой резерв не стоит с наличным обращением. Законодательный акт о необходимости определенного процента обеспечения является уже „анахронизмом“ предыдущего этапа нэпа, когда был фактический размен на золото (интервенции на черной бирже, размен червонцев заграницей). Этот законодательный акт еще не создает внутренней экономической связи между золотым запасом и обращающимися денежными знаками. Расчетные знаки не могут играть роли сокровища и не связаны с существующим золотым сокровищем.

Платежное средство

Расчетные знаки в большинстве случаев, при проведении товаров через звенья товаропроводящей сети к потребителю, функционируют не в момент получения товара, а некоторое время спустя, когда товар дойдет до конечного потребителя. Причины этого заключаются в том, что совершенно нецелесообразно было бы увеличить количество расчетных знаков в число раз равняющееся количеству звеньев товаропроводящей сети. Отсюда, „коммерческий кредит“. Как видим, причины, возникновения функции платежного средства похожи на причины, вызывающие существование этой функции в товарно-капиталистическом хозяйстве. Однако функция платежного средства, выполняемая расчетными знаками, почти не имеет ничего общего с соответственной функцией денег. В последней заложено определенное противоречие, заключающееся в том, что метаморфоза товара в деньги совершилась и не совершилась. Товар продан, но не за деньги, а за обещание денег. И сплошь и рядом мы имеем такое явление, когда обещание денег не может превратиться в деньги. Этого противоречия нет в функции платежного средства, выполняемого расчетными знаками. Обещание платежа в обобществленном секторе, как правило, равносильно платежу. Не даром Госбанк ввел с прошлого года обычай списывать задолженность по вексельному кредиту в день наступления срока платежа, не дожидаясь извещений от своих филиалов о том уплачен ли клиентом долг.

С другой стороны, существование этой функции позволяет и конечные платежи производить не путем наличных знаков, а путем

взаимных зачетов обязательств, расчетных чеков и т. п. Наличные знаки могут не выступать в этих случаях. Собственно, исходя из природы расчетного знака, следует сказать, что чеки употребляемые для расчета ничем не отличаются от расчетного знака. Расчетный знак — конечное платежное средство и никогда ни при каких случаях (за исключением платежей иностранным капиталистам) не должен превращаться во что-либо иное. Чек на банк тоже такое же конечное средство. Никто никогда не потребует за него „наличных знаков“, если они ему действительно не нужны для расплат с индивидуальным сектором.

Заимствуя весь механизм расчетной операции у капиталистического мира и уничтожив противоречие денег как платежного средства, переходное хозяйство благодаря функции платежа, выполняемой расчетными знаками, постепенно создает в лице своего банка центральную бухгалтерию всего хозяйства. Завершение этого процесса будет высшей ступенью организованности в переходный период. Мы к ней приближаемся большими шагами.

В частном секторе, в сделках внутри сектора, известная часть противоречий заключенных в функции денег, как платежного средства, остается и при выполнении этой функции расчетными знаками. Однако и здесь согласно закону, расчетный знак — конечное платежное средство, и ни один частник у другого не может законным путем требовать в уплату долга чего-либо иного.

В сделках же частного сектора с обобществленным все противоречия платежного средства также уничтожаются. Случай, когда частник — кредитор, а обобществленный сектор — должник, ясен.

Противоположный случай также ясен. Существование частника зависит на 90% от политики обобществленного сектора. Кредитование частника, подлежащего вытеснению из данной сферы, конечно, бессмыслица. Впрочем, этот случай — кредита частнику — для нынешнего этапа не имеет никакого народнохозяйственного значения и не проводится, за исключением случаев авансирования под будущую продукцию, широко применяемого по отношению к мелкому товарному хозяйству. Здесь у государства совершенно достаточные ресурсы гарантирующие выполнение взятых мелким производителем обязательств.

Анализ функций, выполняемых советскими деньгами, подтвердил наше прежнее положение об изменении природы денег. Мы видели, что регулятором нашего хозяйства стал план, который сломал стоимостные закономерности, оставив их лишь на небольшом участке, где они либо всецело подчинены тому направлению движения, которое диктуется планом, либо частично идут в противоположном направлении и успешно преодолеваются планом. Ликвидации закона стоимости, как регулятора всего хозяйства, соответствует ликвидация категории денег. Деньги как настоящие деньги, нужны плану до тех пор, пока он еще, как регулятор, не

представляет самостоятельной силы и сам движется в направлении, диктуемом законом стоимости. Плану, как регулятору хозяйства, соответствует перерождение денег в расчетные знаки. Расчетные знаки — еще не трудовые талоны. Полная рационализация хозяйственной жизни еще не достигнута. Еще существуют участки хозяйства, хотя и подчиненные плану, но через стоимость. Отсюда сам план облекается во внешнюю форму стоимости. Но это лишь мимикрия плана. Поэтому расчетные знаки уже не деньги, но еще и не трудовые талоны. Расчетные знаки в отношениях обобществленного сектора уже совсем не деньги, а внутри частного они „как бы деньги". Отсюда их функции — они уже не мерило ценности, но еще масштаб цен, и не выражают непосредственно рабочего времени. Из этого вытекает и их функция расчетного знака, платежного средства и расчетного резерва.

Мы уже приводили мнения авторов „Очерков переходной экономики" о том, что наши деньги это „прежняя архибуржуазная категория денег". Они полагают, что природа денег полностью сохраняется в течение всего переходного периода. „Здесь следует с самого начала со всей определенностью подчеркнуть, что денежное обращение не является такой областью хозяйства, в которой процесс обобществления может продвигаться постепенно шаг за шагом. ...Нельзя частично обобществлять товарную форму. Она должна охватывать весь народнохозяйственный организм или ее не должно существовать вовсе; третьего здесь не дано... Линяние закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими; лишь постепенно по мере действительного обобществления производственного процесса, происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же форма товара сохраняется для всего поля хозяйственных связей, и лишь в самом конце длинного пути, в момент достижения полного и окончательного обобществления всего народнохозяйственного организма, товарная форма уступает место натурально-хозяйственной организации. Денежное обращение непосредственно связано с товарной формой. Более того, денежная форма — это, в сущности, ни что иное, как оборотная сторона товарной формы. Денежное обращение — это область об'ективизации товарной формы, ее проявления и выражения в общественно-значимом виде. Пока существует товарная форма — необходимо сохранение денежной системы. Но денежная система представляет собой нечто цельное, не поддающееся разделению на части; само слово „система" указывает на это обстоятельство". (стр. 332, 333).

Ошибка наших авторов ясна. Они связывают деньги и их природу с той внешней товарной формой, которая у нас сохранилась. Они здесь забывают, что деньги порождаются противоречием между абстрактным и конкретным трудом. У нас это противоречие все в

большей мере ликвидируется. И из этого возникает новое противоречие — между трудом, который все больше принимает непосредственно общественный характер и „внешней товарной формой", которую принимают его продукты. Отсюда, с одной стороны, уничтожаются деньги, с другой — они перерождаются в переходную форму, являющуюся воплощением этого нового противоречия между господствующим непосредственно-общественным трудом и остатками иррациональных элементов хозяйства. Ошибка в том, что эти авторы связывают деньги лишь с внешней формой стоимости, забывая об их регуляторном значении, о том, что они являются элементом стоимостного регулирующего механизма. Из своей постановки вопроса о сущности денег, наши авторы делают вполне логичный, с их точки зрения, вывод, что изменяется лишь денежная система (а не природа денег), что она становится лишь еще „более регулируемой", чем при капитализме. Они не видят, что эта возможность „большего регулирования", чем при капитализме, вытекает из изменения самой природы денег. Вся эта постановка вопроса навеяна уже отошедшими в историю этапами нашего хозяйственного развития.

Тов. Раскин в статье „О природе денег в переходный период" („Проблемы экономики", № 2) довольно близко уже подходит к решению вопроса, однако, в результате, все же не может связать концы с концами.

„Было бы, конечно, крупнейшей ошибкой, пишет он, представлять себе, что в нашем переходном хозяйстве деньги, не будучи уже сами эквивалентом, представляют непосредственно товары, как квитанция или ассигновка на них. Поскольку взаимоотношения внутри частного сектора и между частным сектором и обобществленным иными, как овеществленными отношениями, быть не могут, постольку и, обслуживающие эти отношения, деньги должны представлять собой или, во всяком случае, должны отражать деньги в настоящем смысле слова, или всеобщий эквивалент. Ни чем иным, как золотом, в настоящих условиях этот всеобщий эквивалент быть не может... В пределах же обобществленного сектора отсутствие у денег характера всеобщего эквивалента не подлежит никакому сомнению.

Денежное обращение у нас не разделено на деньги, обращающиеся в частном секторе, и деньги, обслуживающие общественный сектор. Одни и те же деньги обслуживают и тот и другой. Как же возможно в таком случае, что деньги то являются всеобщим эквивалентом, то не являются им? Для тех, кто действительно понимает, что деньги не вещь, а общественное отношение, ответ на этот вопрос не представит никаких затруднений.

А предположим, что деньгами (и как средством обращения) является действительное золото. Что же, — разве при сделках между двумя государственными органами это золото является действительным эквивалентом? Совсем нет, — здесь нет отношений частной соб-

ственности, и никакого всеобщего эквивалента здесь не требуется. Золото здесь играет роль просто квитанции, его стоимостная сущность не имеет значения.

Но когда это же золото выступает во взаимоотношениях с частным сектором, то на первый план выступает его стоимостная сущность, ибо здесь оно, действительно, является всеобщим эквивалентом. При замене золота, в качестве средства обращения, бумагой, знаком эта бумажка, в одном случае, является действительным знаком золота, в другом — только квитанцией. Все дело здесь — в отношениях, а не в вещах".

Ошибка т. Раскина в том, что у него оба сектора существуют совершенно раздельно. Он признает, что систему цен диктует, в основном, план, но он не видит, что частный сектор принужден исходить из этой системы цен, и что и системой цен, и рядом других рычагов план подчиняет себе движение частного сектора. Тов. Раскин апеллирует к тому, что деньги не вещь, а общественное отношение, но он не раз'ясняет сути этого общественного отношения. Разве в частном секторе мы имеем дело просто с отношениями товаропроизводителей? Неужели можно абстрагироваться от третьего присутствующего — от руководящего всей экономикой пролетариата, ограничивающего эти отношения товаропроизводителей? Три лица, а не два, т.Раскин, определяют собой отношения внутричастного сектора. Деньги, функционирующие в частном секторе, они „как бы деньги", природа их иная, в чем повседневно убеждаются их держатели. Тов. Раскин утверждает, что золото является всеобщим эквивалентом в частном секторе, но он даже не пытается показать каким образом оно осуществляет эти функции. Это понятно, ибо показать это невозможно.

Количество и покупательная сила расчетных знаков в СССР

Расчетный знак не является представителем всеобщего эквивалента, как бумажные деньги. Отсюда — у него нет ценности, и он не представляет ценности. Его содержание определяется исключительно системой цен. Следовательно, его значение в его покупательной силе. Известно, что изменение ценности бумажных денег, связанное с их количеством, сопровождается также изменением их покупательной силы. В каком же соотношении находятся количество и покупательная сила расчетных знаков? Но здесь у читателя может возникнуть недоразумение: не вытекает ли из того, что план является регулятором хозяйства, невозможность самой постановки этого вопроса. Нет ли противоречия между руководящей ролью плана и возможностью несоответствия количества знаков, необходимости в них? Существование расчетных знаков есть, как мы уже говорили, отражение наличия нерациональных элементов в хозяйстве. Если бы их не было расчетные знаки просто были бы трудовыми талонами.

Ведь и обобществленный сектор организован, как ряд самостоятельных хозяйствующих единиц. Элементы нерационального имеются внутри обобществленного сектора. План прокладывает себе дорогу, преодолевая сопротивление десятков децентрализаторских и местнических тенденций. На ряду с этим, возможны неточности в учете явлений, происходящих в частном секторе, и недостаточное умелое на тех или иных участках маневрирование. Все это не гарантирует от нарушений планового расчетного баланса. Эмиссия, выпуск новых денег есть ни что иное, как способ покрытия расчетного баланса между учреждениями обобществленного сектора и всем индивидуальным сектором (это шире частного — сюда относятся еще рабочие и служащие).

В самом деле — обороты внутри обобществленного сектора совершаются почти без наличных денег. Требование на наличные деньги возникает, когда предстоит расплачиваться с рабочими и служащими и частным сектором. При росте этих расплат может возникнуть потребность и в увеличении постоянного остатка кассы обобществленного сектора, увеличение расчетных резервов. На ряду с этим, развивается противоположная тенденция, в связи с ростом безналичных расчетов. Но этот постоянный остаток играет небольшую роль во всем денежном обращении (около 20%). Денежный расчетный баланс между обобществленным и индивидуальным секторами складывается так:

Приход	Расход
1. Выдача зарплаты	1. Выручка за проданные на широкий рынок товары и коммунальные услуги.
2. Все плановые заготовки.	2. Налоги.
3. Уплата процентов по займам.	3. Займы.
4. Выдачи из страховых организаций.	4. Возврат ссуд.
5. Денежный кредит частным хозяйствам.	5. Платежи по страховкам.
	6. Паевые взносы.

Превышение расходов над приходом означает — увеличение денежного обращения, а прихода над расходом — его уменьшение. Если к этому прибавить сумму, потребную для увеличения кассовых резервов, или отнять сумму, на которую сокращается потребность в них, то мы получим весь размер возможного требования на наличные знаки. Мы видим, что этот расчетный баланс отнюдь не складывается стихийно. Все статьи в нем почти полностью зависят от плановых наметок. Следовательно, и сальдо есть сальдо, в основном, устанавливаемое планом.

Очевидно, во-первых, и следует поставить вопрос — в каких пределах это сальдо может быть покрыто эмиссией, где границы этого? И во-вторых, как и почему эти границы могут быть перейдены, в какой мере это возможно и каковы вообще последствия этого явления. Проблема, как мы увидим, шире, она выходит за пределы вопроса о связи количества знаков и их покупательной

силы. Расчетные знаки обслуживают процесс распределения — продажи товаров. Очевидно, правило, определяющее их количество, будет весьма похоже на правило, определяющее количество денег. Мы можем его лишь конкретизировать применительно к нашим условиям. Количество необходимых денег $=\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{скорость обращения}}$ — сумма цен товаров, продающихся по безналичным расчетам + уплата задолженности по кредитам, безналичным расчетам и государственным платежам + авансы и кредиты наличными + необходимое увеличение (или минус уменьшение) касс обобществленного сектора + + увеличивающийся постоянный остаток денег на руках у населения.

Неопределенным членом формулы является последний ее член — остатки на руках у населения. И в то же время, это наиболее важный ее член. В конечном счете, в него упирается проблема эмиссии. Основными факторами, определяющими эти остатки — являются: во-первых, увеличение всего денежного фонда рабочего класса, рост количества рабочих, увеличение зарплаты и во-вторых, рост товарности крестьянского хозяйства и его благосостояния, и, в-третьих, та доля национального дохода, которая попадает в руки капиталистических элементов в стране, и оседает в денежной форме. Если первые два фактора находятся в прямой зависимости от величины возможной эмиссии, то третий — в обратной. Чем больше заработки рабочих и реализация своей продукции на рынок крестьянами, тем больше постоянный денежный остаток у этих групп населения. Что же касается капиталистических элементов, то чем больше в их руках оказывается сконцентрированной доля денежной массы страны, тем более опасно это явление для нормального товарооборота, тем больше опасность усиленного развития ростовщичества, тем больше опасность всяких неожиданных маневров на товарном рынке в случае каких-либо заминок, и, наконец, тем больше вырастает непроизводительная часть потребительского фонда страны. Поэтому, для выяснения возможностей эмиссии мало знать общую сумму, на которую может увеличиться остаток денег у всего населения, важно знать как он распределится по социальным группам. Это не техническая, а социальная проблема. Таким образом, условия товарного обращения, размеры платежей наличными и остаток денег у населения на руках — вот то, что определяет сумму необходимых расчетных знаков. Эмпирически она должна определяться анализом рабочих и крестьянских бюджетов, прикидками баланса спроса и предложения товаров, анализом возможностей развития безналичных расчетов и сберегательного дела, условиями развития капиталистических элементов и проводимой по отношению к ним политики. В каком же отношении стоит в связи с этим, материальный план к эмиссионному? Означает ли то обстоятельство, что величина необходимой эмиссии определяется особыми законами, что материальный план должен быть подчинен этим законам и строиться по эмиссии, или же, наоборот, — возможны и допустимы переходы через границы необходимого денежного обращения для реализации определенного материального плана. Для ответа на это нужно рассмотреть последствия перехода через эти границы. В условиях бумажно-денежного обращения, если количество бумажных единиц превышает по номиналу количество необходимых для циркулирования золотых денег, то ценность бумажных денег падает, растет курс золота и повышаются цены товаров. Основным отличием закона обращения расчетных знаков является то, что во-первых, их количество не имеет никакого отношения к курсу золота и, во-вторых, то, что государство настолько овладевает рычагом цен, что и здесь отношения совершенно меняются. Вольный курс золотого рубля в наших условиях, при отсутствии какого-либо воздействия на этот рынок со стороны государства, не означает ничего иного, как 1) отражение движения контробандных товаров, 2) как спрос зажиточных элементов на золотое сокровище. Чем интенсивнее будет вытесняться частный капитал, чем менее он сможет оперировать в спекуляции в области товаров, тем выше будет спрос на золото, тем выше будет курс золота и иностранной валюты на подпольном рынке. Но он собственно ничего не говорит об избытке или недостатке расчетных знаков в стране, он даже ничего не говорит об уменьшении или увеличении государственных золотых резервов. Что же касается цен, то какой бы спрос ни пред'явило население — подавляющее большинство промышленных товаров продается по фиксированным ценам, также фиксированы цены на продовольственные и сырьевые товары, приобретаемые у крестьянского населения обобществленной торговлей. В области обобществленной торговли (занимающей не менее 80% в рознице и около 1% в опте) рост потенциальной силы населения на ценах сказаться не может. Только по линии 20% розницы это может играть роль, и, в особенности по тем товарам, торговлей которыми недостаточно овладел обобществленный сектор. Однако; и здесь возможности частного сектора ограничены и идут по линии предметов такой необходимости, что они должны быть приобретены по любой цене. По другим же товарам, даже при недостатке товаров в обобществленной торговле, население вовсе не стремится закупать их в частной по любой цене, что об'ясняется тем, что даже при избытке спроса население не желает переплачивать частнику, будучи уверено, что через некоторое время оно получит этот товар по более дешевой цене в государственной или кооперативной торговле. То обстоятельство, что избыточный спрос будет сопровождаться расширенным воспроизводством резко ограничивает покупательский круг частного торговца. Таким образом, излишек денег, если бы он оказался, может проявиться, главным образом, по линии товарного голода и в известной степени в ценах частного сектора. Таким образом, даже в отношении цен вольных, здесь не могут проявиться полностью законы

бумажных денег. Однако, было бы совершенно неправильно рассматривать всякий под'ем вольных цен и вольного курса рубля или явление товарного голода вообще, как результат излишне выпущенных расчетных знаков. В самом деле, при данном спросе и данной величине расчетных знаков, возможен рост вольных цен. Достаточно не снабдить в плановом порядке потребителя необходимыми продуктами („внеплановые перебои плановой торговли"), как мы будем иметь рост цен, достаточно сократиться количеству частников, уменьшиться конкуренции между ними — и в результате рост цен. С другой стороны, в отношении тех товаров, которые приобретаются у индивидуальных производителей, вздорожание издержек производства поведет к под'ему цен в частной торговле и может не вызвать под'ема цен в обобществленной. Недопроизводство каких-либо отдельных товаров, скажем по причинам естественного порядка (неурожай), при той же величине общего спроса на товары, может вести к под'ему цен в частной и к стабильности цен в обобществленной. В движении вольных цен сказывается ряд факторов, которые нельзя свести только к влиянию количества знаков. Количественная теория денег; переносимая на законы обращения расчетных знаков оказывается в такой же степени неверной.

То же по отношению к товарному голоду. Предположим, например, что при данном распределении денежной массы по различным секторам, мы не имеем товарного голода. Но вот — неурожай. Спекулянты и кулаки вздувают цены. В результате — в среднем, мы имеем уменьшение денежных остатков на каждого рабочего на 5 руб., и 50 млн. руб. концентрируется в руках относительно небольшой группы капиталистов в стране. Это может вызвать резкое увеличение спроса. Товарный голод не есть всегда несоответствие между количеством расчетных знаков и предложением по фиксированным ценам. Он может быть вызван просто неправильным их социальным размещением.

Но несомненно, что увеличение эмиссии за те пределы о которых было сказано прежде, поведет к возникновению (или обострению) товарного голода. Мы возвращаемся к вопросу о соотношении плана эмиссии и материального плана. Использование эмиссии, ведущее к увеличению товарного голода, означает не что иное, как перераспределение всего предлагаемого широкому рынку товарного фонда между иным, количественно и качественно, кругом покупателей, а с точки зрения расчетных знаков — их принудительное сбережение. Следовательно, товарный голод есть ни что иное, как один из методов перераспределения народного дохода. В самом этом методе, поскольку будет обеспечено падение основной тяжести его на капиталистические и более зажиточные слои (а это возможно) мы не видим, принципиально ничего такого, что было бы более недопустимым, чем другие методы перераспределения, в особенности, если принять во внимание природу наших денег. Поэтому,

программа эмиссии может выйти за пределы необходимого количества денег и не подчинять, а подчиниться материальному плану.

Проблема сейчас переносится в иную плоскость. Каковы лимиты этого выхода за пределы необходимых денег? Ответ может быть один. Должен быть обеспечен: под'ем реального уровня жизни рабочего класса и трудящихся масс деревни. Должны быть исчерпаны все меры к извлечению излишка денежной массы, находящейся в руках капиталистических и зажиточных элементов, и к недопущению дальнейшего ее перераспределения в эту сторону. С соблюдением этих условий принудительное сбережение может быть увеличено в том или ином размере, в зависимости от потребностей материального плана, если он, конечно, сбалансирован.

Можно ли товарный голод назвать инфляцией. Термин этот относится к бумажно-денежному обращению. У нас же расчетные знаки. Природа и законы их обращения иные. Уже это одно должно было заставить воздержаться от распространения на них этого термина. По отношению к нынешним советским деньгам он ничего не об'ясняет. Кроме того, следует помнить, что инфляция имеет определенное социально-классовое содержание — перераспределение дохода в пользу крупного капитала и экспроприацию рабочих масс и мелкобуржуазных групп населения. У нас же, даже если бы излишняя эмиссия и привела бы к повышению вольных цен и к перемещению, через механизм цен, части доли рабочего класса в пользу капиталистических элементов, то ведь у рабочего класса есть достаточно иных рычагов, чтобы вызвать обратное перемещение этой доли (или, как суррогат решения вопроса — оставить нетрудовые элементы при деньгах, но еще больше сузить возможности превращения денег у этих держателей в материальные блага). В наших условиях, следовательно, социальные последствия излишка расчетных знаков, в конечном счете, будут иные, чем при инфляции.

Вот почему, мы отбрасываем, как ничего не об'ясняющий, фетишизирующий реальные отношения, термин инфляции по отношению к нашим условиям. И мы можем совершенно спокойно пройти мимо тех экономистов, которые по поводу всякого понижения покупательной силы расчетных знаков (что может быть вызвано, как мы видели, и причинами лежащими и не на стороне знаков) вопят об инфляции. Следует строго различать два возможных типа излишних денег у нас. Излишние деньги, как результат плана — предусмотренные планом, и излишние деньги, в результате срыва плана. Может быть такой случай, такой плановый просчет или такое сопротивление капитализма в стране, при котором происходит срыв материального плана и образовавшаяся брешь заполняется эмиссией. Вот только к этому случаю мы могли бы отнести, в крайне условном смысле, термин инфляция, но и здесь правильнее было бы просто говорить о срыве плана и не давать повода к отожествлению различного рода общественных отношений...

Л. Шанин

На путях преодоления нэпа [1]

I

Речь идет об одном из прообразов преодоления нэпа (внутри обобществленного сектора); конкретно — о развитии нашей синдикатской системы.

Наши синдикаты представляют исключительный теоретический интерес. Такое утверждение кажется не обычным. В самом деле, почему общее теоретическое значение синдикатской системы в настоящих условиях больше, чем скажем, трестовской. Потому ли что она воспроизводит некоторые трестовские черты на более широкой ступени, обнимая целую отрасль, тогда как трест являет эти черты только в отношении частичных отраслевых об'единений. Но ведь мы имеем, например, Сахаротрест, который, как и синдикат, охватывает целую отрасль, при чем его охват значительно более полон и глубок, чем синдикатский. Очевидно, что тот особый теоретический интерес, который представляют наши синдикаты, основывается не на этой большей широте охвата, и не на большей консолидированности синдикатских об'единений нежели это имеет место в трестовских об'единениях. То, что придает синдикатской системе исключительное значение, это — особые пути развития, особые методы ее формирования отличные от путей развития наших трестов. Тресты в нынешнем своем виде, были созданы в результате почти-что однократного административного и организационного акта. Конечно, многое, после этого, еще заполнялось в оперативной практике реальным содержанием, отшлифовывалось, доделывалось. Но в основном тресты были созданы сразу. Элементы нэпа внутри трестовской организации (во взаимоотношениях между трестом и фабрикой) были сведены на-нет сразу.

В отличие от этого синдикатская организация представляет собою органическое образование, постепенно, по частям, выраставшая, притом образование, складывавшееся исключительно на основе нэпа и (в своих взаимоотношениях с трестами) методами же нэпа преодолевшая нэп. Если консолидация отдельных предприятий в трест представляла собою планомерно проведенный административный акт, то консолидация трестов в нынешний отраслевой синдикат есть результат многолетнего органического процесса, шедшего спонтанно снизу и в значительной мере вне руководства.

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

Если весь наш обобществленный сектор переходит от товарно-денежных, т.-е. нэповских методов строительства социализма к построению, которое и по форме, т.-е. по всей совокупности методов, было бы социалистическим, то основным прообразом такого развития для обобществленного целого послужит не процесс образования трестов, а процесс созревания синдикатов. [1] Та консолидация на основах нэпа целых отраслей, которую мы имеем в лице синдикатов, бросает яркий свет на пути предстоящей межотраслевой консолидации всего обобществленного сектора в единое оперативное целое, а также на пути преодоления нэпа в нем методами же нэпа. Вот почему синдикатская практика заслуживает внимательного теоретического изучения. Она дает нам ключ для понимания путей преодоления нэпа внутри обобществленного сектора, как целого, она дает известную общую установку и позволяет, на ряду с этим, правильно решать текущие вопросы организационного строительства обобществленного сектора.

II

Синдикатские организации начали свою работу с весьма малого. На первых порах они ограничивались тем, что брали на себя комиссионные поручения по реализации и снабжению трестов, делая это вначале в очень скромных размерах. На первых порах синдикатская реализация охватывала всего лишь каких-нибудь 15—20% продукции своих трестов. Не намного больше был удельный вес снабженческой работы синдикатов.

Начало было, таким образом, количественно очень скромное. Но и по качеству и характеру своему связи синдикатов с трестами были чрезвычайно слабы, случайны и преходящи. Они исчерпывались добровольными комиссионными соглашениями частного характера.

За истекшие шесть лет синдикатская система прошла колоссальный путь. Она заняла в торговой и организационной работе промышленности мощные позиции, притом не только в отношении количественного охвата, но и с точки зрения интенсивности и глубины своих связей. Случайные комиссионные отношения по купле и продаже сменились органическим сращиванием на основе руководящей роли синдикатов. Различие между первоначальными робкими шагами и нынешним положением вещей совершенно разительное.

По ряду крупнейших отраслей промышленности процесс синдицирования почти завершен. Так ВТС с 34,6% в 1923/24 г. доходит в текущем году (по плану 1928/29 г.) до охвата 95,6% всей текстильной промышленности. ВКС с 49,8% в 1923/24 г.— до 96,4% охвата го-

[1] Правда, аналогичное с синдикатами развитие проделала и кооперативная система. Но в последней эти процессы консолидации не получили столь энергичного развития, как в синдикатах.

сударственной кожевенной промышленности. Синдикат черной металлургии охватывает уже 100%. По Солесиндикату соответствующий показатель поднялся с 68,0% в 1923/24 г. до 97,0%. По Спичсиндикату—с 11,9% в 1925/26 г. до 98,2%. Нефтесиндикат охватывает всю нефтяную промышленность, кроме Узбекнефти. Значительный рост синдицирования имеет место и в других отраслях промышленности; в силикатной—93,5%; в махорочной—с 13,2% в 1923/24 г. до 97,5%; в лесной промышленности (РСФСР)—с 35,0% в 1926/27 г. до 96%; в консервной—с 71,5% в 1926/27 г. до 100%; химическая промышленность к концу 1928 г. будет приближаться уже к 100% синдицированию. По всем же отраслям промышленности синдикатский забор продукции составлял в 1927/28 г.—82,2% всей продукции, а по плану 1928/29 г. составляет 90,6%.

„Эволюция синдикатов от крупных оптовых организаций, закупавших 20—30—40% продукции государственной промышленности в 1923/24 г. к полной почти монополии, т.-е. фактическое превращение ряда синдикатов в единый торговый аппарат промышленности, полностью и целиком отвечающий перед рынком за торговый ассортимент, за условия расчета, за самую систему и методы сдачи продукции и т. д., коренным образом изменила роль и значение синдикатов как во всей системе планирования и регулирования товарооборота, так и в системе управления и регулирования производства". („Синдикатская система СССР", 1928 г. стр. 6).

Аналогичный размах получила в своем развитии и снабженческая работа синдикатов, в особенности, в области снабжения промышленности техническим сырьем сел.-хоз. и животноводческого происхождения. Почти все синдикаты, тресты синдикатского типа, сырьевые общества — ВТС, ВКС, Масложирсиндикат, Махорсиндикат, ГХК, Акц. Об-во „Шерсть", Паевое т-во „Табаксырье", Сахаротрест—проводят снабжение об'единяемых ими отраслей промышленности сырьем, заготовляемым на внутреннем рынке и закупаемым на внешних рынках на все 100%.

Не все синдикаты и организации синдикатского типа шли одинаковыми путями к овладению работой по снабжению промышленности сырьем. Одни синдикаты и все сырьевые организации с первых же дней своего существования снабжали об'единяемые ими отрасли промышленности техническим сырьем полностью, например: Главхлопком, Акц. О-во „Шерсть", Паевое Т-во „Табаксырье", Сахаротрест и Махорсиндикат, другие синдикаты — ВКС, Масложирсиндикат — шли к охвату сырьевого снабжения более медленным и сложным путем, при чем ВКС, начиная с 1926/27 г., снабжает синдицированную кожевенную промышленность крупным и мелким кожсырьем уже на все 100%.

Последние два синдиката, а также О-во „Шерсть", сталкивающиеся в своей работе с разбросанным и распыленным рынком, на котором огромную роль играет мелкий заготовитель — промкооперация, кустарь и частник, берут на себя также снабжение несиндицированной и непланируемой промышленности, чтобы путем снятия с рынка лишних заготовителей оздоровить рынок сырья.

Снабжение трестов вспомогательными материалами и оборудованием ведется синдикатами большей частью также в централизованном порядке на основе генеральных договоров с синдикатами — поставщиками.

Организуя снабжение трестов импортным и внутренним сырьем, распределяя последнее по трестам, в соответствии с их производственной программой и ассортиментом продукции, синдикат обеспечивает равномерность сырьевого питания производственных процессов, регулирует переходящие запасы и способствует рациональному использованию сырьевого ассортимента всей отрасли в целом.

Не менее важное значение для промышленности имеет работа синдиката в области распределения полуфабрикатов, например, в текстильной промышленности, пряжи, суровья и согласования производственной нагрузки прядильных, ткацких и отделочных предприятий, при чем синдикаты во всей этой работе ведут отнюдь не только безразличную комиссионно-снабженческую службу. Они активно рационализируют при этом и все материальное хозяйство трестов.

Существенны поэтому, помимо этих чисто количественных приростов охвата реализационной и снабженческой работы, те качественные изменения во взаимоотношениях синдикатов и трестов, которыми этот количественный охват сопровождался. Значительный интерес здесь представляет развитие складского хозяйства синдицированных отраслей. Синдикаты начали работу с энергичного развертывания своего собственного торгово-складского хозяйства в дополнение к складской системе трестов и кооперации. Однако, на смену этому первому порыву вскоре пришли другие тенденции: во-первых, интенсивное сокращение этих дублирующих синдикатских складов (на основе внедрения методов транзитной торговли); во-вторых, образование специальных ассортировочных баз; и в третьих, сосредоточение в синдикатах заводских складов производственных материалов и складов готовой продукции.

1. Замена складских функций синдикатского аппарата транзитной сдачей продукции непосредственно с фабрик и заводов развивалась очень бурно. Так, если еще в 1924/25 г. все товары, реализуемые ВТС, полностью проходили через его склады в торговых отделениях, то уже в 1926/27 г. транзитная сдача товаров дошла до 45%, а в 1928/29 г. она увеличена до 100%; в общем, во всей синдикатской системе транзит увеличился с 19,5% в 1924/25 г. до 85,5% в 1928/29 г. (100% он составляет по ВМС'у, 100%—по Стромсиндикату, 100%—по Консервсиндикату, 94%—по Химсиндикату, 98%—по Масложирсиндикату, 94%—по Спичсиндикату, 82%—по ВКС и т. д.).

2. „В целом, эта тенденция интенсивного замещения складских операций в синдикатах транзитом идет на встречу общей задаче со-

кращения складских звеньев товарооборота в целях упрощения и удешевления всего процесса товаропродвижения. Однако, в ряде случаев такой отказ от складских функций синдиката, в процессе увеличивающейся специализации фабрик и заводов, идет во вред качеству торгового ассортимента. В этих случаях, как, например, в стекольно фарфоровой отрасли, металлической и некоторых др., эта сама по себе прогрессивная идея максимального сокращения складских переходов товара, влияющих на нарощение его цены, сталкивается с другой прогрессивной идеей специализации производства, имеющей огромное значение и для снижения себестоимости продукции, и для самого роста производства и повышения качеств его. Оптимальное разрешение обеих этих задач требует ряда коррективов в построении синдикатского аппарата". („Синдикатская система СССР", 1928 г., стр. 11).

К настоящему моменту в большинстве отраслей основная доля продукции сдается транзитом, т.-е. непосредственно с фабрик и заводов. Совершенно понятно, что при этих условиях правильная организация ассортировки, особенно осложняемая все более широко осуществляемой специализацией фабрик и заводов, значительно затрудняется, в особенности, в случае транзитных отгрузок потребителем весьма малыми партиями. В связи с этим возникает необходимость организации промежуточных баз, не связанных непосредственно с периферией рынка, но осуществляющих предварительную ассортировку товаров для крупно-оптового звена. Такие базы уже с 1925/26 г. существуют в области текстильной торговли. Приступлено к организации соответствующих баз в области металлоторговли, силикатной торговли. Эти промежуточные базы, расположенные в районах производства и собирающие у себя продукцию специального ассортимента для накопления и выпуска необходимого торгового ассортимента, должны сыграть большую роль в рационализации товарооборота.

3. На ряду с сокращением чисто торгового складского хозяйства и сведением его лишь к специально ассортировочным базам, развертывался также процесс сосредоточения в руках синдикатов основных фабрично-заводских складов и, следовательно, всей экспедиционной техники. Так, кожевенные тресты передали синдикату, на ряду с заготовительными и торговыми функциями, все свое складское хозяйство, возложив на него подборку и отгрузку готовых партий сырья на заводы для непосредственного выпуска в производство и ограничив свою деятельность производством в самом узком смысле этого слова.

III

По мере перехода к забору у трестов всех 100% их продукции и передачи синдикату товарных складов трестов, к синдикату переходит управление всей товарной массой. Последний может сейчас целесообразно комбинировать остатки товаров на отдельных складах, концентрировать товары в нужных точках для подбора рыночного ассортимента, может держать на всех этих складах минимальные запасы готовой продукции.

Сосредоточив у себя также и склады производственных материалов, становящихся общим фондом всей отрасли, а не отдельной фабрики и треста, синдикат имеет возможность более правильно комбинировать состав и размещение отдельных видов их, обеспечивая правильное, комплектное и своевременное снабжение фабрик при значительно меньших запасах материалов.

Но синдикат рационализирует реализацию и снабжение не только с точки зрения правильности внутреннего построения каждого из них, но и с точки зрения взаимной связи обоих (реализации и снабжения). Синдикат не является лишь односторонним получателем продукции своей отрасли, проталкивающим ее дальше к потребителю. Он не является также и органом односторонне сбывающим своим трестам продукцию других отраслей. Синдикат обслуживает свою отрасль одновременно по обеим линиям, и по линии снабжения, и по линии реализации; он обслуживает ее на основе определенных показателей выхода продукции, при данной величине и составе снабжения. Сосредоточивая у себя все материальное снабжение данной отрасли и всю реализацию ее продукции, синдикат имеет в поле своего зрения нормы расходования сырья, материалов, топлива. Он, следовательно, глубоко проникает в материально-техническое хозяйство обслуживаемых им производственных единиц. Его руководство и регулирующее воздействие может быть поэтому весьма конкретным и эффективным.

Синдикат снабжает трест не в меру его платежеспособного спроса, а в меру строго взвешенной производственной потребности. Какими бы денежными средствами трест не располагал, синдикат предоставит в его распоряжение только минимально необходимые (для текущего производства) материальные ресурсы. Определяющими для синдиката являются не финансовые средства треста, а его производственная программа и реальный ход ее выполнения, получающий свое точное выражение в сдаваемой синдикату продукции. Мы имеем здесь, по сравнению с первоначальными чисто коммерчески-комиссионными отношениями между трестами и синдикатом, чрезвычайно глубокую качественную перемену. На смену коммерческим отношениям приходит чисто целевой, производственно-технический подход.

Постепенно сосредоточивая у себя все связи промышленности с рынком как по линии реализации, так и по линии снабжения, синдикаты сконцентрировали у себя все те требования, которые промышленность имеет пред'явить к своей сырьевой базе, к сельскому хозяйству, и все те требования, которые потребители (прожиточного и производственного типа) имеют пред'явить к промышленности. В этих условиях, синдикатская система не может уже быть только пассив-

ным проводником сырьевой продукции к обслуживаемой ею отрасли промышленности или только пассивным проводником промышленной продукции к потребительской периферии. Синдикат вынужден активно пред'являть от имени промышленности свои требования сельскому хозяйству и от имени организованного потребителя (личного и производственного типа) к об'единяемой им отрасли промышленности. В обоих случаях он из чисто торгового органа становится органом регулирующим и производственную деятельность,—в какой-то мере сельского хозяйства, а, в основном, и, в первую очередь, производственную работу промышленности. Но если непосредственное регулирование производственной работы и сельского хозяйства постепенно переходит от синдикатов к сел.-хоз. кооперации, то в отношении промышленности синдикатская система эту роль все более полно и эффективно концентрирует у себя. Синдикатская система, в результате, становится одним из активнейших факторов производственной работы промышленности.

В качестве непосредственно заинтересованной инстанции, синдикат принимает непосредственное участие в установлении контрольных цифр во всей отрасли промышленности. Концентрируя в своих руках все вопросы сырьевого снабжения, синдикат разрабатывает контрольные цифры синдицированной промышленности, увязывая интересы отдельных предприятий. Эти контрольные цифры получают свое утверждение на собрании уполномоченных синдиката и кладутся ВСНХ в основу своих контрольных цифр промышленности.

Но дело не ограничивается одним лишь консультирующим участием синдиката в составлении контрольных цифр. Отдельные синдикаты перешли от косвенного влияния на трестовское производство к далеко идущему прямому вмешательству в определение производственной программы своей отрасли.

Сложившись к 1926/27 г. в огромную экономически и финансово-мощную организацию, сконцентрировав у себя оптовый сбыт на 75%, снабжение сырьем почти на 100%, добившись передачи ему всей банковской ссуды на заготовку кожсырья, получив все предпосылки для такого вмешательства, синдикат перешел на систему предварительных заказов. Если общие количества крупного и мелкого кожсырья, в штуках, для каждого треста определяются производственной программой ВСНХ, при активном участии ВКС, то ассортимент товара и, следовательно, сырья почти целиком устанавливается заказом синдиката. Синдикат с инициативой и энергией развивает производство дефицитных товаров крестьянского спроса, а также дефицитного обувного верха.

Правда, не во всех синдикатах эта роль выражена одинаково ярко. Но как правило, активная роль синдикатов в этой области быстро растет. Укореняющаяся сейчас в решающих отраслях система предварительных заказов, по которым синдикат берет перед потребителем определенные обязательства, заставляет его оказывать на отдельные тресты решающее воздействие в деле выработки определенной номенклатуры, в совокупности по всем трестам отвечающей тому ассортименту, который синдикат обязался, по предварительным заказам, поставить потребительским организациям. Работа Совета синдикатов правильно отмечает, что „необходимую согласованность между рынком и производством по вопросам ассортимента должна дать по своей идее система предварительных заказов. Если существующая в настоящее время система гендоговоров размещает в плановом порядке только количества выпускаемой продукции, то система предварительных заказов должна дополнить гендоговоры, устанавливая плановое размещение не только самих количеств, но и ассортимента промышленной продукции между отдельными организациями“ (ibidem, 1928 г., стр. 18).

Но переход на систему предварительных заказов предполагает такой порядок взаимоотношений синдиката с трестами, который обеспечивал бы синдикату выработку ассортимента, отвечающего требованиям заказчика. Синдикат должен, поэтому, регламентировать производственный ассортимет трестов.

Осуществляя централизованное распоряжение товарными фондами данной отрасли, синдикат освобождает отдельные тресты от необходимости выпускать из производства комплектный ассортимент, в соответствии с требованиями торгового оборота. Концентрация в синдикате всех функций торговой ассортировки облегчает переход трестов на специальный ассортимент, определяемый производственно-техническими условиями в каждом тресте, интересами понижения себестоимости, улучшения качества и повышения рентабельности.

Специализация предприятий создает об'ективные условия для осуществления стандартизации в более широком масштабе. Согласование стандартов с трестами, с одной стороны, с кооперативной системой, с другой, приводит к сосредоточению проработки стандартов в синдикате. [1]

[1] В некоторых синдикатах эта сторона деятельности выступает чрезвычайно ярко. Металлоконвенцией, совместно с ВМС, был, например, разработан новый стандарт прокатного металла. В результате введения указанного стандарта, по сортовому железу число размеров доведено до 740, вместо существовавших ранее 3.365, а число профилей до 10 вместо 22. По специальному фасонному железу число профилей уменьшилось на 67%, а число размеров на 90%.

В своей активной производственной политике некоторые синдикаты пошли так далеко, что сосредоточили у себя значительную часть и технического обслуживания своей отрасли. Так, например, ВКС очень многое делает в области технического обслуживания кожевенной промышленности: техническая консультация, введение новых методов выработки, изготовление новых химических материалов на специально для того оборудованном заводе, постановка совершенно новых в стране производств (шевро, лак), организация производства кожевенных машин и обувной фурнитуры на отечественных заводах и т. д. и т. п.

Масложирсиндикат точно так же развернул работу по оказанию технической помощи и в настоящее время эту работу удалось централизовать в специальный

В капиталистических условиях все производится на неизвестный рынок, а post factum идут напряженные и не всегда удачные поиски рынка. На первых шагах нэпа и наше хозяйство характеризовалось производством на неизвестного потребителя. Когда, несколько позже, в помощь трестам стали формироваться синдикаты и эти последние, вначале, стояли на базе этого же типа отношений с рынком. Они лишь заготовляли произведенную другими, независимо от них, товарную продукцию и на комиссионных началах передавали ее трестам, и на таких же началах брали на себя реализацию и сбыт трестовской продукции, произведенной независимо от них. Сейчас синдикаты, в основном, занимаются не тем, что „сбывают" так произведенную продукцию, а тем, что организуют предварительные заказы потребителей и передают их для выполнения трестам. Сейчас производственная программа отдельных отраслей промышленности подчинена определенным заданиям плановых органов, подкрепленным в значительной части оперативными заказами непосредственно заинтересованных организаций.

Но чтобы выполнить такую программу, тресты нуждаются в твердо обеспеченном снабжении. Это снабжение синдикаты взяли на себя. Но твердо выполнять эти обязательства, оставив это снабжение в зависимости от неорганизованных и случайных явлений на рынке, синдикаты не могут. Они вынуждены, поэтому, перейти к системе собственных предварительных заказов тем отраслям народного хозяйства, которые создают эти средства производства для данной отрасли. Система отношений, базирующаяся на рыночной стихии, поэтому, дополняется, (а затем и заменяется) системой увязанных плановых заданий (подкрепляемых оперативными заказами), на службу которых поставлена целая система регулирующего и контролирующего воздействия. Так, синдикат становится постепенно организацией не столько обеспечивающей своим трестам наилучшие коммерческие условия реализации и снабжения, сколько органом, оперативно регулирующим и контролирующим. Тресты выделяют, сначала, синдикатские организации только как вспомогательно обсуживающие их организации. Но синдикаты быстро преобразуют это свое первоначальное назначение и занимают в отношении трестов господствующее положение. Первоначально, во

технический отдел синдиката. Последний прорабатывает вопросы капитального строительства, участвует непосредственно в проработке вопросов экономического и технического порядков, связанных со строительством. По проектам отдела строятся маслобойные, экстракционные, гидрогенизационные, мыловаренные и т. д. заводы. В настоящее время все капитальное строительство этой отрасли промышленности, в части проектирования, почти целиком проходит через синдикат. В части реконструкции и рационализации оборудования синдикат имеет концессионный договор технического содействия с германской фирмой.

Синдикат провел работу по замене устарелых машин — машинами новейших конструкций, при чем по заказу синдиката производство этих машин было поставлено на советских машиностроительных заводах (по чертежам и заказам синдиката).

взаимоотношениях между трестами и другими хозяйственными организациями господствовали коммерческие начала. Позднее, некоторые коммерческие моменты выделились и получили в синдикатской организации специальное организационное выражение. Постепенно, эти выделенные в синдикатской организации коммерческие моменты стали перерождаться в моменты регулирующего и контролирующего воздействия, подчиненного более широким народнохозяйственным целям. В ходе этой последней трансформации, регулятивные моменты синдикатской работы, сначала, существовали лишь рядом с коммерческими, явно доминировавшими над первыми. Но постепенно, значение регулирующих моментов стало быстро расти, оттесняя назад чисто коммерческие функции синдикатов, а в настоящий момент они явно преобладают над последними.

IV

Все это не могло не отразиться и на финансовом хозяйстве синдицированных отраслей промышленности.

Организовав в большом масштабе централизованный порядок сбыта и снабжения, синдикаты создали необходимые предпосылки для перехода и к единому отраслевому плану финансирования. Кредитные планы трестов стали дополняться кредитными планами синдикатов, и те и другие, взаимно увязанные, представляли в сводном виде потребность в банковском кредите данной отрасли промышленности.

По мере передачи синдикату всех 100% трестовской продукции для реализации, синдикат сделался единственным источником средств для трестов. Постепенно, тресты были фактически освобождены от изыскания банковских средств. Отсюда был только один шаг до перехода к плановому финансированию трестов со стороны синдикатов.

Несмотря на все разнообразие финансовых взаимоотношений с промышленностью по отдельным синдикатам, основные тенденции в развитии этих взаимоотношений (особенно в тех синдикатах, где процесс сращивания их с промышленным хозяйством достиг наибольшей степени) могут быть сведены к следующему:

а) к централизации расчетов по снабжению и торговым операциям (ВТС, ВКС, Спичсиндикат, Масложирсиндикат и т. д.);

б) к концентрации банковского кредита трестов в синдикатах и к расплате с трестами наличными;

в) к построению расчетов между синдикатом и трестами, в соответствии с производственными программами и на основе планового маневрирования средствами трестов и фактического об'единения в синдикате капиталов данной отрасли.

К пункту „а". Централизация расчетов не требует особого раз'яснения. Здесь бухгалтерским перерасчетом погашаются взаимные обязательства контрагентов по реализации и поставке, по встреч-

ным операциям и в этих пределах осуществляется безденежный и безвексельный расчет.

К пункту „б". Наметившаяся тенденция к концентрации краткосрочного кредитования промышленности в синдикатах, путем сосредоточения в них как учетных лимитов трестов, так и непосредственного целевого кредитования, является характерной чертой эволюции синдикатской системы. Процесс вовлечения средств в синдикатский оборот в этой форме развивается по всем главнейшим синдикатам (ВТС, ВКС, ВМС, Масложирсиндикат, Продасиликат, Бумсиндикат, Спичсиндикат), в общей сложности охватывающим свыше 80% всего синдикатского оборота. Эта тенденция имеет все основания к дальнейшему развитию. Сращивание синдикатов с промышленным хозяйством неизбежно влечет за собой усиление зависимости одних от другого и в области финансового хозяйства.

Сумма банковских кредитов, концентрируемых в синдикатской системе, дает огромный рост. Если банковская задолженность синдикатов вместе с долгосрочным финансированием на 1/X—23 г. составляла 81,2 млн. руб., то на 1/X—27 г. (в связи также с дальнейшей концентрацией кредитов в ряде синдикатов) общая сумма банковских кредитов по всей синдикатской системе доходит до 312 млн. руб., на 1/X—28 г. до 597 млн. руб., а по плану на 1/X—29 г. до 974 млн. руб. В синдикатах сосредоточивается основная часть банковских кредитов, направленных на финансирование торгового оборота промышленности. Особенно выступает это значение синдикатов в системе кредитования промышленности по ряду наиболее полно синдицированных отраслей. Так, ВТС подошел уже к сосредоточению у себя всех 100% банковского кредитования текстильной промышленности; ВМС достиг в 1928 г. 65% охвата промышленных кредитов в банках, ВКС на 100% сосредоточил у себя сырьевые кредиты и все больше охватывает также кредитование торгового оборота. В Масложирсиндикате на 100% сосредоточено кредитование банками масложировой промышленности и т. д.

Такое сосредоточение в синдикате банковского кредита позволило синдикату более широко практиковать оплату наличными за сданную трестами продукцию. Так, например, ВМС производит оплату наличными деньгами до 75% трестовской погрузки. Весь банковский лимит нефтяной промышленности сконцентрирован в синдикате, и он расчитывается с трестами почти исключительно наличными деньгами.

Такой порядок расчета практикуется у Бумсиндиката, сконцентрировавшего у себя большую часть банковского кредита, об'единяемых им трестов. Расплату с трестами за наличный расчет ввел в 1928 г. и Продасиликат и т. д. и т. п. Эта централизация финансового хозяйства промышленности сконцентрировала в синдикатах не только важнейшие финансовые рычаги регулирования самой промышленности, но и основные узлы финансовых взаимоотношений промышленности как с рынком, так и с кредитной системой. В различных синдикатах степень этой связи финансового оборота синдиката с финансовым хозяйством самой промышленности или с банковским кредитованием промышленности весьма различна. Однако, регулирующая роль синдикатов как в отношении финансового хозяйства самой промышленности, так и условий финансирования оборота промышленной продукции всюду и неуклонно растет.

Эта концентрация банковского кредитования промышленности, укрепляя связь синдикатов с финансовым хозяйством трестов, подводит реальную базу для усиления возможности общего планирования; и в частности, в области использования оборотных средств, в смысле их перераспределения.

К пункту „в". Переход расчетных взаимоотношений между синдикатом и трестами на фактическое об'единение финансовых средств трестов в синдикате и финансирование последним производственных планов трестов складывается из отдельных частичных мероприятий, которые только в совокупности получают это общее значение.

Расчеты ВТС с трестами по сырьевому снабжению построены на ежемесячной оплате синдикату стоимости потребляемого трестами сырья, вне зависимости от количества сырья, сданного на призаводский склад. У ВКС—на равномерной помесячной оплате сырья трестами, в соответствии с их кассовыми возможностями и независимо от сезонности заготовки сырья; у Масложирсиндиката эти расчеты увязаны в плановом порядке с финансовыми возможностями трестов. Та же тенденция в расчетных отношениях выявляется и в торговых операциях синдикатов. У ВТС до нынешнего года расчеты за продукцию были построены на учете финансового положения трестов, в зависимости от чего определялся срок кредита. Тот же принцип проводится и у ВКС. Оплата продукции Спичсиндикатом производится ежемесячно по плану забора, вне зависимости от фактически забранного количества. У ВМС платежи трестам производятся по планам отгрузки.

Синдикат, перейдя на расчеты по принципу $^1/_{12}$ годового плана, (даже независимо от отгрузки) и оплаты продукции наличными в размере 100%, при передаче ему трестами своих банковских лимитов по краткосрочному кредиту, подготовляет тем переход на контролирование месячных финансовых планов трестов. В результате, промышленность весьма близка к передаче синдикату всего своего финансового хозяйства.

Такой переход к плановым методам финансирования трестов со стороны синдикатов приводит к далеко идущим изменениям во всем построении финансового хозяйства промышленности. Прежде всего, синдикат использует эти свои позиции для перераспределения ресурсов отдельных трестов своей отрасли. Предоставляя одним трестам более продолжительный кредит, чем тот которым он сам пользуется у своих поставщиков, а другим—менее продолжительный; с другой стороны, пользуясь сам у отдельных трестов кредитами

разных сроков, (у одних, скажем, в 40 дней, у других в 18 дней и т. д.), синдикат ведет работу интенсивного фактического перераспределения средств между отдельными трестами и между трестами и самим синдикатом. Эта перераспределительная работа в разных синдикатах идет с разной силой и интенсивностью. Наиболее далеко в этом направлении пошел ВТС. По линии своей реализационной работы ВТС последовательно проводил политику диференцированного самокредитования за счет трестовских ресурсов и на этой основе, на практике, интенсивно перераспределял оборотные ресурсы трестов. В области расчетов с трестами за продукцию срок кредита определяется им не как результат торга, а на основании изучения трестовского промфинплана, с учетом финансового положения треста. Так, постепенно, идет процесс фактического сращивания ресурсов синдикатов и трестов.[1]

V

Финансовые отношения между синдикатами и трестами прошли в своем развитии, примерно, следующий путь.

В меру централизованного снабжения синдикаты стали сосредоточивать у себя банковский кредит трестов. На основе такого сосредоточения синдикаты стали оплачивать трестам сальдо взаимных расчетов наличными суммами, а коммерческое кредитование этих сальдовых сумм стало сходить на-нет. Что же касается взаимного кредитования синдиката и трестов в пределах сумм зачета, то оно происходило, в сущности, по открытому счету. Векселя, и в этой части, уже не играл самостоятельной роли. К вексельной эмиссии прибегали здесь не в меру фактических кредитных взаимоотношений между трестами и синдикатом, а ради специальных целей: в той мере, в какой синдикату или тресту (поскольку сохранялось децентрализованное снабжение) надо было для использования своего банковского лимита пред'явить банку учетный материал. Вексельная эмиссия производилась здесь не для оформления кредитных взаимоотношений и не для обеспечения состоявшихся сделок, а независимо от них,— для снабжения синдиката и трестов учетным материалом. Мы имели здесь специальную, целевую эмиссию, как техническое условие использования банковского кредита. Вексельная эмиссия здесь не столько пассивно отражала кредитные взаимоотношения

[1] Одним из мощных стимулов такого сращивания становится между прочим система двух прейскурантов: одного, соответствующего трестовской калькуляции, по которой синдикат принимает тот или иной товар у трестов (разная цена для разных трестов) и другой—единый торговый прейскурант, по которому синдикат реализирует одинаковые сорта (по разной себестоимости) по одинаковым ценам. Эта система является реальным орудием воздействия синдикатов на производственный ассортимент и предпосылкой для организации системы предварительных заказов. Но что для нас здесь важно: при такой системе происходит подлинное органическое сращивание промышленности с синдикатом, и, в частности, потеря трестами возможности реализовать свою продукцию помимо синдиката. Здесь рыночную сторону производственного ассортимента определяет уже исключительно синдикат.

между сторонами, сколько активно обслуживала потребность каждого из них в банковском кредите.

В условиях товарного и капиталистического хозяйства вексель выражает и обеспечивает коммерческий кредит, оказанный одним контрагентом другому. Это первичное и основное его назначение. Возможность последующего использования векселя для получения банковского кредита,—нечто вторичное, лишь надстройка над первым, который может и не быть. Создается вексель, в основном, не ради этого второго.

Иначе отношения складывались у нас между синдикатом и трестами. Здесь вексель постепенно отрешался от своей основной функции и вторая задача получила определяющее и самостоятельное значение.

Несмотря на значительные отступления в сторону сужения самостоятельности трестов, расчетные взаимоотношения между синдикатом и трестами на этой стадии все еще привязаны к реальным товарным потокам и стоят в решающей зависимости от этих последних. Но позднее, расчетные взаимоотношения начинают в какой-то части отрешаться от встречных товарных потоков и получают, частично, самостоятельный характер. Синдикат постепенно переходит к плановым платежам.

В развитии плановых платежей синдикаты прошли две стадии, далеко неравного значения. Первая из них не представляет принципиального интереса; зато вторая представляет большой теоретический интерес. На первых порах плановые платежи синдиката строятся на основе предварительной наметки вероятного строения взаимных товарных потоков и их расчетных выражений. Платеж производится здесь авансом, еще до окончательного установления фактического движения товаров в обоих направлениях.— Но принципиально расчеты строятся здесь на основе полной оплаты сальдо взаимных расчетов и, следовательно, полного эквивалентного возмещения сторон. Своеобразно здесь только то, что расчеты производятся независимо от документации, и платеж является только предварительным, который позже будет заменен окончательным. Если здесь есть какое-либо отрешение платежных взаимоотношений, то единственно от аутентичных товарных документов. В принципе (и фактически) расчеты и платежи производятся здесь на основах полного эквивалентного возмещения и полного покрытия расчетного сальдо. Изменение здесь претерпевают только сроки и рационы платежей, но не их основа.

Совершенно другой характер носят позднейшие трансформации плановых платежей. Последние содержат уже далеко идущие принципиальные изменения, в корне революционизирующие взаимоотношения между трестом и синдикатом. На этой стадии единые расчетные взаимоотношения между синдикатом и трестом как бы расщепляются и сменяются двумя типами расчетов, лежащими каж-

дый в другой плоскости. В одном из двух аспектов синдикат и сейчас продолжает рассчитываться (но не расплачиваться) соответственно реальным товарным потокам, прошедшим в обоих направлениях (и соответствующего этим потокам сальдо расчетных взаимоотношений). Но на ряду с этой безличной расчетной фотографией позиций каждой из сторон (позиций, определяемых на основе принципа эквивалентного возмещения), между синдикатом и трестами создается и другой тип расчетов. Этот второй тип и выражает новое существо плановых платежей. Эти расчетные отношения заключаются в том, что синдикат оплачивает трестам (ежемесячно, подекадно, ежедневно) не сальдо их взаимных требований, а суммы, которые трестам требуются для выполнения определенного рода (утвержденных синдикатом) платежей, независимо от состояния расчетных взаимоотношений между ними. ВТС, например, сосредоточил у себя все платежи трестов в БДК и НКФину (отчисления от прибылей, подоходный налог, уравнительный сбор, помещение резервных капиталов в 8% заем, а с будущего года и все платежи по акцизам); кроме того, ВТС имеет определенные расчеты с трестами по линии централизованного снабжения сырьем, топливом, хим- и техснабжением и проводимой через него реализации трестовской продукции. По совершению соответственных платежей за тресты в БДК, НКФину, и т. д. и по производству взаимных зачетов по снабжению и реализации, синдикат, в порядке эквивалентного возмещения трестов, остается „должен“ последним определенную сумму, слагающуюся из следующих стоимостных элементов: 1) из заработной платы (ибо рабочей силы синдикат в натуре трестам не предоставляет, а потому должен компенсировать тресту стоимость ее в денежной форме), 2) из стоимости децентрализованного снабжения, 3) из стоимости группы местных расходов (местный транспорт и т. д.), 4) из части прибыли, остающейся после отчислений, которые синдикат за тресты централизованно производит НКФину, БДК и т. д., 5) из части амортизационных отчислений, остающейся после отчислений синдиката в БДК (если последние вообще имеют место). Вот те стоимостные элементы, которые в порядке эквивалентного возмещения должны были бы быть в денежной форме покрыты синдикатом тресту. В порядке установления расчетных взаимоотношений между ними, синдикат и фактически кредитует счет треста суммарной величиной всех этих стоимостных элементов. Но реально производимые синдикатам платежи (плановые платежи) строятся не на принципе покрытия сальдо взаимных расчетов (основывающихся на полном эквивалентном возмещении), а на принципе обеспечения тресту тех собственных расходов, которые синдикат ему предварительно, согласно плану, утвердил. Плановые платежи синдиката строятся не на основе того, что синдикат „должен“ тресту, а на основе тех непосредственных денежных расходов, которые трест будет иметь по согласованному

с синдикатом месячному плану. Трест имеет „право“ на всю величину сальдо его взаимных расчетов; но это „право“ чисто теоретическое, абстрактное. Это „право“ ни в какой мере не обеспечено реализацией. Фактически же трест получит не то, на что имеет „право“, а только то, что соответствует, утвержденным синдикатом, прямым плановым расходам.

Расчетные отношения между синдикатом и трестами строятся как бы в двух планах: в одном они отражают соотношение имущественных „требований“, которые в теории один может пред'явить другому, а в другом они предопределяют собою реальное денежное питание треста. Взаимоотношения между синдикатом и трестами ведутся по двойному расчету: из них один имеет только теоретическое значение; реальное же жизненное и практическое значение имеет единственно второй. Коммерческо-эквивалентные взаимоотношения между обоими существуют только в абстрактном праве, в бездействующем праве, в „спящем праве“ (dormant law), как его называют англичане. В действительности же реальное денежное питание трестов определяется планово-целевыми расчетами. Первые расчетные взаимоотношения влачат лишь призрачное существование, ничего собою реально не определяя. Вторые же живут полной жизнью и составляют плоть и кровь взаимоотношений между синдикатом и трестом.

Издание Всесоюзного совета синдикатов („Синдикатская система СССР“, 1929 г.) так кратко характеризует расчетные взаимоотношения между ВТС и отдельными текстильными трестами: „расчеты синдиката с промышленностью сводятся к плановому снабжению трестов потребным количеством денежных средств по согласованным ежемесячным планам“, а „параллельно ведется учет сальдо фактических товарных расчетов“ (стр. 100).

Окончание следует

А. Бинов

Классовая линия и ее извращение в государственном страховании на селе

I. Предмет спора

Государственное страхование обеспечивает постройки 20,5 млн. дворов, 43 млн. голов крупного рогатого скота, 22,7 млн. лошадей и 83 млн. га посева. Аппарат Госстраха соприкасается с каждым крестьянским двором. Свыше 250 млн. руб. убытков выплачено крестьянству за последние пять лет (1923/24—1927/28) по одному окладному страхованию. Около одного миллиарда рублей намечено к выплате крестьянству в течение пятилетки 1928/29—1932/33 гг.

Такой размер операций ставит ряд политических вопросов: с каких групп крестьянства взять сотни миллионов рублей, и какие группы крестьянства, и в какой степени за счет этих миллионов рублей обеспечить от убытков, причиняемых стихийными бедствиями.

Эти вопросы требуют особого исследования, попыткою которого и является настоящая статья.

Решить основной политический вопрос о перераспределении значительных страховых сумм внутри отдельных экономических групп крестьянства приходится при наличии следующих двух моментов:

1) Директива правительства о самоокупаемости сельского страхования и установка Главного Правления на расширение обязательности, т.-е. на повышение норм по окладному страхованию приведут к постепенному повышению общей суммы страховых платежей деревни.

2) Удельный вес страховых платежей крестьянства в общей сумме его обязательных платежей весьма велик. Отношение сбора по окладу к сумме сельхозналога, постепенно возрастая, составило в 1924/25 г.—10,9%, в 1925/26 г.—24,6%, в 1926/27 г.—26,5%, а в 1927/28 г. сумма, поступивших на 1 августа по окладному страхованию, платежей составила 35% (109 млн. руб.: 310 млн. руб). В последний год пятилетки страховые платежи по обязательному окладному сельскому страхованию достигает цифры, превышающей 300 млн. руб.

Но рост платежей упирается в платежеспособность основной середняцкой массы крестьянства и ее маломощной части — в особенности (беднота частично и полностью освобождена от платежей в количестве 26—28% хозяйств).

Может создаться положение, при котором Госстрах, оставаясь на почве единого тарифа, не сможет осуществить поставленных перед ним задач накопления запасных капиталов, повышения норм обеспечения и введения дополнительной ответственности по отдельным видам страхования (наводнения, ливни, бури и землетрясения — по строениям; вымочки и выморозки, страхование от неурожая — по посевам).

Единый тариф изживает себя и становится непреодолимым препятствием на пути укрепления окладного сельского страхования. Нынешняя тарифная система Госстраха представляется нам еще более неприемлемою с классовой точки зрения.

И политические и чисто страховые проблемы не могут быть правильно решены на основе единого для 70—75% платящих хозяйств сельского тарифа, для которого „несть ни маломощное хозяйство, ни середняцкое, ни зажиточное и кулацкое".

На ряду с отдельными элементами классовости в построении государственного страхования на селе, в последнем имеется основное и ничем не компенсируемое извращение классовой линии партии: это извращение заключается в обратной (по сравнению с с.-х. налогом) прогрессии изъятия страховыми платежами доходности отдельных социальных групп крестьянства.

Предметом спора внутри аппарата Госстраха, и вообще между согласными и несогласными с нынешней тарифной политикой Госстраха на селе является не только наличие этого извращения и его оценки, но и та степень (количественная и качественная) классовости, которая содержится в нынешней системе построения тарифов и норм обеспечения сельского страхования.

Этот спор о степени уже осуществленной классовости имеет серьезное значение: если бы было доказано, что уже сейчас тяжесть страховых платежей в достаточной мере перекладывается с экономически слабых районов и групп крестьянских хозяйств на экономически сильные районы и экономически мощные хозяйства, то отпало бы обвинение в извращении классовой линии и потерял бы свою остроту вопрос о необходимости коренной ломки тарифной системы сельского страхования.

Вот как гласит официальное издание „Пять лет государственного страхования" о классовом принципе, якобы уже осуществленном.

„Классовый принцип находит наиболее яркое выражение в тарифе окладного страхования сельских строений, по которому применяется одна ставка и к каменному дому с железным покрытием, и к соломой крытой избе. Правда, унифицированные ставки для строений всех материалов в сельском окладном страховании применяли и земства (*А. Б.*) но они на ряду с этим нередко(?) вводили в сельские тарифы разного рода подразделения селений по степени их

опасности (в зависимости от величины селений, характера их, горимости и пр.), с назначением различных ставок, для строения каждого подразделения. Госстрахом же в сельский тариф внесено только одно подразделение — на районы, с назначением ставок в соответствии с пожарной опасностью их (от 40 до 140 к. со 100 руб. страховой суммы).

В тарифах окладного страхования сел.-хоз. животных ныне не делается различия в ставках ни по возрастам, ни по числу сел.-хоз. животных в хозяйстве, хотя смертность лошадей в маломощных однолошадных хозяйствах гораздо выше, чем в хозяйствах многолошадных, при чем и животные старших (более опасных) возрастов также чаще встречаются в хозяйствах маломощных крестьян".

Поистине наивны и непритязательны в вопросах политических авторы сих простых и „мудрых" строк, до возмущения „наивны".

Необходимо обратить особое внимание неискушенного в „страховой мудрости" читателя, что система тарифных ставок государственного сельского страхования в основных своих чертах (построение норм, тарифные пояса), заимствована у земской страховой теории и практики.

Так называемые „страховые принципы" (целиком перенесенные к нам из дореволюционного прошлого), которые до последнего времени (1—1,5 г. тому назад) считались незыблемыми и защищались с упорством, достойным лучшего применения в советском государстве,— de facto (хотя и в изуродованном виде) лежат в основе окладного плана не только текущего, но и будущего 1929/30 г., т.-е. второго года пятилетнего плана социалистической реконструкции народного хозяйства.

Изуродованы эти, милые сердцу целого поколения работников „страховые принципы" под напором нападок и критики, приведших однако пока-что только к гнилому компромиссу. На этих „страховых принципах" акционерного и земского толка воспитывалась наша учащаяся молодежь страховых отделений некоторых техникумов и вузов. Эти „страховые принципы" раз'яснялись и вкоренялись в сознание целых тысяч (аппарат Госстраха насчитывает свыше 10 тысяч работников) советских страховиков через посредство большой и дорого стоящей „Библиотеки страхового работника" и ежемесячного „толстого" журнала „Вестник государственного страхования". На страницах этого официального органа всесоюзного советского учреждения нашла себе, в 1926 г. за 6—7 лет его существования, место одна, задушенная молчанием, статья беспартийного проф. Свирщевского, поднявшего вопрос о необходимости привести тарифные ставки по сельскому страхованию хотя бы в некоторое соответствие с мощностью отдельных групп крестьянских хозяйств.

Святая святых этих так называемых „страховых принципов" заключается в том, что тарифные ставки устанавливаются

по каждому виду страхования для целых административных единиц в зависимости от убыточности данного вида страхования на данной территории.

„Удар", нанесенный этим „страховым принципам" при построении окладного плана на 1929/30 г., свелся к тому, что были учтены не только данные об убыточности, но и данные об экономической мощности отдельных районов. Хотя, если верить упомянутой выше книге „Пять лет государственного страхования", то уже давно, уже несколько лет имел место „учет экономической мощности населения". Так и озаглавлено соответствующее место этой книги, а именно:

„Окладные тарифы Госстраха установлены по районам горимости с учетом экономической мощности населения этих районов, при чем для районов с наибольшей пожарной опасностью ставка определена в 140 коп. со 100 руб. Между тем губернии, входящие в состав этого района, имели горимость чрезвычайно высокую: так, горимость сельских строений Пензенской губернии за 25 лет составляет 337 коп. со 100 руб., Орловской — 182, Самарской — 197, Тамбовской — 242, Рязанской — 221. Таким образом, здесь (в наиболее опасном 5 районе) тариф установлен для некоторых губерний в размере ниже нетто (т.-е. действительной убыточности) — в виду малой мощности населения этих губерний".— Какие жалостливые! Даже и кулаков орловских и пензенских, самарских и тамбовских пожалели!

Прежде чем 1) дать критику построенного на этом гнилом компромиссе окладного плана на 1929/30 г., 2) доказать извращение классовой линии и 3) начертать положительную программу, имеющую общей целью выпрямление этой линии в сельском страховании — необходимо кратко описать ныне существующие страховые нормы ответственности или обеспечения и тарифы в сельском страховании.

а) Нормы страхового обеспечения. Эволюция среднего размера норм страхового обеспечения по сельскому окладному страхованию по СССР представляется в следующем виде:

Годы:	Нормы страхования в рублях			
	Огневое (на 1 двор)	Посевов (на 1 га)	Рог. скота (на 1 гол.)	Лошадей (на 1 гол.)
1923/24	94,0	10,5	17,0	26,1
1926/27	183,0	16,0	20,1	32,4
1928/29	302,0	18,5	24,2	39,6

Незначительная высота норм обеспечения определялась, помимо соображений страхового свойства, основным и решающим обстоя-

тельством: невозможностью значительного обременения крестьянства страховыми платежами. Среднее обеспечение к средней стоимости составляет в 1928/29 г. по строениям — 43%, по посевам — 45,6% по крупному рогатому скоту — 37,4%, по лошадям — 27,3%.

Система обеспечения строений от огня построена Госстрахом с 1928/29 г. на принципиально новых, по сравнению с земской и собственной практикой, основах, а именно, введены, так называемые, долевые нормы, т.-е. долевое обеспечение, определяемое в процентах от оценочной стоимости строений. Минимальное обеспечение в текущем 1928/29 г. было определено в размере 40% этой оценочной стоимости. По малоценным постройкам, принадлежащим преимущественно бедняцкой части крестьянства, обеспечение достигало 70—80, а в отдельных случаях 90 и выше процентов. Так, например, по данным выборочного обследования за 1925/26 г., когда средняя норма обеспечения на двор составляла 157 руб. и была значительно ниже существующей в 1928/29 г. средней нормы (в 302 руб. на двор), мы имели значительное число дворов, обеспеченных выше 40% их стоимости.

Приводим таблицу, показывающую относительное обеспечение государственным сельским страхованием групп дворов различной стоимости:

Группы дворов	РСФСР		УССР		БССР	
	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения
1. Стоим. до 150 р. . .	11,1	80,0	7,4	71,9	7,0	60,6
2. От 151 р. до 300 р. .	17,2	55,0	19,9	61,6	11,3	43,7
3. „ 301 „ „ 600 „ .	29,2	36,7	34,8	42,2	24,3	33,0
4. „ 601 „ „ 1000 „ .	22,6	26,5	22,6	30,9	29,2	25,2
5. „ 1001 „ „ 3000 „ .	19,0	18,1	14,0	21,5	27,5	19,2
6. Свыше 3000 р. . .	0,9	10,0	1,2	10,9	0,3	8,7
Итого . . .	100	26,2	100	31,1	100	23,9

По окладному плану на 1929/30 г. намечается дальнейшее углубление системы долевых норм и классовая диференциация этих норм. Критика этой диференциации будет дана в главе 2.

Нормы страхового обеспечения строений предполагается установить в зависимости от общей страховой оценки дворов с общей страховой оценкой:

До 300 р.	в размере	80%	от оценки каждого строен., но не менее	150 р. на весь двор
От 301 р. до 600 р.	„	70%	„	240 р. „ „
„ 601 „ „ 1000 р.	„	60%	„	420 р. „ „
„ 1001 р. и выше	„	50%	„	600 р. „ „

В тех случаях, когда в дворах общей стоимостью до 150 руб. применение долевой нормы в 80% могло бы понизить действовавшие в 1928/29 г. построечные нормы, остаются в силе последние при условии, чтобы они не превышали страховой оценки.

По остальным 3 видам страхования намечается в проекте окладного плана на 1929/30 г., примерно, следующее повышение норм обеспечения: по рогатому скоту и лошадям около 5%, а по посевам около 18—20%.

Таким образом, в 1929/30 г. среднее обеспечение по СССР к средней стоимости составит:

По строениям — около 60% с колебаниями от 50 до 100% по группам дворов различной стоимости
По посевам — около 52%
„ рог. скоту — около 40%
„ лошадям — около 29%

Как видно из приведенных цифр, весьма недостаточными с точки зрения обеспеченности крестьянского хозяйства являются нормы обеспечения по лошадям и рогатому скоту.

б) Тарифы по окладному страхованию. Тарифные ставки или, так называемые, брутто-тарифы, исчисляемые в процентах со страхового обеспечения, строились из следующих элементов: — 1) предполагаемое страховое вознаграждение, 2) нагрузка на административно-хозяйственные расходы, 3) нагрузка на расходы по сбору оклада, 4) нагрузка на создание льготного фонда (для полного или частичного освобождения от платежей бедняцких хозяйств), — которые составляли общую сумму страховых платежей по каждому виду страхования.

Тарифные ставки по окладному сельскому страхованию на 1929/30 г. построены с учетом отсутствовавшего в прошлые годы, но весьма необходимого 5 элемента, а именно нагрузка для накопления запасного капитала.

Одновременно предполагается также увеличить и размеры льготного фонда, составляющего в текущем году 12% по окладу и 3% по недоимкам, итого 15%. Это увеличение намечено до 17%. Основной элемент при построении тарифных ставок, а именно, убыточность сельского страхования, со своей стороны, также дает повышение.

В результате всего этого намечается общее совершенно неизбежное повышение тарифных ставок по рогатому скоту, лошадям и посевам. Тарифы по огневому страхованию остаются неизменными.

В нижеследующей таблице сопоставляем намеченные на 1929/30 г. средние тарифы по каждому виду страхования и колебания их по тарифным поясам, с соответствующими данными за текущий 1928/29 г. (См. таб. на стр. 160.)

По новому виду страхования посевов, а именно по страхованию от вымочек и выморозков, охватившему в текущем году 42 административных единицы, тарифные ставки на 1929/30 г. намечаются следующие: средняя ставка — 3,4 и колебания по трем тарифным поясам от 2,50 до 4,00 со ста. В 1928/29 г. средняя ставка составляла 2,04 при колебаниях от 1,60 до 2,50.

	1928/29 г.	1929/30 г.
	В рублях со 100 руб. страх. суммы	
Огневое страхование		
Средний тариф	0,72	0,72
Колебания по 4 тарифным поясам	0,40—1,10	0,40—1,10
Страхование рогатого скота		
Средний тариф	3,69	4,18
Колебания по 3 тарифным поясам	3,00—4,10	3,5—4,5
По лошадям		
Средний тариф	5,51	6,50
Колебания по 3 тарифным поясам	5,00—6,00	5,8—6,8
По посевам		
Средний тариф	1,45	1,48
Колебания по 5 тарифным поясам	0,70—2,20	1,00—2,50

При сопоставлении тарифов по страхованию от градобития, с одной стороны, и по страхованию от вымочек и выморозков — с другой, ярко бросается в глаза то огромное повышение тарифных ставок, а, следовательно, и страховых платежей, которые возникают в результате расширения ответственности Госстраха по сел.-хоз. культурам. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть в связи с проектируемым страхованием от неурожая.

2. Критика окладного плана на 1929/30 г.

В целях дальнейшего укрепления окладного страхования и накопления запасных капиталов предполагается уже в 1929/30 г. сделать весьма значительные шаги вперед в смысле: 1) роста страхового обеспечения по всем видам страхования, 2) повышения тарифов, а следовательно, и 3) повышения общей суммы страховых платежей крестьянства.

В 1928/29 г. к поступлению (за вычетом льгот) причиталось 154.415 тыс. руб.

В 1929/30 г. намечается получить (также за вычетом льготного фонда) 204.717 тыс. руб.

Таким образом, дополнительная сумма платежей в 1929/30 г. составит свыше 50 млн. руб., что даст прирост по сравнению с 1928/29 г. около 32,5%.

Приведенные цифры говорят о весьма значительном росте страховых платежей на подавляющей части территории СССР.

В связи с значительным ростом страховых платежей возникал вопрос не только о правильном (с классовой точки зрения) распределении тяжести страховых платежей, но и об их посильности для низших групп платящих хозяйств.

Еще в ноябре 1928 г. перед Главным Правлением ставился вопрос о необходимости радикально изменить принципы построения тарифов по окладному сельскому страхованию с тем, чтобы более правильно, с классовой точки зрения, распределить тяжесть страховых платежей между отдельными группами крестьянства.

Выдвигалось предложение ввести диференцированно-прогрессивный, в зависимости от мощности хозяйства, т.-е. классовый тариф по обязательному страхованию. Это предложение было отвергнуто.

Учитывая, однако, что тарифное районирование, построенное на основе страховых данных, находится в противоречии с экономической мощностью отдельных районов, Главное Правление приняло следующее постановление: (прот. № 276 от 8/II—1929 г.).

„Построить проект тарифного районирования на следующих основаниях:

1) Исходным показателем для отнесения той или иной местности в той или иной тарифный пояс являются страховые данные (основа остается незыблемою! *А. Б.*);

2) критерием экономической мощности данной административной единицы является относительная высота налоговых платежей (процент из'ятия дохода налоговыми платежами) с корректировкой на абсолютные размеры облагаемого дохода;

3) основанием для перевода данной административной единицы в высший или низший пояс, в зависимости от экономической мощности, является высота тарифной ставки с учетом абсолютных размеров и относительной тяжести страховых платежей административной единицы".

Этим постановлением был введен в практику построения окладных планов новый принцип (вернее углублен старый) критерий экономической мощности данной административной единицы.

Так называемые страховые принципы (т.-е. отнесение той или иной территории к определенному тарифному поясу, в зависимости от убыточности) были признаны недостаточными. „Чистые страховки" были частично сбиты со своих позиций.

Рассмотрение окладного плана показывает, что тарифное районирование в отдельных своих частях не выдерживает критики даже с точки зрения того сугубого компромисса, который выразился в цитированном выше постановлении. Даже при ближайшем ознакомлении с распределением отдельных губерний и округов по тарифным поясам (по различным видам страхований) нельзя

установить точных цифровых показателей, которыми руководствовались авторы плана для отнесения той или иной административной единицы к тому или иному тарифному поясу. Неизвестно, какое расхождение между убыточностью двух административных единиц считалось достаточным для того, чтобы при одинаковой мощности отнести их к различным поясам; точно так же неизвестно, какое расхождение между экономической мощностью двух административных единиц при одинаковой убыточности по данному виду страхования, считалось достаточным поводом для отнесения их в различные пояса.

Пестрота в тарифном районировании имеется весьма значительная. Особые недоумения вызывают такие случаи, когда административные единицы с меньшей, равной или незначительно большей убыточностью, но с меньшей экономической мощностью отнесены в высшие тарифные пояса по отдельным видам страхования. Для иллюстрации этого, совершенно непонятного положения, которое получилось в результате тарифного районирования по окладному плану на 1929/30 г., приводим следующие сопоставления:

Сопоставление горимости с размерами налога и дохода
(сопоставляются округа и губернии попарно)

Тарифные пояса на 1929/30 г.	Наименование округов	Горимость	Налог на едока	Доход на едока
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Свердловский	0,12	2,50	36.9
I	Донской	0,10	8,03	67,7
II	Донецкий	0,11	4,54	51,6
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Молдавская АССР	0,13	2.64	47,3
II	Рубцовский	0,28	4,86	49,1
III	Вятский	0,30	2,50	46,5
III	Ишимский	0,49	4,91	56,4
IV	Тульская	0,50	2,93	50,2
III	Курганский	0,52	5,97	61,9
IV	Самарская	0,50	3,18	45,3

Из этой таблицы видно, что во II поясе имеется ряд округов с меньшей, одинаковой или почти одинаковой убыточностью и с меньшей мощностью, выражаемой как в размерах дохода, так и в размерах налога на едока. Точно такое же положение создается при сопоставлении отдельных округов II и III поясов, а также III и IV поясов. Так, например, Свердловский округ с горимостью 0,12 отнесен ко II, т.-е. более высокому, более дорогому поясу, между тем как Днепропетровский округ с большей горимостью — 0,13, с налогом на едока тоже большим — 5 р. 58 к., доходом на едока тоже большим — 61 руб. 10 к. — находится в первом поясе.

Непонятным является оставление во II поясе Малдавской АССР, при одинаковой с Днепропетровским округом (находящимся в I поясе) горимости 0,13 и при меньшей мощности — налогом на едока 2 руб. 64 к. и доходом 47 руб. 30 к.; мощность Днепропетровского округа: 5 руб. 58 к. налога на едока и 61 руб. 10 к. дохода на едока.

Тарифное районирование по крупному рогатому скоту также в отдельных случаях страдает указанными выше дефектами:

За сколько лет имеются данные об убыточности	Наименование округов или губерний	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	Наименование округа	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока
	I тарифный пояс				II тарифный пояс			
5	Ленинградская	2,13	3.26	45.0	Тулуновский	2,27	3,38	38,6
4	Д.В.О.	2,25	4,38	49,0	Актюбинский	2,32	3,80	35,7
	II тарифный пояс				III тарифный пояс			
4	Таганрогский	2,61	6,82	71,8	Луганский	2,60	4,96	57,2
4	Челябинский	2,74	6,89	64,1	Херсонский	2,60	5,11	59,1
5	Сумский	2,94	3,25	49,2	Молдавский	2,83	2,64	47,3
4	Кубанский	3,05	10.26	74,5	Барабинский	3,06	3,93	43,2
4	Троицкий	3,23	5,71	52,4	Калмыцкая	3,28	—	26,7
5	Ишимский	3,47	4,91	56,4	Марийская	3,32	1,76	39,6

Из таблицы видно, что Таганрогский округ, сопоставляемый с Луганским, показывает отсутствие каких бы то ни было оснований к оставлению его во II поясе: при убыточности 2,61 (Луганский—2,60), при среднем налоге на едока 6,82 (Луганский — 4,96) и при среднем доходе 71,8 (Луганский — 57,2) этот Таганрогский округ почему-то оставлен во II поясе, между тем как Луганский отнесен к III тарифному поясу.

Сопоставление Ишимского округа с Марийской областью дает то же самое несоответствие по всем линиям, а именно, Марийская область с меньшей убыточностью — 3,32 (Ишимский окр. — 3,47), со

значительно меньшим налогом на едока — 1,76 (Ишимский — 4,91), значительно меньшим доходом на едока — 39,6 (Ишимский — 56,4) отнесена к III поясу, между тем, как Ишимский округ оставлен во II поясе. При этом необходимо отметить, что данные об убыточности имеются по обеим этим территориям за один и тот же период, а именно за четыре года. Тарифное районирование по лошадям тоже не лишено ряда ошибок как со страховой, так и с экономической точки зрения.

Переходя к тарифному районированию страхования сел.-хоз. культур от града необходимо предварительно, до сопоставления между собой отдельных территориальных единиц, остановиться на следующем моменте: при тарифном районировании авторы окладного плана исходили не из данных об убыточности страхования посевов, а из соображений метеорологического характера и теоретической градоопасности той или иной территории.

Не входя в критику того, в какой мере теоретические предположения о градоопасности действительно оправдаются на деле и за какой промежуток времени это оправдание будет иметь место, мы считаем подход по существу совершенно неправильным. Истекшее пятилетие совершенно достаточно для того, чтобы, на основе данных фактической убыточности и, следовательно, в действительном соответствии страхового вознаграждения со страховыми платежами данного округа или губернии, установить по окладному плану на 1929/30 г. „справедливый", даже со страховой точки зрения, тариф.

Мы никак не можем согласиться с тем, чтобы маломощный район, давший невысокую убыточность за пятилетний период, должен был бы платить в шестой год существования страхования сельскохозяйственных посевов высокую ставку только потому, что в более или менее отдаленном будущем он даст более высокие убытки.

Сопоставление убыточности страхового рубля по страхованию посевов с размерами налога и дохода на едока по некоторым административно-территориальным единицам

Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока	Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока
Тарифы II пояс:					Тарифы III пояс:				
Сталинский ..	5	0,20	75,5	8,64	Киренский ...	1	0,15	31,4	1,88
Шадринский..	5	0,21	52,1	3,92	—	—	—	—	—
Мариупольск.	5	0.22	72,8	7.93	—	—	—	—	—
Башкирская .	5	0,40	40,9	2.45	Барабинский .	5	0,31	13,2	3,93
Луганский ...	5	0,40	57,2	4 96	Черноморский.	5	0.33	12,1	3,36
Херсонский ..	5	0.45	59,1	5,11	Молдав. АССР.	—	0.47	17,3	2,64
Мелитопольск	5	0,47	63,4	6,10	Коми-Пермяц.	—	0,49	36,7	1,73

Уже упомянутая выше Молдавская АССР и по страхованию посевов отнесена в более высокий, III пояс при одинаковой убыточности с Мелитопольским округом, но при меньшем налоге и меньшем доходе на едока:

	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	
Мелитопольский округ	0,47	6,10	63,4	II пояс
Молдавская АССР	0,47	3,64	47,3	III „

Приведенные выше сопоставления, обнаруживающие случаи совершенно непонятного тарифного районирования, иллюстрируют, повидимому, общие органические дефекты окладного плана на 1929/30 г. в том виде, в каком он утвержден Наркомфином СССР.

Дававшаяся здесь критика тарифного районирования, с точки зрения страховых данных, не должна ни в коем случае быть понята, как признание нами какого бы то ни было смысла по существу за так называемыми страховыми данными и „страховыми принципами". Само собой разумеется, что только некритическое подражание земской практике и механическое восприятие и перенесение в совершенно иную политическую и хозяйственную обстановку методов земского страхования является причиной того, что в течение истекших 5—6 лет окладного сельского страхования тарифное районирование проводилось на основе убыточных данных по губерниям.

С точки зрения подавляющей массы страхователей (страдает от стихийных бедствий ежегодно в среднем 1% хозяйств по огню, до 5—6% хозяйств по животным и до 11,5%—по посевам) высота тарифной ставки и определяемый ею страховой платеж ни в коей мере не может и не должен быть оправдан тем фактом, что в той губернии, где страхователи живут, больше сгорело дворов, больше пало голов рогатого скота и лошадей, больше гектаров посевов побито градом, чем в другой близлежащей или отдаленной губернии.

Только с точки зрения географической, с точки зрения административного деления, только с точки зрения губернских земских страховых касс можно дойти до того, чтобы, совершенно не учитывая или даже в полном противоречии с экономической мощностью и платежеспособностью основной массы страхователей класть погубернские данные об убыточности в основу при тарифном районировании и установлении той или иной тарифной ставки.

Установление поясных тарифных ставок (тарифный район охватывает несколько губерний) только смягчает этот „погубернский принцип", но не отвергает его.

Таким образом, окладной план сельского страхования на 1929/30 г., страдая свойственными всем истекшим планам основными дефектами, не выдерживает критики в отдельных своих частях даже и с точки

зрения, как страховых данных, так и того компромисса (учет данных об экономической мощности), который был принят при его составлении.

Особо мы должны отметить то обстоятельство, что диференциация долевых норм построения вызывает ряд сомнений с точки зрения тяжести страховых платежей для маломощных платящих крестьянских хозяйств.

Наибольшее и весьма значительное повышение размера начисленного оклада по огневому страхованию падает на группы дворов стоимостью от 301 до 600 руб.—плюс 41,3% и на группу дворов стоимостью от 601 до 1.000 руб. +52,1%.

Если принять условно: 1) что соотношение отдельных групп дворов по стоимости строений сохранится в 1929/30 г. в том же виде, в каком оно было выведено по выборочному обследованию за 1926/27 г.; 2) что дворы с малой стоимостью строений принадлежат маломощным хозяйствам и 3) что количество маломощных хозяйств, могущих быть освобожденными от платежей в порядке использования льготного фонда на 1929/30 г. выразится не больше 30—35%, то окажется, что наиболее сильное повышение платежей по огню падает почти на 30% хозяйств со стоимостью от 601 до 1.000 руб.

Таким образом, больше 55% всех хозяйств (при верности наших условных допущений), т.-е. основная масса середняцких хозяйств будет переобложена платежами по страхованию строений от огня, между тем как хозяйства с дворами высших групп по стоимости дают повышение платежей значительно меньшее. Группа дворов со стоимостью от 1.000 руб. до 3.000 руб. и следующая за ней группа стоимостью выше 3.000 руб. дает повышение платежей — плюс 26,7% и +26,8%.

Совершенно ясно, что такое положение, при котором на основную массу середняцких хозяйств возлагается весьма значительное бремя страховых платежей по огневому страхованию, при меньшем, относительно, обременении платежами по этому страхованию высших групп крестьянских хозяйств, неприемлемо.

В среднем за год из 100 дворов страдает от пожара 1 двор. Ради повышенного обеспечения по огневому страхованию одного середняцкого двора нельзя переобременять платежами по этому виду страхования остальные 99 середняцких дворов. Высота норм обеспечения строений не может в данном случае служить оправданием переобременения платежами середняцких хозяйств.

3. Извращение классовой линии

Основным дефектом тарифной политики Госстраха является несоответствие тарифных ставок экономической мощности страхователей.

Ставки диференцируются по поясам, в зависимости от степени убыточности данного вида страхования. Но в пределах одного и того же тарифного пояса, за исключением хозяйств — около 25%,— освобождаемых вовсе или частично от платежей по окладному страхованию, все остальные, т.-е. примерно, 75% хозяйств платят одинаковое количество копеек с каждой сотни страхового обеспечения.

В результате отсутствия классовой диференциации тарифа тяжесть крестьянских страховых платежей распределяется неравномерно и в обратной пропорции к доходности отдельных хозяйств — следствием чего является переобложение маломощных и средних и недообложение зажиточных и кулацких хозяйств.

Данные специально произведенного по РСФСР выборочного обследования абсолютных и относительных размеров платежей 67.000 хозяйств по сел.-хоз. налогу и сельскому страхованию подтверждают это положение. Цифры, характеризующие процент изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом и страхплатежами — таковы: здесь даны группы с пропуском через одну — во избежание перегрузки статьи (цифровыми данными).

То повышение платежей зажиточных хозяйств по огневому страхованию, которое получилось в связи с введением в 1928/29 г. долевых норм обеспечения строений в размере не ниже 40%, изменило несколько к лучшему это уродливое положение, однако извращение классовой линии было и остается!

Но помимо того, что извращение это неприемлемо само по себе, оно мешает как мы указывали в самом начале укреплению сельского окладного страхования.

Платежные ресурсы маломощных и низших середняцких хозяйств не позволяют дальнейшего значительного их обременения страховыми платежами. В виду этого — сохранение единого тарифа, (не диференцированного по мощности страхователей) становится, с одной стороны, препятствием на пути повышения норм страхового обеспечения и введения универсального страхования посевов от неурожая (от всех бедствий, а не только от градобития, вымочек и выморозков), а с другой, замедляет необходимый темп накопления запасных капиталов, которое требует общего повышения тарифов.

Таким образом, единый тариф приводит к следующим трем отрицательным моментам:

1. Извращается классовая линия партии в деревне.

2. Создается угроза невыполнения директивы о безубыточности сельского страхования.

3. Замедляется повышение норм обеспечения, безусловно необходимое в целях создания большей устойчивости хозяйств основной массы крестьянства.

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о роли сельского страхования в коллективизации сельского хозяйства — как особый вопрос.

В связи со всем вышеизложенным и выдвигается предложение — ввести классовый тариф.

Различные проекты и постановления в этом духе выносились и принимались два с лишним года тому назад, в связи с проведенным РКИ обследованием платежей крестьянства, в том числе и страховых.

Коллегия НКРКИ СССР в своем заседании от 24 августа 1927 г. постановила: „признать необходимым при построении тарифов на 1927/28 г. исходить из необходимости диференциации тяжести платежей по страхованию по классовому принципу, стремясь к некоторому переложению их на зажиточные слои крестьянства".

Это постановление, завершившее собой целый ряд проектов областных РКИ, тов. Милютина (НКФ РСФСР) и других, не было проведено в жизнь.

Обстановка за эти годы изменилась. Мы проделали путь от XIV к XV с'езду партии и XVI всесоюзной партконференции. Последние решения партии дают основание вновь поставить „старый" вопрос о выпрямлении классовой линии Госстраха на селе. Это во-первых.

С особенной остротой выдвигается вопрос о диференциации тарифа в связи с тем, что царившее два года тому назад благодушное отношение к делу накопления запасных капиталов сменилось законной тревогой и решением, значительно запоздавшим, форсировать накопление средств на „черный день". Это — во-вторых.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(итоги выборочного обследования 67.000 хозяйств РСФСР)

Группы по обеспеченности хозяйств скотом \ Группы по размерам посева на хозяйство	I. без посева	III. с посевом от 1 до 2 дес.	V. от 4 до 6 дес.	VII. от 8 до 10 дес.	IX. свыше 15 дес.
Без скота					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	5,12	4,11	6,13	8,46	16,23
То же страховыми платежами	1,17	1,42	1,48	1,33	0,79
С 2 головами					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	4,82	5,52	6,17	8,58	15,53
То же страховыми платежами	2,18	2,17	1,90	1,55	1,26
С 4 головами					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	6.54	5,76	7,60	9,90	17,00
То же страховыми платежами	2,97	3,02	2,45	1,91	1,32

Приведенные цифры показывают, что классовая прогрессия из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом извращается обратной прогрессией из'ятия этого дохода страховыми платежами.

Более ярко это извращение классовой линии обнаружено при группировке обследованных хозяйств по размерам облагаемого дохода на хозяйство. Такая группировка проделана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии и в результате получен следующий ряд относительных цифр, которые мы также даем с пропуском через одну группу.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(Группы по размерам дохода на хозяйство)

Группы по размерам дохода на хозяйство		Выше необлаг. минимума до 100 р.	Свыше 150 до 200 р.	Свыше 250 до 300 р	Свыше 400 до 500 р.	Свыше 600 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме налога		100,21	88,01	67,48	37,83	7,24
% из'ятия от облагаемого дохода	Сел.-хоз. налога	4,42	3,09	3.70	5,36	13,77
	Страх. платежей	4,42	2,73	2,50	2,06	0,99
	Сел.-хоз. нал. + страх. платеж.	8.84	5,82	6,20	7,42	14,76

Чрезвычайно резко бросается в глаза обратная прогрессия из'ятия доходности при сопоставлении платежей хозяйств, сгруппированных по доходности на едока. Нижеследующая таблица дана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии:

Группы по доходу на едока		До 20 р.	Свыше 40 до 60 р.	Свыше 80 до 100 р.	Свыше 150 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме сел.-хоз. налога		120,00	59,42	17,63	1,95
% из'ятия от облагаемого дохода	Сел.-хоз. налога	1,98	4,28	11,13	20,89
	Страховых платежей	2,36	2,54	1,96	0,40
	Сел.-хоз. налога + страхового платежа .	4,24	6,82	13,07	21,29

Если из'ятие доходности по сел.-хоз. налогу возрастает относительно в 10 с лишним раз от низшей к высшей группе, то после „корректива" со стороны страховых платежей этот рост из'ятия доходности ломается, снижаясь до 5-кратного отношения. Прогрессия, классовая прогрессия сел.-хоз. налога рвется пополам, т.-е. сокращается вдвое по „другой линии". Специальное обследование, проведенное аппаратом Закгосстраха в 1929 г., пришло к тому же выводу, что: „в то время как процент из'ятия по сельхозналогу

тем выше, чем выше доход хозяйства — процент изъятия по окладным страховым платежам наоборот тем выше, чем меньше доход хозяйства".

Нам представляется бесспорным, что при более экономически-совершенном методе определения размеров доходности обследуемых крестьянских хозяйств, извращение нынешней тарифной системой Госстраха классовой линии партии в деревне представилось бы в еще более уродливой форме.

Госстрах сделал вполне правильный поворот на 180 градусов в вопросе о добровольности или обязательности страхования на селе: ныне взят твердый курс на расширение обязательности сельского страхования, т.-е. на повышение норм обеспечения, а, следовательно, на повышение обязательных страховых платежей крестьянства. Это — в третьих.

Таковы три новых основания для того, чтобы проекты, отклоненные в 1926 г., были приняты в 1929 г. и осуществлены в 1929/30 г., таковы три основания для пересмотра тарифной политики Госстраха и для диференциации единого тарифа.

К сведению „любителей земской старины" приводим следующий, почти скандальный для них факт: ярославское земство еще в „доброе старое время" установило диференцированный тариф по добровольному страхованию строений: чем ценность постройки была выше, тем выше была ставка — в копейках со ста рублей. Вот таблица ставок ярославского земства:

За постройки (материал стен и крыш)	Группы по величине страховой суммы			
	До 501 р.	От 501 р. до 1000 р.	От 1000 р. до 3000 р.	Свыше 3000 р.
	копеек со 100 рублей риска			
Смешан., крытые: прочно	60	70	90	120
„ „ деревом	85	110	130	160
„ „ соломой	125	150	200	225
Деревян., крытые: прочно	75	100	125	150
„ „ деревом	100	125	150	175
„ „ соломой	125	150	200	225

Такая же, примерно, прогрессивная диференциация ставок, в зависимости от роста страховой суммы, наблюдается в практике ряда заграничных страховых организаций при добровольном страховании животных. Конечно, ни ярославское земство, ни заграничные страховые общества не преследовали и не преследуют целей „усиленного социалистического наступления на кулака".

Однако,... тем более странно, что последователи „страховых принципов" не использовали их для углубления классовости в сельском страховании.

Совсем недавно группа работников НКРКИ УССР, в результате специального обследования Укргосстраха пришла к следующему выводу: „на основании сказанного, следует прийти к выводу о необходимости коренного изменения принципиальных основ тарифной политики госстраха путем внесения в методы построения тарифов существенных коррективов, которые бы позволили во-первых, сделать безубыточным сельское страхование, во-вторых, увеличили бы нормы страхового обеспечения и, в-третьих, в полной мере отразили бы классовый принцип и в наибольшей степени обеспечили бы сельское хозяйство от стихийных бедствий".

В этом же духе и было принято постановление СНК УССР. Однако, оно опротестовано НКФ УССР и подлежит вторичному рассмотрению.

Будущий 1929/30 г. и страховая пятилетка предусматривают значительное повышение страховых платежей, в связи с чем возникают два существенных вопроса:

1) могут ли маломощные и середняцкие хозяйства выдержать предстоящее повышение платежей?

2) сохраняя единый (т.-е. недиференцированный по мощности отдельных социальных групп крестьянства) тариф, не создадим ли мы для кулацких антисоветских выступлений широкой сочувствующей аудитории?

На первый вопрос необходимо ответить отрицательно — предстоящее повышение платежей может оказаться непосильным для значительных слоев маломощных крестьянских хозяйств. А на второй вопрос необходимо ответить положительно, ибо при сохранении единого тарифа кулак сумеет и безусловно использует факт общего недовольства повышением страховых платежей всех платящих хозяйств.

Если данная выше постановка вопросов и ответы на них правильны, то с совершенной неизбежностью вытекает необходимость, путем диференциации тарифных ставок по отдельным видам обязательного сельского страхования, в зависимости от мощности отдельных социальных групп крестьянства, — обеспечить реальные поступления намеченных окладным планом сумм и изолировать кулака по вопросам нашей политики в сельском страховании.

Особых технических затруднений классовая диференциация тарифов по сельскому страхованию не встретит и эта диференциация может вполне быть осуществлена даже с будущего 1929/30 г. Возникающие, в связи с вопросом о классовом тарифе, „радикальные предложения" (выдвигаемые с целью „напугать" сторонников классового тарифа), а именно — уничтожить страхование, как таковое, и установить целевую надбавку к сел.-хоз. налогу — грешат непониманием специ-

фически благожелательного восприятия крестьянством страховых платежей, в отличие от платежей по сел.-хоз. налогу.

По какому бы способу мы ни исчисляли сумму „страховки", которую данное хозяйство должно внести,—самый факт того, что эта сумма, уплаченная крестьянством, создает встречное обязательство Госстраха по отношению к данному хозяйству, в смысле обеспечения его от возможных убытков—сам этот факт проводит резкую черту между налогом и страхованием.

Тактически, с точки зрения настроений крестьянства, нет совершенно никакого смысла и было бы совершенно вредным удариться в другую крайность.

Что касается попытки разрешить вопрос об углублении классовости в сельском страховании путем увеличения размеров льготного фонда, то необходимо со всей силой подчеркнуть одно, повидимому, не вполне учитываемое обстоятельство, а именно: нагрузку страховых платежей для образования льготного фонда несут в одинаковой степени и кулаки, и крепкие середняки, и маломощные, т.-е. все платящие хозяйства.

Льгота бедноте, при отсутствии классовой диференциации тарифа, кладет резкую и социально-несправедливую черту между освобожденными и близкими к ним неосвобожденными хозяйствами.

Чем выше льготный фонд, тем тяжелее для маломощных платящих хозяйств нагрузка для его образования.

Таким образом, существующая в сельском страховании классовость (в форме предоставления льгот) оказывается не только недостаточной, но и внутренне противоречивой. Дальнейшее радикальное углубление классовости возможно не в порядке увеличения льготного фонда, а путем классовой диференциации тарифов по отдельным видам сельского страхования.

В заключение приведем ценнейший материал, разработанный Николаевской окружной конторой Госстраха (УССР).

Этот материал представляет диференцированный тариф во всей его конкретности, применительно к крестьянству Николаевского округа.

В основу взяты данные двадцатипроцентного выборочного обследования НКФина за 1928/29 г. с наложением на них страховых тарифов, существующих и проектируемых, (существующих—единых для всех хозяйств, и проектируемых—диференцированных по мощности отдельных групп крестьянских хозяйств).

Все хозяйства округа разбиты на семь групп: 1) бедняки, 2) маломощные А, 3) маломощные Б, 4) середняки, 5) зажиточные А, 6) зажиточные Б и 7) кулаки.

Применительно к этим группам дан расчет абсолютных и относительных размеров страховых платежей по нормам и тарифам, намеченным проектом окладного плана Госстраха УССР—с одной стороны, и, с другой—по диференцированным тарифам, запроектированным работниками конторы.

По предположениям этих работников: а) бедняки и маломощные хозяйства А—освобождены полностью от страховых платежей; б) маломощные Б уплачивают 50% нормальных (т.-е. исчисленных по единому тарифу) страховых платежей; в) середняки платят по существующим ставкам; г) недоплаты по А и Б перекладываются на зажиточные хозяйства А и Б и на кулаков.

Результаты этой классовой диференциации тарифов по сельскому страхованию (мы не разбираем здесь детально вопроса)—дающей тот же финансовый результат, который требуется окладным планом, представлены в следующих таблицах:

Группы хозяйств	Количество хозяйств	Удельный вес в %%	По нормальн. тарифам	
			Начислено в рублях	В среднем на 1 хозяйст. в рублях
Бедняки	18.734	22,09	62.765,76	3,35
Маломощные А	7.240	8,54	551.887,12	7,16
Маломощные Б	13.740	16,20	122.664,88	8,92
Середняки	27.053	31,90	384.993,96	14,23
Зажиточные А	12.180	14,36	258.873,06	21,25
Зажиточные Б	1.890	2,23	53.463,29	28,28
Кулаки	3.970	4,68	129.864,98	32,71
Итого...	84.807	100	1.064.513,05	12,55

По всем видам обязательного окладного страхования с диференциацией платежей по согруппам:

Группы хозяйств	По диференцированным ставкам		% снижения или нагрузки страховыми платежами в среднем на хозяйст.	Доходность одного хозяйства по данным с.-х. налога на 1928/29 г. в руб.	% отклонения от доходности середняцких хозяйств	% изъятия дохода	
	Начислено	В среднем на 1 хозяйство в рублях				До диференциации тарифов	После их диференциации
Бедняки	—	—	—100	55	—430	6,0	—
Маломощные А	—	—	—100	167	— 75	4,3	—
Маломощные Б	61.322,43	4,46	— 50	202	— 44	4,4	2,2
Середняки	384.993,96	14,23	+100	292	—100	4,8	4,8
Зажиточные А	336.270,27	27,60	+129	421	+ 54	5,0	6,55
Зажиточные Б	74.424,05	39,37	+139	550	+ 88	5,1	7,15
Кулаки	207.365,29	52,23	+159	700	+140	4,6	7,46
Итого...	1.064.386,00	12,55	—	257	—	4,9	4,9

К сожалению здесь нет сопоставления с прогрессией изъятия доходности отдельных групп хозяйств платежами по сел.-хоз. налогу, однако, и то перераспределение страховых платежей, которое дано в этих 2 таблицах дает значительное, возможно и достаточное (мы не беремся здесь обсуждать этот последний вопрос) выпрямление классовой линии в сельском страховании.

Только по линии такого перераспределения тяжести страховых платежей можно без политического ущерба решать вопросы, связанные с совершенно наизбежным повышением тарифов.

К этим таблицам, которые дают конкретную наметку перераспределения тяжести страховых платежей мы добавляем: и страховые, и политические проблемы властно требуют классовой диференциации в тарифной политике государственного страхования на селе.

Ф. А. Хоробрых

К теории организации и планирования сельского хозяйства

Вопросы методологии

Социалистическое переустройство сельского хозяйства требует постановки и разрешения большого количества проблем, которые имеют не только теоретико-академический интерес, но и громадное практическое значение. От того, как ставятся эти проблемы, какие исходные методологические принципы лежат в их постановке, откуда идет их методологическая генеология, зависит правильное разрешение существа каждой проблемы.

Если в области политической экономии вопросы методологии благодаря работе Маркса и марксистов, в большей или меньшей степени являются разрешенными, то в части сельскохозяйственной экономии имеет место много неясных и нерешенных методологических проблем. Это об'ясняется тем, что марксистская школа в этой области знания только начинает развертывать свою работу. В науке организации сельского хозяйства, которая ближе всего стоит к практическим проблемам социалистического строительства, дело обстоит еще хуже. В этой отрасли знания до последнего времени монопольно господствовала буржуазная и мелкобуржуазная школа.

Только в последние 2—3 года, когда перед пролетариатом встала задача непосредственного приступа к работе по реконструкции хозяйства, вопросы содержания и методологии науки организации и планирования сельского хозяйства в марксистской среде начинают ставиться и подвергаться обсуждению. Актуальность этих проблем, с практической точки зрения, заставляет признать необходимым скорейшее их решение. Почти полное отсутствие общепризнанных положений заставляет, изложенные ниже мысли, считать требующими дальнейшего широкого обсуждения и глубокой проработки.

I

При решении всяких методологических вопросов, в том числе и проблем, связанных с организацией, планированием и ригулированием сельского хозяйства в условиях переходного периода, требуется точно определить тот круг явлений, который является об'ектом научного анализа. В данном случае, это является особенно необхо-

димым в виду сложности этого об'екта и наличия путаницы в определениях основных понятий, а отсюда и путаницы в разрешении вопросов более конкретного порядка.

Планирование и регулирование всего народного хозяйства, в том числе и сельскохозяйственной его отрасли, в своем практическом проявлении охватывает чрезвычайно разнородные явления. Такой глубоко синтетический характер практики планирования, основанной на специфических особенностях новой общественно-экономической формации (диктатура пролетариата, переход от капитализма к социализму), дает основание уже сейчас приступить, на основе обобщения опыта планирования, к теоретическому анализу существа планирования, как общественного явления, свойственного новой эпохе. Этот теоретический анализ, как и всякая научно-обоснованная теория, в свою очередь, должна совершенствовать практику планирования.

Несмотря на многообразность явлений, связанных с планированием сельского хозяйства, их можно об'единить единым понятием сельскохозяйственного производства, являющимся частью наиболее общей совокупности явлений — производства вообще. Это более общее понятие в работах Маркса является достаточно исследованным. Маркс находит две совокупности явлений, связанных этим понятием. Во-первых — явления техники производства, выражающие отношение человека к природе, и, во-вторых, явления экономики, выражающие отношения между людьми, возникающие в процессе производства. Эти положения настолько общеизвестны, что на них нет надобности подробно останавливаться. Соответственно характеру этих явлений, в приложении к капитализму Маркс определяет и науки их изучающие: общественную технику и политическую экономию.

По отношению к сфере сельскохозяйственного производства эти определения целиком сохраняют силу. Здесь, как и в других сферах общественного производства, налицо имеются две точно очерченные и резко отличающиеся друг от друга совокупности явлений: техника сельского хозяйства и его экономика. Соответственно этому и науки, изучающие сельское хозяйство, могут быть разделены на науки технические (агрономия, зоотехника и т. д.) и науки экономические (сельскохозяйственная экономия).

В этой классификации, на первый взгляд, не находит себе места организация сельского хозяйства, как специфическая совокупность явлений и как наука, изучающая эту совокупность. Однако, если рассматривать сельскохозяйственное производство более конкретно, то эта совокупность найдет себе место. Дело в том, что техника сельского хозяйства и его экономика находятся в постоянной взаимозависимости, они постоянно влияют друг на друга. С одной стороны, на базе той или иной техники создается тот или иной тип производственных отношений. С другой стороны, в данной общественно-экономической формации экономика оказывает

решающее влияние на технику хозяйства (рента задерживает технику, отсутствие земельной собственности создает условия для ее бурного роста). Этим самым, предопределяется, в одном случае, известное единство техники и экономики, в другом случае, противоречия между ними (например, при капитализме, в условиях частной земельной собственности).

В конкретных условиях сельскохозяйственного производства это единство техники и экономики хозяйства выражается в том или ином типе сельскохозяйственного производства. Изучение их (типов сельскохозяйственного производства) и является об'ектом науки организации сельского хозяйства. При более детальном анализе явления типа можно в нем усмотреть черты как свойственные технике сельского хозяйства, так и его экономике. Безусловно техническими по своей природе будут явления сочетания различных элементов производительных сил (средств производства, в том числе и земли, и рабочих сил). Общественно-экономический характер организации сельского хозяйства проявляется в отношениях рабочих сил к средствам производства и в критериях организации или в целях, которые ставит себе сельскохозяйственное производство. Если явления сочетания средств производства и рабочих сил свойственны всем фазам человеческой истории (логическая категория), то отношение рабочих сил к средствам производства, критерии организации, основная целевая установка этого сочетания изменяется вместе с изменением общественно-экономической формации (категория историческая).

Так, натуральному хозяйству свойственен критерий, лежащий в сфере потребления, т.-е. производство максимального количества продуктов для собственного потребления путем наиболее полного использования рабочих сил семьи и собственных средств производства.

Хозяйство простого товаропроизводителя ставит своей целью производство своими рабочими силами и своими средствами производства максимума продукта, имеющего на рынке максимальную цену, этим самым получая наивысшую оплату труда.

Капиталистическое предприятие при помощи собственных средств производства и купленной рабочей силы ставит своей целью получение максимума прибыли на единицу капитала.

Наконец, социалистическое предприятие ставит задачу получения максимума общественно-необходимого продукта на единицу затраченного рабочего времени для максимального удовлетворения трудящихся при наивысшей степени расширенного воспроизводства. Следовательно, организация хозяйства, в зависимости от поставленной заранее цели предприятия, создает такую комбинацию земли, средств производства и рабочих сил, которая позволила бы приблизиться к идеальному выполнению этой цели.

Поскольку цель или критерий диктуется определенным строем производственных отношений, или, то же самое, определенными клас-

совыми интересами, постольку наука организации имеет определенный социальный характер. Примером может служить современное состояние этой науки. На Западе и в Америке, когда речь идет об организации хозяйства, всюду говорят о создании наиболее высокой прибыли на капитал, т.-е. труд, как созидатель стоимости, из внимания организатора ускользает и скрывается за капиталом. У нас нео-народническая школа, увековечивая натуральный строй хозяйства, критерием организации считает максимальное удовлетворение потребностей хозяйствующей семьи.

В эпоху диктатуры пролетариата критерии имеют совершенно другое содержание. На них необходимо остановиться подробнее.

Переходный период от капитализма к социализму предполагает наличие различных социально-экономических форм сельскохозяйственных предприятий, работающих внутри различных производственных типов. Задача переходного периода заключается в том, чтобы все эти формы переделать в крупные социалистические предприятия. Сразу перейти к этим законченным формам нельзя. Необходимо иметь ряд посредствующих ступеней, которые бы являли собой различные ступени обобществления. В задачу науки организации сельского хозяйства в наш период и входит как-раз разработка определенных типов организации земли, средств производства и рабочих сил как в разрезе различных природных и экономических условий, так и в разрезе различной степени обобществления. Конкретно говоря, она должна дать организационные планы совхозов, колхозов всех степеней обобществления и, наконец, индивидуальных крестьянских хозяйств, поскольку они еще некоторый период будут играть большую роль в экономике сельского хозяйства.

Для каждой перечисленной формы исходным моментом должен быть соответствующий критерий организации.

Организатор крупного государственного сельскохозяйственного предприятия должен так сочетать средства производства, землю и рабочую силу, чтобы это предприятие, во-первых, дало государству максимум необходимого продукта при минимальных затратах как накопленного, так и живого труда; во-вторых, служило бы доказательством преимущества крупного сельскохозяйственного предприятия для окружающих крестьянских хозяйств; в-третьих, служило бы рассадником научных приемов ведения сельского хозяйства и помогало бы индивидуальному крестьянству подойти к обобществлению (тракторная вспашка, предприятия по переработке и т. д.); наконец, в-четвертых, на основе результатов хозяйствования, дало бы возможность максимального повышения материального и культурного уровня сельскохозяйственного пролетариата. Такие критерии организации совершенно противоположны капиталистическим, что и делает эту проблему новой, а следовательно, и требующей громаднейших усилий со стороны организаторов сельского хозяйства.

В организации коллективного хозяйства все перечисленные критерии совхоза остаются в силе. К ним прибавляется ряд специфических моментов, без которых немыслимо создать жизнеспособный колхоз. Если в совхозе вопросы распределения и потребления продукта решаются сравнительно легко, то в колхозе они играют очень большую роль. Кроме того, организатор колхоза должен так построить хозяйство, чтобы увязать его с элементами индивидуального хозяйства членов, которые в той или иной мере остаются. Поэтому, организация средств производства и организация труда здесь стоят, как проблемы очень сложные, требующие для своего решения большого знания принципов организации как крупного обобществленного хозяйства, так и мелкого индивидуального крестьянского хозяйства. Точно также здесь, как нигде, большую роль играют вопросы организации быта членов колхоза.

Игнорировать все перечисленные проблемы, которые стоят сейчас буквально перед каждым деревенским работником и которые систематически игнорируются многими современными учеными, это значит итти против требований жизни и оставаться на старой платформе организации, а следовательно, и увековечения мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

Последнее в нашей экономике, правда, играет еще весьма крупную роль. Крестьянским хозяйством мы должны заняться серьезно и заняться не так, как это делали мелкобуржуазные ученые. Что значит вообще помогать крестьянскому хозяйству? Это значит, создавать базу для развития капитализма в деревне. Под'ем сельского хозяйства бедняцко-середняцких масс деревни должен происходить через улучшение его техники на основе кооперирования и создания предпосылок его обобществления и, следовательно, полного уничтожения эксплоатации. Этот принцип должен быть положен в основу организации и индивидуального крестьянского хозяйства. Совершенно понятно, что интересы мелкого товаропроизводителя должны сочетаться с этим принципом. Кооперативный план В. И. Ленина должен быть основным руководством организатора сельского хозяйства.

Такова более развернутая формулировка задачи науки организации сельского хозяйства в условиях переходного периода.

В связи с изложенными положениями может возникнуть вопрос: не адекватны ли все перечисленные критерии организации сельскохозяйственных предприятий различных социально-экономических форм хозяйства, если иметь в виду лишь одну сторону его — производительность труда. Или, другими словами, не означают ли все критерии обязательное стремление организатора к наивысшей производительности труда? Постановка этого вопроса закономерна потому, что еще до сего времени среди буржуазных ученых суще-

ствует мнение, что цели капиталистического и социалистического предприятия, в конечном счете, одинаковы — это максимальное повышение производительности труда. Эти цели, по их мнению, облекаются в разные формы, что и отличает одну систему от другой. Такое положение основного вопроса науки организации сельскохозяйственных предприятий является, к сожалению, широко распространенным не только среди академических ученых, но является весьма распространенным среди подавляющего большинства практических работников-агрономов, которые оправдывают свою солидарность с современной линией сельскохозяйственной политики только потому, что она идет навстречу, будто бы, вековому стремлению людей к высшей ступени производительности. Ясно, что подобная солидарность должна быть нами использована, несмотря на то, что в основе ее лежит величайшая путаница и просто социологическая и экономическая безграмотность. На самом деле, перечисленные нами критерии организации сельскохозяйственного предприятия, кроме того, что они имеют классовые отличия, они также находятся в различном отношении к так называемому прогрессу, выраженному в беспрерывном росте производительности человеческого труда.

Производительность труда, как известно, представляет собою отношение количества полученного продукта к количеству затраченного рабочего времени. В различных хозяйственных системах критерий организации сельскохозяйственных предприятий может совпадать и может не совпадать, с увеличением этого отношения.

Натуральное хозяйство при неизменной производительности труда и даже при ее понижении, путем увеличения затрат труда, может повышать абсолютное количество производимых продуктов, необходимых для удовлетворения его потребностей; этим самым цель хозяйства будет достигаться.

В условиях простого товарного хозяйства повышение оплаты труда также может получаться как при стабильности, так и при падении производительности труда. Примером этого может служить дореволюционная Россия, во многих районах которой происходила деградация сельского хозяйства или его застой. Максимально увеличивая абсолютное количество трудовых затрат, крестьянство получало прожиточный минимум, что и служило критерием его пресловутой организации.

В капиталистическом хозяйстве, как уже доказано Марксом, увеличение прибавочной стоимости может не совпадать с ростом производительности труда. Прибавочная стоимость может расти как при повышении, стабилизации, так и при понижении производительности труда. Последнее возможно благодаря увеличению рабочего дня (Капитал, т .I, отд. 3). Сказанное относится и к прибыли на капитал (Капитал, т. III—1, гл. 3).

Следовательно, изложенные нами критерии организации сельскохозяйственных предприятий, не говоря о совершенно различном

их социально-экономическом содержании, теоретически имеют совершенно различное отношение к процессу роста производительности труда. Лишь критерии организации социалистических сельскохозяйственных предприятий целиком совпадают с ростом производительных сил общества и ростом производительности человеческого труда.

Сказанное, однако, не означает, что в условиях до-социалистических форм производительность труда обязательно должна падать и падает. Мы утверждаем лишь полную возможность такого падения, как одного из возможных случаев при осуществлении критериев организации, что подтверждается и историческими данными.

II

Изложенные нами основные методологические положения науки организации сельского хозяйства, как уже это было отмечено, относятся к организации отдельных сельскохозяйственных предприятий. Буржуазная наука в сельском хозяйстве ограничилась именно такой постановкой вопроса. Немецкие и американские руководства по организации сельского хозяйства ставят своей задачей научить капиталиста, фермера и крестьянина так организовать свои предприятия, чтобы они были рентабельными. Обыкновенно этим руководством предпосылаются обширные введения, где подвергаются исследованию общие условия сельскохозяйственного производства. Эти введения. как правило, выливаются в форму учений о факторах сельского хозяйства, что по сути дела с организацией сельскохозяйственных предприятий в условиях капитализма имеет весьма слабую связь по существу предмета и еще слабее по методологии изучения. Круг вопросов, которые сюда включаются буржуазными экономистами, с нашей точки зрения, составляет одно из конкретных приложений политической экономики к сфере сельскохозяйственного производства, обыкновенно называемое сельскохозяйственной экономией. В условиях буржуазного способа производства, исключая технику сельского хозяйства, этими науками (организация сельскохозяйственных предприятий и сельскохозяйственная экономия), в основном, охватывается вся совокупность явлений связанных с изучением сельского хозяйства. Таким образом, если бы мы поставили своей задачей изучение вопросов методологии организации сельского хозяйства только в указанном смысле, то на этом наше изложение можно было бы считать законченным.

Однако, в условиях переходного периода, когда пролетариат через свое государство ставит задачу организации всего народного хозяйства страны в целом на новых основах, встают и требуют разрешения многие методологические вопросы, которые доселе в буржуазных странах не могли ставиться. Пролетарское государство не только создает благоприятные условия для развития желательных ему форм сельскохозяйственного производства, как это делает

капиталистическое государство; наше государство активно вмешивается в процессы в сфере сельского хозяйства; через мероприятия экономической политики оно организованно воздействует на его различные социально-экономические формы. Наконец, пролетарское государство выступает в качестве непосредственного организатора сельскохозяйственных предприятий (соцсектор), при чем роль и значение этой организаторской работы с каждым годом возрастает. Ничего подобного в капиталистических государствах нет.

Когда мы говорили об организации хозяйства, мы всегда имели в виду процесс сознательного человеческого действия. В капиталистических условиях этот процесс возможен только в рамках сельскохозяйственного предприятия или комбината предприятий, которые представляют собою самую крупную производственную единицу, отдельные элементы которой подвергаются сознательному регулированию (организация отраслей, техническое разделение труда и т. д.). Выходя за рамки предприятия в сферу всей отрасли народного хозяйства, мы сталкиваемся с процессом общественного разделения труда, процессом, который в капиталистических условиях совершается стихийно. Сознательное регулирование этого процесса со стороны капиталистического государства чрезвычайно ограничено. Подобной задачи, собственно, оно не ставит; его роль заключается в том, чтобы законодательным путем расчищать дорогу для этого стихийного процесса, организующая же роль государства в самом процессе производства совершенно незначительна, так как принцип частной собственности, для охраны которого призван весь государственный аппарат, означает полное невмешательство в дела отдельных капиталистов.

Таким образом, когда говорится об организации сельского хозяйства в капиталистическом обществе, речь может итти только об организации отдельных производственных единиц, являющихся в стихийном процессе общественного разделения труда формально самостоятельными. Только в рамках этих единиц (предприятий или комбинатов предприятий) человек может проявить свою организующую роль. За воротами предприятия действуют стихийные законы рынка, с которыми организатор хозяйства должен считаться также как с неумолимым законом природы. Изменить их он не может.

Таким образом, схема явлений, связанных с понятием сельскохозяйственного производства в период капитализма, такова: техника—организация—экономика. В виду ясности она не требует никаких комментариев. И техник и организатор, и экономист имеет совершенно строго очерченный круг проблем, которые подвергаются их изучению.

Гораздо сложнее дело обстоит в переходный период. Его особенность заключается в том, что эти строгие очертания стираются и категории явлений получают, с первого взгляда, менее выраженный характер. Для того чтобы понять их сущность и форму, обратимся к характеристике менее сложной структуры социалистического общества.

С уничтожением капиталистических и докапиталистических форм хозяйства, стихийные законы перестают существовать. Вместе с ними ликвидируется общественное разделение труда, как стихийный процесс. Сознательное регулирование производства (пока не касаемся распределения) выходит за рамки отдельного предприятия и захватывает все народное хозяйство, которое, таким образом, представляет один громаднейший комбинат, сознательно управляемый. Отдельные производственные единицы и целые отрасли представляют собою отдельные ячейки, цехи громадного поизводственного аппарата, общества. С исчезнованием классов, исчезает совокупность экономических явлений, изучаемая в условиях капитализма политической экономией и сельскохозяйственной экономией. Вместе с тем исчезает и политика в ее современном понимании, в том числе экономическая политика, вообще, и аграрная политика, в частности. Регулирование отношений общества с природой, с одной стороны (техника) и сознательное распределение и сочетание всех элементов производительных сил (в том числе и рабочей силы) в целях максимального удовлетворения общественных потребностей при максимальной производительности общественного труда (организация хозяйства), с другой стороны, остаются главнейшими задачами общества. Наука должна разрешить эти проблемы.[1]

В переходный период весь круг обозреваемых явлений встает перед нами в чрезвычайно сложном виде. Поскольку существуют различные социально-экономические формы хозяйства, поскольку существуют товарные отношения и имеется база для развития и капитализма и социализма, постольку характер общественного разделения труда противоречив. На ряду с сознательным распределением производительных сил в обществе, имеют место и стихийные процессы. Совокупность явлений, обозначаемых понятием экономики, остается. При наличии и классов и государства остается и экономическая политика, в том числе и аграрная политика.

---

[1] „По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства — определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было“ (Маркс капитал т. III-2, гл. 49).

Энгельс по этому вопросу заявил: „вместо управления личностями организуется управление вещами и процессом производства“. (Анти-Дюринг, изд. 1918 г., стр. 250).

Н. И. Бухарин в 1920 году писал: „Вещественно-натуральная точка зрения получает решающее значение, а вместе с ней приобретает и исключительную важность деления общественного производства на разного рода сферы „конкретного труда и, в первую голову, на индустрию и сельское хозяйство“. („Экономика переходного периода“, стр. 73).

Но вместе с тем все большую и большую роль играет социалистический сектор и сознательное регулирование как отношений между человеком и природой, так и отношений между людьми. Прилагая к переходному периоду нашу схему, мы получаем:

1. Техника, как выражение отношений между человеком и природой, остается.

2. Экономика, как совокупность явлений, отражающих производственные отношения между людьми, остается. В задачу науки экономики переходного периода входит изучение форм проявления законов политической экономии в новых условиях и их окончательного исчезновения.

3. Организация сельскохозяйственных предприятий в том разрезе, как это имело место при капитализме (т.-е. как приспособление техники к экономическим условиям) остается в той мере, в какой в народном хозяйстве имеет место стихийность. Вместе с тем, в организацию предприятий вносится новый принцип, принцип прямого народнохозяйственного задания.

4. Параллельно росту социалистического сектора и сокращению капиталистических отношений растет организующая роль государства, которое выступает в качестве сознательного регулятора в распределении производительных сил общества и непосредственным организатором производства, чего не было в капиталистических условиях.

5. Экономическая политика вообще, и в частности, аграрная политика остается, поскольку остаются классы. Но характер их, по сравнению с ролью их в капиталистических условиях, кардинально изменяется. Аграрная политика не только создает условия для развития новых форм хозяйства, что выполняла капиталистическая аграрная политика, но вместе с тем она сама является методом организации общественного сельскохозяйственного производства в целом, методом его сознательного регулирования, чего, как правило, нет в капиталистических условиях. Все сказанные положения, как будто, уже известны и не требуют дальнейшего углубления. Несмотря на это, еще до сего времени в „отечественной“ буржуазной и мелкобуржуазной литературе смешиваются категории экономические и организационно-технические. Они искусственно разрываются там, где речь идет о методах сознательного регулирования народнохозяйственных процессов.

Например, проф. Челинцев, один из виднейших нео-народников, говоря о задачах организации сельского хозяйства, заявляет: „Задача организации сельского хозяйства состоит в рационализации организационно-технического строя сельского хозяйства, его экономической среды и взаимодействия их обоих мерами сельскохозяйственной экономической политики в интересах повышения производительности сельского хозяйства и развития производительных сил“.[1]

[1] Журнал „Пути сельского хозяйства“, кн. 8, 1928 г., стр. 13.

В этой формулировке наиболее отчетливо проявляется игнорирование основной задачи организации сельского хозяйства в широком смысле, — изменения социально-экономических отношений. Здесь совершенно упускается из виду, что производительные силы могут развиваться также и вместе с ростом капиталистических отношений. Диктатура пролетариата этого допустить не может. Производительные силы должны развиваться в рамках новых общественно-экономических форм, более высоких, чем капиталистическая и, тем более, мелко-товарная форма. Этого у проф. Челинцева нет.

Действительно, в хозяйственной деятельности пролетарского государства имеются элементы двоякового рода: с одной стороны, элементы непосредственной организации хозяйства, которую можно трактовать, как регулирование отношений между человеком и природой. С другой стороны, эта деятельность переплетается с регулированием отношений между людьми. И то и другое находит свое выражение в планировании народного и сельского хозяйства, осуществляемом посредством, главным образом, экономической политики. Методологически невооруженному глазу трудно разглядеть оба эти элемента тем более, что в конкретной жизни они выступают в единстве. Ошибка проф. Челинцева и всех тех, кто стоит на подобной ему точке зрения заключается в том, что они нашли первый элемент, ухватились за него, сочли его за целое и с соответствующим подходом начали его обобщать и считать единственным элементом народнохозяйственного регулирования.

Приведенная нами выше схема характеристики хозяйственных систем различных общественных формаций, с точки зрения наличия в них разнородных совокупностей явлений, показывает, что их смешение, особенно применительно к переходному периоду, чрезвычайно вредно и не дает возможности двинуться в путь дальнейшего анализа в верном направлении.

Соответственно изложенному, необходимо подвергнуть критике ту терминологию, которая в литературе, как будто, принимается. Можно ли называть ту совокупность мер, которую государство применяет в целях регулирования процессов в сфере сельского хозяйства, его организацией? Не дает ли повода сам термин смешивать понятия организации отношений между человеком и природой и отношений между людьми? Несомненность наличия в государственных мероприятиях элементов организации сельского хозяйства установлена (Зернотрест, Сельсиндикат, Сахаротрест и т. п.). Но не лучше ли всю совокупность активных действий государства по отношению к сельскому хозяйству, непрерывно связанных между собою, на данном этапе развития не называть организацией хозяйства. Тем более, что этот термин, в применении к сельскохозяйственной отрасли, дает повод к смешению различных категорий и явлений сюда включающихся. Дело в конечном счете заключается не в терминологии, но все же гораздо яснее и понятнее, в данном случае говорить

о науке планирования сельского хозяйства, включая сюда и элементы непосредственной организации производства и регулирования социально-экономических отношений.

Тогда нам станет совершенно понятно различие между организацией индивидуального сельскохозяйственного предприятия и организацией сельского хозяйства страны в целом. Первая, в части критериев организации, будет целиком зависеть от социально-экономической формы предприятия. По отношению к организации сельскохозяйственных предприятий социалистического типа теория планирования является директивной непосредственно, по отношению к предприятиям других форм, связанных с рынком, планирование использует для воздействия на них весь рыночный аппарат и экономико-политические мероприятия.

Следующий вопрос, который требует освещения, заключается в том, чтобы в теории сельскохозяйственного планирования точно выяснить взаимоотношение тех двух элементов, о которых только что шла речь. Каким образом в планировании сельского хозяйства отражаются цели, которые ставит себе диктатура пролетариата и как эти цели конкретизируются в тех или иных мероприятиях?

Диктатура пролетариата ставит двуединую задачу: во-первых, максимально повысить производительность труда, и во-вторых, полностью уничтожить эксплоатацию. Другими словами, пролетариат ставит своей задачей сознательное регулирование отношений между человеком и природой и отношений между людьми, возникающих в процессе производства.

Эту двоединую формулу никогда не нужно забывать, когда речь идет о социалистическом строительстве. В противном случае мы будем иметь абсолютную неясность и сознательное или бессознательное скатывание на буржуазную точку зрения. В самом деле, ведь развитие производительных сил и повышение производительности труда с успехом осуществляются и в рамках капиталистического строя, следовательно, суть дела у нас заключается не в этом или не только в этом, а в том, чтобы этот процесс роста производительных сил рождал новые социально-экономические отношения, чтобы результатом роста производительных сил пользовалась не кучка капиталистов, а все человеческое общество в целом.

Многие буржуазномыслящие ученые, как например, П. П. Маслов, всюду проповедующие необходимость повышения производительности труда, обвиняют диктатуру пролетариата в излишней заботливости и настойчивости в вопросе социально-экономических отношений якобы в ущерб развитию производительных сил. Они забывают, что подобный процесс возможен в рамках совершенно противоположных хозяйственных и политических систем. Совершенно забывается, что в условиях капиталистического общества бывают моменты, когда необходимость развития капиталистических отношений заставляет

нарушать элементарные принципы развития производительных сил, когда производительные силы разрушаются (мировая война) ради того, чтобы затем углубить развитие капиталистических отношений. Наконец, капиталисты в борьбе с пролетариатом, т.-е. в борьбе за свое господство, не гнушаются подвергнуть разрушению хозяйства целых стран (гражданская война в России). И наоборот, развитию производительных сил, как средству максимальной наживы, также приносятся в жертву целые страны, избиваются целые народы только лишь для того, чтобы выполнить священную миссию носителей „цивилизации".

Таким образом, разговоры о том, что пролетарское государство иногда жертвует производительными силами в интересах развития социалистических отношений, есть сущие пустяки, абсолютно не учитывающие двойственного существа народнохозяйственной эволюции.

В приложении к сфере сельскохозяйственного производства указанные выше, положения остаются в полной силе. Организуя сельское хозяйство, как отрасль, как неотъемлемую часть народного хозяйства, пролетарское государство, так же как и в других отраслях, ставит своей задачей максимальное развитие производительных сил и создание новых производственных отношений. Даже больше. В сельском хозяйстве, где больше остатков докапиталистических (мелкое крестьянское хозяйство) и капиталистических (кулацкое хозяйство) отношений, где благоприятнее всего почва для развития эксплоатации в разных формах, проблема производственных отношений особенно важна.

В каждом вопросе, касающемся сельского хозяйства, насколько бы он ни был частным и мелким, ни в какой мере нельзя забывать ту классовую обстановку, которая там имеется и изменение которой совершенно необходимо в интересах строительства социализма.

Все современные буржуазные ученые, работающие в СССР (Кондратьев, Чаянов, Студенский и друг.), систематически не хотят признать этого положения. А. Н. Челинцев, несмотря на целый ряд его признаний ошибочности своих прежних взглядов — говоря о развитии производительных сил, также забывает о классах в деревне.

Между тем, основная задача планирования сельского хозяйства заключается в том, чтобы через развитие производительных сил максимально повысить производительность общественного труда и перестроить социально-экономические отношения (классы) в этой сфере производства. Под углом зрения этого генерального положения мы и будем рассматривать все частные проблемы.

III

Каждый организатор, в каком бы масштабе не велась его работа, будь это отдельное предприятие, целый район — или все хозяйство страны, прежде чем приступить к его организации (или

реорганизации) должен иметь совершенно точное знание того, что есть в данный момент, того, что должно быть, какова цель организации, более или менее законченный проект будущего, и наконец, ту систему методов, при помощи которой сущее будет превращено в должное. Соответственно трем этим звеньям, теория планирования сельского хозяйства должна включить в себя три основные части:

1) состояние сельского хозяйства в настоящем,

2) основные черты сельского хозяйства будущего, на основе общих директив по социалистическому строительству,

3) учение о методах организации и реорганизации или методах планирования сельского хозяйства.

1. Состояние сельского хозяйства. Не ставя своей задачей конкретизировать проблему по существу, мы считаем необходимым наметить те основные разрезы, которыми мы должны пользоваться при изучении сельского хозяйства настоящего.

Поскольку сельское хозяйство представляет собою часть народного хозяйства, оно связано и подчинено тем закономерностям, которые имеют место в народном хозяйстве страны. Подобно тому, как сельскохозяйственная экономия капитализма является основой, на которой строится организация капиталистического хозяйства, планирование сельского хозяйства должно использовать теорию, которая устанавливается как экономией переходного периода, вообще, так и экономией сельского хозяйства, в частности. Здесь необходимо отметить две основные точки зрения, с которых должно быть изучено сельское хозяйство. Во-первых, точка зрения общественного разделения труда, а во-вторых, точки зрения социально-экономических форм сельского хозяйства.

Общественное разделение труда в сельском хозяйстве выступает в виде различных производственных[1] типов сельского хозяйства, выполняющих общественную роль путем производства для общества (рынка) различных продуктов в их конкретной форме (потребительные стоимости). Изучение этих типов и распределение их в пространстве составляют одну из главных задач сельскохозяйственной

[1] При всех определениях производственного типа сельского хозяйства мы исходим из роли данного предприятия или из группы предприятий в системе общественного производства в отличие от других предприятий и групп. Соответственно этому, производственным типом сельского хозяйства мы называем совокупность сельскохозяйственных предприятий, специализированных в области производства для общества определенного рода продукции (молочной, зерновой и т. д.).

Организационно-производственным типом или системой хозяйства мы называем определенный способ сочетания отраслей сельскохозяйственных средств производства и рабочих сил производства этого специального продукта.

Производственным аппаратом общества мы называем всю сумму действующих производительных сил общества в определенном сочетании их отдельных элементов и определенном их пространственном размещении.

экономии переходного периода. В результате, мы должны иметь полное представление о том производственном аппарате, который имеется у общества в сфере сельскохозяйственного производства и внешних условий, в которых этот аппарат пребывает и под действием которых он подвергается изменению.

Изучение социально-экономических форм сельского хозяйства должно дать точную картину распределения общественного богатства и формы экономических отношений между классами в сельском хозяйстве и роль их в процессе общественного производства. В условиях СССР социально-экономические формы сельского хозяйства сводятся к следующим:

1. Самостоятельное полунатуральное или товарное крестьянское хозяйство;	(крестьянский сектор)
2. Эксплоатируемые хозяйства (полупролетарии, беднота);	(полупролетарский сектор)
3. Эксплоататорские хозяйства (кулаки);	(капиталистический сектор)
4. Самостоятельные полуобобществленные хозяйства (колхозы элементарного типа);	(переходный тип)
5. Коллективные хозяйства;	(социалистический сектор)
6. Государственные хозяйства (совхозы);	

Для того, чтобы уловить все многообразие социально-экономических отношений, изучение социально экономических форм сельского хозяйства приводится в районном разрезе, внутри определенного производственного типа сельского хозяйства.

2. Целевая установка. Общая целевая установка планирования сельского хозяйства выше была уже формулирована. Но общность формулировки для наших целей совершенно недостаточна. Необходимо ее конкретизировать как во времени, так и в пространстве. Эта конкретизация в данной момент, по нашему мнению, должна итти опять же по двум линиям: по линии общественного разделения труда и по линии социально-экономических форм. В первом случае, необходимо с большей или меньшей точностью установить производственное назначение каждого района, с точки зрения общественной целесообразности, с полным учетом изменений условий, которые будут иметь место в связи с индустриализацией страны. Должно быть совершенно ясным какие районы, по крайней мере в течение ближайших 10—15 лет, должны производить для общества зерно, молочные продукты, сырье для промышленности и т. п. Другими словами, прежде чем сознательно влиять на сельское хозяйство, нужно знать в каком направлении это влияние должно действовать. Надо уже сейчас создать и обосновать систему рационализированного штандорта, сельского хозяйства. При его создании необходимо точно учесть те изменения, которые вносятся в народное хозяйство политикой индустриализации

(Днепрострой, Турксиб, заводы и т. п.). В результате, мы будем иметь намеченными районы с более или менее подробной характеристикой желательного направления их сельскохозяйственного производства. Такая наметка будет представлять собой более конкретизированную целевую установку плана.[1]

Вторая сторона конкретизации лежит в плоскости социально-экономических форм сельского хозяйства. Перечисленные выше формы, существующие в действительности и играющие определенную роль в процессе производства, должны претерпеть эволюцию в сторону все большего удельного веса высших, т.-е. социалистических форм. Конечная цель именно сводится к тому, чтобы все социально-экономические формы хозяйства перестроить в социалистическую форму, исключающую всякие отношения эксплоатации.

Ставя вопрос в плоскости времени и пространства, мы должны разрешить вопрос о желательном темпе переустройства в различных районах (производственных типах) страны. Эта задача чрезвычайно трудна и едва ли точно разрешима, так как, на ряду с факторами сознательного регулирования, здесь большую роль играют как стихийные факторы экономического порядка, так и различного рода суб'ективные факторы культурно-бытового порядка.

Однако, приблизительная наметка на фоне общего темпа развития, с учетом роста индустриализации и технической базы обобществления, возможна и необходима. Этими двумя положениями, конкретизирующими общую целевую установку организации сельского хозяйства, мы ограничиваемся, считая, что постановкой вопроса дается основной исходный пункт для дальнейшей конкретизации, что составляет задачу положительной части науки.[2]

3. Методы планирования. Мы подошли к центральной проблеме теории планирования сельского хозяйства — методам планирования, при помощи которых изменяется существующее положение сельского хозяйства в указанном в целевой установке направлении.

Прежде всего, необходимо отдать себе полный отчет о существе этих методов и отличить их от методов организации индивидуального сельскохозяйственного предприятия. Последнее считается с двумя группами условий: экономическими и природными условиями. Организатор так сочетает все элементы производства, чтобы в максимальной степени выполнить цель предприятия (прибыль или какой-либо другой критерий). Природные и экономические условия им принимаются как данные, с которыми он должен считаться и воздействие на которые совершенно ограничено. Методом организации

[1] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР" т. III. Районный разрез плана. Москва. 1929 г. Изд. Госплан СССР.

[2] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР" т. III. Районный разрез плана.

здесь являются калькуляционные расчеты, которые выражаются в организационном плане предприятия. Организатором принимается тот вариант оргплана, который является максимально выгодным.

Организатор сельского хозяйства, как отрасли народного хозяйства[1] имея другие задачи, пользуется совершенно иными методами. В качестве данного, здесь берутся природные условия в их географическом размещении. Экономические условия, в конечном счете, конкретно выражающиеся в условиях обмена (рынок, цены и т. п.), сознательно изменяются с тем, чтобы воздействовать на характер организации отдельных сельскохозяйственных предприятий (в производственном и социально-экономическом смысле) в таком направлении, которое соответствовало бы поставленной цели.

Изменение экономических условий, в данном случае, является одним из главнейших методов планирования сельскохозяйственного производства в стране. В отличие от организатора сельскохозяйственного предприятия, организатор сельского хозяйства, как отрасли, должен воспользоваться этим методом для того, чтобы, во-первых, изменить производственный аппарат сельского хозяйства страны для достижения максимальной производительности общественного труда, и, во-вторых, изменить социально-экономические отношения, возникающие в процессе сельскохозяйственного производства. Следовательно как по задачам, так и по существу методы планирования сельского хозяйства отличаются от методов организации сельскохозяйственных предприятий.

Переходим к классификации и более подробной характеристике методов. Соответственно поставленным задачам, методы планирования, выражающиеся конкретно в аграрно-экономических и аграрно-политических мероприятиях, могут быть:

1) общими, т.-е. одинаково действующими на все социально-экономические формы и производственные типы сельского хозяйства,

2) специальными — действующими различно как на отдельные социально-экономические формы хозяйства, так и на отдельные производственные типы.

По своему способу проведения мероприятия могут быть: а) прямыми, т.-е. непосредственно действующими на соответствующий об'ект и б) косвенными, действующими через посредство других факторов.

По своему результату действия мероприятия могут быть: а) исключительно производственные, т.-е. не влияющие прямо на социально-экономические отношения, б) смешанные и в) исключительно социальные, т.-е. влияющие прямо на социально-классовые отношения и косвенно на производство.

[1] Под организатором сельского хозяйства как отрасли, мы всегда имеем в виду пролетарское государство.

Наконец, все мероприятия могут быть классифицированы по признаку их отношения к отдельным отраслям сельскохозяйственного производства, обмена и распределения, как-то: а) мероприятия в области земельных отношений и землепользования, б) в области организации производства, в) в области обращения, г) в области распределения и т. п.

Классификацию можно было бы еще продолжить по другим признакам, но этого достаточно для того, чтобы понять их сущность.

Переходим к более подробной характеристике каждой из перечисленных групп мероприятий.

1. Общие мероприятия. Под общими мероприятиями необходимо понимать такие мероприятия, которые оказывают одинаковое влияние на все социально-экономические формы и производственные типы сельского хозяйства. Сюда необходимо отнести, прежде всего, такие мероприятия, как индустриализация страны, в виде строительства промышленных предприятий, железных дорог и т. п. Точно так же, сюда должна быть отнесена политика цен в той ее части, когда значение ее бывает одинаковым для всех районов (например, цены на машины и орудия, продукты личного потребления и т. п.), льготы по налогу при переходе к улучшенным методам ведения хозяйства и т. п.

2. Мероприятия специальные или диференцированные оказывают различное влияние на различные социально-экономические группы и производственные типы. Примером таких мероприятий является налоговая политика. С точки зрения классовых отношений она глубоко диференцирована по отношению к различным слоям деревни (освобождение бедноты, нажим на капиталистическую группу). Она также диференцирована и с точки зрения производственных типов сельского хозяйства. Так, например, нормы обложения скота, посевов и т. п. могут быть разные в зависимости от значения тех или иных отраслей сельского хозяйства. В случае необходимости форсированного роста, например, зернового хозяйства, как это мы имеем в настоящее время, нормы обложения могут быть понижены, а новая посевная площадь освобождается от обложения. То же самое можно сказать и о других отраслях (например, льноводство, молочное хозяйство и т. д.).

Другим примером диференцированных мероприятий может служить политика цен на сельскохозяйственные продукты. В целях форсирования этой или иной отрасли сельского хозяйства цены на продукты этой отрасли в районе, где необходимо ее развитие, устанавливаются повышенные, по сравнению с другими районами. Подобные мероприятия должны и могут быть проводимы как в старых, так и в новых районах распространения данной, предположенной к росту отрасли. Третьим примером мероприятий данной категории могут служить мероприятия агро-технические и организационно-хозяйственные в той их части, кои проводятся диференцированным

способом. Например, землеустройство, которое в первую очередь проводится в социалистическом секторе и в хозяйствах смешанного типа.

Дальнейшее перечисление мероприятий не является необходимым, так как из сказанного ясна сущность подразделения мероприятий по этому признаку.

Вторая классификация мероприятий проводится нами по признаку способа осуществления.

1. Прямые мероприятия оказывают влияние на социально-экономические формы и производственные типы непосредственно. Примером может служить указанная уже налоговая политика, которая непосредственно влияет на процесс накопления. Сюда же могут быть отнесены и агрикультурные мероприятия, сельскохозяйственный кредит и т. д. Наконец, сюда же относятся все мероприятия государственных и общественных организаций по непосредственному формированию крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий. Эти мероприятия прямо и непосредственно увеличивают роль социалистического сектора в сельском хозяйстве страны.

2. Косвенные мероприятия оказывают влияние через посредство каких-либо иных факторов. Например, политика цен на продукты сельского хозяйства, которая оказывает влияние через рынок и действует на те хозяйства, которые имеют дело с рынком. В общем, разграничение мероприятий по признаку способа действия чрезвычайно условно и относительно, но методологическое значение такое разграничение, конечно, имеет.

Наконец, необходимо привести классификацию мероприятий по признаку их отношения к сферам производства, обмена и распределения. Эта классификация должна быть основным арсеналом, из которого подбираются совокупности мероприятий.

1. В области землеобеспечения и земельных отношений: национализация земли, аренда земли, переселение, землеустройство.

2. В области организации производства: снабжение сельскохозяйственными машинами и орудиями, семенами, удобрениями, агрикультурная помощь, непосредственная организация социалистических предприятий, агро-законодательство, производственная кооперация, контрактация.

3. В области обращения. Цены на сельскохозяйственные товары, цены на средства производства и потребления, кредит, кооперация по сбыту, закупке, контрактация.

4. В области распределения. Сельскохозяйственный налог, страхование, самообложение.

Ни одна из классификаций не является исчерпывающей и может быть дополнена. Других классификаций мы разбирать не будем, так как они еще более условны, чем предыдущие и методологического значения иметь не могут. Все классификации преследуют единственную цель: показать возможное направление мероприятий.

Ни одно из перечисленных мероприятий не является абсолютно устанавливаемым на весь период социалистического переустройства. В каждый данный момент значение каждого из них различно и постоянно изменяется во времени вместе с изменением общей экономической и политической ситуации в стране.

IV

Следующая задача теории планирования сельского хозяйства заключается в том, чтобы разрешить вопрос об основных путях и формах применения перечисленных методов. Прежде всего возникает вопрос об эффективности их применения. Соответственно двояким задачам организации сельского хозяйства, понятие эффективности мероприятий должно обязательно включать в себя два момента: во-первых, эффективность производственная и, во-вторых, эффективность социально-экономическая. Несмотря на их органическую связанность, вкладывание в понятие эффективности указанного двоякого смысла совершенно необходимо. Уже выше указывалось, что буржуазно-мыслящие ученые, считая ненужным вмешательство государства в социально-экономические отношения деревни, выдвигают единственную задачу повышения производительности труда; следовательно, эффективными мероприятиями они считают такие, которые содействуют выполнению этой задачи. С этим нельзя согласиться потому, что повышение производительности труда возможно вместе с ростом капиталистических отношений, что не имеет ничего общего с основными задачами диктатуры пролетариата. Значит, эффективными мероприятиями должны считаться такие мероприятия, которые будучи взяты в отдельности или, чаще всего в совокупности дают максимальный производственный и социально-экономический эффект.

Теория планирования сельского хозяйства должна дать перечень наиболее эффективных совокупностей мероприятий и их обоснование для практического осуществления в каждом мыслимом и реальном производственном районе сельского хозяйства в разрезе различных социально-экономических форм.

Для выяснения необходимости такого подхода к планированию сельского хозяйства возьмем какой-нибудь конкретный район, например, Белоруссию. Изучение этого района показывает, что он является: 1) перенаселенным, 2) мало товарным, 3) имеющим тенденцию интенсификации сельского хозяйства, 4) имеющим значительные площади неудобных земель, 5) с точки зрения природных условий имеющим большие возможности для интенсивных культур и т. п. Устанавливая производственное назначение каждого района в системе рационализированного штандорта сельского хозяйства всей страны, организатор сельского хозяйства приходит к выводу, что с общественной точки зрения максимально производительным явится молочно-картофеле-льноводное направление Белорусского сельского

хозяйства. Соответственно такому общегосударственному заданию, находящемуся в полной согласованности с перспективами развития всего народного хозяйства, подбираются — необходимые методы изменения существующего положения сельского хозяйства в направлении поставленной цели.

Из первой категории мероприятий, по нашей последней классификации, наиболее эффективными здесь будут переселение из особо перенаселенных районов и мелиорация неудобных земель.

Кредит должен быть направлен прежде всего в эту сторону. Стимулом для расширения удобных для сельского хозяйства пространств явится также освобождение мелиорируемых земель от обложения сельскохозяйственным налогом в течение ряда лет.

Из второй категории особую роль здесь будут играть вопросы форсированного развития интенсивных культур — льна и картофеля, а также увеличение кормовой базы и улучшение продуктивного скота. Политика цен должна учесть это обстоятельство и установить на эти продукты такие цены, которые делали бы их производство более выгодным, чем производство других продуктов

Общественная агрономия должна направить свое внимание в том же направлении.

Государство и кооперация должны обеспечить переработку и сбыт предназначенных для производства продуктов. Маслодельные, крахмально-паточные заводы, предприятия по первичной обработке льна должны быть построены и приспособлены к переработке готовой продукции. Соответственно этому необходимо применять и другие мероприятия. Из сказанного уже обнаруживается совокупность мероприятий, связанных между собой единством цели, свойственных именно данному району и именно в данный момент.

Социальное направление мероприятий должно проявляться при практическом проведении каждого отдельного мероприятия. Организация предприятий социалистического типа должна проводиться также в соответствии с преподанными заданиями. Темп роста социалистического сектора сельского хозяйства должен определяться максимальным использованием всех возможностей для этого в условиях района; в других областях, с другим направлением сельскохозяйственного производства, с другими общественными заданиями система мероприятий должна быть другой, и отдельные мероприятия будут иметь различный удельный вес (например, переселение может замениться колонизацией и т. п.).

Для того, чтобы закончить изложение всех мыслимых нами методологических подходов к планированию сельского хозяйства страны, мы должны коснуться еще одного вопроса, непосредственно вытекающего из всех высказанных нами положений, вопроса о плане развития сельского хозяйства. Подобно тому, как все принципы организации отдельного сельскохозяйственного предприятия в конечном счете выражаются в его организационном плане, принципы

планирования сельского хозяйства страны должны быть выражены в плане развития сельского хозяйства на определенный период времени как по стране в целом, так и по отдельным областям, округам, районам и т. д. Мы должны определить те основные черты плана, которые непосредственно вытекают из основных принципов планирования сельского хозяйства.

План развития сельского хозяйства представляет собой количественное выражение принципов теории планирования сельского хозяйства применительно к точно очерченному времени (один год, пять лет и т. п.) и точно указанному пространству (вся страна, область, округ, район).

В плане должны найти отображение и двоякое направление всех мероприятий и максимальная их эффективность в применении к каждому району. Поскольку план количественно выражает принципы планирования, постольку в этой своей количественной части он считается с теми материальными ресурсами, кои находятся у государства и населения и кои могут быть обращены в сторону сельскохозяйственного производства. Недоучет этих ресурсов, а равно и их преувеличение не может не отразиться на характере осуществления плана.

Работа по составлению плана, кроме требования полностью исходить из поставленных проблем и высказанных положений, имеет чрезвычайно много специфических методов, которые отчасти лежат в плоскости экономической, отчасти в плоскости статистической. Увязка отдельных частей плана, приведение их в стройную систему, выражение плана в виде баланса сельского хозяйства или в другом виде представляют собой чрезвычайно широкий круг проблем, далеко выходящих за пределы общей теории планирования.

К. Рубинштейн

Методы исчисления народного дохода в германской литературе[1]

Послевоенные проблемы германской экономики и исчисление народного дохода

Война и ее последствия повлекли за собой существенные изменения в народном хозяйстве Германии. Значительно уменьшилась германская территория и изменился состав населения. Были утеряны районы с богатыми источниками минералов, с одной стороны, и наибольшими излишками сельскохозяйственных продуктов, с другой. Ценные части народного богатства, как-то: вложенные в иностранные предприятия капиталы, большая часть морского флота, часть речного флота и железнодорожного парка и др. перешли к победителям. На Германию была возложена обязанность, в течении долгого ряда лет значительную часть своего народного дохода передавать в страны Антанты в форме репараций. Последовавшая вскоре инфляция вызвала невиданное в столь короткий срок перераспределение ценностей между отдельными классами и группами. Далее, организация германской промышленности и торговли приняла совершенно иные формы. Словом, все элементы народного хозяйства Германии подверглись изменениям самого радикального характера.

В связи с этим, и пропорция, существовавшая до войны между отдельными элементами народного хозяйства, была в корне разрушена. Новое, хотя бы и относительное, равновесие экономической жизни страны могло быть достигнуто только путем перегруппировки элементов народного хозяйства и достижения связи между ними на новом базисе.

Столь значительное изменение структуры народного хозяйства Германии не могло не оказать своего влияния и на направление ее экономической мысли. До войны проблемы народного хозяйства в целом не пользовались в экономической литературе особой популярностью. При том расцвете, который переживало народное хозяйство Германии с 70-х годов и до мировой войны, было достаточно почвы для оптимизма. Большинство официальных представителей экономической мысли считали, что в общем и целом все находится в порядке. Поскольку им приходилось заниматься конкретной экономикой Германии, они ограничивались изучением отдельных отраслей и проблем. Когда же речь заходила о развитии народного хозяйства в целом, то всегда можно было найти достаточно отдельных показателей, которые подтверждали, что все обстоит как нельзя лучше.

В послевоенных условиях для такого оптимизма совершенно не могло быть места. Наоборот, под влиянием отмеченных событий он уступил место крайнему пессимизму. Для всякого стало ясным, что приходится искать новых путей как для экономической политики, так и для экономической науки. Экономическая мысль не могла уклониться от поставленных самой жизнью новых задач. Она должна была дать ответ, хотя бы в отношении

[1] Помещая статью т. Рубинштейна, заслуживающую внимания с точки зрения освещения современного состояния разработок проблемы народного дохода в немецкой литературе, редакция считает необходимым отметить, что марксистская критика позиций буржуазных ученых, анализируемых в настоящей работе, автором не дана. *Ред.*

констатирования фактов; она должна была установить, что представляет собою, по мнению экономистов руководящих групп, «новое» народное хозяйство Германии, чем оно отличается от прежнего, каковы пути его развития.

Этим самым экономическая наука Германии неизбежно толкалась на путь изучения народнохозяйственного целого. Такой перелом в развитии представляет собою далеко не легкий процесс. Хотя до настоящего времени имеется не мало экономистов, которые стараются удержать экономическую науку на прежних путях, сама жизнь привела к целому ряду начинаний, которые ясно говорят о новом развитии. Сюда относится прежде всего организация Institut'a für Konjunkturforschung; далее, созыв Анкетной комиссии и, наконец, общее оживление интереса к проблемам народного богатства и дохода, служащим наилучшими показателями для установления тенденций развития народного хозяйства.

* * *

К факторам, препятствовавшим до сих пор развитию изучения проблем народного дохода в Германии, приходится отнести прежде всего скептическое отношение большинства германских экономистов к целесообразности такого рода работы. Эта точка зрения нашла себе наиболее яркое выражение в трудах «Постоянной подкомиссии для теоретических и социологических изысканий» при Verein'e für Sozialpolitik (Ständiger Unterausschuss für theoretische und soziologische Forschung). В связи с отмеченными выше веяниями, Verein für Sozialpolitik считал необходимым высказаться о проблемах народного богатства и народного дохода и поручил упомянутой подкомиссии разработать вопрос. Труды подкомиссии были опубликованы в 1926 г., и из них видно, что большинство членов подкомиссии дали работам по исчислению народного дохода невыносимую оценку.

Председатель подкомиссии, Карл Диль, в своем вступительном и в заключительном слове ярко выразил свой скептицизм. [1] Один из членов подкомиссии, А. Амонн, считает нереальным самое понятие народного дохода. [2] Е. Шустер, выпустивший специальную книгу о доходе, сомневается в том, стоит ли тратить много времени на то, чтобы более точно ограничить и выяснить понятие народного дохода. [3] Подобного же рода выражения можно найти и в речах других членов подкомиссии (например, Готтль-Оттлилиенфельда и Оппенгеймера).

Но особенно интересно то, что столь пессимистическое отношение к исчислению народного дохода наблюдается не только среди чистых теоретиков, к каковым нужно отнести всех названных лиц, но также и среди отдельных статистиков-практиков. Характерным в этом отношении является мнение Гермберга, которое находится в связи с его взглядами на баланс народного хозяйства. Из отрицательного отношения Гермберга к проблеме народнохозяйственного баланса непосредственно вытекает его скептическое отношение к исчислениям народного дохода. [4] Гермберг считал бы целесообразным исчисление народного дохода только в том случае, если бы оказалось возможным оценить каждый произведенный товар и каждую услугу по их потребительной ценности.

[1] „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", 173. Band, „Beiträge" zur Wirtschaftstheorie", Erster Teil, „Volkseinkommen und Volksvermögen", S. 9 u. S. 156. (В дальнейших цитатах эта книга будет обозначаться: Schr. d. V. f. S.).

[2] A. Amonn. „Die Begriffe Volkseinkommen" und „Volksvermögen und ihre Bedeutung für die Volkswirtschaftslehre" (Schr. d. V. f. S., S. 23).

[3] E. Schuster. „Einkommen und Volkseinkommen" (Schr. d. V. d. S., S. 32).

[4] Paul Hermberg, „Volkswirtschafliche Bilanzen," Leipzig 1926 г., S. 32.

Все эти «пессимистические» мнения о работах по исчислению народного дохода ясно показывают, в какой атмосфере приходится работать тем из немецких экономистов, которые все-таки решаются приступить к исчислению народного дохода. А им приходится производить такие исчисления просто потому, что это властно требуется самой жизнью. В этом направлении действует целый ряд отмеченных выше обстоятельств.

Главнейшим фактором, поддерживающим в последние годы интерес к исчислениям народного дохода, является проблема репараций. Последняя вызвала, как известно, ожесточенную полемику, приковавшую к себе внимание самых широких кругов. Центральной осью этой проблемы является вопрос, сможет ли Германия выдержать репарации, и если да, то какой ценой. Размер репарационных платежей приходится сравнивать с народным доходом Германии, и в прессе приводятся самые разнообразные цифры о последнем. Естественно, что при таких условиях, как бы ни отмахивались скептики, экономическая наука должна дать ответ на вопрос, какая из существующих оценок народного дохода Германии больше приближается к действительности и какими путями нужно итти, чтобы получить более точные оценки.

В связи с этим, и в упомянутой подкомиссии Verein'a für Sozialpolitik выявилось достаточно компактное меньшинство, считающее исчисление народного дохода, несмотря на всю его приближенность, возможным и необходимым (Colm, Weyermann, Zizek, Fellner и др.).

Взгляды этой группы, а равно и других экономистов, взявшихся практически за исчисление народного дохода, будут изложены в последующих главах. При этом представляется наиболее целесообразным дать описание и критику лишь главнейших проблем исчисления и главнейших работ. Чисто теоретическая сторона проблемы будет затронута при этом лишь постольку, поскольку она безусловно необходима для понимания методологии.

„Об'ективный" и „суб'ективный" методы

1. Их основные черты. Классификации различных способов исчисления народного дохода исходят обычно из разделения на две основные группы: на исчисления по «об'ективному» или «реальному» методу и исчисления по «суб'ективному» или «персональному» методу. Разница между этими двумя методами заключается, с одной стороны, в принципиальном подходе к явлениям народного дохода, а, с другой стороны, в характерных особенностях того статистического материала, который подлежит обработке.

Что касается принципиального подхода, то для «об'ективного» метода исходным пунктом являются «об'екты», составляющие в своей совокупности народный доход, те «реальные» предметы, которые получаются в результате производственной деятельности и служат для удовлетворения потребностей. Под доходом понимается тот избыток материальных благ, который остается, после возмещения материальных затрат производства, в свободном распоряжении членов общества как для удовлетворения их потребностей, так и для накопления ценностей. В целях суммирования отдельных продуктов приходится применять к ним какую-либо условную денежную оценку.

В противоположность этому, второй метод исходит из отдельных «суб'ектов» или лиц и путем суммирования получаемых ими доходов получает общий размер народного дохода. [1]

При исчислении народного дохода по «об'ективному» методу основным источником для работ является статистика продукции различных отраслей

[1] Некоторые авторы выделяют еще третий „смешанный" метод, но в немецкой литературе он крупной роли не играет.

народного хозяйства, которую приходится дополнять по различным другим источникам. При подсчетах по «суб'ективному» методу главным материалом для работы служит статистика подоходного обложения.

Значительный интерес представляет вопрос о том, должна ли существовать какая-либо связь между суммами народного дохода, вычисленными при помощи «об'ективного» и при помощи «суб'ективного» методов. В немецкой литературе не установилось достаточно четкого представления об этой связи. У многих авторов встречается мнение, что эти две суммы не имеют ничего общего. Например, Р. Майер считает, что речь идет о совершенно самостоятельных задачах, каждая из которых может быть по своему улучшена.[1]

Еще далее идет в этом отношении Е. Шустер, который считает, что если уже вычислять народный доход (к чему он вообще относится со скептицизмом), то только по «суб'ективному» методу; на вычисление же «реального» народного дохода он смотрит, как на совершенно излишнюю работу, не имеющую за собой никаких теоретических предпосылок.[2]

Другие авторы сознают, однако, что вычисление народного дохода по «об'ективному» и по «суб'ективному» методам, это — подход к одному и тому же явлению с двух различных сторон. К этой группе относится прежде всего В. Винклер.[3] В том же духе высказывается и Ф. Цицек.[4]

В результате подсчетов, произведенных в различных странах, оказывается однако, что исчисление народного дохода по двум упомянутым методам никогда не дает близких друг к другу сумм. Об'яснить это исключительно ошибками статистического подсчета нельзя. Для ясного понимания причин расхождения между полученными результатами необходимо предварительно иметь четкое теоретическое представление об изучаемом об'екте. Такого представления у подавляющего большинства немецких авторов нет, и, поэтому, они тщетно ищут возможности разрешить задачу. Между тем, ключ к задаче лежит в динамическом рассмотрении народного дохода, что становится ясным при сравнении одной общей для почти всех немецких авторов черты с тою точкой зрения, которой придерживается Бюро баланса народного хозяйства при ЦСУ.[5]

Немецкие авторы, занимавшиеся исчислением народного дохода, (вне зависимости от применяемых ими методов), смотрят на последний, как на одну цифру, которую необходимо получить тем или иным способом. Составные элементы этой цифры отступают на задний план; их анализируют в процессе работы главным образом для того, чтобы оценить, насколько конечная сумма приближается к действительному народному доходу, и определить, не нужно ли к конечной сумме произвести каких-либо накидок или, наоборот, скидок.

В противоположность этому, В. Зейлингер и Б. Гухман рассматривают народный доход, как процесс, являющийся лишь звеном в едином внутренне связанном процессе воспроизводства. Отдельные цифры, фигурирующие во время вычисления, характеризуют материальные блага, распределяемые и перераспределяемые между отраслями народного хозяйства, между участниками производства и непроизводственной «надстройкой». Каждая из

[1] Robert Meyer, „Einkommen" („Handwörterbuch der Staatswissenschaften", Dritte Auflage, Dritter Band, Jena 1909 г., S. 669).
[2] „Schr. d. V. f. S.", S. 95—96.
[3] Wilhelm Winkler, „Einkommen" („Handwörterbuch der Staatswissenschaften", Vierte Auflage, Dritter Band, Jena 1926 г.).
[4] „Schr. d. V. f. S.", S. 131.
[5] В. И. Зейлингер и Б. А. Гухман. „К методике построения баланса народного хозяйства СССР". („Плановое Хозяйство", № 4 и 5, 1928 г.).

приводимых во время исчисления цифр сохраняет самостоятельное значение на ряду с итогами, так как она характеризует какую-либо стадию изучаемого процесса.

Если представить себе, что народный доход одной и той же страны будет вычислен, с одной стороны, по обоим методам немецкой литературы, а с другой стороны, по схеме Бюро баланса, то возникает вопрос: будут ли полученные при этом цифры находиться в какой-либо связи друг с другом? Ответ на этот вопрос должен быть положительным. Суммы народного дохода, вычисленные по любому из немецких методов, должны в той или другой форме встречаться в таблице распределения народного дохода, составленной по схеме Бюро баланса. Представление о народном доходе как о процессе, несомненно, делает излишними всякие споры о преимуществах «об'ективного» и «суб'ективного» методов.

Попытки рассматривать народный доход, как процесс, имеются и у некоторых немецких авторов. Но они не доводятся до логического конца. К такого рода авторам относится Г. Кольм. Он говорит по этому вопросу: «Народный доход можно методологически охватить в трех пунктах хозяйственного кругооборота. В о-п е р в ы х, у возникновения источника дохода, при результате производства. Второй метод стремится охватить непосредственно доход... Третий путь к исчислению народного дохода исходит из оценки общего потребления товаров...»[1] Но Кольму не удается последовательно удержаться на динамической точке зрения; в другом месте он доказывает, что различные оценки народного дохода относятся к различным понятиям, что доход имеют лишь потребительские хозяйства, а производственные предприятия дохода не имеют.

Точно так же и Роговский[2] наглядно описывает постоянный процесс движения товаров и ценностей и строит даже для более ясного представления этого процесса специальные схемы. Он об'ясняет типичные для немецкой литературы о народном доходе неясности, противоречия и нечеткое разграничение понятий тем обстоятельством, что статистик не знает, за какие именно явления ему ухватиться в этом вечном движении в целях получения цифры народного дохода. Схемы, составленные Роговским, однако, никоим образом нельзя признать выходом из положения. А главное, это — то, что Роговский не ставит требования изучать все стадии того процесса, который им описан, а говорит, что в зависимости от наличных статистических материалов нужно ограничиваться одной из стадий распределения народного дохода.

Таково отношение немецких экономистов и статистиков к проблеме исчисления народного дохода, взятой в целом. В дальнейшем необходимо изложить возникающие в процессе исчисления вопросы, на которые в немецкой литературе обращено особое внимание.

2. Исчисление народного дохода по «об'ективному» методу. Насчет того, какие именно материальные блага должны входить в состав народного дохода, исчисляемого по «об'ективному» методу, достаточной ясности в немецкой литературе не существует. Это будет видно из пары примеров.

А. Амонн считает, что народный доход представляет собой совокупность вещных благ, пользований, услуг и реализуемых правовых требований, которые дополнительно прибавляются в общем хозяйственном процессе, рассматримаемом как процесс приобретения благ.[3]

[1] „Schr. d. V. f. S.", S. 45.
[2] Erich Rogowski, „Das Deutsche Volkseinkommen", Berlin 1926 г., S. 18.
[3] „Schr. d. V. f. S.", S. 23—24.

В этом определении бросается в глаза недостаточная выдержанность «об'ективного» подхода; речь идет в нем не о процессе производства, а о процессе приобретения (Erwerbsprozess), который, казалось бы, при «об'ективном» методе никакой роли играть не должен. Тем самым Амонн выходит за границы реального народного дохода, и это сказывается на приводимом им перечне. Пользования, услуги и правовые требования, включаемые Амонном в реальный народный доход, по существу относятся к сфере перераспределения народного дохода.

Более детальное и конкретное описание элементов народного дохода, рассматриваемого с точки зрения «об'ективного» дохода, дает Р. Майер. По его мнению, валовой доход народного хозяйства состоит из: а) совокупности произведенных в стране хозяйственных благ, в том числе и услуг; б) ввоза благ из-за границы, получаемых как проценты по вложенным за границей суммам; в) дохода пароходных обществ страны по перевозкам иностранцев и принадлежащим последним грузам; г) товарных посылок и денежных переводов для находящихся в стране иностранцев; д) всяких иных переводов ценностей в страну, с которыми не связан перевод ценностей из страны за границу; е) превышения ввоза товаров над вывозом; ж) износа потребительных фондов.[1]

Из приведенного перечня прежде всего видно, что Майер, точно так же как и Амонн, относит к народному доходу услуги и пользования (Майер не упоминает лишь правовых требований). Далее, Маейр включает в реальный народный доход не только блага, произведенные в самом народном хозяйстве, но также элементы торгового и платежного баланса: притекающие из-за границы блага (не подлежащие оплате) составляют, по его мнению, часть запасов, распределяемых в народном хозяйстве. Майер совершенно игнорирует то, что такого рода явления относятся к сфере перераспределения благ.

Мнения Амонна и Майера о составных элементах реального дохода были приведены, как наиболее характерные. Число подобного рода мнений можно было бы бесконечно умножить, так как каждый из немецких экономистов, занимавшихся этим вопросом, имеет собственную комбинацию. Характерным для всех этих комбинаций является то, что почти всегда в реальный народный доход включаются те или иные элементы, заимствованные из перераспределенного народного дохода. «Об'ективный» подход к делу почти ни у одного немецкого экономиста не выдерживается до конца. Немецкие экономисты никак не могут помириться с тем, чтобы не считать непременными элементами дохода такие легко реализуемые блага, как юридические права, пользования и т. п.

Больше всего споров происходит на тему об услугах (Dienstleistungen), т.-е. по вопросу о том, нужно ли включать непроизводственную работу в общую сумму народного дохода. Цицек резюмирует эту полемику следующим образом: «По взгляду большинства, услуги должны быть включены, и именно не только услуги хозяйственного характера, но также и государственных чиновников и свободных профессий».[2]

Эта полемика представляется нам чистой схоластикой. Если изображать в числовой форме весь процесс распределения и перераспределения народного дохода, то, конечно, в нем непроизводственная работа должна найти свое место. Но это место никак не может быть в начале цепи, в ее «об'ективной» части; непроизводственная работа в «реальный» народный доход входить не может.

[1] Цит. соч. стр. 665.
[2] „Schr. d. V. f. S.", S. 140.

Немецкие экономисты уделяют также много внимания тем трудностям, с которыми связаны вычеты из валового дохода, необходимые для получения чистой продукции народного хозяйства. Наиболее подробное перечисление соответствующих категорий благ дает Р. Майер; в него включены материальные блага, употребленные в течение производственного процесса, а также активное сальдо торгового и платежного балансов. Последний элемент, как уже было отмечено выше, по существу относится к сфере перераспределения. Но с другой стороны, у Майера пропущена одна из важнейших подлежащих вычету из валового оборота величин — износ основных фондов.

Последнему вопросу (т.-е. износу основных фондов) много внимания уделяет Г. Кольм. Для выяснения тех трудностей, с которыми связано это исчисление, Кольм приводит следующий пример: «Предположим, что в течении какого-либо года производители продали все припасы, которые они обычно держали на складах, и не восполнили запасов, то снабжение (если измерять его по потреблению) расширилось бы без соответствующего увеличения производства...». Если бы предприятия выплатили бы из выручки за свои продукты столько прибыли, заработной платы и процентов, что не осталось бы средств для сохранения оборудования в прежнем состоянии, для удобрения почвы и т. п., то имел бы место износ богатства, о котором нельзя было бы судить из сравнения продукции и потребления.[1]

Кольм считает, однако, что такого рода явление в нормальных условиях практического значения при исчислении народного дохода не имеет: происходящая в связи с этим ошибка не может превысить размеры тех ошибок, которые неизбежны при применяемых в настоящее время, несовершенных способах исчисления народного дохода. Но Кольм упускает из виду, что исчисления народного дохода обладают особым интересом именно в ненормальных условиях, когда сдвиги между элементами народного хозяйства особенно велики. Далее, Кольм забывает о противоположной возможности на которую вполне правильно указывает Роговский.[2] В условиях современной конкуренции и бурного технического прогресса часто происходит замена машин, которые могли бы еще долго работать, только потому, что для удержания позиций предприятия на рынках оказывается выгодным ставить более усовершенствованную машину вместо устарелой, но не вполне использованной. В такой обстановке многие суммы которые в другое время рассматривались бы, как капитальные вложения, и при исчислении народного дохода во внимание не принимались, должны быть включены в износ основных фондов.

При обсуждении проблем исчисления по «об'ективному» методу критика конкретного статистического материала у немецких авторов не играет роли: дело ограничивается общими соображениями методологического характера. Да иначе и быть не может, так как в Германии до сих пор нет статистических материалов, на основании которых можно было бы исчислить народный доход по «об'ективному» методу. В Германии имеется статистика сел.-хоз. продукции (хотя и неполная), имеется статистика продукции горнозаводской промышленности, но нет статистики продукции большинства отраслей обрабатывающей промышленности. А без последней исчисление реального народного дохода невозможно. Поэтому, исчисления последнего, которые имеются в немецкой литературе, опираются на австро-венгерский материал.

В противоположность этому, при дискуссии о «суб'ективном» методе общие соображения отодвигаются на задний план, и их место занимает обсуждение характерных черт конкретного статистического материала.

[1] „Schr. d. V. f. S.", S. 37.
[2] Цит. соч., стр. 35.

3. Исчисление народного дохода по «суб'ективному» методу. «Суб'ективный» метод в его приложении к исчислению народного дохода исходит из данных статистики подоходного обложения, и соответствующим авторам приходится при своих подсчетах приспособляться к наличному материалу.

Налоговая система Германской империи подоходного налога не знала: взимание подоходного налога входило в круг прав федеративных частей Германии. Каждое из 26 федеративных государств Германии имело перед войной свой закон о подоходном налоге со своим прожиточным минимумом, со своими ставками, со своими правилами о скидках и т. п. Различия в методах учета были столь значительными, что об об'единении данных, относящихся ко всей Германии, в общие таблицы не могло быть и речи.

Наиболее полной, методологически разработанной и пригодной для выводов о народном доходе являлась саксонская статистика подоходного обложения. Но Саксония отличается исключительно высоким индустриальным развитием и занимает лишь относительно небольшую часть Германии; поэтому, статистику подоходного обложения Саксонии никоим образом нельзя было принять за базис для исчисления народного дохода Германии.

Подавляющее большинство авторов, занимавшихся исчислением народного дохода Германии, обращались к прусской статистике подоходного обложения. На долю Пруссии приходится больше половины как населения, так и территории Германии; она включает в себя, с одной стороны, индустриальные, а с другой стороны, аграрные области. Цифры, относящиеся к Пруссии, можно с большим основанием считать характерными для всей Германии. Обсуждение и критика прусской статистики подоходного обложения [1] занимает, поэтому, много места в немецкой литературе о народном доходе. Она интересна также и с точки зрения тех трудностей, с которыми связано применение всякой статистики подоходного обложения.

Наиболее слабая сторона соответствующих материалов заключается в том, что прусский закон о подоходном обложении предусматривал прожиточный минимум в 900 марок в год, и в связи с этим, налоговые учреждения не интересовались доходами, лежащими ниже этой границы.[2] В конце XIX и в начале XX века в германской литературе было принято оценивать средний доход лиц с доходом ниже прожиточного минимума в 450 марок; в прусских статистических ежегодниках такая оценка сохранилась до самой войны. Между тем, экономисты приблизительно с 1907 г. признали более правильной оценку в 750 марок. Последней цифры придерживается и Гельфферих, в то время как Роговский допускает, что средний доход этой категории находится где-то между 690 и 810 марками. Насколько важна правильная оценка дохода лиц этой категории, можно судить из того, что на нее (включая членов семейств) в конце XIX века приходилось свыше двух третей всего населения Пруссии, а перед войной — все еще свыше трети. Между тем те способы оценки, которые применяются, нужно признать весьма и весьма приблизительными.

Некоторые затруднения возникают также в связи с низшими группами плательщиков налога, — лиц с доходом от 900 до 3.000 марок. Прежде всего, в отношении этих групп декларация доходов плательщиками не применяется, а оценки финансовых инспекторов далеко нельзя признать достоверными. Далее, при наличии определенных условий (главным образом, неработоспособных членов семьи) допускается условное понижение дохода,

[1] Соответствующие данные публиковались в „Statistisches Jahrbuch für den Preussischen Staat".

[2] Одно из главных преимуществ саксонской статистики подоходного обложения было связано именно с тем, что в Саксонии был более низкий прожиточный минимум.

в результате которого плательщик спускается в низшую группу, а подчас и совсем выбывает из числа плательщиков. Средний доход лиц, принадлежащих к последней категории (т.-е. выбывших вследствие понижения) приходится опять-таки оценивать. В официальной прусской статистике для них указан средний доход в 900 марок, у Роговского — от 1.000 до 1.100 марок. Гельфферих в первых изданиях своей книги предусмотрел для этой группы 1.500 марок, но потом снизил эту цифру до 1.000 марок.

Чрезвычайно существенным вопросом является укрытие плательщиками налогов некоторой части своих доходов. Стремление к этому у большинства плательщиков налога, конечно, велико. Некоторые возможности в этом направлении имеются у всех категорий плательщиков, но у лиц с небольшим доходом они, в общем, незначительны; в особенности заработная плата легко поддается контролю. Наиболее благоприятно в этом отношении положение капиталистических кругов, среди которых часто доход одного лица течет одновременно из нескольких источников. Часть этих источников при правовых условиях капиталистических государств вообще не поддается контролю, как например, проценты по банковским вкладам (банковская тайна). Далее, финансовым инспекторам при проверке приходится волей-неволей приспособляться к бухгалтерской практике капиталистических предприятий. А в этой практике применяется не мало ухищрений для того, чтобы формально приспособиться к тому или иному параграфу закона и в то же время скрыть некоторую часть дохода. Знакомство с такого рода ухищрениями принадлежит к числу непременных обязанностей всякого ответственного бухгалтера в Германии. При просмотре об'явлений лиц, ищущих бухгалтеров, и бухгалтеров, ищущих службу, в германских газетах не раз натолкнешься на фразы, касающиеся «познаний и опыта» в налоговой практике. Если же некоторые ухищрения с формальной стороны и не вполне удовлетворят какого-либо финансового инспектора, то в сомнительных случаях сыграет свою роль нежелание ссориться с пользующимся влиянием предпринимателя. А, как говорит Роговский, который вряд ли склонен преувеличивать в этом вопросе, «прусский закон о подоходном налоге не только дает возможность искусственно преуменьшать доход. В некоторых случаях закон сам сознательно обладает тенденцией представлять доходы преуменьшенными.» [1]

Какой процент доходов в среднем скрывается плательщиками? На этот вопрос, конечно, совершенно невозможно дать сколько-нибудь обоснованный ответ. Гельфферих делает в связи с утайкой прибавку к об'явленным доходам в размере 10%, Р. Майер — 25%, Роговский — 33%. Фелльнер же считает, что декларированный доход составляет обычно всего одну треть фактического, т.-е. скрываются две трети. И Гиртлер, шаг за шагом критикующий подсчеты Фелльнера, по этому пункту не находит никаких возражений. [2]

Далее, прусский закон о подоходном обложении предусматривал право плательщиков делать определенные вычеты из валовой суммы дохода. К этим вычетам принадлежала амортизация средств производства, премии по страхованию, проценты по долговым обязательствам и др. При вычислении этих вычетов опять-таки открывалось широкое поле для преувеличения, и к приведенным в официальной статистике суммам дохода приходится делать дальнейшие коррективы.

В отношении дохода, нераспределенного между физическими лицами и оставшегося в предприятиях, прусская статистика подоходного обложения

[1] Цит. соч., стр. 48.

[2] То обстоятельство, что рассуждения Фелльнера и Гиртлера относятся к Австро-Венгрии, а остальных авторов — к Пруссии, мало изменяет дело.

дает абсолютно неудовлетворительные данные, и всем авторам приходится прибегать при подсчетах к целому ряду дополнительных данных.

Таковы главнейшие затруднения, вытекающие из т е х н и к и прусского подоходного обложения. Экономистам, производившим подсчет народного дохода Германии за довоенный период, приходилось так или иначе обходить как эти, так и многие другие затруднения и делать более или менее обоснованные оценки.

После войны (с 1920 г.) право обложения подоходным налогом перешло от отдельных федеративных частей к центральным органам Германии. Этим самым была создана важнейшая предпосылка для единой статистики подоходного обложения. Не приходится, однако, пользоваться в целях исчисления народного дохода теми данными, которые были опубликованы за инфляционные годы — частые и резкие колебания валюты совершенно исказили цифры, и никакие индексы не могут помочь перечислить денежные единицы в сколько-нибудь реальные. К тому же, инструкции по применению подоходного налога менялись несколько раз в год, что еще более затрудняет оценку приведенных цифр.

За первый после инфляции год (1924 г.) были опубликованы неполные данные, и Роговский, который явился последним из авторов, использовавших статистику подоходного обложения, считал возможным применить лишь ту ее часть, которая касалась заработной платы. Для оценки дохода из других источников ему пришлось прибегнуть к иным материалам.

Статистика подоходного обложения за 1925 г. была начата публикованием лишь в 1927 г., и ни один из немецких экономистов, занимавшихся исчислением народного дохода, еще не успел ее использовать.

* * *

Кроме тех недостатков, которые, присущи исчислениям народного дохода по «суб'ективному» методу, в связи с техникой подоходного обложения, имеются и другие недостатки, вызываемые постановкой соответствующей статистики. Сюда относится, главным образом, отсутствие расчленения народного дохода по экономическим признакам. Уже при беглом просмотре работ, в которых произведено исчисление народного дохода Германии, бросается в глаза, что там нет группировки ни по классам населения, ни по отраслям труда, ни по социальным секторам. Статистика подоходного обложения Пруссии не дает достаточного материала для подобного рода группировки. Единственное социальное расчленение доходов, которое в ней приводится, состоит из следующих колонок: а) доход по капиталам; б) доход с земельного имущества; в) доход из торговли и промышленности; г) «приносящие прибыль занятия, права на периодические получки и т. д.».

Как это ни кажется странным на первый взгляд, заработная плата скрывается в последней из приведенных категорий. Естественно, что с такой классификацией доходов многого сделать нельзя.

Единственная группировка, которая проведена в прусской статистике детально и последовательно, это — группировка п о р а з м е р у д о х о д а отдельных групп плательщиков налога. Этой группировкой в немецкой литературе занимались весьма много. Соответствующие цифры комбинируются немецкими авторами чрезвычайно хитроумными способами, и вычисляются разнообразные показатели, характеризующие эволюцию доходов. Подавляющее большинство авторов приходило при этом к выводу, что как народный доход, так и средний доход на душу росли перед войной чрезвычайно быстро, притом в равномерной степени для различных групп населения. Основной недостаток всех этих подсчетов заключается в том, что в них совершенно

игнорировался под'ем цен.[1] Характерно, однако, что Адольф Вагнер (который, впрочем, также совершенно забывает об эволюции цен) на основании той же прусской статистики подоходного обложения приходит к совершенно иным выводам и утверждает, что крупные доходы растут значительно быстрее, чем низкие доходы.[2] Если же в подсчеты Вагнера ввести еще индексы цен, то рост классовых противоречий выступил бы еще ярче.

Указанные недостатки статистики подоходного обложения можно, конечно, при желании устранить. В отдельных государствах Германии делались уже попытки группировки доходов по профессиям плательщиков (например, в Гамбурге в 1870 г. и в 1886 г.). Более последовательно это было проведено в Австрии. До сих пор, однако, в немецкой литературе не имеется полного исчисления народного дохода с классовой группировкой.

Но если бы даже и удалось исправить решительно все упомянутые недостатки, то и тогда против применения «суб'ективного» метода в той форме, как он господствует в немецкой литературе, появляются чрезвычайно веские соображения. Заключаются они в том, что у всех немецких авторов на первом плане находится о б щ и й и т о г народного дохода. Если этот общий итог вычислить по «об'ективному» методу (конечно, п р а в и л ь н о вычислить), то он представит собою вполне определенное понятие, а именно сумму материальных благ, которые в результате производства за определенный период остались в распоряжении народного хозяйства за вычетом материальных благ, потраченных в процессе производства. Между тем общий итог, исчисленный по «суб'ективному» методу, решительно ничего не выражает. «Суб'ективный» метод рассматривает каждое новое звено в перераспределении доходов, как самостоятельный источник дохода. Для него безразлично, основные ли это доходы или производные. Каждое новое звено входит новым составным элементом в общий итог и увеличивает сумму народного дохода. Чем больше звеньев, тем больше и общая сумма народного дохода.

Некоторое представление о намеченной проблеме в немецкой литературе имеется. В ней можно встретить споры о так называемых Doppel Zählungen, т.-е. двойном зачислении одних и тех же сумм. Мысль о необходимости строгого разделения основных и производных доходов не завоевала себе, однако, прав гражданства.

Применение «суб'ективного» метода для исчисления общей суммы народного дохода (как это типично для немецкой литературы) нужно признать недопустимым. Исчисления народного дохода по «суб'ективному» методу сделаются чрезвычайно ценным дополнением к исчислениям народного дохода по «об'ективному» методу только в том случае, если в них будет проведено четкое разделение основных и производных доходов.

Главнейшие попытки исчисления

1. Г е л ь ф ф е р и х. В 1913 г. директор Дойтше банк (а позже министр и вице-канцлер) К. Гельфферих выпустил книгу,[3] в которой в восторженных тонах описывается экономическое развитие Германии за период царствования Вильгельма II. Книга эта приобрела широкую известность как в самой Германии, так и вне ее пределов, не в последней степени потому, что

[1] Это обстоятельство вполне правильно отмечено С. Фалькнером в предисловии к русскому изданию книги Гельфферика.

[2] Adolph Wagner, „Weitere statistische Untersuchungen über die Verteilung des Volkseinkommens in Preussen auf Grund der neueren Einkommenssteuer-Statistik (1892—1902)", „Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistischen Bureaus", Berlin, 1904 г.

[3] K. Helfferich „Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913". Первое издание, Berlin 1913 г., последнее (7-е), Berlin, 1917

в ней был произведен подсчет народного дохода и народного богатства Германии. При ближайшем рассмотрении, однако, та часть книги Гельфериха, в которой идет речь о народном доходе, с методологической стороны далеко не оправдывает возлагаемых на нее ожиданий. В связи с популярностью, приобретенной исчислением Гельфериха, желательно указать на допущенные им ошибки.[1]

Слабые стороны произведенного Гельфферихом подсчета заключаются, главным образом, в следующем:

1) Сумма в 1.000 марок, принятая Гельфферихом как средний доход лиц, освобожденных от дохода по различным причинам, не обоснована решительно никакими источниками. Примечание Гельфериха: «чтобы не преувеличить, я понизил мою первоначальную цифру среднего дохода вольнонаемного цензита с 1.500 до 1.000 марок,[2] конечно, не приходится считать сколько-нибудь удовлетворительной мотивировкой.

2) То же самое относится и к среднему доходу тех лиц, доход которых не достигает 900 марок, Гельфферих принял его равным 750 маркам и ограничивается коротким замечанием: «я не имел оснований счесть, что норма в 750 марок в качестве среднего дохода лиц, не облагаемых налогом, слишком высока». Это, конечно, нельзя признать научным обоснованием или даже попыткой научного обоснования.

3) Остается неизвестным, почему Гельфферих на ту часть доходов, которая скрыта плательщиками в их декларациях, прибавляет именно 10%, а не какой-либо иной процент.

4) Совершенно непонятно, почему Гельфферих считает явные и скрытые резервы юридических лиц равными всего лишь четверти общей суммы дивидендов. При той усиленной амортизации, которая принята во многих германских предприятиях, а равно при обычных для Германии ухищрениях в целях образования скрытых резервов, естественно предположить, что соответствующая сумма должна быть значительно большей, чем принятые Гельфферихом 220 млн. марок. На обязанности Гельфериха лежало во всяком случае, привести хотя бы какие-нибудь контрольные подсчеты.

5) Применение вычисленного для Пруссии среднего дохода в отношении всей Германии недостаточно обосновано. Гельфферих говорит по этому поводу: «Проверка результатов сбора подоходного налога в остальных государствах с собственной системой подоходного обложения показывает, что этот средний доход является приблизительно нормальным для всей Германии. В Саксонии средняя норма немного выше, в Вюртемберге и Бадене — немного ниже; в Ганзейских городах она значительно выше, здесь средний доход достигает почти 1.000 марок; в сравнительно бедных Тюрингских государствах она значительно ниже».[3]

Приведенная цитата ясно показывает, что Гельфферих подходит к проблеме довольно поверхностно. Выражения «немного выше», «немного ниже», «значительно ниже» не мешало бы сопроводить какими-нибудь цифровыми данными или хотя бы ссылкой на источники.

6) Оценка доходов всего общественного сектора одной неспецифицированной суммой является совершенно недопустимым методом. Гельфферих прав, конечно, в том, что «точное исчисление всей части дохода общественных корпораций, не входящей в об'явленный доход частных лиц, предполагает точную проверку бюджетов империи, союзных государств и всех коммунальных союзов».[1] Но если Гельфферих не считает возможным произвести такую проверку, то это не освобождает его от обязанности сделать хотя бы частичные подсчеты.

[1] Соответственно задачам настоящей работы, я останавливаюсь лишь на методологической стороне вопроса и опускаю изложение подсчетов Гельфериха и других авторов

[2] Цит. по русскому переводу: К. Гельфферих. „Развитие хозяйства Германии с 1888—1913 г.“, Москва, 1920 г., стр. 76.

[3] Там же, стр. 78.

Разобранные шесть пунктов с достаточной ясностью показывают, что произведенное Гельфферихом исчисление народного дохода Германии не приходится считать научно обоснованной работой. К методологической стороне вопроса Гельфферих подходит чрезвычайно легко и не видит здесь никаких проблем. Это обстоятельство связано, впрочем, с общими задачами книги Гельфериха. Она предназначена не для проверяющего каждый подсчет экономиста, а для более широких кругов, которым нужно преподнести в удобоваримой форме какую-нибудь цифру. Гельфферих стремится к тому, чтобы в сжатой и общедоступной форме дать картину развития благосостояния Германии. И при исчислении народного дохода он опасается, главным образом того, чтобы его не заподозрили в преувеличении высчитанной им суммы; а точность подсчета (даже в тех пределах, которые допускаются имеющимися источниками) он не считает столь важной.

Произведенный Гельфферихом подсчет подвергся в германской экономической литературе критике, в особенности со стороны Р. Кучинского.[2] Несмотря на ее существенные недостатки не приходится, однако, забывать, что работа Гельфериха дала толчок к ряду дальнейших работ о народном доходе Германии и тем самым оправдала себя.

После войны Гельфферихом была опубликована статья, в которой он произвел новый подсчет народного дохода Германии.[3] С методологической точки зрения эта статья, однако, никакого интереса не представляет, ибо произведенный в ней подсчет отличается еще большей суммарностью, чем его довоенная работа.

2. Роговский. Вышедшая в 1926 г. книга Роговского[4] заключает в себе исчисление народного дохода Германии как за довоенный, так и за послевоенный период.

Работа Роговского построена на том же «суб'ективном» методе, что и работа Гельфериха, но выгодно отличается от последней в нескольких отношениях. Прежде всего, в работу Роговского вложено чрезвычайно много труда: для вычисления и контроля каждой цифры он привлекает все источники, которые могут иметь в ней хотя бы самое отдаленное отношение. Далее Роговский не упускает из виду и теоретической стороны вопроса. Но самое главное, это — то, что Роговский относится чрезвычайно внимательно к методологической стороне. Он делает все от него зависящее для того, чтобы обосновать приводимые им цифры и внести все только возможные поправки.

Но именно благодаря этим преимуществам работа Роговского является наилучшим подтверждением того, что с имевшимися тогда материалами сколько-нибудь удовлетворительного подсчета народного дохода Германии невозможно было произвести. В процессе работы Роговский пытается использовать самые разнообразные источники. Но очень часто он приходит к выводу, что эти источники дают очень мало для исчисления необходимых ему цифр. А так как он хочет добиться цели во что бы то ни стало, то после всех неудачных попыток ему приходится, в конце-концов, оценивать отдельные элементы народного дохода чрезвычайно суммарным способом.

[1] Там же, стр. 79.

[2] Allgemeines Statistisches Archiv“, Achter Band, 1914 г., S. 172 und 400 и „Annalen für soziale Politik und Gesetzgebung“, Band 3, S. 4.

[3] K. Helfferich, „Volksvermögen, Volkseinkommen und Steuerlast—einst und jetzt“ („Welpolitik, und Weltwirtschaft“, Januar, 1925 г.).

[4] Erich Rogowski, „Das Deutsche Volkseinkommen“, Berlin, 1926 г.

Если можно так выразиться, трагедия работы Роговского заключается в том, что она написана на пару лет раньше, чем следовало бы. Если бы он имел в своем распоряжении те статистические материалы, которые вышли в течении последних лет, его работа несомненно привела бы к значительно более успешным результатам.

3. Фелльнер. Несколько в стороне от описанных работ по народному доходу находятся труды профессора Коммерческого института в Будапеште, Фридриха Фелльнера. То обстоятельство, что Фелльнер пользуется материалами австро-венгерской статистики, делает его труды по исчислению народного дохода значительно более плодотворными, чем работы германских ученых. Статистика продукции (как сельскохозяйственной, так и промышленной) достигла в Австро-Венгрии более высокой ступени, чем в Германии, и потому здесь имелись налицо материалы, необходимые для применения «об'ективного» метода. Именно в этом направлении и пошел Фелльнер,[1] и это повысило ценность его работы. Но и он допускает ряд существенных ошибок, из которых желательно указать хотя бы главнейшие:

1) Фелльнер отдает себе отчет в том, что он включает в общую сумму народного дохода лишь основные доходы, а производные доходы остаются в стороне, так как они относятся к сфере перераспределения. Именно этим об'ясняется, например, то обстоятельство, что он выделяет доходы чиновников и лиц свободных профессий в забалансовую статью. В противоположность этому, бросается в глаза совершенно излишнее включение целого ряда элементов платежного баланса.

2) Фелльнер комбинирует в своих вычислениях цифры из самых разнообразных официальных и частных источников, не описывая и не критикуя тех путей, при помощи которых были получены соответствующие цифры. В некоторых случаях, когда в отношении определенного явления имеется налицо несколько оценок, Фелльнер почти что произвольно берет одну из них.[2]

3) Работа Фелльнера не выдержана в отношении того периода времени, к которому она относится. По земледелию и по горно-заводской промышленности он берет средние данные за 1899—1901 гг., по обрабатывающей промышленности — за 1898 г., по другим отраслям — снова иначе.

4) Чрезвычайно слабым с методологической точки зрения является применяемый Фелльнером способ исчисления цен. Фелльнер исходит, большей частью, из данных статистики внешней торговли. Совершенно ясно, что цены, устанавливаемые при пересечении границы, значительно уклоняются от цен внутри страны.

5) Поскольку Фелльнер применяет цены, установленные при пересечении границы, он имеет в виду товары, прошедшие через всю сеть торговых. каналов.[3] Эти цены включают как всю сумму торговых накидок, так и транспортные расходы. Включать после этого отдельно доходы из торговли и транспорта, как это делает Фелльнер, — является явной несообразностью.

6) По целому ряду отраслей Фелльнер забывает о необходимости вычитывать материальные издержки производства.

Таким образом, несмотря на все преимущества примененного Фелльнером метода, произведенное им исчисление нуждается еще в целом ряде поправок.

[1] Friedrich Fellner. „Die Schätzung des Volkseinkommens" („Bulletin de l'Institut International de Statistique", Tome 14 Troisième livraison, Berlin, 1905 г.).

[2] Там же, стр. 140.

[3] Речь идет в первую очередь об оценке экспортных, а не импортных товаров.

В вышедшей в 1917 г. книге, Фелльнер заново произвел исчисление народного дохода Венгрии, пользуясь цифрами за период, непосредственно предшествующий войне; таким же способом он произвел в ней исчисление народного дохода Австрии.[1] Однако, в методологическом отношении он в общем и целом идет прежними путями, и отмеченные выше недостатки принципиального характера не устранены.

Исчисление Фелльнера было подвергнуто детальной критике со стороны профессора университета в Граце (ныне президента австрийского парламента) А. Гиртлера.[2] Критика эта питается «австрийским патриотизмом» автора, который, в противоположность «венгерскому патриотизму» Фелльнера требует того, чтобы народный доход Венгрии оказался выше, а народный доход Австрии оказался ниже.

На отмеченных выше принципиальных недостатках работ Фелльнера, Гиртлер не останавливается. Работа Гиртлера представляет, однако, большой интерес потому, что он шаг за шагом следует за рассуждениями Фелльнера, проверяет все его подсчеты по оригинальным источникам и приводит собственные варианты подсчетов. Всякому, кто производит исчисление народного дохода по «об'ективному» методу, можно рекомендовать внимательное рассмотрение работ Фелльнера и Гиртлера: в них найдется не мало полезных указаний технического характера.

Заключение

Согласно единодушному мнению всех немецких экономистов и статистиков, исчисление народного дохода принадлежит к числу труднейших статистических задач. При современном состоянии статистической науки и практики не приходится еще думать о разрешении ее с той степенью точности, с какой решаются другие статистические задачи. Исчисление народного дохода возможно только путем комбинации результатов статистического наблюдения в самых разнообразных отраслях. При этом, как «об'ективный», так и «суб'ективный» методы являются необходимым дополнением друг к другу. При понимании народного дохода, как процесса распределения и перераспределения чистой продукции народного хозяйства, споры о преимуществах и недостатках «об'ективного» и «суб'ективного» методов представляются чистейшей схоластикой: в таблице народного дохода, построенной на базисе схем Маркса, и «об'ективный», и «суб'ективный» народный доход найдут свое место. Излишни также и столь распространенные в немецкой литературе рассуждения о том, включать или не включать в народный доход доходы от непроизводственного труда. Эти споры имеют смысл только в том случае, если представлять себе народный доход в виде одной цифры. Если же отбросить типичный для немецкой литературы по данному вопросу фетишизм цифры и ни на минуту не упускать из виду скрывающихся за цифрами процессов, то в таблицах, схематизирующих эти процессы, нетрудно найти место и для производственного, и для непроизводственного труда.

Исчисление народного дохода связано в первую очередь с постановкой статистики продукции и статистики личных доходов, опирающейся, в свою очередь, на статистику подоходного обложения. Сколько-нибудь полной статистики промышленной продукции в довоенной Германии не было, а подоходное обложение было в каждой из федеративных частей Германии построено на иных принципах. Поэтому, все производившиеся в Германии

[1] Fellner. „Das Volkseinkommen Oesterreichs und Ungarns". Wien, 1927 г.

[2] A. Gürtler. Das Volkseinkommen Oesterreichs und Ungarns" („Weltwirtschaftliches Archiv", 1918, 13 Band, Heft 3).

исчисления народного дохода должны были прибегать к чрезвычайно грубым оценкам. А теоретики, наблюдая ненаучность подхода, проявляющуюся при практических попытках исчисления народного дохода, делали из этого вывод о полной невозможности такого исчисления. Лишь в Австро-Венгрии можно было произвести более или менее обоснованное исчисление народного дохода.

После войны целый ряд практических проблем потребовал оценки народного дохода Германии. Особенно сильно толкает в этом направлении растущая зависимость Германии от иностранного капитала и репарационный вопрос. Характерным признаком, того, что оценка народного дохода действительно требуется самой жизнью, является то обстоятельство, что такими оценками занялся ряд организаций (Reichsverband der Deutschen Industrie, Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund, Institut für Konjunktutforschung). Германия очутилась после войны в чрезвычайно своеобразном положении, когда, судя по всем признакам, ее народный доход растет параллельно с уменьшением народного богатства. [1] Эта проблема, несомненно, заслуживает того, чтобы экономическая наука занялась ею внимательней. И германские экономисты не могли отвернуться от этой задачи. Даже переполненный «скептиками» Verein für sozialpolitik был вынужден ею заняться. Правда, большинство германских теоретиков продолжают до сих пор держаться прежней «скептической» точки зрения на исчисление народного дохода. [2] Но имеется уже достаточно сильное меньшинство, которое довольно много сделало для уяснения многих методологических проблем.

В связи с состоянием германской статистики, до сих пор приходилось заниматься или методологическими рассуждениями, или же суммарными оценками. Точно так же, и исчисления трех упомянутых организаций принадлежат к числу чрезвычайно суммарных оценок. Но и с этой стороны уже намечается перелом. Подоходное обложение Германии реорганизовано на едином для всего государства базисе. С 1927 г. начали публиковаться результаты новой статистики подоходного обложения. Точно так же, начата публикованием сводная статистика бюджетов Германии, ее федеративных частей и коммун. Производятся кое-какие сводки статистики промышленной продукции. Несомненно, что все эти материалы будут использованы для исчисления народного дохода и приведут к дальнейшему рассмотрению различных методологических проблем.

---

[1] См. Р. Кучинский. „Германия-колония“ („Экономическая Жизнь“ от 13 декабря 1928 г.).

[2] Последней работой о народном доходе, проникнутой духом скептицизм , является недавно вышедшая книга Готтль-Оттлилиенфельда.

Г. А. Мебус

Калийная промышленность Германии и ее хозяйственная организация

Особенности калийной промышленности и положение ее в крупнейших странах

Калийная промышленность выделяется рядом особенностей среди прочих отраслей мировой промышленности. Она, прежде всего, любопытна с точки зрения технической, так как, в современной своей фазе развития, базируется на добыче и переработке калийных солей настолько тесно связанных между собою, что калийная промышленность стоит на грани горной и химической промышленностей, как некая комбинированная отрасль, не могущая быть отнесенной целиком ни к одной, ни к другой. В особенности за последнее время проблемы химической переработки калийных солей становятся настолько острыми и перспективы дальнейшего развития применения калийных соединений являются настолько значительными, что для развития калийной промышленности недостаточно иметь залежи соответствующих минералов (хотя и это важно в виду сравнительной редкости месторождений калийных солей) — нужно уметь организовать надлежащую переработку солей, чтобы гарантировать им сбыт на достаточно выгодных условиях.

С точки зрения экономической калийная промышленность интересна, прежде всего, в том отношении, что она представляет собою отрасль промышленности, развитую в очень немногих странах, являющихся, следовательно, как бы монополистами на мировом рынке. Это монопольное положение калийной промышленности определяет особую хозяйственную организацию ее. Следует, однако, отметить разное положение до мировой войны и после нее: до войны калийные соли добывались в сколько-нибудь заметных количествах только в Германии; в настоящее время, в силу отхода от Германии Эльзаса, она должна делить свое монопольное положение с Францией, а найденные в Испании, СССР и в Соед. Штатах месторождения приводят к созданию все большего количества конкурентов.

По данным Прусского геологического комитета, опубликованным в 1924 г., запасы установленных залежей калийных солей определяются в 25 мрд. тонн сырых солей, в которых содержится 2,5—2,8 мрд. тонн окиси калия. Из этого количества отдельные страны имеют:

Германия	20	мрд. тонн сырых солей,	2	мрд. тонн окиси калия
Эльзас	1.5	„ „ „ „	0,3	„ „ „ „
Испания	1,5	„ „ „ „	0,3	„ „ „ „

Однако, в этих исчислениях не учтены запасы СССР около Соликамска, которые первоначально определялись в 500 млн. тонн окиси калия, а затем в 2 мрд. тонн. Есть еще небольшие залежи в Польше (Галиция), определяемые, примерно, в 18—20 млн. тонн. Недавно обнаруженные в Соед. Штатах месторождения (Новая Мексика и Техас) не могут быть еще точно определены, но пока нет основания полагать, что они больше запасов Эльзаса или СССР. Повидимому, они значительно меньше.

Все эти исчисления указывают на громадное превосходство Германии по размерам разведанных запасов. Правда, если судить по содержанию окиси калия, германские месторождения относительно беднее французских и испанских и, повидимому, также и СССР, так как в среднем содержат 10% окиси калия, при 20% содержании окиси калия в названных странах. Однако, в Германии имеется много залежей высокопроцентных калийных солей, естественные условия залегания которых не хуже чем в других странах. Поэтому неудивительно, что Германия и в настоящее время является крупнейшим производителем калия.

За последние годы добыча калийных солей в разных странах, выраженная в окиси калия, представляется в следующем виде (млн. тонн):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Германия	1.014	1.573	1.260	1.517
Франция	272	312	367	372
Польша	18	36	39	47
Соед. Штаты	21	23	21	39
Индия (калийная селитра)	9	6	5	6

Таблица показывает явное преобладание Германии над другими странами в области добычи калийных солей; за ряд последних лет на Германию приходится не менее ¾ мировой добычи чистого калия. Тем не менее, в настоящее время Германия занимает в мировом вывозе калийных солей меньшее место сравнительно с тем, которое она имеет в мировом производстве. В сущности, лишь Германия и Франция в настоящее время вывозят калийные соли, так как американское и польское производство не достаточны для покрытия собственных потребностей, а индийское производство ничтожно, да, кроме того, представлено особым видом калийных соединений, а, именно, калийной селитрой. Вывоз калийных солей из Германии и Франции за последние годы представляется в следующем виде (данные по реальному весу в тыс. тонн):

	1924 г.		1925 г.		1926 г.		1927 г.	
	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.
Сырые соли (карналиты, каиниты, сильвиниты)	236	653	317	680	267	630	258	620
Сернокислые соли	95	1	129	1	133	2	149	3
Хлористый калий	111	41	197	43	201	46	177	40
Другие удобрительные соли (концентрированные заводским способом)	441	—	829	1	696	1	774	—

По общему весу вывозимых солей Германия лишь в два раза превосходит Францию, вывозя, преимущественно, обработанные и концентрированные соли, что указывает на известное техническое преимущество германской калийной промышленности над французской. Этому преимуществу Франция пока может противопоставить только меньшие издержки по добыче окиси калия из сырых солей, вследствие большего их богатства.

Итак, судя по приведенным данным, Германия является основным источником калия для мирового рынка, почему рассмотрение именно германской калийной промышленности представляет несомненно большой интерес и не меньшее значение.

Характер и рассмотрение германских залежей калийных солей

В Германии калийные соли встречаются обычно вместе с каменной солью и приурочены к геологической формации, так называемого, верхнего цехштейна; значительно реже калийные соли встречаются в третичных слоях (калийные месторождения Бадена, являющиеся аналогом эльзасских).

Основным районом калийной промышленности являются местности средней и северной Германии между реками Везер Эльба. Главные группы

месторождений калийных солей здесь следующие: Магдебург-Гальберштатская впадина по северному краю Гарца (наиболее известное месторождение Штассфурт-Леопольдсхалль), южный Гарц (Мансфельд, Нордгаузен, Галле, Эрфурт), Ганновер, район Верры и Фульды. Кроме этих важнейших месторождений, следует отметить месторождения в Бадене, у Везеля, на нижнем течении Рейна около голландской границы и месторождения северо-германской низменности. Залежи калийных солей находятся обычно на глубине 350—650 *м* под земной поверхностью. Таким образом, разведка и добыча солей являются довольно дорогим предприятием, так как требуют глубокого бурения и глубоких шахт. При прокладке и эксплоатации шахт приходится очень считаться с опасностями, грозящими от проникновения в ствол шахты или штреки грунтовых или подземных вод. Борьба с водой иногда чрезвычайно сильно затягивает срок прокладки шахты: в Германии имеются шахты, которые строились 10 («Гильдезия») и даже 16 (шахта «Есниц» в Мекленбурге) лет. По южному склону Гарца, где шахты прокладываются быстрее, все же их строят от 1 до 2 лет. Очень опасным является проникновение воды в уже построенные и эксплоатируемые шахты; было очень много случаев полного прекращения добычи в шахтах, вследствие невозможности бороться с водой, несмотря на, иногда, миллионные затраты на эту цель.

Поэтому калийной промышленности присущ значительный элемент риска и концентрация калийной промышленности в немногих предприятиях опасна, так как до сих пор еще не найдено достаточно эффективных способов борьбы с подземными водами. Риск, присущий поискам и эксплоатации (особенно на первых порах) месторождений, сказывается на преобладании в калийной промышленности до войны особой формы предприятия — так называемой «геверкшафт», горного паевого товарищества, без точно фиксированной заранее суммы основного капитала, но с обязательством каждого пайщика делать приплаты, необходимые для функционирования предприятия. Количество паев этих товариществ до недавнего времени было очень ограничено—от 100 до 1.000 при чем до войны эти паи не обращались на бирже.

Калийные соли германских месторождений очень разнообразны; существует около 30 соединений калия с другими элементами в виде солей. Обычно, калийные соли, кроме хлора и серных соединений, содержат примесь натрия, магния и кальция; часто также они содержат буру, бром, иод; меньше и реже родий, цезий, аммоний и таллий. Важнейшими видами калийных солей являются, однако, карналлит (соединение хлористого калия с хлористым магнием), каинит (соединение хлористого калия с сернокислым магнием) и сильвин (хлористый калий). Последний, однако, не встречается, обычно, в чистом виде, а представлен в виде смеси с каменной солью, с примесью глины, кизерита (сернокислого магния) и карналлита, или в виде смеси сильвина с кизеритом. В первом случае мы имеем, так называемый, сильвинит, во втором «твердую соль». Наиболее ценными являются месторождения сильвинита и «твердой соли», так как они содержат наибольший процент окиси калия и дают меньше отбросов при переработке. Карналлиты содержат не больше 12% окиси калия (обычно около 9%) и при переработке на хлористый калий оставляют много отбросов в виде, так называемого, «конечного щелока», который приходится или выпаривать (что невыгодно, вследствие большого расхода топлива), или спускать в реки. Далеко не все предприятия, однако, пользуются правом спускать в реки свои остаточные воды, так как калийная промышленность расположена в чрезвычайно населенном районе Германии с большим количеством городов, которые борятся против загрязнения воды рек из-за санитарных соображений. Между тем, главная масса запасов калийных солей в Германии состоит

именно из карналлитов, которые требуют переработки на химических заводах, так как сырые соли редко могут быть применены для нужд сельского хозяйства, вследствие бедности окисью калия и вредной для многих растений примеси хлористого магния; в промышленности же применяются только концентрированные продукты (значит подвергшиеся предварительной переработке на химических заводах). В преобладании карналлитов заключается большой недостаток германских месторождений калийных солей сравнительно с эльзасскими, состоящими исключительно из сильвинитов. Однако, как уже указано было выше, в Германии имеются большие залежи более богатых солей, сильвинитов и «твердой соли». Особенно богаты ими район Верры и Фульды, южный Гарц, Ганновер и сравнительно недавно открытый новый район в Бадене. Запасы этих районов, повидимому, в своей совокупности гораздо больше, чем запасы Эльзаса. В послевоенное время, под влиянием конкуренции с Эльзасом, добыча сильвинитов и «твердой соли» растет чрезвычайно сильно за счет добычи карналлитов. В 1913 г. из всей добычи сырых солей 45,7% приходилось на долю карналлитов, в 1927 г.— 16,1%. Вместе с тем, центр тяжести калийной промышленности переместился из района Штассфурта в район Верры и Фульды.

Важным преимуществом германских месторождений является наличие кизеритов во многих копях, где добываются калийные соли. Благодаря этому в Германии легче и дешевле производить некоторые сернокислые соединения калийных солей, содержащие очень малый процент хлористого натрия и поэтому важные, как удобрительный материал для культуры винограда, табака, хлопка и ряда тропических растений. Как показывает приведенная (на стр. 216) таблица. Франция почти не вывозит сернокислых калийных солей на мировой рынок.

В современной германской калийной промышленности имеют очень большое значение отбросы при переработке калийных солей на хлористый калий и на сернокислые соединения калия. Важнейшую роль играют бром, поваренная и глауберова соль, серная кислота (последняя получается из кизеритов). Эти отбросы или вернее побочные продукты оказывают большое влияние на себестоимость основных продуктов (хлористый калий, концентрированные удобрительные соли, сернокислый калий и др.), так как способствуют их удешевлению.

Заводы по переработке калийных солей расположены при копях, так как сырые соли представляют собою дешевый громоздкий продукт, теряющий значительную часть своего первоначального веса при заводской переработке. Только в начале развития калийной промышленности заводы существовали отдельно от копей и покупали необходимые им для переработки калийные соли. С конца XIX в. заводы и копи организуются, как единые неразрывные внутри себя предприятия. Отчасти это об'ясняется тем значением, которое приобрели концентрированные удобрительные соли, изготовляемые обычно в форме смеси фабриката — хлористого калия с размолотыми сырыми солями.

Производство в калийной промышленности имеет до известной степени сезонный характер, что связано с характером сбыта продукта. Сезоном является вегетационный период в средней Европе, период май — октябрь. Главная работа идет весной и осенью, когда нужно доставить удобрения для яровых и озимых культур. Работа на склад имеет очень ограниченное распространение, так как калийные соли трудно хранить, вследствие их гигроскопичности и легкого затвердевания. Последнее обстоятельство может привести к необходимости вторичного размола.

Одним из важнейших преимуществ, отличающих Германию от других стран, добывающих калийные соли, является высокий технический уровень добычи и переработки солей. Для решения научно-технических задач в об

ласти добычи и переработки солей об'единением германской калийной промышленности даже организован в 1919 г. специальный исследовательский институт в Штассфурте-Леопольдсхалле, центре германской калийной промышленности.

Развитие и организация германской калийной промышленности до 1919 г.

Калийные соли были открыты в Германии в 1856 г., но заметная добыча их датирует лишь с 1861 г., так как первоначально для них не находили применения. Только в 60-х годах были найдены надлежащие способы использования калийных солей для целей удобрения, но все же до середины 80-х годов промышленное потребление калийных солей превышало сельскохозяйственное. Уже в этот первый период развития калийной промышленности стала складываться монополистическая ее организация, в виде обнимающего все предприятия синдиката, регулирующего цены и сбыт. Синдицирование промышленности давало возможность держать цены на довольно высоком уровне и использовать монопольное положение Германии на внешнем рынке, потребляющем, примерно, половину всей продукции калийной промышленности. На внешнем рынке цены держались на более высоком уровне нежели в Германии, что давало германскому сельскому хозяйству довольно ощутимые преимущества. Такая политика синдиката об'яснялась в значительной степени крупной ролью государственных предприятий в производстве, влияющих в желательном для аграриев направлении на политику синдиката.

Для расширения сбыта калийных солей германский калийный синдикат с начала 90-х годов развил очень энергичную деятельность путем организации особых бюро пропаганды в разных странах, постановки специальных опытов использования калийных удобрений в разных условиях и при различных культурах и издания огромного количества агрономической литературы и даже специального журнала, посвященного вопросам удобрения растений. Эта пропаганда в значительной степени способствовала развитию сельскохозяйственного применения калийных солей: в начале 900-х годов уже до 90% продукции калийной промышленности идет на сельскохозяйственные нужды. Добыча калийных солей быстро росла. Она составляла в тысячах тонн:

1870 г. — 289	1910 г. — 8.161
1880 г. — 669	1911 г. — 9.707
1890 г. — 1.279	1912 г. —11.076
1900 г. — 3.037	1913 г. —11.608

Однако, быстрый рост производства в значительной степени затруднял дальнейшее существование синдикатской организации промышленности, так как этот рост шел за счет появления все большего количества новых предприятий. Так, в 1900 г. действовало 15 предприятий, в 1905 г. — 35, в 1910 г. — 72, в 1913 г. — 125. Новые предприятия требовали или принятия их в синдикат, или грозили продавать продукт по значительно пониженным ценам. В 1910 г. явно обозначился кризис синдиката: несколько предприятий не вошли в синдикат и запродали в Соед. Штаты значительные партии калийных солей по сильно пониженным ценам, стоящим ниже себестоимости многих старых предприятий. Тогда в организацию калийной промышленности вмешалось государство и установило принудительное синдицирование промышленности.

В 1910 г. был издан особый закон, по которому все предприятия были обязаны сбывать свои продукты только через синдикат. Доли участия их в синдикате устанавливались особой распределительной комиссией на 5 лет и могли быть изменены в силу появления новых предприятий, изменения разведанных запасов солей и состояния оборудования копей и фа

брик. Каждое новое предприятие, начавшее добычу и могущее, по состоянию запасов солей и оборудования, поставлять в течение 50 лет не менее 5 тыс. тонн окиси калия ежегодно, имело право на квоту. Однако полную квоту оно получало лишь через 5 лет после начала работ; до этого срока оно имело лишь известную долю своей квоты (не больше 50% на первые годы). Это постановление должно было затруднить образование новых предприятий, но не достигло своей цели. Отчасти это об'ясняется тем, что делалось исключение для шахт, не менее, чем на $^1/_3$ принадлежавших отдельным государствам. Некоторые предприятия, поэтому, уступали известный пакет акций государствам, чтобы немедленно иметь полную квоту. Для облегчения концентрации производства разрешалось передавать квоты от одного предприятия другому; однако, если передавалось больше 50% квоты, требовалось разрешение соответствующих государственных органов, так как закрытие предприятия могло отразиться на налоговых поступлениях и всей народнохозяйственной жизни известного района. Кроме того, при закрытии предприятия, оно было обязано вознаградить рабочих и служащих за вынужденную безработицу на срок до 26 недель.

Общий контингент сбыта устанавливался на уровне 105% сбыта предыдущего года. Всем предприятиям было запрещено устраивать фабрики хлористого калия вне Германии или принимать в них участие. Предприятия, продающие вне синдиката, облагались высокими штрафами. Штрафы были весьма значительны: копи Ашерслебен за внесиндикатские продажи 1911 и 1912 гг. заплатили 300 тыс. марок штрафа.

Столь значительные штрафы, разумеется, быстро привели в синдикат аутсайдеров и с 1912 г. синдикат имел полное господство на рынке. Так как на внутреннем рынке цены на калийные соли с 1910 г. утверждались союзным советом, то главные прибыли давал внешний рынок, цены на котором были во власти синдиката.

В 1913 г. общий сбыт калийной промышленности оценивался в 200 млн. марок, из которых 118 млн. приходилось на долю внешнего рынка. По исчислениям видного деятеля калийной промышленности Зауэра, отсутствие принудительного синдиката дало бы возможность иностранным потребителям в период 1910—1912 гг. заплатить за калийные соли примерно на 100 млн. марок меньше, чем было фактически уплачено.

С этой точки зрения, закон 1910 г. принес довольно значительные плоды. Однако, он не устранил основного недостатка организации промышленности — избытка числа предприятий. Наоборот, этот закон до известной степени даже усилил чрезмерную капитализацию.

Во время действия закона 1910 г., т.-е. с 1910 г. по 1919 г., состояние германской калийной промышленности характеризуется следующими показателями. (См. стр. 221).

С 1910 г. по 1913 г. производство и сбыт росли очень интенсивно, но число действующих предприятий увеличивалось быстрее, вследствие чего уменьшалась продукция и сбыт на каждом из них. Сбыт заграницу рос очень быстро, но внутренний рынок поглощал все же главную долю производства. Война сильно сократила сбыт на внешние рынки, следствием чего было сильное падение производства в 1914 г. и, особенно, в 1915 г. Однако, в 1916—1918 гг. сбыт калийных солей на внутренний рынок настолько растет, что в последние годы войны калийная промышленность стоит примерно на 85—90% довоенного уровня в отношении производства и общего сбыта. Война показала, таким образом, огромное значение внутреннего рынка для калийной промышленности.

Рост внутреннего потребления калийных солей во время войны, частично, об'ясняется недостатком азотных и фосфорно-кислых удобрений, которые стремились заменить калийными. Однако, крупное значение имела

также политика цен. Цены на калийные удобрения были довольно стабильными и стали повышаться только в конце 1915 г., при чем рост цен

Годы	Число действующих предприятий	Добыча в тыс. тонн			Сбыт в тыс. тонн	
		карналитов	сильвинитов и „твердой соли“	Всего	Окиси калия	
					Всего	В том числе за границу
1910	72	3.583	4.578	8.161	734 [1]	305 [1]
1911	78	4.442	5.265	9.707	882 [1]	402 [1]
1912	94	5.288	5.788	11 076	1.005 [1]	477 [1]
1913	125	5.302	6 305	11.607	1.110	506
1914	149	3.651	4.521	8.172	904	366
1915	149	3.011	3.868	6.879	680	113
1916	148	3.795	4.848	8.643	884	159
1917	147	3.767	5.171	8.938	1.004	133
1918	147	4.145	5.293	9.438	1.002	142
1919	147	3.371	4.441	7.812	812	175

на калийные удобрения шел значительно более медленным темпом сравнительно с ценами на другие товары и, прежде всего, на продукты сельского хозяйства.

Образование и развитие концернов

Резкое увеличение числа предприятий в 900-х годах, вызвавшее принудительное об'единение их в синдикат законом 1910 г., вместе с тем, поставило новую организационную проблему в калийной промышленности — проблему концернов или более тесных об'единений отдельных предприятий внутри синдиката.

Причины образования концернов были весьма разнообразны. По мере увеличения числа предприятий все труднее становилось получить право на спуск в реки остаточных вод; отсюда договоры на совместное пользование фабриками между предприятиями, из которых одно имело, так называемое, Endlaufekonzession (право на спуск в реку конечного щелока). Бывали случаи основания копей без сооружения фабрики по переработке солей; в таком случае копи брали в аренду фабрику у другого предприятия и, таким образом, между ними устанавливалась общность интересов на длительное время. Необходимость иметь два ствола шахты, с 1907 г. также вызывала длительные об'единения предприятий, удовлетворявших требованиям органов горного надзора прокладкой соединительной штольни. Еще более существенное значение для образования концернов имело превращение второго ствола шахты в самостоятельное предприятие, со «своими» залежами солей. Акции или паи оставались в руках основного предприятия и, таким образом, возникали предприятия — дочери, внучки и т. д., а, с другой стороны, все большую роль в активах калийных предприятий стали играть акции и паи других шахт и фабрик.

Далее, весьма важную роль в образовании концернов играли некоторые особенности синдикатского регулирования промышленности. Доли сбыта устанавливались по отдельным категориям продуктов, а это вызывало постоянную необходимость во взаимных обменах долями, так как почти каждое предприятие, по условиям производства, могло попасть в такое положение, что по одному продукту ему было выгоднее произвести больше, а по другому меньше, чем составляла его квота. Синдикат допускал такие соглашения об обмене квотами, а по закону 1910 г. даже

[1] Без внесиндикатских поставок в Соед. Штаты.

разрешалась уступка квоты целиком или частично другому предприятию: отсюда все более тесные об'единения между отдельными предприятиями.

Такие об'единения вызывались также борьбой за влияние в синдикате. К тому же в нем установилась групповая система выборов: например, при выборах членов наблюдательного совета каждый выбирался от группы, имеющей одну восьмую всех долей. Разумеется, это было важным стимулом для образования прочных об'единений, представители которых могли бы проводить определенную политику в синдикате.

Наконец, условия финансирования калийной промышленности создавали необходимость в об'единениях, так как это давало возможность менее кредитоспособным предприятиям воспользоваться кредитом более прочных на рынке капиталов. В особенности, в последние годы до войны, эмиссии калийных предприятий приняли очень значительные размеры: в 1911 г., например, они доходили до 115 млн. марок, а в 1912 г. 95 обществ выпустили одних облигаций на 232 млн. марок. Эти суммы собирались, главным образом, среди средних капиталистов. Центральные депозитные банки, обычно, не участвовали в эмиссиях калийных ценностей и даже не рекомендовали своим клиентам приобретать их, в виду большого риска, связанного с калийным делом. Паи горных товариществ до войны не котировались на бирже; между тем в калийной промышленности было мало акционерных обществ, а главная масса предприятий была создана в форме горных паевых товариществ (Geverkschaft).

В учреждении новых калийных предприятий большое участие принимали провинциальные банки, в особенности, частные банкирские конторы (около половины предприятий возникло в результате деятельности последних). Некоторые из банкирских домов специализировались на калийном деле; естественно, что длительная связь целого ряда калийных предприятий с определенными банковскими фирмами также создавала предпосылки для тесного их об'единения. К тому же многие банкирские конторы и более крупные банки настаивали на таких об'единениях, так как это уменьшало риск[1] вложения новых капиталов, путем распределения их на более широкий круг участников, создавало большую ликвидность затраченных средств, в особенности, в случае, если одно или несколько предприятий находилось в разной стадии достройки, наконец, облегчало обозримость предприятий и делало более легкой калькуляцию себестоимости, очень разной не только в силу производственных, но и транспортных условий. По закону 1910 г. цена калийных солей для внутреннего рынка считалась франко-станции Штассфурт, Зальцунген или Виненбург, при чем на далекие расстояния давалась скидка с железнодорожного тарифа за счет калийного синдиката. Об'единение предприятий, расположенных в разных расстояниях от этих исходных станций, давало возможность уравнивать выгоды или невыгоды географического их расположения. Значение географического фактора усиливалось еще вопросом топлива и энергоснабжения. Предприятия Гарца и Тюрингии расположены в буроугольных районах и часто имеют собственные угольные копи; в районе Верры и Фульды и в северном Ганновере предприятия покупают топливо и, в особенности, электрическую энергию от других.

Под влиянием всех изложенных причин, концерны стали образовываться уже в конце 90-х гг. и рост их происходил необычайно интенсивно. В начале 1910 г. из 68 работавших предприятий было об'единено концернами 36, при чем на них приходилось уже больше половины долей участия

[1] Возможность затопления шахты или недостаточных запасов по окончании покладки шахты.

в синдикате — 526,23 тысячных, а на 32 самостоятельных приходилось только 473,77 тысячных. Эти концерны, однако, охватывали лишь небольшие группы предприятий.

К началу войны концерны оставались такими же небольшими, но количество их сильно увеличилось. В 1914 г. считалось уже 34 концерна и лишь 17 отдельных, не об'единенных предприятий. Однако, самый большой концерн Deutsche Kaliwerke A. G имел лишь 9,5% долей[1] участия в синдикате. К концу войны, в 1918 г. имеется еще 27 концернов, но уже почти все предприятия об'единены ими. Предприятия вне концернов имеют в общем лишь 54 тысячных сбыта синдиката.

Самый сильный концерн имеет в 1918 г. уже почти 12% долей участия в синдикате, но уже в 1919 г. роль его сильно падает, так как от Германии отходит Эльзас, а вместе с тем и ликвидируются немецкие предприятия в Эльзасе, принадлежащие Deutsche Kaliwerke A. G.

Если принять во внимание, что в германской калийной промышленности не было ни одного единоличного предприятия[2], может показаться непонятным, почему процесс концентрации происходил так медленно. Одна из причин заключается в том, что очень редко применялась фузия — полное поглощение одного предприятия другим. Обычной формой об'единения являлась «общность интересов» (Interessengemeinschaft) об'единение довольно неопределенное, но дающее ряд возможностей переплетения предприятий, трудно обозримого со стороны. Путем такой Interessengemeinschaft, многие концерны были переплетены между собой, что давало возможность самых разнообразных, плохо видных для широкой публики, финансовых комбинаций. Об'единения путем специальных обществ по скупке акций были мало распространены — до войны их насчитывалось всего два. Однако, очень была распространена смешанная форма, типичная для Interessengemeinschaft: обмен акциями и сосредоточение акций многих предприятий в одном обществе, занимающемся и непосредственной производственной деятельностью. Поэтому, многочисленность концернов не дает вполне правильного представления о степени концентрации промышленности, так как многие концерны были связаны между собою.

Что касается редкости случаев фузии, то это было связано со стремлением сохранить максимум предприятий для квоты. Фузия имела бы смысл только тогда, когда из ряда слитых предприятий по добыче последняя была бы концентрирована на самых выгодных шахтах. Именно это было опасно, так как закрытые шахты при периодическом пересмотре долей участия лишились бы квоты.

Кроме того, фузия обычно применяется для увеличения основного капитала. При акционерной форме предприятия проведение такового увеличения весьма просто и совершается путем выпуска дополнительных акций. Между тем, огромное большинство предприятий было организовано в форме горного паевого товарищества с твердо фиксированным числом паев. Увеличение основного капитала при такой форме предприятия требовало дополнительных приплат по паям, что конечно встречало весьма большую оппозицию у пайщиков.

Концерны постепенно стремились превратить свои предприятия в акционерные общества, в виду большей эластичности этой формы предприятий; однако, далеко не все могли провести это с достаточной полнотой.

[1] Точнее 94 6065 тысячных. С 1910 г. доли участия в синдикате выражаются в тысячных с четырьмя десятичными знаками — дополнительная иллюстрация кризиса перекапитализации.

[2] Только Вестерегельн, одно из старейших, было основано в качестве такового. Однако, оно в конце XIX в. уже было реорганизовано в акц. об-во.

так как многие предприятия существовали очень недавно и, поэтому, точное определение их имущественного положения представляло большие трудности. При форме горного паевого товарищества (Gewerkschaft) эти трудности обходились, так как оно не имело определенного основного капитала.

Закон 1919 г.

После окончания мировой войны в германской калийной промышленности возникли новые проблемы, очень быстро потребовавшие иного регулирования со стороны государства и более напряженной деятельности со стороны концернов.

После войны вновь открылся мировой рынок для промышленности и, прежде всего, вновь появилась возможность поставок калия в Соед. Штаты. Однако, за время войны в этой стране возникло свое производство калийных соединений, а посему предстояла борьба за американский рынок. Правда, производство калийных соединений в Соед. Штатах возникло при специфических военных условиях, когда необычайно высокие цены оправдывали высокие издержки производства калийных солей при использовании соляных озер и отбросов некоторых отраслей промышленности. За время войны в Соед. Штатах платили за калий до 400 долларов за тонну. Между тем, калийный синдикат осенью 1919 г. заключил договор на поставку калийных солей по 120 долларов за тонну окиси калия и этот договор считался для него чрезвычайно выгодным, так как это составляло 1.200 марок за 100 кг, в то время как внутренняя цена зимою 1919 г. составляла 85—90 марок. Разумеется, эта колоссальная разница в ценах об'яснялась и специфическими условиями колебания курса марки. Во всяком случае цены германских калийных солей были настолько ниже цен американских продуктов, что для американских предприятий конкуренция была непосильной.

Эти предприятия, однако, домогались высоких таможенных пошлин на привозные калийные продукты для защиты местного производства. Было весьма вероятным, что эти пошлины будут введены, так как калийная промышленность в Соед. Штатах возникла при деятельном участии государства и в нее было вложено около 50 млн. долларов капитала, могущего быть совершенно обесцененным. Поэтому, высокие доходы 1919 г. могли смениться в ближайшие же годы весьма низкими поступлениями по продаже за границу. Еще серьезнее был переход эльзасских предприятий к Франции. В момент перехода в Эльзасе было 17 шахт, но не было фабрик по выработке хлористого калия и сернокислых соединений калия; поэтому, в 1919 г. во Францию даже ввозилось некоторое количество калийных солей из Германии и для борьбы с этим ввозом были установлены высокие ввозные пошлины. Однако, французское правительство, секвестрировавшее германские предприятия и принадлежащее эльзасцам общество св. Терезы, энергично строило фабрики и прокладывало новые шахты. В 1920 и в последующие годы уже идет вывоз из Франции по очень низким ценам и проблема внешнего рынка становится очень острой.

Производственные условия в Германии после войны также ухудшились. Сильно понизилась производительность труда при сильном увеличении общего количества рабочих. На 1 июля 1914 г. в калийной промышленности насчитывалось 35 тыс. рабочих, 1 октября 1918 г.— 36 тыс. (из них 15 тыс. военнопленных), 1 июля 1920 г. — 54 тыс. Производство в тысячах тонн сырых солей составляло:

1913 г.	— 11.608
1918 „	- 9.438
1920 „	- 11.386

Производительность труда, выраженная в тоннах годовой добычи на 1 рабочего, упала до 200 против 344 до войны. Резкое понижение производительности труда не могло не отразиться на уровне себестоимости, тем более, что в калийной промышленности до половины всех текущих эксплоатационных расходов составляла заработная плата. Многие предприятия страдали от недостатка и дороговизны угля и энергии.

Наконец возникла опасность возобновления постройки новых шахт в результате высоких прибылей по заграничным продажам 1919 и начала 1920 гг.

Все эти условия настоятельно требовали рационализации промышленности с целью приспособить ее к изменившимся условиям мирового рынка и условиям производства внутри страны. Естественно, что эта рационализация требовала и пересмотра государственного регулирования калийной промышленности.

С другой стороны, изменились и социально-политические условия. В результате германской революции у власти оказались социал-демократы, которые под влиянием давления масс выдвинули лозунг большего вмешательства государства в регулирование хозяйственной жизни и участия рабочих в руководстве промышленностью, вплоть до «социализации» таких отраслей, которые «созрели» для нее в результате своего хозяйственного и организационного развития. Наиболее подходящей для социализации казалась, кроме угольных и некоторых других, именно калийная промышленность представляющая собою регулируемую государством частно-хозяйственную монополию. Уже во время обсуждения закона 1910 г. социал-демократическая фракция рейстага выдвигала требование огосударствления калийной промышленности. В 1919 г. «комиссии по социализации» было поручено изучить положение калийной промышленности с целью установления условий и сроков перехода ее к государству; но уже до начала работ комиссии был издан закон, который сильно изменял регулирование промышленности против постановлений закона 1910 г.

По закону 24 апреля 1919 г. устанавливался особый верховный орган управления калийной промышленностью — «калийный совет» из 30 членов. Этот совет, своего рода хозяйственный парламент по калийным делам, получал довольно широкие права. Он должен был устанавливать основные принципы регулирования промышленности с целью ее бесперебойного развития и, вместе с тем, защищать интересы германского сельского хозяйства и других потребителей калия в Германии. Поэтому, ему предоставлялось право определять цены на калийные соли внутри Германии и регулировать количество предприятий: он имел право запрета прокладки новых шахт и мог закрывать существующие предприятия по добыче и переработке калийных солей, в случае нехозяйственного ведения дела. Далее, калийному совету были подведомственны дела, касающиеся рабочих в калийной промышленности: длина рабочего дня, уровень заработной платы, условия труда и т. д.

Все предприятия, добывающие калийные соли и соединения горнозаводским или иным путем, были обязаны войти в калийный синдикат, который в отношении цен и условий сбыта внутри Германии считался исполнительным органом калийного совета. В правление синдиката был введен представитель от рабочих. На внешнем рынке калийный синдикат выступал вполне самостоятельно.

Доли участия в синдикате устанавливаются особым органом „Kaliprüfungsstelle“ члены которого избираются калийным советом; им же избираются члены апелляционного органа Kaliberufungsstelle.

Для контроля над условиями труда калийный совет имеет особые органы в двух инстанциях. Наконец, особый орган — Landwirtschaftlich — technische Stelle — устанавливается также для сельскохозяйственной пропаганды калия. Однако, председатели всех органов калийного совета назначаются министром народного хозяйства. В случае нарушений обычных условий труда калийный совет в лице своего органа по распределению квот может сократить доли участия в синдикате соответствующих предприятий минимально на 10%. Этот пункт закона должен был предотворить понижение заработной платы рабочих, в случае установления низких цен на калийные соли внутри страны. Соответствующий пункт был и в законе 1910 г. однако, он оказался мало эффективным, вследствие отсутствия особого органа по контролю над условиями труда, установленного законом 1919 г.

Остальные постановления закона были в общем аналогичны закону 1910 г. Периодический пересмотр квот устанавливался каждые 5 лет, при чем первый пересмотр должен был произойти в 1923 г. Новые предприятия имели право на квоту на началах, установленных законом 1910 г. Таким образом, закон 1919 г. не устранил опасности открытия новых калийных предприятий, а также не устранил стимулов для вложения нового капитала в существующие предприятия с целью повышения квоты. Вместе с тем, остались все затруднения для концентрации промышленности, которые существовали прежде.

Калийный совет все же провел постановление, по которому запрещение прокладывать новые шахты, не начатые до войны, осталось в силе до 1925 г. Однако, было около 60 предприятий, имевших право на достройку, кроме того, было разрешено проложить несколько шахт в новых богатых районах, так что количество действующих и достраиваемых предприятий, имевших право на квоту, в 1920 г. составляло 201, а вскоре возросло до 228.

В 1920 и 1921 гг. происходили работы «комиссии по социализации», которые должны были установить окончательную судьбу калийной промышленности в отношении оставления ее в руках прежних владельцев или перехода к государству. Уже во время работы комиссии, однако, политическая ситуация в Германии настолько изменилась, что вопрос о социализации был фактически снят с порядка дня. Результатом деятельности комиссии остался, однако, закон 1921 г., который должен был дать возможность рационализации калийной промышленности при сохранении частнокапиталистической организации хозяйства.

Законом 22 октября 1921 г. (вернее дополнением к закону 1919 г.) доли участия предприятий оставлялись в силе до 1934 г. Об'единениям, согласившимся добровольно закрыть свои предприятия, квоты оставлялись без изменения до конца 1953 г. Предприятиям, не достроившим шахты и не имевшим окончательной квоты, таковая предоставлялась и при этом до 1953 г., если они соглашались отказаться от производства. Кроме того, подтверждалось право калийного совета принудительно закрывать предприятия, на которых будет установлено нехозяйственное ведение дела.

Эти постановления открыли возможность далеко идущей концентрации калийной промышленности, путем закрытия мало рентабельных предприятий и сосредоточения производства на наиболее выгодных.

Современное положение германской калийной промышленности

Закрытие предприятий на основе перепродаж квот началось особенно интенсивно после 1922 г. В этом году число действующих предприятий составляло 139. За последние годы было:

1924 г. 93	1926 г. — 66
1925 „ — 85	1927 „ — 61

Кроме того, на 46 шахтах сохранено резервное устройство; зато из 61 шахты, действующих в 1927 г. основная работа велась на 41 шахте, а 20 имели побочное значение. В 1928 г. действовало только 40 шахт. Процентное содержание окиси калия в добыче сильно повысилось: от 11,4 в 1913 г. до 13,5 в 1927 г. Это указывает на переход к более богатым солям. Действительно, процентная доля карналлита во всей добыче упала с 45,7 до 16,1 за это время. Переместились и центры промышленности — из района Штассфурта в Ганновер и в район Верры и Фульды с их более богатыми запасами сильвинитов и «твердой соли».

Производство и сбыт за 1920—1927 гг. сравнительно с довоенным представляются в следующем виде:

Годы	Производство сырых солей в тыс. тонн	Сбыт окиси калия в тыс. тонн		
		Внутри страны	За границей	Всего
1913	11.608	604	506	1.110
1920	11.386	689	234	923
1921	9 290	768	153	921
1922	13.071	964	332	1.296
1923	11.212	535	351	886
1924	8.072	502	340	842
1925	12.044	767	459	1.226
1926	9.415	694	406	1.100
1927	11.080	797	443	1.240

В 1928 г. сбыт составлял уже свыше 1,4 млн. тонн окиси калия, при чем сильно повысился сбыт за границу (результат соглашения с Францией в 1926 г.).

Характерным изменением в условиях сбыта (а следовательно, и производства) является резкое увеличение в сбыте доли концентрированных удобрительных солей и уменьшение сбыта солей в сыром виде. В настоящее время уже значительно больше половины всего калия сбывается в виде концентрированных 20, 30 и 40-процентных солей, при этом основная масса концентрированных солей (свыше $^4/_5$) готовится и сбывается в виде 40-процентной соли. Поэтому, несколько упал сбыт хлористого калия — в области сельского хозяйства он вытесняется концентрированными удобрительными солями.

Растущее значение концентрированных солей об'ясняется в значительной мере конкуренцией Эльзаса, в котором среднее содержание окиси калия в сырых солях выше, чем в Германии. Однако, очень крупную роль играет также вздорожание тары и перевозок, в силу чего сбыт сырых солей на далекие расстояния, в особенности за границу, почти невозможен. Даже на концентрированные калийные продукты провозная плата ложится в настоящее время более тяжелым бременем, чем до войны. В Гамбурге и Бремене недавно сооружены особые пристани со специальными хранилищами, которые позволяют легче и дешевле хранить и перегружать калийные соли с баржей и железнодорожных вагонов на морские суда. Значение этих особых пристаней заключается в том, что они позволяют в большей мере пользоваться дешевыми водными перевозками до портов, через которые происходит вывоз калийных солей.

Увеличение значения концентрированных солей, вместе с тем, означает большую и все растущую роль химической переработки продуктов в калийном деле; при этом, как мы увидим в дальнейшем, возникла новая проблема организации производства смешанных удобрений, содержащих не только

калий, но также азот и фосфор. А это в свою очередь, рано или поздно, должно привести к сращиванию калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности.

Количество рабочих в калийной промышленности сильно упало против довоенного, за счет сильного увеличения производительности труда. Для 1924—1927 гг. мы имеем следующую картину сравнительно с довоенной:

Годы	Число рабочих	Годовое производство на 1 рабочего в тоннах окиси калия
1913	32.858	344
1924	28.104	315
1925	27.862	491
1926	23.368	478
1927	22.107	588

Как видно, к 1927 г. количество рабочих сократилось на треть против довоенного. Производительность одного рабочего возросла на 70%. Таким образом, за счет нового оборудования и, несомненно, увеличения интенсивности труда, удалось сократить значительное число рабочих.

Что касается заработной платы, то она довольно сильно возросла за период рационализации. Она составляла в среднем:

1924 г. — 4,70 марок
1925 „ — 6,00 „
1926 г. — 6,34 марки
1927 „ — 6,85 марок

В последнем году она была выше довоенной на 58,6%. Так как индекс товарных цен в этом году был ниже, то повысился не только денежный, но и реальный заработок рабочих. Однако, как уже указано выше, это увеличение заработной платы произошло при увольнении 10 тыс. рабочих.

Техническая рационализация калийной промышленности происходила на основе значительно более низких цен на калийные соли, чем до войны.

Средняя цена 100 *кг* окиси калия составляла:

1913 г. — 18,2 марки
1924 „ — 13,8 марок
1925 „ — 15,5 марок

Если принять во внимание общий индекс цен, то уровень цен на калий в 1925 г. можно считать по крайней мере на треть ниже довоенного.

Конкретные цены для внутреннего рынка с марта 1925 г. по декабрь 1926 г. показаны ниже. Они установлены на отдельные виды солей в пфеннигах за каждый процент окиси калия в 100 *кг* продукта, с надбавкой в 30% на калийные продукты, идущие для промышленных нужд:

Карналит молотый с содержанием до 12% окиси калия	6,89
„ „ „ „ свыше 12% „ „	7,50
Сырые соли с содержанием от 12—15% „ „	8,97
Удобрительные соли с содержанием от 18 - 22% окиси калия	12,24
„ „ „ „ 28 - 32% „ „	15,64
„ „ „ „ 38—42% „ „	16,68
Хлористый калий „ „ 50 - 60% „ „	27,00
„ „ „ свыше 60% „ „	29,00
Сернокислый калий „ „ 42% „ „	31,25
Сернокислый калий магний	28,85

В декабре 1926 г. цены были повышены. Для 20-процентных солей они составляли 15,20 пфеннигов за единицу, вместо 12,24 и на таком уровне оставались до 1929 г. Однако и после этого повышения цен на 25% в 1926 г. против 1925 г., калийные соли стоят в Германии ныне на более низком уровне цен, нежели до войны, так как индекс цен на калийные соли значительно ниже общего индекса цен.

Все приведенные данные показывают, что германская калийная промышленность в настоящее время стоит выше довоенного уровня как по своему техническому состоянию, так и по размерам производства. Вместе с тем, систематически восстанавливается вывоз калийных солей за границу: в 1928 г. он считался уже равным довоенному. Пропаганда калийных солей ведется уже в более широких размерах, чем до войны. Так в 1928 г. в Германии действовало 18 бюро пропаганды и еще больше вне Германии. После соглашения с Францией в 1926 г., часть этих бюро содержится на общие средства. Район действия пропаганды вновь охватывает все страны мира. Так, например, в 1926 г. бюро действовали в следующих городах: Вене, Праге, Загребе, Цюрихе, Амстердаме, Милане, Мадриде, Барселоне; Лондоне, Эдинбурге, Ньюкэстле, Дублине, Рио-де-Жанейро, Габане, Каире; Капштате; Токио и ряде пунктов в Соед. Штатах.

Крупные успехи германской калийной промышленности были однако достигнуты в процессе напряженной борьбы между отдельными группами предприятий и сопровождались огромными затратами капитала, привлеченного в большей своей части из-за границы и по очень высоким процентам. В результате, проблема «перекапитализации» до сих пор является актуальной и экономическое положение калийной промышленности не может быть названо здоровым, несмотря на большие технические достижения. Производительная способность технически рационализированной промышленности составляет 2,5—3,0 млн. тонн окиси калия, при сбыте 1,0—1,2 млн. тонн. Только в 1928 г. сбыт превысил 1,4 млн. тонн, но и в этом году он был вдвое меньше технически возможного. При этом один внешний долг калийной промышленности превышает 300 млн. марок; считают, что процентов и погашений приходится платить до 40 млн. марок в год, а это составляет около 20% всей валовой стоимости годового производства. Проблема расширения сбыта с точки зрения достаточной рентабельности работы предприятий поэтому до сих пор является, очень острой. Когда в 1926 г. были повышены цены на калийные соли на германском рынке, калийный синдикат мотивировал это в калийном совете, главным образом, большими затратами по опроцентованию и погашению внешнего долга.

Что касается расходов по возмещению предприятиям, передавшим свои квоты, то они оцениваются в 4 — 5 млн. марок в год. На деле эти расходы не являются серьезным моментом в калькуляции, так как действующие предприятия имели не менее 75% акций закрытых (закрытие предприятий происходило внутри концернов).

Из германских концернов наибольшую роль играют ныне три: Винтерсхалль (доля участия — 396 тысячных), Бурбах — Гумпель (173 тысячных) и Зальцдетфурт (273 тысячных). В 1927 г. эти три концерна об'единяли около $^4/_5$ всего производства калийных солей в Германии.

Наиболее активную роль в концентрации и технической реорганизации калийной промышленности играл концерн Винтерсхаль. В 1921 г. этим концерном было организовано особое контрольное общество Kali Industrie Aktiengesellschaft сокращенно KIAG. Это общество занялось скупкой ряда акций и содействовало об'единению с Винтерсхаллем концерна Deutsche kaliwerke группы Глюкауф и концерна Ронненберг, а затем была произведена полная фузия предприятий этих концернов. Винтерсхалль остался в форме горного паевого товарищества, но превратился в контрольное общество по отношению к KIAG. Такая организация нужна была руководителю Винтерсхалля Ростергу для того, чтобы сохранить руководящую роль во всем об'единении, могущую пошатнуться при окончательной фузии Винтерсхалля с KIAG. Капитал KIAG составляет 120 млн. марок, в то время, как капитал горного паевого товарищества Винтерсхалль опреде-

ляется номинально в 10 млн. марок (1.000 паев по 10.000 марок. В 1927 году каждый пай котировался в 78 тысяч марок). Из этих паев на группу Ростерга приходится 520, однако значительная часть остальных в 1926 г. попала в руки концерна Бурбах (пакет в 408 паев). При этом в группе Ростерга играет крупную роль американский капитал—до 300 паев. Эти паи находятся в руках американского судовладельца Доллара, который является членом правления общества.

Ростерг сознательно проводил политику, направленную на достижение господства в синдикате, путем скупки все большего количества акций предприятий, входящих в другие концерны. Конечной целью этой политики была полная фузия всех концернов в один трест под господством Винтерсхалля; одним из средств для достижений этой цели являлось строительство огромных новых предприятий с очень низкими издержками производства, при которых можно было выдержать конкуренцию Эльзаса и новых районов добычи даже при сильном понижении цен на калийные соли. В случае достижения преобладания в синдикате, Ростерг предполагал проводить политику низких цен, которые с одной стороны затруднили бы возникновение новых калийных предприятий, а с другой стороны, разорили бы другие концерны, не имеющие таких крупных установок, и настолько понизили бы курс акций последних, что они легко могли бы попасть в руки группы Ростерга.

Концерном Винтерсхалль было выстроено огромное предприятие в Меркерсе с дневной производительностью в 6 тысяч тонн, в то время, как другие концерны считали максимальной дневную производительность в 2 тыс. тонн. Кроме того, Винтерсхалль стал строить второе предприятие — мамонт (так оно называлось в прессе) Саксен-Веймар.

В интересах защиты от концерна «Винтерсхалль» в 1925 г. остальные концерны заключили между собой соглашение, так называемый блок Анти-Винтерсхалль. Целью этого блока, об'единяющего концерны с общей долей участия в синдикате в 50%, было противодействие Ростергу как в отношении дальнейшей скупки предприятий, так и в отношении политики низких цен. Концерны, входившие в блок, имели более высокие издержки производства, чем Винтерсхалль, вследствие менее крупных размеров предприятий.

Руководящую роль в блоке играл Корте, руководитель концерна Бурбах. Однако, и Корте пришлось пойти на путь Ростерга — скупку предприятий и постройку новых громадных шахт и фабрик. В 1926 г. с концерном Бурбах был об'единен концерн Гумпель; еще раньше был скуплен контрольный пакет акций и паев концернов Волькенрода и Хельдбурга. Наконец, как указано было выше, концерном Бурбах был куплен большой пакет паев самого концерна Винтерсхалль, чем сильно была стеснена деятельность Ростерга в собственном контрольном обществе. Для сохранения прочного большинства паев Ростергу пришлось организовать новое общество, где контрольный пакет паев общества Винтерсхалль держится в твердых руках. С другой стороны, началась скупка акций и паев концерна Бурбах — Гумпель со стороны Ростерга.

Концерн Бурбах, совместно с Баденским правительством, построил огромное предприятие в Буггингене на месторождениях, являющихся аналогом эльзасских. Копи и фабрика должны были обойтись не менее чем 15 млн. марок, при чем производительность этой новой производственной единицы должна была равняться двум третям всей эльзасской промышленности.

Другой крупный участник блока, Зальцдетфурт, до 1922 г. имел небольшое значение. Однако, благодаря деятельности банкира Герцфельда

во время инфляции, удалось об'единить Зальцдетфурт с концернами Вестеregельн, соединенными химическими заводами, затем с Ашерслебеном. Далее, в об'единение удалось включить концерн «Единство», 50% паев которого еще с довоенного времени находились в американских руках. В 1928 г. были скуплены квоты у общества Галле, решившего ограничить свою деятельность добычей каменной соли. Кроме того, были куплены и квоты общества Мансфельд, которое нуждалось в оборотных средствах для развития своих медеплавильных предприятий.

Борьба между концернами и постройка новых предприятий, вместе с рационализацией, потребовали огромных капиталов, которые были получены в 1925 и 1926 гг. путем выпуска большого иностранного займа в 75 млн. долларов. В результате конкуренции между концернами, производительная способность предприятий была настолько увеличена, что не было надежды ее достаточно использовать; соглашение с Францией 1926 г. нормировало размеры сбыта за границей.

Все эти обстоятельства заставили и концерн Винтерсхалль изменить свою точку зрения на цены. С конца 1926 г. Ростерг превращается в горячего сторонника повышения цен[1] и в декабре того же года таковое проводится через калийный синдикат и калийный совет.

Повидимому, трестирование германской калийной промышленности, по крайней мере, немецких частных предприятий является лишь вопросом времени. Борьба предстоит лишь по вопросу, под руководством какого концерна это трестирование должно быть проведено. Полное об'единение калийной промышленности затрудняется, однако, тем обстоятельством, что две группы предприятий находятся в руках государства (Пруссии и Ангальта), а одна группа, Сольвэй принадлежит иностранцам, бельгийским капиталистам.

За последние годы назревают тенденции и более широких об'единений калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности на основе производства смешанных удобрений. При этом возможно поглощение крупных калийных концернов самым большим химическим трестом Германии Farbenindustrie I. G.

Этот трест уже с 1926 г. производит особый сорт химических удобрений Lennaphos. Сбыт его настолько растет, что для производства в 1928 г. было закуплено у калийного синдиката более 100 тыс. тонн окиси калия и, таким образом, химический трест стал крупнейшим отдельным покупателем калийного синдиката.

Если дальнейшее развитие производства химических удобрений пойдает по линии изготовления смешанных продуктов, содержащих в определенных пропорциях все необходимые для роста растений удобрительные вещества, калийным предприятиям придется либо обзавестись собственным производством азотистых веществ и фосфорнокислых солей, либо влиться в химический трест.

В настоящее время ряд концернов предпринимает шаги для обеспечения себя производством дополнительных химических веществ. Так, концерн Новый Штассфурт соединился с обществом «Ренания»; имеющим 12 химических фабрик по производству разных химикалий, между прочим и фосфорнокислых солей и сернокислого аммония.

KIAG (Винтерсхалль), совместно с Клекнером, осенью 1928 г. выстроил крупный завод в Раукселе для получения азотистых соединений, необходимых для приготовления смешанных удобрений. Однако считают, что на этой фабрике азотистые соединения будут на 15 — 20% дороже,

[1] Хотя в прессе были указания, что себестоимость на его предприятиях составляла всего 6 марок на 100 *кг* окиси калия при средней продажной цене в 12 марок.

чем на грандиозных установках химического треста. Между тем, в смешанных химических удобрениях азотистые соединения содержатся в наибольших количествах.

В той или иной мере сращивание калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности следует признать неизбежным. Считают, что это является необходимым и для роста потребления калия в промышленных целях.

В лабораториях и институтах калийного синдиката ныне ведется крупная работа по новым калийным соединениям, чтобы расширить сбыт калийных солей за пределы существующего их применения в сельском хозяйстве и в некоторых отраслях промышленности. Если принять во внимание успехи современной химии, то не подлежит сомнению, что здесь калийной промышленности предстоит широкое поле деятельности.

Таким образом, германская калийная промышленность как в техническом, так и в хозяйственном отношениях стоит перед новой эпохой развития. Новые проблемы, стоящие перед ней, имеют существенное значение и для судьбы возникающей калийной промышленности СССР.

П. Шушков

Об использовании технических средств на транспорте [1]

Рост экономической мощи советской страны вызывает увеличение работы транспорта и повышает потребность в перевозочных средствах. Железнодорожный транспорт, как крупнейшая отрасль народного хозяйства, оказывает могучее, многостороннее влияние не только прямым выполнением перевозок, их качеством, быстротой, но и размерами расходов на эксплоатацию и затратами на капитальные вложения.

В перспективе значительного роста перевозок вопрос правильного планирования и более полного использования технических средств приобретает исключительное значение.

Излишние резервы технических и материальных средств, излишние запасы прочности и технических норм при колоссальном масштабе транспорта — могут играть крупную роль в темпе развития всего хозяйства.

Интенсификация использования технических средств на транспорте не только не должна замедлять развитие хозяйства транспорта, делая его узким местом в системе народного хозяйства, но должна вызывать более правильное размещение капитальных вложений и обеспечивать более быстрое общее хозяйственное развитие. Поэтому, нашей политике на усиление использования имеющихся средств отнюдь не может проводиться аналогия с политикой крохоборчества царского правительства. Здесь не аналогия, а полная противоположность.

За последние годы в использовании паровозов и вагонов был достигнут ряд улучшений, но темп улучшений замедлялся и медленно проводились в жизнь усовершенствованные методы эксплоатации, имели место: слабость руководства работой линейного аппарата, отсутствие организационной проработки способа проведения реализации намеченных мероприятий, слабость контроля и недостаточность изучения и использования заграничного опыта, недоброкачественный учет наличия и использования подвижного состава.

Опыт планирования в прошлом указывает на наличие недоучета имевшихся возможностей, что не создавало обстановки, стимулирующей улучшение хозяйства, создавало излишнюю иллюзию крупных достижений и вызывало требования излишних капитальных вложений.

---

[1] Статья тов. Шушкова посвящена вполне назревшему вопросу о наиболее полном использовании технических средств ж.-д. транспорта. Однако, Редакция считает, что материалы, накопленные в результате нескольких опытных поездок, описываемых автором, еще недостаточны для того, чтобы можно было притти к определенным широким выводам, и начатые разработки этого вопроса, несомненно, нуждаются в дальнейшем углублении и проверке.

Помещая статью тов. Шушкова в порядке обсуждения, Редакция рассчитывает на определенный отклик читателей журнала „Плановое Хозяйство" — работников ж.-д. транспорта. *Ред.*

По основным эксплоатационным измерителям мы имеем подтверждения высказанных соображений:

	Намечалось по пятилетнему плану на 1930/31 г.[1]	Фактически определялось в 1927/28 г.	Установлено по смете 1928/29 г.
Нагрузка на ось товарного вагона	4,4	4,45	4,55
Ср.-суточный пробег товарного вагона . .	77,0	81,2	85,0
Ср.-суточный пробег товарного паровоза .	12 ,5	139,0	150,0
Ср.-суточный проб г пассажирского паровоза.	166,4	170,3	182,0
Состав товарного поезда в осях	95,5	96,2	98,8

Как следствие такого положения, например, для дорог Украины в смету 1927/28 года было включено капитальных вложений, по сравнению с намеченными пятилеткой: на Южных — 10%, на Донецких — 8,4%, Юго-Западных — 11,5%.

Одной из крупнейших причин недоучета технических возможностей и недостаточного использования имеющихся средств является слабость научно-исследовательской и рационализаторской работы, недостаточная экономическая обоснованность, а нередко, полная необоснованность крупнейших хозяйственных мероприятий. При таком положении всегда возможно чисто техническое решение хозяйственных проблем, требующих значительных затрат.

Ведущим звеном технических средств на железнодорожном транспорте являются паровозы и вагоны. Основными элементами реконструкции железнодорожного транспорта намечаются: введение более мощных паровозов, большегрузных вагонов, оборудование товарных вагонов автотормозами, автосцепкой.

Улучшение на 10% основных эксплоатационных измерителей дает снижение эксплоатационных расходов в течение года в масштабе сети:

По нагрузке вагона	26,7	млн. руб.
„ сост. товар. поезда	19,1	„ „
„ ср.-суточному пробегу товарн. паровоза . .	7,0	„ „
„ ср.-суточному пробегу товарного вагона . .	2,1	„ „

Одним из главных факторов, влияющих на себестоимость перевозки и размер капитальных затрат, является — паровоз, от которого зависит стоимость пути, станций и тяговых устройств.

На предстоящее пятилетие намечается капитальных вложений на подвижной состав в сумме —1,3 мрд. руб. и на расширение заводов паровозо- и вагоностроения — 300 млн. руб. Для увеличения пропускной способности в направлении Донбасс — Москва, намечаются затраты на постройку сверхмагистрали — 400 млн. руб., или на электрификацию Московско-Курской железной дороги — 300 млн. руб.

Приведенные цифры показывают, как велико значение улучшения использования перевозочных средств железнодорожного транспорта.

[1] Автор в данном случае, очевидно, использовал данные „Перспективной ориентировки Госп ана СССР на пятилетие 1926/27 - 1930/31 гг.“. По пятилетке, изданной Госпланом в 1929 г. (на 1928/29 - 1932/33 гг.) оптимальным вариантом предусмотрены совершенно другие, измерители изменяющие, разумеется, оценки недоучета, даваемые автором. *Ред.*

За 5 лет намечается в масштабе железнодорожной сети увеличение мощности паровозов на 13,6% и увеличение состава товарных поездов на 15%, т.-е. увеличение использования мощности паровоза лишь на 1,4%; при этом намечается расход на смягчение профиля пути — 36,87 млн. руб.

Настолько ли ограничены наши возможности в использовании имеющихся средств?

Учитывая важность эксплоатационных измерителей на железнодорожном транспорте, РКИ, с этой целью, было произведено обследование Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог, при чем на Московско-Курской железной дороге был произведен ряд опытных поездок.

Данные обследования Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог указывают на наличие значительных возможностей.

При обследовании Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог выявилось, что паровоз тягового парка в среднем за сутки находится в эксплоатации на Московско-Курской железной дороге — 7,22 ч. и на Московско-Казанской — 10,52 ч., а в среднем по сети — 8,93 ч., при чем, в движении с поездами паровоз в сутки находился на Московско-Курской — 2,84 ч. и на Московско-Казанской — 4,86 ч. и в среднем по сети не более — 4 ч. в сутки, а остальное время паровоз находился в простоях по ремонту, экипировке, снабжению и на маневрах.

Изучение хронометражных работ НОТ и детальный анализ отдельных элементов простоев и оборота паровозов выявил возможность сокращения времени простоя в ремонте, промывке, под экипировкой и снабжением.

Произведенные опытные поездки с товарными поездами показали возможность сокращения времени хода поездов, увеличения их скорости и ускорения оборота паровозов. При существовавшей на участке Курск — Люблино средней предельной норме состава поезда — 1.250 тонн — средняя техническая скорость по расписанию установлена — 20,7 *км* в час, при опытных же поездках, несмотря на увеличенный состав поездов — была получена техническая скорость:

1) с поездом в составе —150 порожних вагонов — 26,2 *км* в час или выше установленной существующим расписанием на 26,5%;

2) с поездом весом в 2.000 тонн — на автотормозах —28,6 *км* в час или выше на 38%;

3) с поездом в 2.000 тонн на ручных тормозах — 27 *км* в час или выше на 30%;

4) с поездом весом в 1.350 тонн — 29,5 *км* в час или выше на 43%.

Опытные поездки на Московско-Белорусско-Балтийской, Московско-Казанской, Донецких железных дорог также подтвердили возможность повышения технической скорости движения поездов. При этом получилась экономия топлива не только вследствие увеличения состава, но и вследствие увеличения скорости.

Анализ простоев поездов на станциях для различных технических надобностей выявил возможность уменьшения этих простоев и повышения коммерческой скорости движения поездов.

Во время обследования Московско-Курской железной дороги в 1927г. — время хода товарного поезда от Курска до Люблино выражалось в 62 ч. 30 м., тогда РКИ предложила дороге — 37 ч.; в мае 1828 г. — время хода определялось — 49 ч. 26 м., а после обследования в этом году — РКИ предложила дороге время хода товарного поезда от Курска до Люблино — 24 ч. 49 м. Дорога же согласилась на 27 ч. 49 м.

При наличии значительных возможностей, организация движения товарных поездов находится на весьма низком уровне. За февраль месяц текущего года из 307 поездов, отправленных из Курска — без изменения ну-

мерации поездов отправлено 117, в том числе — 28 поездов по расписанию; из них прибыло по расписанию на следующую распорядительную станцию — Орел — только 10 поездов. Таким образом, расписание товарных поездов осталось только формой, не увязанной с действительностью, и сложная работа по составлению графиков и расписания движения поездов, отчетность для наблюдения за следованием поездов не достигает цели. Диспетчерской системы руководства движением товарных поездов у нас еще нет и поэтому некоторые поезда движутся неорганизованно самотеком. Без упорядочения этой отрасли железнодорожного дела, каких-либо серьезных улучшений использования перевозочных средств достигнуть невозможно.

Уменьшение простоев паровоза в ремонте, на промывке, под экипировкой, снабжением, сокращение времени в пути до норм, установленных РКИ, дадут возможность достигнуть среднесуточного пробега паровозов на Московско-Курской железной дороге — 287 *км*, вместо имеющегося — 119,2 *км* и на Московско-Казанской — 303 *км*, вместо имеющегося — 144,7 *км*.

Практическая возможность достижения таких измерителей подтверждается данными опытных поездок по Московско-Курской железной дороге, когда суточный пробег опытного паровоза был доведен до 300 *км*.

Время нахождения товарного вагона в движении поезда выражается на Московско-Курской железной дороге — 4,8 ч. в сутки, на Московско-Казанской — 6,3 ч. и среднем по сети — 5,75 ч. в сутки, остальное же время вагон находился в различного рода простоях.

Анализ простоев вагонов выявил возможность снижения их на распорядительных станциях до 8 ч. и на станциях погрузки и выгрузки до 20 ч., что при повышении коммерческой скорости и маршрутизации поездов может дать средний суточный пробег товарного вагона для Московско-Курской железной дороги — 150 *км* и Московско-Казанской — 157 *км*.

Выполнению этого измерителя должно способствовать расширение необязательных для железной дороги товарно-станционных работ, и рационализация, реорганизация маневровой работы, об'единение узлов и согласованность работы станций.

Произведенное в 1927 году упрощение обменных операций с вагонами, передаваемыми с одной дороги на другую — неиспользовано надлежащим образом для сокращения простоев вагонов в узлах, и в ряде случаев не только не дало уменьшения простоев, но даже увеличило их.

Использование под'емной силы товарных вагонов составляло на Московско-Курской — 73,1%, на Московско-Казанской — 65,5% и в среднем по сети — 73%.

Разбивка грузооборота на 36 наименований, определение размеров перевозок каждого рода грузов, установление возможной нагрузки по материалам опытных нагрузок НОТ и данных фактической погрузки дали возможность установить нагрузку груженного вагона до 7,08 тонн на ось на Московско-Курской железной дороге и до 6,44 — на Московско-Казанской.

Для большего повышения нагрузки вагона необходимо:

1) принять меры к повышению под'емной силы — 50-тонных вагонов до 65 тонн и 20-тонных до 25 тонн;

2) тарифные нормы нагрузки вагонов привести в соответствие с технически возможной нагрузкой;

3) сконцентрировать большегрузные вагоны на наиболее грузонапряженных направлениях — для перевозки массовых и тяжеловесных грузов с удлиненным рейсом;

4) ограничить перевозку легковесных грузов в крытых вагонах в случаях, когда лучше может быть использован открытый подвижной состав;

5) улучшить организацию мелочных отправок грузов;

6) шире использовать установленные нормы допускаемого перегруза — 0,5 тонны для нормального вагона и 1,5 тонны для большегрузных вагонов.

Особое внимание РКИ было уделено величине состава товарного поезда, в виду большого влияния этого измерителя на себестоимость перевозки и размеры капитальных вложений для увеличения пропускной и провозной способности.

После опытов 1914—16 гг. на Московско-Курской железной дороге, для паровозов серии «Щ» были установлены составы поездов весом 1.230 тонн. Такой же состав был установлен для этих паровозов на Южных железных дорогах — на участке Харьков—Курск, при чем было признано более выгодным увеличить вес поезда до 1.400 тонн при паровозе «Щ», чем вводить новые более мощные паровозы.

В момент обследования Московско-Курской железной дороги для паровозов серии «Э» — более мощных, чем «Щ» на 42%, — установлен вес поезда — 1.310 тонн на участке Харьков—Курск—Орел и 1.230 тонн от Орла до Люблино, т.-е. на Южных железных дорогах — менее признанного более выгодным для паровозов серии «Щ» на 7% и равный установленному при паровозах серии «Щ» от Орла до Люблино.

Одной из причин такого положения является отсутствие на железных дорогах тяговых расчетов, которое приводит к положению, когда величина состава поезда и время прохода по перегонам является предметом торга и соглашения между работниками Отд. Тяги, Движения и паровозными бригадами, расписание поездов делается нереальным, число раз'ездов и блокпостов необоснованно, потребность пропускной способности преувеличена, требования на капитальные затраты для дальнейшего развития преувеличены, крупнейшие хозяйственные вопросы могут быть разрешены неправильно или несвоевременно.

Произведенные тяговые расчеты показали возможность ведения поездов от Курска до Люблино весом — 2.000 тонн. В последующем был проведен ряд практических опытных поездок на паровозе рабочего парка, по характеристике местных работников — среднего состояния — с отоплением, обычно применяемым в эксплоатации угольной смесью, с обслуживанием участковыми паровозными бригадами. Во время опытов имело место парение элементов пароперегревателя до 8 штук.

Поездка с поездом в 2.000 тонн производилась в день, когда, вследствие неблагоприятной погоды, обычные нормы составов поездов были уменьшены на 20%, т.-е. до 1.048 тонн. Это указывает, что опыты производились не в специально подготовленных тепличных условиях, а в условиях, близких к условиям обычной эксплоатации.

Первая опытная поездка была сделана с составом 300 осей из 2-осных вагонов для определения возможности пропуска таких составов из порожняка.

Вторая опытная поездка была совершена с поездом весом в 2.008 тонн из 4-осных вагонов на автотормозах.

Третья поездка — с поездом в 2.000 тонн — из 2-осных вагонов — на ручных тормозах.

Задачей этих поездок было — определить возможности установления составов поездов весом в 2.000 тонн и, попутно, установить различие в условиях следования таких поездов в составе из 4-осных и 2-осных вагонов и на автотормозах и ручных тормозах.

Четвертая опытная поездка имела задачей установление состава поезда в 1.350 тонн без подталкивания, что при профиле Московско-Курской железной дороги возможно лишь при повышении расчетных технических норм.

с доведением расчетной силы паровоза серии «Э», с 15.200 *кг* до 16.500 *кг* и повышении коэфициента сцепления с 1 : 5 до 1 : 4,85.

Результат опытов виден из следующих данных:

Повышение по сравнению с существующими нормами в %%:

	Опыт 1	Опыт 2	Опыт 3	Опыт 4
Состав поезда увеличен на	100	63	62	8
Техническая скорость увеличена на . .	26,5	38	30	43
Работа паровоза в тонно-км поезда на 1 тонно-км сцепного веса паров. увеличена на	109	42	42,5	8
Пропускная способность увеличена на .	153	122	108	53

При этом расход топлива, в среднем для всех поездок, на 10.000 тонно-*км* в натуральном топливе выразился в 280 *кгр* — при норме дороги за этот период 344 и фактическом расходе дороги — 355 *кгр*.

В результате опытов, признано возможным усиление норм составов поездов:

1) 300 осей — поездов с порожними вагонами,

2) 2.000 тонн — с подталкиванием, как из 4-осных, так и 2-осных вагонов на автоматическом, смешанном и ручном торможении, что проводится Московско-Курской железной дорогой с 15 июня 1929 г.,

3) весом 1.350 тонн — без подталкивания, что дорогой введено с 1 апреля 1929 г.

Техническая скорость поезда — 2.008 тонн из 4-осных вагонов на автотормозах — оказалась выше скорости поезда весом 2.006 тонн — из 2-осных вагонов на ручных тормозах — на 6%, при чем полный расход пара на тонно-*км* с первым поездом оказался несколько выше второго, вследствие расхода пара на тормоз.

Опытные поездки с составом поезда весом 2.000 тонн на Донецких и Южных железных дорогах показали возможность введения таких поездов и на этих дорогах и, таким образом, может быть установлен состав весом в 2.000 тонн от Ленинграда до Люблино.

Опытные поездки показали, на наличие возможности повышения реализуемой средней мощности работы паровоза серии «Э» с 500—550 л. с. на сети железных дорог до 700—750 л. с.

Работа паровоза, при применении системы подталкивания, выравнивает влияние переменности профиля пути и приближается к более полному использованию и наивыгоднейшей экономической нагрузке. Применение системы подталкивания понижает эксплоатационные расходы и, следовательно, себестоимость перевозок.

Введение системы подталкивания, с повышением использования мощности паровоза, может увеличить пропускную способность на 100—150%, без капитальных вложений, что имеет большое значение в перспективе роста грузооборота, для охвата которого за пятилетие намечается затратить на постройку двух и трех путей 196,8 млн. руб., на постройку дополнительных остановочных пунктов — 28,5 млн. руб., на развитие станций и узлов — 188,2 млн. руб., усиление верхнего строения пути — 431,7 млн. руб., работы по искусственным сооружениям — 200 млн. руб. Усиление грузопотоков в отдельных направлениях требует постройки новых разгружающих железнодорожных линий, сверхмагистрали или электрификации отдельных дорог, с затратами многих сотен миллионов рублей, что может быть отложено на ряд лет — при введении системы подталкивания. Кроме того, могут быть сокращены затраты промышленности для подготовки выполнения заказов транспорта.

Введение составов поездов весом в 2.000 тонн на Московско-Курской железной дороге, с применением системы подталкивания, снижает расчетный под'ем без толкача с 9,25 тыс. до 5,15 тыс. Сеть железных дорог, оставшаяся в СССР, по довоенным данным имеет под'емов и уклонов свыше 0,005—37,4% общего протяжения. Приняв, что половину этого количества составляют уклоны (хотя в грузовом направлении обычно профиль более легкий), мы будем иметь под'емов выше 0,005 около 19% общего протяжения или возможность введения составов поездов в 2.000 тонн на всей сети с подталкиванием на расстояние 19% пути. Примерно, такой же процент подталкивания требуется и для основных направлений грузопотоков протяжением 13.596 *км*, грузонапряженность которых по данным ЦПУ, близка к критической. Приняв грузонапряженность, допускающую применение системы подталкивания, свыше 1 млн. тонн, мы к концу пятилетия будем иметь 25.376 *км*, допускающих введение тяжеловесных поездов, с применением системы подталкивания.

Опытные поездки по Московско-Курской железной дороге показали, что принимаемые в течение ряда лет при тяговых расчетах нормы форсировки котла должны быть увеличены с 33—38 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева до 45—50 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева в час для паровоза серии «Э» — без подогревателя и займа у котла. При этом, полученные высокие форсировки не являются предельными и могут быть еще более повышены, при улучшении условий сжигания и использования топлива.

Повышение форсировки котла паровоза с 30 *кгр* до 40 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева, по подсчету инж. Бабичкова, увеличивает коммерческую скорость на 25%, ускоряет оборот вагонов на 5%, что дает сокращение рабочего парка вагонов на 20.000, ускоряет оборот рабочего паровоза на 10%, ускоряет оборот бригад на 14%, увеличивает пропускную способность на 20%, устраняет производство капитальных затрат на усиление пропускной способности на 5.379 *км* из 6.704 *км*, выходящих за пределы критической грузонапряженности по генеральному плану ЦПУ.

По данным инж. Бабичкова, при повышении форсировки котла с 35 *кгр* до 50 *кгр*, рабочий вес паровоза может быть снижен на 25—35% (без учета сцепления колес с рельсами), затем уменьшается нагрузка на ось и потребность в усилении пути.

Опыты показали не только возможность повышения расчетных норм форсировки котла паровоза, но и его силы тяги. Несмотря на повышение скорости на под'емах, при опытных поездках, затруднявших получение наибольшей силы тяги паровоза, все же данные опытных поездок по Московско-Курской железной дороге и рассмотрение данных опытов, послуживших основанием для составления паспортных характеристик паровоза серии «Э», приводят к заключению о необходимости расчетной силы тяги с 15.200 *кгр* до 16.500 *кгр* для паровозов серии «Э» постройки до 1926 г., с диаметром паровых цилиндров 630 *мм* и для паровозов заграничного заказа и постройки позднее 1926 г. с диаметром цилиндров 650 *мм* до 17.600 *кгр*. Предлагаемое повышение расчетной силы тяги паровоза «Э» обеспечивается паспортной характеристикой мощности цилиндра машины при отсечке 0,5 и работе котла, требующая лишь форсировки котла 33—35 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева, что не вызывает сомнений. Поэтому, все затруднения к повышению расчетной силы тяги, по существу, сводятся к возможности повышения коэфициента сцепления колес паровоза с рельсами с 1 : 5,3 до 1 : 4,85. Если по пятилетнему плану намечается расход 36,87 млн. руб. на смягчение под'емов — 0,002, дающих повышение состава поезда около 2%, то тем более необходимо сделать все возможное для реализации, на протяжении около 10% пути следования, повышенного коэфициента сцепления, почти не требующего дополнительных расходов и дающего возможность повышения состава поезда на 7—10% — с ежегодной экономией около

16,4 млн. руб. и увеличением провозной способности на 10% или сокращением числа паровозов на 10%.

Опытные поездки на Московско-Курской железной дороге показали на превышенность норм НКПС расчета тормозов и основательность снижения этих норм на многих дорогах. Необходимо внесение ясности в эти расчеты и установление единых норм.

Правила технической эксплоатации, в отношении установления предельных скоростей на спусках, необходимо прокорректировать, с допущением повышения их в конце спуска перед под'емом.

Введение тяжеловесных поездов и повышение скорости снизит потребность паровозов, сократит капитальные вложения на заказ новых паровозов и на усиление пути.

Недоиспользование мощности паровозов как по величине составов, так и по скорости, непроизводительные простои паровозов на станциях и в депо, отсутствие правильного режима отопления являются причиной сжигания излишнего, значительного количества топлива и многомиллионных непроизводительных расходов.

Повышение составов поездов, повышение скорости, снижение непроизводительных расходов, улучшение режима отопления, с подбором более экономичных, стандартных, хорошо перемешанных угольных смесей, установка соответствующего свода колосников — даст и в отношении использования топлива улучшение и приведет к значительному сокращению эксплоатационных расходов.

Необходима выработка мер к более быстрому прогреванию топки и поднятию интенсивности горения после длительных стоянок, когда топка делается, по характеристике паравозных бригад, «сырой» — для обеспеченности исправного состояния котла и необходимого парообразования.

Опытные данные показывают на необходимость ликвидации необоснованного, отрицательного отношения к применению для отопления паровозов подмосковного угля и организации более широкого его применения.

Применение расчетных эквивалентов для различных марок угля — для угольных смесей, как показали опыты, — неправильно и для каждой смеси более целесообразно установление самостоятельных эквивалентов.

Достижение намеченных РКИ измерителей по использованию паровозов и вагонов возможно лишь при дружной, совместной работе всех железнодорожников и поэтому вполне правильно отмечает Президиум ЦК Союза Железнодорожников, в своем обращении к членам Союза и органам Союза, 23 июня после заслушания доклада РКИ:

«Успех выполнения этих мероприятий зависит от правильности и своевременного разрешения практических хозяйственных вопросов, которые будут выявляться при реализации этих мероприятий, от доброкачественного ремонта и тщательного ухода за состоянием паровозного и вагонного парка, от внимательности и четкой работы паровозных бригад, правильного отопления паровозов в пути, плавного ведения поезда и использования силы инерции поезда с уклона на под'ем машинистами, от тщательного надзора за состоянием вагонов, главным образом, упряжных приборов со стороны работников технического осмотра, кондукторских бригад и своевременного торможения вагонов по сигналам паровоза, от правильности составления поездов и сцепки вагонов составительскими бригадами, от внимательности и устранения непроизводительных задержек поездов при проходе станций дежурными по станции, от внимательности путевой охраны и работников пути за состоянием пути».

При дружных совместных усилиях всех железнодорожников намечаемые крупнейшие хозяйственные мероприятия должны быть обязательно выполнены.

М. В. Келлер

Энергетические ресурсы ветра и его использование

Вопрос об энергетических ресурсах — как базе мирового экономического развития да и вообще всей современной культуры — с каждым годом все больше привлекает к себе внимание экономистов и техников. Надвигающееся истощение некоторых из основных наших энергетических ресурсов, как, например, нефти, заставляет все более внимательно относиться к возможно рациональному и экономному их использованию и изыскивать новые источники энергии.

Если исключить неосвоенные пока силы природы — как солнечный свет, внутриатомную энергию и пр., то энергетические ресурсы сводятся в в настоящее время — к углю, нефти, торфу, водным силам, дровам, соломе и ветру, не считая некоторых второстепенных, как например, горючие сланцы, сельскохозяйственные отбросы и пр.

Если исходить из использования всех мировых запасов топлива в продолжение двухсот лет, и подсчитать возможное — в продолжение того же периода использование возобновляемых источников энергии, как, ветер, вода, дрова и пр., то, основываясь на подсчетах проф. Рамзина, удельный вес в мировом хозяйстве каждого из перечисленных источников энергии, переведенных в 7.000 калорий топливо представляется так:

Таблица 1

Удельный вес в мировом хозяйстве различных источников энергии

	Мировые			СССР			
	Мрд. тонн	%	%	Мрд. тонн	%	%	% мирового
Невозобновляемые							
Ископаемые угли	5.600	97,1	75,1	393,9	69,5	50,8	7,0
Нефть	11,5	0,2	0,15	4,3	0,75	0,6	37,4
Торф	215	3,7	2,9	168,6	29,8	21,7	78,0
Итого	5.826,5	100	78,1	566,8	100	73,1	9,8
Возобновляемые							
Торф	50	3,1	0,7	39,0	18,7	5,0	78,0
Дрова	340	20,8	4,6	63,0	30 2	8 1	18,5
Солома	37	2,3	0,5	6,7	3.2	0,9	18,1
Ветер	826	50.8	11,1	69,0	33,0	8,9	8,3
Водные силы	374	23,0	5,0	31.1	14,9	4,0	8,3
Итого	1.627	100	21,9	208.8	100	26,9	12,8
Всего	7.453.5	—	100	776,6	—	100	10,4

Ветру, как одному из элементов энергетической базы, до сих пор отводилась совершенно незначительная роль; судя же по данным приведенной выше таблицы и в будущем ему отведено лишь второстепенное значение.

Выяснение того — какое место может занять ветер в будущем мировом хозяйстве в ряду других источников энергии, как подойти к подсчетам таящейся в нем энергии и как его использовать наиболее рациональным образом и составляет содержание настоящей статьи.

Использование энергии ветра, как известно, возможно в двух направлениях. Первое — это применение его в качестве двигательной силы на парусных судах. Это самая старая и самая распространенная форма его утилизации. Этого способа использования ветра мы в дальнейшем касаться не будем, считая, что в этой области достигнуты известные технические границы и вопрос этот можно скорее рассматривать, как часть вопроса о транспорте. Второй путь использования ветра — применение его для механической работы также имеет длинную историю. Работа ветряков известна более восемнадцати веков. Распространение их чрезвычайно велико не только в странах старой культуры, но делает все большие и большие завоевания и в такой классической стране развития тепловых и электрических двигателей, как С.-А.С.Ш.

Ниже мы подробно разберем наиболее целесообразные методы использования ветра. Пока же укажем, что как механические двигатели, ветряки применимы в первую очередь в районах, отрезанных от электрических сетей с дешевой энергией, а также там, где непрерывность работы не является безусловным требованием. Кроме того, ветряки могут найти применение для выработки электрической энергии — при параллельной работе с тепловыми двигателями на общую сеть при условии, что энергия ветра дешевле топливной слагающей системы или цены, по которой округ, местечко, или хозяйство получают энергию от чужого им предприятия. Принявши в расчет эту оговорку, мы легко поймем, что в районах особенно дешевой энергии, например, около больших центров промышленности энергии ветра было бы крайне трудно конкурировать с большими электрическими гидро или пароустановками и, в этом отношении, они отступают перед напором дешевой электроэнергии. С другой стороны, столь же понятным станет широкое применение их при орошении, водоснабжении, осушении (Голландия), в мукомольном деле и пр.

Недавнее появление новых конструкций ветряков обещает, однако, создать в этом вопросе новую эру. Особенный интерес представляют последние конструкции (выработанные Московским центральным аэрогидро-динамическим институтом) типа двух или трехлопастного ветрового двигателя с размахом крыльев от 3 до 60 *м* и с постоянным числом оборотов, колебание которых при порывах ветра или внезапных нагрузках ветряка не превышает 3%. Если при этом учесть, что даже паровые турбины при внезапной нагрузке дают большее колебание оборотов, то становится очевидным, что для современного ветродвигателя вполне возможна параллельная работа с другими двигателями на общую сеть.

Последнее обстоятельство открывает для ветроэнергии совершенно новые перспективы, которые заставляют ожидать наступления поворотного пункта в развитии ветросиловой проблемы.

Следует лишь оговориться, что для широкого развития этого дела требуется еще положить довольно много труда в двух направлениях. В о-п е р в ы х, придется еще основательно поработать над наиболее дешевыми и целесообразными конструкциями самих ветряков и башен к ним, а также над выработкой стандартных типов автоматических устройств. В о-в т о-р ы х, необходимо устранить дефекты в постановке учета наших данных о ветре. В этом отношении есть, правда, колоссальный материал наблюдений метеорологических станций, но, к сожалению, лишь немногие станции дают истинное представление о силе ветра и его направлении. Большинство их расположено в сравнительно защищенном месте, вблизи построек, на опушке леса или вблизи какого-либо естественного препятствия для ветра. Так как ветровая тень ощущается более чем на двадцатикратном расстоянии высоты об'екта, производящего тень, то ясно, что показания многих метеорологических станций крайне неточны. Даже такие открытые станции, как например, наша Крымская станция на Ай-Петри, расположенная на Яйлинском плато на высоте 1.183 *м* над уровнем моря, и та не дает истинного представления о ветрах, которые имеются кругом на всех окружающих холмах и совсем открытых площадях. Так, специальная экспедиция ЦАГИ, произведшая массовые одновременные наблюдения в разных частях Крыма, в частности, в окрестностях Ай-Петринской метеорологической станции, констатировала в один и тот же момент силу ветра на метеорологической станции и двух соседних холмах — лишь на несколько десятков метров выше лежащих — для шести наблюдений при разных румбах.

При разных румбах Станция	Первый холм	Второй холм
3,4; 2,3; 3,7; 1,8; 8,3; 3,6 *м/с.*	9,1; 4.1; 4,0; 6,3; 13.4; 6,2 *м/с.*	13,8; 4.6; 4,3 5,2; 11,3; 7,3 *м/с*

Это дает в среднем отношение количества проносимой ветром энергии (пропорционально кубу скорости) — 1 : 5, 3 : 6, 6. Еще разительнее одновременные наблюдения в трех пунктах долины горной речки Качи, лежащих в 3—4 *км* друг от друга почти на одной высоте.

1 пункт (Эгиз—Оба)	2 пункт (Кош—Дегермен)	3 пункт (Пички)
18,6; 19,2; 10,7 *м/с*	8,7; 7,5; 7.2 *м/с*	2.7; 3,0; 4,1 *м/с*

В этом случае имеем отношение энергии ветра в среднем 1 : 12, 5 : 127, 5, а для первого ряда наблюдений даже 1 : 33 : 322.

Упомянутой экспедиции пришлось констатировать неожиданно значительное влияние на ветер особенностей рельефа местности, уплотнение воздушного потока, в одних случаях, срыв как силы ветра, так и его общего направления — в других, а также поглощение живой силы ветра (при чем часто лишь вблизи отдельного пункта) благодаря неправильностям промежуточного рельефа.

Широкому развитию ветросилового хозяйства должно предшествовать развитие анемометрических наблюдений; пока же, при решении вопроса о количестве энергии, которое может быть получено в том или ином месте, и о том ветре, на который надо базироваться при сооружении ветросиловой установки, нужно взять за основу наблюдения близлежащей станции, проделав предварительно для сравнения этих пунктов ряд одновременных наблюдений над ветрами разной силы и разных румбов. Такого рода немногочисленные одновременные наблюдения дадут возможность делать довольно точные заключения о ветрах испытуемого места.

Далее, исходя из наблюдений наших метеорологических станций, нам приходится обычно базироваться на данных о «средних ветрах». Самое же понятие — «средний ветер» вводит нас, подчас, в существенные ошибки. Так, если средний ветер получился в одном случае из 2 наблюдений — 0 *м/с* и 8 *м/с*, а в другом случае — 4 и 4 *м/с*, то истинное отношение, заключающееся в ветре энергии, будет относиться, как 4 : 1.

Итак, одна лишь ориентировка на метеорологическические данные о «среднем ветре» местности не дает нам еще возможности определить ко-

личество проносимой энергии. Чтобы иметь представление об энергии ветра, надо не только знать его среднюю силу, но его равномерность.

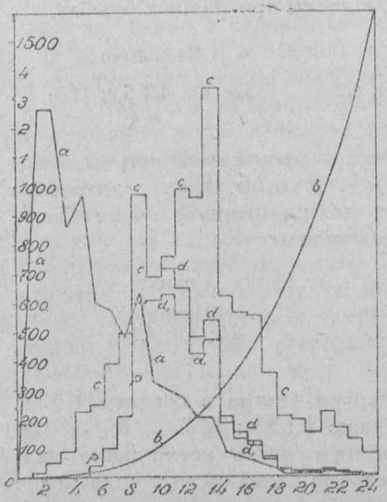
Подсчет количества энергии в ветре. Предлагаемый нами метод определения энергии ветра и определение оптимальных условий для его использования легче всего уясняется на конкретных примерах, детально нами разобранных.

Примерные подсчеты наши основаны на проработке наблюдений за 2 года (1913 и 1914) по Севастопольской метеорологической станции и за один (1917) год по станции на Караби-Яйле.

На обеих станциях записи ведутся анемографами Мунро. Первая расположена на берегу моря и несколько заслонена, особенно, от ветров всех южных румбов; и вторая, на Караби-Яйле, лежит на высоте 973 м над уровнем моря и открыта для всех ветров. Распределение ветров по временам года на обеих станциях сравнительно ровное без особых штилевых периодов.

Кривая среднего за год распределения ветров в продолжение суток, в обоих случаях показывает определенные и очень стойкие максимум и минимум. Максимум как в Севастополе, так и на Караби-Яйле от 12 до 15 часов. В ночное время стихание ветра особенно сильно в Севастополе. Более ровное суточное распределение ветра на высокой Караби-Яйлинской станции вполне совпадает с общими наблюдениями в метеорологии, по которым с известной высоты начинается даже обратный перелом и усиление ветра в ночное время.

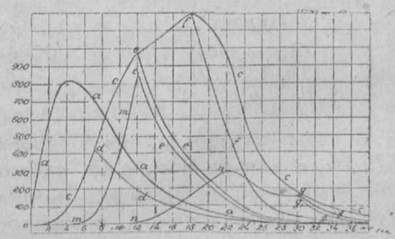
Севастополь 1913 и 1914 гг.



Черт. 1

a — кривая годовых частот ветра разной скорости.
b — кубическая кривая энергии ветра.
c — энергия на крыльях при использовании всего ветра.
ccdd — энергия на крыльях при установке на ветер 10 *м/с*.
ppd$_1$*d*$_1$ — энергия отдаваемая при установке на ветер 10 *м/с*.

Караби-Яйла 1917 г.



Черт. 2

a — годовая кривая частот ветров разной силы.
c — энергия на крыльях при использовании всего ветра.
dd$_1$ *ee*$_1$ *ff* и *gg* — энергия при установке ветряка на ветер в 7,6—12—18—30 *м/с*.
mm e$_1$*e*$_1$ — энергия отдаваемая *n* и установке на ветер 12 *м/с*. *nn g*$_1$ *g*$_1$ — то же при ветре в 30 *м/с*.

Что же представляют собой упомянутые средние силы ветра, каким образом они получаются из вечно меняющегося в своей силе ветра, и в каких пределах в наших расчетах можно опираться на абстрактные средние числа? На чертежах 1 и 2 (на стр. 246), кривая «*a*» показывает повторяемость в продолжение года ветров разной силы. На абсциссе нанесены ветра в *м/с* ординаты показывают число случаев в продолжении года ветра данной силы. Из указанных выше чертежей усматривается, что наиболее часты ветры в Севастополе от 1—3 *м/с* (29%), по Караби-Яйле—3—5 *м/с*.

По первому впечатлению невольно заключаешь, что наибольшее значение имеют эти частые ветры. Но сейчас мы увидим насколько это ошибочно. Вспомним, что давление ветра на встречные препятствия пропорционально квадрату его скорости, а работа им производимая и энергия в нем заключающаяся пропорциональна кубу скорости. Если мы примем условно за единицу то количество энергии, которое протекает за одну секунду с ветром силою в 1 *м/с* через определенное сечение и отметим для ветра каждой силы куб его скорости, то получим кривую, по которой мы сможем отсчитать энергию, заключающуюся в ветрах любой силы (см. черт. 1 и 2, кривая «*b*»).

Если мы теперь для каждой силы ветра, помножим число его случаев за год (кривая «*a*») на заключающуюся в нем энергию (кривая «*b*»), то получим новую кривую «*c*», которая укажет нам, сколько энергии пронеслось через принятое нами сечение с ветрами данной силы в продолжении года. Вся площадь, описанная этой новой кривой, будет тогда соответствовать всей энергии, пронесенной через наше сечение за год всеми ветрами.

Уже из беглого рассмотрения этой кривой явствует, что главная масса энергии заключается в ветрах значительно большей силы, чем средние. Так, в обоих разбираемых нами случаях, наибольшее количество энергии несут ветры не средние (5,45 *м/с* за 2 года для Севастополя и 7,66 *м/с* для Кабари-Яйлы) и даже не средне-кубические (7,74 для Севастополя и 10,81 для Караби-Яйлы), а ветры в 2,5 раза сильнее средних, а именно ветры от 13—14 *м/с* и 18—19 *м/с*. Отсюда не трудно заключить, что надо ориентироваться на ветры больших скоростей. Так, в Севастополе ветры силой от 0 до средних — 5,45 *м/с* заключают в себе лишь 4,65% всей проносимой за год энергии.

Как же подойти к наиболее рациональному использованию проносящейся мимо нас, вечно меняющейся в своей силе, энергии?

Анализ кривых энергии. Для разрешения этого вопроса необходимо перейти от общих теоретических положений к чисто практической задаче. Но для разрешения ее нужно знать, какими ветряками мы будем работать, каков тот аппарат, которым мы должны улавливать проносящуюся энергию. Мы остановились на последних типах быстроходных ветряков ЦАГИ, решивших основную задачу — постоянство числа оборотов. Конструкция их предусматривает установку на ветер определенной силы. При ветрах более сильных весь излишек ветра против принятого нами, пропускается мимо ветряка, без его использования.

Так, при установке на ветер в 10 *м/с* ветряк будет работать и вырабатывать энергию и при 15 *м/с* ветре так, как он работал бы при ветре в 10 *м/с*.

На чертежах 1 и 2 (на стр. 246) кривая «*c*» показывает общее количество энергии, которое приносит с собой ветры от 0 до 25 *м/с*, в первом, и от 0 до 40 *м/с*, во втором случае. Так как, согласно вышеизложенного, при установке на ветер определенной силы, вся энергия сверх принятого нами предельного ветра проносится мимо неиспользованной, то попытаемся определить, какое же количество энергии может быть использовано при ориентировке на тот или иной предельный ветер. Возьмем, например, в одном из исследуемых нами случаев — на Караби-Яйле (чертеж 2, на стр. 246) предельным — ветер средний — 7,65 *м/с*. Тогда все остальные ветры более 7,65 *м/с* будут давать энергии столько же, сколько ее дал бы ветер в 7,65 *м/с*. Что же будет при ветрах более 7,65 *м/с* — например, при 10 *м/с*?

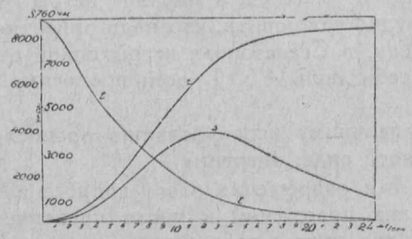
Для всех точек выше 7,65 *м/с* мы будем множить число случаев не на соответствующую им энергию, как это было при изображении основной

кривой «c», а на энергию соответствующую ветру в 7,65 *м/с*. Тогда, начиная с точки «d», кривая начнет понижаться в соответствии с убывающим числом случаев для более и более сильных ветров и общее количество энергии, которое при этом будет выработано, будет пропорционально уже не всей площади описанной кривой «c», а той лишь части ее, которая ограничена сначала кривой «c» до точки «*d*», а затем кривой «dd».

На Севастопольском примере (черт. 1, на стр. 246) мы остановились на 10 *м/с*. Ломанная линия от точки «*d*» влево отграничивает энергию, которая может быть нами использована, а вправо площадь соответствующую энергии, которая пропадает вследствие того, что мы ограничили использование 10 *м/с*. Если в каждой последующей точке, соответствующей наростающей силе ветра, мы построим, начиная со слабых и до наиболее сильных ветров, подобные же кривые, то получим все растущие площади, соответствующие все большему количеству энергии, которая будет нами использована при ориентировке на все более сильные ветры (см. рис. 2 на стр. 246), на котором мы приняли предельные ветры в 7,65 *м/с* 12, 18 и 30 *м/с* и отграничили соответствующие им энергетические площади в точках d, e, f, g.

Просчитав в отдельных таблицах количество энергии, которое может быть получено при ориентировке на ветер все большей силы, мы получаем для Севастополя кривую «r» (черт. 3 на стр. 248). Медленное наростание энергии вначале сменяется быстрым приростом ее от перехода к более сильным ветрам. Последние 10 ступеней почти ничего уже не прибавляют к общему количеству энергии и из кривой «r» (черт. 3 на стр. 248) видно, что ориентироваться на ветры за указанном перегибом нет никакого смысла. Сейчас мы увидим, что предельная, в смысле экономической целесообразности, ступень лежит еще раньше.

По Севастополю за 1913 и 1914 гг.



Черт. 3

r — энергия на оси крыльев при установке на ветры равной силы.
S — энергия на борнах генератора с учетом всех коэфиц. пол. действия.
t — число часов работы максимума.

Теперь приблизимся еще на шаг к реальной постановке вопроса и вычислим количество энергии, использование коей практически возможно. Между энергией ветра, свободно протекающего в пространстве использованием этой энергии для механической работы и далее, превращением ее в электрическую энергию лежит ряд ступеней, на каждой из которых часть энергии теряется. Прежде всего, встречая препятствие в виде ветряка, ветер частично его обтекает и только часть потока проходит через крылья ветряка, где и преобразуется в механическую энергию. Предельный теоретический коэфициент полезного действия (ξ) на этой ступени — 59,2%. Но практические результаты не позволяют пока говорить об использовании более 34%.

Таким образом, мы получаем известное количество энергии на крыльях ветряка. Далее, приходится учесть потери в подшипниках, в зубчатке и, наконец, в сопряженной с ветряком динамомашине или ином механизме. Не останавливаясь подробно на подсчете этих потерь укажем, что при учете их кривая «r» (четр. 3 на стр. 248) превратится в кривую «S». Вместо прежнего постоянного наростания количества вырабатываемой энергии от перехода работы установки на все более сильные ветры, мы после известной ступени ветра обнаруживаем, вместо прироста, убыль энергии. Об'ясняется это следующим. Согласно подсчета, при ветре в 2,5

раза более слабом, чем принятый нами предельный — энергии вырабатывается в ($2{,}5^3$ раз меньше, т.-е. 6,4% от полной мощности, а это равняется потерям холостого хода. При прочих же сравнительно слабых ветрах установка будет работать с плохим коэфициентом полезного действия. Если мы при рассчете ветряка будем ориентироваться на ветер значительно более сильный, то, выигрывая очень мало от такого перехода на высшие ступени, мы значительно больше теряем на плохом использовании ветров несколько более слабых, но значительно более частых. Перегиб кривой «S» на черт. 3 (на стр. 248) и показывает это.

Для большей ясности картины мы изобразили на чертежах 1 и 2 (на стр. 246) для некоторых точек, кроме кривых ограничивающих использование всей энергии ветра, в зависимости от установки на предельный ветер, еще кривые использования в зависимости от коэфициента полезного действия генератора.

Так, на чертеже 1 (стр. 246) кривая *ccdd* отграничивает площадь 10 *м/с*, кривая же ppd_1d_1 отграничивает площадь, оставшуюся за вычетом использования энергии всех ветров при установке на предельный ветер в потерь в генераторе. Тоже самое мы отметим на чертеже 2 (на стр. 246) для 12 *м/с* и 30 *м/с*.

Осветим теперь еще один крайне существенный для каждой установки вопрос — о числе часов ее работы. При этом укажем, что общее количество часов работы вне вопроса об отдаваемой за это время энергии играет сравнительно второстепенную роль. Лучше характеризует установку не понятие «общее число часов работы», а «число часов работы максимума» (кривая «t» черт. 3, на стр. 248), т.-е. к скольким часам работы можно было бы свести всю отдаваемую за год энергию при работе только на полную нагрузку. Получаем мы эту величину путем деления общего количества отдаваемой за год энергии на предельную мощность.

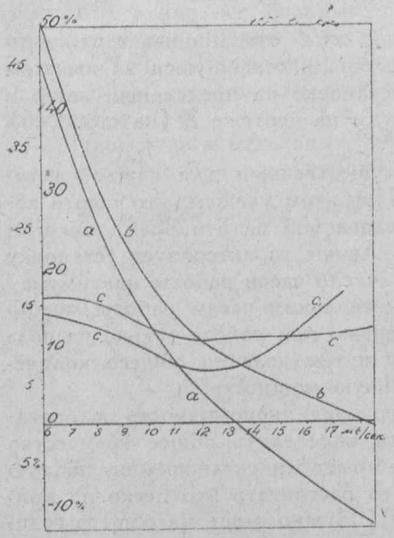
Это понятие гораздо лучше характеризует экономичность и рентабельность установки. Если же мы захотим определить общее количество часов работы вне зависимости от того, работает ли установка на полную мощность или загружена лишь частично, то рассчитать это легко по кривой «*a*» чертежей 2 и 3 (на стр. 246, 248). Нужно лишь из общего годового числа часов выкинуть штилевые дни, т.-е. дни действительного и относительного штиля, когда установка не работает, так как каждая установка, как уже было сказано, начинает работать лишь с ветров в 2,5 раза меньших, чем избранный нами предельный ветер.

О п р е д е л е н и е о п т и м а л ь н о г о в е т р а д л я у с т а н о в к и. Как уже упоминалось, из чертежей 1 и 2 (на стр. 246) априори было ясно, что, при ориентировке на ветер определенной силы, нельзя останавливаться на ветрах средних и меньших. Протекающая с ними энергия настолько незначительна, по сравнению с общей массой последней, таящейся в ветрах, что говорить, при такой ориентировке, об использовании энергии ветра не приходится. С другой стороны, из чертежа 3 (на стр. 248) совершенно очевидно, что базироваться на ветрах за седлом — в наших примерах, на ветрах в 2,5 раз более сильных, чем средние — не приходится, так как в конечном счете, при более дорогой установке мы получили бы меньше энергии и притом менее равномерно использованной в продолжение года. Более определенно мы, пока, высказаться не можем. Если бы установка нам ничего не стоила, а рабочая сила тоже не оплачивалась бы, то ясно, что предельной — была бы установка на ветры на седле, т.-е. для Севастополя — 13 *м/с*, а для Караби-Яйлы — 18 *м/с*. Тогда вопрос свелся бы лишь к получению максимального количества энергии. Но, на самом деле, вопрос стоит не так, и ориентировку на более сильный ветер приходиться оплачивать растущими годовыми расходами. Всю систему как меха-

ническую, так и связанную с нею электрическую часть приходиться сооружать соответственно предельному избранному ветру, а число случаев этого предельного ветра может быть и не столь велико. Таким образом, в реальных условиях может оказаться, что последние ступени перед седлом дадут большее удорожание, чем прибавят энергии. Тогда было бы выгоднее достичь увеличения количества энергии не путем использования более сильных ветров, а путем установки второго ветряка или путем увеличения размаха крыльев.

К решению поставленной выше задачи о наиболее экономически целесообразном пределе мы и перейдем.

Графическое определение оптимального ветра для установки ветряка



Черт. 4

a — прирост отдачи энергии в % при ориентировке на все более сильный ветер в Севастополе.
b — тоже на Караби-Яйле.
c — прирост в % годовых расходов как выше при работе с техническим персоналом.
c_1 — тоже при автомазатиции установки.

Прежде всего посмотрим, что определяет экономичность и практическую пригодность установки.

Основными моментами, характеризующими всякую установку являются: 1) количество вырабатываемой за год энергии; 2) годовые расходы, сопряженные с работой установки и 3) распределение отдаваемой энергии в продолжение года или, что то же, число часов работы максимума.

Первые два момента определяют стоимость вырабатываемой энергии, третий характеризует установку с точки зрения ее пригодности для тех или иных целей. Так как первые два и последний признаки характеризуют установку с совершенно разных сторон, то исследовать их можно независимо друг от друга.

Количество вырабатываемой энергии нами подробно разобрано и исчерпывающи характеризуется кривыми «S». Зная силу ветра и избранный нами размах крыльев, мы в любой момент можем перевести наши условные единицы энергии в киловаттчасы.

Переходя к вопросу о стоимости установки, мы за недостатком места укажем лишь, что каждой ступени ветра соответствует, конечно, соответствующая мощность сопряженного генератора. Стоимость установленного киловатта при увеличении мощности до известных пределов (до перехода на тихоходные типы) падает: стоимость же башни от установки на более сильные ветры возрастает незначительно, так как при всех случаях расчет башни приходится производить на предельные ветры данной местности. Нами просчитаны отдельно стоимость для каждой ступени ветра. При подсчете годовых расходов учтены проценты на капитал, амортизационные отчисления, ремонт и заработная плата.

Посмотрим же, как при переходе с одной ступени ветра на следующую будут расти, с одной стороны, количество отдаваемой энергии (по черт. 3 на стр. 248), с другой, как будут наростать годовые расходы.

Выразим и то и другое приращение в процентах. На чертеже 4 (на стр. 250) кривые «*a*» и «*b*» показывают прирост (в процентах) энергии при переходе с одной ступени ветра к последующей (по Севастополю кр. S черт. 3, на стр. 248). Прирост годовых расходов (расчет которых в виду ограниченности места мы здесь не приводим) — тоже в процентах, по отношению к каждой предшествующей ступени — изображен кривой «*c*» и «c_1», при чем «c_1» показывает прирост годовых расходов при автоматизации установки.

Если при переходе от одного ветра к более сильному прирост количества вырабатываемой энергии или киловаттчасов будет больше, чем прирост годовых расходов, то при переходе этом стоимость энергии уменьшится. Если же прирост энергии будет меньше, чем прирост годовых расходов по установке, то переход к следующей ступени удорожит энергию. Точки пересечения кривых «*c*» и «c_1» с кривыми «*a*» и «*b*» показывают тот оптимальный ветер, при установке на который мы имеем наиболее дешевую энергию. И до этой точки пересечения и после нее энергия будет дороже. Разница между ординатами «*c*» или «c_1» и «*a*» или «*b*» для каждой испытуемой ступени ветра показывает на сколько процентов в этом случае энергия будет дороже, чем при оптимальном ветре.

На разобранных нами примерах покажем каких результатов можно достигнуть при правильном расчете и ориентировке на оптимальный ветер. Приводим сводку результатов по двум установкам:

Таблица 2

Сводка расчетов установок с ориентировкой на оптимальный ветер

	На Караби-Яйле	В Севастополе
Оптимальный ветер в *м/с*	12	9,9
Соответствующий ему генератор в *квт*	250,5	133
Поправка на барометр давления в *квт*	222	133
Ближайший заводской тип в *квт*	200	150
Соответствующий ветер в *м/с*	11,6	10,3
Общее число часов работы	5.930	4.668
Число часов работы максимума	2 495	1.875
Число часов работы при полной нагрузке	1.741	1.141
Начальный ветер при трогании ветряка в *м/с*	4,65	4,15
% использован. энергии с учет. всех коэфиц. пол. действ. (включ. и генерат.) и с учетом потерь от установки на определенный ветер	29,9	39
% использования полный с учетом =0,34	10,1	13 3
Число киловаттчасов в год	499.000	281.250
Расход за год с обслуживающим персоналом (в руб.)	6.863	6.177
Расход при автоматизации (в руб.)	4.565	4.235
Стоим. 1 *квтч.* при работе с рабочим персоналом на шинах ветроустановки (в коп.)	1,37	2,2
Стоим. 1 *квтч.* при автоматизации (в коп.)	0,86	1,63
Стоим. 1 *квтч.* при автоматизации и массовой заготовке (в коп.)	0,67	1,25
Принятая стоимость установки (без автоматизации) (в руб.)	36.350	33.350

При этом считаем необходимым оговориться, что расчеты сделаны по ближайшей метеорологической станции, а, как указано было выше, количество энергии на соседних холмах было бы в 6 раз больше и стоимость установки возросла бы главным образом лишь в части, относящейся к стоимости электрического оборудования, да и то меньше, чем прирост мощности.

Уже из приведенных примеров видно, какие благоприятные результаты может дать ветросиловая установка и как выгодны были бы возможности приспособления ветряков для параллельной работы на общую сеть.

Работа ветросиловой установки в реальных условиях. Рассмотрим теперь условия работы ветросиловой установки в реаль-

ных условиях, чтобы перейти затем к вопросу о возможном потребителе этой дешевой, но неравномерно пульсирующей энергии.

Для решения этой задачи приходится во-первых, задаться определенным графиком суточного потребителя энергии, а во-вторых, на основании ежечасной проработки показаний анемографа определить общую отдачу энергии ветряком. Для этого мы взяли тот же пример Севастопольского ветряка, проработав 3 характерных месяца со средним в общем ветром (5,4 *м/с*) при чем один из месяцев был исключительно ветряный (в среднем — 8,1 *м/с*), один тихий (3,3 *м/с*) и один средний (5,6 *м/с*). При этом мы задались графиком потребления энергии (крив. «*b*» черт. 5 на 252 стр.),соответствующим средне-промышленной нагрузке (3.200 часов в год работы максимума). При зимней пиковой нагрузке в 100 *квт* мы приняли средне-годовую нагрузку в 80 *квт*. Систему работы ветряка мы приняли самую сложную, т.-е. не связанную ни с какой иной системой и покрывающую весь спрос исключительно энергией ветра при наличии какого-либо аккумулятора.

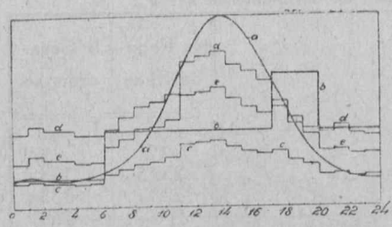
Ежечасная проработка возможной отдачи с пополнением нехватки энергии аккумулятором (потери на аккумуляцию приняты—50%) показала, что:

1) если ветряк по максимальной мощности равен наибольшей пиковой нагрузке, то энергии его хватит в Севастопольских условиях лишь на покрытие чисто осветительной нагрузки (около 1.700 часов максимума). При нагрузке полупромышленной (3.200 часов)—мощность ветряка должна быть почти вдвое больше пиковой нагрузки (1,9 раза);

2) даже при «среднем» ветре значительно более низком, чем начальный ветер, с которого ветряк вообще начинает работать (у нас при среднем ветре — 3,3 и начальном 4,15 *м/с*), ветряк все же может покрыть часть месячного спроса;

3) величина аккумулятора должна быть рассчитана (при принятых заданиях) на покрытие 1,3 месячного спроса на энергию.

Анализ работы ветросиловой установки в реальной обстановке по Севастополю



Черт. 5

a — энергетическая кривая ветра в Севастополе в продолжении суток.
b — заданный график потребления энергии за сутки при годовом максимуме 100 *кв*. а среднем — 80 *кв*.
c — кривая полезной отдачи за сутки ветряка в 100 *кв*. п. и потерях на аккумуляцию 50%.
e — тоже как *c*, но установка в 1,9 раз большая для полного покрытия спроса.
d — общая отдача этой установки включая потери при аккумуляции.

На чертеже 5 дан графический анализ работы ветросиловой установки в реальной обстановке по Севастополю.

Мировые ресурсы энергии ветра. Хотя вопрос этот имеет чисто академическое значение, но в виду того, что он неоднократно обсуждался, мы дадим подсчет мировых ресурсов на основании данных полученных от проработки нашим методом.

Приняв в расчет анемометрическую тень, мы подсчитали, что на 1 *кв. км* может быть установлено не более 5 тридцатиметровых ветряков. Если мы примем теперь географическую средне-арифметическую мировую скорость ветра в 4 *м/с*, то средне-кубическая для разных районов будет не меньше 4,7—4,8 *м/с*. Если же мы еще сделаем поправки на затишливое расположение метеорологических станций и повышение центра наших ветряков на 25 *м* над уровнем почвы, то получим минимум 5 *м/с*. Этот ветер мы и примем для нашего расчета.

Приняв данные, полученные по Севастополю, за основу, просчитаем, сколько энергии мы можем получить при ветрах в 5 *м/с* от одного ветряка и, далее, с одного километра. Путем интерполяции получаем мощность одного ветряка — 95 *квт* и количество киловаттчасов с одного квадратного километра — 1.085.000.

При этих данных со всей суши за год могло бы быть получено количество энергии эквивалентное более ста миллиардов тонн 7.000 калорийного угля, т.-е. количество в 85 раз превосходящее мировую добычу каменного угля в 1923 г.

Возвращаясь к таблице 1, мы приходим к выводу, что запасы энергии ветра в ней приуменьшены и превосходят запасы всех прочих видов энергии примерно в 3,5 раза.

О потребителе ветроэнергии и методах использования ветра. В заключение перейдем к чрезвычайно сложному вопросу, заслуживающему самостоятельной проработки — о наивыгоднейших методах работы ветряками. Что наиболее целесообразно, — самостоятельная ли работа ветряками или работа их в комбинатах с тепловыми или гидроустановками, в мелком масштабе для сельских станций или в комбинации с мощными сетями и пр?

Вследствие сложности вопроса и большого количества привходящих моментов, мы лишь вкратце коснемся его, наметив основные типы работы и те пути, по которым, по нашему мнению, должно пойти развитие ветросиловой проблемы, чтобы дать наибольший народнохозяйственный эффект

К каким же основным системам сводится работа ветряков?

1. Самостоятельная работа отдельных ветряков, работающих исключительно на энергии ветра без аккумуляции.

2. Система работы ветросиловых установок без иных резервов, но с аккумуляцией.

3. Работа ветряка с тепловым резервом.

4. Работа ветросиловых установок прямо на общую сеть без аккумулирования энергии.

5. Работа ветряков непосредственно на сеть с аккумуляцией лишь суточных излишков энергии.

6. Работа на общую сеть с аккумуляцией энергии ветра, особенно, с гидроаккумуляцией.

7. Работа ветросиловых установок, связанных с мощными областными комбинатами.

Дадим краткую характеристику каждого из приведенных методов работы.

1. Самостоятельная работа ветряка, да притом еще без аккумуляции энергии, конечно, крайне несовершенна, но она же почти только одна и известна на практике. Насколько она примитивна, видно из того, что ветряк такого типа, какой мы все время разбирали, работал бы (см. черт. 1, на стр. 246) при полной нагрузке 1.292 часа; при нагрузке от 0 до полной — 3.376 час., бездействовал бы —4.092 час. Таким образом, только в 15% всего времени мы можем полностью его нагружать, в 38% мы работаем ненадежно, с возможностью лишь частичной нагрузки и 47% всего времени мы вообще не сможем работать. А, между тем, такие ветряки работают уже 2.000 лет и при этом имеют тенденцию к дальнейшему развитию.

Применяются они, главным образом, для механических целей и при том в тех лишь случаях, где непрерывность работы не является первейшим необходимым требованием. Для производства электрической энергии, без аккумуляторов или тепловых резервов, почти неприменимы, вследствие непостоянства работы и большого количества часов бездействия.

В связи с нашими изысканиями следует указать, что в этом типе ветряков главным моментом при выборе предельного ветра, на котором следует базироваться при расчете мощности установки, будет не дешевизна

энергии, а постоянство ее отдачи. Только что мы указывали, что ветряк, подобранный по нашему методу, работал бы лишь 4.668 час. — из них на полную нагрузку 1.292 часа. Если же мы понизим предельный ветер вместо 10 *м/с* до 7,5 *м/с*, то получим увеличение числа часов работы до 6.300. Если по условиям хозяйства требуется, чтобы ее работа давала возможность в крестьянском хозяйстве удобно комбинировать работу ветряка с другими хозяйственными работами, то это увеличение числа часов работы будет иметь первенствующее значение, хотя бы вырабатываемая в этом случае энергия была на валу двигателя и дороже.

Наивыгоднейший народнохозяйственный эффект будет проистекать не от наиболее дешевых силочасов на валу ветряка, а от приспособленности его к условиям хозяйства.

Эта система, несмотря на все свое несовершенство, и впредь сохраняет свою жизненность, особенно, в районах оторванных от дешевой энергии и для специальных целей, например, для мельниц, водоснабжения, орошения и пр. Следует лишь пожелать возможно большей массовой заготовки стандартных типов, к чему, впрочем, ЦАГИ теперь уже частично приступил.

2. Вторая возможная комбинация, при которой ветросиловая установка не нуждается ни в каком резерве или ином источнике энергии для полного обслуживания потребителя. Система эта предусматривает возможность аккумуляции энергии во время, обильное ветрами, при малой нагрузке, когда остаются от подачи в сеть избытки энергии, которые и можно сохранить при посредстве аккумуляторов и использовать ее во время безветрия, или когда сила ветра недостаточна, чтобы полностью покрыть спрос на энергию.

Система эта мало применима при дорогих свинцовых аккумуляторах, но может дать очень хорошие результаты, если только по близости имеется какой-либо водоем или возможность создать таковой и получить напор воды достаточный для гидроустановки, по мощности соответствующей нашему ветряку. Если при этом у нижнего уровня гидростанции можно получить второй водоем, то получится идеальная замкнутая система, при которой при безветрии вода изливалась бы из верхнего водоема в нижний,—а при обильных ветрах снова поступала бы в верхнее водовместилище. По об'ему водоемы эти должны быть равны приблизительно 1,3-кратному количеству воды, которое нужно, чтобы покрыть при помощи резервной гидроустановки месячное потребление энергии. И в этом случае может оказаться целесообразным повысить число часов работы максимума за счет удорожания энергии. Хотя эта система при устройстве заново водоема, может оказаться и не дешевой, но она может дать очень хорошие результаты при наличии уже готовых искусственных или природных водоемов, с возможностью получения необходимого напора.

3. Система работы ветряка с тепловым резервом тоже может себя оправдать в районах оторванных от дешевой энергии.

Само собой очевидно, что система эта возможна лишь в том случае, если стоимость ветроэнергии будет дешевле топливной слагающей. Резерв может по мощности и не совпадать с мощностью ветряка. Он может быть рассчитан для покрытия лишь самой острой нужды в энергии, как например, части освещения, подачи воды и т. п.; прочий же спрос на энергию будет покрываться при наличии ветра.

И в этом случае, установка на тот или иной ветер может диктоваться не столько дешевизной, сколько хозяйственными соображениями.

При этом, большой резерв позволит, если это окажется дешевле для всей системы, ориентироваться на больший ветер. Наивыгоднейший ветер будет не при наиболее дешевой энергии ветростанции, а при наименьших расходах за год всей системы.

4. Работа на общую сеть. С этой системы следует начинать работу по выработке тока ветросиловыми установками в более широких масштабах. Эта же система может дать наиболее дешевую энергию от ветряков (от всего комбината энергия следующих систем дешевле). Система эта стала вполне осуществима с тех пор, как были созданы ветряки с постоянным числом оборотов.

Как уже было указано, при колебании в числе оборотов, которое имеют современные конструкции ЦАГИ (в 3%), возможна непосредственная работа на сеть даже синхронными генераторами. Вопрос лишь в том, какое соотношение между мощностью ветряков и мощностью всей системы наиболее целесообразно.

При колеблющемся графике потребления энергии, принятом нами (кривая «*b*» черт. 5, на стр. 252), мы видим, что, если ветряки будут по мощности больше, чем минимальная ночная нагрузка, то часть энергии будет в ветренные ночи пропадать даром. Последнее, конечно, удорожило бы энергию и осложнило бы дело, Но до пределов ночного минимума, энергия, вливаемая в общую сеть будет наиболее дешевой. Предел выгодности — это, когда стоимость ветроэнергии равна стоимости топлива (топливная слагающая) + расход на смазку + уменьшение сноса тепловых машин от уменьшения числа часов работы или когда она равна цене за энергию, которую приходится уплачивать чужому предприятию.

Подсчет в каждом отдельном случае показал бы на сколько стоит повышать ветросиловую мощность по сравнению с ночным минимумом при условии частичных потерь энергии в особо ветрянные ночи.

Подсчеты ветряков Севастополя и Кабари-Яйлы основаны на применении именно этой системы.

5. Пятая система — переходная к 6 и 7 — частичная аккумуляция энергии на несколько часов работы в сутки дает возможность с выгодой сильно повысить отношение мощности ветряков к мощности всей системы. При обсуждении системы 4, мы уже говорили, что предельная мощность ветряков в системе определяется минимумом ночного графика загрузки. Но если мы создадим аккумулятор, который смог хотя бы частично поглотить избыточную ночную энергию, то это дало бы нам возможность сильно повысить в общей системе ветросиловую часть. Так в Севастополе в настоящее время ночной минимум (в продолжении 4 часов) равен 17,5% от годового максимума. Расчет показал, что если создать аккумулятор емкостью в 13,3% суточной выработки энергии (т.-е. примерно на 3,25 часа средней нагрузки), то это дало бы возможность повысить мощность ветряка до 0,5 мощности всей системы, т.-е. к имеющейся теплосиловой или гидросиловой установке прибавить еще 50% по мощности ветряков. При наличии большого водохранилища суточное регулирование работы ветряков сказалось бы на водохранилище лишь как слабо ощутимое суточное дыхание водоема.

6. Переходим к шестой группе — работе ветряков в комбинации с большими гидроустановками, имеющими многомесячное или годовое регулирование подачи тока, например, с Днепростроем.

Годовое регулирование предполагает обычно или же покрытие многомесячного маловодья, или, даже, сохранение известных запасов воды на сухой год. Из рассмотрения замкнутой (2) системы выяснилось, что, при условиях аналогичных Севастопольским, запасов воды для полной замкнутости системы требуется лишь 1,3 месячного спроса и что в срок нескольких месяцев система снова восполняет свои запасы. Годовое регулирование гидростанции вполне совместимо с незначительным сравнительно, регулированием для ветродвигателей. В больших масштабах годового регулирования гидростанции, где дело идет о запасах многомесячных и даже годовых.

сравнительно незначительные позаимствования и отдачи, которые будут заканчивать свой цикл в продолжении лишь немногих месяцев, будут проходить для системы сравнительно безболезненно. Это тоже можно сравнить с дыханием водоема, но уже не суточным, а сезонным. Таким образом, запас воды для, примерно, полуторамесячного количества энергии даст возможность при помощи ветросиловых установок увеличить мощность комбинированной системы вдвое. Если ниже уровня машинного здания гидростанции также имеется тоже достаточно мощный водный резервуар, а таковой будет, например, на Днепре при создании нижней плотины, то мощность ветряков может быть во столько раз больше мощности прочих двигателей, во сколько нижний и верхний водоемы по своей энергетической способности больше необходимого для выработки при замкнутой системе 1,3 месячного запаса энергии.

При большем развитии ветросиловой части общей системы и полном отсутствии нижнего водоема, поставить дело так, чтобы энергия ветра в обильные ветрами дни совсем не пропадала, конечно, нельзя.

7. В заключение еще последняя возможность работы ветросиловых установок — с еще более мощными комбинатами, охватывающими систему параллельно работающих установок, разбросанных на больших расстояниях друг от друга.

Нет сомнения, что не пройдет еще и 10—15 лет, т.-е. времени в продолжении которого ветряки, вырабатывающие электрическую энергию, вряд ли даже переживут уже свои «детские болезни» — как весь юг СССР сольет все свои электропередачи в одну общую сеть. Гидростанции на Днепре, Буге, реках Северного Кавказа и пр., тепловые станции Донбасса, работающие на штыбе и низкосортном угле и заводские установки на доменных газах будут соединены одной общей сетью — паутиной высоковольтных передач.

При этой комбинации присоединение ветряков будет еще рациональнее. Ветряки Крымские, Новороссийской группы и другие, разбросанные на громадных расстояниях друг от друга, но соединенные общей системой, будут работать в несравненно более выгодных условиях. Подсчитано, что вследствие несовпадения на таких расстояниях штилевых и бурных дней, общее число часов работы всей ветровой группы может повыситься почти в полтора раза, что является, конечно, большим выигрышем, сделав отдачу от ветросиловых установок значительно ровнее.

Рассмотрение разных способов и систем работы ветряками убеждает нас, что, поскольку ветряки предназначаются для выработки электрической энергии они, хотя и применимы для индивидуального обслуживания поселений и совхозов, но действительного развития и полной своей выгодности они достигнут лишь в мощных комбинатах, особенно, в связи с гидросиловыми установками, где ветер может стать равноправным фактором в числе других входящих в комбинат групп.

Будучи в состоянии уменьшить установленные тепловые мощности лишь в незначительной степени (уменьшая число часов их работы), он тем не менее сможет значительно сократить расходы на топливо и уменьшить снос прочих машин.

Просмотр всех перечисленных возможностей работы ветра сделан, конечно, лишь схематически и ни в какой мере не претендует на исчерпывание материала. Мы лишь хотели наметить пути наивыгоднейшего использования ветровой энергии и дать хоть слабый толчок к дальнейшему изучению и проработке этого вопроса.

А. Авербух и А. Брюханов

Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР[1]

Покупательная сила хлебов

Анализируя динамику районных индексов цен, мы установили тенденции, имевшие место в движении номинального уровня цен хлебов в отдельных районах. Но изменение номинального уровня цен на сел.-хоз. продукты, без анализа его соотношений с промышленными ценами, не может быть исчерпывающим показателем рыночных условий, складывающихся для сельского хозяйства, ибо высота уровня цен сел.-хоз. продуктов, сама по себе еще не говорит о их реальной покупательной силе.

Если взять в качестве показателя отношение индексов цен плановых заготовителей на зерновые хлеба к районным индексам розничных цен на промтовары, то мы получим следующую картину.

Индексы покупательной силы хлебов (отношение индексов зерновых к индексам промтоваров, принятый за 100)

	По общеторгов. индексу		По индексу кооперат. торговли			% % % изменения к предыд году	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Ц. Ч. О.	79	73	76	58	63	— 23,7	+ 8,8
Урал	55	65	67	53	60	— 20,9	+ 13,1
Ср.-Волжский	69	75	78	55	66	— 29,5	+ 20,0
Н.-Волжский	90	72	74	58	68	— 21,6	+ 17,3
Сев. Кавказ . .	55	59	60	55	66	— 8,2	+ 20,0
Сибирь	56	58	60	59	66	— 1,6	+ 12,0
УССР	75	73	76	57	69	— 24,9	+ 21,0
СССР	68	68	70	56	66	— 20,0	+ 17,9

Преимущественное значение в розничном обороте промтоваров кооперативная торговля получает только начиная с 1925/26 г., поэтому для того, чтобы выявить покупательную силу зерновых хлебов в прошлые годы, мы воспользовались отношением индексов хлебов к обще-торговым розничным индексам. За последующие годы для этой цели взяты индексы цен промтоваров в кооперативной торговле.

1924/25 и 1925/26 гг., бывшие годами высоких хлебных цен и относительно низких розничных цен на промтовары,[2] характерны, относительно

[1] Окончание См. „Плановое Хозяйство" № 7.

[2] Повышение цен промтоваров, имевшее место в 1925/26 г., началось со второй половины сел.-хоз. года.

высокой покупательной силой хлебов. Однако, в силу выявленных нами различий в высоте уровней хлебных цен в разных районах в эти годы, мы имеем резкие различия в покупательной силе хлебов. Районы низких индексов цен на зерно (Сибирь, Урал, Сев.-Кавказ), несмотря на относительно более низкие индексы промтоваров,[1] имеют наименьшую покупательную силу (так, в 1925/26 г. в Сибири и на Сев.-Кавказе, мы имеем покупательную силу в 60 коп. за рубль, на Урале — в 67 коп.); районы, расположенные ближе к индустриальным центрам страны, наоборот, имеют большую покупательную силу зерна в промтоварах (например, ЦЧО и УССР —76 коп., Ср. Волжск. р. —78 коп.). В период рыночных затруднений 1925/26 г. имело место повышение розничных цен промтоваров. Падение уровня зерновых цен произошло в начале 1926/27 сел.-хоз. года, когда уровень промышленных цен, был еще высок. Снижение отпускных и розничных цен на промтовары, произведенное в последнем квартале 1926/27 сел.-хоз. года, не сказалось, в общем, на условиях реализации сел.-хоз. продукции этого года, в целом, поэтому, оказавшихся, с точки зрения эквивалентности с промтоварами, не благоприятными. Во всех районах произошло значительное раздвижение ножниц. Исключение составляют Сев.-Кавказ и Сибирь, где это раздвижение ножниц было менее значительным, благодаря меньшему темпу снижения заготовительных хлебных цен. В общем покупательная сила хлебов упала в этом году ниже 60 коп.

Указанное выше снижение промышленных цен целиком перешло на 1927/28 г., в котором, благодаря, одновременному некоторому повышению заготовительных цен на хлеба, лезвия ножниц значительно сблизились, и, с точки зрения ценностных условий обмена с промышленностью, этот год явился значительно более благоприятным, чем предшествующий, но все же, как это видно из вышеприведенных данных таблицы, индексы покупательной силы в этом году еще значительно ниже 1925/26 г.

Вследствие произведенного повышения плановых цен на хлеба в 1928/29 г, мы констатируем дальнейший значительный сдвиг в сторону возрастания покупательной силы хлебов по всем районам.

Сопоставим исчисленные нами индексы покупательной силы в 1928/29 г., с уровнями в 1925/26 г., являющимся годом наивысшей покупательной силы хлеба в прошлом периоде.

Индексы покупательной силы хлебов (отношение индексов зерновых к индексам промтоваров по кооп. торговле = 100)

	1925/26 г.	1928/29 г.	% изменения к 1925/26 г.
Ц. Ч. О.	76	77	+ 1,5
Урал	67	75	+ 12,0
Ср.-Волжский	78	76	— 2,5
Н.-Волжский	74	80	+ 8,1
Сев. Кавказ	60	84	+ 40,0
Сибирь	60	82	+ 37,0
УССР	76	79	+ 4,0
СССР	70	80	+ 14,3

[1] В 1925/26 г. индекс промтоваров равнялся в Сибири 206, на Сев. Кавказе—214, в то время, как в производящей полосе он составлял 220.

Как видно из этой таблицы, покупательная сила хлебов в 1928/29 г. в целом значительно выше ее в 1925/26 г. Районами наиболее высокого уровня покупательной силы хлебов в 1928/29 г. являются, как раз те районы, где уровень ее в 1925/26 г. был особенно низким (Сев. Кавказ, Сибирь).

Конкурентоспособность хлебов

С точки зрения пропорциональности в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства, центральное значение имеет проблема системы ценностных соотношений между сел.-хоз. отраслями и главнейшими сел.-хоз. продуктами. С этой точки зрения мы проанализируем ту систему, в которую складывались цены сел.-хоз. продуктов на протяжении последних лет, и выявим место, которое занимали цены на зерно в этой системе, и их соотношения с ценами других отраслей.

По исчисленному нами общеторговому индексу, взвешенных по товарной части сельского хозяйства, заготовительных цен плановых, местных и частных заготовителей на сел.-хоз. продукты (цен производителей), динамика общего уровня сел.-хоз. цен и уровней цен главнейших отраслей сельского хозяйства и соотношения уровней этих цен представляются за три года в следующем виде:

Индексы	Индексы к довоенной базе = 100			Отношения групповых индексов к общему = 100		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Зерновые	161,1	124,6	134,6	101,3	83,5	86,0
Технические	130,4	126,7	135,0	82,2	84,8	86,2
Животноводческие	171,3	179,3	181,7	108,0	120,0	116,0
Общ. сел.-хоз. индекс	158,8	149,3	156,4	100,0	100,0	100,0

Изменение общего уровня сел.-хоз. цен от 1925/26 к 1926/27 г. было связано с пертурбационными сдвигами в соотношении цен внутри сельского хозяйства, значительно изменившими ценностные взаимоотношения отраслей сельского хозяйства между собой, по сравнению с предшествовавшими годами.

Благоприятные рыночные условия, сложившиеся для зерновых хлебов в 1925/26 г. и недородном 1924/25 г., бывших годами напряженного спроса на хлеб и высоких хлебных цен, способствовали быстрому росту зерновой продукции.

Эти условия, с другой стороны, были неблагоприятными для развития на протяжении этих лет, интенсивных культур и дважды привели к сокращению площади посева под техническими культурами (в 1925 и 1926 гг.).

Произведенное в 1926/27 г. в директивном порядке понижение уровня плановых заготовительных хлебных цен явилось в обстановке раздвинутых ножниц чрезмерным. На ряду с понижением цен на зерновые хлеба и снижением цен на некоторые из технических культур, цены продуктов животноводства в этом году не только не обнаружили понижения, но дали на протяжении года чрезвычайно интенсивный рост, вышедший за пределы обычного в год повторного урожая.

При общем понижении сель-хоз. индекса в 1926/27 г. на — 6%, цены зерна упали — 23%, технических культур на — 3%, а цены на продукты животноводства выросли на + 5%.

Необходимо отметить, что рост животноводческого индекса имел место во все предыдущие годы, достигнув уже в 1925/26 г. значительной

высоты (171). Причины роста цен в животноводческом секторе в 1926/27 г. отчасти, повидимому, заключались в «ножницах».

Раздвижение ножниц по линии зерновых хлебов было особенно велико и так как по линии технических культур ножницы тоже раздвигались, то этот разрыв компенсировался повышением цен на животноводческих рынках, плановый охват которых был значительно слабее рынков полеводственных культур.

В совокупности эти сдвиги в ценах привели к нарушению равновесия в ценностных связях отдельных сел.-хоз. отраслей между собой. Понижение хлебных цен, в условиях сильного роста цен в животноводческом секторе, привело к понижению конкурентоспособности зернового хозяйства. При относительном, в сравнении с зерновыми культурами, повышении конкурентоспособности технических культур, конкурентоспособность всего полеводства в целом понизилась. Наоборот, соотношение цен оказалось сравнительно с полеводственными отраслями ненормально выгодным для животноводства, поставив его в положение наиболее рентабельной из сел.-хоз. отраслей.

В то время как в 1925/26 г. отношение индекса зерновых к общему индексу составляло 101%, в 1926/27 г. отношение это составляет 83,5%. Отношение животноводческого индекса к общему составляло в 1925/26 г. 108,6%, в 1926/27 г. — 120%. Таким образом, в 1926/27 г. конкурентоспособность зерновых культур понизилась на —18%, а конкурентоспособность технических культур и продуктов животноводства возросла на + 3% и + 11%.

Вследствие некоторого повышения в 1927/28 г. цен зерновых хлебов, при частичном повышении цен технических культур (лен, пенька, махорка) и приостановке в росте цен продуктов животноводства, разрыв цен между основными отраслями сельского хозяйства несколько смягчился. Однако, это сближение разрыва было в общем ничтожно, благодаря чему 1927/28 г. в основных своих чертах, в области соотношений сел.-хоз. цен, повторил диспропорции 1926/27 г.

Названные диспропорции в соотношениях цен, имевшие место в 1927/28 г. и, особенно, в 1926/27 г., привели, на ряду с другими оказавшими здесь действие моментами, к определенным сдвигам в сел.-хоз. производстве, нарушившим равновесие в развитии отдельных отраслей. Понижение конкурентоспособности зернового хозяйства не благоприятствовало достаточному темпу его развития, выразившись в падении коэфициента прироста зерновых посевов от 1926/27 к 1927/28 г. почти в 4 раза, и понижении товарности зерна, ослабив поступление хлеба на рынок уже во второй половине 1926/27 г. и, наконец, приостановке роста и даже сокращения посевной площади в 1928/29 г., связанным, правда, также с гибелью озимых. На ряду с этим, положительное значение имел рост технических культур, рыночная обстановка для которых в эти годы была относительно благоприятной, вследствие низких цен на зерновые хлеба. Рост животноводства, дававший устойчивые коэфициенты, происходил, однако, в условиях напряжения кормового баланса, в силу недостаточного темпа развития зерновых культур.

Вообще же следует иметь в виду, что те или иные смещения в ценностных соотношениях отдельных сел.-хоз. отраслей и продуктов между собой, в условиях полунатурального способа их производства и потребления,— формы господствующей в нашем сельском хозяйстве,— влекут за собой не только и не в первую очередь абсолютное сокращение производства, но и ведут к иному структурному соотношению товарной и натурально-потребляемой частей произведенной продукции. Так, относительно низкие цены на зерновые хлеба в период 1926/27 и 1927/28 гг. с относительно

высокими ценами продуктов животноводства (прежде всего, мяса) в известной мере обусловили усиленную натурализацию потребления зерна не только кормовых хлебов, но, что особенно важно, продовольственных (на юге — пшеницы) внутри крестьянского хозяйства на корм скоту и тем самым уменьшали размеры товарной части хлеба, подлежащего отчуждению и идущего на снабжение страны продовольствием.

Перейдем теперь к рассмотрению того, как это понижение конкурентоспособности хлебов, которое мы констатировали в результате анализа динамических сдвигов в соотношении в среднем по Союзу индексов сел.-хоз. цен, происходило в отдельных районах Союза.

Ниже мы даем отношение индексов зерновых хлебов к общему сел.-хоз. индексу, принимаемому за 100, по исчисленным нами районным индексам заготовительных цен:

Районы	Отнош. индексов зерновых к общему сел.-хоз. индексу = 100				% % изменен. к предыдущему году		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О. . . .	110	86	81	96	— 22	— 6	+ 19
Урал	97	82	81	91	— 15	— 1	+ 12
Ср.-Волжск. .	106	82	86	93	— 23	+ 5	+ 8
Н.-Волжск. . .	107	85	91	99	— 21	+ 7	+ 9
Сев. Кавказ . .	92	83	89	99	— 10	+ 7	+ 11
Сибирь	91	85	83	93	— 7	— 2	+ 12
УССР	104	83	84	94	— 20	+ 1	+ 12

Как видно в 1926/27 г. во всех районах произошло сильное понижение конкурентоспособности хлебов, при чем наиболее сильное понижение имело место в Центральных районах (ЦЧО, Повольжье) и на Украине. В 1927/28 г. конкурентоспособность хлебов несколько повышается, но лишь в районах плохого урожая (Поволжье и Сев. Кавказ), где, на ряду с некоторым повышением цен на хлеб, произошло понижение животноводческого индекса. В остальных же районах имело место дальнейшее ухудшение соотношений цен для зерна. В итоге за оба года динамически более сильное понижение конкурентоспособности произошло в районах, которые, как мы ранее отметили имели понижательную тенденцию динамики уровня хлебных цен. Интересно отметить, что как раз в этих районах рост животноводческого индекса особенно силен.

Нижеприводимая таблица дает представление о движении индекса цен на продукты животноводства за интересующие нас годы по отдельным зерновым районам.

Индексы цен на продукты животноводства

Районы	Индексы к довоенной базе = 100			% изменения к предыдущему году	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Ц. Ч. О.	159	180	196	+ 13,2	+ 8,9
Урал	149	162	169	+ 8,7	+ 4 3
Ср. Волжский	146	168	168	+ 15,1	0,0
Н. Волжский	150	172	164	+ 14,7	— 4,7
Сев. Кавказ	175	180	170	+ 2,9	— 5,6
Сибирь	146	156	168	+ 6,8	+ 7,7
Украина	156	176	184	+ 12,8	+ 4,5

В самом деле, в то время как в 1926/27 г. на Сев. Кавказе, на Урале и в Сибири цены продуктов животноводства обнаруживают рост в пределах от + 3% до + 9%, в центральных производящих районах и на Украине рост животноводческого индекса составляет от + 13 до + 15%.

Итак, динамически наиболее неблагоприятный сдвиг в ценах на зерно и продукты животноводства имел место в центральных производящих районах и в УССР.

Выше мы констатировали, что в отличие от 1924/25 и 1925/26 гг., вследствие относительно низких цен на зерно, 1926/27 и 1927/28 гг. были благоприятными для технических культур.

Динамика коэфициента конкурентоспособности технических культур за 1925/26—1927/28 гг. представляется в следующем виде:

Отношение индексов цен на технические культуры к индексам цен зерновых хлебов = 100

Культуры	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	% изменен. к предыдущему году	
				1926/27 г.	1927/28 г.
Подсолнух (Сев. Кавказ и УССР)	60	82	88	+ 36,7	+ 7,3
Льняное семя (Сев.-Кавказ) . . .	85	78	77	— 8,2	— 1,3
Конопля-волокно (Ц. Ч. О. и УССР)	120	145	147	+ 20,8	+ 1,4
Махорка (Ц. Ч. О. и УССР) . . .	147	136	128	— 7,5	— 5,9
Свекла (Ц. Ч. О. и УССР) . . .	88	118	114	+ 34,1	— 3,4

Как видно из этой таблицы, в 1926/27 г., вследствие меньшого снижения цен на технические культуры и большего повышения цен на них в 1928/29 г., чем на зерно, конкурентоспособность технических культур относительно зерновых в оба эти года значительно возростает, по сравнению с 1925/26 г.

Как выглядят ценностные взаимоотношения сел.-хоз. отраслей в 1928—1929 г. в результате тех изменений, которые произошли в ценах на отдельные сел. хоз. продукты в этом году? Вследствие произведенного в плановом порядке повышения цен на зерновые хлеба, на лен, на маслосемена, на молоко и на масло коровье и понижения цен на мясо и тех сдвигов в ценах, которые произошли на рынках второстепенных продуктов (картофель, овощи, объемистые корма и другие), общий уровень цен производителей на сел.-хоз. продукты повышается в 1928/29 г. на + 6,9%, против 1927/28 г., при чем зерновые на + 22%, технические на + 4,4% и цены продуктов животноводства на + 1%. В результате этих смещений, мы имеем в 1928/29 г. систему цен в сельском хозяйстве отличную от предыдущих двух лет. Для того, чтобы вскрыть характерные черты системы цен 1928/29 г., сравним индексы цен отраслей и их соотношения в 1928/29 г. с уровнями и соотношениями 1925/26 г., в котором мы имели уровень зерновых цен, близкий в 1928/29 г., и который как мы уже отмечали, характеризуется, как год благоприятных ценностных соотношений для зерна:

Наименование индексов	Индексы цен производителей к довоенной базе = 100		% % изменен.	Конкурентоспособн. сел.-хоз. отрасл. (отнош. индексов отраслей к общему = 100)		% % изменен.
	1925/26 г.	1928/29 г.		1925/26 г.	1928/29 г.	
Зерновые	161,1	164,1	+ 1,9	101,3	98,2	— 3,1
Технические . . .	130,4	141,0	+ 8,1	82,2	84,3	+ 2,6
Животноводство .	171,3	183,4	+ 7,1	108,0	109,7	+ 1,6
Общий сел.-хоз. индекс	158,8	167,2	+ 5,3	100,0	100,0	0

Как мы видим, в 1928/29 г. индекс зерна выше его уровня 1925/26 г. на + 2%, индекс технических культур соответственно выше на + 8%, а индекс животноводства на + 7%. В связи с этим, в 1928/29 г. конкурентоспособность зерновых хлебов ниже на — 3%, против 1925/26 г., конкурентоспособность технических выше на + 3%, а конкурентоспособность животноводства поднялась против 1925/26 г. на + 2%. Таким образом, в 1928/29 г. мы имеем сближение уровней животноводческого и зернового индексов по сравнению с предыдущими 1926/27 и 1927/28 гг., и более благоприятные соотношения между индексами технических культур и зерна по сравнению с 1925/26 г.

Ценообразование отдельных культур

В заключение проиллюстрируем влияние политики цен и всей суммы условий ценообразования на положение отдельных главнейших зерновых культур в характерных для них районах в связи с условиями их производства.

Рост производства отдельных хлебных культур в периоде, когда «восстановительный» процесс в зерновом хозяйстве еще не закончен, в известной мере связан со степенью восстановленности зернового хозяйства (освоения наличных земель, тягловой силы, наличия рабочих рук, семенного материала и проч.) в отдельных районах. Как установлено, степень восстановления зерновых посевов к довоенному времени в различных районах неодинакова. Кроме того, как ранее мы отмечали, влияние цен на производство и товарность хлебов должно быть различно в районах с разной степенью товарности и неодинаково для более и менее товарных культур. Поэтому, подход к изучению влияния ценообразующих условий на положение отдельных культур в зерновом хозяйстве должен быть диференцированным по отношению к разным районам.

В южных районах, на Северном Кавказе и на Украине, посевная площадь зерновых к концу восстановительного периода близка к довоенной. Вследствие отсутствия свободных земель, рыночная конъюнктура, складывающаяся для отдельных культур, вместе с ценообразующими условиями, сильнее сказывалась в этих районах и влияла на исход борьбы за посевную площадь, которая происходит между отдельными зерновыми культурами в этих районах, являющихся также наиболее товарными и наиболее связанными с рынком. На протяжении последних лет мы имели в этих районах интенсивный рост озимой пшеницы, происходивший за счет вытеснения посевов яровой пшеницы, ржи, ячменя и крупяных (по данным Н. Огановского в последние годы на Сев. Кавказе и в УССР мы имеем площадь пшеницы выше довоенной, за счет сокращения посевов выше названных других культур). Озимая пшеница высоконатурная, обладающая сортовыми семенами, засухоустойчивая и высокоурожайная имеет более низкую и устойчивую себестоимость, по сравнению с яровой пшеницей:

Культуры	1925/1926 г.			1926/1927 г.			1927/1928 г.		
	Себестоимость	Цена	Разн. в % %	Себестоимость	Цена	Разн. в % %	Себестоимость	Цена	Разн. в % %
	в коп. за центнер								
УССР									
Пшеница озим. . . .	620	960	+ 55	550	680	+ 24	590	710	+ 20
„ яров. . . .	660		+ 45	730		— 7	680		+ 5
Сев. Кавказ									
Пшеница озим. . . .	430	700	+ 63	470	640	+ 36	490	660	+ 35
„ яров. . . .	400		+ 75	560		+ 14	610		+ 8

На ряду с овсом, посевы которого в этих районах бурно растут, озимая пшеница обладает большей рентабельностью, в сравнении с другими зерновыми культурами. Интересно, что пшеница и овес на протяжении последних лет имеют также и наиболее высокие индексы цен к довоенному времени:

Культуры	УССР		Сев. Кавказ	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Пшеница	181	128	135	124
Овес	140	114	129	110
Рожь	144	111	119	102
Ячмень	119	89	118	88
Кукуруза	102	102	100	98

В одинаковом положении между собой, за истекшие годы, в южных районах находились культуры ячменя и кукурузы. По отношению к этим культурам мы имеем пример неустойчивой политики цен, повлекшей за собой определенные процессы в их производстве и товарности:

Культуры	Индексы цен к довоенной базе = 100			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
УССР				
Ячмень	144	119	89	142
Кукуруза	160	102	102	152
Сев. Кавказ				
Ячмень	125	118	88	121
Кукуруза	134	100	98	124

В течение двух лет — 1925/26 и 1926/27 гг.— цены на ячмень и кукурузу были близки к довоенным. Вместе с тем, индексы их были наиболее низкими среди других культур и ниже общего зернового индекса, который на Украине был равен в 1925/26 г.— 162, в 1926/27 г.— 119 и на Сев. Кавказе в 1925/26 г.— 129, в 1926/27 г.— 116. Эта политика цен не находилась в соответствии с издержками производства ячменя и кукурузы. Рентабельность ячменя в 1925/26 г. значительно отстает в этих районах от пшеницы и овса, а в 1926/27 г. он явно убыточен. В результате низких цен и неблагоприятных соотношений с ценами других зерновых культур, за два года мы имели сокращение посевов ячменя и кукурузы и падение товарности обеих культур, вследствие чего регулирующие органы уже в 1927/28 г. вынуждены были резко поднять цены этих культур.

В восточных районах (Сибирь, Зауралье) зерновое хозяйство находится в иных условиях, чем на юге. Наличие неосвоенных земель позволяет свободно расширять посевы, за счет вовлечения в хозяйство еще незатронутых целин. Но недостаток рабочей силы заставляет распределять трудовые затраты, в той части, где имеет место товарное производство хлеба, т.-е., где посевы расширяются как товарные, сообразно с доходностью и рентабельностью отдельных культур.

В то время, как посевы пшеницы и овса в этих районах увеличиваются из года в год, посевы ржи на протяжении ряда лет обнаруживают тенденцию к сокращению. С этими процессами согласуются ценностные условия. Себестоимость ржи выше себестоимости пшеницы и овса; поэтому, при цене, равной цене овса, рожь выступает, как сравнительно нерентабельная культура. Сравним высоту и динамику индексов цен отдельных культур в этих районах:

Культуры	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Сибирь				
Пшеница	133	123	122	124
Овес	114	123	114	114
Рожь	95	105	92	95
Урал				
Пшеница	132	153	122	124
Овес	115	162	102	108
Рожь	116	149	113	113

Индексы цен на рожь в Сибири ниже индексов цен на овес и пшеницу и, кроме 1925/26 г., ниже довоенного уровня. На Урале индекс овса в последние два года был ниже индекса ржи. Понижение индекса овса на Урале в 1926/27 г. было связано с блестящим урожаем овса в этом году (11,4 центнера против среднего урожая 7,3 центнера с *га*). Несмотря на резкое понижение цены овса (индекс 102), рентабельность его в этом году все же сравнительно выше ржи. Однако, удержание индекса овса на низком уровне и в следующем году оказало свое влияние на сильное сокращение площадей овса, происшедшее в 1928 г. Вследствие этого, в 1928/29 г., несмотря на хороший урожай этой культуры на Урале, индекс плановых цен на овес поднят до 149, при индексе ржи — 132. Таким образом, в общем итоге, конкурентоспособность пшеницы и овса выше ржи и это в числе других факторов несомненно оказывает свое влияние на те тенденции, которые имеют место в развитии зернового производства в этих районах.

В центральных производящих районах мы имеем две зоны различных условий зернового производства. С одной стороны, группу губерний, где распаханы все свободные земли (ЦЧО) и губернии, примыкающие к ней и, где мы наблюдаем ту же картину, что и на юге, т.-е. конкуренцию отдельных зерновых культур между собой (на юге ЦЧО озимая пшеница вытесняет с посевной площади посевы ржи и других хлебов). С другой стороны, мы имеем районы Поволжья с избытком свободных, нераспаханных земель — районы, где зерновое производство является наименее восстановленным, по сравнению с довоенным временем, и где, не конкурируя между собой, отдельные хлебные культуры свободно развиваются, как за счет невосстановленных земель, так и за счет вовлечения новых целин. Характерно отметить, что в этих районах мы имеем наименьшее расхождение между уровнями индексов цен отдельных хлебов, т.-е. уровни близкие между собой по высоте относительно к довоенному времени.

Отметим, в заключение, что этим кратким рассмотрением положения отдельных культур мы далеко не исчерпали проблемы соотношений цен отдельных зерновых культур между собой и степени влияния цены на отдельные зерновые культуры, в зависимости от их районного расположения и степени их товарности. Эту часть работы нужно считать еще незаконченной.

Заключение

Влияние цены, в наших условиях, как уже было отмечено ранее, вне рассмотрения его в связи с мероприятиями государства, направленными непосредственно на производство (контрактация, снабжение семенами и орудиями, кредит, агропомощь, налоговая политика и т. п.) минуя рыночные отношения, не может быть полным и исчерпывающим.

Советская экономика включается в мировой товарооборот через экспорт хлеба в капиталистические страны. В связи с этим, должны быть проанализированы формы и степень влияния на наши условия ценнообразования мирового хлебного рынка.

На ряду с этим, особое внимание должно быть уделено выявлению социальной и политической роли цены и ее действия в условиях различных социальных группировок крестьянства.

Но все это — предметы самостоятельного исследования.

На основе проделанного нами исследования, мы приходим в итоге к следующим выводам:

1. Весь исследуемый период начиная с 1923/24 г. до 1928/29 г., в отношении цен и ценообразования может быть подразделен на два основных этапа. Первый период обнимает собой годы с 1923/24 г. по 1925/26 г. Этот период может быть охарактеризован, как период в целом благоприятных рыночных условий для развития хлебного производства в стране. Эти благоприятные условия заключались в высоком уровне цен на зерно, и относительно низких ценах на другие продукты сельского хозяйства (технические культуры, животноводство), что обеспечивало, в о-п е р в ы х, высокую покупательную силу зерна в промтоварах, и, в о-в т о р ы х, его высокую конкурентоспособность по отношению к другим продуктам сел.-хоз. производства. Эти условия способствовали быстрому росту зерновой продукции в этот период, расширению посевных площадей и увеличению товарности.

Второй период включает в себя два года 1926/27 г. и 1927/28 г. В этом периоде вся сумма условий реализации неблагоприятствует зерновой отрасли сельского хозяйства. На протяжении обоих лет устанавливаются низкие цены на зерно, понижающие его покупательную силу и не обеспечивающие, в достаточной мере, доходности и рентабельности зернового производства. На ряду с этим, цены других продуктов повышаются и эквиваленты в других продуктах складываются не в пользу хлеба. Эти годы являются в то же время годами замедления в темпе развития зернового хозяйства, отставания зерновой отрасли от потребностей развития народного хозяйства страны.

2. Можно наметить три зоны, где условия ценообразования были различны на протяжении всего истекшего периода.

П е р в а я з о н а — южные, наиболее товарные районы СССР — Сев. Кавказ и Украина, где вся сумма ценностных условий за последние годы была наиболее неблагоприятной для зернового хозяйства этих районов. Тенденции ценообразующих факторов были различны в этих районах на протяжении истекших лет. Украина начала с высокого уровня цен, резко переломившегося, в дальнейшем, в сторону снижения. Сев. Кавказ начал с чрезвычайного пониженного уровня цен, медленно повышавшегося в течение этих лет. На Сев. Кавказе, при резко возраставшей себестоимости зерна, мы имели неподвижные стабильные цены. На Украине, при меньшем возрастании себестоимости, имело место резкое снижение цен. На Украине резко понижалась покупательная сила и конкурентоспособность хлебов. На Сев. Кавказ имели место меньшие колебания конкурентоспособности и покупательной силы.

Но общее, что связывает эти районы, это чрезвычайно низкий уровень цен за последние годы, на котором выровнялись ранее резко различные уровни обоих районов.

Этот уровень цен, установившийся в 1926/27 г., не обеспечивал в достаточной мере доходности зернового хозяйства, тормозил развитие производства хлеба (ячмень, кукуруза), принижал товарность и был одной из причин отрицательных явлений в области зернового хозяйства, с особой силой обнаруживших себя именно в этих районах к концу рассматриваемого периода.

В т о р а я з о н а — центральные районы производящей полосы. Эти районы, отличающиеся колебаниями урожаев, имели на протяжении последних лет меняющуюся конъюнктуру на своем хлебном рынке. В связи с этим, в указанных районых, мы имели наиболее резкие сдвиги в ценах и условиях ценообразования. Эта сумма условий несомненно влияла в том направлении, что мы имели сравнительно большое натуральное оседание зерна внутри крестьянского хозяйства и что товарность хлеба в этих районах росла не в достаточной мере.

Т р е т ь я з о н а — восточные районы (Урал, Сибирь). В этих районах вся сумма рыночных и ценностных условий в общем и целом складывалась более благоприятно, чем в южных и центральных районах. Но в конце исследованного нами периода, в этих районах наметился перелом, и если для районов юга и центра критическим годом в развитии зернового хозяйства был 1926/27 г., то для этих районов, в этом отношении, явился более характерным 1927/28 г., что связано как с политикой цен, так и с рядов других моментов («чрезвычайные» меры и пр.).

3. В области познания процессов ценообразования в сельском хозяйстве, мы находимся еще на такой стадии, когда политика и планирование их не может опираться на материалы, в достаточно точной мере учитывающих факторы, из которых складывается цена.

Наше знание об издержках производства в сельском хозяйстве, или так называемой себестоимости, еще в достаточной мере несовершенно. Если в промышленности издержки производства включают и отражают большинство элементов цены, то в сельском хозяйстве один из элементов, являющийся в силу низкого органического состава затрат, основным — стоимость рабочей силы — нами конструируется, ибо труд представлен в натуральном выражении. Индексы цены достаточно чутко отмечают динамические сдвиги, тем не менее своими уровнями не дают исчерпывающего орудия в деле планирования цен, поскольку оставляют в стороне проблему доходности и рентабельности производства. В силу этого, на данной стадии, планирование сел.-хоз. цен должно быть основано на комплексном изучении всей суммы моментов, связанных с ценой (производственных и рыночных), на сочетании которых должна строиться политика цен.

4. 1928/29 г., является, в области цен, первым переломным годом пятилетнего плана народного хозяйства.

Повышение цен на зерно изменяет место зерна в системе цен на сел.-хоз. продукты в выгодную для него сторону.

Пятилетним планом народнохозяйственного строительства СССР запроектирована такая система цен в сельском хозяйстве, которая максимально учитывает необходимость форсирования развития зернового хозяйства. На ряду с политикой цен, благоприятствующей подъему технических культур и интенсивному росту животноводческих отраслей, система цен в пятилетнем плане построена на основе создания наиболее благоприятных ценностных условий для реализации плана подъема и реконструкции зернового хозяйства.

Приложение 1

Индекс цен плановых заготовителей с довоенной базой [1]

(Средние цены за 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. = 100,0)

Веса постоянные

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Зерновые	151,8	118,7	129,1	153,3
Рожь	151,9	112,4	120,2	145,2
Пшеница	157,8	125,3	132,5	157,4
Овес	156,0	113 4	120,8	146,4
Ячмень	117,8	87,5	134,6	166,1
Гречиха	152,3	126,9	131,4	168,7
Просо	118.0	104,3	116,3	118,1
Кукуруза	100,0	100,0	136,0	137,1
2. Масличные	98,8	101,2	118,0	127,5
Подсолнух	93,3	101,1	119,8	128,6
Лен-семя	120,1	102,5	110,2	125,8
Конопля-семя	121,2	97,9	110,5	110,5
3. Технические	137,5	133.0	138,1	143,0
Лен-волокно	134,7	128,6	146,0	177,4
Конопля-волокно	200,6	176,7	186,8	186,8
Хлопок	129,4	129,4	129.4	129,4
Свекла	133,3	126,7	133.3	133,3
Табак	138,6	155,3	159,5	159,5
Махорка	238,9	162,4	161,1	161,1
4. Животное продовольствие	155,2	172,7	174,1	178,9
Масло коровье	135,5	164.3	169,2	182,8
Яйца	179,1	188,9	192,2	192,2
Мясо	165,9	172,7	167,5	162,5
5. Животное сырье	163,3	171,7	175,2	175,2
Кожи крупные	154,0	159,9	161,6	161,6
Кожи мелкие	191,5	200,8	210,0	210,0
Шерсть	153,2	175,7	177,3	177,3
4—5. Животноводство	158,8	172,2	174,6	178,3
1—5. Все сельское хозяйство	146,3	133,9	141,4	154,6

[1] Примечания к таблицам индексов цен. Индексы построены по методу агрегатов. В качестве весов продуктов и районов для индекса цен плановых заготовителей взяты плановые заготовки в среднем за три года 1925/26—1927/28. Современные цены по материалам П/о статистических цен ПЭУ НКТорга СССР. Индекс построен на довоенную базу к средним за предвоенное трехлетие 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. ценам.

Источником довоенных цен служили преимущественно цены, собиравшиеся в министерстве земледелия. Так как Госплан считает эти цены, в части хлебов и маслосемян преувеличенными, исходя из того, что они не отражают уровня, по которому происходили продажи хлеба середняцко-бедняцкой частью деревни, являющейся в наших условиях преобладающей, к этим ценам установлены поправки. Предварительные исчисления, сделанные в Госплане, установили коэфициент скидки к довоенным ценам на хлеба в размере 6%. В настоящее время этот коэфициент уточняется. Мы применили этот коэфициент к нашим хлебным индексам, распространив его также на маслосемена. Поэтому уровни индексов, полученные нами, выше привычных уровней индексов НКТорга.

Приложение 2

Индекс цен производителей, взвешенный по товарной части сельского хозяйства с довоенной базой

(Цены трехлетия 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. = 100,0)

Веса постоянные

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Зерновые	161,1	124,6	134,6	164,1
Рожь	158,3	115,5	120,2	—
Пшеница	165,0	130,1	136,1	—
Овес	173,0	128,4	135.8	—
Ячмень	119,5	94,2	138,0	—
Гречиха	158,3	128.4	131,4	—
Просо	126,6	107,7	119,7	—
Кукуруза	108,0	106,0	140,0	—
2. Масличные	107,8	108,8	124,4	134,6
Подсолнух	101,1	107,0	124,7	133,5
Лен-семя	125,1	109,5	121,6	138.5
Конопля-семя	128,3	125,6	124,8	124,8
3. Технические	140,2	134,6	139 8	144,5
Лен-волокно	134,7	128.6	146,0	177,4
Конопля-волокно	206,9	183,3	196,6	194,3
Хлопок	129,4	129,4	129.4	129,4
Свекла	133,3	126,7	133.3	133,3
Табак	138,6	155.3	159,5	159.5
Махорка	238,9	162,4	161,1	161,1
4. Картофель	183,3	170,8	208,3	208,3
1—4. Полеводство	148,6	127.3	137,6	157,1
5. Сено	193,3	175,7	183,3	183,3
6. Животное продовольствие	167,2	175,7	178,7	181,2
Масло коровье	153,0	169,3	172,5	184,6
Молоко свежее	176 8	168,0	184,8	—
Яйца	191,7	195,2	196,9	196,9
Мясо	166,7	176,9	176,9	171,8
7. Животное сырье	187,5	193.2	193,6	192,2
Кожи крупные	170,4	157,2	165.4	165,4
Кожи мелкие	205,4	204,6	216,9	213,9
Шерсть	227,1	278,6	268,6	264 2
6—7. Животноводство	171,4	179,3	181,8	183,4
1—7. Все сельское хозяйство	158,8	149,3	156,4	167,2

Для построения общеторгового индекса заготовительных цен веса установлены по среднему за три года 1925/26—1927/28 товарному выходу по исчислениям контрольных цифр. Для установления динамики цен частных заготовителей привлечены материалы ЦСУ о базарных ценах. Цены социальных секторов торговли взвешены по удельным весам секторов. Довоенные цены те же, что и выше.

Для построения районных индексов, в качестве современных цен, использованы цены плановых заготовителей. Веса же установлены по товарной части сельского хозяйства, взятой в среднем за 1925 26—1927/28 гг.

Во всех исчислениях цены хлебов в 1928/29 г. по данным за первое полугодие этого года; по остальным продуктам в большинстве своем цены взяты директивные, по исчислениям, сделанным Госпланом к пятилетнему плану.

Приложение 3

Районные индексы заготовительных цен плановых заготовителей на сел.-хоз. продукты

Районы	Индексы цен к довоенной базе = 100															
	Зерновые				Техническ. (с масличн.)				Животноводство				Все сельское хозяйство			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1227/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О.	166	126	126	153	130	131	138	140	159	180	196	190	151	147	155	159
Урал	148	116	119	149	155	142	155	176	149	162	169	173	152	142	147	163
Ср.-Волжский	172	119	132	152	249	211	229	220	146	168	168	170	163	146	153	163
Н.-Волжский	163	127	137	159	119	134	148	153	150	172	164	165	152	150	151	161
Сев. Кавказ	129	116	125	160	109	136	143	149	175	180	170	170	140	140	141	161
Сибирь	123	117	119	147	132	129	139	146	146	156	168	172	135	137	144	158
УССР	162	119	130	150	144	135	146	145	156	176	184	181	156	144	154	159

Приложение 3а

Конкурентоспособность сел.-хоз. отраслей (отношение индексов отраслей к общему сел.-хоз. индексу = 100)

Районы	Зерновые				Техническ. (с масличн.)				Животноводство				Все сельское хозяйство			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О.	110	86	81	96	86	89	89	88	105	122	126	119	100	100	100	100
Урал	97	82	81	91	102	100	105	108	98	114	115	106	100	100	100	100
Ср.-Волжский	106	82	86	93	153	145	150	135	90	115	110	104	100	100	100	100
Н.-Волжский	107	85	91	99	78	89	98	95	99	115	109	102	100	100	100	100
Сев. Кавказ	92	83	89	99	78	97	101	93	125	129	121	106	100	100	100	100
Сибирь	91	85	83	93	98	94	97	92	108	114	117	109	100	100	100	100
УССР	104	83	84	94	92	94	95	91	100	122	119	114	100	100	100	100

Приложение 4

Индексы цен плановых заготовителей на отдельные зерновые хлеба

(довоенные цены = 100)

Районы	Рожь					Пшеница					Овес					Ячмень					Кукуруза					Просо					Гречиха				
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О. . .	170	178	121	124	153	208	185	140	141	160	213	167	124	126	152	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159	119	136	119	144	145	154	128	125	145
Урал	116	149	113	113	132	132	153	122	124	153	115	162	102	108	149	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Башкирия . .	147	171	126	139	163	199	229	139	153	181	148	196	120	128	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97	154	134	153	163
Ср.-Волжск. .	160	163	113	121	139	161	179	127	142	164	183	196	111	121	143	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105	117	88	126	137	106	148	120	137	140
Н.-Волжск. . .	172	170	118	125	153	235	166	140	149	69	202	155	105	111	131	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158	154	114	137	148	—	—	—	—	—
Сев. Кавказ .	109	119	102	112	143	125	135	124	127	161	189	129	110	116	132	125	118	88	121	174	134	100	98	124	138	144	111	95	122	138	—	—	—	—	—
Сибирь . . .	95	105	92	95	123	133	123	122	124	150	114	123	114	119	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
УССР . . .	146	144	111	120	146	191	181	128	133	154	172	140	114	120	128	144	119	89	142	155	160	102	102	152	160	134	88	84	97	110	130	157	128	132	146

Поднятие урожайности на 35% в течение пятилетия обеспечивает к концу его более низкую себестоимость зерна. На ряду с этим, реконструкция самого способа производства (коллективизация хозяйств и их укрупнение, замена живого труда машиной и т. п.) также снижает издержки производства.

Все это реально обеспечивает возможность некоторого снижения цен на зерновые продукты к концу пятилетия, как это и запроектировано в пятилетке, и тем самым способствует процессу оздоровления валюты и увеличению покупательной силы червонца. Этого же требует и задача повышения реальной заработной платы пролетариата, поскольку понижение потребительских цен, в тех размерах, которые необходимы для понижения бюджетного индекса, не может быть осуществлено за счет лишь одной товаропроводящей кооперативной сети.

Благодаря снижению розничных цен на промтовары в 23%, за пятилетие, мы будем иметь дальнейшее увеличение покупательной силы хлебов (с 80 коп. за рубль в 1928/29 г., до 90 коп. в 1932/33 г.). Несмотря на запроектированное снижение зерновых цен, вследствие большего снижения себестоимости зерновых хлебов, доходность, рентабельность и конкурентоспособность повышаются к концу пятилетия.

Эта общая установка в политике цен на зерно получит свое развитие в годовых отрезках плана, при чем центральным стержнем этой политики должна явиться разработка ее в районном разрезе, применительно к тем задачам, которые ставит пятилетний план развития перед каждым районом Союза в отдельности.

Э. Квиринг. „Очерки развития промышленности СССР", ГИЗ, 1929 г., стр. 231.

В широких кругах наших экономистов и хозяйственников существует пренебрежительное отношение к работам исторического характера.

Такое отношение является по существу верхоглядством. Для марксизма-ленинизма характерно обобщение и осмысливание пройденного пути и анализ специфических особенностей каждого этапа развития. Это особенно важно для нашей сугубо-динамичной эпохи. С этой точки зрения работу тов. Квиринга надо всячески приветствовать. Надо пожелать, чтобы она послужила поводом к ряду конкретных очерков-монографий по отдельным отраслям промышленности и другим отраслям народного хозяйства (такая попытка имеется по сахарной промышленности). Это способствовало бы более глубокому продумыванию отдельных сторон нашей промышленной политики.

Характеристика состояния промышленности в эпоху военного коммунизма, итоги нэпа, конкретное освещение кризисных явлений, сезонные колебания, динамика отраслей промышленности, финансы, труд, социальная структура и капитальное строительство — таково содержание этой обстоятельной работы.

Автор сам оговаривает отсутствие ряда важных разделов, как экспорт-импорт, проблема сырья, планирования, кадров, вопросы организации. Надо отметить, что целый ряд данных, относящихся к исследуемому автором десятилетию, появился уже после сдачи книги в набор.

Но отсутствие ряда глав является существенным упущением в работе. К таким главам мы относим главу о концентрации промышленности. Эта тема особенно уместна для работы, рисующей эволюцию промышленности СССР. Тов. Квиринг, правда, мельком освещает вопрос о концентрации, но делает это только в связи с ростом пролетариата, работающего на крупных предприятиях. Но проблема укрупнения производительных сил в сфере промышленного труда, рост механической двигательной силы, энерговооруженность промышленного аппарата, укрупнение организационных форм — все эти стороны развития процесса концентрации автором не разработаны. Ставя своей задачей проследить историю развития ведущего уклада нашей экономики за 10 лет, тов. Квиринг приводит 5 укладов из схемы Ленина. Между прочим, многие авторы не замечают, что Владимир Ильич говорил не только о 5 укладах, но и об элементах 5 укладов. Забвение этого „редакционного" момента приводило левых к резкому разграничению единого народного хозяйства только на 2 сектора, а правых — к подведению всей экономики под действие законов, присущих укладу товарного хозяйства.

Тов. Квиринг показывает, какое наследство страна получила уже к моменту революции, в результате империалистической войны. Непроизводительный ход промышленного механизма, большая часть которого работала на оборону, разрыв районных связей, а затем демобилизация, — все это обусловило трудности начала восстановительного периода. Прибавим к этому еще распад социальных связей, которым сопровождался переход от одной системы производственных отношений к другой — и перед нашей памятью воскреснет полная героизма и инициативы и, вместе с тем, при отсутствии достаточной выучки, борьба рабочих масс за овладевание промышленным механизмом. Тов. Квиринг совершенно прав, полемизируя с теми товарищами, которые принижают идею рабочего контроля. Вопрос о степени „утопичности" идеи рабочего контроля на разных этапах борьбы за власть является и теперь актуальным для секций Коминтерна (см. последние дискуссии по этому поводу). Практически дело обстояло в 1917 г. так, что движение за рабочий контроль возникло из гущи масс и было методом классовой борьбы. Это была мера борьбы с локаутом и саботажем владельцев и вместе с тем этапом борьбы за овладение производственным аппаратом. Всякий, кто хоть несколько помнит 1917 г., не может отрицать этого.

Рисуя постепенный темп национализации промышленности, тов. Квиринг критикует трактовку военного коммунизма тов. Крицманом. Тов. Квиринг утверждает, в соответствии с Лениным, что военный коммунизм был нам навязан, был вынужден нашим „лагерным, осажденным" положением. Спор по вопросу о военном коммунизме имеет теперь не только исторический интерес. Он поучителен еще вот в каком отношении: подобно тому, как в эпоху военного коммунизма были

тенденции возводить эту систему в „вечную категорию“, так и теперь появляется пленение идеологией нэпа, стремление придать ему статический характер. Правые ведь и грешат тем, что некоторые оттенки их сознания находятся в в плену у первого, восстановительного периода нэпа, точно так же, как левые не могли расстаться с пережитками военного коммунизма до самого позднего времени. А что военный коммунизм понимался не только как „навязанное“ зло, показывают такие факты, как: 1) история с посевкомами, 2) теория трэдов, 3) приводимый самим тов. Квирингом факт, свидетельствующий о том, что лишь за несколько месяцев до нэпа, 29 ноября 1920 г., было издано ВСНХ постановление об общей национализации всей мелкой промышленности с количеством рабочих свыше 5, 4) приказ ВСНХ о безденежном обмене. Наконец, тов. Квиринг правильно пишет, что „попытка же и по окончании гражданской войны продолжать и расширять политику военного коммунизма дала отрицательные результаты“. Значит была попытка „продолжать и расширять“. Наконец, у Ленина мы находим на протяжении всего XVIII тома указания, что мы отступили из-за некультурности. Ведь сам Э. К. приводит следующую красноречивую цитату Ильича: „Массы почувствовали . . . . ., что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы“.

В дальнейшем изложении автор, проводя последовательно выдержанную характеристику нашей промышленной политики, правильно доказывает успехи социалистического строительства именно при нэпе и благодаря ему. В частности, автором приводятся интересные данные, свидетельствующие о том, что в эпоху военного коммунизма удельный вес частной промышленности был выше, чем при нэпе.

Шаг за шагом, рисуя динамику и условия промышленного развития, автор дает полную картину восстановления и перехода к реконструкции советской промышленности, считая при этом, что до 1926/27 г. включительно мы восстанавливали промышленность на основе довоенного соотношения. Однако, элементы, правда слабые, перегруппировки и реконструкции уже выявляются в 1926/27 г. Процесс социальной реконструкции носит заметный характер.

В части, касающейся проблемы цен, тов. Квиринг убедительно критикует имевшиеся в свое время попытки повышения цен на промтовары. Если в этой связи попытаться углубленно изучить смену, чередование этапов нашей промышленной политики, то можно сказать, что дело заключается в том, что мы вынуждены развиваться толчкообразно, форсируя ведущие звенья. Не будь у нас ограничения в ресурсах, мы могли бы двигаться равномерно по всему фронту. Теперь же (а чем дальше тем больше) мы можем преодолевать неравномерность развития лишь в меру роста наших ресурсов и соответственно углублению планирования. Тов. Квиринг в конце книги приводит ряд правильных соображений о распределении народного дохода в пользу индустрии и правильно указывает, что большую часть пятилетки промышленность должна будет еще расходовать на собственное капитальное строительство.

Нет возможности в краткой рецензии коснуться ряда цифр и тем (в связи с новой пятилеткой некоторые из них уже устарели) приведенных автором. Они не только интересны, но заслуживают большого внимания. Отметим только, что в вопросе, например, о политике амортизации, тов. Квиринг в нескольких простых и ясных словах рассеивает весь туман, образованный учеными и неучеными вокруг этой проблемы.

В заключение нельзя не отметить еще одной ценной черты книги: чувствуется, что каждая глава проработана автором со всей тщательностью. Не мешало бы в этом отношении „штемпелюющим“ коммунистам (и беспартийным диллетантам) взять пример с рецензируемой книги.

М. Персиц.

„Капитальное строительство текстильной промышленности“. Изд. Научно-технического совета текстильной промышленности. М., 1929 г., стр. 348, цена 7 р. 30 к.

Рецензируемый сборник вышел под редакцией проф. Державина, проф. Федотова и А. А. Нольде.

Прежде чем приступить к изложению проектов нового строительства, как такового, редакция решила, сначала, сказать несколько слов о работе Научно-технического совета по экспертизе проектов, о той „ответственной, неблагодарной и утомительной“ работе, которую приходится осуществлять НТС. Наконец, желая подчеркнуть свою собственную плодотворную работу, редакция (т.-е. руководители НТС) сообщает цифры сокращений проектировочной стоимости по отдельным об'ектам строительства, произведенным НТС; против первоначальных заявок хозяйственников сокращения эти

значительны, но вряд ли это может служить в качестве положительной характеристики для работы НТС, ибо по нашим данным почти по всем об'ектам, по каким НТС сделал сокращения, в концеконцов, при стройке, имелись значительные перерасходы, т.-е. эти сокращения нереальны и существуют только на бумаге. Вообще оценивать работу НТС более к лицу тем, кто смотрит на нее со стороны, а не самому же НТС,—тогда эта оценка не была бы пожалуй такой оптимистической, какую сделал себе НТС. Слишком много дефектов имеет НТС, и не место о них здесь распространяться.

Итак, как во всякой научной книге, так и в этой, имеются разделы: во-первых, от редакции, затем, предисловие, потом, нечто в виде отчета НТС по вопросам экспертизы. Эти разделы без большого ущерба для дела можно было вообще не печатать, так как содержание их обычное и смысл трафаретен. Затем имеется ряд статей, посвященных общим установкам в политике строительства. К ним относятся, прежде всего, статьи В. Сероцинского, Николаева, Чердынцева и Кольцова. Общее в этих статьях, за исключением статьи Чердынцева, это то, что они со стилистической стороны заставляют желать многого.

Что же касается содержания, как такового, так и в этом отношении чего-либо нового или дельного также нельзя найти. Так, В. Сероцинский в своей статье „Общие требования к фабричному строительству“ дает нормы по строительству, но их можно было бы изложить во-первых в небольшой табличке, затем, есть много, выражаясь мягко, туманных мест; так, на стр. 15 изображены 2 чертежа, где указано, что периметр стен здания, изображенного на чертеже 1, равен 557.2 *м*, ниже пятью строками доказывается, что периметр того же здания, изображенного на этом чертеже, равен 379 *м*. Эта неразбериха очевидно произошла по вине „корректора“. В целом же вся статья содержит только общие рассуждения без подтверждения их цифровыми данными.

Вторая статья из этого цикла принадлежит перу Николаева. Тема статьи „О типе прядильной фабрики“. Этот автор пытался разрешить сложную проблему о типе наших фабрик (деревенская или городская), при чем, после длинных и путаных рассуждений приходит к выводу, что в СССР следует строить оба типа фабрик, или вернее все типы хороши. Почему следует строить, об этом автор, кроме общих рассуждений, ничего вразумительного не сказал. Ниже несколькими строками после этого он, правда, пишет: „Можно предвидеть, что мощность менее 25—30 тыс. веретен будет нам не под силу, прежде всего, потому, что не хватит техперсонала для этих фабрик“. Мы конечно признаем большое значение за техперсоналом, но не такое, чтобы считать, что в производстве этот фактор являлся исключительным и что никаких других факторов не существует.

В сборнике имеется одна из немногих статей, принадлежащих перу Чердынцева. Прекрасный (как исключение), слог большая эрудиция, выводы — на основе доказанного, а не на основе умозаключений и предположений, как это имеет место в статьях его коллег по сборнику. С Чердынцевым можно и не соглашаться, хотя по-нашему и для этого нет основания; во всяком случае с ним можно спорить — есть материал для спора.

Следующая статья С. К. Кольцова. Об этой статье ничего нельзя сказать — ни хорошего, ни плохого; плохо то, что зря расходуется бумага на такие статьи, хорошо,—что люди на старости лет пробуют свои писательские таланты. „Авось, что-либо выйдет“ — думает автор, — но очевидно ничего не вышло. Однако, есть место в статье, которое неосведомленному читателю может много напортить. Это — рассуждение Кольцова о механическом транспортере в текстильной промышленности; неведомо кто рассчитывал, для какого случая и, главное, как рассчитывал, но некто рассчитал и решил, что конвейеры на фабриках экономически не оправдываются.

Нам, например, известен расчет И. Д. Зворыкина, который говорит обратное, его расчеты всеми проверены и всюду заслушаны, и конечно, они будут значительнее и авторитетнее, чем умозаключения С. К. Кольцова о вреде конвейера, основанные неизвестно на чем.

Имеется, кроме этого, ряд статей, в которых пытаются об'яснить содержание проекта того или иного строительства, но не всегда это делается удачно и убедительно (Аршенская и Владимирская отделочные фабрики). Особенно мало внимания уделено энергетическому хозяйству. Правда, имеется статья, принадлежащая И. В. Урбелю, руководителю, в некотором отношении, вопросами энергетики всей текстильной промышленности. Более чем популярно рассуждение о выборе моторов, без расчетов и схем, нет упоминания о разных коэфициентах, например даже такого популярного, как одновременность.

Курьезно определение силы освещения посредством лампочек: это определение, конечно, ничего не показывает и за такое определение в былые времена профессора ставили студентам неудовлетворительные баллы говоря, что „силу освещения по лампочкам могут определять только домашние хозяйки, не имеющие представления о люксах, люменах“, а не студенты, тем более инженеры.

Приведены ни к селу, ни к городу данные Ветцеля. Убого сделан „расчет“

вентиляции и отопления, представляющий просто-напросто общие рассуждения, ни к чему и никого не обязывающие.

Прочтя все это, жалеешь теперешних студентов, не у кого им учиться, но пуще прежнего становится жаль нашу текстильную промышленность с ее все более и более расшатывающимся теплосиловым хозяйством.

Итак, долгожданная и нужная книжка вышла, надежды, на нее возлагаемые, она не оправдала, и чувство ожидания теперь сменяется чувством полного неудовлетворения и разочарования. В самом деле, вместо подробного опубликования проектов капитального строительства, мы получили пересказ невысокого качества, в котором много слов и мало дела, в нем много общеизвестной философии и нет, или почти нет, техники. В этой книге, конечно, ни студент, ни тем более инженер-проектировщик, для себя ничего не найдут нужного или нового. Итак, потрачено без нужды много времени и средств. Вместо указанного здесь сочинения, НТС в следующей книге следует опубликовать полностью один из лучших и по возможности образцовый проект (если вообще такие имеются в текстильной промышленности)—это и будет служить тем, чего хотела получить редакционная комиссия от рецензируемой книги, согласно ее предисловия. Не без основания некоторые читатели, ознакомившись с этой книгой, заявляют, что текстильная промышленность имеет не технические проекты, а только введение к ним.

И. Беспалов.

„Weltwirtschaftliches Archiv". „Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft und seeverkehr an der Universität". Kiel, Oktober 1928 — Januar 1929.

Рецензируемые выпуски „Weltwirschaftliches Archiv", как всегда, отличаются богатым и разносторонним содержанием. Центральное место в общем отделе несомненно принадлежит статье Зомбарта „Превращение капитализма", помещенной в октябрьской книге и представляющей собою доклад автора на сентябрьском с'езде „Союза социальной политики". Эта статья нашла уже ряд откликов и в советской прессе. В январской книжке „Weltwirtschaftliches Archiv" Зомбарту отвечает проф. Хр. Эккерт в статье под заглавием „Перспективы капитализма". Тот факт, что обе статьи идут передовыми в общем отделе авторитетнейшего теоретического органа по мировому хозяйству, свидетельствует о том, что западно-европейская буржуазия, несмотря на успехи так называемой стабилизации, серьезно озабочена „судьбами капитализма". Эти „судьбы" ей во всяком случае представляются весьма и весьма неопределенными даже для ближайшего будущего, если принять во внимание, что два представителя буржуазной науки высказывают две, взаимно исключающие друг друга, оценки перспектив: Зомбарт выступает в роли пессимиста, Эккерт — в роли оптимиста. Правда, у обоих речь идет главным образом о европейском капитализме, но ведь Европа и является основным узлом великой борьбы между капитализмом и социализмом. Если почва уходит здесь из-под ног буржуазии, то вряд ли серьезным утешением для нее может служить тот факт, что капитализм в остальном мире еще не покатился под откос. Обратимся, однако, к содержанию статей.

Доклад Зомбарта опирается в основном на его исследование о новейшем капитализме, о котором был уже дан отзыв на страницах „Планового Хозяйства" в прошлом году, до его появления на русском языке. [1] Зомбарт исследует вопрос об эволюции капитализма с трех сторон: со стороны территориальной экспансии, структурных изменений и со стороны перемен в соотношениях между капитализмом и другими экономическими формами в старых промышленных странах.

Зомбарт предвидит распространение капитализма на территориях Азии и Африки. Капитализм станет „цветным" капитализмом. Однако, в отличие от прежней капиталистической экспансии, которая совершалась за счет экспорта капиталов из старых промышленных стран, предстоящее, а отчасти и совершающееся распространение капитализма по отсталым странам и континентам может опираться только на их собственное капиталонакопление. Страны старого капитализма, по мнению Зомбарта, не будут располагать необходимыми капиталами для выполнения этой громадной задачи. Зомбарт полагает, что темп накопления в старых промышленных странах (Европа + Соед. Штаты) неизбежно должен замедлиться. Замедление или приостановка роста населения, на ряду с тенденцией к сокращению рабочего дня, подрежут рост абсолютной прибавочной стоимости. Замедление роста производительности в добывающих отраслях промышленности и в сельском хозяйстве, не компенсируемое прогрессом техники в обрабатывающих отраслях, а также и рост зарплаты, затормозят рост относительной прибавочной стоимости. В частности, поскольку речь идет о замедлении, то в будущем отпадают три

[1] См. „Плановое Хозяйство" № 7 за 1928 г.

крупнейших источника, которые питали прежние гигантские масштабы накопления капитала: захват новых земель, хищнический грабеж почвы за пределами Зап. Европы и эксплоатация земледельческих народов, которые теперь завоевывают самостоятельность, не дают себя стричь и даже хотят иметь собственную промышленность. „Активное" участие Европы и Соед. Штатов в строительстве „цветного" капитализма будет таким образом невелико по сравнению с прошлым. С другой стороны — индустриализация аграрных стран, развитие „цветного" капитализма не поведет даже на начальных стадиях к расширению рынка для европейско-американской промышленности, главным образом, потому, что земледельческим странам, заводящим у себя промышленность, нечем будет оплатить импорт. „На одной земледельческой базе нельзя построить две разные промышленные системы". А ввоз промышленных товаров в порядке импорта капиталов будет невозможен, в силу разобранных выше причин. Таким образом, Зомбарт приходит к своей излюбленной старой идее о том, что капиталистическое развитие ведет не к уплотнению мировых хозяйственных отношений, а, наоборот, к национальной хозяйственной автаркии, к образованию более или менее замкнутых национальных „микрокосмосов" (см. его „Хозяйственное развитие Германии в XIX в."). Он пытается доказать, что нарисованная им перспектива уже осуществляется в настоящем: вывоз земледельческих продуктов из важнейших земледельческих стран частично уже прекратился, цены этих продуктов — если оставить в стороне исключительные явления войны — в течение 20 — 30 лет непрерывно подымались, промышленность старо-капиталистических стран испытывала за тот же срок хронический кризис сбыта, что отразилось на замедлении темпа прироста промышленного населения.

Анализ изменений внутренней структуры капитализма дает мало нового по сравнению с тем, что Зомбарт писал в своем „Современном капитализме". Подчеркивается тот же процесс: замена свободного капитализма „связанным" капитализмом, всесторонняя регламентация, бюрократизация, рационализация. Предпринимательский дух уступает место системе „бюджетирования хозяйства", сами рабочие постепенно превращаются в чиновников, работа которых регулируется не индивидуальными договорами, а всеобщими нормами, заработная плата превращается в стандартизированный чиновничий оклад, с пенсией при инвалидности и пр.

Старая механика рынка заменяется всеобщей системой регулирования цен, плат, прибылей, контингентированием спроса и предложения; даже тончайший механизм денежного рынка подчиняется общей тенденции. Колоссальная централизация предприятий психологически ослабляет стремление к прибыли, симптомами чего являются—фиксирование дивидентов, вложение избытков в собственные предприятия и пр. Движущей силой капитализма являлась до сих пор борьба рационального и иррационального начал спекуляции и калькуляции. Но с всеобщей рационализацией хозяйства, с ослаблением колебания конъюнктур и замедлением экономического процесса, эта движущая сила исчезает. Капитализм отмирает или засыпает.

На третий вопрос, о соотношении капитализма с другими хозяйственными системами Зомбарт также отвечает в духе своего основного труда. Он защищает идею „социал-имморализма": ни одна хозяйственная система не вытесняется из экономической жизни, а продолжает жить рядом со вновь развивающимися. На ряду с развитием форм государственного, общинного, кооперативного хозяйства сохранится и капиталистическая форма предприятий, а также и докапиталистические уклады ремесленного и крестьянского хозяйств. Для крестьян, говорит Зомбарт, только теперь наступает эпоха „экономического освобождения".

„По всем пунктам" Зомбарту возражает Эккерт. Он вообще скептически настроен насчет возможности предсказывать будущее, но все же видит это будущее в более розовых красках. По его мнению, Зомбарт переоценил удельный вес „государственно-социалистических" элементов капитализма, приписав своеобразные черты германской экономики всему остальному миру, где продолжает процветать частно капиталистическая инициатива. Он с отрадой констатирует, что в Азии, в Америке и даже в самой Европе „дух предпринимательства" и жажда прибылей не только не угасли, но, наоборот, захватывают умы и волю буржуазной молодежи, порождая отважных капитанов индустрии. Тенденция, к „связанности", по его мнению, никогда не была чужда капитализму, это общая черта всякого крупного предприятия; решающим моментом для судеб капитализма является, однако, рост производительности, а в этом отношении Эккерт резко расходится с Зомбартом в оценке перспектив. Он полагает, что только теперь капитализм вступает в эпоху гигантских переворотов в технике, которые делают беспочвенным всякий пессимизм насчет дальнейшего роста производительных сил. Он считает необоснованными опасения насчет добывающих отраслей промышленности, ссылаясь на рост производительности в золотопромышленности, а в отношении земледелия полагает, что рационализация хозяйства и вовлечение в земледельческую культуру новых пространств Ю. Аме-

рики способны еще надолго обеспечить бесперебойный ход капиталистического развития. Таким образом, странам старого капитализма нечего опасаться иссякания источников накопления капитала. Развитие „цветного“ капитализма не только не суживает для них поля деятельности, но, наоборот, открывает новые небывалые перспективы капиталовложений и экспорта, перед которыми бледнеют цифры импорта капиталов в эпоху, когда шла индустриализация самой континентальной Европы.

Можно было бы таким образом „в надежде славы и добра“ глядеть вперед без боязни. Но существуют обстоятельства, которые и для Эккерта омрачают ясный фон. Это, во-первых, отношение пролетариата к капитализму в старых индустриальных странах, и во-вторых — отношение к нему колониальных народов — во вновь развивающихся странах. Здесь он видит тучи на горизонте, но все же находит утешение. Пример Америки показывает, что можно уничтожить дух классовой борьбы, если рабочих постепенно превратить в капиталистов, пусть и маленьких (пресловутые акции). Если к этому прибавить еще немножко хозяйственной демократии на предприятиях, то и совсем хорошо будет. Что касается отсталых народов, то здесь надо разрешить только две „маленьких“ задачи: во-первых, найти средства, чтобы заставить их работать на капиталистов. Для этого Эккерт рекомендует вместо прямого принуждения — „пробуждение потребностей“, во-вторых, позаботиться о том, чтобы это „пробуждение потребностей“ не вело к действительному росту потребления — иначе средства не оправдают цели, исчезнет источник добавочного накопления. Здесь он утешается тем, что потребление отсталых народов не может слишком возрасти, ибо, во-первых, они быстро перенимают у культурных наций привычки к ограничению рождаемости, во-вторых, сам капитал позаботится уже о том, чтобы они по одежке протягивали ножки. Но эти надежды не способны рассеять мучительные сомнения, и Эккерт прибегает к последнему аргументу: во-первых, сам Коминтерн признал в 1926 г. консолидацию капитализма, во-вторых, если даже вся Европа и половина Азии насильственно ликвидируют у себя капиталистическую систему, то все же остается Америка, руководимая Соед. Штатами, в качестве сильнейшего партнера в игре. Дядя Сам останется, таким образом, последним оплотом буржуазного хозяйства.

Нетрудно заметить, что „оптимизм“ Эккерта по части перспектив капитализма на деле выглядит несравненно мрачнее, чем „пессимизм“ Зомбарта, который вообще под флагом строгой научности и бесстрастности преподносит своей аудитории самое обыкновенное теоретическое мошенничество. В медовых устах Зомбарта, будущее капитализма приобретает характер самой приятной идилии: все превращения совершаются гладко и мирно сокращение рынков сбыта компенсируется уменьшением капиталонакопления (так что и потребность в рынках уменьшается), взамен внешних рынков расширяется внутренний (повышение заработной платы), ограниченным возможностям накопления соответствует исчезновение жажды прибылей у капиталистов, индустриализации аграрных стран — аграризация индустриальных стран, вместо мирового хозяйства со всеми его треволнениями, войнами, соперничеством и пр. ряд мирных, замкнутых „домашних хозяйств“, экономических „микрокосмосов“, в которых и капиталисты и рабочие, постепенно утрачивая классовый дух и убаюкиваемые всеобщей регламентацией и рационализацией, превращаются по существу в однородную касту общественных чиновников, различающихся лишь по табели о рангах. Разве можно было придумать лучший конец, лучшее утешение для встревоженного воображения современного буржуа, одержимого тяжкими заботами в настоящем и терзаемого дурными снами насчет будущего? Классическая политическая экономия сто слишком лет назад с нескрываемым ужасом видела в факте понижения нормы прибыли угрожающие признаки снижения темпа роста производительных сил и усматривала в этом основу грядущих социальных бурь и потрясений. Она ошибалась в оценке внутренней связи явлений и перспектив развития, но она несомненно была права в одном: если бы капитализм действительно оказался неспособным двигать вперед производительные силы, он был бы опрокинут революцией неизбежно. Теперь Зомбарт снова возвращается к ложным идеям классиков. Но его отличие от классиков состоит в том, что он в снижении темпа производительности не видит никаких угроз для социального благополучия, т.-е. ошибается или обманывает там, где классики говорили правду; Зомбарт спускается даже ниже уровня вульгарной экономии. Последняя строила свои „экономические гармонии“ между трудом и капиталом на росте производительных сил. Зомбарт считает, что эта гармония будет осуществляться в эпоху упадка развития производительных сил, и такие пошлости говорит крупнейший авторитет в вопросах современного капитализма.

Что касается фактической стороны дела, то Зомбарт и здесь, вместо честного анализа фактов, занимается фантазиями или ложным толкованием фактов. Его рассуждения насчет постепенного суживания мировых хозяйственных связей

являются чистейшим измышлением. В них верно лишь то, что капитализм действительно движется в противоречиях, одним из которых является противоречие между охраной национального рынка от иностранных товаров и необходимостью расширения сбыта на внешних рынках. Но в этом как-раз и сказывается противоречие между мировым характером современного хозяйства и национально-государственными границами, переставшими ему соответствовать. Победа „автаркии“, если бы она была возможна, означала бы катастрофический удар по производительным силам, которого все равно не перенесла бы капиталистическая система. Победа мирового хозяйства и ликвидация таможенных границ, означая гигантский рост производительных сил, также невозможна в рамках капиталистического строя. Факт относительного сокращения вывоза земледельческих продуктов из аграрных стран несомненен, но, во-первых, это относительное сокращение сплошь и рядом идет параллельно с абсолютным ростом сельскохозяйственного экспорта, во-вторых, сама индустриализация аграрных стран, даже там, где она проводится в извращенных капиталистических формах, ведет к еще большему росту в них земледельческой продукции, в-третьих, земледелие превращается теперь постепенно только в одну из отраслей промышленности, и мировое разделение труда отнюдь не исчерпывается делением на промышленные и аграрные страны. Тем самым отпадает довод о том, что „на одной земледельческой базе нельзя построить двух промышленных систем“. Размышления Зомбарта насчет неизбежного сокращения темпа накопления капитала в старых промышленных странах могут быть верны лишь относительно, т.-е. поскольку речь идет о темпах роста. Но для экспорта капиталов решающее значение имеют абсолютные размеры накопления, а они громадны (если принять в расчет Соед. Штаты), и фактический экспорт капитала в Азию, Африку, Ю. Америку опровергает пророчества Зомбарта. Что касается снижения темпов, то здесь, с одной стороны, сказывается снижение нормы прибыли, с другой стороны — действительное замедление роста производительных сил, обусловленное загниванием капитализма, а не ухудшением материально-технических условий производства. В этом отношении проф. Эккерт „прав“: с точки зрения материального богатства природы и современного состояния техники мы находимся не в конце, а в начале периода небывалого роста производительных сил. Но он глубоко ошибается, если воображает, что это развитие сможет совершаться в капиталистической форме. Капитализм все больше превращается в оковы, а не в движущую силу этого развития. Отсюда — одна из причин того, мягко выражаясь, неприязненного отношения трудящихся масс к капитализму, которое столь основательно беспокоит проф. Эккерта.

Мы подробно остановились на дискуссии о судьбах капитализма, потому что она имеет глубоко симптоматическое значение. Показательно между прочим и то, что идеологи современной буржуазии с гораздо большим беспокойством относятся к судьбам дорогого им общественного строя, чем идеологи современной социалистической демократии, обслуживающие тот же строй в рабочем классе. Каутский, например, считает экономические возможности капитализма совершенно беспредельными. Внимание буржуазной науки, даже в лице таких далеких от социологической теории ее представителей, как Шмаленбах, все больше сосредоточивается на тех превращениях, которые происходят с капитализмом в наши дни, и если существуют у нее сомнения, то отнюдь не по вопросу о том, угрожает ли капитализму гибель, на этот счет все согласны. Споры идут лишь о времени и месте. Никому не хочется быть первым на очереди. Споры идут лишь о формах крушения. Все жадно ищут „спокойной“ смерти, — по Зомбарту, хотя смутно чувствуют, что дело идет по Ленину.

На других статьях и материалах, „Weltwirtschaftliches Archiv“ мы здесь специально не останавливаемся, хотя многие из них представляют значительный интерес. Весьма ценны статьи Боркенкойфа в октябрьской, и Чиршкого в январской книжках, трактующие вопрос о характере и перспективах современных интернациональных картелей. Эти статьи поучительны особенно для тех, кто склонен переоценивать удельный вес организованных мировых хозяйственных связей капитализма и недооценивать раздирающие его междугосударственные противоречия. Большинство международных картелей, по признанию авторов, раздираются внутренними противоречиями и несут в себе зародыши собственного разложения. Поскольку они консервируют отсталые индустрии и ограничивают продукцию передовых промышленных стран системой квот, они играют вдобавок и реакционную роль. Высшие формы международных об'единений (концерны, тресты), будучи лишены некоторых противоречий, свойственных интернациональным картелям, слишком ничтожны по своему удельному весу, чтобы оказывать какое-либо крупное влияние на экономическую политику государств.

Ценными исследованиями являются статьи Пределя — о перемещении к югу американской текстильной промышленности, А. Мора — о стабилизации покупательной силы доллара, хотя в последней име-

ются теоретические ошибки. Обширная статья Луизы Зоммер излагает пред историю женевской экономической конференции 1927 г. Материал представляет известный интерес в качестве исторической сводки, наивные восторги автора по поводу сообщаемых фактов „международной солидарности", над которыми можно только посмеяться — совершенно неуместны даже в буржуазном журнале, претендующем на серьезное научное значение.

Из теоретических статей можно отметить еще статью Студенского — о природе крестьянского хозяйства (перевод с русского), где автор занимается опровержением семейно-потребительской теории Челинцова - Чаянова.

Статья Лифмана „Идея выравнивания, как организационный принцип менового оборота" представляет собою любопытный образец ультра-психологического пустословия, выдаваемого за последнее слово экономической науки. Автор выступает со своей обычной претенциозностью непризнанного Коперника в науке.

В обоих номерах журнала, как всегда богато представлены хроника и библиография.

А. Светлов.

Albert Halasz. „Das neue mitteleuropa in wirtschaftlichen karten" Berlin. 1928, S. 149.
Альберт Галаш. „Новая Центральная Европа в экономических картах".

Мировая война не принесла с собой, пожалуй, ни в одной части земного шара столь существенных территориальных, политических и экономических перемен, как на территории бывшей австро венгерской монархии. Из ее частей образовались три новые государства (Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия), а остальные провинции отошли к соседним государствам — Польше, Румынии, Юго-Славии и Италии. Бывшая Австро Венгрия отличалась развитым разделением труда между отдельными провинциями и оживленным внутренним товарооборотом; наоборот, ее внешнеторговый оборот был невелик. Казалось бы, что после раздробления Австро-Венгрии внутренняя торговля между ее провинциями в своей значительной части должна была превратиться во внешнюю торговлю между вновь образовавшимися государствами. Но шесть, так называемых, государств — „преемников", стремясь к активизации торгового баланса, стараются всячески сократить существующий между ними товарооборот и с этой целью оградились высокими таможенными кордонами. Такова основная экономическая проблема Центральной Европы.

Альберт Галаш, автор вышедшего впервые в 1919 г. и повторенного потом в нескольких изданиях атласа „Венгрия в экономико-географических картах", пытается теперь в другом экономическом атласе дать картину того клубка противоречий, который образовался в новой Центральной Европе.

Необходимо, прежде всего, отметить, что определение „Центральная Европа" понимается автором атласа иначе, чем это бывает обычно в германской литературе. В последней (как в известной работе Ноймана, специально посвященной этому вопросу, так и в чисто географической литературе) под Центральной Европой понималась Германия, Австро-Венгрия и окружающие их более мелкие государства. Галаш же обозначает этим термином лишь преемников бывшей Австро-Венгрии.

Атлас Галаша преследует определенную политическую цель. При помощи цифр продукции и товарооборота автор хочет показать, как новые политические и таможенные границы, проведенные на территории бывшей Австро-Венгрии, повели к сокращению потребления, к сокращению производства, и что они были установлены вне всякой связи с требованиями экономики. Атлас содержит целый ряд весьма характерных иллюстраций этого положения. Например, довоенная Венгрия имела 28 железнодорожных пограничных станций, а послевоенная Венгрия, с одной третью прежней территории,— 51. Далее, мельницы Будапешта, снабжавшие раньше мукой самые разнообразные районы бывшей Австро-Венгрии и отрезанные теперь от них таможенными барьерами, используют в последние годы всего лишь около 15 - 20% своей производительной способности. Но, являясь националистически настроенным венгерцем, автор замечает, главным образом, те „несправедливости", от которых должна „страдать" Венгрия под влиянием последствий Трианонского договора, и совершенно не уделяет внимания нелепостям довоенной Австро-Венгрии, идеализируя последнюю.

А между тем, в довоенной Австро-Венгрии такого рода „несправедливых" явлений, отражавшихся также и на географии экономической жизни, было никоим образом не меньше, чем теперь. Более того, Австро-Венгрия была одним из классических образцов сочетания национального гнета с экономическим. После того, как господство немецкой буржуазии над всеми частями Австро-Венгрии не удержалось и пришлось разделить его с венгерскими помещиками, в каждой из двух составных частей Австро-Венгрии формы эксплоатации были другие. Но как в австрийской, так и в венгерской части имелись подчиненные нации (главным образом, славянские), подавляющее большинство которых являлось одновременно подчиненным классом. Национальная борьба, доходившая до регулярных обструкций в венском парламенте и т. д., являлась лишь несколько видоизмененной и иначе окрашенной борьбой угнетенных классов (в первую очередь, крестьян), принадлежавшим к нациям — меньшинствам Останавливаться на отдельных фактах этой борьбы не приходится: они описывались не раз. Но, во всяком случае, ясно, что противопоставлять современную балканизацию Австро-Венгрии идеальному довоенному положению можно только с определенными целями.

Галаш желает изобразить в ряде карто-диаграмм экономическую жизнь государств-преемников, перенося центр тяжести на вопросы взаимной связи между ними. Это достигается тем, что, во-первых, по каждому рассматриваемому товару рядом с картой продукции дается карта излишков и недостаток внешнеторгового оборота, во-вторых, даются сводные таблицы и карты внешней торговли каждого из рассматриваемых государств и, в-третьих, значительное внимание уделяется транспорту.

Место в рецензируемом атласе довольно равномерно распределено между различными отраслями экономики, и этим он выгодно отличается от атласа Пфоля и Фридриха. [1] Отдельные разделы посвящены общим географическим предпосылкам экономической жизни, путям сообщения, энергетике и горной промышленности, лесному и сельскому хозяйству, обрабатывающей промышленности и внешней торговле. Большинство из карт относится ко всему комплексу государств-преемников. В начале атласа поставлен раздел о Европе в целом. Сельскохозяйственным товарам уделяется несколько большее внимание, чем другим группам, но это вполне оправдывается экономической структурой рассматриваемых государств.

Карто-диаграммы строятся Галашем при помощи относительно простых технических методов (точек, квадратов, кругов и т. п.), и они оказываются значительно более удачными, чем та сложная символика, которая в некоторых экономических атласах, например, у тех же Пфоля и Фридриха приводит, подчас, к ненужному усложнению понятий. Галаша можно несколько упрекнуть лишь в том, что он, отчасти, переходит в противоположную крайность: в отдельных картах он слишком уж упрощает картину и не дает читателю многого из того, что он должен был бы дать. Например, на карте лесов (стр. 14), кроме их абсолютной площади, следовало бы показать и относительную лесистость (несколько цифр внизу карты недостаточны) Еще менее показательны абсолютные цифры в применении к площади полевых культур (стр. 15). Наоборот, на других картах, например, по скотоводству (стр. 23—24), Галаш ограничивается относительными показателями, а в данном случае абсолютная численность скота была бы также интересна, и места для ее изображения вполне довольно. В картах, касающихся внешней торговли, не мешало бы также для более ясной картины добавить стрелки, показывающие направления товарооборота.

Текст, сопровождающий карты, в общем менее удачен, чем сами карты. В некоторых случаях он прямо-таки наивен, как, например, на стр. 23: „В различных районах Европы разводятся различные породы (рогатого скота)", без какой-либо дальнейшей конкретизации. В большинстве надписей приходится констатировать недостаток ориентировки в явлениях мирового хозяйства. Характерной в этом отношении является надпись на карте угля (стр. 58): „Вследствие небольшой специфической цены, излишки угля не переносят транспорта на дальние расстояния, поэтому сбыт происходит, по возможности, по близости от шахт". На карте, к которой относится этот текст, изображены достаточно внушительные количества угля, экспортируемые и импортируемые отдельными странами Центральной Европы, и тем самым опровергается текст. Далее, совершенно недопустимо для иллюстрации послевоенного положения по углю (внизу стр. 12) брать данные за один год, притом за столь ненормальный, как 1926 г., тем более, что в других таблицах автор берет средние данные за ряд лет.

Во многих надписях чувствуется излишняя схематичность и отсутствие индивидуального подхода к каждому отдельному товару. Например, в таблице о внешней торговле овсом (стр. 19) в тексте говорится о красных квадратах при странах с избытками овса, а на карте нет ни одного красного квадрата; об'ясняется это тем, что надпись схематически перенята с предшествующих карт по другим хлебным культурам. И это не единственный случай.

В некоторых картах приняты во внимание довоенные цифры, в других же — только послевоенные. И тот, и другой методы не дают, конечно, достаточно ясной картины (подчас даже искажают действительное положение вещей). Каждый

---

[1] См. мою рецензию в № 1 „Вестника Статистики" за 1929 г.

экономический атлас, где это сколько-нибудь позволяет наличие свободного места, должен иллюстрировать и довоенное, и послевоенное положение.

Совершенно излишней является детализированная гидрографическая сеть (до мельчайших речушек) которая служит фоном для многих карт. Мелкие речки не играют значительной роли в современной экономике (во всяком случае, их роль не сравнится с второстепенными железными дорогами).

Внешне атлас издан прекрасно, как впрочем, и все издания Reimar Hobbing.

В общем, атлас может явится прекрасным пособием для изучения экономики Центральной Европы. Но пользующийся им должен не забывать (как, впрочем, при пользовании всякими экономическими атласами) о том, что, в противоположность географическим атласам, экономические атласы нужно всегда открывать с некоторым запасом критицизма.

К. Рубинштейн.

А. Мельник. Турция. „Ее историческое прошлое и настоящее". Издательство „Московский рабочий" Москва, 1929 г. Ленинград, стр. 175.

Работа тов. Мельника охватывает две основные проблемы: политическую историю — прошлое и настоящее — Турции, и анализ ее экономической структуры. Первая проблема разрешена автором удовлетворительно: конспективно, но достаточно четко, он дает историю младотурецкого движения, распада Оттоманской империи и, наконец, историю зарождения и развития Кемалистского движения. Точно также, тов. Мельник подробно останавливается на внешней политике Турции после войны и, в частности, на проблеме внешне-торговой и внешне-политической связи Турции и СССР.

Вторая проблема, входящая в рецензируемую работу,— анализ народного хозяйства Турции — выполнена автором менее удачно.

Центральным статистическим управлением Турции изданы в 1928 г. „Статистический Ежегодник" и „Материалы сельскохозяйственного и промышленного ценза 1927 г."[1] Автором эти материалы были использованы, но недостаточно полно. Так например, анализируя сельское хозяйство Турции, необходимо было подчеркнуть его ярко выраженный зерновой характер, и преобладание среди зерновых культур пшеницы и ячменя. Действительно, распределение возделываемой площади по культурам следующее (в %% к итогу): хлебные злаки — 90% (в том числе пшеница — 51%, ячмень — 23%); овощи 4% и промышленные растения — 6%. При анализе сельского хозяйства, необходимо было также поставить проблему машинизации и механизации сельскохозяйственных процессов. Эта проблема тесно связана с вопросом о типе сельского хозяйства Турции, вернее о направлении экстенсивном или интенсивном его развития. Дифференцированных цифровых материалов об индустриализации сельского хозяйства Турции нет, но в данных сельскохозяйственного ценза 1927 г. имеется указание на то, что общее количество всех сельскохозяйственных машин и инструментов по всем вилайетам Турции составляло 1.413.509. С другой стороны, динамика урожайности отдельных сельскохозяйственных культур (по данным Римского сельскохозяйственного института), отсутствие в импорте минеральных удобрений свидетельствует о том, что процессы интенсификации сельского хозяйства Турции находятся еще в зародышевом состоянии. Следует, однако, отметить, что тов. Мельником приводится ряд, в достаточной степени репрезентативных, материалов сель.-хоз. ценза 1927 г.: абсолютные цифры распределения всей земельной площади; данные (абсолютные и относительные) о динамике площади под зерновыми культурами на протяжении 1913—27 гг. данные о состоянии садоводства и животноводства.

В области анализа турецкой промышленности работа тов. Мельника страдает весьма существенными пробелами носит в значительной степени, декларативный характер, вроде, например, таких утверждений: „В Турции все больше и больше начинает приобретать значение лозунг индустриализации"; такое положение, при отсутствии надлежащей экономической аргументации, представляется весьма мало убедительным. Автор чрезвычайно неумело использовал интересные статистические материалы промышленного ценза 1927 г. Промышленность Турции носит, в основном, полукустарный, полуремесленный характер: 43,3% всего числа предприятий, составляют предприятия, где занято одно лицо или одно лицо с членами семьи, т.-е. предприятия домашней промышленности; предприятия, где занято от 2 до 10 человек составляют 53.6% всего числа предприятий, от 11 до 100 человек — 2,9% и от 101 человека и больше — 0,2%. Таким образом, предприятия, где занято до 10 человек, т.-е. предприятия ремесленного типа, составляют 97% всего числа предприятий турецкой промышленности; крупные предприятия (от 101 человека и больше) почти совершенно отсутствуют.

[1] „Annuaire statistique", „Compte rendu du recensement agricole de 1927", „Compte rendu du recensement industriel de 1927".

При изучении турецкой промышленности, как промышленности экономически-отсталой страны, автору следовало бы также обратить внимание на проблему механизации промышленности. По данным промышленного ценза 1927 г., нужно отметить, что только 8,9% всего числа промышленных предприятий Турции имеет механические двигатели, а подавляющая масса предприятий — свыше 90% — не имеет никаких моторных двигателей. В основных отраслях турецкой промышленности, преобладающих по числу предприятий и числу занятых лиц, именно, промышленности по обработке сель-хоз. продуктов, текстильной, деревообделочной и металлургии (93% всего числа предприятий и 84% общего числа занятых лиц), энерговооруженность чрезвычайно низка; так, число предприятий, имеющих механические двигатели соответственно составляет: в промышленности по обработке сел.-хоз. продуктов — 4%, в текстильной — 2,6%, в деревообделочной — 4,8%, и в металлургии (включая производство металлов и машиностроение) — 3,0%.

Наименее энерговооруженными отраслями турецкой промышленности (промышленность по обработке сел.-хоз. продуктов, текстильная, деревообделочная и металлургия) являются отрасли, где преобладает домашняя промышленность, т.-е. предприятия, где занято одно лицо или одно лицо с членами семьи, что является экономически вполне закономерным.

Для уяснения процессов индустриализации страны, что является одной из задач рецензируемой работы, автору следовало бы дать детальный, развернутый анализ показателей транспортного хозяйства Турции. Необходимо, прежде всего, отметить, что показатели транспортного хозяйства Турции значительно благоприятнее, чем эти же показатели в других отсталых и полуколониальных странах Ближнего Востока (напр., Персия); длина жел.-дор. сети Турции составляет — по данным ценза 1927 г. — 4.640 *км* (по более поздним данным — 4.881 *км*), в том числе: протяженность государственной жел.-дор. сети — 2.249 *км*. (48%) и частных железнодорожных дорог — 2.391 *км* (52%). В ближайшие годы предстоит постройка 1.922 *км* жел.-дор. сети; таким образом, правительство предполагает в ближайшие годы довести протяженность железных дорог до 7.000 *км*; в настоящее же время протяженность железных дорог на 1 *кв. км* территории составляет 0.6 *км*, а протяженность жел. дор. на каждые 100.000 жителей — 60 *км*. Железнодорожное строительство является отраслью турецкого народного хозяйства, куда, в основном, устремляются иностранные инвестиции. Иностранные инвестиции в железные дороги Турции составляют 39 млн. фунтов стерлингов из общей суммы иностранных капиталовложений в турецкое народное хозяйство в 63,4 млн. фунтов стерлингов, т.-е. 62%. Иностранные капиталы, инвестированные в жел.-дор. строительство Турции, распределяются следующим образом: 67% всей суммы инвестиций приходится на германский капитал, 15% — на французский, 12% — на английский и 6% — на капиталы прочих стран.

Чрезвычайно странно, почему тов. Мельник, анализируя направление внешне-торгового оборота Турции (страны отправления и страны назначения), не привел данных об удельном весе в турецком экспорте и импорте СССР (в 1926 г. экспорт в СССР составил, по стоимости, 2,8% всего турецкого экспорта, а импорт из СССР — 3,6% всего турецкого импорта). При анализе турецкого импорта, автору необходимо было остановиться на динамике импорта, машин и механизмов, как на одном из показателей процесса индустриализации страны. Импорт машин и механизмов, в Турцию на протяжении 1923—28 гг. дает непрерывный рост; их удельный вес во всем Турецком импорте вырос с 0,9% в 1923 г. до 5,2% в 1928 г.

Кроме того, автору следовало бы детально проанализировать внешне-торговый оборот Турции под углом зрения связей с СССР. На основе этого анализа можно было установить, что структура советского экспорта в Турцию в 1928 г. в общем анологична структуре экспорта 1913 г. и характеризуется преобладанием трех товарных групп: нефть, сахар и хлеб в зерне (около 70% всего экспорта по стоимости), при чем для структуры экспорта СССР в послевоенные годы характерно (и абсолютное и относительное) усиление значения нефти и сахара за счет хлеба в зерне. Турецкий импорт в СССР тоже, в общем, характеризуется преобладанием 5 товарных групп: — хлопок, дубильные вещества, апельсины и лимоны, сухие фрукты, которые составляли в 1913 г. — 52% всего турецкого импорта в СССР по стоимости, а в 1928 г. — 64%, интересно и, в высокой степени, показательно, что в 1913 г. апельсины и лимоны, сухие фрукты и орехи составляли 82% всего турецкого импорта в СССР (по стоимости), а в 1928 г. — 24%. Таким образом, импорт СССР из Турции, носивший в основном, потребительский характер до войны (1913 г.) характеризуется в 1928 г. ослаблением значения потребительских групп и усилением предметов промышленного импорта (в основном хлопок), которые составили в 1928 г. — 46% стоимости всего турецкого импорта в СССР.

Наконец, в области анализа финансового хозяйства Турции автор, несмотря на значительный текстуальный и цифровой материал, не дал четкой характеристики структуры и направления динамики

финансового хозяйства страны. Действительно, турецкий бюджет в своей доходной части покоится на налогах на потребителя (доходы от монополий, пошлин и других косвенных налогов составили в 1927/28 г. 45% доходной части бюджета); преобладание налогов на потребление вообще чрезвычайно характерно для структуры доходной части бюджетов экономически-отсталых стран. В расходной же части турецкого бюджета преобладают расходы на оборону, которые в 1927/28 бюджетном году составили 40% всех расходов.

Экономические и политические связи Турции и СССР растут и крепнут с каждым годом. В деле индустриализации Турции, оказания ей технической помощи — СССР должен занять и, безусловно, займет одно из первых мест. Поэтому изучение турецкого народного хозяйства является важной и неотложной задачей. Работа т. Мельника, конечно, страдает существенными пробелами, но она может быть использована, как элементарное введение, к более пристальному и внимательному изучению экономики и политики современной Турции.

М. Коган.

„Мировое хозяйство и мировая политика". №№ 1—7 за 1929 г. Издание Института мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии.

Рецензируемые 7 номеров ежемесячного журнала, издаваемого Комм академией, очень богаты содержанием. Кроме очерков т. Варги, посвященных текущей конъюнктуре мирового хозяйства, заслуживает внимания ряд статей и обзоров, посвященных отдельным вопросам мировой политики и мировой экономики.

Остановимся несколько подробнее на содержании этого материала. В ряде статей тт. Варги, Тимова и, отчасти, Виноградова дается анализ и оценка новейшей фазы политического развития Румынии после прихода к власти националцаранистской партии, получившей на последних выборах огромное большинство в 77% всех голосов. Для оценки этого политического события авторы стараются выявить, кого представляла ушедшая от власти либеральная партия Братиану и какую роль в ее судьбе сыграла, с одной стороны, ее аграрная политика, а с другой стороны, ее политика в отношении иностранного капитала. К сожалению, из очерка т. Варги, который наиболее всесторонне пытается охватить предмет, недостаточно ясно, какую роль играли в самой либеральной партии старорумынские бояре, равно, как неясны вообще их политические судьбы. По словам т. Варги, при проведении аграрной реформы в Румынии, выкуп за землю свелся почти к нулю вследствие обесценения румынской валюты, последовавшей за инфляцией. Означает ли это, что старорумынские аграрии, составлявшие господствующий класс в стране, разорились на аграрной реформе и перешли на чиновничий паек или же они успели перебросить полученный выкуп в промышленность в порядке принудительного „румынизирования" промышленности вновь приобретенных провинций. Политика либеральной партии была направлена на искусственное форсирование капиталистической индустриализации страны, за счет обескровливания сельского хозяйства (экспортные пошлины на сел.-хоз. продукты, запретительные импортные пошлины на продукты промышленности, подачки и льготы промышленникам, за счет казенного сундука и пр.). Для сельского хозяйства Румынии это явилось большим бременем, чем самый высокий выкуп за землю. Измельчавшее, в результате аграрной реформы, и потерявшее значительную долю своей былой товарности, сельское хозяйство Румынии лишилось, вследствие политики либералов, рыночных экономических стимулов, что особенно сказалось на кулацких слоях деревни, которые, как указывает т. Варга, и сыграли руководящую роль в перевороте (поход 150 тыс. на Бухарест и последовавшая за этим смена власти). С другой стороны, создав себе на почве сверхэксплоатации крестьянства и рабочих особенно благоприятные условия капиталонакопления внутри страны, либералы очевидно не склонны были допустить к дележке добычи иностранный промышленный капитал, хотя они были не прочь принять от иностранного ссудного (финансового) капитала заем для санирования валюты и финансов. Но иностранный финансовый капитал может мириться только с таким румынским правительством, которое могло бы выполнить достаточно надежно задачи по внешней политике (подготовка к войне против СССР), составляющие неотъемлемую часть программы англо-французского финансового капитала в Румынии. Таким образом, власть Братиану была подорвана и извнутри и извне. Авторы далее выясняют, какие противоречия таит в себе новый политический режим в Румынии, главным образом, по линии диференциации деревни.

Другому нашему соседу—Афганистану—посвящены статьи тт. Ильинского и Леоринуса, в которых приводится ряд интересных фактов и соображений, проливающих некоторый свет на происходящую сейчас в Афганистане борьбу.

Надо прямо сказать, что для исчерпывающего анализа социально-классовых

отношений Афганистана достаточно научных данных еще не имеется. Из отдельных положений автора любопытно отметить, что пастушеские кочевые племена нередко перекладывают на оседлых земледельцев финансовое бремя государственного управления. В то время как за последние 10 лет налоги на орошенную землю увеличились на 250%, а на земледельческий рабочий скот — лошадей и ослов — на 400% и на 500%, налог на верблюдов, представляющих, между прочим, единственный вид кочевого скота, который облагается, повысился только на 33%. Кочевники, как справедливо указывал автор, могли пострадать при Аманулле-хане только как купцы, в связи с развитием государственных торговых монополий и шоссейных дорог.

Английский империализм пытается играть на противоречиях, с одной стороны, между отдельными кочевыми племенами и, с другой стороны, между земледельческими и неземледельческими племенами.

В статье М. Галковича, посвященной тихоокеанской проблеме, содержится (невзирая на небрежность стиля и, особенно, цифровых таблиц) ряд свежих мыслей, однако, в анализе автора имеется и ряд прорех. Автор, например, правильно указывает, что пищевая проблема Японии может быть разрешена внутри страны, но упускает из виду зависимость японского сельского хозяйства от ввоза удобрений. Автор далее правильно подчеркивает стимулирующее влияние, которое имели победоносные войны на развитие японского хозяйства, но совершенно не учитывает, что главными источниками большого капиталонакопления в Японии явились: огромный рост арендных цен на землю (эксплоатация крестьянства) и огромная эксплоатация рабочих в промышленности (ночной труд женщин и детей, мизерная зарплата и пр.). В своей концепции взаимоотношений Японии с Соед. Штатами, клонящейся к умалению вероятности вооруженного между ними конфликта, автор, с одной стороны, придает слишком большое значение зависимости Японии от Соед. Штатов в отношении сбыта шелка и снабжения некоторыми видами сырья, а с другой стороны, он недооценивает жизненных интересов Соед. Штатов в Азии. Что касается первого вопроса, то именно стремление Японии перестроить свою экономику так, чтобы избавиться от односторонней зависимости от Соед Штатов, является одной из причин, толкающих ее на империалистическую экспансию, в которой она и сталкивается с Соед. Штатами. Интересы же Соед. Штатов в Азии определяются под углом зрения близкого будущего тем, что западные штаты Сев. Америки изобилуют сырьем и дешевой водной энергией, способными питать огромную промышленность, и если для этой промышленности не будут созданы новые рынки сбыта, то для старых восточных промышленных районов страны создастся очень опасная конкуренция. Важно также, что неприхотливые азиатские рынки могут вообще поглотить вторые и третьи сорта и отходы американской промышленности, работающей на изысканный внутренний рынок.

В статье т. И. Рейснера „Платформа индийской буржуазии" дана интересная характеристика последнего об'единенного с'езда буржуазно-национальных партий, состоявшегося в 1928 г. в Лукнове. Этот с'езд знаменует, по словам автора, резкий сдвиг буржуазно-национального движения Индии вправо. В ходе изложения автор дает живой очерк тех внутренних противоречий индийской общественной и политической жизни, которые с большим искусством используются Англией для того, чтобы удерживать господство в этой стране.

Яркую характеристику послевоенной колониальной политики Франции дают тт. С. Грансберг и А. Романский в своих статьях. Тов. Грансберг подчеркивает то особенное значение, которое получили колонии, как поставщики пушечного мяса для Франции. Автор недостаточно, однако, остановился на транссахарской железной дороге, которая интересна именно с этой стороны, ибо, как грузовой путь, эта дорога не сможет конкурировать с водным путем (по реке Нигеру и, далее, по Атлантическому океану). Очень содержателен очерк т. Никкеля, посвященный Формозе. К сожалению, автор не остановился на организации японских сахарных плантаций на этом острове с социально-экономической стороны (китайцы-крестьяне, по свидетельству индийского экономиста Китинджа, производят здесь на своих землях безвозмездно тростник для японских сахарных заводов). Упомянем еще интересные статьи Скотт-Ниринга—о положении негров в Соед. Штатах, Ф. Нотовича — о государственном кризисе в Югославии, А. Губера—об иностранном капитале в Индонезии и А. Болгара — о внешней политике Венгрии. При большом обилии статей, посвященных мировой политике, в журнале сравнительно мало статей на чисто-экономические темы. Наиболее интересной из них нам представляется яркая статья т. Ф. Капелюша, посвященная очень мало освещенному у нас вопросу об американском госкапитализме („Сверхмощные государственные установки в Соед. Штатах"). Малоосвещенные вопросы затронуты в статьях: т. С. Рыбникова — о международных отношениях в страховом деле, В. Левинсона — о проблеме нагрузки в металлургии Соед. Штатов (автор вскрывает наличие, кроме конъюнктурной недогрузки, еще структурной недогрузки, однако, он недостаточно выясняет экономическую природу последней)

В весьма обстоятельной статье „Энергетическая проблема современного мирового хозяйства“ т. В. Вейц ищет связи монополистического капитализма с электрификацией в факте вовлечения в оборот больших новых энергетических ресурсов, в виде низкопробных углей, торфа и воды, равно как в факте развития в нашу эпоху ряда электроемких химических и металлургических производств (азот, алюминий и пр.). Автор мог бы также упомянуть, что вся современная пресса, являющаяся главным духовным орудием монополистического капитализма, была бы немыслима без скандинавской и канадской бумагопромышленности, которые базируются на электрификации. В статье „Обесценение серебра и колониальная политика“ т. Л. Мадьяр (автор интересного исследования о сельском хозяйстве Китая) делает попытку вскрыть одну из форм эксплоатации колониальных и полуколониальных стран, которая заключалась в извлечении со стороны европейского капитала выгод от систематического обесценения валюты этих стран.

Мы закончим наш беглый обзор рецензируемого журнала упоминанием о статье т. Варги (в 7 номере) — о новом репарационном плане. По словам автора, план Юнга выгоднее всего для Америки: ей удалось добиться окончательного разрешения репарационного вопроса, при чем никаких уступок союзникам она не сделала; к тому же в лице репарационного банка Соед. Штаты создали мощное орудие для дальнейшего размещения своих капиталов. Правильнее было бы сказать, что в лице репарационного банка Соед. Штаты нашли способ использовать возвращаемые и совершенно ненужные им внутри страны союзнические долги для инвестиций, под обеспечением союзников же (участвующих в образовании капитала репарационного банка), в таких странах, в которых Соед. Штаты сами не решились бы на большие инвестиции.

Недостатком рецензируемого журнала мы считаем полное отсутствие статей на сельскохозяйственные и аграрные темы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ является живым свидетелем серьезной научно-исследовательской работы, происходящей в Институте мирового хозяйства при Коммакадемии. Можно пожелать журналу самого широкого распространения.

И. Гериман.

Г. Сраговић

Библиография плановой литературы [1]

III. Планирование промышленности

10. Химическая промышленность

110. Белорусский государственный трест спичечной промышленности. Проект контрольных цифр пятилетнего плана развития государственной спичечной промышленности Белоруссии. Для обсуждения на рабочих собраниях. Минск. 1928. 28 стр.

111. Смирнов, Б. А. и Ушков, В. А. Перспективы производства уксусной кислоты и метанола. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. VIII.— Харьков. Укргосплан. 1929. 52 стр. (Труды Госплана УССР. Кн. 4).

11. Электрификация

112. СССР. Главное электротехническое управление. Бюро по сельской электрификации. Материалы к вопросу о перспективах развития сельской электрификации РСФСР на ближайшее пятилетие и основные показатели пятилетнего плана сельской электрификации СССР. Под общ. ред. С. А. Кукель-Краевского. Пособие для проектирования сельских установок. Руководящий материал для составления пятилетних планов развития сельской электрификации для губ. и окружн. плановых комиссий и других организаций. — М. Гостехиздат 1929. 94, (10) стр. с диагр. и картогр., (4) вклад. лист диагр. и табл. (Главэлектро ВСНХ СССР. Бюро по сельской электрификации. Сельэлектро).

113. СССР. Главное электротехническое управление. Материалы к пятилетнему плану электрификации Центрально-Промышленной Области (1927/28—1931/32гг.), разработанному главным электротехническим управлением (Главэлектро) ВСНХ СССР. Под ред. С. А. Кукель-Краевского, С. П. Стафрина и Б. А. Дормидонтова. С прил. 7 карт.— М. Гостехиздат 1928. 352, (1) стр. (Промышленно-Экономическая Библиотека. № 11—1).

114. СССР. Главное электро-Техническое управление. Карты Центрально-Промышленной Области (7 карт.). Приложение к материалам по пятилетнему плану электрификации ЦПО, разработанным главным электротехническим управлением под ред. С. А. Кукель-Краевского, С. П. Стафрина и Б. А. Дормидонтова — М, Гостехиздат 1928.

115. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Днепровская гидроэлектрическая станция и использование ее энергии. Материалы комиссии по разработке генерального плана потребителей Днепровской энергии при Президиуме ВСНХ СССР. — М. Гостехиздат 1929. 236 стр.+1 карта. На правах рукописи.

115а. СССР. Главное Управление электротехнической промышленности. Электроснабжение Московского района на ближайшее пятилетие (1923—1927 гг.). По материалам „Главэлектро“.— М. 1922. 16 стр. На правах рукописи.

IV. Планирование строительства

1. Волго-Донской канал

116. „Волга-Дон-Азовское море“. Водная магистраль. Оглавление проекта 1927 года Волга-Дон-Азовское море. — Ростов н/Д. Управл. строит. вод. магистрали „Волга Дон-Азовское море“. 1928. 26 стр. (Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское море“).

117. „Волга-Дон-Азовское море“. Водная магистраль“. Основные данные водной магистрали Волга-Дон-Азовское море. Изд. 2-ое.—Ростов н/Д. Управл. строит. водн. магистрали „Волга-Дон-Азовское море“. 1928. 17 стр. (Северо-Кавказский Исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское Море“).

118. Кульган, П. Е. Наивыгоднейшие типы и размеры судов с расчетом себестоимостей перевозок по Волго-Донскому водному пути. — Ростов н/Д. Управл. строит. водн. магистрали „Волга-Дон-Азовское море“. 1928. V, 186 стр. (Материалы к проекту Волго-Донской магистрали 1927 года. Под ред. А. С. Аксамитного. Вып. I). (Северо Кавказский Краевой исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское море“).

119. РСФСР. Совет Народных Комиссаров. Комитет по сооружению Волго-Донской магистрали. Доклад Комитета по сооружению Волго-Донской магистрали при Совете Народных Комиссаров РСФСР М. 1929. 72 стр.

2. Проекты Гипромеза

120. Гос. Институт по проектированию новых металлозаводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект).—Л. Гос. Инст-т по проектир. Новых Металлозавод. 1929. 156 стр.+9 л. прил.

121. Гос. Институт по проектированию новых Металлозаводов. Криворожский металлургический завод. (проект).— Л. Гос. Инс-т по проектиров. новых металлозаводов. 1929. 423 (3) стр.+16 л. прил.

122. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове н/Дону.— Л.— Ростов н/Д. Сев.-Кав. Отд. Гипромеза в Ростове н/Д. 1927. 139, (2) стр.+1 л. прил. (СССР.— ВСНХ. Главное управление металлической промышленности. Государственный Институт по проектированию новых металлических заводов. Сев.-Кав. Отд. в Ростове н/Д).

123. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Тракторный завод имени Ф. Дзержинского в Сталинграде (проект).— Л. Гос. Инст-т по проектированию новых металлозаводов. 1928. 172, (4) стр.+ VI листов прилож.

124. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Магнитогорский металлургический завод (проект).— Л. Гипромез. 1929. 727, (3) стр.+10 л. прил.

125. Михальцев, Е. В. и Морщихин, Н. А. Себестоимость перевозки Кузнецкого угля на магнитогорский металлургический завод.—М. Уралплан. 1929. 74 стр.

126. Уральская область. Плановая комиссия. Магнитогорский металлургический завод. Техно-экономический очерк. (Материалы к пятилетнему плану хозяйства Урала) — Свердловск. Уралплан. 1928. (4), 96 стр.+1 л. тбал.+3 карты.

3. Турксиб

127. Туркестано-Сибирская магистраль. 1. Рыскулов. „О строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги“. 2. В. Хронин. „Задачи Сибири в связи с строительством Туркестано-Сибирской магистрали“.—Новосибирск. 1928. 28 стр.

4. Капитальное строительство

128. Белорецкий металлургический завод. Пятилетний план капитального строительства по Белорецкому металлургическому заводу. На период 1928/29—1932/33 оп. г.— Белорецк. 1928. 57 стр. (ВСНХ. Белорецк. горнозаводский трест. Белорецк. металлургич. завод).

V. Планирование сельского и лесного хозяйства

1. Годовые планы

129. Вятская Губерния. Земельное Управление. Состояние сельского хозяйства Вятской губернии в на-

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ №№ 6, 7, 1929 г.

чале 1921—22 с.-х. года и план мероприятий по сельскому хозяйству на 1921—22 с.-х. год.—Вятка. Губземуправление. 1922. 80,11 стр.

129а. Минский округ. Земельный отдел. Вытворчы плян працы Менскага акруговага зямельнага аддзелу па сельскай гаспадарцы Менскай акругі на 1927—1928 г. Минск. Минский Окружной Земельный Отдел. 1928. 85, (3) стр.

130. Орловский округ. Плановая комиссия. Директивные указания Орловского Окрплана и Окрзу по составлению районных планов переустройства сельского хозяйства на 1928/29 год. — Орел. Орл. Окрплан. 1928. 18 стр. Без тит. листа. Описано по обложке.

130а. Пензенская губерния. Земельное управление. Обзор сельского хозяйства Пензенской губ. и основные направления его восстановления. Составлен группой специалистов под общей редакцией Губернского агронома Д. С. Магнусова. Часть 1 — Пенза. XV, 254, (I) стр.+ 62 вкл. л. диагр.

131. Полтавский округ. Земельный отдел. Оперативный план работ Полтавського окружного земельного відділу на 1926—27 р.—Полтава. Полтавск. Окр. Зем. Від. 1926. 106, (2) стр.

132. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Контрольные цифры сельского и лесного хозяйства на 1928/29 г. М. „Новая Деревня“. 1928. 273, (1) стр.+1 табл. (Труды Земплана. Под общ. ред. А. И. Муралова. Вып. XV). Оглашению не подлежит. На правах рукописи.

133. Украинская ССР. Народный Комиссариат земледелия. План заходів у сельскому господарстві на 1926/27 р.— Харків. „Радянський Селянин“. 1926.

См. также №№ 11, 210.

2. Перспективные планы

134. Всероссийское совещание земорганов, IV. Москва. 1929. Повестка дня. № 1.— М. „Новая Деревня“. 1929.

№ 1. Тезисы доклада т. Муралова, А. И. „Основные моменты по составлению пятилетнего перспективного плана развития сельского хозяйства“. 10 стр. На 1-м выпуске в надзаголовке: VI (?) всерос. совещание...

№ 2. Проект резолюции по докладу т. Квиринга „О поднятии урожайности“. 15 стр.

№ 3. Тезисы к докладу тт. Клименко, И. Е. и Каминского, Г. Н. „О задачах земорганов в области коллективизации и кооперирования крестьянского хозяйства“. 11 стр.

№ 4. Тезисы доклада т. Розит, Д. П. „Итоги и дальнейшая работа по землеустройству на пятилетие 1928/29—1932/33 гг.“. 24 стр.

№ 5. Тезисы доклада т. Козырева „О лесном хозяйстве“, 10 стр.

135. Жуйков, И. М. Об'ем мероприятий и капиталовложения в сельское хозяйство Сибири по пятилетнему плану. 1928/1929 — 1932/33 год. — Новосибирск. 1928. 23 стр. (Труды Сиб. Краев. Плановой Комиссии по перспективному планированию. Вып. II).

136. Заславский Э. О. Влияние минеральных удобрений на повышение урожайности сел.-хоз. культур. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. VI. — Харьков. Укргосплан. 1928. 118 стр. (Труды Госплана УССР).

137. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Плановая комиссия. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства 1928/29—1932/33 гг. Часть 10. Торфяное хозяйство.— М. „Новая Деревня“. 1929. 28 стр. (Труды Земплана. Под общ. ред. А. И. Муралова. Вып. XVI).

137а. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Основные положения по разработке плана восстановления и развития сельского хозяйства.—М. Ред. Изд. Комитет НКЗ. 1922. 16 стр. (Утверждено Коллегией Нар. Ком. Зем. 12 июня 1922 г. протокол № 179 п. 781).

Брошюра состоит из следующих разделов: I. Общее понятие плана. II. Генеральный или общий план восстановления и развития сельского хозяйства. Правила и порядок его составления. III. Текущий или годичный план восстановления и развития сельского хозяйства.

См. также № 211.

3. Строительство совхозов и колхозов

138. Всероссийское совещание директоров госсельтрестов и заведующих совхозами РСФСР. Москва. Тезисы доклада тов. В. Ф. Дмитриева на Всероссийском совещании госсельтрестов и заведующих совхозами РСФСР. „Состояние трестированных совхозов РСФСР и перспективы их развития“.— М. Б. г. 15 стр. Без тит. листа и обложки.

139. Колхозцентр. Совет. II. сессия 16—22 декабря 1928 г. Резолюции II-ой сессии Совета Всероссийского союза сел.-хоз. коллективов 16—22 декабря 1928 г.—М. Книгосоюз. 1929. 108 стр.

См. тезисы II сессии Совета Колхозцентра по докладу т. Петрова „Пятилетний план развертывания колхозного строительства РСФСР“ — стр. 27. „Основные показатели к пятилетнему плану колхозного строительства“ стр. 65.

140, 141. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Пути обществления сельского хозяйства.— М. „Новая Деревня“. 1928.

Вып. I. А. М. Маркевич. Доклад об опыте Украинского об'единения совхозов в деле обобществления крестьянских хозяйств. В. П. Селезнев. Содоклад о работе тракторных колонн в Одесском округе. 31 стр.

Вып. 2. К вопросу об организации новых совхозов (зерновых фабрик). Материалы совещания специалистов. 50 (1) стр.

4. Проблема поднятия урожайности

142. Квиринг, Эр. И. Вопросы урожайности. — М. „Новая Деревня“. 1929. 48 стр.

Книга содержит доклад на IV совещании земорганов о темпе повышения урожайности на ближайшее пятилетие и резолюцию, принятую по докладу.

143. Яковлев, Я. Борьба за урожай. Доклад на IV сессии Центрального Исполнительного комитета Союза ССР (о повышении урожайности на 35% к концу пятилетия).—М. Л. ГИЗ. 1929. 98, (2) стр.

Помещена также статья Яковлева, из „Правды“—„За удвоение урожайности в десятилетие“.

5. Опытное дело

144. РСФСР. Народный Комиссарат Земледелия. Сельскохозяйственное опытное дело Наркомзема РСФСР в программах и планах на 1927/28—1931/32 гг. Составил управляющий опытным отделом Н.К.З. С. К. Чаянов при участии: А. В. Чаянова, М. П. Устиновского, С. Н. Тумановского и др.—М. „Новая Деревня“. 1928. 1036, VI, II стр.

6. Мелиорация

144а. Бельков, И. Г. Перспективы развития мелиорации в Приднепровье. Предисл. И. Г. Александрова. — М. 1928. 90 стр.+15 вклад. лист. (ВСНХ СССР. Госуд. Днепровск. строительство. Материалы по проекту И. Г. Александрова. Вып. V).

7. Животноводство

145. Жуйков, И. М. и Никитин, А. В. Мероприятия по расширению кормовой базы Сибкрая на ближайшее пятилетие. Характеристика кормообеспеченности и план мероприятий по расширению кормовой базы скотоводства. По материалам доклада Край ЗУ в Крайисполкоме. — Новосибирск. 1928. 50 стр. (Сибирское краевое земельн. управление).

146. Татарская АССР. Народный Комиссариат Земледелия. Животноводство Татреспублики и мероприятия по его развитию. (Материалы к докладу Наркомзема на V сессии Тат. Центр. Исполн. Ком-та VII созыва). Предисл. Н. Петрова. — Казань. 1928. 55 стр.

8. Плодоводство

147. Шитт, П. Г. „Экономические основы и перспективы развития плодоводства в СССР“.— М. „Новый Агроном“. 1928. 223, (3) стр. (Труды Плодовой опытной станции сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Вып. I).

VI. Планирование кооперации

148. РСФСР. Государственная плановая комиссия. Инструкционные указания о порядке составления ориентировочного плана о кооперации на 1925/26 г.— М. Госплан РСФСР. 1925. (1), 26 стр.

1. Потребительская кооперация

149. Белорусский союз кооперативных об'единений. Контрольные цифры потребкооперации БССР на 1928/29 г.—Минск. Белкоопсоюз. 1928. 134, (2) стр.

150. Богородско-Глуховский центральный рабочий кооператив. Обзор деятельности Богородско-Глуховского центрального рабочего кооператива за 1927/28 хоз. год и перспективы работы на 1928/29 г. — Богородск. (Б. г.) 42 стр. +2 вклад. листа табл. Без тит. листа. Описано по обложке.

151. Любимов, И. Е. Два года работы потребительской кооперации. (1925/26 и 1926/27 гг.).— М. Центросоюз 1929. 127 стр.

Докладчик касается также вопроса планирования потребительской кооперации.

152. Северо-Кавказский краевой союз потребительских обществ. Ростов на Дону. Контрольные цифры по Севкавкрайсоюзу и сельской сети потребобществ на 1928/29 г.— Ростов н/Д. Севкавкрайсоюз. 1928. 19 стр. (Материалы о потребительской кооперации Севкавказ. края. Вып. 15). К 11 собранию уполномоченных Крайсоюза (7 июля 1928 г.).

2. Промысловая кооперация

153. Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков (Всекопромрыбаксоюз). Отчет Всекопромрыбаксоюза за 1927 г. и 1 половину 1928 г.— М. Всекопромрыбаксоюз. 1928. 90 стр.

Из содержания: Показатели пятилетнего плана развития рыбацкой кооперации (1928—1932 гг.)—79—84 стр. Контрольные цифры рыбацкой кооперации на 1929 г.— 85—89 стр.

154. Юдин, И. С. Как вести плановую работу в охоткооперации. 2 испр. и дополн. изд.— М. Всекохотсоюз. 1929. 40 стр.

3. Сельскохозяйственная кооперация.

155. Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов. „Укрколгосп". Поради до складання виробничого плану с.-г. коллективу. Додаток до зразковоі форм виробничого плану для с.-г. комун та новних артілей. Форма А.—(Харків). „Книгоспілка". (1927 г.). 36 стр.

156. Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов „Укрколгосп". Поради для складання плана с.-г. коллективу. Додаток до зразковоі форми виробничого плана для товариств спільного обрабітку землі й нормальних артілей. Форма Б.—(Харків). „Книгоспілка". (1927 г.). 32 стр.

157. Рязанская губерния. Плановая комиссия. Материалы к плану сельскохозяйственного кооперирования. Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации в Рязанской губернии в 1927/28 г.— Рязань. 1929. 101, (1) стр.

158. Самосюк, Ф. О. Краткое руководство по составлению производственных планов коммун и артелей. Составлено Ф. О. Самосюком.— М. Книгосоюз. (Б. г.). 40 стр. (Всерос. союз сел.-хоз. коллективов „Колхозцентр").

159. Семеноводсоюз. Материалы собрания учредителей Всероссийского Семеноводческого Союза Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз". 20—23 февраля 1928 г.— М. 1928. 92 стр. (Всероссийский Семеноводческий Союз Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз").

См. доклад И. К. Сафонова о плане работ Семеноводсоюза на 1927/28 г.

160. Семеноводсоюз. Материалы 1 сессии Совета „Семеноводсоюза". 28—30 мая 1928 г. М. Книгосоюз. 1928. 48 стр. (Всероссийский Семеноводческий Союз Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз").

См. доклад И. К. Сафонова „О контрольных цифрах оперативного плана Семеноводсоюза на 1928/29 г.".

161. Центральный яично-птичный союз сельскохозяйственной кооперации. Краткий обзор деятельности Птицеводсоюза за 1926—28 гг. и перспективы развития птицеводческой отрасли сельского хозяйства.—М. Журн. „Птицеводство". 1929. 130 стр. (Центр. яично-птичный союз сел.-хоз. кооп-ции „Птицеводсоюз"). На обл. загл.: „Птицеводсоюз за три года деятельности 1926—1927—1928 гг.".

162. Яковлев, А. На путях производственного кооперирования (основы пятилетнего плана развития с.-х. кооперации). 2 изд., исправл. и дополн.— М. Книгосоюз. 1929. 48 стр.

См. также №№ 204—206.

VII. Планирование транспорта

163. Волжское государственное речное пароходство. Правление. Контрольные цифры перспективного пятилетнего плана Волжского государственного речного пароходства на 1928/1932 г.— Нижний-Новгород. 1928. II, (1), 290 стр.

164. Главацкий, А. А. и Бурундуковский, Л. И. Проблема железнодорожных выходов из Донбасса. Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. X Харьков. Укргосплан. 1929. 84 стр. (Труды Госплана УССР).

165. Ленинградский торговый порт. Перспективный план развития порта на 1928—1940 гг.— Л. 1927 г. (6), VII, 182 стр. + 23 л. прилож. Не подлежит оглашению.

166. Полуян, Д. Водный транспорт и его перспективы. Доклад на III пленуме ЦК Водников. Приложения: 1. Резолюция ЦК Водников. II. Диаграммы.— М. Транспечать НКПС. 1927. 52 стр.

167. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Плановая комиссия по транспорту. Перспективный план морского транспорта (Совторгфлот и Каспар) на пятилетие 1927—1931 гг.— М. Транспечать НКПС. (Б. г.) 95 стр. Не подлежит оглашению.

168. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Центральное плановое управление. Пятилетний перспективный план местного транспорта (на 1928/29—1932/33 гг.)— Б. м. и г. 113 стр. + прилож. На правах рукописи. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

169. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Центральное плановое управление. Пятилетний перспективный план морского транспорта (на 1928/29—1932/33 гг.).— Б. м. и г. 143 стр. + 1 табл. + 3 стр. прилож. На правах рукописи. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

См. также №№ 94, 116—119, 120, 125, 127.

VIII. Планирование народной связи

170. СССР. Народный комиссариат почт и телеграфов. Контрольные цифры хозяйства связи на 1928/29 б. г.— М. НКПТ. 1928 г. 96 стр.

171. СССР. Народный комиссариат почт и телеграфов. Контрольные цифры перспективного плана хозяйства связи на 1928/29—1932/33 гг. Редактировал К. В. Трофимов.— М. НКПТ. 1928. XII, 211 стр. с диагр. + 5 стр. „Для заметок". В переплете-папке.

IX. Планирование торговли

1. Внутренняя торговля

172. Всесоюзный металлургический синдикат. Об'яснительная и методологическая записки к районированию металлосбыта и планированию перевозок синдицированной продукции. 1926/27 г. Приложение к районированию металлосбыта ВМС. 1926/27 г.— Б. м. и г., 16 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

173. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Листмет. 1926/27—1927/28 гг. Б. м. и г. (2), 250, 161, 2 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

174. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Масмет. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. (2), 90, 71 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

175. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Метиз. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. (2), 225, 167 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

176. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Сортмет. 1926/27—1927/28 гг. Б. м. и г. (2), 495, 336, 2 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

177. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Трубмет. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. Разд. паг. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

178. Всесоюзный металлургический синдикат. Сбыт металлов и его организация в 1926/27 г. Всесоюзный металлургический Синдикат (ВМС), Всесоюзный Машинотехнический Синдикат (ВМТС), Акц. О-во „Металлосклад". (Под общ. ред. А. В. Озерского и Г. А. Спектора).— М. Металлоконвенция. 1928 г. 340 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

179. Кульвановский, Л. Б. и Беркаш, В. С. Элеваторное хозяйство и его перспективы. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. I. Харьков. Укргосплан. 1928. 142, (2) стр. (Труды Госплана УССР).

180. Николин, А. О внутренней торговле.— М.-Л. ГИЗ. 1928 г. 238, (2) стр.

Популярная книга, рассчитанная для руководителей школ политграмоты, самообразования и т. п. Книга содержит небольшую главу „Товарооборот в пятилетнем плане" стр. 234—239.

181. Нуринов, А. и Каненгисер, М. Организация хлебозаготовок на Украйне. (Итоги 1927/28 г. и перспективы 1928/29 г.). Материалы для парт. и профактива и низовых хлебозаготовительных работников.— (Харьков). „Пролетарий". 1929 г. 48 стр.

182. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Довідник по організації хлібозаготовчої кампанії на Україні в 1928/29 році.— Харьков. Наркомторг УССР. 1928/29 г. 100, (2) стр.

183. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Практика регулирования частной торговли на рынке промышленных товаров.— Харьков. 1928. 72 стр.

184. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Руководство по организации заготовок и сбыта сельскохозяйственного сырья и продуктов. Составлено под ред. И. А. Вильнита. Пред. А. Нуринова.— Харьков. (Наркомторг УССР). 1928. (8), 608 стр.

185. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Яичный рынок и его регулирование. Составлено отд. регулирования сел.-хоз. сырья и продуктов. Под ред. и предисл. А. И. Плыга.— Харьков. (Наркомторг). 1928. 116,2 стр. (Б-ка по вопросам рынков сел.-хоз. сырья и продуктов. Вып. 1).

186. Чернов, М. А. Хлебный рынок и его регулирование. Курс лекций, читанных на хлебных курсах при Наркомторге УССР.— Харьков. „Пролетарий". 1928. 144 стр.

См. также № 8.

2. Внешняя торговля

187. Внешняя торговля Союза ССР за X лет. Сборник материалов под ред. Д. И. Кутузова.—М. Наркомторг СССР и РСФСР. 1928. 348 стр.

См. гл. „Плановое начало во внешней торговле". Стр. 156.

188. Энциклопедия советского импорта. В 12 томах. Под ред. Ю. В. Гольдштейна, А. Н. Долгова, Ш. М. Двойлацкого и др. М. Наркомторг СССР и РСФСР. 1929. Т. I. Общие проблемы импорта. 1929. XXXII. 216, 60 стр.

См. гл. Перспективы импорта СССР (на пятилетие 1927/28—1931/32 гг.) в связи с развитием его народного хозяйства.

См. также № 8.

X. Планирование труда

189. Борц, В. и Умблия, В. Рабочая сила на железнодорожном транспорте.—М. Транспечать НКПС. 1929. 160, (1) стр.

См. гл. IV. „Планирование труда". В этой главе разбираются следующие вопросы: методология, контрольные цифры на 1928/29 г., ориентировочное построение на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. и вопрос о семичасовом рабочем дне.

190. Демьяненко, А. А. Подготовка кадров рабочих на пятилетие в каменноугольной промышленности Донбасса. С предисл. Г. И. Ломова.—Харьков. Донуголь. 1928. 64 стр.

191. СССР. Народный Комиссариат труда. Плановое бюро. Контрольные цифры по труду на 1928/29 г.—М. Вопросы Труда. 1929. 84 стр.

192. Толстопятов, И. А. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР.—М. Вопросы Труда. 1929. 66, (1) стр.

В основу брошюры положены доклады о контрольных цифрах по труду, прочитанные на заседаниях Президиума ВЦСПС, Госплана и на совещании тарифных работников органов НКТ. 1 XI. 28. „Перспективы труда" касаются 1928/29 г. и пятилетия 1928/29—1932/33 гг.

193. Украинская ССР. Народный Комиссариат труда. В процессе индустриализации. (К IV Всеукраинскому С'езду Профсоюзов). Составлено Коллегией НКТ УССР. Под ред. К. М. Гулого. — (Харьков) ГКТ УССР. 128 стр.

В первой главе настоящего отчета характеризуется значение НКТ при планировании народного хозяйства и в частности при составлении пятилетнего плана.

194. Шатан, Е. О. Проблема безработицы на Украине. Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. IX.— Харьков. Госплан УССР. (Труды Госплана УССР). 1929 144 стр.

XI. Планирование народного образования и социально-культурного строительства

195. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Главсоцвос Вопросы всеобщего обучения. — М.-Л. ГИЗ. Вып. IV (седьмой). Под ред. М. С. Эпштейна и П. Н. Григорьева 1029 (203 (2) стр.

196. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Организационно-плановое управление. Плановый отдел. Вопросы методологии планирования просветительной работы. Вып. II. Под ред. и с предисл. В. Н. Касаткина.— М. Наркомпрос. РСФСР—ГИЗ. 1928. 192, (1) стр.+1 вкл. лист схем.

197. Скрыпник, Н. А. Состояние и перспективы проведения всеобщего начального обучения в УССР. Перевод с укр. — (Харьков). ГИЗ. Украины. 1928 36 стр.

198. Скрыпник, Н. Станта перспективи загального початкового навчания в УССР.—(Харьков). Держ. вид-во Україні. 1928, 32 стр.

199. Шохер, М. С. Подготовка кадров промышленности („Интегральная система") с предисл. И. А. Краваля. — М. Гостехиздат. 1929, 46 стр .(Инженерно-Промышленная Библиотека. Б. Серия 5. № XIII—12).

„Интегральная система" тов. Шохера имеет в виду новую педагогическую систему, ставящую целью на основании органической повседневной связи ВТУЗ'а с производством, на основе систематического сочетания теории с практикой, разрешить вопрос о подготовке инженеров в кратчайший срок (не более 4 лет), при рациональном использовании учебно-производственного времени, предусматривая начало специализации с первого года". (Из предисл. И А. Краваля).

XII. Планирование финансов

200. Карманная книжка финработника на 1929 г. Год издания третий.—Л. Гос. Фин. Изд. СССР. Ленингр. Обл. Отд. 1929, 400 стр.

См. главу „Финорганы и пятилетний план", стр. 336—341.

201. Шмидт, А. К., Богорад, Д. И., Поляков, П. Г., Шафир, М. И. Единый финансовый план. (Методология и схема построения). Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. IV.—Харьков. Укргосплан. 1928, 40, (2) стр. (Труды Госплана УССР).

1. Планирование бюджета

202. Всесоюзная коммунистическая партия. Елецкий Окружной Комитет. Пленум. 1928. Контрольные цифры бюджета на 1928/29 г. (и др. материалы). — (Б. м. 1928). 24 стр. Без тит. листа и обложки.

203. Малаховский, Е. Я. Контрольные цифры бюджета ЦЧО на 1928/29 г. — Воронеж. 1928. 20 стр. (Оттиск статьи, напечатанной в № 1 журн. „Хозяйство ЦЧО").

2. Планирование кредита

204. Николаевский сельскохозяйственный банк. Річний відчит Миколаївського сельбанку за 1926/27 рік. З додатком фінансово-кредитового плану на 1927/28 рік. (1 рік работи). — Николаев. Сельбанк. 1928. 44 стр. (Миколаів. акційне т-во с./г. кредиту Миколаів сельбанк).

205. Полтавское товарищество сельскохозяйственного кредита „сельбанк". Звіт Полтавського сельбанку за 1926/27 операційний рік та перспективний план работи на 1927/28 рік.— Полтава. Сельбанк. 1928. 68, (2) стр.

206. Сибирский краевой союз союзов сельскохозяйственной кооперации. Новосибирск. Как составить годовой оперативно-финансовый план в сельскохозяйственном кредитном товариществе. Краткие методические и инструктивные указания для правл. и счетоводов с.-х. кредитных т-в. — Новосибирск. Сиб. Союз Союзов с.-х. кооперации. 1928. 36 стр.

206 а. Фридман, С. Л. Проблема сбережений. — М.-Л. „Московский Рабочий". 1928 г., 156 (1) стр.

См. гл. V — Перспективы накопления сбережений,— в которой говорится о мобилизации сбережений и пятилетнем плане народного хозяйства.

XIII. Планирование местного хозяйства

207. Бакинский совет. Плановая комиссия. Хозяйственное и социально-культурное строительство Бакинского Совета в 1928/29—1932/33 гг. Первый вариант пятилетнего плана. — Баку. Баксовет 1929. (2), XIV, 311, (2) стр.

208. Уманский городской совет. Перспективы розвитку міського господарства м. Умані на п'ятиріччя (1926/27—1930/31). — (Умань). Уманська міськрада. 1928. 20 стр.

XIV. Планирование снабжения

209. Горецкий, К. Система снабжения РККА в мирное время. — М.-Л. ГИЗ. Отд. Воен. Лит-ры. 1929. 195 стр.

Автор разбирает вопрос о методологии планирования дела снабжения РККА.

210. „Сельхозснабжение", Акц. Общ. Москва. О сел.-хоз. машиноснабжении на 1928/29 г. (Важнейшие правительственные распоряжения). — М. 1928. 32 стр.

XV. Планирование научной работы.

211. Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур. Ленинград. Перспективный план работ Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур на пятилетие 1927/28 — 1931/32 гг. — Л. (Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур). 1928. 215 стр. Перед загл. „Проект".

212. Зеленин, Д. К. Перспективный план работ по изучению генетики культуры. — Л. 1928. 257 — 266 стр. (Краеведение. Периодич. орган Центр. Бюро Краеведения. № 5, 1928 г.). Отдельный оттиск из журн. „Краеведение" № 5. 1928 г. Без тит. листа и обложки.

213. Институт промышленных изысканий. Архангельск. Четыре года работы Института и его дальнейшие перспективы. Отчет за 1924/25 — 1927/28 гг. и план работ на 1928/29 — 1932/33 гг. — Архангельск. 1928. 66 стр. (Материалы Инст-та промышл. изысканий при Архангельск. Губ. Ком-те. Вып. VI. Очерк составлен С. Ф. Иевлевым).

214. СССР. Народный Комиссариат Путей Сообщения. Научно-технический комитет. Ориентировочная производственная программа на 1928/29 б. г.— М. 1928. 37 стр. Без тит. листа. Описано по обложке. (Напечатано на пишущей машинке и стеклографировано).

215. СССР. Народный Комиссариат Путей Сообщения. Научно-технический комитет. Производственная программа НТК на 1928/29 год. Одобрена Советом НТК в заседании от 8/XII — 28 г. по журналу № 65.—Б. м. и г. (1), 65 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

XVI. Баланс народного хозяйства

216. Мышкис, В. С. Баланс народного хозяйства Украины за 1925/26 г. — Харьков. ЦСУ. 1928. X. 64 стр. с диагр. (Центральное Статистическое Управление УССР. Материалы по балансу народного хозяйства Украины. Вып. II).

XVII. Библиография

217. Деборин, Г., Срагович, Г., Чернин, М. Теория и практика планирования народного хозяйства СССР. 1917—1927 и первое полугодие 1928 г. Библиография. Под ред. и с предисл. А. С. Мендельсона. — М.-Л. ГИЗ. 1929. 244 стр. (Институт Народного Хозяйства имени Г. В. Плеханова. Экономический Факультет. Кабинет Планирования).

218. РСФСР. Государственная Плановая Комиссия. Перспективный план народного хозяйства и культурного строитель-

ства СССР. Библиографический указатель. — М. Ред. Изд. Отд. Госплана РСФСР. 1928. 56 стр.

Районный указатель

(Алфавитный)

I. РСФСР.

РСФСР в целом.

132, 134, 137, 137а, 138, 139, 140, 141, 144а, 148, 153, 159, 160, 161, 195, 196.

РСФСР местные.

Архангельск 31, 213.
Брянск 32.
Владивосток 33, 87.
Вологда 34, 49.
Вятско-Ветлужский Край 56, 129д.
Дагестан 51.
Дальневосточный край 36.
Крым 57.
Кубань 37.
Ленинград 90, 165.
Москва 115, 150.
Орел 130.
Пенза 37а, 130а.
Рязань 157.
Самара 38.
Северный Кавказ 116, 117, 118, 119, 22, 152.
Сибирский Край 59, 60, 61, 78, 89, 135, 145, 206.
Средне-Волжская обл. 39.
Сталинград 123.
Сызрань 62.
Татарская республика 35, 52, 146.
Тверь 63.
Урал 95, 98, 99, 100, 120, 124, 125, 126.
ЦПО 113, 114.
ЦЧО 43, 203.
Чувашская республика 21.

II. УССР.

УССР в целом.

16, 24, 40, 66, 67—73, 83, 84, 111, 115 121, 133, 136, 144, 155, 156, 179, 181—186, 193, 194, 197, 198, 201, 216.

УССР местные.

Донбасс 109, 164, 190.
Киев 53.
Николаев 204.
Полтава 131, 205.
Умань 41, 42, 55, 208.
Харьков 104.
Чернигов 75, 76.

III. БССР.

БССР в целом.

7, 18, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 86, 96, 110, 149.

БССР местные.

Минск 129.
Могилев 58.

IV. ЗСФСР.

Азербайджанская ССР 81, 85, 103.
Баку 207.
Грузия 108.

V. ТуркСР.

64, 65.

Л. Е. Минц

Использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве

Если до последнего времени уделялось много внимания вопросам городского рынка труда и проблеме использования резервов, образующихся на городском рынке труда, то вопросу изучения размеров резерва в сельском хозяйстве уделялось внимание постольку, поскольку это оказывало воздействие на образование городских резервов. Проблема аграрного перенаселения в последнее время изучалась и исследовалась главным образом как источник образования безработицы. В настоящее время это огромное, экономического порядка, явление приобретает самостоятельное значение в виду перспектив развития самого сельского хозяйства.

Ближайшая перспектива развития крупных зерновых фабрик, колхозного движения и общего роста всего сельского хозяйства не может не поставить перед нами проблемы регулирования сельскохозяйственного рынка труда. До сих пор, обычно, существовавшее представление таково, что организация сельскохозяйственного рынка труда не требуется, а главная задача состоит в том, чтобы регулировать стихийное движение сельского населения на заработки в город, в целях предотвращения образования безработицы в городах. Уже сайчас мы имеем серьезное положение со снабжением крупных сельскохозяйственных единиц рабочей силой, а это ведь первый год развития наших гигантов.

Если учесть расширенный вариант пятилетнего плана в части развития обобществленного сектора сельского хозяйства, то с совершенной ясностью встает перед нами проблема подготовки кадров для нужд сельского хозяйства.

Изжитие унаследованного нами аграрного перенаселения пойдет, главным образом, за счет реконструкции самого сельского хозяйства. Рост потребности в рабочей силе в сельском хозяйстве, особенно квалифицированной, на ряду с ростом всего наемного труда и рост доходности, особенно бедняцкой части сельскохозяйственного населения, должны являться теми мероприятиями которые послужат изжитию аграрного перенаселения. Общее представление о значительных размерах аграрного перенаселения еще не дает ясного предствления с чем мы имеем дело, а главное не дает представления о необходимости тех или иных мероприятий в области регулирования этого сложного явления. Мы уже в прошлой работе[1] дали анализ сезонных колебаний в затратах труда сельского населения, на что до сих пор не обращалось должного внимания. Если вообще в сельском хозяйстве имеются огромные резервы неиспользованного труда, то в период полевых работ, мы имеем в ряде районов недостаток рабочих рук. Реконструкция всего сельского хозяйства, а не только полеводства, должна привести к более рациональному распределению затрат труда, в направлении большего использования труда в зимний период, что должно благотворно сказаться на общем использовании имеющихся

[1] См. статью автора в „Плановом Хозяйстве“ № 1 за 1927 г. и спец. работу „Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР“, изд. ГИЗ.

запасов труда и на увеличении доходности, особенно бедняцкой части сельского населения. Кроме того, одной из серьезных задач, является снабжение рабочей силой в летний период тех сельскохозяйственных раойнов, в которых ощущается нужда, за счет районов, имеющих избыток рабочей силы. Нужда в квалифицированных рабочих для сельского хозяйства из года в год сильно вырастает, и возможность использования свободных резервов самого сельского хозяйства, дававшего и в довоенный период огромные кадры в отход, на сельскохозяйственные работы, должна быть использована.

Материалы, приведенные нами в прошлой работе по изучению использования труда в сельском хозяйстве, где мы указали, в основном, примененный нами метод исследования и характеристику сезонных колебаний и сделанный нами ряд методологических замечаний, остаются в силе и для публикуемых в настоящей работе материалов. Надо только дополнительно иметь в виду следующее: если в бюджетах 1924/25 г. все расчеты по балансу труда велись в днях, то в 1925/26 г. эти расчеты ведутся в часах. Мы тогда указали, что считаем необходимым, в целях возможности использования материалов, вести учет в днях и часах, так как в разрозненном виде использование этих данных чрезвычайно затруднено. Приходится прибегать ко всякого рода исчислениям для того, чтобы получить представление о нагрузке работой (продолжительность рабочего дня) в разные периоды года разными видами работ и самое получение остатка неиспользованного времени является условным при отсутствии данных в балансе о расходах в днях и часах.

Построенный нами баланс труда дает возможность выявить, как складывается у нас в крестьянском хозяйстве запас рабочего времени, расход и остаток неиспользованного времени. Для того, чтобы построить этот баланс, мы учет времени, израсходованного крестьянским населением, приводимый в бюджетах в часах, переводим в дни путем применения средней нормы продолжительности рабочего дня (по данным бюджетов) в 10,5 ч. по РСФСР и 10 ч. по БССР. Эта средняя норма получена в бюджетах как средне-арифметический из 4 сезонов, а продолжительность рабочего дня в последнем сезоне берется как максимальная затрата в 1 день на основной сель-хоз. работе.

Данные бюджетов, говорящие о средней продолжительности рабочего дня в течение года для лиц обоего пола, не дают возможности построить сезонный баланс труда и не дают возможности правильно построить баланс отдельно для мужчин и женщин. Если сезонный баланс труда, построенный нами для 1924/25 г., по существу мало изменился то применение одинаковой продолжительности рабочего дня для мужчин и женщин имеет много неудобств и не дает правильного представления об остатке, так как дневная нагрузка у женщин выше чем у мужчин (см. работу С. Г. Струмилина «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922/23 г.).

Применяя одинаковую продолжительность рабочего дня у мужчины и женщины, мы для ряда районов получаем, что женщинами израсходовано больше времени, чем имеется в запасе; это указывает на то, что женщины имеют неодинаковую продолжительность рабочего дня с мужчиной и что она в среднем выше, чем принятая нами. Надо иметь в виду, что в продолжительность рабочего дня входят и работы по домашнему хозяйству.

В виду невозможности диференцировать продолжительность рабочего дня по полу и возрасту, приходится пользоваться средней, что, конечно, сказывается на итогах баланса.

Данные бюджетов (в количестве 2.744 бюджетов) переведены нами на все сельское население, приняв данные переписи 1926 г. В расход нами включено и время, связанное с прогулами, праздниками и болезнями в тех же нормах, как и в 1924/25 г. В общем, остаток неиспользованных работников нами получен в 7,8 млн. чел., из них 5 млн. мужчин и 2,8 млн. женщин. Наибольшее количество мы имеем в ЦЧО, Средне-Волжском и Правобережной УССР (см. таблицу 1 на стр. 306).

Надо отметить, что в остатке неиспользованных работников женщины составляют около 31%, что об'ясняется тем, что в запасе взрослые женщины составляют 45%, а в расходе, благодаря занятию домашним хозяйством, взрослые женщины составляют до 50%. В пределах разных районов мы имеем разные соотношения, доходя до равного распределения остатка по полу. Для того, чтобы дать представление о распределении затрат по сезонам, мы приводим в таблице 2 затраты времени по месяцам, по главнейшим районам и для большей наглядности даем диаграмму 1, где приводим затраты труда по месяцам в процентах к общим затратам.

Как и по данным обследования 1924/25 г., максимальные затраты труда приходятся на июнь — сентябрь, максимум мы имеем в августе, дающем 12% всех затрат; остальные месяцы дают колебания от 6,5%—8%. Если такое распределение сезонности в затратах труда характерно для СССР и РСФСР, то для УССР мы имеем некоторое отступление в смысле большей загрузки работой, по сравнению с вышеприведенными данными, в период апрель—июнь, особенно в правобережной УССР, которая дает более плавное нарастание затрат труда в период апрель-сентябрь и более низкий уровень в зимние месяцы.

По Туркменской ССР мы имеем тоже нарастающую кривую до июня, затем некоторое снижение к августу и скачек к сентябрю—октябрю и дальше, снижение к зимним месяцам. В общем, надо отметить, что если еще имеется некоторое различие в затратах труда между районами в весенние месяцы, то очень однообразна картина, рисующая резкое снижение затрат в зимние месяцы. Если от данных абсолютных затрат по месяцам перейти к рассмотрению продолжительности рабочего месяца на одного работника (см. таблицу 3 и диаграмму 2), то получим, что в августе каждый работник затрачивает 265 час. а в феврале он тратит только 157 час., как видно, разница солидная. Если соответственно рассчитать продолжительность рабочего дня, то будем иметь, что в напряженный период полевых работ мы имеем в крестьянском хозяйстве почти 12-час. рабочий день, а в зимние месяцы 6,5—7,5 час. (см. таблицу 4 на стр. 312).

Все эти расчеты показывают, что в крестьянском хозяйстве напряженность работы не равномерно распределяется по сезонам: с одной стороны, напряженная работа в течение нескольких летних месяцев и с другой стороны недостаточная нагрузка зимою. Конечно, это не означает, что полученные нами данные отражают действительную нагрузку всего сельского населения. Это только средние величины, они означают что часть работников может быть и зимою нагружена полностью (особенно остающиеся в хозяйстве женщины), а часть совершенно свободна и ищет работы на стороне или не имеет никакой работы.

Путем механизации работ в сельском хозяйстве мы можем срезать летние пики (см. диаграммы № 1 и 2) требующие слишком большого напряжения и путем использования двигательной силы и других мероприятий расширить такие отрасли хозяйства, которые заняли бы крестьянское население зимою и повысили бы общую доходность крестьянского населения. главным образом, батрацкой и бедняцкой части. Расширение зимних работ в области строительства, лесозаготовок и ряд других создают тоже дополнительный источник для занятий крестьянского населения. Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть важность сезонной проблемы для крестьянского хозяйства, которая должна быть учтена во всех наших перспективных планах.

Основная часть затрат времени падает на работы в сельском хозяйстве—48% всех затрат, при чем на полеводство уходит 20%, на сенокос—3,2% и животноводство — до 22% (см. таблицу 5 на стр. 313).

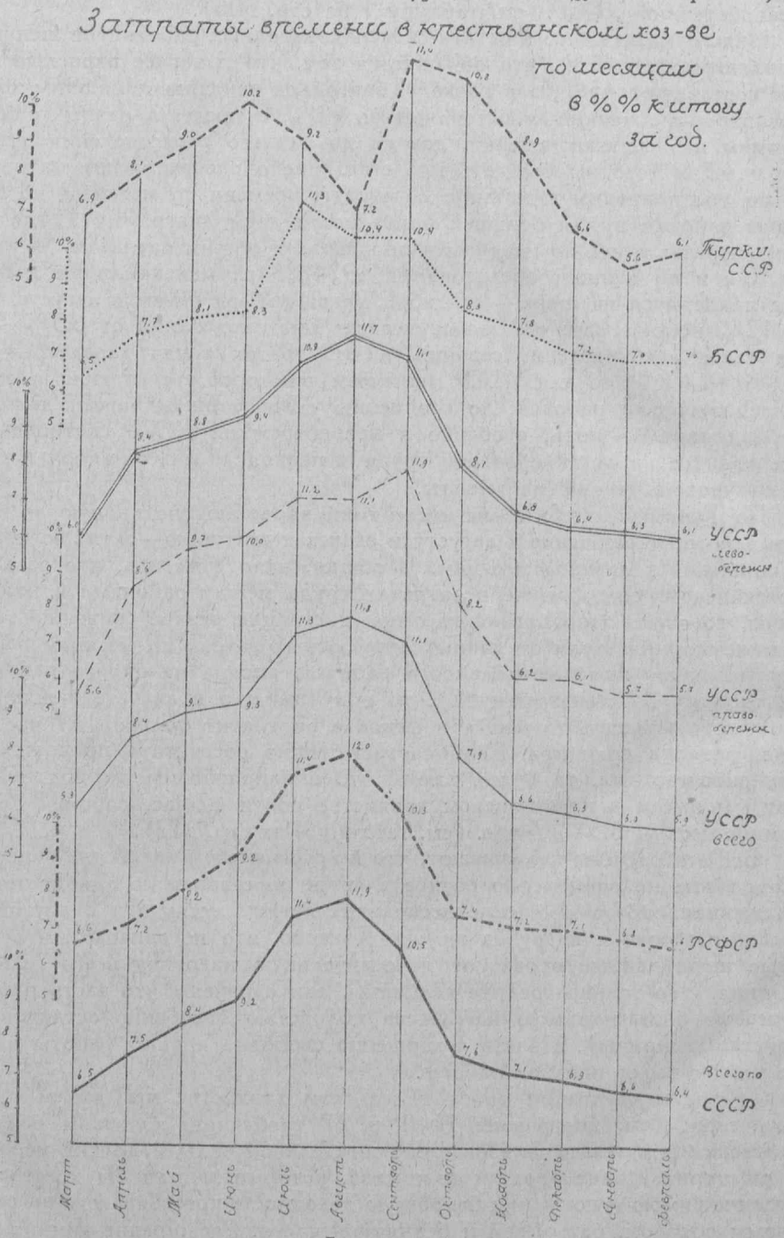


Диаграмма 1

Работы вне своего сельского хозяйства составляют 12,8%, из них работа по найму — 4,4% (по РСФСР — 5%. УССР — 3,1%), при чем на фабриках и заводах — 2% и служба в учреждениях — 2,4%: поденная и сдельная работа в чужом сельском хозяйстве—1,4% и работа со своими инвентарем или скотом — 1,3%. Последние виды работ имеют большую долю затрат по УССР. Прочие самостоятельные промысла составляют 4,6% всех затрат, из них 1,9% составляет извоз. Ремесленное и кустарное производства составляют 0,9% и торговля — 0,1%.

На основании данных, полученных из бюджетов, мы можем получить нормы затрат труда по разным культурам и работам в часах по районам (см. таблицу 6 на стр. 314). Приведенные материалы дают возмож-

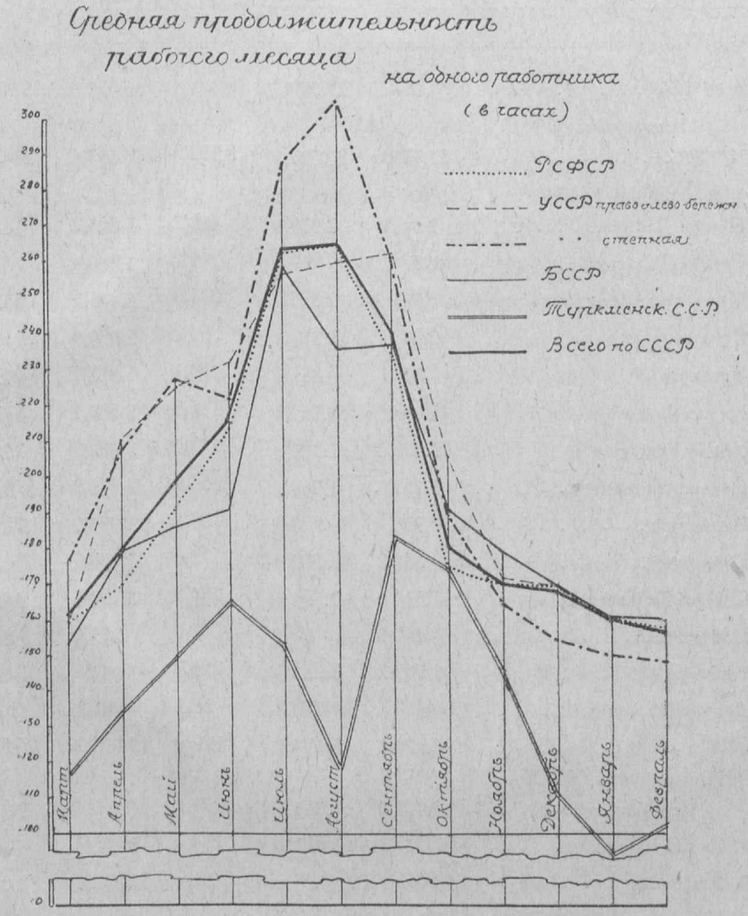


Диаграмма 2

ность не только анализировать состояние использования рабочего времени в крестьянском хозяйстве, но и учитывая все намечающиеся изменения в сельском хозяйстве и во всем народном хозяйстве, осветить перспективы использования труда в крестьянском хозяйстве, что сделано в пятилетнем плане (см. С. Г. Струмилин. «Социальные проблемы пятилетки» изд. «Плановое Хозяйство» 1929 г.).

При перспективном планировании в этой части должны быть в дальнейшем учтены сезонные колебания в затратах труда и намечены соответствующие мероприятия.

Баланс рабочего времени в крестьянском хозяйстве по полу и возрасту[1] (по данным бюджетного обследования 1925/26 г.)

Таблица 1

Наименование районов	В тысячах работников в переводе на взрослого мужчину									
	Запас рабочего времени									
	Членов семьи				Постоянных рабо наемных чих		Поденных рабочих				Всего			
	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Всего по СССР	31.863,2	29.599,4	4.617,3	66.079,9	577,5	571,5	35,2	1.184,2	807,4	813,7	42,3	1.663,4	33.248,1	30.984,6	4.694,8	68.927,5
В том числе:																
По РСФСР	21.779,6	20.625,5	3.192,3	45.597,4	254,6	264,2	11,4	530,2	483,5	505,6	21,5	1.010,6	22.517,7	21.395,3	3.225,2	47.138,2
По районам РСФСР:																
1. Центр.-Черноозем.	2.541,4	2.379,6	403,2	5.324,2	14,0	15,9	0,6	30,5	33,9	38,5	1,4	73,8	2.589,3	2.434,0	405,2	5.428,5
2. Рязано-Тульский	876,2	860,3	149,9	1.886,4	5,3	5,0	0,2	10,5	18,3	17,3	0,6	36,2	899,8	882,6	150,7	1.933,1
3. Московско-Промышленный	2.691,7	2.878,5	371,0	5.941,2	25,5	29,7	1,3	56.5	48,2	56,3	2,5	107,0	2.765,4	2.964,5	374,8	6.104,7
4. Средне-Волжск.	2 363,7	2.312,9	354 2	5.030,8	11,2	10,9	0,4	22,5	43,2	41,7	1,7	86,6	2.418,1	2.365,5	356,3	5.139,9
5. Вятский	847,8	861,0	110,1	1.818,9	7,1	9,4	0,3	16,8	17,5	23,2	0,9	41,6	872,4	893,6	111,3	1.877,3
6. Нижне-Волжский	1.243,5	1.157,4	188,8	2.589,7	17,6	17,3	1,0	35,9	27,0	26,6	1,5	55,1	1.288,1	1.201,3	191,3	2.680,7
7. Уральская область	1.429,4	1.384,9	188,6	3.002,9	25,6	26,1	0,9	52,6	61,8	63,1	2,3	127,2	1.516,8	1.474,1	191,8	3.182,7
8. Северо Западный	1.152,4	1.068,7	154,8	2.375,9	8,4	9,5	0,3	18,2	23,6	26,5	1,0	51,1	1.184,4	1.104,7	156,1	2.445,2
9. Западный	955,1	900,3	137,6	1.993,0	13.2	14,3	0,8	28,3	18,3	19,7	1,1	39,1	986,6	934,3	139,5	2.060,4
10. Северный	555,9	550,8	73,8	1.180,5	4,8	5,7	0,2	10,7	8,4	10,0	0,3	18,7	569,1	566,5	74,3	1.209,9
11. Северо-Кавказский	1.819,0	1.596,2	284,9	3.700,1	47,1	45,2	1,4	93,7	59,3	56,9	1,8	118,0	1.925,4	1.698,3	288,1	3.911.8
12. Крымский	110,6	90,7	13,7	215,0	3,1	2,8	0,1	6 0	5,8	5,4	0,2	11,4	119,5	98,9	14,0	232,4
13. Сибирский	1.989,2	1.658,5	296,8	3.944,5	31,0	31,5	1,6	64,1	46,8	47,5	2,4	96,7	2.067,0	1.737,5	300,8	4.105,3
14. Дальне-Восточный	410,8	280,8	55,5	747,1	8,1	7,0	0,8	15,9	9,4	8,1	1,0	18,5	428,3	295,9	57,3	781,5
По УССР	6.420,0	5.694,7	922,4	13.037,1	264,9	251,0	20,0	535,9	250,9	237,2	16,8	504,9	6.935,8	6.182,9	959,2	14.077,9
По п/районам УССР																
I. Лево и Правобережный п/район: 1. Правобережный	2.071,6	1.851,0	277,1	4.199,7	94,7	81,9	7,4	184,0	72,4	62,5	5,6	140,5	2.238,7	1.995,4	290,1	4.524,2
I. Лево и Правобережный п/район: 2. Левобережный	1.628,7	1.411.2	228,4	3.268,3	82,5	85,9	5,9	174,3	64,0	66,8	4,6	135,4	1.775,2	1.563,9	238,9	3.578,0
I. Лево и Правобережный п/район: 3. Полесье	673,1	608,1	91,9	1.373,1	21,4	20,1	1,1	42,6	54,7	51,5	2,7	108,9	749,2	679,7	95,7	1.524,6
I. Лево и Правобережный п/район: Итого по Лево-и Правобережному	4.373,4	3.870,3	597,4	8.841,1	198,6	187,9	14,4	400,9	191,1	180,8	12,9	384,8	4.763,1	4.239,0	624,7	9.626,8
II. Южностепной п/район: 1. Степной	1.203,8	1.079,6	189,8	2.473,2	52,8	49,4	5,0	107,2	27,1	25,4	2,6	55,1	1.283,7	1.154,4	197,4	2.635,5
II. Южностепной п/район: 2. Днепропетровский.	509,1	465,5	83,2	1.057,8	12,3	12,8	0,6	25,7	18,8	19,6	0,9	39,3	540,2	497,9	84,7	1.122,8
II. Южностепной п/район: 3. Сталинский	333,7	279,3	52,0	665,0	1,2	0,9	0,0	2,1	13,9	11,4	0,4	25,7	348,8	291,6	52,4	692,8
II. Южностепной п/район: Итого по Юж.-Степному	2.046.6	1.824,4	325,0	4.196,0	66,3	63,1	5,6	135,0	59,8	56,4	3,9	120,1	2.172,7	1.943,9	334,5	4.451,1
По БССР	1.107,9	976,0	147,4	2.231,3	14,1	13,7	1,2	29,0	8,4	8,1	0,7	17,2	1.130,4	997,8	149,3	2.277,5
По Турк.ССР	280,4	189,5	25,5	495,4	2,7	1,8	0,1	4,6	6,9	4,7	0,3	11,9	290,0	196,0	25,9	511,9

[1] Данные крестьянских бюджетов, которые легли в основу исчисления, получены от ЦСУР СФСР по районам РСФСР, а остальные республики ЦСУ СССР.

Продолжение таблицы 1

Наименование районов	В тысячах работников							
	Расход рабочего времени [1]				Остаток неиспользованного времени			
	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего
18	19	20	21	22	23	24	25	26
Всего по СССР	27.521,1	28.256,2	1.441,8	57.219,1	5.727,0	2.728,4	3.253,0	11.708,4
В том числе:								
По РСФСР	18.270,8	19.396,5	814,0	38.481,3	4.246,9	1.998,8	2.411,2	8.656,9
По районам РСФСР:								
1. Центр.-Черноземн.	1.818,1	2.064,2	74,5	3.956,8	771,2	369,8	330,7	1.471,7
2. Рязано-Тульский	709,6	666,5	22,9	1.399,0	190,2	216,1	127,8	534,1
3. Московско-Пром.	2.425,6	2.829,1	123,9	5.378,6	339,8	135,4	250,9	726,1
4. Средне-Волжский	1.776,8	1.719,8	66,4	3.563,0	641,3	645,7	289,9	1.576,9
5. Вятский	715,4	943,8	35,1	1.694,3	157,0	— 50,2	76,2	183,0
6. Нижне-Волжский	988,1	971,5	56,9	2.016,5	300,0	229,8	134,4	664,2
7. Уральская обл.	1.245,5	1.273,6	46,4	2.565,5	271,3	200,5	145,4	617,2
8. Северо-Западный	1.052,6	1.181,2	42,7	2.276,5	131,8	— 76,5	113,4	168,7
9. Западный	854,6	922,4	50,6	1.827,6	132,0	11,9	88,9	232,8
10. Северный	525,4	622,7	19,7	1.167,8	43,7	— 56,2	54,6	42,1
11. Северо-Кавказск.	1.777,6	1.700,9	52,3	3.530,8	147,8	— 2,6	235,8	381,0
12. Крымский	72,1	67,1	3,0	142,2	47,4	31,8	11,0	90,2
13. Сибирский	1.670,8	1.691,9	85,1	3.447,8	396,2	45,6	215,7	657,5
14. Дальне-Восточный	295,6	254,5	30,1	580,2	132,7	41,4	27,2	201,3
По УССР	6.186,1	5.834,2	440,5	12.460,8	749,7	348,7	518,7	1.617,1
По п/районам УССР:								
I. Лево- и Право-бережн. п/район: 1. Правобережный	1.994,4	1.720,5	155,8	3.870,7	244,3	274,9	134,3	653,5
2. Левобережный	1.608,7	1.679,0	114,5	3.402,2	166,5	— 115,1	124,4	175,8
3. Полесье	654,2	615,8	33,2	1.303,2	95,0	63,9	62,5	221,4
Итого по Лево- и Правобережн.	4.257,3	4.015,3	303,5	8.576,1	505,8	223,7	321,2	1.050,7
II. Южно-Степной п/район: 1. Степной	1.125,4	1.053,5	106,3	2.285,2	158,3	100,9	91,1	350,3
2. Днепропетров.	484,1	503,6	22,1	1.009,8	56,1	— 5,7	62,6	113,0
3. Сталинский	319,3	261,8	8,6	589,7	29,5	29,8	43,8	103,1
Итого по Южно-Степному	1.928,8	1.818,9	137,0	3.884,7	243,9	125,0	197,5	566,4
По БССР	917,3	885,6	75,1	1.878,0	213,1	112,2	74,2	399,5
По Турк.ССР	181,7	122,2	9,2	313,1	108,3	73,8	16,7	198,8

[1] Вместе с праздниками.

в переводе на взрослого мужчину							Неиспользованная рабочая сила в рабочем возрасте в тыс. чел.				
Неиспользованное время детей, подростков и стариков				Остаток времени взрослых рабочих			Мужчин			Женщин	Всего
							16—17 лет	18—60 лет	Всего		
М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Всего					
27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
815,9	460,8	3.253,0	4.529,7	4.911,1	2.267,6	7.178,7	511,9	4.501,9	5.013,8	2.834,8	7.848,6
611,3	348,6	2.411,2	3.371,1	3.635,6	1.650,2	5.285,8	383,9	3.328,7	3.712,6	2.063,0	5.775,6
117,2	65,8	330,7	513,7	654,0	304,0	958,0	72,0	596,4	668,4	380,0	1.048,4
31,2	42,1	127,8	201,1	159,0	174,0	333,0	18,6	144,1	162,7	217,5	380,2
53,3	28,6	250,9	332,8	286,5	106,8	393,3	30,1	262,4	292,5	133,5	426,0
89,8	109,1	289,9	488,8	551,5	536,6	1.088,1	58,6	504,6	563,2	670,8	1.234,0
22,9	— 8,9	76,2	90,2	134,1	— 41,3	92,8	13,3	123,5	136,8	— 51,6	85,2
41,7	39,1	134,4	215,2	258,3	190,7	449,0	26,8	236,9	263,7	238,4	502,1
35,5	33,1	145,4	214,0	235,8	167,4	403,2	23 9	216,7	240,6	209,3	449,9
19,9	— 14,6	113,4	118,7	111,9	— 61,9	50,0	10,8	103,3	114,1	— 77,4	36,7
19,3	2,0	88,9	110,2	112,7	9,9	122,6	11,8	103,3	115,1	12,4	127,5
5,2	— 10,1	54,6	49,7	38,5	— 46,1	— 7,6	3,8	35,5	39,3	— 57,6	— 18,3
19,5	— 0,4	235,8	254,9	128,3	— 2,2	126,1	14,4	116,8	131,2	— 2,8	128,4
5,1	4,4	11,0	20,5	42,3	27,4	69,7	4,0	39,1	43,1	34,3	77,4
55,5	6,9	215,7	278,1	340,7	38,7	379,4	36,1	311,8	347,9	48,4	396,3
16,9	6,8	27,2	50,9	115,8	34,6	150,4	10,5	107,4	117,9	43,3	161,2
104,0	52,4	518,7	675,1	645,7	296,3	942,0	66,9	592,3	659,2	370,4	1.029,6
32,5	43,7	134,3	210,5	211,8	231,2	443,0	20,4	195,5	215,9	289,0	504,9
24,3	— 19,5	124,4	129,2	142,2	— 95,6	46,6	14,8	130,4	145,2	—119,5	25,7
16,2	8,5	62,5	87,2	78,8	55,4	134,2	8,0	72,4	80,4	69,3	149,7
73,0	32,7	321,2	426,9	432,8	191,0	623,8	43,2	398,3	441,5	238,8	680,3
20,1	15,7	91,1	126,9	138,2	85,2	223,4	15,0	126,2	141,2	106,5	247,7
7,1	— 0,9	62,6	68,8	49,0	— 4,8	44,2	5,9	44,3	50,2	— 6,0	44,2
3,8	4,9	43,8	52,5	25,7	24,9	50,6	2,8	23,5	26,3	31,1	57,4
31,0	19,7	197,5	248,2	212,9	105,3	318,2	23,7	194,0	217,7	131,6	349,3
30,9	17,5	74,2	122,6	182,2	94,7	276,9	19,6	166,5	186,1	118,4	304,5
11,4	9,3	16,7	37,4	96,9	64,5	161,4	5,0	92,9	97,9	80,6	178,5

Таблица 2

Затраты времени в крестьянском хозяйстве (в млн час.) по месяцам

(по данным бюджетного обследования 1925/26 г.).

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Всего
По СССР всего затрачено времени	10.724	12.240	13.745	15.001	18 597	19.367	17.173	12.369	11.494	11.316	10.752	10.551	163.329
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	5.504	7.020	8.524	9.781	13.377	14.147	11.953	7.149	6.274	6.096	5.532	5.331	100.688
из них: на полеводство	276	1.903	3.147	3.510	5.136	8.604	6.663	2.015	836	405	101	87	32.683
По республикам													
По РСФСР всего затрачено времени	7.380	7.950	9.081	10.152	12.650	13.302	11.433	8.176	7.902	7.850	7.462	7.317	110.655
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	3.887	4.457	5.588	6.659	9.156	9.808	7.939	4.683	4.409	4.357	3.969	3.824	68 736
из них: на полеводство	117	1.095	2.181	2.466	3 186	6.225	4.569	1.269	510	230	51	43	21.942
По УССР всего затрачено времени	2.176	2.940	3.180	3.256	3.945	4.078	3.870	2.780	2.289	2.223	2.110	2.064	34.911
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	1.010	1.774	2.014	2.089	2.779	2.911	2.704	1.614	1.122	1.056	943	897	20.913
из них: на полеводство	126	561	603	667	1.406	1.526	1.339	440	151	102	38	32	6.991
По подрайонам УССР													
1. Правобережн. п/район: всего затрачено времени	613	933	1.050	1.081	1.217	1.202	1.286	887	667	664	623	616	10.839
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	268	588	705	736	872	857	941	542	322	319	278	271	6.699
из них: на полеводство	23	178	228	245	434	387	437	137	45	39	23	19	2.195
2. Левобережн. п/район: всего затрачено времени	570	796	842	891	1.037	1.116	1.061	776	647	614	597	580	9.527
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	243	469	516	564	710	790	734	449	320	287	271	253	5.606
из них: на полеводство	6	147	132	177	348	407	370	126	35	19	5	8	1.780
По БССР всего затрачено времени	343	406	424	435	594	544	547	437	407	379	366	365	5.247
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	191	254	272	283	442	392	394	285	254	227	213	213	3.420
из них: на полеводство	4	96	114	93	150	223	236	119	88	33	3	1	1.166
По ТуркСССР всего затрачено времени	59	69	77	87	79	61	97	92	76	56	48	52	853
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	23	34	42	52	44	25	62	57	41	21	12	16	429
из них: на полеводство	9	15	25	33	28	10	43	42	27	10	3	5	250

Таблица 3

Средняя продолжительность рабочего месяца на одного работника 1925/26 г.

(в часах)

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Итого проработано одним работником за год
1. Центр.-Черноземный	138,8	169,6	165,0	198,7	200,7	250,2	230,2	157,7	147,1	145,3	141,7	137,3	2.082,3
2. Рязано-Тульский	140,6	172,4	174,9	189,2	215,3	264,0	201,7	146,2	153,5	141,5	130,3	133,4	2.063,0
3. Московско-Промышленный	176,8	176,9	210,9	221,4	308,3	288,6	262,6	190,4	183,7	180,0	177,4	174,0	2.551,0
4. Средне-Волжский	132,8	143,3	156,1	187,9	226,8	237,6	195,7	132,7	140,9	145,8	139,1	136,1	1 974,8
5. Вятский	160,1	163,2	212,8	260,8	298,4	268,0	239,4	219,9	201,8	201,1	173,9	173,7	2.573,1
6. Нижне-Волжский	144,8	173,5	164,6	214,0	232,5	273,1	216,2	144,6	140,0	145,2	145,2	142,9	2.136,6
7. Уральский	150,8	148,0	181,6	193,6	240,2	238,8	203,7	189,7	195,7	180,7	157,8	234,4	2.315,0
8. Северо-Западный (Ленингр.-Карельски)	185,9	181,9	241,4	246,7	348,1	282,1	286,4	208,5	192,0	201,8	191,6	182,3	2.748,7
9. Западный	166,2	182,0	225,8	227,3	294,0	277,7	273,3	210,1	190,3	190,6	180,3	174,3	2.591,9
10. Северный	204,0	168,3	219,2	236,5	326,5	318,9	271,6	220,6	213,0	218,8	202,6	210,1	2.810,1
11. Северо-Кавказский	191,0	205,4	219,3	229,3	265,7	280,1	249,7	181,3	170,0	175,5	184,5	179,5	2.531,3
12. Крымский	152,1	129,5	164,7	164,5	238,4	201,9	136,6	103,5	100,0	121,2	115,2	104,8	1.732,4
13. Сибирский	167,3	171,2	190,6	213,9	286,4	274,5	228,3	178,1	184,5	182,2	162,9	161,6	2.401,5
14. Дальне-Восточный	154,2	159,3	161,3	170,9	211,9	199,0	203,6	169,7	171,9	173,5	173,9	169,6	2.118,8
Итого по РСФСР	160,4	170,3	191,6	212,8	262,4	265,6	234,3	175,2	170,8	170,4	162,4	159,3	2.335,5
УССР													
Право- и Левобережная	155,9	209,9	225,9	231,7	257,5	260,1	262,4	206,1	171,8	169,7	160,9	157,2	2.469,1
Степная	176,4	207,8	226,6	221,8	288,1	305,1	260,8	190,2	164,5	155,8	151,0	149,0	2.497,1
БССР	152,6	178,2	186,2	190,7	260,4	235,6	236,5	191,7	178,9	167,8	162,2	162,2	2.303,0
Туркменская ССР	116,7	135,4	149,8	166,5	153,7	120,0	184,1	175,8	147,0	112,1	95,2	103,5	1.659,8
Всего по СССР	160,1	178,9	198,7	215,2	262,6	265,6	240,3	181,4	170,5	168,6	160,7	157,8	2.360,4

Таблица 4

Средняя продолжительность рабочего дня в сельском хозяйстве на одного работника по месяцам 1925/26 г.

(в часах)

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Средняя годовая
1. Центр.-Черноземный	6,4	9,0	7,1	9,9	8,4	11,6	9,8	6,1	6,2	5,6	6,8	5,7	7,6
2. Рязано-Тульский	6,5	9,1	7,6	9,5	9,0	12,3	8,6	5,6	6,4	5,5	6,2	5,5	7,6
3. Московско-Промышленный	7,9	9,3	9,1	10,7	12,6	12,9	11,0	7,4	7,6	7,0	8,3	7,3	9,2
4. Средне-Волжский	6,2	7,3	6,8	9,0	10,4	10,6	8,4	5,1	5,9	5,7	7,0	5,7	7,2
5. Вятский	7,5	8,3	9,2	12,5	13,6	12,0	10,2	8,5	8,5	7,8	8,8	7,2	9,4
6. Нижне-Волжский	6,8	8,8	7,1	10,3	10,6	12,2	9,2	5,6	5,9	5,6	7,3	5,9	7,8
7. Уральская область	7,0	7,5	8,2	9,7	12,4	11,3	8,7	7,3	8,2	7,1	7,6	9,8	8,7
8. Северо-Западный (Ленингр.-Карельский)	8,3	9,6	11,2	11,6	13,0	11,7	11,0	8,0	7,9	7,8	8,9	7,6	9,7
9. Западный	7,6	9,8	9,7	11,4	11,7	11,4	11,0	8,1	8,0	7,4	8,5	7,3	9,3
10. Северный	9,0	8,4	9,8	12,0	13,6	13,1	11,4	8,5	8,8	8,5	9,5	8,8	10,1
11. Северо-Кавказский	9,3	11,0	9,5	11,4	11,6	12,6	10,8	7,0	7,2	6,9	9,3	7,5	9,4
12. Крымский	7,2	6,8	7,2	8,2	10,1	8,9	5,8	4,0	4,2	4,7	5,6	4,5	6,4
13. Сибирский	7,8	8,7	8,6	10,6	12,2	11,7	9,8	6,9	7,8	7,1	7,9	6,7	8,8
14. Дальне-Восточный	7,3	8,4	7,0	8,5	9,0	8,8	8,7	6,5	7,3	6,7	8,5	7,3	7,8
Итого по РСФСР	7,6	9,0	8,3	10,6	11,2	11,7	10,0	6,7	7,2	6,6	7,9	6,9	8,6
УССР													
Право- и Левобережная	8,3	10,9	9,9	11,8	11,2	11,9	11,2	8,0	7,4	6,6	8,5	6,5	9,3
Степная	9,4	11,3	9,8	10,9	12,3	13,4	11,1	7,4	7,0	6,1	8,0	6,2	9,3
БССР	6,9	9,6	8,0	9,3	10,3	9,7	9,5	7,4	7,5	6,5	7,7	6,8	8,2
Туркменская ССР	5,5	7,1	6,5	8,3	6,5	5,3	7,9	6,7	6,2	4,3	4,6	4,5	6,1
Всего по СССР	7,6	9,4	8,6	10,7	11,2	11,8	10,3	7,0	7,2	6,5	7,8	6,8	8,7

Примечание. Средняя продолжительность рабочего дня по месяцам получена следующим образом: затрата времени в часах для каждого месяца делилась на число работников (членов семьи и наемных рабочих) в соответствующем месяце и полученная продолжительность рабочего месяца делилась на число рабочих дней в месяце, принятых при подсчетах по материалам 1924/25 г.

В бюджетах распределена по месяцам только часть затрат, остальные затраты (примерно, 35% — главным образом, затраты на домашнее хозяйство) распределены нами по месяцам поровну.

Число работников в каждом месяце получено следующим образом: число работников членов семьи взято одинаковое в каждом месяце, постоянные наемные рабочие распределены по месяцам, пропорционально учтенным в бюджетах общим затратам по месяцам, а поденные наемные рабочие распределены по месяцам, пропорционально затратам на полеводство.

Таблица 5

Процентное распределение затрат времени в крестьянском хозяйстве по отдельным видам работ

(по данным бюджетного обследования 1925/26 г.)

Наименование республик	Всего затрачено рабочего времени	В том числе по основным видам работ																																
		Работа в сельском хозяйстве																	Домашнее хозяйство			Работа вне своего сельского хозяйства												
			в том числе																	в том числе			в том числе												
				Полеводство									Животноводство											работа по найму вне с. х.				Прочие самостоятел. промысла							
					в том числе									в том числе										в том числе					в том числе							
		Всего	Всего	зерновые хлеба	прядильные	корне-клубне-плоды	трансеяние	Огород	Бахча	Сад	Виноград	Пчеловодство	Сенокос	Всего	Скотоводство	Птицеводство	Возведение и ремонт построек	Изготовление и ремонт инвентаря	Лесное хозяйство	Рыболовство	Охота	Всего	Переработка продуктов для домашних надобностей	Домашнее хозяйство	Всего	Всего	Работа на фабриках и заводах	Служба в учреждениях	Поденные и сдельные работы в чужом с.-х. хозяйстве	Работа со своим инвент. и скотом в чужом сельском хозяйстве	Всего	Извоз	Прочие самостоятельные промысла	Ремесленно-кустарные производства	Торговля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	38	33	34	35	36
по СССР	100,0	47,8	20,0	12,9	1,9	2,6	0,3	1,5	0,4	0,2	0,1	0,2	3,2	21,9	21,0	0,9	1,6	0,5	1,9	0,2	0,0	29,3	5,6	23,7	12,8	4,4	2,0	2,4	1,4	1,3	4,6	1,9	2,7	0,9	0,1
в том числе:																																			
РСФСР	100,0	46,8	19,8	12,6	1,9	2,2	0,3	1,5	0,4	0,2	0,1	0,3	4,0	20,5	19,6	0,9	1,6	0,5	2 3	0,2	—	29,2	5,5	23,7	13,7	5,0	2,4	2,6	1,3	1,2	4,9	1,9	3,0	1,1	—
УССР	100,0	49,6	20,2	14,0	1,3	3,7	0,1	1,7	0,6	0,3	0,2	0,1	0,8	25,7	24,8	0,9	1,6	0,3	0,8	0,0	—	29,9	5,4	24,5	11,1	3,1	1,1	2,0	1,7	2,0	3,7	1,7	2,0	0,5	0,1
БССР	100,0	56,2	22,2	14,7	2,3	4,6	0,5	1,0	—	0,1	—	—	3,6	29,3	28,4	0,9	1,0	0,6	3,3	0,2	—	27,2	8,2	19,0	6,6	0,6	0,2	0,4	0,8	0,4	4,8	1,2	3,6	—	—
ТуркССР	100,0	47,3	29,4	8,6	18,7	—	1,5	2,7	1,0	0,0	0,1	—	—	13,2	13,2	—	1,0	—	—	—	—	32,8	6,1	26,7	3,5	0,3	—	0,3	1,4	0,1	0,2	0,2	—	1,5	—

Примечание. Нисхождение некоторых частных итогов и общего итога затрат времени с суммой отдельных затрат, входящих в эти итоги, об'ясняется тем, что некоторые мелкие работы в таблице не названы.

Затраты рабочего времени в часах в среднем

Таблица 6

на одного работника 1925/26 г.

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНОВ	Всего затрачено рабочего времени	в том числе по отдельным видам работ														
		Работа в сельском хозяйстве														
		Всего	Полеводство										Животноводство			
			Всего на полеводство	В том числе									Всего	В том числе		
				Зерновые хлеба	Прядильные	Корне-клубне-плоды	Травосеяние	Огород	Бахча	Сад	Виноград	Пчеловодство	Сенокос		Скотоводство	Птицеводство
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Центр.-Черноземный . .	2.131,9	987,5	442,5	293,4	48,8	70,9	2,1	26,8	6,3	9,0	—	2,9	15,5	484,5	456,3	28,2
2. Рязано-Тульский	2.127,5	999,8	412,3	278,8	38,9	55,5	2,4	13,7	—	2,7	—	—	56,0	515,1	491,6	23,5
3. Моск.-Промышленн. . .	2.633,1	1.227,8	520,1	301,5	81,6	106,2	26,9	39,1	—	5,4	—	5,2	138,7	519,3	497,1	22,2
4. Средне-Волжский	2.027,9	931,1	454,3	348,9	38,9	46,3	0,1	28,4	10,5	4,0	—	4,9	52,1	376,9	359,6	17,3
5. Вятский	2.667,1	1.266,9	563,0	438,9	69,0	45,8	8,9	61,7	—	2,8	—	4.3	127.8	507,3	490,5	16,8
6. Нижне-Волжский	2.229,5	1.212,4	516,3	417,1	13,5	40,1	0,1	35,2	32,4	13,5	—	—	77,9	537,1	512,8	24 3
7. Уральский	2.387,1	1.106,8	462,1	382,6	48,2	26,3	5,0	18,3	0,5	1,2	—	2,9	152,3	468,4	445,2	23,2
8. Ленингр.-Карельский . .	2.839,0	1.161,1	471,8	295,8	68,9	86,9	18,9	43,6	—	2,6	—	1,9	173,6	467,6	449,9	17,7
9. Западный	2.733,1	1.285,7	497,5	276,5	96,8	102,2	14,7	26,1	—	1,6	—	1,6	90,7	668,2	648,2	20,0
10. Северный	2.887,5	1.302,7	522,1	401,4	69,2	38,6	5,3	28,1	—	1,0	—	0,2	250,3	500,8	492,9	7,9
11. Северо-Кавказский . . .	2.696,3	1.298,7	524,5	396,7	18,5	15,0	2,0	47,0	44,4	2,1	28,9	25,2	44.8	581,8	541,8	40,0
12. Крымский	1.891,0	822,5	381,7	212,1	0,4	1,4	—	31,1	41,7	47,2	51,1	0,3	19,3	250,1	239,2	10,9
13. Сибирский	2.511,1	1.172,0	466,4	нет сведений				69,3	1,4	—	—	5,6	141,0	488,3	462,3	26,0
14. Дальне-Восточный . . .	2.220,6	1.049,5	356,4	274,0	14,5	15,0	3,6	88,0		2,0	—	0,4	128,4	474,3	454,2	20,1
Итого по РСФСР . . .	2.427,0	1.136,0	481,0	338,0	51,0	60,0	8,0	37.0	9,0	4,0	3,0	5,0	98,0	498,0	474,0	24,0
1. Правобережная лесостепь	2 581,0	1.285,7	522,8	350,6	19,9	146,8	3,5	51,9	3,4	10,5	—	3,9	17,5	675,6	652,8	22,8
2. Левобережная лесостепь	2.915,1	1.446,0	544,5	327,0	54,0	112,2	5,5	46,6	19,5	6,1	—	2,1	23,4	803.8	775,7	28,1
3. Полесье	2.657,8	1.345,2	573,3	343,8	79,0	119,2	5,1	31,3	1,8	7,6	4,6	18,5	57,2	650.8	634,3	16,5
4. Сталинский подрайон . .	2.487,0	1.353,5	642,8	558,9	6,7	36,4	—	51,2	26,9	4,6	—	11,1	4,3	612,6	592,3	20,3
5. Степной „ . .	2.591,4	1.269,1	510,6	411,6	15,1	21,6	1,7	45,3	24,7	9,4	20,8	0,1	5,8	652,4	621,2	31,2
6. Днепропетровск. подрайон	2.677,2	1.231,0	558,6	443,1	35,7	52,5	1,3	44,2	40,0	15,6	5,9	1,4	16,6	548,7	531,3	17,4
Итого по УССР . . .	2.678,0	1.328,0	540,0	374,0	34,0	98,0	3,0	47,0	16,0	9,0	5,0	4,0	20,0	687,0	662,0	25,0
БССР . . .	2.352,0	1.321,0	523,0	345,0	53,0	108,0	13,0	24,0	—	2,0	—	—	83,0	689,0	668,0	21.0
Туркменская ССР . . .	1.721,0	813,0	504,0	148,0	321,0	—	26,0	46,0	18,0	2,0	2,0	—	—	227,0	227,0	—
Всего по СССР . . .	2.472,0	1.181,0	495,0	341,0	49,0	69,0	7,0	39,0	10,0	5,0	3,0	5,0	80,0	543,0	519,0	24,0

Продолжение табл. 6

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНОВ	В том числе по отдельным видам работ										Работа вне своего сельского хозяйства										
	Возведение и капитальный ремонт построек	Весь текущий ремонт построек	Изготовление и капитальный ремонт инвентаря	Весь текущий ремонт инвентаря	Лесное хозяйство	Рыболовство	Охота	Домашн. хозяйство: Всего	Домашн. хозяйство: В том числе: Переработка продукт. для домашн. надобност.	Домашн. хозяйство: В том числе: Домашнее хозяйство	Всего	Работа по найму вне с. х.: Всего	Работа по найму вне с. х.: В том числе: Работа на фабр. и заводах по найму	Работа по найму вне с. х.: В том числе: Служба в учреждениях	Поденные и сдельные работы в чужом сельском хозяйстве	Работа со своим инвентар. и скотом в чужом сельск. хоз.	Проч. самостоятельн. промыслы: Всего	Проч. самостоятельн. промыслы: В том числе: И воз	Проч. самостоятельн. промыслы: В том числе: Прочие самостоятельные занятия	Ремесленно-кустарное производство	Торговля
18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
1. Центр.-Черноземный .	16,7	8,6	1,5	4,7	9,1	1,5	0,1	739,3	176,5	562,8	278,6	101,4	34,6	66,8	20,4	18,3	90,3	20,8	69,5	43,8	—
2. Рязано-Тульский . . .	17,2	3,0	0,5	3,7	24,3	2,2	1,4	555,4	112,1	443,3	419,9	194,2	78,7	115,5	33,2	23,3	161,3	18,5	142,8	7,8	—
3. Моск.-Промышленн. . .	38,7	11,2	1,4	3,8	68,6	1,1	1,4	640,7	72,6	568,1	490,3	218,2	134,3	83,9	35.8	22,3	152,5	97,5	55,0	45,5	5,6
4. Средне-Волжский . . .	17,3	7,2	1,4	6,1	41,1	1,5	0,1	625,8	148,0	477,8	303.6	86,1	51,3	34,8	29,1	27,1	122,6	28,4	94,2	32,0	—
5. Вятский	40,1	13,5	6,0	12,0	55,2	7,5	—	753,9	219,3	534,6	299,3	97,6	39,9	57,7	13,3	42,3	138,4	39,7	98,7	5,9	—
6. Нижне-Волжский . . .	20,6	5,2	1,3	10,9	9,6	5,1	1,9	684,5	127,0	557,5	159,1	31,6	5,0	26,6	27,9	70,7	51,8	27,9	23,9	6,6	—
7. Уральский	32,8	8,5	4,7	8,7	70,4	7,0	1,5	686,5	128,3	558,2	428,4	94,6	33,8	60,8	33,4	43,6	105,8	58,4	47,4	50,5	0,5
8. Ленингр.-Карельский .	34,3	9,8	12,4	8,4	102,4	34,9	1,1	802,4	159,0	643,4	509,4	255,7	124,4	131,3	35,1	17,5	190,8	97,0	93,8	2,6	1,7
9. Западный	30,8	11,4	7,5	9,9	63,5	0,3	—	790,5	205,2	585,3	332,4	123,0	61,8	61,2	36,7	11,0	135,1	70,6	64,5	23,3	3,3
10. Северный	44,4	11,3	0,5	16,0	131,5	11,0	2,3	770,9	160,4	610,5	459,2	138,4	75,0	63,4	10,7	16,0	224,3	40,9	183,4	62,8	1,2
11. Северо-Кавказский . .	25,5	24,1	2,9	23,4	22,2	7,2	—	806,5	111,6	694,9	240,3	91,6	47,7	43,9	58,6	43,1	43,6	13,4	30,2	—	3,4
12. Крымский	17,6	9,1	—	3,9	4,9	3,0	0,2	651,3	21,9	629,4	312,3	47,9	4,5	43,4	142,3	45,0	61,2	34,2	27,0	15,9	—
13. Сибирский	29,7	9,3	4,5	7,5	108,4	8,9	4,8	775,0	116,3	658,7	244,7	47,5	3,1	44,4	32,5	35,1	116,4	45,2	71,2	12,4	—
14. Дальне-Восточный . .	21,0	12,1	—	8,1	112,3	—	—	638,6	43,1	595,5	236,6	61,0	8,1	52,9	13,9	35,6	120,7	52,3	68,4	5,4	—
Итого по РСФСР . . .	38,0		12,0		55,0	6,0	1,0	709,0	134,0	575,0	331,0	120,0	57,0	63,0	32,0	29,0	119,0	47,0	72,0	26,0	2,0
1. Правобережн. лесостепь	29,5	12,7	9,6		29,7	0,6	—	728,5	127,7	600,8	310,1	102,0	26,1	75,9	57,1	45,4	102,8	68,1	34,7	2,8	—
2. Левобережная лесостепь	41,1	15,3	9,3		16,1	0,9	1,3	916,5	207,7	708,8	288,4	63,5	16,9	46,6	45,6	44,8	118,6	33,6	85,0	15,9	—
3. Полесье	36,7	12,0	8,8		51,6	0,3	0,3	745,1	173,2	571,9	279,3	101,3	63,8	37,5	42,1	7,3	79,0	22,1	56,9	49,5	—
4. Сталинский подрайон .	23,9	5,0	19,1		26,9	—	—	670,9	58,0	612,9	297,1	41,6	40,9	0,7	7,1	99,1	122,1	63,1	59,0	27,2	—
5. Степной „ .	5,4	18,5	6,5		2,0	3,5	1,5	840,5	86,8	753,7	265,9	61,9	18,6	43,3	40,1	73,8	72,2	35,8	36,4	—	17,9
6. Днепропетр. подрайон	38,9	16,5	8,3		3,8	15,0	0,7	790,4	157,6	632,8	379,0	124,4	50,4	74,0	41,0	91,2	108,3	36,3	72,0	14,1	—
Итого по УССР . . .	43,0		9,0		20,0	2,0	1,0	801,0	144,0	657,0	298,0	83,0	29,0	54,0	46,0	53,0	100,0	46,0	54,0	13,0	3,0
БССР . . .	23,0		15,0		77,0	5,0	—	639,0	193,0	446,0	156,0	14,0	4,0	10,0	18,0	10,0	114,0	29,0	85,0	—	—
Туркменская ССР . . .	18,0		0,1		—	—	0,2	565,0	106,0	459,0	60,0	4,0	—	4 0	24,0	3,0	4,0	4,0	—	25,0	—
Всего по СССР . . .	38,0		11,0		48,0	5,0	1,0	725,0	138,0	587,0	316,0	108,0	49,0	59,0	35,0	33,0	114,0	46,0	68,0	22,0	2,0

Примечание. При вычислении затрат на одного работника приняты во внима ние только работники члены семьи.

Средняя по СССР вычислена по данным только следующих республик: РСФСР, УССР, БССР и ТуркССР, введенных с соответствующим весом.

А. С. Мендельсон

1928/29 хозяйственный год[1]

I

Задача настоящего кон'юнктурного анализа — на основе материалов о развертывании процесса воспроизводства — ответить на вопрос о том, как выполняются задания пятилетнего плана на отрезке 1928/29 г. и выяснить, с чем мы подходим к 1929/30 г. в связи с составлением контрольных цифр. 1929/30 г. в своих основных контурах дан во втором годовом отрезке пятилетнего плана. На основе кон'юнктурного анализа должны быть уточнены очертания хозяйственных перспектив и заданий на предстоящий год. Мы попытаемся охарактеризовать и оценить — в первом приближении — 1928/29 г. в целом, как базу для 1929/30 г.

Огромно количество конкретных данных, которыми характеризуется народнохозяйственное развитие. Поскольку мы ставим вопрос таким образом, что мы должны охарактеризовать движение с точки зрения выполнения задач, поставленных пятилетним планом, это значит — дать ответ на вопрос о том, как выполняются основные установки в области социалистического строительства; нужно дать ответ относительно того, как шло развитие производительных сил, техническая реконструкция, каков был темп и природа индустриализации, как развертывалось обобществление, в чем выразилось перераспределение национального дохода.

Ответ на эти вопросы нужно искать в анализе темпа развития отдельных элементов народного хозяйства, в анализе пропорций, которые сложились в результате определенных темпов развития отдельных элементов, в исследовании того, что представляет собой система народного хозяйства в целом в итоге годового развития по сравнению с тем, что было намечено в контрольных цифрах. Должен быть дан ответ на вопрос о резервах, с которыми мы начали движение в 1928/29 г. и о том, с какими резервами мы подходим к наступающему году, о степени напряжения всей хозяйственной системы, в которой протекает развертывание процесса. Особое значение приобрела на протяжении истекающего года проблема количества и качества в их соотношении.

---

1 Предварительная характеристика на основе кон'юнктурных материалов за 9—10 месяцев.

Своеобразная природа трансформационного процесса с его неизученными законами и закономерностями чрезвычайно затрудняет и оценку темпов и оценку пропорций в развитии отдельных элементов; просчеты в этом отношении имеются на протяжении последних нескольких лет: при переходе к так называемому реконструктивному периоду высказывались соображения относительно того, что прежние темпы развертывания народного хозяйства, в частности промышленности, в дальнейшем не осуществимы; многие с опаской говорили о возможности 20% темпа роста валовой продукции промышленности. Истекшие 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг. доказали, что эти опасения были неосновательны. При конструировании пятилетки оказалось возможным — после тщательного анализа всех условий — наметить более чем двадцатипроцентный годовой темп развертывания продукции промышленности на длительный ряд лет. Вырисовывающиеся более детально контуры 1929/30 г. говорят о значительно более высоком темпе.

Решение проблемы пропорционального развития отдельных элементов, как частей единой системы народного хозяйства, также наталкивается на трудности, являющиеся результатом недостаточной изученности нашего хозяйства и недоучета возможностей, заложенных в системе развивающегося на путях социалистического строительства общества: сколько было разговоров по поводу того, что нехватка — небаланс — стройматериалов не позволят выполнять программу капитального строительства, и на этом основании предлагалось замедлить темп капитального строительства. А между тем, в действительности, план удавалось выполнять — с трудностями, с нажимом, но во все растущем об'еме из года в год.

Есть несколько опорных точек при решении вопроса о темпах. Установка на развитие производительных сил на основе индустриализации и обобществления, установка на то, чтобы догнать и перегнать развитые капиталистические страны диктует необходимость стремления к максимальным темпам, с положительным знаком в одних случаях (продукция, производительность труда и т. п.), с отрицательным знаком в других (цены, издержки производства и т. п.). Лимитирующим моментом являются те возможности развертывания отдельных элементов, которые вскрываются при включении отдельных элементов в систему прочих, составляющих в своей совокупности народное хозяйство в целом. От максимума, который может быть выставлен в качестве желательного на первой стадии проектировки, нужно переходить к оптимуму, который диктуется всем сочетанием отдельных частей в единое целое.

При недостаточно глубоком знании народнохозяйственного процесса, при все новых ситуациях, создающихся в процессе развертывания трансформационного процесса, эмпирически нащупываем мы оптимальные темпы и оптимальные пропорции в соотношении частей. Этим об'ясняется расхождение между плановыми наметками

и фактическим положением вещей, которое имеет место на протяжении последних лет, когда мы имеем развернутый народнохозяйственный план — при сохранении в основном генеральных линий развития и выполнении планов в целом. Лишь при условии, когда мы значительно продвинемся по пути познания механизма народнохозяйственного процесса, можно будет добиться большего совпадения между проектировками-заданиями плана и их выполнением.

II

Прежде чем приступить к анализу и оценке экономических итогов 1928/29 г., нам нужно охарактеризовать — хотя бы в самых общих чертах — социальную обстановку истекшего года.

1928/29 г. прошел под знаком обострения классовой борьбы. Борьба между классами — в условиях переходного периода — ведется по всему фронту экономических, политических и социальных интересов. Обострение ее на протяжении 1928/29 г. было вызвано специфическими условиями. На отдельных перегонах развития борьба заостряется на том или ином об'екте. Специфический об'ект 1928/29 г. — хлеб. Именно хлеб — в обстановке истекающего года — избрала капиталистическая верхушка деревни об'ектом борьбы, считая этот участок наиболее уязвимым. Естественно усиливающиеся — благодаря росту — экспансия и наступление обобществленного сектора столкнулись в этом году с контратакой кулацкой верхушки, пожелавшей использовать выгодную — с ее точки зрения — ситуацию, создавшуюся в результате производственных итогов прошлого года в области зернового хозяйства. Борьбой за хлеб был окрашен 1928/29 г. именно эта борьба заставила пустить в ход те методы общественного воздействия на кулацкие элементы, которые внесли существенно новые моменты в классовые взаимоотношения внутри деревни. Оформление классового сознания — в обстановке заострившейся борьбы — протекало в истекающем году значительно интенсивнее, чем прежде. Обстановка действенной помощи со стороны бедняцких и середняцких элементов в борьбе за хлеб пролетарскому государству способствовала процессу интенсивной диференциации: лицо врага и союзника чётче определилось.

Заострение классовой борьбы имело место и в городе. Одна из форм проявления ее — уклонение частника от уплаты причитавшихся с него налогов и перекочевывание из легальной сферы в нелегальную. Нелегальная спекулянтская деятельность частного капитала в порах обобществленного сектора либо в замкнутом круге частного оборота, временами обособлявшегося от общего оборота, вредительски-дезорганизующе действовала на общий оборот в стране. В перераспределение народного дохода классово-враждебная пролетариату деятельность частного капитала внесла коррективы определенно отрицательного свойства.

III

Процесс расширенного воспроизводства нашел свое выражение в росте производственного аппарата—что особенно важно с точки зрения возможностей, создающихся для дальнейшего развертывания народного хозяйства в следующем году — и в росте продукции различных отраслей.

Продолжалась — в рамках плана — систематически ведущаяся работа по реконструкции энергетической базы. Мощность действующих районных электростанций на I/X-1928 г. была 569 тыс *квт*. Намечено было пустить в текущем году в эксплоатацию новую мощность в 147,5 тыс. *квт*. За первое полугодие вступило в эксплоатацию 83,5 тыс. *квт*, т.-е. 56,6%.

Сведений о расширении и реконструкции основного капитала транспорта в настоящее время нет.

Энергично продолжалась работа в области промышленности. Рост основного капитала промышленности — по данным ЦСУ — за последние четыре года выражается в следующих цифрах: 1924/25 г.— 1,3%; 1925/26 г.—4,5%; 1926/27 г.—9,3%; 1927/28 г.—11,1%. Ассигнованные на капитальное строительство суммы и фактический ход строительства дают все основания считать, что прирост основного капитала промышленности в текущем году составит 12—13%. Некоторой иллюстрацией изменения мощности действовавшего оборудования могут служить данные ВСНХ СССР: за 9 мес. текущего года, по сравнению с 9 мес. прошлого года, действовало доменных печей на 12,4% больше (69,9 и 61,9), мартеновских печей — на 5,8% больше (185,1 и 174,9); врубовых машин по Донуглю за 6 мес.— на 42,7% больше (545 и 382); веретен прядильных в хлопчатобумажной промышленности за 6 месяцев на 6,4% больше (7.140 тыс. и 6.711 тыс.) и т. д. По целому ряду отраслей в 1928/29 г. повысилась нагрузка оборудования по сравнению с 1927/28 г.: по чугуну — на 6,1%; по мартеновскому производству — на 6,5%; по прокату — на 7%; по нефтедобыче — на 4,2%; по лесопильной — на 11,1%, по бумажной — на 20,3% и т. д.

По линии сельского хозяйства на протяжении года включено дополнительно в работу около 7.000 тракторов и, примерно, на 200 млн. руб. сельскохозяйственных машин—на 60 млн. руб. больше, чем в прошлом году. Процесс насыщения сельского хозяйства тракторами и машинами, при значительном улучшении форм их использования, одновременно сопровождался замедлением прироста живой тяговой силы. Рост лошадей был в темпе ниже предшествующих лет. Количество рабочего скота—в силу значительного сокращения рабочих волов — в лучшем случае можно считать стабильным по сравнению с прошлым годом. Вместе с тем, уменьшилась обеспеченность крестьянских хозяйств продуктивным скотом. Одна из существеннейших особенностей в распределении как

живого, так и мертвого инвентаря в этом году — довольно резкое перемещение его в сторону низших слоев деревни и обобществленного сектора.

В области основных фондов 1928/29 г. характеризуется значительным нарастанием их в обобществленном секторе, при одновременном усилении процесса обобществления и сдвигов в размещении фондов в деревне. Расстановка сил на ответственнейшем участке хозяйства—в решающей области владения производственным аппаратом—складывалась благоприятно, позиции социалистического сектора и тяготеющей к нему социально близкой части деревни усилились.

IV

На протяжении года увеличилась численность наемного персонала: за полугодие она дала рост на 8,1%, при увеличении количества промышленных рабочих на 8,9% и железнодорожных на 1,1%. За 9 мес. рост числа промышленных рабочих — при плановом задании в +3,8% — выразился в +6,3% по отношению к среднегодовой 1927/28 г. В аккумулированных итогах за 7, 8 и 9 мес. по отношению к соответственному периоду прошлого года, имеется снижение: +8,3% +7,9% +7,4%; это свидетельствует о том, что директива о приведении в соответствие количества рабочих с потребностями предприятий по ряду отраслей начинает осуществляться.

Установка на индустриализацию находит свое выражение как в общем увеличении числа лиц наемного труда, так и в структурных изменениях: рост численности лиц наемного персонала обгоняет общий рост народонаселения, рост числа промышленных рабочих протекает интенсивнее, чем в других отраслях; внутри промышленности более быстрым темпом растет число рабочих, занятых в отраслях, производящих орудия и средства производства, чем в отраслях, производящих предметы потребления (+10,1% и +4,5%).

Темп роста безработицы резко уступает прошлогоднему: +7,9% с 1/X-28 г. по 1/VII-29 г. против +42,1% с 1/X-27 г. по 1/VII-28 г. в среднем за 9 мес. число состоящих на учете безработных повысилось на 14,5% (по сравнению с +11,5% по контрольным цифрам); при этом наибольший прирост дала группа впервые ищущих труда (+38,5%). Несмотря на рост безработицы и наличие излишней рабочей силы на предприятиях, данные Кон'юнктурного бюро НКТ СССР отмечают недостаток не только квалифицированных, но, местами, и неквалифицированных рабочих; это об'ясняется недостаточной подготовкой в предшествующие годы квалифицированных рабочих, изменением — в результате реконструкции — состава необходимых квалификаций, отчасти также жилищными условиями, мешающими перебрасывать рабочих из одного места в другое.

В области трудовой дисциплины намечается улучшение в последнем квартале, в связи с общественной кампанией по ее повышению и в результате социалистического соревнования.

Рост производительности труда за 9 мес. выразился в 14,7% по отношению к средне-годовой прошлого года и в 16,1% по отношению к соответствующему периоду прошлого года.

Номинальная заработная плата промышленных рабочих повысилась за 9 мес. на 6,9% по отношению к средне-годовой и на 8,8% к соответственному периоду прошлого года.

Источником дополнительных ресурсов на протяжении года являлся продолжающийся переход на 7-часовой рабочий день—вместо 132 тыс. рабочих или 5,8% общего количества на 1/X-28 г. по 1/VII-29 г. 7-часовой рабочий день был введен для 356 тыс. или для 15,4%. Начат переход в ряде предприятий на непрерывную рабочую неделю.

V

На ряду с ростом числа рабочих, при росте производительности труда, на ряду с ростом производственного аппарата, расширенное воспроизводство нашло свое выражение в росте продукции, поступившей в народное хозяйство.

Рост продукции промышленности был результатом как роста действующего капитала, так и более интенсивного и более рационального использования его. Промышленность дала основной прирост продукции в народном хозяйстве: за 10 мес. прирост валовой продукции составляет + 20,6% к средне-годовой прошлого года и + 22,3% к соответствующему периоду прошлого года. Фактический рост продукции за истекший период и условия работы в четвертом квартале—передвижка отпусков на III квартал и повышенный календарный рабочий период (в IV квартале число рабочих дней 78 против 72 в III квартале и 73 во II квартале)— дают основание считать, что задания контрольных цифр будут выполнены с превышением.

Для плавного течения процесса воспроизводства большое значение имеет структура продукции—соотношение между количествами продукции отдельных отраслей. К концу первого полугодия — при движении, близком к заданиям плана по общему об'ему валовой продукции — намечалось значительное отклонение по отдельным отраслям от плановых заданий. К концу III квартала положение выправляется, и в разрезе года фактическая структура продукции не слишком будет разниться от намеченной планом.

Из отдельных отраслей, на которые нужно обратить особое внимание, в связи с отставанием от плана, следует отметить каменноугольную: отставание незначительное — 1,3%— но при напряженности топливного баланса и больших задачах, которые намечаются для этой отрасли на будущий год, должны быть приняты меры к ее подтягиванию. Особого внимания требует химическая промышленность—основная и минеральных удобрений. Серьезно положение пищевой промышленности, особенно ее сахарной ветви, в связи с нехваткой сырья.

С точки зрения темпа роста, мы по линии промышленности имеем вполне удовлетворительный результат. Положительное значение весьма высокого темпа роста промышленной продукции несколько ослабляется отрицательным—с народнохозяйственной точки зрения—явлением ухудшения качества продукции в некоторых отраслях. Ухудшение качества продукции обнаружилось в ряде отраслей вырабатывающих предметы потребления—в текстильной (шерсть), кожевенной, резиновой, обувной. Жалобы на ухудшение качества продукции были и по линии отраслей, вырабатывающих минеральное сырье и средства производства—руда, сел.-хоз. машиностроение и т. д. Причины ухудшения качества: ухудшение сырья (лен), увеличение числа неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих, неправильное применение рационализаторских приемов; в отдельных случаях — попытки за счет ухудшения качества снизить себестоимость. Каковы бы ни были причины, явление ухудшения качества продукции не может быть терпимо, и одной из важнейших задач предстоящего года является перелом в этой области. Невыполнено в размерах, намеченных планом одно из основных заданий плана—по снижению себестоимости; в итоге года снижение себестоимости составит около 4,5—5% вместо намеченных 7%.

С точки зрения темпов, менее благоприятны итоги в области сельского хозяйства. На протяжении 1928/29 г. в хозяйственный оборот поступил — по линии растениеводства — результат производства предшествующего года. На сборе зерновых сказались неблагоприятные метеорологические условия предшествующего года, что —на ряду с активной борьбой против заготовок кулацкой верхушки в деревне — дало общий итог заготовок несколько меньший, чем в прошлом году. Заготовки технических культур дают превышение над прошлым годом по линии: льна — волокна, пеньки, хлопка, махорки, и недосбор—по сравнению с прошлым годом—по линии свеклы и табака. Заготовки продуктов животноводства прошли на значительно повышенном уровне по мясу и кожсырью и менее удовлетворительно по коровьему маслу. Так, заготовки мяса за 9 мес. составили 32,4 тыс. декатонн (58% плана) и на 70% превышают заготовки прошлого года. Крупных кож заготовлено 11,7 млн. шт. (97,6% плана), что составляет + 47,2% к прошлому году. Мелких кож заготовлено 21,2 млн. штук (70,9% плана), что на 22,7% выше прошлого года. Шерсти весовой заготовлено 1,9% тыс. декатонн (42,6% плана), осенней шерсти—797 декатонн (77,7% плана). Заготовки коровьего масла составили 4,9 тыс. декатонн (55% плана) и + 6,3% к прошлому году. Яиц заготовлено 903 тыс. ящиков (43% плана), что составляет 71,8% заготовок прошлого года.

Ценность всех плановых заготовок за весь сел.-хоз. год составила 1.760 млн. руб. против 1.549 млн. руб. в прошлом году, (+ 13,6%), ценность же плановых заготовок за 9 мес. определяется в 1.426 млн. руб., что дает прирост 15,1% против прошлого года.

В области производства по линии сельского хозяйства на 1928/29 г. было запроектировано расширение посевных площадей на

7% и повышение урожайности на 3%. Предварительные итоги в области расширения посевных площадей свидетельствуют о некотором недовыполнении директивы. Общее расширение посевных площадей несколько превышает 5%. Резкое увеличение посевов дал обобществленный сектор: совхозы + 35 — 40%, в колхозах площадь возросла больше, чем в три раза. Меньший рост показывают индивидуальные хозяйства, при снижении посевов верхушечной кулацкой частью деревни и повышении их середняцкими и бедняцкими слоями. Удельный вес обобществленного сектора в сборах зерновых составит около 5% против, примерно, 2,5% в прошлом году. Валовой сбор незерновых культур дает рост: по льну, хлопку картофелю и конопле, при сокращении сбора по свекле. К отрицательным моментам в области производственных итогов в сфере сельского хозяйства должно быть отнесено положение, создавшееся по линии животноводства, как оно рисуется по данным весенней анкеты ЦСУ: при росте числа лошадей, сокращение по всем видам продуктивного скота. Основная причина этого явления — недостаток кормовых ресурсов в целом ряде районов в текущем году, а также определенная тактика верхушечных слоев деревни.

В качестве существеннейшего момента при оценке итогов 1928/29 г. должен быть отмечен совершенно исключительный рост обобществленного сектора. Число колхозов по предварительным данным возрастает на 80—100% по целому ряду районов, при плановой наметке в 17%. При отмеченном выше росте посевных площадей, средний размер посевных площадей на один колхоз повысился — по предварительным расчетам около 72 *га*, при предположениях контрольных цифр—60 *га*.

Контрактация зерновых культур составила свыше 15 млн. *га*, а вместе с контрактацией озимых свыше 21 млн. *га* или около 25% всех зерновых посевов. Контрактация основных технических культур превышает 3,3 млн. *га*. Фактически законтрактованная площадь 1928/29 г. превышает площадь законтрактованную в прошлом году на 55%.

Следующей отраслью, по линии которой находит свое выражение процесс воспроизводства, является строительство. К сожалению, при всей важности своевременной информации о ходе дел в этой области, у нас это дело не налажено и сколько нибудь полных данных, характеризующих положение вещей во всех областях строительства в настоящее время не имеется. По имеющимся отрывочным данным, картина рисуется в следующем виде: можно констатировать, что при общем улучшении с проектированием, мы все же еще имеем в этой области недовыполнение заданий. Сообщения о ходе строительства говорят о целом ряде организационных невязок. Продолжается нехватка стройматериалов, особенно сказывающаяся в коммунальном и индивидуальном строительствах, при лучшей обеспеченности промышленного строительства. Дает себя знать также нехватка квалифицированной рабочей силы. Большая путаница — в отдельных случаях — происходит с отводом участков. Снижения стоимости строительства можно ожидать, главным образом, за счет снижения стоимости проектирования.

Неполные предварительные данные о ходе капитального строительства промышленности дают основание думать, что план будет выполнен. Особое внимание должно быть обращено на задержку в развертывании строительства промышленности стройматериалов, в связи с значением этой отрасли для капитального строительства в будущем году, и каменноугольной промышленности.

В общую массу продукции включается и своеобразная продукция транспорта, значительно возросшая в текущем году по сравнению с прошлым годом и значительно превысившая плановые предположения. С точки зрения народного хозяйства в целом, отрицательным моментом является возрастание пробегов, вызванное увеличившейся дальностью пробегов хлебных грузов, в связи с географией урожая прошлого года. Но этот минус перекрывается увеличением работы транспорта, в связи с увеличением общей товарной массы продукции промышленности и сельского хозяйства и значительно увеличившимся строительством.

По предварительным подсчетам превышение плана за год должно выразиться в 8,2% — перевезено будет вместо 162 млн. тонн 176 млн. тонн при средней дальности пробега в 601 *км* вместо намеченных по плану 590 *км*, что должно дать в итоге 106 мрд. грузовых тоннокилометров против 96 мрд. плана. Прирост пассажирских перевозок составил + 19% в первом полугодии 1928/29 г., по сравнению с первым полугодием 1927/28 г., за весь год превышение плана по пассажирским перевозкам должно выразиться не меньше 14,3%.

В связи с этим, следует ожидать превышение дохода НКПС против сметы на сумму около 200 млн. руб.

Со сложной задачей, поставленной перед транспортом специфической географией урожая прошлого года, он справился.

Развертывание промышленности в рамках плана и даже с некоторым превышением, развертывание сельского хозяйства в темпе несколько отстающем от плана, некоторые невязки в области строительства, при выполнении программы в основной и решающей части капитального строительства, значительный рост работы транспорта, по темпу своему приближающийся к наметкам для второго и даже — по пассажирским перевозкам — к третьему году пятилетки — таковы производственные итоги 1928/29 г. в основных и решающих отраслях.

VI

Производственные итоги, соотношение сил секторов и определенная политика планирующего и регулирующего центра обусловили уровень и соотношения цен—ценностную оболочку, в которой циркулировала продукция различных отраслей в виде товарной массы.

В тесной зависимости от недостаточной продукции хлеба — явление повышения цен на протяжении 1928/29 г. Наибольший рост дали базарные цены на рожь, пшеницу (+161,8 и +66,8%—1928/29 г. к 1927/28 г.). При повышении общеторгового индекса (9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г.) на 5,9%, сел.-хоз. субиндекс дал рост на 13,8%, промышленный на 1,6%.

Повышение цен на предметы широкого потребления и сел.-хоз. сырье сказалось, отчасти, на динамике себестоимости промышленной продукции. Повышение цен в порядке плановых наметок и сверх плана на хлеб, фураж и картофель увеличило рентабельность зернового хозяйства и картофелеводства.

Благодаря повышению сел.-хоз. цен значительно более интенсивному, чем повышение промышленных цен, произошло смещение соотношений в системе цен, „ножницы" значительно сомкнулись: 9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г. дали 122%, в то время, как соответственный период 1927/28 г. к предшествующему давал 131,5%. Большие смещения произошли в соотношении цен в сел.-хоз. группе товаров: эквивалентность технических культур снизилась по отношению к зерновым (свекла, пенька). В ряде районов понизилась рентабельность животноводства, в связи с повышением цен на корма.

Бюджетный индекс дал рост на 7,1% (9 мес. 1928/29 г. к 9 мес. 1927/28 г.).

Резко отличны темпы повышения цен по частному и обобществленному секторам; в последнем удалось не дать им сколько-нибудь значительно повыситься. Начавшееся было стихийное повышение цен кооперацией в середине года, было прекращено. Это значительно более сдержанное повышение цен обобществленного сектора смягчило то перераспределение национального дохода в пользу частного сектора, которое несомненно имело место благодаря росту цен.

VII

В отношении об'ема, структуры и циркуляции товарной массы 1928/29 г. характеризуется следующими чертами.

Вся товарная масса возросла за 9 мес. в неизменных ценах на 10—11%, при плановой наметке на год в 12,9%, при росте товарной массы промпродукции на 13—14% (продукция госпромышленности на 20%) и сел.-хоз. продукции (с учетом гарнцевого сбора) на 5—6%.

В структуре товарной массы мы имеем отклонения от плановых наметок по линии сел.-хоз. продукции, выразившиеся в более низком выходе хлеба и повышенном выходе продуктов животноводства. Из отраслей промышленности обращает на себя внимание кожевенно-обувная: продукция обуви возросла на 61,9%, а производство подошвы понизилось на 8,1%.

Общие размеры сети, по данным НКТорга СССР, за первое полугодие 1928/29 г. сократились, по сравнению с предшествующим годом, на 23,4%, в том числе госорганы возросли на 5,4%

кооперация на 23%, а частная дала снижение на 51,1%. Соответственно с этим, удельный вес частной торговли в оптовой сети упал до 12,6%, против 15,9% в прошлом году, а в розничной — до 39,2%, против 61,3% в прошлом году.

Общий рост оборота составляет около 21%, при росте грузооборота на 14,8% и росте цен по общеторговому розничному индексу на 6% и оптовому на 4,2%. При этом, оборот ВСНХ по отпускным ценам дал рост на 19%, оборот, синдикатов на 41% при плане—38%, оборот Центросоюза на 11,5%. Оборот серединного звена кооперации возрос на 30,2%, при плане в 22,7. Низовое звено обобществленной торговли дало рост на 20,4%, при плане—15,9, в том числе кооперативная на 27%, при плане—19,1%.

Оборот легальной частной торговли обнаружил большое снижение, при одновременном значительном росте нелегальной частной торговли. Указанные явления ставят вопрос о мерах регулирования частного рынка.

Охват синдикатами продукции сильно возрос, превысив план; ясна тенденция усиления связей промышленности непосредственно с областным и срединным звеном, усиление доли кооперации в срединном и низовом звене за счет торговли госрозницы и возрастание доли обобществленного сектора, при почти полном вытеснении частника из опта.

На протяжении 1928/29 г. значительно увеличился об'ем генеральных договоров кооперации с государственной промышленностью — по данным Центросоюза, он возрос на 44,2%, составив около 2,9 мрд. руб. В то же время резко усилилась практика генеральных договоров между отдельными кооперативными системами. Гендоговоры в этом году стали основным методом регулирования рынка.

VIII

Достижение высоких темпов развертывания отдельных элементом потребовало большого напряжения; недостижение плановых заданий по ряду других элементов усилило это напряжение. Напряженность движения всей народнохозяйственной системы нашла свое выражение в тех пропорциях между отдельными элементами, которые сложились на протяжении года и об'ективируются в частных балансах.

Топливный баланс. По расчетам ВСНХ, добыча топлива ожидается в размере 99,3% от плана — с превышением по нефтетопливу +5,4%, с соответствием плану по донтопливу и недовыработкой, по сравнению с заданиями плана, по торфу (88,6%) и дровам (85,8%). Расход топлива — в размере 101,7% от плана. В связи с этим накопление за год и абсолютное увеличение запасов не достигают намеченных планом заданий, что создает напряженное положение, которое должно быть учтено при верстке контрольных цифр на 1929/30 г.

Стройматериалы. На протяжении года, особенно в начале строительного сезона, ощущалось напряжение по ряду строительных материалов. Напряженным оно остается и к концу рассматриваемого периода, особенно по швеллерам, лесным материалам, алебастру. Значительно лучше положение — по сравнению с прошлым годом — по кирпичу, предложение которого местами превышает спрос.

Продовольственный баланс. У нас в настоящее время нет материалов, которые бы в цифровом выражении — характеризовали потребление населения по группам на протяжении истекших 9 мес. Характеристика может быть дана лишь на основании суммарных материалов о ходе снабжения.

Предварительный ориентировочный подсчет итогов продовольственного снабжения за год в целом, — с учетом перспектив IV квартала, — свидетельствует о небольшом абсолютном приросте городского потребления с тенденцией к снижению душевого потребления (за счет хлеба, овощей, коровьего масла); при этом во второй половине года в III квартале — некоторое ухудшение, при улучшении в IV квартале. Снабжение мясом в первой половине года — в связи с усиленным убоем скота — происходило в чрезмерном темпе, несогласованном с перспективами весенних заготовок; во второй половине года оно дало снижение. Снабжение мясом — в связи с итогами животноводства в текущем году — остается центральной проблемой продовольственного снабжения и на будущий год. Во второй половине года несколько улучшилось снабжение коровьим маслом, на неудовлетворительном уровне остались заготовки яиц; в связи с хорошим урожаем положение с овощами улучшится.

Для выравнивания соотношения между продовольственными ресурсами и потребностью в них приняты были меры по нормированию отпуска продуктов, давшие положительный результат; эти меры должны быть сохранены в системе мероприятий по регулированию продовольственного положения и в будущем году. При этом решение продовольственной проблемы лежит по линии реконструкции производственной базы, в первую очередь, как зерновой, так и в области животноводства и огородничества.

Баланс спроса и предложения промтоваров. По предварительным расчетам, общее предложение промышленных товаров на внутренний рынок возрастает на протяжении года на 15%. Приобретение организованного рынка дает +25%; розничная накидка +1,5%. В итоге, вся текущая продукция на широкий рынок возрастает, примерно, на 11%. Прирост потенциального спроса населения (с учетом накопления) может быть определен, примерно, в 12—13%. Эти коэфициенты свидетельствуют о сохранении напряжения в соотношении спроса и предложения, с которым пришлось считаться в прошлом году.

Баланс денежных доходов и расходов населения. По ориентировочным расчетам, на основании предварительных данных, соотношение денежных доходов и расходов населения на протяжении 1928/29 г. сложилось следующим образом. Если все население разбить на две группы — земледельческое и неземледельческое население, — то рост денежных доходов первой группы выражается, примерно, в 12%; по сравнению с прошлым годом, при росте доходов наемного персонала на 14—15% и доходов прочего неземледельческого населения на 4—5%. Доходы земледельческого населения дают рост, примерно, на 17—18%. Накопление и обязательные платежи возрастают по линии неземледельческого населения на 52%, по линии земледельческого населения — на 9%. Прирост расходов на сел.-хоз. товары неземледельческого населения выражается в 13%, на промтовары — около 7%, неземледельческого — на промтовары около 14 — 15%. По этим расчетам особенно значителен прирост денежных остатков у земледельческого населения — они увеличиваются больше, чем в три раза. В эти расчеты могут быть внесены уточнения, но основные моменты их вряд ли могут быть существенно изменены: они находятся в соответствии с логикой экономического развития на протяжении года.

Социальное содержание этих соотношений обнаруживается, если вскрыть натуральную подоснову и ценностные смещения по отдельным статьям. В натуральном выражении прирост приобретения неземледельческим населением промышленных товаров выражается в 3,5%, сел.-хоз. товаров — около 1%, а всего, — тех и других +2,2%, при росте неземледельческого населения, превышающем 2%. Рост приобретения промышленных товаров в натуральном выражении земледельческим населением равен, примерно, 12,4%.

Повышение цен на протяжении года дало прирост стоимости циркулировавшей на рынке продукции, примерно, на 700 с лишним млн. руб., из них около 400 млн. руб. досталось земледельческому населению. Если учесть сокращение верхушечными слоями живого инвентаря и довольно интенсивную спекуляцию хлебом в условиях, когда бедняцкая часть деревни должна была прикупать хлеб, то нужно считать, что значительная часть из аккумулированных денежных ресурсов сосредоточилась у кулацкой верхушки.

Сопоставление процессов, которые происходили по линии основных фондов и денежных ресурсов, говорит о том, что на протяжении года происходило перемещение фондов от кулацких верхушечных групп к группам бедняцким и середняцким, при одновременной концентрации денежных ресурсов в зажиточно-кулацкой части.

Баланс внешней торговли. По внешней торговле общий оборот за 9 мес. по европейской границе и 8 мес. по восточной границе, по сравнению с тем же периодом прошлого года, почти стабилен — (0,6%); при росте экспорта на 12,1% и снижении импорта на 10,9% активное сальдо равно 24,7 млн. руб. Замещение промышленностью выпавшего экспорта хлеба, несмотря на неблагоприятную для нас конъюнктуру цен, сказавшуюся на повышенных

требованиях к финансовой системе, — все же интенсивно осуществлялось и в текущем году, что отразилось на структуре экспорта, в котором удельный вес промэкспорта возрос до 49,5% с 42,4% в 1926/27 г.

Снижение импорта, по данным — по европейской границе, произошло, отчасти, за счет уменьшения импорта предметов производственного назначения, для промышленности и транспорта, росте для сельского хозяйства (— 14,4%), но еще в большей степени за счет снижения потребительских товаров (— 17,9%). Сокращение ввоза оборудования не сказалось на промышленности, в связи с большим ввозом его в предшествующий период. Гораздо более существенное значение имеет сокращение ввоза сырья — хлопка, кожсырья и цветных металлов — всего — 10,5%, в ценностном выражении, и в еще более значительной степени — благодаря росту цен на эти товары — в натуре.

Экспортно-импортный план, с внесенными в него на протяжении года коррективами, в своих основных установках будет выполнен.

IX

Одна из основных директив, принятых в установках пятилетнего плана — директива относительно создания резервов. Хозяйственная обстановка 1928/29 г. не благоприятствовала выполнению этой директивы в сколько-нибудь существенных размерах.

В области хлебных запасов — при всей напряженности положения — удалось на 1/VII — 29 г. накопить на 32% больше, чем на тот же срок в прошлом году.

Выполнение задания в области увеличения запасов топлива, как мы уже отмечали, отстает от плановой наметки.

Движение запасов в товаропроводящей сети представляется в следующем виде:

	I/X — 1928 г.		I/VII — 1929 г.	
	(в млн. руб.)			
1. Верхнее звено (синдикаты)	около	320	около	290
2. Райсоюзы	„	210	„	250
3. Горпо	„	415	„	531
4. Сельпо	„	238	„	282
		1.183		1.353

Общий рост на 170 млн. руб. или на 13—14%, т.-е. в рамках близких к плану. Но если учесть, что оборот превысил плановые предположения, то запасы в процентах к обороту снизились; по сельпо, в частности, на 1/VII в процентах к июню они составили 98%, в текущем году, 102% — в прошлом году и 97,8% — в 1926/27 г., по горпо они выше за счет продовольственных товаров.

Обеспеченность запасами (по данным ЦСУ) в днях:

	1927/28 г.	1928/29 г.	в %%
Оптовая торговля .	31,5	23,6	—25,7
Розничная „ . .	35,4	33,6	— 5,8

В пределах имеющихся ресурсов было произведено перераспределение во времени таким образом, чтобы к моменту развертывания хлебозаготовительной и сырьевой кампании можно было перебросить достаточные массы товаров в соответствующие районы: по расчетам НКТорга СССР, предложение предметов широкого потребления и производственного назначения превысит прошлогоднюю массу, примерно, на 38%.

Интенсивный рост народного хозяйства по всем направлениям, рост благосостояния населения — при отмеченном выше перераспределении народного дохода — не позволили на протяжении текущего года заметно увеличить иммобильные запасы. Инерция и логика быстрого продвижения вперед таковы, что в это движение вовлекаются массы и той продукции, которая должна была бы отпочковаться от общей массы и застыть в виде запасов.

X

Охарактеризованное развертывание народного хозяйства нашло свое финансовое выражение в следующем виде.

Ряд отраслей пред'явил к финансовой системе дополнительные требования по сравнению с намеченными планами. Ассигнования на сельское хозяйство по бюджету за 9 мес. превысили прошлогодние ассигнования за тот же срок на 170 млн. руб., общая задолженность банкам за год (с 1/VII—28 г. по 1/VII—29 г.) возросла на 64%; сальдо расчетов с госбанком превышает прошлогоднее сальдо вдвое; сверхсметные расходы требуют дополнительных ассигнований в 20 млн. руб. Рост хлебных кредитов на 1/X—29 г. по кредитному плану значительно больше, чем намеченный по плану в связи с запроектированным в последнее время созданием значительного хлебного резерва и увеличением заготовок в IV квартале. Госторговля пред'явила дополнительные требования к бюджету, в связи с экспортом. Кооперация пред'явила дополнительные требования, в связи с новыми задачами, возложенными на нее в деле замещения частника в торговле мясом и овощами. Этому противостоит, как отмечалось выше, перевыручка транспорта в сумме около 200 млн. руб., часть которых может быть привлечена к пополнению доходов бюджета.

Дополнительные требования к бюджету, при недоборе по некоторым статьям дохода — по займам более усиленная сброска, чем предполагалось, недобор по промысловому и подоходному налогам с частного капитала и по некоторым акцизам — оказывается возможным удовлетворить благодаря повышенным доходам транспорта и увеличению акцизных по другим об'ектам поступлений.

Исполнение сметы по доходам за 9 мес. составляет 73,6% годового назначения — 5.614,3 млн. руб., по расходам — 5.725 млн. руб., или 73,9%. Рост доходов за 9 мес., по сравнению с прошлым годом, составляет 22,7%. Исполнение местных бюджетов за полугодие выразилось по доходам в размере 50,5% и по расходам — в 47,0%.

В области денежного обращения мы имеем рост денежной массы, выразившейся за год — с 1/VII — 28 г. по 1/VII — 29 г. — в + + 30,1%. Прирост за 9 мес. текущего года, по сравнению с прошлым годом, составил 12,3%. Увеличенная, по сравнению с планом, эмиссия обусловлена: 1) неувязкой между бюджетом и кредитом при составлении контрольных цифр, что должно быть отнесено к дефектам плана; 2) недополучением — против плана — страховых платежей; 3) новыми, непредусмотренными планом заданиями — организация и расширение торговли обобществленного сектора мясом и овощами, а также наметившейся, в связи с кон'юнктурой текущего года, необходимостью увеличения средств, по сравнению с планом, — в хлебных операциях в IV квартале.

Таким образом, выполнение финансового плана текущего года столкнулось с рядом затруднений и дополнительных требований: а) недостаточное снижение себестоимости промышленностью; б) изменение методов работы и сферы деятельности частника и неспособность уловить ни его старых, ни новых кон'юнктурных прибылей со стороны бюджета; в) необходимость расширения убыточного экспорта, г) расширение обобществленной торговли и замещение уходящего частника на новых важных рынках предметов широкого потребления, д) повышение программы вложений в промышленность и сельское хозяйство.

Способом преодоления затруднений были: а) дальнейшая рационализация промышленности — мобилизация внутренних ресурсов, б) усиленная мобилизация средств населения через паенакопление, при некотором недовыполнении плана; в) ухудшение качества промтоваров и повышение цен кооперацией; г) эмиссия, превысившая план, д) мобилизация средств через транспорт.

Финансовый план был сбалансирован (за счет паев, ухудшения качества, повышения цен, частично, за счет транспорта), однако, по отношению к деревне все эти пути оказались недостаточно действенными для из'ятия денежных излишков, что форсировало явления товарного голода.

XI

В основных разрезах просмотрели мы элементы, в совокупности своей составляющие систему народного хозяйства СССР в ее развитии на протяжении 1928/29 г. Можно подвести некоторые итоги.

1. Если, при построении плана на 1927/28 г., пришлось выдержать атаку „слева", то план на 1928/29 г. строился в обстановке борьбы против генеральной линии партии справа. Оспаривалась

правильность проектировавшегося темпа индустриализации — его считали преувеличенным; преувеличенным считали размер капитальных вложений. Обстрелу справа подверглась намеченная в контрольных цифрах, политика в отношении крестьянства; особенно громко вопили по поводу практики проведения хлебозаготовок на протяжении года. Правые и меньшевистско-буржуазные элементы сомкнулись в критике проектировавшихся заданий и принятого плана на 1928/29 г. Аргументы от баланса строительных материалов, аргументы от прочих „узких мест", которые фигурировали на протяжении предыдущих лет в выступлениях чуждых нам по своей идеологии участников плановой работы, запестрели в качестве ultima ratio у правых.[1] Сдержать интенсивное продвижение вперед, сдержать размах строительства вот — „почтенная" задача, которую они себе поставили. В свете фактического положения вещей на исходе хозяйственного года блестящее банкротство предсказаний и реакционная сущность предложений справа выявляются с абсолютной ясностью.

План на 1928/29 г. был принят как план напряженный. Выполнение его, действительно, потребовало большого напряжения сил. На путях преодоления „узких мест" — отнюдь не на путях равнения по ним — искала партия и рабочий класс решения проблемы социалистического строительства в условиях капиталистического окружения и угрозы военной опасности.

2. Основные установки пятилетки на протяжении 1928/29 г. как первого годового отрезка перспективного плана выполняются в области: технической реконструкции, индустриализации, обобществления. Некоторое расхождение имеется по линии перераспределения народного дохода.

Значительный рост основных фондов обобществленного сектора на протяжении года, систематическое перевооружение рабочего класса, более рациональное и интенсивное использование оборудования, существенный сдвиг в технической перестройке сельского хозяйства — все это создает предпосылки для более быстрого продвижения вперед в процессе выполнения огромных и трудных задач, сформулированных в перспективном плане.

Намеченный в плане на 1928/29 г. темп индустриализации выдержан и даже несколько превзойден благодаря превышению промышленностью первоначального задания. Фронт индустриализации расширился вследствие того, что ею захвачен значительный участок обобществленного сектора — совхозы — с его промышленным методом сел.-хоз. производства. Полеводственная промышленность смыкается с промышленностью в обычном понимании этого слова. Измеряемое в натуральных показателях грузооборота изменение товарного облика СССР, по сравнению с дореволюционной Россией, сказывается в том, что перевозка продуктов сельского хозяйства

[1] Н. И. Бухарин. „Заметки экономиста".

в 1928/29 г., по отношению к 1913 г., составила 94,3%, а перевозка продуктов добывающей и обрабатывающей промышленностей—соответственно,—122,5%. Мы не приводим других показателей, из которых явствует, что выдерживается не только темп, но и характер индустриализации, предполагающей более быстрый рост отраслей, вырабатывающих орудия и средства производства.

Процесс обобществления продолжался в различных направлениях с усилением по линии товаропроводящего аппарата. Исключительный размах получил процесс коллективизации в сельском хозяйстве: по темпу он значительно превзошел плановые наметки не только контрольных цифр, но и увеличенные проектировки пятилетнего плана. По масштабу и характеру своему процесс коллективизации сельского хозяйства, в сочетании с технической реконструкцией является началом настоящей революции, которая должна преобразовать этот наиболее отстающий сектор народного хозяйства.

Отрицательно должны быть расценены результаты в области перераспределения народного дохода. Не был достигнут намеченный темп роста реальной заработной платы, сумели уклониться от взноса в бюджет причитавшейся с них суммы частники в городе—по соответствующей статье недоимка частного капитала возросла до почтенной суммы в 80 млн. руб., по данным за 9 мес. текущего хозяйственного года; производительный капитал верхушечной кулацкой части деревни трансформировался в денежный благодаря определенной тактике — скрещенных рук — этой части крестьянства и включился в оживленную спекуляцию хлебом и другими товарами, аккумулируя значительную часть денежных ресурсов, попавших в руки земледельческого населения благодаря росту цен.

3. При выполнении основных установок плана на 1928/29 г. имеются расхождения по конкретным заданиям по линии отдельных элементов. Расхождения между планом и выполнением могут быть отмечены в области продукции зерновых, животноводства, цен, эмиссии, качественных показателей работы промышленности, в частности, себестоимости. В области зерновых мы имеем некоторое отставание по линии задания относительно расширения посевных площадей, но расширение в 5 с лишним процентов (против плана 7%), мы все же имеем, и тем самым не оправдались предсказания насчет сокращения площадей в связи с мерами общественного воздействия, применявшимися при хлебозаготовках. Если сбор зерновых, по предварительным данным, несколько отстает от намеченного по плану, то это связано, с одной стороны, с отмеченным расширением посевных площадей, с другой — с метеорологическими условиями, которые в этом году так же, как и в прошлом, были неблагоприятны. Явления в области животноводства — в лучшем случае стабильность, вероятнее, некоторое сокращение продуктивного скота, при незначительном росте лошадей, — связаны главным образом, с недостатком кормов в ряде районов, отчасти — с тактикой кулацкой верхушки деревни, не только сокращавшей посевы, но и освобождавшейся от скота. Толчок к повышению цен исходил также из сельского хозяйства: на почве недостаточной продукции предыдущего года произошло плановое повышение заготовительных цен на 1928/29 г.; вольный рынок — базарные цены — дал повышение, значительно превзошедшее наметки контрольных цифр. Увеличение эмиссии, по сравнению с планом, в значительной своей части связано с новым планом хлебозаготовок; явления в области качественных показателей промышленности также, отчасти, связаны с результатами производства в сельском хозяйстве: повышение цен на сел.-хоз. сырье не могло не отразиться в какой-то степени на издержках производства, равно как на уровне реальной заработной платы не могло не сказаться повышение цен на предметы продовольствия. Если изобразить на диаграмме задания плана и фактическое выполнение, то по некоторым элементам получатся ножницы, об'яснения появления которых нужно искать, в большинстве случаев, в необобществленном секторе, главным образом, сельского хозяйства.

4. Проверка плана на 1928/29 г., в процессе его выполнения, вскрывает дефекты в проектировках-заданиях: при проектировке была допущена невязка между бюджетом и кредитом, не предусмотрено было в достаточной мере напряжение с продовольствием и вытекающие отсюда последствия для других областей хозяйства (цены). Эти дефекты плана пришлось исправлять в порядке маневрирования путем применения специальных мероприятий. К дефектам выполнения плана должны быть отнесены те явления в области распределения в текущем году, о которых мы говорили выше.

Опыт 1928/29 г. говорит о том, что нащупаны прочно правильные пути хозяйственного строительства в области производственной — и в области промышленной и в сельском хозяйстве. В практику распределения должны быть внесены коррективы.

5. Новыми специфическими моментами, выделяющими 1928/29 г. из ряда предшествующих лет, являются: а) начавшееся в середине года и широко развернувшееся социалистическое соревнование, захватывающее самые разнообразные сферы и вовлекающее все большие массы трудящихся; б) начало перехода на непрерывную рабочую неделю, значительно увеличивающее наши производственные возможности; в) общественные методы воздействия, впервые начавшие применяться при хлебозаготовках, прививщиеся и получившие широкое распространение как форма единого фронта рабочего класса с бедняцкими и середняцкими слоями деревни против ведущей атаку на обобществленный сектор кулацкой верхушки; г) в этом году, наконец, поставлен на практическую почву вопрос о планировании хозяйственной деятельности огромного массива индивидуальных крестьянских хозяйств, в виде доведения плана до села и в форме производственных заданий, в связи с получившей исклю-

чительное распространение контрактацией; д) широко развернувшийся процесс коллективизации сельского хозяйства, далеко перешагнувший намеченные в плане рамки.

6. Ход развертывания хозяйственного процесса, особенно во второй половине года, ряд новых отмеченных нами моментов, тщательное изучение возможностей развития народного хозяйства на основе конкретной модели — сконструированного пятилетнего плана — вскрывают, на опыте 1928/29 г., возможность внесения коррективов в проектировки пятилетки в сторону повышения намеченных темпов. И ускорение темпа строительства, и более интенсивное использование оборудования, и повышение темпов развертывания отдельных отраслей промышленности — вывод из обстановки конца текущего года. Но именно эта возможность повышения заданий, намечавшихся в перспективном плане, диктует необходимость особенного внимания, при составлении контрольных цифр на 1929/30 г., к следующим моментам: дальнейшее подтягивание зернового хозяйства, изменение тенденции, наметившейся в области животноводства, сел.-хоз. сырье, себестоимость промышленной продукции и качество ее, денежное обращение и вопросы распределения народного дохода.

7. 1928/29 г. с его специфическими особенностями выдвигает — практически весьма важную, теоретически сугубо интересную — проблему фазы переходного периода, которую проходит в настоящее время СССР. В системе связей между отдельными элементами целого, в методах и степени воздействия обобществленного сектора на необобществленный явно обозначился значительный сдвиг. Маневр 1928/29 г. не удался бы, если бы не была достигнута какая-то новая высшая ступень, по сравнению с той, на которой мы находились пару лет тому назад. Не намечая в данной связи какой-либо схемы этапов переходного периода, мы считаем, что для разграничения отдельных фаз критерием могла бы быть степень внедрения планового начала в систему СССР. По силе сопротивления капиталистических элементов и заострению классовой борьбы внутри страны, по настороженности и подготовке к интервенции со стороны капиталистического окружения, по степени вовлечения широких масс бедняцкого и середняцкого крестьянства в строительство обобществленного сектора можно считать, что мы значительно приблизились к конечной цели. Оценить это и взвесить необходимо, поскольку с этой оценкой связана система экономических и социальных мероприятий.

Л. М. Гатовский

К проблеме распределения в СССР

Анализ итогов 1928/29 г. в области цен

В задачу данной статьи, не входит исчерпывающее освещение основных моментов распределения в СССР. В ней сделана лишь попытка выявить соответствующую роль ценовых сдвигов на основе итогов 1928/29 г., дающих богатый материал для некоторых обобщений в частности и в отношении проверки утверждений правых о распределении дохода между городом и деревней. Естественно, что явления в области цен не могут быть рассматриваемы изолированно от всей системы распределения.

Политика цен, сложившаяся система цен, ее место в процессе воспроизводства упирается прежде всего в проблему распределения живого и мертвого труда в обществе.

Если в товарно-капиталистическом обществе труд распределяется в соответствии со стихийно складывающимися потребностями, возникающими в результате столкновения разрозненных товаропроизводителей, то в социалистическом обществе он распределяется в соответствии с социалистическим планом, на который элементы социальной стихии вовсе не оказывают никакого влияния, а в переходном обществе он распределяется в основном в соответствии с народнохозяйственным планом, учитывающим и стихийные тенденции.

Из этого основного различия в направлении, результате и способе распределения труда вытекают и остальные различия. Укажем здесь лишь некоторые отличительные моменты, имеющие непосредственное отношение к трактуемой нами проблеме.

Поскольку потребности общества выявляются и удовлетворяются через стихийный механизм спроса-предложения, естественно, что универсальной формой „обмена веществ“ в товарно-капиталистическом обществе является цена. Отражая степень удовлетворения стихийно возникающих потребностей, она в тенденции должна, в целях достижения относительного равновесия, соответствовать в среднем трудовым затратам на единицу произведенной продукции. Отклонения цен от этого среднего уровня (модифицирующегося на различных стадиях товарного хозяйства), влияя на рентабельность частного производства и являются непосредственной причиной дополнительного передвижения живого и мертвого труда, в соответ-

ствии с соотношением спроса предложения. Эта рентабельность воздействует и на средний технический уровень производства данной отрасли (условия для функционирования худших предприятий).

В социалистическом обществе цена, как способ распределения ресурсов, заменяется планом. Распределение ресурсов осуществляется в соответствии плановым задачам предстоящего развертывания той или иной отрасли. Технический уровень предприятий данной отрасли определяется, исходя из интересов производительности народнохозяйственного целого.

В условиях советской экономики имеет место процесс трансформации механизма распределения труда в обществе. Поскольку народнохозяйственный план является основным регулирующим началом, постольку:

1) цена перестает быть универсальным способом распределения ресурсов;

2) распределение ресурсов через посредство цены проходит в основном в соответствии с народнохозяйственным планом (что должно резко влиять в сторону изменения пропорций распределения труда, распределения дохода, по сравнению с условиями товарно-капиталистического общества);

3) ценовые пропорции уже не обязательно должны даже и в тенденции совпадать с пропорциями трудовых затрат, особенно в социалистическом секторе, что не устраняет необходимости пропорционального распределения труда в соответствии с народнохозяйственным планом;

4) отклонения ценовых пропорций от среднего уровня трудовых затрат в значительно меньшей степени являются движущим мотивом к дополнительной передвижке труда;

5) на технический уровень производства в отдельных отраслях значительно меньшее влияние оказывает кон'юнктура.

Критерием „оптимальности" обмена для переходной экомомики является соответствие распределения труда задачам народнохозяйственного плана построения социализма, т.-е. быстрому темпу индустриализации (требующему и соответственной системы равновесия), обобществления и под'ема материального уровня основных масс производителей.

Следовательно, народнохозяйственный план требует своего специфического обмена веществ между отраслями.

Таким образом абсолютно неверно — рассматривать отклонение от довоенного соотношения цен на пром. и сел.-хоз. товары, как сколько-нибудь исчерпывающий показатель пропорций распределения ресурсов между отраслями. Осуществление же требования, под видом „восстановления эквивалентного обмена", немедленного восстановления этого соотношения привело бы к крайне отрицательным социально-экономическим последствиям, резко обострив наличные диспропорции.

Следует помнить, что несоответствие меновых пропорций интересам капиталистических производителей (прибыль, кон'юнктурная сверхприбыль), наиболее чутко и быстро реагирующих на цены, в значительной степени уже потеряло свое значение (ограниченность их оборотов, затрудненность перехода в другие производственные отрасли, социально-политическая обстановка).

В основном мы имеем отношения мелких товаропроизводителей и пролетарского государства, с его социалистической промышленностью, при наличии и капиталистических элементов в стране. Это предопределяет и условия меновых пропорций. Получение бедняцко-середняцкими слоями значительного количества земли, резкое изменение в платежных обязательствах городу, новый, в корне измененный, сел.-хоз. кредит, снабжение средствами производства, агропомощь, коллективизация и вся совокупность мероприятий по снижению себестоимости в их хозяйствах, организующая роль контрактаций, отсутствие устремления к „прибыли на капитал", как стимулу хозяйственной деятельности, или этих масс деревни при наличии этого стимула в частно-капиталистическом хозяйстве и т. д.,—все это в корне меняет и условия для ценообразования. Если рост производительности будет приводить к тому, что основные массы деревни за единицу своего труда будут получать все большее количество благ, значительно повышающих их материально-культурный уровень, увеличивающих их энерговооруженность,—мы неизбежно будем иметь процесс интенсивного роста сельского хозяйства, денатурализации деревни.

Следует подчеркнуть, что установка пятилетнего плана заключается в постепенном улучшении ценовых пропорций для сел.-хоз. продукции, не путем повышения цен на сел.-хоз. товары, а путем значительного снижения цен на промтовары при одновременном несколько меньшем снижении цен на сел.-хоз. товары. Стимулирование сельского хозяйства не исчерпывается ценой, цена не единственный распределитель ресурсов, на ряду с ней действуют бюджет, кредит, плановое снабжение, роль которых должна все возрастать.

Цена имеет, по сравнению с другими распределителями ресурсов, свои специфические особенности, требующие снижения общего уровня цен. Это снижение, начинающееся с отраслей, производящих средства производства, является фактором под'ема производительности труда, оно влияет на снижение себестоимости, далее, оно является, наиболее благоприятным для народного хозяйства и условий его равновесия, способом повышения материального благосостояния трудящихся, оно благоприятно отражается на развитии необходимых денежных функций, оно улучшает баланс взаимоотношений с мировым капитализмом. Естественно, что повышение цен на сел.-хоз. товары сказывается неблагоприятно на материальном положении огромных масс трудящихся и используется верхушкой

деревни. Принцип диференциальных цен не может быть достаточно широко распространен, между тем как налог, кредит, снабжение позволяют проводить строго-классовый принцип. Поэтому, при невозможности заметно снизить цены на промтовары, улучшение материального положения основных масс деревни может и должно в основном проходить по линии неценовых факторов (бюджет, кредит, снабжение). В этом случае изменение в распределении ресурсов между отраслями пройдет мимо системы цен, как например, увеличение завоза промтоваров в деревню, имевшее место в текущем году, или снижение сел.-хоз. налога.

Итак в цене отражаются условия воспроизводства — производительность труда, себестоимость, рыночные условия, классовые взаимоотношения, условия денежного обращения, взаимоотношения с мировым хозяйством.

Это отражение в цене условий воспроизводства означает тем самым и обратное воздействие цены на процесс воспроизводства: на распределение живого и мертвого труда, себестоимость, степень устойчивости денежного обращения, рыночное равновесие, распределение дохода и на развитие операций с внешним миром. Таким путем, цена и осуществляет обслуживание „обмена веществ" в обществе.

Из вышесказанного следует, что эта роль цены в советских условиях радикально меняется. по сравнению с товарно-капиталистическими условиями: так, производственные условия отдельных отраслей уже не находят непосредственного точного отражения в цене, особенно, в обобществленном секторе — достаточно привести в виде примера разрыв динамики отпускных цен и динамики себестоимости по отраслям. Динамика цен отнюдь не определяет развертывание той или иной отрасли в пределах государственного сектора, ее роль в этом отношении ослаблена и для необобществленного производства; поскольку же эта роль цены сохранена, последняя выступает, в основном, как орудие планового воздействия на индивидуальные хозяйства. Возникающие здесь отклонения от плана не могут привести к изменению общего направления развития необобществленного хозяйства при условии правильности плановых установок. Рыночная кон'юнктура влияет на цену значительно слабее, чем в условиях капитализма, отсюда и значительное ослабление роли цены, как стихийного регулятора рыночного баланса, хотя плановое воздействие на спрос и предложение через цену, естественно, в известной мере сохраняется.

Социальная структура СССР приводит к исчезновению таких категорий, как цена земли, а в пределах обобществленного сектора „цена производства" земельная рента, различные формы прибыли; цена рабочей силы отрывается почти совершенно от спроса-предложения рабочей силы (хотя абсолютно это влияние еще не устранено например в строительстве). Капиталистические категории составляющие наиболее усовершенствованные части стихийного механизма

цен локализуется в ограниченных пределах капиталистического сектора, где за ценой еще скрываются категории прибыли (правда, эта прибыль подвергается огромному воздействию государства), диференциальной ренты (например, дальние заезды мешочников за хлебом вызывали резкий рост диференциальной земельной ренты от расстояния в кулацких хозяйствах).

В основном, цена уже становится орудием планового распределения доходов, в соответствии с классовыми задачами советского государства, хотя, вместе с тем, враждебные плану тенденции направлены к превращению ее во внеплановый перераспределитель дохода в противоположном направлении. Таким образом, в динамике цен отражается классовая борьба.

Условия денежного обращения, в частности эмиссия, также оказывают значительно более слабое воздействие на динамику цен. Курс нашего рубля в условиях нашей системы монополии внешней торговли как правило не оказывает влияния на динамику цен в СССР. Обратно, наличие плановых рычагов значительно ослабляет влияние динамики цен на устойчивость денежной системы. Огромную преобразующую роль в отношении денежной системы играет система нормированного снабжения. Наконец, цены мирового рынка на цены СССР влияют в ослабленной степени. Соотношение цен СССР и цен мировых оказывает ограниченное воздействие на развитие экспорта и импорта, поскольку экспорт и импорт сконцентрированы в одних руках и нерентабельность операций может быть компенсирована; однако, даже отсутствие компенсации не всегда служит препятствием к экспорту или импорту.

Все эти особенности, естественно, требуют соответствующего подхода к оценке системы цен в СССР в частности, соотношения цен пром. и сел.-хоз. товаров.

Эти изменения в природе цены в СССР должны быть поставлены в связь и с планированием процесса распределения материальных ресурсов.

Проблема распределения материальных и денежных ресурсов между отраслями хозяйства, между классами и социальными группами в СССР, естественно, является центральной, представляя огромный теоретический и непосредственно практический интерес. Анализ этого процесса распределения представляет собой оценку нашего народнохозяйственного плана и степени его осуществления. Процесс распределения ресурсов в условиях советской экономики, естественно, имеет (выражаясь сугубо условно) два русла денежный и натуральный, хотя и знаменующих две фазы процесса воспроизводства, но порой находящихся в наших условиях в известном противоречии. Это противоречие об'ясняется, между прочим, тем, что степень планового воздействия на процесс распределения в той и в иной форме и на тех или иных участках неодинакова. Так, например, очень высокому уровню планирования распределения новых средств производства,

где элементы планового снабжения, в основном, преобладают может противостоять, с другой стороны, накопление добавочных, сверх плана, денежных ресурсов от реализации средств потребления, благодаря сдвигам стихийного порядка в области цен, где роль планирования ниже. В капиталистических условиях денежный поток гораздо больше корреспондирует потоку материальных ресурсов, в социалистических — мы имеем единый материальный поток; в наших условиях экономическая политика государства, концентрирующего в своих руках подавляющую массу продуктов промышленности и огромную массу продуктов сельского хозяйства, может распределять их отнюдь не пропорционально распределению денежных средств (пример: классовый принцип снабжения сел.-хоз. машинами или нормированное снабжение продовольствием). Однако, такой разрыв натурального и денежного потоков и в наших условиях (поскольку деньги у нас еще не превратились в чеки) имеет свои границы. Задачей единого финансового плана, ведающего распределением денежных ресурсов страны, является приведение денежного потока в большее соответствие с материальным, направление которого определяется политикой быстрого темпа индустриализации и обобществления. Если цена, ценовые пропорции, имеющие огромное значение в распределении денежного потока, отражают уже, в основном, народнохозяйственный план, то они все же являются формой проявления и стихийных тенденций, вносящих существенные изменения в распределение денежных ресурсов и осуществляющих сильнейший нажим на систему распределения материальных ресурсов (например, воздействуя на пропорции натурального обмена во внутридеревенском обороте, приобретение добавочного количества промтоваров и т. д.). Задачей бюджета и кредита, являющихся в большей степени, чем цена, формой проявления народнохозяйственного плана, является исправление тех результатов ценовых сдвигов, которые отклоняются от основного классового направления экономической политики. Бюджет, кредит, политика цен, заработная плата, финансы обобществленного сектора в целом должны все больше и больше синтезироваться в едином финансовом плане. Этот единый финансовый план должен, в свою очередь, все больше сливаться с планом распределения материальных ресурсов (плановое распределение в пределах обобществленного сектора, планы территориального размещения товаров, планы снабжения), а также со всей системой мер социально-политического воздействия на те или иные группы населения. Таким путем и может осуществляться у нас постепенная натурализация хозяйственных отношений.

Сделанные замечания, касающиеся некоторых особенностей процесса распределения в условиях СССР, позволяют перейти к анализу системы цен истекающего года.

Анализ системы цен, сложившийся в 1928/29 г., ее оценка, требует ее сопоставления с плановыми предположениями в области

цен. По контрольным цифрам в 1928/29 г. повышение цен предполагалось лишь по сел.-хоз. товарам и притом не во всех торговых звеньях. Оно должно было произойти на заготовительном рынке в общем, примерно, на 6% и на оптовом сел.-хоз.—также, примерно, на 6%. Кроме того, удорожание коммунальных услуг и расходов на культурные нужды должно было повысить бюджетный индекс на 2,8%. По линии промтоваров оптовый индекс должен был дать даже снижение на 1%.

В итоге, при повышении общего оптового и бюджетного индексов на 2,5—3%, должна была быть сохранена стабильность общего уровня розничных цен.

Такой системе цен корреспондировала проектировка прироста дохода, его распределения между городом и деревней, между различными слоями населения, проектировка роста номинальной и реальной заработной платы, темпа снижения себестоимости, проектировка баланса спроса и предложения (платежеспособный спрос деревни и т. д.).

Обратимся к итогам динамики цен за 9—10 месяцев текущего года и попытаемся увязать их с ходом процесса воспроизводства, процесса распределения народного дохода.

Намечавшееся по плану на 1928/29 г.—первый год пятилетки—повышение некоторых категорий цен и стабильность цен на промтовары широкого потребления означали временное отклонение от общей тенденции пятилетки в области цен — их общего снижения. Это отклонение, вызванное специфическими условиями 1928/29 г. (в частности, необходимостью повышения хлебных цен) фактически оказалось, однако, еще большим.

Истекшие 10 месяцев дали даже более значительный рост общего уровня розничных цен, чем 1927/28 г., в результате чего плановые предположения о стабильности общего уровня розничных цен не были осуществлены.

Общеторговый розничный индекс Кон'юнктурного института (новый исправленный, с переменными весами) оказался выше, в среднем за 10 месяцев текущего года, на 6,1% среднего уровня соответствующего периода прошлого года; бюджетный индекс — на 7,9%. Каковы причины этого 6% повышения уровня розничных цен? Факт резкой неравномерности повышения уровня цен по различным группам товаров наталкивает на об'яснение этого повышения цен производственно-рыночными условиями этого года.

Наиболее резкое повышение цен произошло по группе продовольственных товаров (хлеб, овощи, молочные, мясные, растительное масло, сахар); из непродовольственных товаров соответствующее значительное повышение произошло лишь по бумаге (резкий дефицит и отсюда рост вольных цен).

Чрезмерное отставание сельского хозяйства от спроса, особенно по линии продовольствия, сказавшееся и по линии недостатка сырья для

пищевой промышленности и недовыработки ее продукции против плана и было причиной повышения цен. Характерно, что и в обобществленной рознице цены на хлебные товары, на овощи, молочные, мясные дали заметное повышение. Следует подчеркнуть различие результатов воздействия рыночной кон'юнктуры на обобществленную и на частную торговлю. Если вторая, отражая напряженную кон'юнктуру продовольственных товаров, колоссально вздувала как продажные, так и свои заготовительные цены (была ведущим началом в повышательном движении), получая высокую кон'юнктурную прибыль, если толчок к повышению цен здесь, главным образом, шел от реализации, то обобществленная торговля была сдерживающим началом в динамике цен. География урожая, акцизы и промналоги действовали в сторону повышения накидок.

Правильно было бы сделать вывод о том, что динамика вольных цен преувеличивала картину напряженности рынка (кон'юнктурная сверхприбыль, нелегальные формы торговли, элементы спекулятивного риска и т. д.), а цены обобществленной торговли, благодаря плановым сдерживающим тенденциям, ее преуменьшали.

Следует подчеркнуть, что процесс ценообразования в розничной частной торговле корреспондировал уже не только общему балансу спроса и предложения на том или ином рынке. Благодаря нормированному снабжению рабочих и служащих в обобществленной рознице и снятия некоторых категорий лиц с этого снабжения, стихийно сложился в известной мере замкнутый частный оборот, где покупателями у частных торговцев в значительной степени выступали эти категории лиц. Напряженность того или иного баланса спроса и предложения на вольном рынке, гнавшая вверх частно-розничный индекс, здесь зачастую не соответствовала состоянию снабжения тем или иным продуктом страны в целом.

Итак, причиной повышения цен сверх плановых предположений было обостренное продовольственное положение, кореняющееся в условиях сельского хозяйства, при чем эффективность этого обострения по линии цен не была предусмотрена планом.

Это превышение плановых предположений по линии цен произошло:

1) благодаря тому, что обобществленный сектор сам превысил предположения по линии цен,

2) благодаря тому, что динамика цен частного рынка внесла соответствующие повышательные коррективы и к этому, повышенному сверх плана, уровню цен обобществленной торговли несмотря на значительное сокращение удельного веса частной розницы.

Каков удельный вес 1 и 2 причины? В известной мере об этом свидетельствует следующая таблица:

Темп повышения розничных индексов в 1928/29 г.

(среднее за 9 мес. 1928/29 г. в % к тому же периоду 1927/28 г.)

	Общего	По сел.-хоз. тов.	По промтов.
Темп повышения среднего по обоим видам торговли уровня розничных цен .	+5,9	+13,8	+1,6
Темп повышения цен обобществленной розницы	+3,3	+ 7,0	+1,2
Разница, возникающая благодаря более высокому темпу роста цен частной торговли	+2,6	+ 6,8	+0,4

Таким образом, по грубому подсчету (учитывая удельный вес обобществленной розницы) очень значительная часть сумм, переплаченных потребителем благодаря повышению цен в „розничной торговле" (что не исчерпывает, конечно, всех покупок потребителя) падает на долю переплат обобществленной рознице. Рост общего уровня розничных цен в значительной степени вызван повышением цен на сел.-хоз. товары в обобществленной рознице. Это повышение сверх плана началось с заготовительного звена; так, по данным Наркомторга, общий плановый заготовительный индекс в 1928/29 г. оказывается выше прошлогоднего примерно на 10%, при предполагавшемся по плану росте его на 6%, при чем по хлебным товарам рост оказался на 20,5% против плана на 16,5%, особенно же повысились цены, против плана, по линии животноводческих продовольственных товаров: так, по яйцам этот рост выразился в 13,5%, по молочным даже — в 17,5%, по мясу — в 2%. Всего суб-индекс животноводческих продовольственных товаров повысился на 10%, при предполагавшейся по плану его стабильности; индексы цен сырья превысили план также на 1%.

Это превышение плановых предположений по заготовительному индексу передалось и на оптовый сел.-хоз. суб-индекс (прирост на 8,9% против 6,1% по плану). Таким образом, и заготовительный индекс и оптовый сел.-хоз. суб-индекс превысил план на 4% и на 3%.

Это 10% повышение заготовительного индекса докатилось до потребителя в виде 7% повышения розничных цен на сел.-хоз. товары в обобществленной торговле. Особенно повысился уровень цен обобществленной торговли во всех звеньях, по группе молочных товаров (это имеет особое значение в связи с прогнозом состояния молочного рынка на 1929/30 г.) В общем, разница в %% средних за 9 мес. 1928/29 хоз. года, к 9 мес. 1927/28 хоз. года розничных индексов Кон'юнктурного института обобществленной торговли, по группе хлебных составила 7% (несмотря на директиву о крайне незначительном повышении розничных хлебных цен), по мясным 5, по овощам 5,9, по молочным 17,2.

Перейдем к динамике цен частного сел.-хоз. рынка.

В среднем цены частного заготовительного рынка за 1928/29 сел.-хоз. год, в отношении среднего уровня 1927/28 сел.-хоз. года,

повысились, примерно, на 35% (в том числе по хлебу на 100—115%), что при росте цен плановых заготовителей на 10% должно было привести к повышению общего среднего (общеторгового) заготовительного индекса на 18—20%.

О динамике заготовительных цен частного рынка дает известное представление динамика базарных цен ЦСУ. Так, разница в %% цен 1928/29 сел.-хоз. года к ценам 1927/28 сел.-хоз. года выявляется в следующей таблице:

	Рожь	Ржаная мука	Пшеница	Овес	Сено	Картофель	Масло коровье топленое	Яйца
Производ. полоса РСФСР	+128,6	+108,3	+ 66,8	+51,4	+24,1	+51,6	+25,4	+17,5
Украина	+146,1	+162,6	+154,9	+56,4	+53,4	+76,5	—	—

Эта динамика отражается и частно-торговым розничным индексом Кон'юнктурного института. Так, разница среднего его урожая за 9 месяцев 1928/29 хоз. года к 9 месяцам 1927/28 хоз. года составляла 47,1%, по хлебным 90,1%, по молочным 33,7%, по овощам 20,9%, по мясным 19,9%.

Разрывы базарных и плановых заготовительных цен, особенно хлебных значительно возросли, достигли в 1928/29 г. огромных размеров; так, в III квартале хоз. года в ряде районов базарные хлебные цены были в среднем в 4—4,5 раза выше заготовительных. Этот огромный разрыв (несмотря на значительное повышение плановых заготовительных цен) имеет тем большее значение, что в 1928/29 г. размеры „вольного" отчуждения были несколько выше, чем в 1927/28 г. (данные ЦСУ).

Огромные размеры принял межрайонный разрыв базарных цен. Так, по ржаной муке разница в ценах между потребляющей и производящей полосами РСФСР составляла 113%, что содействовало спекуляции хлебом.

Таким образом, сел.-хоз. рынок дал значительное повышение цен.

В значительно меньшей степени возросли цены и на рынке промтоваров — в обобществленной рознице на 1,4%, в частной на 9,5%, а всего на 2,0%. В опте цены на промтовары остались стабильными.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, следует, что плановые предположения в области цен были заметно изменены в связи: 1) с повышением плановых заготовительных цен на хлебофураж и овощи сверх плана, 2) с значительным повышением плановых заготовительных цен на продукты животноводства; 3) с огромным ростом частных цен на все продовольственные товары,

перекрывшим снижение удельного веса частной торговли по ряду сел.-хоз. товаров; 4) с соответствующим влиянием транспортных расходов и акцизов на торговую накидку обобществленной торговли.

В результате, рабочий потребитель вынужден был (если отбросить удорожание коммунальных услуг) увеличить свои расходы на приобретение товаров согласно бюджетному индексу на 7,5%, при чем по сел.-хоз. товарам рост расходов оказался значительно выше этой цифры.

Это повышение розничных цен сказалось на реальной зарплате, оставшейся (отвлекаясь от прироста реализации госзаймов и ухудшения качества продукции) в среднем в 1928/29 г. почти на уровне прошлого года.

Отмеченные сдвиги, происшедшие в системе цен, против плановых предположений не могли не оказать своего влияния на процесс воспроизводства.

Влияние повышения цен сказалось на процессе накопления в промышленности: намечавшаяся по плану разница между отпускными ценами и себестоимостью, в результате девятимесячной работы, промышленностью не была достигнута.

Эта разница между отпускными ценами и себестоимостью составляет пока, по крайне предварительным данным, на протяжении трех кварталов около 3—4% вместо 6%, (7% снижения себестоимости и 1% снижения цен), что уже на протяжении указанного периода дает приблизительно на 200 млн. руб. уменьшение суммы накопления. По данным за первое полугодие разница составила всего около 2%. Эта сумма в 200 млн. руб. останется, очевидно, действительной для всего 1928/29 г.

Это отступление от плана об'ясняется, в основном, двумя причинами—влиянием 1) ценовых факторов и 2) организационных факторов.

Не отрицая огромной роли последних, следует отметить, что помимо влияния повышения цен сел.-хоз. сырья (кстати ухудшение качества сырья являлось в известной мере замаскированным дополнительным повышением цен), сравнительно высокий уровень номинальной заработной платы против плана, и в значительной степени соотношение номинальной заработной платы и производительности труда об'яснялось высоким уровнем розничных цен.

Влияние ценовых факторов на промышленность было на деле несколько большим, чем это следует из вышесказанного, потому что в некоторых случаях достигаемый уровень снижения себестоимости покупался ценой снижения качества продукции.

Таким образом, изменения в системе цен, по сравнению с планом, действовали в сторону некоторого, правда, незначительного снижения того темпа накопления промышленности, который намечался по плану, хотя, в основном, намеченный темп накопления был достигнут.

Более значительным было влияние изменений в системе цен на сел.-хоз. производство. Прежде всего, рентабельность всего сел.-хоз. производства в денежном выражении заметно возросла. При этом дополнительно возросла (сверх предполагавшегося роста по плану) относительная рентабельность зернового хозяйства и картофелеводства. В среднем цены на хлеб повысились (учитывая и цены вольного рынка), примерно, на 40%. Эту тенденцию отмечают и „Крестьянские индексы" Кон'юнктурного института, согласно которым конкурентоспособность пшеницы (т.-е. отношение индекса пшеницы к общему индексу цен отчуждаемых сел.-хоз. товаров) повысилась в III квартале 1928/29 г., по сравнению с III кварталом 1927/28 г., по южной Украине на 28%. Северному Кавказу — на 31%, Западной Сибири — на 28% и т. д.

Это повышение конкурентоспособности хлеба и картофеля (при росте рентабельности сельского хозяйства в целом) произошло за счет ряда других сел.-хоз. товаров. Так, снизилась конкурентоспособность некоторых технических культур (свеклы, пеньки и др.).

По Украине конкурентоспособность свеклы упала в 1928/29 сел.-хоз. году на 35%. Индекс цен свеклы составлял в 1928/29 г. лишь 46% к общему индексу, реальзуемых сел.-хоз. товаров, а на 1/VII—1929 г. даже 36% по Украине и 27% по б. Курской губернии.

В то же время, индекс картофеля в б. Курской губернии составлял 158% к общему индексу, превышая индекс свеклы в 6 раз (по Украине он превышал его в 2,5 раза).

В результате, несмотря на всю относительность влияния цены свеклы на ее производство (значение снабжения, контрактации, налогов, кредита и т. д.), этот разрыв цен был так велик, что производство свеклы в 1928/29 г. сократилось, в основном, под влиянием ценового фактора.

В том же направлении действовал ценовой фактор в некоторых районах по линии продуктивного животноводства, отражая состояния рынка кормов (снабжение кормами идет, в основном, по линии внутридеревенского оборота и потому стихийные факторы здесь имеют большое значение). Так, согласно „Крестьянским индексам", индекс молока в Зауралье составлял лишь 67% к индексу цен на корма в Западной Сибири 74%. В Зауралье конкурентоспособность молока понизилась на 15%. Подсчеты ЦСУ (эквиваленты мяса и скота в частных ценах на зерно) также резко подчеркивают эту тенденцию.

Чрезвычайно характерно положение со льном. Огромный рост частных цен на хлеба и картофель должен был, казалось бы снизить рентабельность льноводства, однако, плановое снабжение льноводов хлебом по твердым ценам повысило рентабельность льноводства, поскольку природные условия льноводных районов принижали роль хлеба, как конкурирующего продукта (здесь играют роль не заготовительные, а реализационные цены на хлеб). Улучшение положения со льном в значительной степени отражало эти рыночные условия (хлеб играл роль „мерила ценности" льна). Таким образом, плановое начало одержало здесь значительную победу.

В общем, динамика частных цен внесла известные коррективы в ту систему конкурентоспособности отдельных культур, которая была намечена по плану. Сокращение посевов свеклы и неблагоприятные тенденции в области молочного хозяйства в известной мере отражают этот момент.

Перейдем к вопросу о соотношениях цен на пром. и сел.-хоз. товары.

Изменение в соотношениях розничных цен на промышленные и заготовительные цены на отчуждаемые сел.-хоз. товары, имевшее место и в 1927/28 г. и резко проявившееся в 1928/29 г., означает значительное изменение раствора „ножниц".

Если раствор „ножниц" между розничными ценами на промтовары обобществленной торговли и заготовительными ценами плановых заготовителей („ножницы" в пределах обобществленного сектора) составлял в 1926/27 г. 145—150, то в 1927/28 г. он сократился до 130—133, а в 1928/29 г. уже не превышал 120—121.

Еще более резкая картина получается при учете цен частного рынка, т.-е. при сопоставлении общеторговых индексов, а не только индексов обобществленной торговли (данные об общем заготовительном индексе являются сугубо ориентировочными).

В 1926/27 г. раствор „ножниц" равнялся 150—155, в 1927/28 г. 130—135, а в 1928/29 г. уже только 112—116 (общеторговый заготовительный индекс принят для 1928/29 г. в 180, что, очевидно, дает даже преуменьшение, по сравнению с фактическим положением).

Темп сжатия раствора „ножниц" является очень быстрым, превосходя плановые предположения. Так, для 1928/29 г. раствор „ножниц" намечался Наркомторгом в 130. Это обстоятельство имеет огромное значение, поскольку разница в 10—15% здесь означает сотни миллионов рублей, размещаемых вопреки плану. Особенно учитывая способ сжатия раствора „ножниц" (значение — роста базарных цен).

Чрезвычайно характерным является сопоставление достигнутого раствора „ножниц" с предположениями пятилетки. По оптимальному варианту в 1929/30 г. раствор „ножниц" должен был равняться 125—128, т.-е., по крайней мере, на 10 пунктов выше фактического раствора 1928/29 г. В 1932/33 г. раствор должен быть равен 106—107, т.-е. всего на 5—10 пунктов ниже 1928/29 г. Это также свидетельствует о чрезмерно быстром темпе сжатия „ножниц", имевшем место в 1928/29 г.

Следует отметить, что фактический раствор „ножниц" в 1928/29 г. был даже ниже 112—116, вследствие того, что в качестве довоенной базы взяты по существу цены не непосредственных заготовок от крестьянина на селе, а включающие и тор-

говые накидки в то время, как современные заготовительные индексы оперируют с ценами, более близкими к непосредственному отчуждению, иными словами, уровень довоенных цен несколько преувеличен по сравнению с современным.

Учитывая, кроме того, некоторое преуменьшение фактического уровня заготовительных цен заготовителями, некоторых животноводческих товаров, имеющее место в последние годы, следует полагать, что фактический раствор „ножниц“ уже в настоящее время, вероятно, не первышает 105—107.

„Крестьянские индексы“ Конъюнктурного института также выявляют процесс сближения „ножниц“.

Согласно „Крестьянским индексам“ в среднем на 1928/29 сел.-хоз. год по ряду районов, а на 1/VII—29 г. даже по всем 8 районам уже образовались „обратные ножницы“. Поскольку „Крестьянские индексы“ переоценивают удельный вес вольного хлебооборота, они преувеличивают темп повышения сел.-хоз. индекса. Фактически „обратные ножницы“, конечно, не являются общим правилом. Однако, тенденция сжатия „ножниц“ выявляется „Крестьянскими индексами“ правильно.

Приведем следующую таблицу „ножниц“ по „Крестьянским индексам“:

	Север. Кавказ	Южн. Украина	Правоб. Украина	Вост. Зауралье	Западн. Сибирь	б. Курск. губ.
1927/28 сел.-хоз. год . .	126,6	112,4	151,5	138.9	109,9	169,5
1928/29 „ „ „ . .	089,3	076,3	107,5	102,0	096,2	114,9
1/VII—29 „ „ „ . .	058,5	065,8	090.9	070,9	076,3	059,5

Наиболее резко выявился процесс сжатия „ножниц“ на частном рынке. Поскольку цены частного рынка чутко улавливают рыночную конъюнктуру и поскольку наиболее острое напряжение наблюдалось на рынке сел.-хоз. товаров, а не промтоваров, цены на промтовары на частном рынке поднялись значительно меньше, чем на сел.-хоз. товары, в результате чего на частном рынке резко обозначились „обратные ножницы“. Эти „обратные ножницы“ приблизительно характеризуют ту систему цен, которая сложилась бы при развязывании частного оборота и ее роль в процессе распределения ресурсов в стране. „Обратные ножницы“ частного рынка содействовали „раздвоению“ рынка при хлебозаготовках когда верхушка деревни предпочитала, уклоняясь от промтоваров, получаемых в кооперации в обмен за хлеб, приобретать промтовары у частника, отчуждая на частный рынок хлеб по крайне высоким ценам.

В IV квартале 1928/29 сел.-хоз. года эти „ножницы“ (полученные от деления индекса частно-лавочной торговли по промтоварам на базарные индексы по сел.-хоз. товарам, по децентрализованному индексу ЦСУ) были следующие:

СССР	Украина	Сев. Кавказ	Сибирь	Урал	ЦЧО	Зап. обл.
0.695	0,620	0,563	0,837	0,571	0,472	0,903

Итак, значительный и при этом неравномерный рост цен в 1928/29 г. представлял собой заметный фактор перераспределения дохода, действуя в сторону: 1) снижения роста материального уровня бедноты деревни и лиц наемного труда (покупка сел.-хоз. товаров), 2) добавочного прироста денежного дохода зажиточной и середняцкой деревни, 3) добавочного поступления денежных сумм в торговый аппарат, приведшего к росту сверхприбыли оставшегося частника, при чем этот добавочный прирост в обобществленной торговле перешел в бюджет (акциз, доход транспорта и т. д.) при росте торговой накидки.

Добавочный прирост денежных доходов при недостаточном развитии государственного кредита в деревне, несомненно, привел к добавочному, против плана, спросу деревни на промтовары (несмотря на значительный рост их потребления деревней); верхушка деревни не могла производительно использовать денежных накоплений, которые в известной мере давили на рынок и служили орудием спекулятивных операций.

Ориентировочный подсчет перераспределения дохода, благодаря росту цен (отвлекаясь от прочих факторов распределения), говорит о следующем.

Прирост денежных доходов середняцкого и кулацкого крестьянства от повышения цен по реализуемой сел.-хоз. продукции на внедеревенский рынок составляет от 500 до 550 млн. руб., из них от 320 до 350 млн. руб. падает на отчуждение на частный рынок и около 180—200 на обобществленный (из расчета, проведенного по отдельным товарам и районам согласно которому, в общем, около 40% товарной массы было реализовано на частный рынок). Эти 500—550 млн. руб. распределяются следующим образом: на хлеб приходится около 270—300 млн. руб. На животноводческо-продовольственные около 30 млн. руб. (здесь положительную роль сыграло повышение удельного веса обобществленной торговли), на сырье около 20—30 млн. руб. на прочие (кроме охоты, лесных доходов и рыболовства) около 180—200 млн. руб. (сено, овощи, фрукты и т. д.).

Около 75—100 млн. руб. осело в сохранившемся частном торговом аппарате по торговле сел.-хоз. товарами (общий фонд доходов частной торговли, разумеется, мог при этом сократиться).

Прирост цен на промтовары составляет около 250—275 млн. руб., при чем основная масса этого прироста была поглощена бюджетом по линии акцизов и промналога, некоторая сумма в 25—30 млн. руб. осела в оставшемся частном аппарате по реализации промтоваров.

Повышение цен, в общем, перераспределило (помимо внутридеревенского оборота) около 850—900 млн. рублей. Эта сумма была уплачена более, чем наполовину, рабочими и служащими (главным образом по линии сел.-хоз. товаров), около 80—100 млн. руб. уплачено крестьянством по промтоварам (внутридеревенский оборот

исключен), остальная сумма падает на прочих потребителей, в том числе и промышленность по линии закупки сырья.

Середняцкое и кулацкое крестьянство (в подавляющем большинстве производящих районов) выиграло от роста цен от 400 до 450 млн. руб. (500 или 550 млн. руб. минус 80—100 млн. руб., возвращенных за промтовары), частный торговый аппарат около 100 млн. руб.

Остальная масса (из 750—800 млн. руб., а не из 850—900 млн. руб., поскольку 100 млн. руб., возвращенных деревней по линии промтоваров нужно вычесть для получения сальдо), в основном, непосредственно перешла в бюджет.

Помимо того, сдвиг в области цен по хлебофуражу не мог не сказаться на пропорциях обмена по линии внутридеревенского оборота. Беднота в целом, несомненно, передала зажиточной части деревни и отчасти и середнякам производящих районов значительное добавочное количество благ, в том числе и в натуральной формс. Крайне приблизительные подсчеты в этой области говорят о сумме от 100 до 150 млн. руб. Это обстоятельство отнюдь не исчерпывает приходо-расходного баланса бедноты, расширившей в текущем году свое производство. Потеря на ценах является лишь одним элементом этого баланса.

Таким образом зажиточные (не середняцкие) слои деревни использовали конъюнктуру в целях накопления и усиления эксплоатации.

Значительный рост цен на сел.-хоз. товары, таким образом, действовал в сторону перераспределения народного дохода в ущерб рабочим и служащим, поглотив в значительной мере прирост номинальной заработной платы.

Весь фонд денежных доходов наемного труда возрос в 1928/29 г., примерно, на 14% (при росте месячной номинальной зарплаты на 1 рабочего на 9,5%). Доход всего города возрос на 12%. Номинальный доход земледельческого населения возрос, приблизительно, на 16%, а если учесть значительный прирост поступлений от неземледельческих заработков (от строительных работ, лесных работ, от отхожего промысла) составляющий около 20—22%, то весь прирост дохода деревни будет, вероятно, не меньше 18%. При этом следует иметь в виду, что покупательная сила „крестьянского рубля“ изменилась значительно меньше покупательной силы „рабочего рубля“ (крестьянство, в среднем, покупает, в основном, промтовары, а город—сел.-хоз. товаров больше, чем промтоваров). Таким образом, динамика реального потребления промтоваров в деревне, в среднем, была значительно благоприятнее, чем городских рабочих и служащих, особенно, если учесть очень значительное по сравнению с деревней повышение в 1928/29 г. доли города и лиц наемного труда в займах и налогах, удорожание коммунальных услуг и т. д.

В общем, крестьянство потребило в 1928/29 г. промтоваров почти на 500—600 млн. руб. больше, чем в 1927/28 г., удельный вес

деревни в потреблении промтоваров возрос — он равен, примерно 55—60%. Значительно возросло душевое потребление промтоваров деревней. Особенно оно возросло в восточных районах, в связи с премированием хлебосдатчиков, где временами наблюдалась даже заметная заминка в их сбыте.

Между тем, в городе в 1928/29 г. общее на все население потребление промтоваров в натуре возросло всего на 100—150 млн. руб., а по другим данным почти стабилизировалось.

Таким образом, прирост продукции промтоваров широкого потребления был поглощен в основном деревней.

Вместе с тем, подсчеты баланса спроса и предложения отмечают значительное возрастание неиспользованных денежных остатков деревни, прирост по которым, по некоторым данным, равен 250—300 млн. руб. (в городе они примерно стабилизировались). Ряд подсчетов приводят к цифре в 1 мрд. руб. суммы денежных остатков деревни (на руках в виде дензнаков), что составляет, несомненно, относительно, значительный процент к доходу и оказывает свое влияние на состояние рыночного равновесия.

Следует подчеркнуть относительность приведенных подсчетов. Однако, тенденция уловлена ими правильно.

Таким образом, вопреки утверждениям правых в истекающем году имело место значительное рыночное стимулирование середняцких хозяйств. Установка правых на дополнительное рыночное стимулирование всей деревни (в частности установки на дальнейшее повышение цен на сел.-хоз. товары), приобретает исключительно опасный характер в свете имевшего место спекулятивного обогащения деревенской верхушки.

В общем, данные текущего года, выявляют некоторое различие итогов процесса распределения по линии распределения средств производства и связанного с ним производительного накопления, с одной стороны, по линии распределения средств личного потребления и их потребления с другой стороны и по линии распределения денежных ресурсов и их накопления с третьей стороны.

В общем и целом, весь процесс распределения проходил в условиях осуществления быстрого темпа индустриализации и обобществления, однако, на этом фоне имелись кое-где более или менее заметные отклонения от плана распределения между различными группами населения.

В отношении средств производства имел место процесс несомненного значительного их роста в обобществленном секторе (промышленность, транспорт, сельское хозяйство), значительный рост их использования у некапиталистических элементов деревни, что и нашло свое отражение в значительном темпе производительного накопления у обобществленного сектора и у некапиталистических слоев деревни, расширивших свое производство, на общем фоне расширенного воспроизводства

в стране в целом. Наоборот, у капиталистических элементов, несомненно, имел место процесс суженного воспроизводства. Этот сдвиг в распределении средств производства и в размещении производительного накопления, составляющий базу для развития классовых взаимоотношений в стране, свидетельствует, между прочим, и о соответствующей высокой роли планового начала в этой ведущей области. Концентрация в руках государства подавляющей массы нового оборудования, твердая классовая система его распределения и, наконец, соответствующая социально-политическая обстановка в деревне привели к этим социальным итогам в области производительного накопления.

На ряду с очень значительным приростом производства средств производства, текущий год дал заметный рост производства предметов личного потребления и их реализации на широком рынке.

Благодаря тому, что обобществленный сектор не занимает такого доминирующего положения в области производства средств потребления, по сравнению с областью производства средств производства (особенно это относится к продовольственной отрасли), отклонения от плана, в условиях рыночного напряжения, здесь более или менее заметно проявились.

Это отклонение выявилось в сдвиге в ценовых пропорциях обмена в пользу производителей продовольственных товаров в ущерб их потребителям, основной массой которых является пролетариат и беднота деревни. Естественно, что эти ценовые сдвиги привели к перераспределению денежных ресурсов, по сравнению с планом, привели к значительному поступлению денежных сумм, между прочим, и к зажиточным кругам деревни, что сыграло свою роль несмотря на тенденцию к уменьшению их дохода от сокращения производства и к сохранившемуся (легальному и нелегальному) частному торговому аппарату.

Поскольку этот прирост денежных ресурсов к капиталистическим элементам не нашел применения в области средств производства, он мог быть использован для спекулятивных операций для, операций на фондовом рынке (что и имело место) и в попытках значительно увеличить долю в потреблении за счет трудовых слоев.

Однако, вмешательство государства внесло существенный коректив в эту ситуацию путем установления системы планового снабжения населения рядом предметов широкого потребления. Система нормированного снабжения внесла существенную поправку к ценовым сдвигам, которые без применения этой системы привели бы к такому перераспределению дохода, которое было бы уже несовместимо с взятым темпом индустриализации и вызвало бы общехозяйственный кризис.

Вышеприведенные в данной статье итоги влияния цен на процесс распределения имели место даже при действии этой системы;

нормированного снабжения,— естественно, что при ее отсутствии картина была бы несравненно более отрицательной.

Таким образом, нормированное снабжение на данной стадии, неизбежно опирающееся, в свою очередь, на систему заготовительных мероприятий, сводящихся к стеснению отчуждения на частный спекулятивный рынок и форсированию реализации их плановым заготовителем—это нормирование снабжения явилось орудием классовой самозащиты пролетариата от враждебных стихийных тенденций, в значительной мере предохраняя трудящихся от результатов повышения цен, стремясь перенести переплату по ценам на нетрудовые элементы.

Выступление правых элементов против системы классовых мероприятий по линии заготовок — снабжения, их требование развязывания частноторгового оборота привело бы (помимо непосредственного социального эффекта) к огромному росту цен на сел.-хоз. товары и бюджетного индекса (резкое увеличение доли частника благодаря разрыву цен) и, следовательно, к такому перераспределению рессурсов, который вызвал бы срыв наших планов. Наша экономическая политика пошла не по пути наименьшего сопротивления, не по пути подчинения рыночной стихии, — и план был в основном осуществлен.

Итак, следует подчеркнуть, что социальные итоги в области производительного накопления, личного потребления и денежного накопления оказались несколько различными (второй и третий моменты оказались относительно менее благоприятными по итогам, в социальном отношении). Этот разрыв оказался отнюдь не такого размера, чтобы привести к хозяйственному кризису, сорвать намеченные темпы. Однако, он требует к себе усиленного внимания и должен быть предметом тщательного изучения при составлении и осуществлении плана 1929/30 г.

Отвергая троцкистские установки наше планирование на 1929/30 г. должно учесть классовые итоги ценовых сдвигов, решительно преодолевая правые оппортунистические теории.

Необходимо (отнюдь не ценой отказа от взятых темпов индустриализации и обобществления, но путем их дальнейшего форсирования) посредством системы плановых мероприятий, привести в большее соответствие производительное накопление, потребление и денежное накопление. Это достижимо путем повышения удельного веса пролетариата и бедноты в потреблении (при абсолютном росте потребления всех основных масс деревни), путем системы кредитных, бюджетных и других финансовых мероприятий. Естественно, что эта система мероприятий не должна итти в разрез с взятой установкой на стимулирование середняцких слоев деревни.

Из вышесказанного следует, что элементы планирования хозяйственных процессов в их натуральном выражении уже колоссально возрастают. Достаточно привести пример роли натурального

премирования сдатчиков хлеба. Момент планового снабжения промтоварами играет сейчас, несомненно, большую стимулирующую роль в отношении сел.-хоз. заготовок, чем повышение цен. Огромное значение приобрело нормированное снабжение рабочих и служащих сел.-хоз. и промтоварами, рост снабжения продовольственными товарами бедноты. Наконец осуществление продуктообменных операций при контрактациях (система заказов на промтовары).

Остающееся еще чрезмерное отставание сельского хозяйства настойчиво требует, помимо системы мероприятий по его изживанию, также и твердого выполнения системы планового снабжения. Совершенно бесспорно, что проблема реальной заработной платы сейчас упирается именно в вопрос о степени развертывания системы нормированного снабжения. На 1929/30 г. требуется гигантская борьба за снабжение рабочего потребителя, требуются огромные сдвиги в обобществлении рынка продовольственных товаров, в значительном усилении планового регулирования заготовок не только хлебных, но и других, в том числе и животноводческих, в ограничении спекуляции и в развертывании контрактации в этих отраслях. Одновременно необходима (к этому уже приступили) огромная работа по под'ему животноводства, огородничества бедняцко-середняцких хозяйств и их коллективизации, создания соответствующих крупных государственных хозяйств. Проблема организации распределения продовольственных продуктов является основной для под'ема реальной заработной платы. От разрешения этой проблемы зависит и уровень цен (в связи с изменением весов обобществленного сектора).

Следует помнить, что недостаточность планового снабжения рабочих могло бы свести на-нет или ослабить эффект не только роста номинальной зарплаты, но и снижение цен.

Поскольку цена наиболее подвержена влиянию стихийных тенденций (хотя, в основном, она уже является формой проявления народнохозяйственного плана), требуется все большее сближение политики цен с системой планового снабжения, вносящего свои классовые коррективы.

С другой стороны, необходимо итти по пути развертывания системы диференцированных цен, полинии реализации (продажа товаров по разным ценам — различным группам), поскольку система планового снабжения позволяет это осуществить. Таким образом, будет внесен (это уже было осуществлено по линии хлебной торговли) плановый классовый корректив в отношении возможных стихийных сдвигов в пределах самой системы цен. Плановое начало, начало соответствующего классового распределения дохода будет, таким образом, значительно усилено. Необходимо изучить вопрос о возможности применения диференцированных цен и по линии сел.-хоз. заготовок (в связи с большим удельным весом контрактации).

Подводя общие итоги следует отметить, что сдвиги, происшедшие в 1928/29 г. в области цен, имея ряд неблагоприятных последствий, о которых выше шла речь (распределение дохода, покупательная сила рубля, ухудшение условий производства для некоторых отраслей сельского хозяйства), отнюдь не привели к срыву намеченных планов индустриализации и обобществления.

Цена не представляет собой чего-то внешнего для процесса воспроизводства в наших условиях, а является его неот'емлемым атрибутом. Если при этом в истекающем году имел место процесс расширенного воспроизводства и в промышленности и в сельском хозяйстве, с значительным темпом роста социалистического накопления в условиях сохранения необходимого для этого относительного равновесия, то это тем самым означает, что в основе „обмена веществ" в общественной системе, осуществляемого, в основном, через рынок и ценовые пропорции, и в текущем году оставался народнохозяйственный план. Итоги года свидетельствуют о значительной победе планового начала, действовавшего в тяжелых условиях чрезмерного отставания сельского хозяйства и рыночного напряжения.

Общие перспективы продовольственного баланса на 1929/30 г. говорят о возможности значительного разрыва цен обобществленной и частной торговли, особенно по животноводческим товарам. Отсюда вытекает задача максимального ограждения рабочих, служащих и бедноты деревни от воздействия частного рынка. Должна быть осуществлена жесточайшая плановая дисциплина по линии цен обобществленной розницы. Требуется широчайшее развертывание общественной инициативы по линии сокращения издержек обращения и торговых накидок. Необходима решительная борьба со всякого рода скрытым повышением цен, в частности, улучшение качества продукции.

Необходимо добиться, фактического снижения отпускных цен по отдельным товарам группы „Б", особенно учитывая значительный процент снижения себестоимости, намечающийся в 1929/30 г. (около 11%). По группе „А" требуется точное выполнение намеченного пятилеткой снижения цен. При чем, здесь требуется диференцированный подход в зависимости от степени реализации того или иного товара из группы „А" на широком рынке и в зависимости от реализации его тем или иным группам населения. Диференцированный подход требуется, в особенности в отношении товаров группы „Б". Необходимо добиться наиболее заметного снижения цен при реализации рабочим и низшим служащим. Следует помнить, что стабилизация уровня розничных цен обобществленной торговли в пределах 1929/30 г. означает повышение их по сравнению с среднегодовым уровнем 1928/29 г.

Уровень цен плановых заготовителей в настоящих условиях является достаточно стимулирующим сельское хозяйство (учитывая специфические условия обмена в советских условиях и темп сближения „ножниц" в истекшем году).

Необходимо во что бы то ни стало сохранить этот общий уровень от повышения, вместе с тем, внимательно следя за динамикой конкурентоспособности отдельных сел.-хоз. товаров.

Специфические особенности цены в условиях СССР (о чем было сказано в начале статьи) позволяют и в условиях непременной кон'юнктуры запроектировать на 1929—30 г. (учитывая его особенности по сравнению с истекающим годом) снижение общего уровня цен и значительное повышение реальной заработной платы.

Следует резко подчеркнуть имевшие место в 1928—29 г. неблагоприятные моменты в распределении дохода между классами, что должно и может быть исправлено в условиях наступающего года.

В итогах истекающего года резко выявилось тем самым, что явно оппортунистические утверждения и установка правых в области распределения народного дохода и политики цен оказались совершенно разбитыми в свете реальных фактов. Всякие попытки протащить в той или иной форме эти установка должны получить жесточайший отпор при установлении и осуществлении контрольных цифр будущего года.

Перспективы форсированного темпа обобществления оборота сел.-хоз. товарами на 1929—30 г., перспективы снижения отпускных цен, применение развернутой системы диференцированных цен — в условиях твердого осуществления классового нормированного снабжения позволяют запроектировать и осуществить в предстоящем году снижение бюджетного индекса на 4%.

Значительное повышение удельного веса обобществленной торговли должно привести к снижению среднего (по всем видам торговли) заготовительного и розничного индексов даже при возможном росте цен частного рынка.

Необходимо и возможно осуществить снижение цен обобществленной розницы как по сел.-хоз. товарам (овощам в первую очередь) так и по промтоварам.

С. Г. Струмилин

Расслоение советской деревни в 1927/28 г.

Процессам расслоения советской деревни за последние годы уделялось не мало внимания в нашей литературе. Но все же даже основной вопрос о критерии, по которому следует отличать кулака от середняка и середняка от бедняка, не получил еще достаточно авторитетного разрешения. Большого внимания заслуживают последние работы тов. Гайстера в ЦСУ, где он пытается расчленить советскую деревню на социально-классовые группировки по размеру средств производства отдельных хозяйств в комбинации с признаком найма или отпуска в наем рабочей силы и некоторыми другими. Это, несомненно,—довольно сложный и дорогой, но многообещающий путь. Однако, возможны и другие пути. И, в частности, мною еще год тому назад была выдвинута на обсуждение, в качестве метода изучения социальной структуры деревни, идея подоходной группировки хозяйств.[1]

На мой взгляд общий размер дохода на хозяйство среднего размера, а еще лучше на работника или на душу населения в этом хозяйстве является таким обобщающим показателем, в котором суммируются все основные элементы производства и который поэтому может с успехом заменить собою целую комбинацию хозяйственных признаков. К числу достоинств этого метода можно отнести его сравнительную элементарность, к числу недостатков невозможность установить для каждого хозяйства в отдельности непосредственную связь между размером его дохода и классовой характеристикой. Несомненно, что в отдельных случаях эксплоатируемый батрак по размерам своего дохода может превзойти простого товаропроизводителя, а этот последний при благоприятных условиях урожая или близости к рынку может получить более высокий доход, чем эксплоатирующий постоянно наемный труд кулак-предприниматель. Именно поэтому мы вынуждены довольствоваться в своих расчленениях лишь такими общими социальными характеристиками, как бедняцкая, середняцкая и зажиточная группы деревни, в то время, как хотелось бы эту деревню расчленить гораздо точнее на пролетариат, полупролетариат и сельскую буржуазию, с вы-

[1] См. „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г." М. 1929 г., стр. LXIX—XCIII и „Плановое Хозяйство". 1928 г., март, стр. 34—62.

делением особо групп обобществленного и простого товарного секторов и т. д. Однако, и принятый нами критерий, если не в отношении к каждому отдельному хозяйству, то в общем для целых статистических совокупностей таких хозяйств дает не плохие результаты. Во всяком случае полученные нами до сих пор выводы о социальной структуре деревни отнюдь не противоречат известным нам работам других исследователей.

В самом деле, по данным Госналога за 1926/27 г., зажиточная группа по нашему методу определилась в 3,3% от всего земледельческого населения СССР, середняцкая в 66,4% и бедняцкая, со включением сюда и батраков, в 30,3%.[1] Комиссия СНК Союза по тяжести обложения, пользуясь совершенно иными источниками и другими методами, определила за тот же год „предпринимательскую" группу деревни в 3,9% к самодеятельному и в 5,2% ко всему сельско-хозяйственному населению СССР, середняцкую в 62,7% от самодеятельного и 71,9% от всего населения и бедняцкую, включая сельский пролетариат, соответственно в 33,4% и 22,9%. По расчетам А. И. Гайстера для того же года, верхняя группа „мелко-капиталистических товаропроизводителей" достигала 5,1%, средняя („простые товаропроизводители") — 70.6% и низшая („пролетариат и полупролетариат") — 23,7% общего итога сельскохозяйственного населения.[2] Если учесть, что последние два расчета строились на довольно узкой базе выборочных исследований, а материал Госналога — на сплошной переписи по всему Союзу, что уже само по себе исключает возможность полного совпадения выводов, то определившуюся в этих процентах структуру деревни придется признать по всем расчетам весьма схожей, если не тождественной. И с этой точки зрения наш метод способен, повидимому, дать вполне удовлетворительные результаты.

Гораздо хуже обстоит дело с тем статистическим материалом, которым приходится пользоваться для подоходной группировки. Данные налоговых сводок по единому сел.-хоз. налогу для этой цели могут быть использованы без особого риска только начиная с кампании 1927/28 г. Правда, мы пытались до известной степени использовать для подоходной группировки и данные 1926 27 г. Но для этого пришлось сделать довольно большие и сложные пересчеты с перемещением „сказуемого" основных налоговых таблиц в „подлежащее", так как в основу группировки хозяйств 1926/27 г. был положен не доход, а посевная площадь и число голов крупного скота. Данные 1927/28 г. сгруппированы, наоборот, по доходу, а посевы и скот перенесены из подлежащего в сказуемое. Уже это делает группировки

[1] „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г." стр. LXXIX.

[2] „Тяжесть обложения в СССР", М. 1929 г., стр. 74, 76 и 124; у т. Гайстера, помимо названных групп, выделено еще в особую группу население колхозов (0,6%)

Таблица 1

Итоги сплошного учета по СССР за 1927/28 г. (без Якутской АССР)

Типы хозяйств и республики	Число хозяйств в тыс.	Население в млн. душ	Посев в тыс. гектаров	Облагаемый скот в тысячах	Доход в млн. рублей			Исчисленный налог в тыс. руб.
					Облагаемый	Учтенный		
						Весь	В т. ч. от промыслов	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Единоличные хозяйства:								
1. РСФСР	16.895	86.30	65.135	36.750	3.905	4.926	1.258	247.652
2. УССР	5.066	24.61	21.373	7.116	1.293	1.463	208	94.892
3. БССР	793	4,25	2.455	2.074	191	210	26	10.809
4. ЗСФСР	913	4 62	1.250	2.466	154	173	28	8.008
5. УзбССР	989	4,30	1.761	2.042	184	192	14	14.660
6. ТуркССР	171	0,77	270	477	32	33	2	2.690
Итого по СССР . . .	24.828	124,85	92.244	50.923	5.759	6.997	1.536	378.705
В т. ч. скотов. хоз-ва [1] . .	(587)	(2,84)	(306)	(2.870)	(84)	(88)	(6,2)	(4.920)
II. Коллективные хозяйства . . .	13,7	0,65	705	145	38	40	2,6	2.228
III. Совхозы	10,1	—	1.178	184	72	72	0,2	4.768
Всего по I-III								
а) итоги 1927/28 г. . . .	24.852	125 5	94.127	51.252	5.869	7.109	1.544	385.701
б) то же за 1926/27 г. . .	24.223	121,5	88.713	53.498	5.683	—	—	381.560

[1] Распространенные данные.

названных лет почти не сравнимыми. К этому еще надо добавить, что группировка 1926/27 г. была сплошная по всем хозяйствам, а за 1927/28 г. выборочная — на 19,7% общего числа хозяйств. Если к этому еще добавить, что изменились нормы оценки дохода, изменен возраст скота, подлежащего обложению, и целый ряд других моментов, то возможность сравнения данных за два указанных года станет еще проблематичнее. За 1928/29 г. в связи с новыми изменениями закона о сел.-хоз. налоге и программы разработки налоговых данных рассчитывать на полную их сравнимость с данными предшествующих лет тоже не приходится. Таким образом, возможность наиболее интересных для нас динамических сопоставлений социальной структуры деревни за ряд лет становится весьма сомнительной.

Тем не менее, данные 1927/28 г. представляют вполне самостоятельный интерес для освещения социальной структуры деревни и пройти мимо них исследователю этой проблемы едва ли возможно.

Общие итоги налоговых сводок по единому сел.-хоз. налогу за 1927/28 г., по сравнению с предыдущим годом, представляются в следующем виде (см. табл. 1 на стр. 51).

В приведенные итоги не вошло некоторое количество так называемых „бездоходных" единоличных хозяйств (за 1927/28 г. 388 тыс. хозяйств с 1.193 тыс. едоков), а также мелких общественных хозяйств, принадлежащих разным организациям (за 1927/28 г. до 45 тыс. хозяйств, 255 тыс. *га* посева и 13,2 млн. руб. облагаемого дохода), едва ли полон учет колхозов, не вошла Якутская АССР, не полностью учтены скотоводческие кочевые хозяйства (в особенности их мало за 1927/28 г.), преуменьшено для 1927/28 г. число голов крупного скота за повышением на один год возраста скота, подлежащего обложению, что должно было отразиться и на учете облагаемого дохода 1927/28 г., по сравнению с предыдущим.[1] Но все же в общем мы имеем здесь весьма полный учет типа сплошной переписи.

Наиболее условны в этом учете нормативно исчисленные суммы доходности обложенных хозяйств. Основанный на средних за несколько лет нормах урожайности и ценах, этот учет, прежде всего, отнюдь не отражает реальной доходности данного года, а затем, он крайне осторожно, т.-е. с заведомым преуменьшением определяет и средний уровень доходности каждого хозяйства.

Какое влияние на исчисление этой доходности оказывают разные нормы и методы расчета, можно усмотреть из следующего сопоставления (см. таблицу 2 на стр. 53).

[1] Одно лишь население, в приведенной таблице, несомненно сильно преувеличено в целях облегчения налога (так называемое приписное население, а не наличное).

Таблица 2

Доходы земледельческого населения СССР
(в млн. червонных рублей)

Категории дохода и источники	1926/27 г.	1927/28 г.	Прирост	
			Абс.	в %
1	2	3	4	5
I. Население в млн. душ	120,9	124,8	3,9	3,2
II. Доходы населения:				
1. Облагаемый (индив. хозяйств)				
а) от сельского хозяйства	5.263,1	5.460,4	197,3	3,7
б) от промыслов	225,5	298,8	73,3	32,5
Итого по налоговым данным . .	5.488,6	5.759,2	270,6	4,9
2. Условно-чистый (по средним за ряд лет нормам):				
а) от сельского хозяйства	8.097,5	8 384,2	286,7	3,5
б) от промыслов	826,1	1.535,9	709.9	86,0
Итого по исчислениям НКФ . .	8.923,6	9.920,1	996,6	11,2
3. Условно-чистый (по ценам и нормам данного года):				
а) от сельского хозяйства	9.250.9	9.716,4	465.5	5,0
б) от промыслов	826,1	1.535,9	709,9	86,0
Итого по исчислениям НКФ . .	10.077,0	11.252,3	1.175,4	11,7
то же на душу населения в руб .	83,5	90,0	6,5	7,8
4. Доход земледельческого населения СССР по „Контр. цифрам" Госплана				
а) по всем секторам[1]	12.757	13.333	576	4,5

Прирост населения, показанный в этой таблице, несомненно преувеличен за счет неточного учета едоков в Средней Азии, где число едоков не принимается в расчет при начислении налога. Так, например, по УзбССР за 1926/27 г. учтено всего 3.100 тыс. душ, а за 1927/28 г. их вследствие улучшения учета насчитано там уже 4.302 тыс., т.-е. на целых 39% больше. Разумеется, такого прироста быть не могло. Нормальный прирост не свыше 2,3%. Значит недоучет едоков за 1926/27 г. по этой республике надо оценивать не менее 1.100 тыс. и тогда общий прирост земледельческого населения по всему Союзу составит не более 2,8 млн. на 122, т.-е. как-раз 2,3%.

Прирост доходов от сельского хозяйства несколько обгоняет этот прирост населения. Что же касается доходов от промыслов, то по исчислениям НКФ они растут совершенно несообразно с ростом населения. И это служит лучшим доказательством деффектности

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г." М., 1929 г. стр. 438; для частного сектора эти итоги следует понизить примерно на 2,7 и 3,4%.

их учета, в особенности за 1926/27 г., когда эти доходы стали учитываться впервые. По расчетам Госплана СССР, основанным на бюджетных данных, доход от промыслов крестьянского населения (отхожих и местных) достигал в 1926/27 г. 2.798 млн. и в 1927/28 г. 3.068 млн. руб., т.-е. раза в два выше максимальной цифры по учету Госналога.[1]

Правда, тов. Н. Дьяченко, посвятивший целую статью освещению методов учета доходности населения налоговыми органами НКФ, думает, что расчеты Госплана в этом отношении „заведомо преувеличены".[2] Однако, это утверждение отнюдь им не доказано А между тем специальная комиссия по тяжести обложения, использовавшая для своей работы все материалы ЦСУ и НКФ, определила размер промысловых доходов сельскохозяйственного населения за 1926/27 и 1927/28 гг. в сумме свыше 5 мрд. руб., т.-е. раза в три выше „утвержденной" для 1927/28 г. суммы этих доходов по Госналогу, а общая сумма условно — чистого дохода земледельческого населения за 1926/27 г. определена там в 12.756 млн. черв. руб., вместо тех 10.077 млн. руб., которые получились у тов. Дьяченко, т.-е. на 27% выше.[3]

Исходя из этих данных, мы считаем итоги „облагаемого" дохода преуменьшенными по крайней мере в 2,2 раза. Это соотношение получилось у нас для 1926/27 г. и подтвердилось данными следующего года. Однако, поскольку мера этого преуменьшения известна и при том, судя по соотношению между облагаемым и всей суммой учтенного Госналогом дохода за 1927/28 г., эта мера преуменьшения почти одинакова для бедняков, середняков и зажиточных, то и „облагаемый" доход является достаточно показательной мерой относительной состоятельности различных социальных групп.

К бедняцким группам мы относим все хозяйства с доходностью не выше среднего уровня жизни сельского батрака, т.-е. с доходом рублей 80 на душу, по данным 1926/27 г. Для середняка, в качестве верхней границы, мы повышаем батрацкую норму в 2,5 раза, что соответствует примерно уровню жизни индустриального городского рабочего. Крестьянские хозяйства с доходом выше этого уровня мы относим уже к категории зажиточных.

Разумеется, в условиях растущей зарплаты эти моменты не остаются неподвижными. В частности, зарплата за 1927/28 г. и в городе и в деревне выросла, по нашим расчетам, процентов на десять. Таким образом, для 1927/28 г. наши лимиты с 80 и 200 руб. поднимаются до 88 и 220 руб., а в применении к „облагаемому" доходу их следует еще разделить на 2,2 и тогда получаем верхний

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.", М., 1929 г., стр. 449.

[2] „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г.", М., 1929 г., стр. CX.

[3] „Тяжесть обложения в СССР", М., 1929 г., стр. 82 и 78.

Таблица 3

Расслоение деревни в 1927/28 году

(Распространенные итоги по СССР без УзбССР и ТуркССР)[1]

Группировка по облагаемому доходу на душу

Показатели	Бедняки до 40 руб. на душу	Середняки — от 40 руб. до 100 руб.	Зажиточные — свыше 100 руб. на душу	Итого
1	2	3	4	5
1. Число хозяйств:				
а) в тысячах	10.179	11.879	1.119	23.177
б) в %% к итогу	43,9	51,3	4,8	100
2. Население:				
а) в тысячах душ	53.372	60.155	4.186	117.713
б) %% к итогу	45,3	51,1	3.6	100
в) в среднем на 1 хозяйство	5,24	5,06	3,74	5,08
3. Посевная площадь:				
а) в тысячах гектаров	24.324	56.320	9.771	90.415
б) в %% к итогу	26,6	61,7	10.7	100
в) в га на 1 хозяйство	2,39	4,74	8,73	3,90
4. Облаг. рогатый и рабочий скот:				
а) в тысячах голов	15.199	27.226	3.782	46.207
б) в %% к итогу	32,9	58,9	8,2	100
в) на 1 хозяйство	1,49	2,29	3,38	1,99
5. Учтенный доход:				
а) в млн. руб.	1.822	4.212	677	6.711
б) в %% к итогу	27.1	62,8	10,1	100
в) в руб. на хозяйство	179.0	354,6	605,0	289,6
г) в руб. на едока	34,14	70,02	161,73	57,02
6. В т. ч. от промыслов:				
а) в млн. руб.	403,2	952,8	154,6	1.510,6
б) в %% ко всему доходу	22,1	22,6	22,8	22,5
7. Облагаемый доход:				
а) в млн. руб.	1.486	3.434	569	5.489
б) в %% к итогу	27.1	62.5	10,4	100
в) в руб. на хозяйство	146,0	289,1	508,5	236.8
г) в руб. на едока	27,84	57,08	135,92	46,64
8. Исчисленный налог:				
а) в тысячах руб.	39.155	233.228	85 317	357.700
б) в %% к учтенному доходу	2,15	5,54	12,60	5,33
в) в %% к облагаемому доходу	2,63	6,7	14,99	6,52
г) в руб. на хозяйство	3,85	19,63	76,25	15,43
д) в руб. на душу	0,74	3,87	20,39	—

[1] Исключая хозяйства скотоводческих районов.

лимит для бедняков по облагаемому доходу 1927/28 г. 40 руб. и для середняков 100 руб. на душу. В основных таблицах Госналога за 1927/28 г. группировка по доходу на едока предусматривает такие интервалы. И, стало быть, расчленение всей массы хозяйств на три группы, по вышеуказанному признаку, не представляет никаких затруднений.

К сожалению, подоходная группировка на едока в материалах Госналога почему-то осуществлена только по четырем республикам из шести. По УзбССР и ТуркССР мы располагаем группировкой доходов только на хозяйство, независимо от размеров семьи, и потому нижеследующая сводная таблица не включает названных среднеазиатских республик (см. таблицу 3 на стр. 55).

В приведенной таблице, прежде всего, может смутить резкое увеличение процента бедняцкой группы, по сравнению с расчетами предшествующего года. В 1926/27 г. бедняки составляли, по нашему расчету, только 30% земледельческого населения СССР, а через год эта цифра достигает уже 45%, т.-е. возрастает в полтора раза. Отчасти это можно было бы отнести за счет неполной сравнимости сопоставляемых за два года данных и методов их обработки. Но главная причина этого расхождения лежит, повидимому, в другой области. Уровень батрацкой зарплаты, как было уже указано, вырос за 1927/28 г., примерно, на 10%. А средний уровень доходности всего земледельческого населения за этот год, по целому ряду кон'юнктурных причин, не обнаружил такого прироста. Вполне естественно, что в этих условиях, при повышении мерки бедняцкого уровня состоятельности под нее попадает более широкий круг хозяйств.

Не мешает попутно отметить, что сельский пролетариат по своему уровню доходности стоит у нас выше значительной массы деревенской бедноты, именуемой обычно „полупролетариатом". Так, например, по данным исследования „Тяжесть обложения в СССР", средний доход „бедняцкой" группы, не включая сюда батраков, едва достигал за 1926/27 г. 78,6 руб. на 1 душу, у батраков же он поднимался до 93,6 руб., при среднем уровне „середняцкого" дохода в 113,3 руб. на душу. Таким образом, „полупролетариат" нашей деревни, в среднем, живет хуже полного, стопроцентного пролетариата. И это вполне понятно, ибо большая часть нашей „полупролетарской" бедноты лишена средств производства, примерно, в той же или почти в той же мере, как и средний батрак, но вдобавок к этому не имеет еще и достаточно работы по найму. Говоря иначе, такой „полупролетарий" очень часто отличается от безработного пролетария только тем, что он не записан на бирже труда, так как имеет клок земли и потому формально числится самостоятельным хозяином.

Известное повышение численности бедноты, с повышением мерки бедняцкого уровня состоятельности, вполне естественно. Но правдоподобно ли столь значительное расширение круга бедноты в полтора раза при повышении уровня ее дохода только на 10%?

Вот вопрос, требующий дополнительной проверки. Чтобы сделать такую проверку, следовало бы или понизить на 10% соответствующий лимит бедноты для 1927/28 г., но к сожалению этого не позволяют наличные интервалы в подоходной группировке этого года, либо повысить на те же 0% этот лимит в нашей искусственной группировке за 1926/27 г. Последний путь для нас легче осуществим. И вот что он нам дает.

В пределах земледельческих районов РСФСР за 1926/27 г. мы насчитали в прошлом году из 15.965 тыс. общего числа хозяйств бедняцких дворов со средним доходом до 36 руб. на едока—4.700 тыс. т.-е. 29,6%. А когда мы этот лимит повысили теперь всего на 10% (до 40 руб.), то к числу бедняцких хозяйств пришлось прибавить еще 2.485 тыс. хозяйств и общее их число поднялось до 45,1% всего числа хозяйств. Этот подсчет показывает, что никакого реального роста бедняцкой массы за 1927/28 г. не имело место. Меняется лишь в наших расчетах понятие бедноты, поскольку мы его связываем со средним уровнем дохода батрацкой массы, а этот уровень заметно возрастает с каждым годом.

Возвращаясь после этой, весьма существенной, оговорки к данным таблицы 3, мы можем сделать следующие выводы. Основную массу в деревне и по этому расчету, как и по другим данным,— составляет середняк. Ему принадлежит около 62% посевов, 59% скота и до 63% всего учтенного дохода. Бедняцкая опора пролетарской диктатуры в деревне представляет собою по этому расчету тоже весьма крупную социальную силу. На эту группу падает до 27% посевов, до 33% скота и 27% от всего учтенного дохода; тогда как верхняя кулацко-предпринимательская группа обнимает собою всего около 3—4% населения, не свыше 11% посевов, около 8% скота и около 10% всех крестьянских доходов.

Весьма характерно, что по среднему доходу на едока каждый предприниматель раз в пять богаче рядового бедняка и в два с лишним раза мощнее типичного середняка. Но за то классовый характер сел.-хоз. налога несколько выправляет это резкое неравенство, ибо с бедняков он начисляется всего в размере 2,15% от учтенного дохода, у середняков этот процент из'ятия возрастает до 5,54%, а у зажиточных даже до 12,6%, т.-е. почти в шесть раз выше, чем у бедняков. А если учесть еще те льготы и скидки, которые даются беднякам после начисления налога, то эта налоговая прогрессия окажется еще резче. И в общем кулак, будучи только раз в пять богаче бедняка, облагается из расчета на хозяйство раз в 20, а из расчета на душу даже раз в 30 большей суммой сел.-хоз. налога.

В 1926/27 г. эта прогрессия была заметно слабее выражена: процент из'ятия у зажиточных только в 4,8 раза превышал норму из'ятия у бедняков, а вместе с тем и абсолютный размер исчисленного налога, из расчета на душу, колебался от группы к группе в менее резком диапазоне.

Таблица 4

Расслоение деревни в 1927/28 г.

(Распространенные итоги по всему СССР)[1]

Группировка по облагаемому доходу на хозяйство

Показатели	Бедняки, до 200 руб. на 1 хозяйство	Середняки, от 201 до 600 руб. на 1 хозяйство	Зажиточн., свыше 600 р. на 1 хозяйс.	Итого
1	2	3	4	5
1. Число индивидуальных хозяйств:				
а) в тысячах	11.943	11.589	778	24.310
б) в % к итогу	49,1	47,7	3,2	100
2. Население:				
а) в тысячах душ	46.553	69.778	6.501	122.732
б) в % к итогу	37,9	56,8	5,3	100
в) душ на 1 хозяйство	3,9	6,0	8,3	5,05
3. Посевная площадь:				
а) в тысячах гектаров	22.299	58.976	11.481	92.756
б) в % к итогу	24,0	63,6	12.4	100
в) в га на 1 хозяйство	1,87	5,09	14,75	3,81
4. Облагаемый крупный скот:				
а) в тысячах голов	14.795	29.564	4.316	48.675
б) в % к итогу	30,4	60,7	8,9	100
в) голов на 1 хозяйство	1,24	2,56	5,56	2,00
5. Учтенный доход:				
а) в млн. рублей	1.709	4.468	758	6.935
б) в % к итогу	24.6	64,5	10,9	100
в) в рублях на 1 хозяйство	143,1	386,0	975,0	285,3
г) в рублях на 1 душу	36,7	64,0	116,6	56,5
6. В т. ч. от промыслов:				
а) в млн. рублей	362,1	998,8	164,9	1.525.8
б) в % ко всему доходу	21,2	22,4	21,7	22,0
7. Облагаемый доход:				
а) в млн. рублей	1.408 0	3 654.6	642,3	5.704.9
б) в % к итогу	24 7	64.0	11.3	100
в) в рублях на 1 хозяйство	117,9	316,0	826,0	234,7
г) в рублях на 1 душу	30,2	52,4	99,0	46,5
8. Исчисленный налог:				
а) в тысячах рублей	49.030	238.564	87.346	374.940
б) в % к учтенному доходу	2,87	5,35	11,5	5,41
в) в % к облагаемому доходу	3,48	6,53	13,6	6.57
г) в рублях на 1 хозяйство	4,11	20,65	112,1	15,42

[1] Исключая хозяйства скотоводческих районов.

Абсолютные цифры таблицы 3 менее показательны, так как не охватывают собой двух среднеазиатских республик. Чтобы охватить и их, мы должны перейти от группировки по душевому доходу к другой группировке, проведенной по всему Союзу, а именно, к группировке по доходу на хозяйство. Считая в нормальном середняцком хозяйстве от 5 до 6 душ, мы низшую границу доходности для такого хозяйства определяем в $40 \times 5 = 200$ руб. и верхнюю в $100 \times 6 = 600$ руб. облагаемого дохода. При таком условии социальная структура советской деревни представится в следующем виде (см. таблицу 4 на стр. 58).

В основном и эта группировка подтверждает все те выводы, какие мы выше делали, исходя из группировки по душевому доходу. Но можно отметить и некоторые существенные отличия. Важнейшим из них является совершенно иной состав семьи в крайних социальных группах. В самом деле, среднее число душ на 1 хозяйство по обеим группировкам изменяется для разных социальных групп следующим образом:

Группировки:	Бедняки	Середняки	Зажиточные
1. По доходу на едока	5,2	5,1	3,7
2. „ „ „ хозяйство	3,9	6,0	8,3

В первом случае размер семьи падает с возрастанием дохода, во втором, наоборот, очень быстро нарастает. И в результате бедняки занимают по размеру семьи место зажиточных, зажиточные увеличивают свой семейный состав более чем вдвое и лишь середняки не выходят за пределы 5—6 душ на двор. Это приводит к тому, что если по числу дворов бедняцкая группа повысила свой удельный вес в общем итоге хозяйств, то по населению, наоборот, заметно его сокращает, а зажиточная группа, напротив, сократив свой удельный вес по числу хозяйств, увеличивает его по проценту населения.

О чем же говорят столь резкие смещения семейного состава крайних групп?

Едва ли может быть сомнение, что в этих смещениях проявляется действие искусственного отбора семей по тому или иному признаку.

Когда мы в качестве признака группировки выбираем определенный размер дохода на хозяйство, то, несомненно, в высшую группу совершенно искусственно отбираем помимо настоящих кулаков, имеющих повышенный доход от эксплоатации чужого труда, и значительную массу середняков, с повышенным доходом за счет большего числа работников в семье и, стало быть, за счет повышенного трудового дохода таких многодушных семей. Наоборот, мелкая семья, даже кулацкого типа, по тем же основаниям пониженного дохода попадает при этом в „середняки“, а более мелкие середняки переходят в „бедняцкую“ группу. Таким образом

по этому признаку все наиболее крупные семьи отбираются в высшую группу, а все наиболее мелкие, наоборот, в низшую по доходу, бедняцкую группу.

Социальное лицо каждой группы благодаря таким смещениям, разумеется, в той или иной мере искажается. И потому, вышеиспользованный прием расчленения деревни по размеру дохода на хозяйство, независимо от числа составляющих его членов, годится лишь в качестве самого первого приближения к изучению социальной структуры советской деревни.

В частности, этот прием дает нам, несомненно, преувеличенный удельный вес кулацкой группы в общем населении деревни. Это видно уже из того, что средний доход этой группы из расчета на душу составляет у нас по таблице 4 всего 99 руб., т.-е. даже в среднем по всей группе не достигает установленной минимальной нормы для зажиточной группы (100 руб.).

Гораздо лучшие результаты в смысле социальной чистоты группировки должен обеспечивать признак определенного размера дохода из расчета на душу. В этом случае простое слияние двух середняцких семей уже отнюдь не создает нам одной кулацкой, как это было бы при пользовании в качестве мерила неподвижным аршином посемейного дохода. Здесь с увеличением размера семьи возрастает и та сумма дохода, которая характеризует ее как бедняцкую, середняцкую или кулацкую. Однако, и подвижная мерка душевого дохода далеко не всегда удовлетворяет своему назначению. С возрастанием или сокращением числа членов семьи при нормальном ее составе, признак душевого дохода полностью сохраняет свое значение мерки определенного социального уровня. Но в отношении отдельных хозяйств с нетипичным составом семьи и душевой доход становится недостаточно четким критерием социального расчленения.

Поясним это примером. Допустим, что предельной нормой трудового дохода в условиях нашего сельского хозяйства середняцкого типа мы установили 100 руб на душу или 600 руб. на семью в 6 душ. При этом допущении, если доход такого хозяйства превышает указанную норму, то избыток этого дохода мы рассматриваем уже как нетрудовое приобретение, т.-е. как результат эксплоатации, в той или иной форме, чужого труда и потому относим такое хозяйство в категорию предпринимательских, называем его кулацким и т. д. Такое рассуждение, однако, верно лишь в том случае, если сопоставляемые хозяйства достаточно сравнимы между собою во всех отношениях и, прежде всего, по обеспечению рабочей силой и средствами производства. В среднем хозяйстве из 6 душ можно считать 3 работника и 3 иждивенца. Стало быть, предельный трудовой доход, падающий на одного работника, составит 200 руб. Ну, а если в нашей семье из 6 душ только 2 работника и они все же добывают на семью те же 600 руб.— Очевидно, в этом случае этот доход уже

превышает предельную трудовую норму данного числа работников указывая на наличность предпринимательства и эксплоатации чужого труда. И, наоборот, при 4 работниках из 6 душ даже 700 руб. дохода отнюдь еще не превышает предельную норму середняцкого хозяйства и не дает права относить такое хозяйство к типу кулацких.

Отсюда мы делаем следующие выводы. При использовании подоходной группировки для расчленения сельского населения на социальные группы — наиболее грубое приближение дает группировка по доходу на хозяйство. Она преуменьшает размер бедняцкого хозяйства по числу его членов и резко преувеличивает среднее число членов в зажиточных хозяйствах, включая сюда все многодушные середняцкие семьи. Лучшие результаты дает группировка по доходу на едока. Но и она, в известной мере, искажает средний состав семьи в крайних социальных группах, отбрасывая все семьи с избытком иждивенцев к бедняцкому концу и с избытком работников к кулацкому концу деревни. Наиболее правильный результат дала бы в этом отношении группировка по доходу на работника. Но она, к сожалению, по состоянию имеющегося в нашем распоряжении налогового материала в настоящее время не осуществима.

В известной мере эти замечания следовало бы учесть и тем товарищам, которые в основу социальных группировок, вместо доходности, предпочитают класть признак наличных средств производства. И здесь наилучшие, на наш взгляд, результаты дала бы группировка по размеру средств производства на работника, а не на хозяйство. Материал, с которым оперируют работники ЦСУ, это несомненно позволяет сделать. И я не совсем понимаю, почему они пренебрегают этой возможностью.

Переходя от общих итогов по СССР к отдельным республикам, получаем следующее сопоставление (см. таблицу 5 на стр. 62).

На первом месте по облагаемому душевому доходу стоит Украина, на последнем — Закавказская федерация. Облагаемый доход в этом отношении, правда, не особенно показателен, так как он далеко не с одинаковой полнотой учитывается в разных республиках. Так, например, по расчетам тов. Дьяченко за 1926/27 г. облагаемый доход в среднем по всему Союзу преуменьшен, по сравнению с условно-чистым, на 37,2%, но по Украине этот процент падает до 35,2%, а по ЗСФСР возрастает до 49,7%. С поправкой на эту разницу в полноте учета мы получили бы, вероятно, совсем иной порядок в расположении наших республик по уровню благосостояния деревни. Особенно заметно повысился бы при этом уровень среднеазиатских республик и Закавказья. Но все же, даже с учетом этой поправки, ЗСФСР, повидимому, осталась бы на последнем месте.

Однако, эта различная полнота учета облагаемого дохода, положенного в основание группировки, в сильнейшей степени затрудняет сравнение между собою полученных результатов в

Таблица 5

Социальная структура деревни в 1927/28 г.

Индивидуальные хозяйства земледельческих районов

Республики	Население				Облагаемый доход в рублях на душу				Коэфициент расслоения
	всего в тыс. душ	в %% к итогу							
		бедняки	середняки	зажиточные	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Группировка по доходу на душу									
1. УССР	24.638	34,4	60,7	4,9	29,0	59,5	131,8	52,5	30,8
2. РСФСР	84.168	46,8	49,9	3,3	28,0	56,3	137,8	45,8	36,3
3. БССР	4 283	48,6	49 0	2,4	29,1	55 8	131,8	44,7	33,9
4. ЗСФСР	4.623	73,9	24,2	1,9	22,5	57,3	143,4	33,2	47,6
Итого по 1—4	117.711	45,3	51,1	3,6	27,8	57,1	135,9	46,6	36,6
Б. Группировка по доходу на хозяйство									
1. УССР	24.638	31,4	63,2	5,4	35,0	57,4	99,0	52,5	21,2
2. РСФСР	84.168	37,2	57,3	5,5	30.3	50.9	98,0	45,8	25,3
3. БССР	4.283	34,8	62,7	2,5	32,0	49.7	96,0	44,7	19,8
4. ЗСФСР	4.623	64,0	32,2	3,8	22,9	47,0	87,2	33,2	39 4
Итого по 1—4	117.711	36,9	57,8	5,3	30,7	52,2	98,0	46,6	25,5
5. УзбССР	4 255	59,1	35,6	5,3	24,9	62,2	122,0	43,3	50,2
6. ТуркССР	765	56,4	37,6	6,0	27,1	51,0	101,2	40,6	37,3
Всего по СССР	122.732	37,9	56,8	5,3	30,2	52,4	99,0	46,5	26,3

республиканском и районном разрезах. Так, например, очень характерное понижение процента середняков, за счет повышения удельного веса бедняцкой группы, какое мы наблюдаем в ЗСФСР и среднеазиатских республиках, заслуживало бы серьезнейшего внимания. Но поскольку нам известно, что именно в этих республиках облагаемый доход учтен особенно неполно, то при одних и тех же доходных интервалах для всего Союза эта неполнота учета в данных республиках естественно должна была привести к огромному преувеличению в них бедняцкой группы за счет середняков. Это характеризует собою, однако, лишь относительно скверное состояние налогового учета в этих республиках, а не социальную структуру советской деревни в их пределах.

В качестве наиболее обобщенного показателя диференциации деревни мы принимаем коэфициент расслоения, исчисляемый следующим образом. Отклонение среднего душевого дохода бедняков, середняков и зажиточных от средней нормы по всем трем группам берется независимо от знака разности, выводится среднее, взвешенное по числу душ каждой группы, отклонение и это среднее отклонение выражается в процентах от среднедушевого дохода по данной республике или району. Как видно из нашей таблицы, этот коэфициент расслоения заметно меняется в зависимости от метода группировки и, в частности, при группировке хозяйств по доходу на хозяйство, где удельный вес середняков повышается, а уровни душевого дохода крайних групп сближаются, снижение коэфициента расслоения очень четко фиксирует это видимое смягчение диференциации деревни.

Но, конечно, такая видимая нивелировка, вытекающая только из изменения приемов группировки, не представляет никакого интереса. Интереснее были бы те колебания коэфициентов расслоения, какие можно отметить в районном разрезе. Но поскольку и здесь вследствие различной степени полноты учета облагаемого дохода мы не располагаем основной предпосылкой достаточной сравнимости сопоставляемых коэфициентов, никаких серьезных выводов из такого сопоставления мы сделать не решились бы.

Общий вывод, к которому мы приходим в настоящий момент, сводится к следующему. Налоговая отчетность в настоящем ее виде может быть использована в целях изучения социальной структуры советской деревни только для наиболее суммарных характеристик по всей стране в целом. По отдельным районам и республикам, в виду наличных дефектов этой отчетности, пользоваться ею было бы пока едва ли осторожно. Несомненно все эти дефекты устранимы. Налоговый учет с каждым годом совершенствуется. Но тем не менее переоценивать его пригодность для данной специальной цели в настоящий момент не приходится.

Л. А. Мендельсон

Сравнительный анализ структуры промышленности СССР и главнейших стран капитализма [1]

К постановке вопроса

Гигантская задача „догнать и перегнать“ передовые страны капитализма требует внимательнейшего сопоставления как статистики, так и динамики всех областей хозяйства СССР и мирового капитализма. Это тем более необходимо теперь, когда эта задача, звучавшая до недавней поры как декларативный лозунг, начинает трансформироваться в программу грандиозного по темпу и размаху строительства, первый и в то же время наиболее важный и трудный этап которого намечен пятилетним планом. Естественно, что с особой тщательностью нам приходится следить за динамикой соотношения технических уровней советского и капиталистического хозяйств, ибо отстаем мы прежде всего по этой линии. В области же социальной структуры мы уже обогнали капитализм, дав образец высшего по сравнению с капиталистическим типа экономической организации, в которой ведущее начало принадлежит сектору социалистическому, планово регулируемому. Конечно, понятие техники в данном случае не следует ограничивать очень узко, ибо наша отсталость велика не только по линии организации и методов производства, но и в области техники организации управления, учета и т. п.

Значение сравнительного анализа основных показателей технической структуры СССР и мирового капитализма троякое. С одной стороны, он должен вскрыть степень нашей технической отсталости и огромные трудности соревнования социализма с капитализмом в наших условиях, когда приходится радикально перестраивать социальные отношения и подводить под них новую техническую базу в стране с чрезвычайно слабо развитыми производительными силами. Взятые в динамике эти показатели должны, с другой стороны, выявить степень успешности соревнования, показывая, как на каждом данном этапе разрешается проблема „кто кого“. Одновременно техническая структура современного капитализма дает нам в известной мере прообраз нашего близкого технического будущего, типы отдельных предприятий, отраслей, которые должны быть созданы у нас в процессе реконструкции нашего хозяйства, ибо в силу нашей отсталости нам неизбежно приходится использовать самым широким образом богатейший технический, а подчас и организационный опыт мирового капитализма. Однако, необходимо с особой силой подчеркнуть, что использовать технический опыт капитализма следует не рабски копируя его, а сугубо критически проверяя его соответствие нашим условиям.

Глубочайшие различия в структуре социальных систем, в движущих пружинах развертывания производительных сил, в темпе роста последних, не могут не наложить глубокого отпечатка и на методах разрешения технических проблем. Социально-экономические преимущества нашей системы открывают возможность и необходимость не только иного, но подчас и лучшего, более совершенного разрешения ряда технических проблем глубочайшей важности. Не следует забывать, что техническая прогрессивность капитализма вообще, а паразитического, загнивающего, монополистического капитализма в особенности, глубоко относительна. Высший критерий капиталистической деятельности, так называемый принцип „рентабельности“ или прибыльности, как это теоретически и на ряде конкретных примеров блестяще доказано классиками марксизма, далеко не всегда находится в дружбе с техническим прогрессом и ростом производительных сил, не говоря уже об огромном тормозящем влиянии частной собственности на средства производства и стихийности всей экономики. Самый рост производительных сил в условиях капитализма, хотя и не случаен, а закономерно вытекает из структуры капиталистического общества, все же в глазах капиталистического организатора производства является не целью, а средством и своеобразным побочным продуктом процесса присвоения прибавочной стоимости. Эффективность отдельных технических сооружений, предприятий, комбинатов капиталист оценивает лишь с точки зрения своей индивидуальной нормы прибыли в данный конкретный период, без всякого учета их значения в процессе общего развертывания производительных сил общества. Наша система разрывает эти рамки, ограничивающие технический прогресс в условиях капитализма, обеспечивая ему не только невиданный темп, но и возможность иного типа развития. Плановое хозяйство дает нам возможности и наиболее выгодного территориального размещения промышленности, и создания в кратчайшие сроки крупнейших и сложнейших комбинатов, и употребления методов наиболее эффективного использования оборудования и т. п. Все это подчеркивает необходимость, даже на данной стадии социалистического строительства, когда наша отсталость еще колоссальна, сугубо критически использовать опыт мирового капитализма, что, однако, ни в коей мере не должно означать игнорирования последнего.

[1] Доклад, читанный в секции Мирового Хозяйства Госплана СССР 10 августа 1929 г.

Различие экономической структуры СССР и капиталистических стран, однако, влияет не только на темп движения производительных сил и характер разрешения отдельных технических проблем. Оно сказывается в глубочайшем несоответствии социальных результатов более или менее однородных технических сдвигов.

Для всякого классового общества типично, что изменения в технической основе сопряжены с перемещениями социального порядка. Такие явления как концентрация производства, рост массы средств производства, падающей на единицу занятой рабочей силы, систематические изменения в удельном весе отдельных отраслей хозяйства суть формы технического прогресса, значимые для всех или ряда эпох. Но в обществе, где господствует социальное неравенство, они неразрывно связаны с изменениями экономической силы отдельных классов и классовых прослоек, а вместе с этим с рядом глубочайших противоречий. Рост вооруженности труда средствами производства означает в условиях капитализма од овременное выталкивание рабочей силы из производственного процесса, рост резервной армии труда, обнищание широких масс. Перемещение производительных сил между отраслями и странами — этот всеобщий закон их движения трансформируется в условиях современного антагонистического общества в закон неравномерности капиталистического развития со всеми его противоречиями и т. д.

Наша советская система является классовой, хотя весь смысл ее существования, ее историческое назначение в подготовке перехода к обществу бесклассовому. Именно поэтому и в наших условиях всякого рода технические перегруппировки означают не только изменения в степени власти человека над природой, но и в соотношении классовых сил и их расстановке.

Одни и те же технические перегруппировки влекут, однако, в наших и капиталистических условиях социальные перемещения совершенно различного порядка. В зависимости от того, какой класс господствует и использует в своих интересах тот или иной рычаг технической реконструкции, меняется социальная значимость последнего. Поэтому, сопоставляя технические уровни и сдвиги СССР и стран капитализма, подвергая сравнительному анализу более или менее однородные формы технической реконструкции хозяйства, не следует забывать о их совершенно различной социальной роли, в результате того, что глубоко различны экономические системы, тенденции их развития и историческое место каждой из них.

Основным звеном пятилетнего плана является программа социалистической индустриализации. В этой области план выдвигает наиболее грандиозные, требующие максимального напряжения сил, задачи. Как и во всех других сферах нашего хозяйства, огромные количественные сдвиги в уровне производительных сил предполагаются здесь на основе очень больших качественных достижений. В итоге, наши позиции в мировом хозяйстве должны укрепиться не

только по линии роста абсолютных размеров продукции и ее доли в мировой, но и в области качественной структуры производственного аппарата и совершенства методов производства. Каковы же, однако, наши исходные пункты в этом отношении, каковы структурные особенности того производственного аппарата промышленности, с которым мы приступаем к разрешению гигантских задач пятилетнего плана, каковы его сильные и слабые стороны, по сравнению с индустрией передовых капиталистических стран? Не берясь исчерпывающе ответить на эти вопросы, попытаемся выяснить хотя бы основные структурные черты промышленности СССР. Круг исследования здесь ограничен теми качественными характеристиками, которые имеют адекватное количественное выражение в соответствующих статистических данных. Сравнительный аспект анализа вынуждает нас оставить неиспользованными и те структурные показатели, по которым мировая статистика не дает нам сопоставимых цифр. Чрезвычайная скудость мировой статистики и ее анархичность, свойственная капиталистическому способу производства, будет еще долго ставить нас в этом отношении в очень жесткие рамки. Наконец, мы не сочли целесообразным включать в сферу нашего рассмотрения огромное количество частных вопросов, связанных со структурными особенностями отдельных отраслей промышленности, и ограничились проблемами структуры всей промышленности в ее целом.

I. Уровень концентрации фабрично-заводского производства

История развития производительных сил мировой промышленности есть в значительной мере история роста степени технической концентрации производства, в связи с которой стоят и глубочайшие изменения в экономической структуре общества. Внутренней пружиной победоносного шествия капитализма по всему земному шару явились преимущества крупного производства перед мелким, выгоды труда кооперированного перед трудом индивидуальных, обособленных производителей. Переход от классического капитализма с его свободной конкуренцией к монополистическому является прямым последствием тех изменений в технической основе капитализма, которые были принесены процессами концентрации производства. „Концентрация“,— подчеркивал Ленин,—„на известной ступени своего развития сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии“ (Ленин, т. XIII, стр. 247). Но эта же гигантская концентрация производства является той материальной базой, которая создает не только возможность, но и историческую необходимость социалистического обобществления производства. Само собой разумеется, что концентрационные процессы развиваются на основе и в результате изменений в орудиях труда и методах производства, отражая в своем движении, правда, не всегда с достаточной полнотой и четкостью, изменения в общей технической основе производ-

ства. Но этим не умаляется огромное значение степени концентрации для характеристики структуры промышленности. Оно дает нам если не исчерпывающий, то все же очень важный показатель и технического уровня промышленности, и ее подготовленности к охвату новыми высшими организационными формами. Огромно значение технической концентрации и с точки зрения политической, поскольку она определяет и степень концентрации пролетарских масс, а в известной мере и степень классовой организованности пролетариата. В условиях социалистического строительства значение концентрации производства еще больше усиливается, ибо высокий уровень концентрации чрезвычайно облегчает и процессы обобществления и внедрение элементов плановости в экономику.

Новейшие сведения об уровне концентрации промышленности СССР дают нам предварительные итоги переписи 1926/27 г.:

Таблица 1

Концентрация цензовой промышленности СССР в 1926/27 г. [1]

	Всего	Заведения с числом рабочих: до 50	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	В том числе свыше 3.000
Абсолютные числа							
Число заведений	11.340	6.486	1.787	2.191	403	473	138
„ рабочих (тыс.)	2.465	142	129	489	279	1.426	848
Мощность механ. двиг. (тыс. лош. сил)	3.533	265	142	522	258	2.346	1.643
Валовая продукция (млн. черв. руб.)	11.958	1.156	881	2.632	1.441	5.848	3.085
В %%% к итогу							
Заведений	100	57,2	15,7	19,3	3,6	4,2	1,2
Рабочих	100	5,8	5,2	19.8	11,3	57,9	34,4
Механ. двигат.	100	7.5	4,0	14,8	7.3	66,4	46,5
Вал. продукции	100	9,7	7,4	22,0	12,0	48,9	25,8
В среднем на 1 заведение							
Рабочих	217	22	72	223	692	3.015	6.145
Двиг. в (лош. сил)	312	41	79	238	640	4.960	11.905
Вал. продукции (в тыс. черв. руб.)	1.054	178	493	1.201	3.576	12.364	22.355

Таблица указывает на огромный уровень достигнутой концентрации. Немногим менее 60% числа рабочих, 66,4% механической силы и 50% валовой продукции падают на предприятия-гиганты с числом рабочих свыше 1.000 в каждом. На долю 138 заведений, крупнейших

[1] Используемый нами материал, окончательно еще не обработанный и не опубликованный, любезно предоставлен в распоряжение Госплана ЦСУ СССР.

Абсолютные данные получены в ЦСУ. Остальные графы подсчитаны нами. В мощность двигателей включены: мощность первичных моторов и электромоторов чужого тока всей промышленности, без электростанций.

среди гигантов,[1] с числом рабочих в среднем на каждое свыше 6.000 приходится больше трети рабочей силы, 46% двигателей и 26% продукции — соотношение, как мы покажем ниже, неизвестное ни одной стране промышленного капитализма, включая Германию и С.-А. С. Ш. с их наиболее высоко концентрированным производством. Наоборот, удельный вес мелких заведений крайне невелик, даже если к их числу отнести и вторую группу заведений с числом рабочих от 51 до 100, которые по номенклатуре германских переписей относятся даже не к средним, а к крупным предприятиям. Эти две группы, составляющие 73% общего числа заведений, охватывают лишь 11% рабочей силы, 11,5% механической силы и дают 17,1% валовой продукции. Это, конечно, не означает, что роль мелкого производства незначительна в нашей промышленности, взятой в целом. Не следует забывать, что эти данные охватывают лишь цензовые заведения и фиксируют лишь степень концентрации фабрично-заводской промышленности, в которой, по нашим подсчетам, которые мы приведем ниже, занято лишь около 43% лиц промышленного труда.

Однако независимо от соотношения фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленностей, степень концентрации первой, сама по себе, имеет немаловажное значение и, поэтому, должна быть рассмотрена самостоятельно. Иная постановка вопроса — изучение доли отдельных групп заведений по отношению ко всей промышленности, включая сюда и ремесло — методологически ошибочна, ибо берет за одну скобку два качества, стушевывая тем самым реальные экономические различия между ними и внутри каждого из них. К особо грубым ошибкам мы бы пришли, пользуясь этим методом, при сравнительном анализе степени концентрации промышленности СССР и капиталистических стран, ибо важнейшей особенностью русской индустрии является ее превосходство в области концентрированности фабрично-заводской промышленности, при отставании и невыгодных пропорциях по линии соотношения между последней и кустарно-ремесленным производством.

Фиксируемый таблицей, чрезвычайно высокий уровень концентрации только в известной мере обязан специфическим условиям советской экономики. Годы социалистического строительства пока что принесли изменения лишь количественного, а не качественного порядка. Уже задолго до войны, на рубеже XX века, русская промышленность выделялась степенью своей концентрированности. В этом сказывались, прежде всего, особенности ее исторического развития. Вступив позже других стран на путь строительства крупной промышленности, русский капитализм естественно использовал опыт последних, заимствуя новейшие, наиболее мощные типы предприятий. Широкое участие иностранных капиталов и технических руководителей в развертывании ряда отраслей этому не мало способствовало.

[1] С числом рабочих от 3.000 и выше.

Здесь проявилась общая закономерность концентрационного движения, по которой страны с более молодой промышленностью и „новые" отрасли индустрии имеют наиболее высокий уровень концентрации производства, ибо они не ощущают давления огромных масс старого основного капитала, вложенного в более мелкие предприятия. Огромное влияние на интенсивность концентрационного движения оказывал и очень высокий, по сравнению с другими странами, темп развертывания русской промышленности, так как ничто не благоприятствует концентрации больше, чем лихорадочное новое строительство, которое, обычно, вызывает к жизни предприятия более совершенные по техническому уровню и более мощные по размерам, при одновременном расширении старых предприятий. Высокие темпы, при относительной дороговизне и недостатке капиталов, создавали условия для широкого использования системы многих смен, что естественно повышает среднее число рабочих и массу продукции на одно предприятие. Правда, в этом случае мы имеем специфическую форму концентрационного процесса, отличающуюся тем, что при ней не происходит роста массы орудий труда на 1 предприятие. Однако, масса рабочей силы и продукции являются и самодовлеющими показателями размеров предприятий, и их рост является несомненным признаком успехов концентрации. В наших советских условиях, позволяющих использовать основной капитал с такой интенсивностью, о которой современный капитализм, страдающий от хронической недогрузки производственного аппарата, и мечтать не смеет, данная форма концентрации приобретает особое значение.

Неблагоприятным для темпа концентрационного движения в довоенной русской промышленности было превалирование в последней отраслей подразделения „Б"[1], по своему уровню концентрации, как правило, сильно уступающих производству средств производства. Однако, необычно высокий уровень концентрированности текстильной промышленности, составлявшей львиную долю в индустрии средств потребления, в известной мере нейтрализовал это обстоятельство. Наконец, очень важным фактором, повышавшим средние размеры заведений по числу рабочих, при одновременном снижении по массе основного капитала, явилась дешевизна труда в довоенной России, которая служила сильнейшим тормозом процессов механизации даже на предприятиях-гигантах. Отсюда, большая насыщенность предприятий рабочей силой, при меньшем количестве средств труда и более низкой производительности труда. Эту особенность русской промышленности особо важно учитывать при анализе степени ее концентрированности, по сравнению с индустрией других стран. Но об этом позже. Пока же обратимся к рассмотрению концентрационной кривой русской промышленности за последнюю четверть века (см. таблицу 2 на стр. 71).

[1] Производства средств потребления.

Таблица 2

Динамика уровня концентрации цензовой промышленности СССР [1]

Годы \ Группы по числу рабочих	до 50	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	Всего
			Число предприятий			
1903	7.661	1.747	1.618	333	200	11.559
1913	7.974	2.012	2.066	394	328	12.774
1926/27	6.411	1.720	2.089	367	390	10.977
			Число рабочих (в тыс.)			
1903	166	120	358	229	436	1.309
1913	183	145	471	275	752	1.826
1926/27	140	124	463	255	1.104	2.086
			Число предприятий (в %% к итогу)			
1903	66,3	15,1	14,0	2,9	1,7	100,0
1913	62,4	15,7	16.2	3,1	2,6	100,0
1926/27	58,4	15,7	19,0	3,3	3,6	100,0
			Число рабочих (в %% к итогу)			
1903	12,7	9,2	27,3	17,5	33,3	100,0
1913	10,0	7,9	25,8	15,1	41.2	100,0
1926/27	6,7	5,9	22,2	12,2	52,9	100,0
			Среднее число рабочих на 1 предприятие			
1903	22	69	221	688	2.180	113
1913	23	72	228	698	2.293	143
1926/27	22	72	222	695	2.831	190

Чтобы сделать довоенные данные, заимствованные из отчетов фабричных инспекторов, сравнимыми с современными, мы отбросили в первых цифры, относящиеся к прибалтийским, польским и Бессарабской губерниям и исключили из вторых сведения по горной промышленности. В виду того, что эти поправки все же полного совпадения территории, а отчасти и методов учета не дают, сопоставление абсолютных данных страдает некоторой неточностью, не имеющей, однако, большого значения, ибо она, ставя под сомнение отдельные цифры, не искажает общей картины изменений в уровне концентрации.

Таблица показывает, что уже в 1903 г. на территории, примерно, равной европейской части СССР, насчитывалось 200 предприятий гигантов с 2.180 рабочими в среднем на каждое, которые, составляя 1,7% числа заведений, охватывали треть фабрично-заводского пролетариата. В 533 крупнейших предприятиях двух высших групп было сконцентрировано больше половины рабочих цензовой промышленности. На долю же 9,4 тыс. заведений с числом рабочих менее 100 в каждом падало лишь 21,9% всех рабочих. Все это свидетельствует об огромном, в особенности для того периода, уровне

[1] Без горной.

технической концентрации. Сильное превалирование предприятий-гигантов в русской промышленности уже в начале XX века — факт чрезвычайной важности, без учета которого нельзя понять ни значительного ее последующего охвата монополистическими об'единениями, при сравнительно слабом уровне индустриализации довоенной России, ни общей структуры и роли финансового капитализма в последней, ни некоторых особенностей рабочего движения, ни ряд других моментов.

Последнее довоенное десятилетие было периодом дальнейшего интенсивного роста промышленности, показателями которого может служить увеличение с 1903 по 1913 гг. выплавки стали в 2 раза. Количественный рост естественно сопровождался и качественными сдвигами, в том числе и по линии концентрации производства. Удельный вес предприятий-гигантов повысился по числу заведений с 1,7 до 2,6%, по числу рабочих — с 33,3 до 41,2%, среднее число рабочих в каждом из них — с 2.180 до 2.293. Число заведений-гигантов увеличилось за десятилетие на целых 64%, поднявшись с 200 до 328, а из общего прироста числа рабочих на долю этой группы падает 62%. Все это симптомы очень высокого, крайне напряженного темпа концентрационных процессов. Чрезвычайно характерно, что на протяжении всего довоенного, как и послевоенного периода, единственной группой заведений, выигрывавшей в результате концентрационного движения в своем удельном весе, были предприятия-гиганты; все же остальные, в том числе и крупнейшие заведения с числом рабочих от 500 до 1.000, неуклонно снижают свою долю во всей промышленности. Это говорит о том, что не только темп, но и тип концентрационных процессов был очень высок, хотя последний имел и свои слабые стороны.

В итоге, накануне войны степень концентрированности русской промышленности была такова, что несколько сот заведений-гигантов играли в ней решающую роль, что имело тем большее значение, что они были расположены в немногих крупных индустриальных центрах, а не распылены по необ'ятной территории страны. Из общего числа этих заведений на долю двух промышленных округов — Московского и Петроградского — падало 68,4% по числу предприятий и 70,3% по числу рабочих, при чем для двух одноименных губерний соответствующие цифры составляли 30,9 и 33,3%. Сосредоточение основного ядра промышленности и индустриального пролетариата на небольшом числе крупнейших предприятий и в немногих промышленных центрах было одним из важнейших условий, организационно облегчивших впоследствии в годы революции и мобилизацию рабочих масс, и разрешение ряда задач хозяйственного строительства.

Обратимся к рассмотрению изменений, происшедших в степени концентрации промышленности за годы войны и революции. Сопоставление соответствующих данных за 1913 и 1926/27 гг. позволяет

с несомненной очевидностью констатировать, что в этой области мы оставили значительно позади довоенный, уже тогда очень высокий, уровень. Мелкие заведения с числом рабочих до 50 снизили свою долю в массе рабочих с 10 до 6,7%, предприятия же гиганты вновь ее увеличили с 41,2 до 52,9%. Особенно резкие изменения, которых не знало даже чрезвычайно интенсивное довоенное концентрационное движение, показывают средние размеры предприятий. Среднее число рабочих на 1 заведение-гигант повысилось за последнее довоенное десятилетие на 113 чел. или 5,2%, а за 1913—1926/27 гг. на 538 чел. или 23,4%. Нет никакого сомнения поэтому, что темп концентрационных процессов в последние годы значительно выше, чем до войны. Ведь следует учитывать, что тот огромный сдвиг в степени концентрации, который имел место в 1913—1926/27 гг., является продуктом не всего этого тринадцатилетнего периода, а в основном лишь 5—7 лет восстановления и частичной реконструкции промышленности. Годы гражданской войны, снизившие продукцию промышленности до 20% довоенной, а по отдельным отраслям еще ниже этого, распылившие значительную часть фабрично-заводского пролетариата, отбросившие всю индустрию, и в количественном и в качественном отношениях, далеко назад, скорее тормозили концентрационные процессы, чем их стимулировали. Экономическая обстановка годов империалистической войны, в условиях которой отбор предприятий, степень их загрузки, изменение их величины решались, прежде всего, значением их продукта для ведения войны, наличием сырьевых и прочих ресурсов для развертывания производства, способствовали концентрационному движению лишь в отдельных отраслях, но здоровая база для последнего отсутствовала и в этот период. Только в последние годы, когда промышленность стала быстро восстанавливаться и началось новое строительство, концентрационные процессы вновь проявились, притом с удвоенной силой. Косвенное подтверждение этому мы находим в следующих данных:

В среднем на 1 заведение цензовой промышленности:

	1924/25 г.	1927/28 г.	Прирост в %
Рабочих	157	233	48,4
Продукции (в тыс. черв. руб.)	607	1.215	100,1

За три года среднее число рабочих на 1 заведение цензовой промышленности увеличилось на 48,4%, между тем как за последнее довоенное десятилетие прирост составил лишь 31,0%. В основном, этот рост носил не восстановительный характер, ибо уже цифры 1924/25 г. выше довоенных. Еще значительнее прирост средних размеров продукции, который фактически еще выше, чем показывают наши данные, поскольку они не учитывают происшедшего в эти годы снижения цен на промтовары.

Но если согласиться с тем, что разница в современном и довоенном уровнях концентрации, если не целиком, то в основном, явля-

ется результатом 6—7 последних лет, тогда нельзя не признать темп концентрационного движения этого периода огромным, даже по сравнению с очень высокими довоенными темпами. Теоретическое об'яснение этого явления особых трудностей не представляет, ибо оно кроется в общеизвестных особенностях нашей советской экономики. Это, прежде всего, результат планового регулирования промышленности и небывалого в истории темпа ее развертывания. Планирование означает не только ликвидацию стихийности в области концентрации, но и большую эффективность и повышение темпов последней. С другой стороны, в условиях лихорадочного нового строительства, расширения старых предприятий, введения дополнительных смен, роста загрузки производственного аппарата — темп концентрации не может не усилиться. Правда, товарный голод одновременно создает и противодействующую тенденцию, стимулируя в той мере, в какой этому не препятствуют сырьевые трудности, поддержание и развертывание мелких предприятий, не требующих больших капитальных затрат. Однако, эта тенденция неизмеримо слабее факторов, благоприятствующих концентрации.

К числу последних, в частности, относится и наша политика по отношению к частно-капиталистическому сектору нашей промышленности, состоящему почти сплошь из заведений мелкого типа, [1] насчитывающих в среднем на каждое около 20 [2] рабочих против 287 [2] в госпромышленности. Только за 2 года — с 1925/26 по 1927/28 — число частных заведений в цензовой промышленности сократилось с 2.114 до 775, а число рабочих в них — с 42,5 до 15,0 тыс. То, что в основном, это колоссальное падение сопряжено с ликвидацией заведений, а не с переходом их к обобществленному сектору, видно из того, что сокращению числа частных заведений на 1.339 единиц противостоит рост в обобществленном секторе лишь 338 единиц. Но массовая ликвидация мелких заведений, сопряженная в данном случае с социальными перегруппировками, есть крупный шаг вперед в области концентрации производства.

Очень большое значение для роста среднего числа рабочих и массы продукции на 1 заведение имеет процесс перехода к семичасовому рабочему дню и связанной с ним системе трех смен. В ту же сторону будет действовать и намечающийся переход на непрерывную рабочую неделю.

Вся система нашей экономики, высокие темпы, наша конкретная политика, таким образом, уже значительно усилили концентрационное движение. Однако, наши возможности в этом отношении далеко еще не раскрыты, поскольку мы стоим только на пороге генеральной реконструкции нашего хозяйства. Дальше мы покажем, какой огромный новый скачок вперед по линии концентрации пред-

[1] Не считая концессионных заведений.
[2] 1927/28 г.

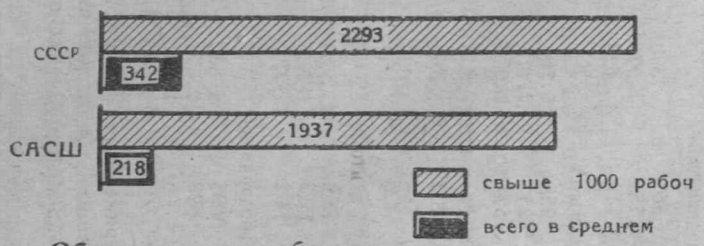
Уровень концентрации крупной обрабатывающей промышленности СССР, С.-А.С.Ш. и Германии

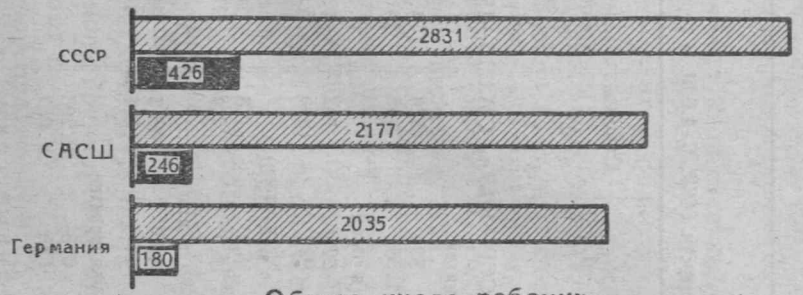
Диаграмма 1

Довоенные годы

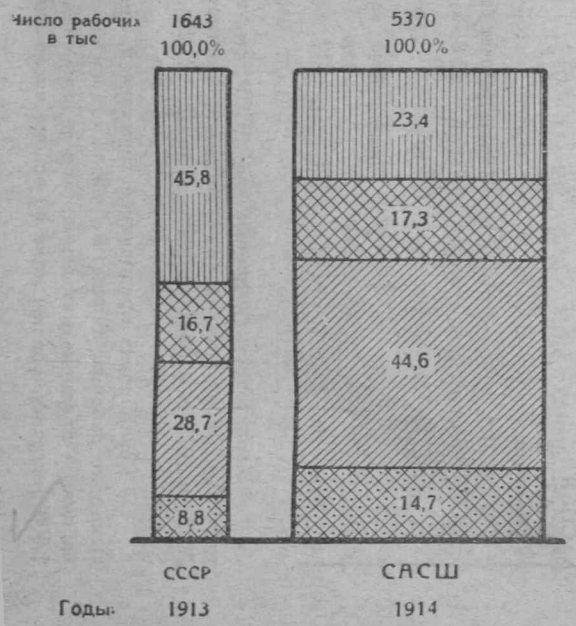
Послевоенные годы

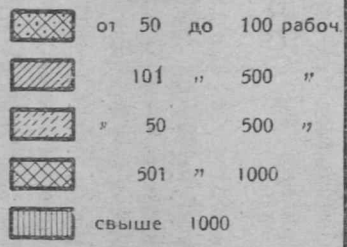
Число рабочих на 1 предприятие

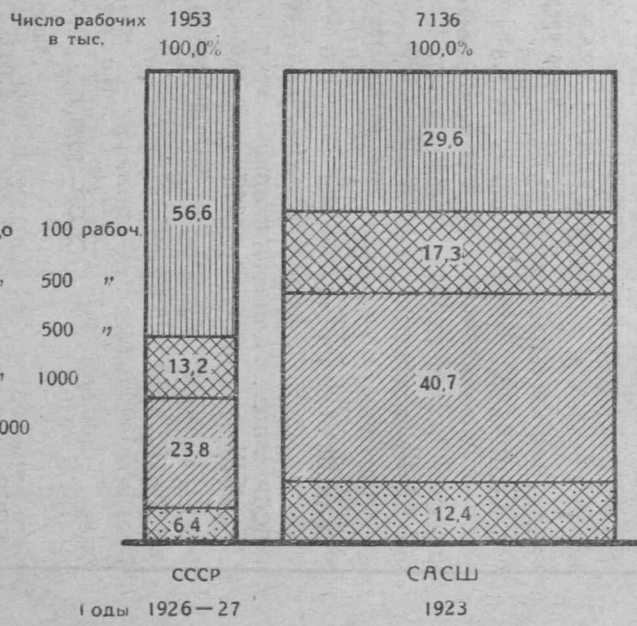




Общее число рабочих







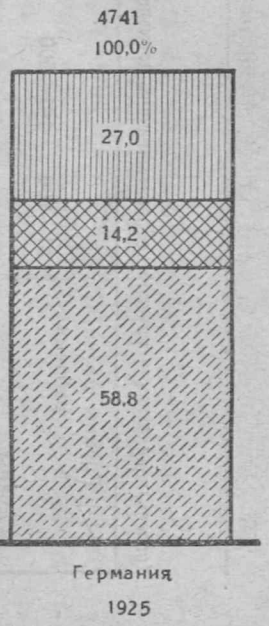


Таблица 3

Уровень концентрации крупной обрабатывающей промышленности СССР, С.-А.С.Ш. и Германии [1]

Страны \ Группы по числу рабочих	51—100	101—500	501—1.000	Свыше 1.000	Всего
	Довоенные годы (СССР—1913 г., С-А.С.Ш—1914 г.)				
	Число предприятий				
СССР	2.012	2.066	394	328	4.800
С.-А.С.Ш.	11.079	11.578	1.348	648	24.653
	Число рабочих (в тыс.)				
СССР	145	471	275	752	1.643
С.-А.С.Ш.	792	2.396	927	1.255	5.370
	Число предприятий (в %% к итогу)				
СССР	41,9	43,0	8,2	6,8	100,0
С.-А.С.Ш.	44,9	47,0	5,5	2,6	100,0
	Число рабочих (в %% к итогу)				
СССР	8,8	28,7	16.7	45,8	100,0
С.-А.С.Ш.	14,7	44,6	17,3	23,4	100,0
	Число рабочих на 1 предприятие				
СССР	72	228	698	2.293	342
С.-А.С.Ш	71	207	688	1.937	218
	Послевоенные годы (СССР—1926/27 г., С.-А.С.Ш.—1923 г., Германия—1925 г.) [2]				
	Число предприятий				
СССР	1.720	2.089	367	390	4.566
С. А.С.Ш.	12.346	13.849	1.785	971	28.951
Германия	24.641		1.112	628	26.381
	Число рабочих (в тыс.)				
СССР	124	463	255	1.104	1.946
С.-А.С Ш.	883	2.907	1.232	2.114	7.136
Германия	2.789		674	1.278	4.741
	Число предприятий (в %% к итогу)				
СССР	37,7	45,8	8,0	8,5	100,0
С.-А.С.Ш.	42,6	47,8	6,2	3,4	100,0
Германия	93,4		4,2	2,4	100,0
	Число рабочих (в %% к итогу)				
СССР	6,4	23,8	13,2	56,6	100,0
С.-А.С.Ш.	12,4	40,7	17,3	29,6	100 0
Германия	58,8		14,2	27,0	100,0
	Число рабочих на 1 предприятие				
СССР	72	222	695	2.831	426
С.-А.С.Ш.	72	210	690	2.177	246
Германия	113		606	2.035	180

[1] Характеристику данных по СССР см. в примечаниях к предшествующим таблицам. Абсолютные данные по Германии заимствованы из „Wirtschaft und Statistik", № 2 за 1928 г. и № 2 за 1929 г., по С.-А.С.Ш. из „Statistical Abstract of the United States" за соответствующие годы.

[2] Группировка предприятий германской промышленности дана по числу занятых, а не рабочих, цифры же везде относятся к числу рабочих. Данные о числе рабочих в предприятиях германской промышленности с числом занятых от 500 до 1.000 экстраполированы нами на основе числа занятых в этой группе.

полагается по пятилетнему плану промышленности. Пока же обратимся к вопросу о том, каковы наши конкретные, уже достигнутые позиции в этой области, по сравнению с наиболее передовыми странами капитализма — Германией и С.-А. С. Ш. (см. таблицу 3 на 76 стр. и диаграмму 1 на 77 стр.).

В виду того, что статистика этих стран и СССР учитывает предприятия с разным цензом, нами везде взяты заведения с числом рабочих не менее 50, чтобы сделать сопоставление возможно более точным. Поскольку при современном уровне техники и концентрации мировой промышленности заведения более мелкие, за редким исключением, по своему типу относятся скорей к ремесленно-кустарному производству, в сферу нашего рассмотрения входит почти вся фабрично-заводская промышленность в собственном смысле слова. К сожалению, нам пришлось в стороне оставить горную промышленность, за отсутствием сопоставимых данных по С.-А.С.Ш. Большого значения, однако, последнее обстоятельство не имеет.

Таблица дает нам наглядное представление о соотношении уровней концентрации промышленности СССР, Германии и С.-А.С.Ш. на основе группировок заведений по числу рабочих. Но число рабочих хотя и чрезвычайно важный, но все же не единственный признак размеров предприятий. Это очень серьезное методологическое соображение, которое не следует упускать из виду при анализе приведенных данных.

Основной вывод, который ярко иллюстрируется таблицей, сводится к тому, что и до войны, и в 1926/27 г. русская промышленность стояла выше по уровню концентрации, чем американская и германская, с той оговоркой, что в данном случае мы условно суживаем понятие концентрации, ограничиваясь только одним из ее признаков. Характерно не только то, что мы стоим на первом месте в этом отношении, но и поразительны огромные размеры интервалов, отделяющих С.-А.С.Ш. и Германию от нас, при сравнительно скромной разнице между последними. Если в 1913 г. на долю предприятий-гигантов приходилось в довоенной России 6,8% заведений и 45,8% рабочих, то в С.-А.С.Ш. соответствующие цифры составляли лишь 2,6 и 23,4%. На долю предприятий-гигантов в С.-А.С.Ш. падал до войны почти в 2 раза меньший процент рабочей силы промышленности, чем у нас. Обратное соотношение удельных весов дают более мелкие заведения первых двух групп с числом рабочих до 500 в каждом. Значительно выше, чем в С.-А.С.Ш., было у нас и среднее число рабочих на каждое заведение и на крупнейшие из них в особенности. Все это тем более важно, что С.-А.С.Ш. все время стоят по уровню концентрации промышленности в первом ряду среди крупных индустриальных стран и что в них значительно выше, чем в русской промышленности, удельный вес отраслей, производящих средства производства, которые особо сильно концентрированы.

С довоенной германской промышленностью мы сопоставления в таблице не проводим, чтобы не увеличивать и без того значительные размеры последней. Однако, следующие две цифры показывают, что соотношение нашего уровня концентрации с германским было, примерно, такое же, как с американским. В 1907 г. процент рабочей силы крупной промышленности, занятой в заведениях-гигантах, составлял в Германии 21,7 против 42,7 в нашей промышленности.

Последние 10—15 лет значительно повысили степень концентрации промышленности всех трех стран. Однако, соотношение уровней концентрации не подверглось сколько-нибудь серьезным изменениям, несмотря на то, что в концентрационном движении промышленности СССР был перерыв в течение ряда лет, какого не знали С.-А. С. Ш., несмотря на пережитую за это время огромную экспансию американской индустрии и проведенную рационализацию в Германии, в условиях, когда промышленность СССР занималась восстановлением довоенного уровня. Это свидетельствует о превосходстве нашего темпа концентрации, связанном с особенностями нашей экономики. Иллюстрацией к тому, что „концентрационные ножницы", по сравнению с довоенным, скорее выросли, чем сузились, могут послужить следующие цифры, в которых соответствующие данные по СССР нами приняты за 100:

	Доля предприятий-гигантов в крупн. про-сти по числу рабочих		Среднее число рабочих			
			на 1 заведение крупной пр сти		на 1 заведение-гигант	
	до войны	в 1923/26 г.	до войны	в 1923/26 г.	до войны	в 1923/26 г.
СССР . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
С.-А.С.Ш. . .	51,1	52,2	63,7	57,7	84,5	76,9
Германия . .	50,8	47,6	—	42,3	—	71,9

Соотношение удельных весов заведений-гигантов осталось почти неизменным. Среднее же число рабочих на 1 заведение в СССР возросло значительно сильнее, чем в С.-А. С. Ш. и Германии, и их отставание от СССР соответственно увеличилось. Однако, повторяем, что пока что мы условно пользуемся лишь одним, хотя и важным, но не исчерпывающим признаком размеров предприятий и степени концентрации.

Реальное значение того, что наша промышленность состоит из заведений гораздо более крупных по числу рабочих, чем американская и германская, сильно ослабляется, однако, значительно меньшей эффективностью трудовых затрат и недостаточной механизацией производства. Мы уже отмечали вскользь, что об'яснение того парадоксального противоречия, что русский капитализм развертывал, с

одной стороны, заведения-гиганты, с другой же,— далеко в недостаточной мере снабжал их силовыми двигателями и прочими орудиями механизации труда, кроется, прежде всего, в дешевизне рабочей силы. К этому присоединяются длинный рабочий день, относительный недостаток основных капиталов и ряд других условий исторического развития русской промышленности.

Все это одновременно имеет свою оборотную сторону в низкой производительности труда, при чем снижающее влияние дешевизны рабочей силы и длинного рабочего дня было не только косвенным, через ослабление механизации, но прямым, поскольку вытекающие отсюда тяжелые материальные и культурно-бытовые условия давили на степень интенсификации труда. Известное влияние на высоту последней оказывала и специфическая структура нашего рабочего класса, наличие в нем огромной массы полупролетариев полукрестьян, для которых работа в промышленности является не только новым, но очень часто побочным делом, которые не освоились с особой размеренной дисциплиной и высокими темпами трудового процесса в условиях крупного машинного производства. В конечном счете — крайне нерациональное использование рабочей силы, которую русский капитализм растрачивал столь же хищнически, как и естественные богатства страны. Годы революции, в особенности начавшаяся реконструкция промышленности, в этом отношении многое изменили, но коренной перелом еще впереди. Пока же тип наших промышленных заведений, их техническое лицо, унаследованное от капитализма, продолжает нести налет той смеси американизма с азиатчиной, столь характерной для многих сторон нашего довоенного и даже советского бытия. В данном конкретном случае, в степени концентрации промышленности, это выражается в том, что заведения, являясь гигантами по числу рабочих, оказываются значительно меньших размеров, если последние определять по наличию орудий производства, и еще меньшими, если мерилом избрать их экономическую эффективность, выражающуюся в массе выбрасываемой ими продукции. Совершенно естественно, что соотношение уровней концентрации промышленности СССР и стран передового капитализма, при оценке размеров заведений по продукции и основному капиталу, оказывается поэтому подчас иным, чем то, которое мы смогли зафиксировать, сопоставляя заведения по числу рабочих.

Статистика С.-А. С. Ш. и СССР не дает нам вполне сопоставимых данных, чтобы судить о соотношении размеров промышленных заведений по основному капиталу и стоимости продукции. Однако, следующие подсчеты довольно четко иллюстрируют фактическое положение вещей в этой области.

В 1923 г. на долю заведений с числом рабочих до 50 приходилось в С.-А. С. Ш. около 19 – 20% общего числа рабочих промышленности. Это дает нам основание предполагать, что удельный вес этих заведений в валовой продукции и массе механической двига-

тельной силы промышленности был, во всяком случае, не выше 20, а, по всей вероятности, ниже этой цифры. Остановившись для осторожности на последней, мы получили возможность установить мощность двигателей и продукцию, падающую на крупную промышленность, т.-е. на заведения с числом занятых свыше 50. Далее мы предполагаем, что в 1927 г. абсолютное число заведений крупной промышленности С.-А. С. Ш., их удельный вес по всем показателям остался таким же, как и в 1923 г. В итоге мы получаем следующую таблицу:

	Всего в крупной[1] обрабатыв. промышленности				В среднем на 1 заведение					
	Заведений	Рабочих (тыс.)	Механич. двиг. (тыс. лош. сил)	Валовая продукция (млн. руб.)[2]	Рабочих	Механ. двиг. (тыс. лош. сил)	Валовая продукция (г. черв. р.)[2]	Рабочих	Механ. двиг.	Валовая продук.[2]
								СССР=100		
СССР 1926/27 г. . .	4.566	1.946	2.695	10.034	426	590	2.198	100,0	100,0	100.0
С.-А.С.Ш. 1923 г. . .	28.951	7.136	26.476	94.147	246	915	3.252	57,7	155,1	148,0
„ 1927[3] „ . .	28.951	6.681	31.226	97.501	231	1.079	3.368	54,2	182,9	153,2

Сделанное в таблице сопоставление ни в коей мере не претендует на точность отдельных цифр, ибо для получения данных по С.-А.С.Ш., в особенности за 1927 г., мы прибегли к довольно грубой экстраполяции. Однако, можно с полной уверенностью утверждать, что все допущенные неточности влияют исключительно в сторону преуменьшения средних размеров заведений С.-А.С.Ш., а не их преувеличения, ибо, во-первых, фактически удельный вес крупной промышленности, благодаря более высокой производительности труда и энерговооруженности, выше по продукции и механической силе, чем по числу рабочих, во-вторых, за 1923—1927 гг. удельный вес крупных заведений во всей промышленности по всем показателям, несомненно, увеличился, число же заведений, как показывают данные об общем движении последних, несколько уменьшилось.

Не имея возможности статистически учесть эти моменты, мы фактически преуменьшили среднюю продукцию и мощность двигателей на 1 заведение промышленности С.-А.С.Ш., что, однако, только усиливает выводы, иллюстрируемые таблицей.

Будучи более крупными по числу рабочих, заведения нашей промышленности, взятые в среднем, сильно уступают американским по массе механических двигателей. Еще сильнее наша отсталость по средним размерам продукции, при чем она, по крайней мере, в два

[1] Заведения с числом рабочих не менее 50.

[2] Без учета различий в уровнях цен.

[3] Данные экстраполированы.

раза выше, чем показывают приведенные цифры, ибо в последних не учтена разница в уровнях цен на промтовары, которые, если верить весьма сомнительным по своей точности исчислениям Кон'юнктурного Института ЦСУ, в 2,5 раза ниже в С.-А.С.Ш., чем у нас. Правда, с другой стороны, возможно, что у нас вкралась статистическая неточность обратного порядка, благодаря следующему обстоятельству. Очень вероятно,— фактически это проверить крайне трудно — что значительно больший удельный вес заведений-гигантов в СССР сопряжен и с большей степенью интеграции промышленности СССР, благодаря чему значительно большая доля продукции, чем в С.-А.С.Ш. переходит из цеха в цех, не попадая на рынок. Но тогда методологически правильнее сопоставлять с валовой продукцией промышленности С.-А.С.Ш. не валовую продукцию нашей промышленности, а ее валовой оборот. Это несколько изменяет соотношение размеров заведений по продукции в нашу пользу, поскольку валовой оборот на 1 заведение цензовой промышленности выше валовой продукции на 34%. Все же эта поправка, которая приемлема только отчасти, лишь несколько меняет количественные пропорции, оставляя нетронутыми качественные соотношения.

Отсутствие соответствующих данных вынуждает нас оперировать цифрами средних размеров заведений по всей крупной промышленности в целом. Поскольку в последней совершенно различен удельный вес заведений разной величины по числу рабочих в СССР и С.-А.С.Ш., возникает вопрос, не пришли ли бы мы к несколько иным выводам, имея более диференцированные показатели? В частности, применимо ли к заведениям-гигантам сказанное о средних размерах заведений крупной промышленности в целом? На последний вопрос приходится дать безусловно положительный ответ. Конечно, если говорить об удельном весе заведений-гигантов в валовой продукции, то он, несомненно, выше у нас, чем в С.-А.С.Ш., но это лишь функция того, что на их долю падает гораздо больший процент всей рабочей силы промышленности, чем в С.-А.С.Ш. Однако, на ряду с этим нельзя игнорировать вопрос о средней массе продукции, падающей на одно такое заведение, а она, несомненно, значительно ниже в промышленности СССР, по сравнению с американской. Ведь среднее число рабочих на 1 такое заведение в С.-А.С.Ш. лишь на 23% ниже, чем у нас, производительность же труда по грубым подсчетам раза в три выше нашей. Но то же самое верно и по отношению к средним размерам заведений-гигантов по числу механических двигателей.

Германские промышленные переписи совершенно не учитывают стоимости продукции. Это лишает нас возможности выяснить соотношение средних размеров заведений нашей и германской промышленности по продукции. Но зато мы имеем точные цифры о мощности механической двигательной силы в среднем на 1 заведение.

Таблица 4

Механические двигатели крупной промышленности СССР в Германии [1]

Страны \ Группы по числу рабочих	51—200	201—1.000	1.000 и выше	Всего
	Мощность двигателей (лош. сил).			
СССР	343.597	578.440	2.346.213	3.268.250
Германия	2.371.845	4.142.048	7.701.311	14.215.204
	Мощность двигателей (в %% к итогу).			
СССР	10,5	17,7	71,8	100
Германия	16,7	29,1	54,2	100
	Мощность двигателей на 1 заведение (лош. сил.)			
СССР	115	413	4.960	673
Германия	114	721	8.945	520

Заведения-гиганты и по массе механических двигателей играют в промышленности СССР гораздо большую роль, чем в германской. Однако нетрудно заметить, что отставание Германии здесь значительно меньше, чем по числу рабочих.

Средняя мощность двигателей на 1 заведение крупной промышленности также выше у нас, чем в Германии (673 лош. сил и 520 лош. сил). Но это лишь обманчивый результат статистических „средних", связанный с тем, что в Германии заведения с числом рабочих от 50 до 200 составляют значительно большую долю последних, чем в СССР. Но если взять только заведения с числом рабочих свыше 200, в которых сконцентрировано больше 80% всей двигательной силы, то здесь оказывается, что наши заведения, превосходя германские по среднему числу рабочих, сильно уступают по средней мощности двигателей, при чем особо сильно отстают заведения-гиганты. Правда, в известной мере последнее обстоятельство обязано иному распределению заведений-гигантов по отраслям промышленности; так, например, у нас из общего числа этих заведений на горную и металлургическую промышленность приходится 27%, а на текстильную — целых 38,2%. В Германии же соответствующие цифры равны 39,4% и 11,4%. Это, естественно, снижает среднюю мощность двигателей на 1 заведение-гигант в СССР по сравнению с Германией. Все же меньшие размеры наших заведений по мощности двигателей являются в основном продуктом не этих особенностей их структуры, а нашей отсталости по линии механизации производства, как это показывают приведенные нами ниже данные по отдельным отраслям промышленности.

[1] СССР—1926/27 г., Германия—1925 г. Данные охватывают все отрасли, включая и горную.

Общий вывод, который вытекает из сравнительного анализа уровней концентрации фабрично-заводской промышленности СССР и передовых стран капитализма, сводится к тому, что, значительно опередив другие страны по среднему количеству рабочих, падающих на 1 заведение, и удельному весу предприятий-гигантов, мы очень серьезно отстаем по средней массе механических двигателей и продукции на каждое заведение. По сравнению с промышленностью С.-А.С.Ш. и Германии, в нашей индустрии отчетливо вырисовываются „ножницы" между насыщенностью наших предприятий рабочей силой, с одной стороны, и массой средств труда и размерами продукции, — с другой. Именно поэтому глубоко ошибочно сопоставлять уровень концентрации нашей и капиталистической промышленности только на основе одного какого-нибудь признака размеров заведений, так как при этом можно, в зависимости от выбора признака, с одинаковым правом утверждать и об огромном превосходстве и об огромной нашей отсталости.

Здесь возникает вполне законный вопрос о том, можно ли рассматривать более крупный характер наших промзаведений по числу рабочих как экономическое преимущество в условиях нашего отставания по другим линиям? Не является ли это наше „превосходство" функцией нашей технической отсталости, низкой производительности труда, слабого уровня механизации производства? Иными словами, является ли тот огромный, невиданный в других странах уровень концентрации нашей промышленности по распределению рабочей силы, который мы выше констатировали, нашим техническим плюсом или минусом?

Мы полагаем, что то обстоятельство, что в нашей промышленности преобладают заведения гиганты по числу рабочих, то, что в этом отношении мы стоим впереди и С.-А. С. Ш. и Германии, есть фактор положительный, при том огромной важности, при всей нашей отсталости по размерам механических двигателей и продукции. Ведь бесспорно колоссальное экономическое значение того, что около 60% рабочей силы, 66,4% механических двигателей и около 50% продукции дают нам всего лишь 473 заведения-гиганта, или 4,2% из общего числа в 11.340. Это чрезвычайно облегчает и управление промышленностью и ее планирование, и техническую реконструкцию и дает ряд других преимуществ, которые столь же очевидны, как и упомянутые. Конечно, „ножницы" между размерами заведений по массе рабочей силы, основного капитала и продукции должны быть и будут, в процессе рационализации и реконструкции, устранены.

Разрешение этой задачи в ряде случаев будет сопряжено с абсолютным уменьшением числа рабочих отдельных заведений. Однако, наметившиеся пути и методы реконструкции нашей промышленности, как правило, связаны с увеличением размеров занятой рабочей силы, при значительно превосходящем его росте продукции и элементов основного капитала. Диспропорция между размерами заведений по

Таблица 5

Сравнительные данные об уровне концентрации отдельных отраслей промышленности СССР и Германии[1]

Отрасли промышленности	Среднее число рабочих на 1 заведение		Доля заведений гигантов в общ. числе рабочих		В среднем на 1 заведение-гигант				Данные по СССР в % к соответственным данным по Германии			
					Рабочих		Механ. двиг. (лош. сил.)				на 1 завед.-гигант	
	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	Рабочих на 1 завед.	Рабочих занят. в за вед.-гигант.	Рабочих	Механ. двиг. лош. сил.
1. Металлургическая	2.190	404	90,2	57,0	3.818	2.787	11.257	27.302	542	158	137	41
2. Горная	1.308	780	85,2	73,5	3.868	2.349	9.385	11.607	168	116	165	81
3. Текстильная	1.184	193	82,6	18,1	3.199	1.532	2.848	2.378	613	456	209	120
4. Машиностроение и средства передвижения	693	247	66,0	40,8	3.079	1.948	567	3.672	281	162	158	15
5. Электротехн. и точная механика.	647	285	69,1	56,4	1.688	2.563	2.060	4.198	227	123	66	49
6. Химическая	315	222	29,1	42,6	1.468	2.415	4.935	16.069	142	68	61	31
7. Обработка камня и глины	288	146	31,4	6,1	1.791	1.202	1.745	1.615	197	515	149	108
8. Обработка металлов	283	143	38,6	13,8	2.055	1.618	3.435	2.109	198	280	127	163
9. Швейная	239	119	15,2	8,2	1.820	1.474	985	513	201	185	123	192
10. Кожевенная и линолеумная.	213	148	15,9	20,8	1.243	2.103	1.199	3.989	144	76	59	30
11. Бумажная и полиграфическая	211	144	17,7	12,0	1.541	1.439	3.322	4.924	147	148	107	67
12. Пищевкусовая	193	119	16,7	11,6	1.702	1.360	2.111	1.688	162	144	125	125
13. Лесная и деревообр.	175	120	8,8	0,2	1.608	1.280	1.440	751	146	4.400	126	192

[1] Данные по СССР за 1926/27 г., по Германии — за 1925 г. Данные охватывают лишь заведения с числом рабочих не менее 50. Об'единение отдельных отраслей промышленности СССР в более крупные группировки произведено нами по номенклатуре германской переписи.

массе рабочих, продукции и орудий труда будет преодолеваться, таким образом, в порядке равнения не по наименьшему, а наикрупнейшему звену. Конкретно это означает, что, опираясь на колоссальную, неизвестную ни одной индустриальной стране концентрацию рабочей силы, мы будем догонять страны передового капитализма, укрупняя наши заведения по величине продукции и основного капитала.

Основные выводы, к которым мы пришли на основе рассмотрения данных об уровне концентрации всей промышленности, взятой в целом, полностью подтверждаются и цифрами, характеризующими удельный вес заведений разной величины в отдельных отраслях промышленности, позволяющими одновременно выявить ряд особенностей концентрационного движения в СССР, которые суммарными данными стушевываются (см. таб. 5 и диаг. 2 на стр. 84 и 86).

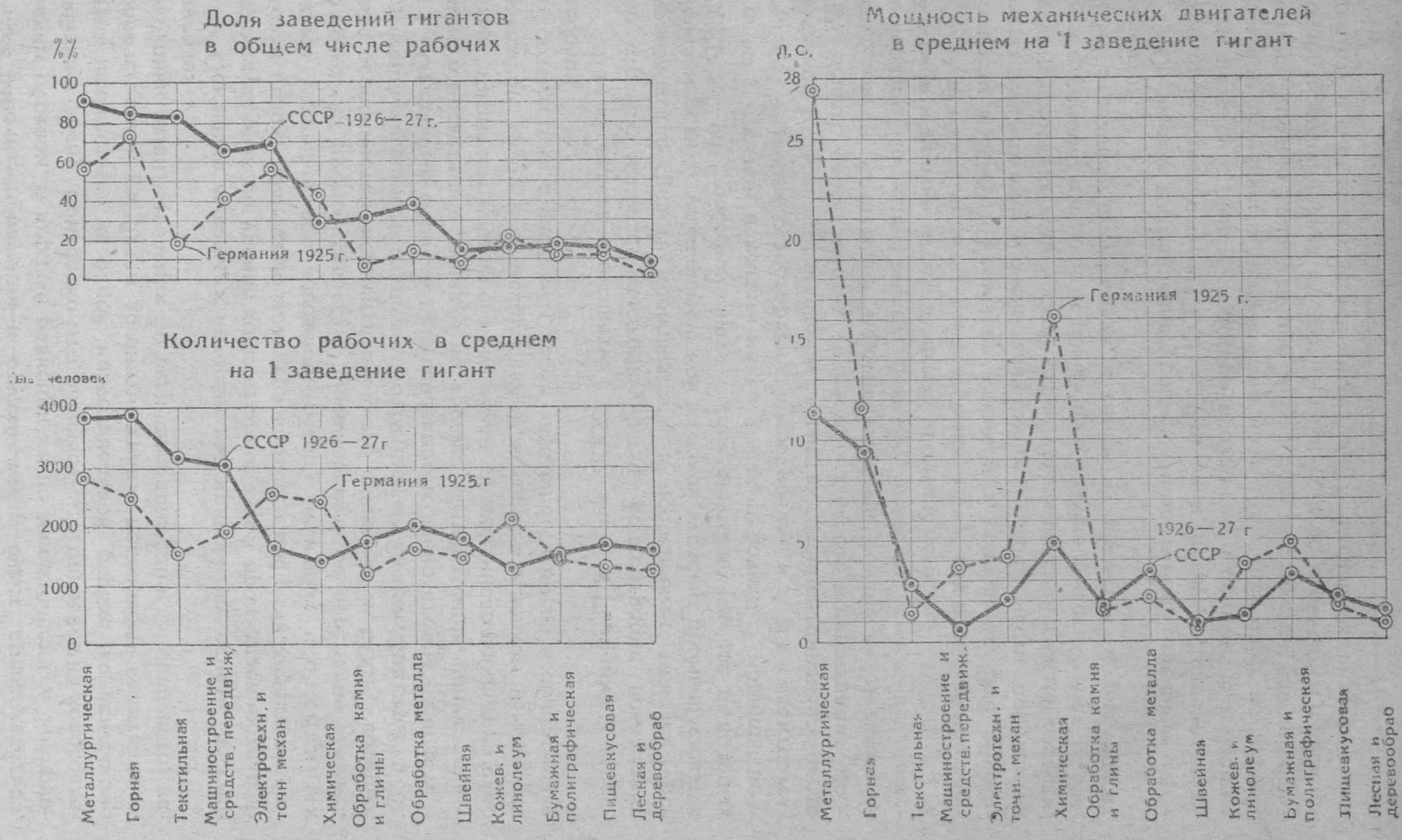
Отдельные отрасли промышленности расположены нами в таблице в нисходящем порядке по уровню концентрации, при чем основным признаком последнего мы взяли среднее число рабочих на одно заведение крупной промышленности, которое в основном изменяется в соответствии с удельным весом заведений-гигантов в общем числе рабочих.

Как и следовало ожидать, в СССР, как и в Германии и в других странах, наиболее высокий уровень концентрации показывает производство средств производства, в особенности тяжелая промышленность. В металлургической и горной отраслях промышленности СССР 85—90% рабочих занято в заведениях, на каждое из которых падает в среднем немногим менее 4 тыс. рабочих. В машиностроительной (включая судостроение, автостроение и т. п.) и электротехнической отраслях в заведениях-гигантах сконцентрировано около 70% общего числа рабочих. Значительно слабее концентрация производства в химической промышленности, обработка металлов и минералов. Последние места занимают швейная, кожевенная, пищевкусовая и прочие отрасли легкой промышленности.

Различия в уровнях концентрации отдельных отраслей промышленности в СССР и Германии, в основном, совпадают. Это обусловлено тем, что они в очень значительной своей части порождены специфичностью технической структуры заведений каждой отрасли, хотя огромное, а подчас и решающее значение здесь имеют и „возраст" отдельных производств, и темпы их развития, и ряд других моментов.

Сравнивая соотношение уровней концентрации отдельных отраслей промышленности в СССР и Германии, нетрудно, однако, заметить, на ряду с общим сходством, и одно глубокое отличие, имеющее большое значение: в противоположность Германии одно из первых мест по уровню концентрации занимает у нас текстильная промышленность, являющаяся не только типичной, но и основной и решающей отраслью нашей легкой индустрии. В заведениях-гигантах с чис-

Сравнительные данные об уровне концентрации отдельных отраслей промышленности СССР и Германии *Диаграмма 2*



лом рабочих не менее 1 тыс. в ней занято 579 тыс. рабочих из общего числа 701 тыс. [1], между тем в Германии из 830 тыс. рабочих на такие заведения падает лишь 150 тыс., при чем в среднем на каждое из них приходится в 2 раза меньше рабочей силы и на 20% меньше механической силы, чем у нас. Среднее число рабочих на 1 заведение в текстильной промышленности у нас в 6 раз больше, чем в Германии. При огромном удельном весе текстильных предприятий во всей нашей промышленности, это обстоятельство не могло не отразиться на общем уровне концентрации последней, взятой в целом, и его соотношении с германским.

Особо высокая степень концентрированности русского текстильного производства об'ясняется целым рядом обстоятельств. Она является, прежде всего, продуктом бурного темпа его развития в довоенные годы, широкого распространения в текстильной промышленности системы многих смен, высоко развитой интегрированности производства и т. п. В последние годы текстильная промышленность чрезвычайно интенсивно росла, оправившись быстрее других отраслей от провала периода гражданской войны, при чем многие ее заведения переведены на трехсменную систему и семичасовой рабочий день. Все это, конечно, повышает степень концентрированности производства.

Бурному развертыванию русской текстильной промышленности противостоит крайне медленное ее развитие в довоенной и полная ее стагнация, стоящая в связи с низким жизненным уровнем масс, в послевоенной Германии. Все эти исторические, социальные и конъюнктурные моменты об'ясняют нам совершенно различные места, занимаемые текстильной промышленностью по уровню концентрации в ряду других отраслей у нас и в Германии.

Таблица показывает, что, отмеченные нами более крупные размеры заведений в нашей промышленности по числу рабочих по сравнению с германскими, как и более высокий удельный вес заведений-гигантов, типичны не только для всей промышленности в целом, но почти для каждой отрасли, взятой в отдельности. Только химическая индустрия из более важных отраслей, чрезвычайно слабо развитая, по сравнению с германской, уступает последней по роли заведений-гигантов. Степень и качество превосходства размеров наших заведений, однако, в отдельных отраслях далеко не одинаковы.

По ряду производств, преимущественно легкой промышленности заведения нашей промышленности значительно крупнее, чем в Германии не только по числу рабочих, но и по массе механических двигателей, падающих на каждое из них. Сюда относятся: обработка текстильного волокна, металлов, минералов, пищевкусовых веществ и дерева. Но зато в решающих производствах с особой яркостью

[1] Сопоставляя наши заведения с германскими и американскими, мы здесь, как и везде, рассматриваем лишь заведения с числом рабочих не менее 50 в каждом.

проявляется ахиллесова пята того специфического типа концентрации, который характерен для нашей промышленности и отражает ее общую техническую отсталость. Она заключается в огромном несоответствии масс живой рабочей и механической двигательной сил. В особенности это чувствуется, если рассматривать предприятия-гиганты, имеющие в этих отраслях особое значение. В металлургическом, горном и машиностроительном производствах — этих трех китах современной индустрии — среднее число рабочих на 1 заведение-гигант в процентах к соответствующим данным по Германии составляет у нас 158%, 116% и 162%, а средняя мощность механических двигателей — лишь 41%, 81% и 15%. Наша осталость здесь колоссальна, и разрешение задачи „догнать и перегнать" потребует наибольших усилий и наибольшего внимания, ибо это узловая проблема технической реконструкции нашей промышленности.

Следующая таблица, в которой мы сопоставляем степень концентрированности отдельных отраслей промышленности в СССР и С.-А.С.Ш., имеет условное значение, поскольку в ней фиксируются размеры заведений лишь по числу рабочих. Они показывают, в какой мере мы по отдельным отраслям в этом отношении превосходим С.-А.С.Ш. Только в нефтеобрабатывающей и полиграфической отраслях доля заведений-гигантов у нас ниже, и то весьма незначительно, чем в С.-А.С.Ш. К сожалению, состояние статистических данных не позволило нам сопоставить среднюю массу продукции механических двигателей, падающую на 1 заведение-гигант в обеих странах. Но нет никакого сомнения, что в этих областях наши позиции еще более невыгодны, чем по сравнению с промышленностью Германии.

Доля заведений-гигантов в общем числе рабочих в отдельных отраслях промышленности СССР и С.-А.С.Ш.

Отрасли	СССР	С.-А.С.Ш.	Отрасли	СССР	С.-А.С.Ш.
1. Железнодорожное, транспортное машиностр.	95,0	71,3	11. Сельскохозяйственное машиностроение	48,6	36,6
2. Хлопчатобумажная	91,4	36,8	12. Табачная	39,0	19,5
3. Черная металлургия	91,0	60,5	13. Бумажная	32,7	13,9
4. Судостроение	81,8	51,4	14. Кожевенно-обувная	25,0	12,8
5. Электротехническая	69,1	56,2	15. Стекольная	22,3	16,8
6. Цементная	59,7	12,8	16. Шелковая	15,1	15,7
7. Трикотажная	58,5	14,1	17. Фарфоро-фаянсовая	14,7	3,0
8. Нефтеобрабатывающая	54,6	56,1	18 Полиграфическая	8,9	11,3
9. Шерстяная	51,9	34,9	19. Лесная и деревообрабатывающая	8,9	7,8
10. Производственное и прочее машиностроение	49,0	24,6			

Переходим к вопросу о тех изменениях в уровне концентрации промышленности СССР, которые можно ожидать в ближайшие годы, в связи с осуществлением пятилетнего плана.

Все основные установки пятилетки и об'ективные условия ее выполнения способствуют чрезвычайно интенсивной концентрации производства. Колоссальные темпы плана, его качественные устремления, упор в сторону особого внимания отраслям, производящим средства производства, грандиозная программа строительства новых заведений и коренной реконструкции значительной части действующих, связанная с укрупнением последних, предполагаемое создание целого ряда огромнейших комбинатов, установка на резкое повышение степени механизации труда и его производительности и, наконец, как основа всего перечисленного, плановый характер индустриализации — все это мощнейшие рычаги концентрационного процесса.

Основным и решающим для пятилетия является, однако, не только темп концентрационного движения, но и его тип. Мы очень значительно опередили другие страны по размерам наших заведений по числу рабочих. Но мы отстаем, и чрезвычайно сильно отстаем, по массе основного капитала, механических двигателей и продукции на одно заведение. Общий баланс технической структуры нашей промышленности не в нашу пользу. Отсюда задача — коренным образом изменить господствующий у нас тип промышленного заведения, привести в соответствие друг с другом об'ем людского аппарата предприятий с его материально-техническим остовом и экономической эффективностью, выражающейся в массе продукции, ликвидировать своеобразные „ножницы" между этими элементами, равняясь при этом не на слабейшее, а на сильнейшее звено. Без разрешения этой задачи наши промышленные заведения по своему типу останутся технически отсталыми, несмотря на огромное, неизвестное ни одной индустриальной стране мира, превалирование заведений-гигантов. Но соответствует ли темп и характер концентрационного движения, сопряженного с реализацией пятилетнего плана, необходимости коренного изменения существующего типа промышленных предприятий? На этот вопрос приходится дать безусловно утвердительный ответ.

Подсчеты Госплана не дают нам, к величайшему сожалению, чрезвычайно важного элемента для суждения о динамике средних размеров промышленных заведений за пятилетие — числа заведений предполагаемых в действии в 1932/33 г. Общее число намеченных к постройке новых заведений исчисляется по госпромышленности, примерно, около 2,5—3 тыс., что даст увеличение, примерно, на 30%. Известная часть заведений мелкого типа намечена к ликвидации. Можно поэтому предположить, что прирост числа предприятий за пятилетие составит около 25%.

Предполагаемый прирост числа рабочих на 33% в этих условиях означает сравнительно незначительное увеличение среднего количе-

ства рабочей силы, падающей на одно заведение цензовой промышленности. В этом направлении концентрационные процессы особо интенсивными не будут, хотя есть все основания полагать, что в связи с наметившимся переходом на непрерывную рабочую неделю и выяснившейся возможностью превышения ряда намеченных пятилеткой темпов, прирост числа рабочих будет значительно выше 33%.

Нет никакого сомнения, однако, что удельный вес заведений-гигантов по числу рабочих и среднее количество последних на каждое из них повысится весьма значительно. Это будет естественным результатом постройки целого ряда новых заведений-гигантов и того обстоятельства, что реконструироваться, укрупняться и переводиться на непрерывную рабочую неделю будут в первую голову крупнейшие предприятия. Основное значение того сдвига в уровне концентрации нашей промышленности, который произойдет за пятилетие, лежит, однако, в совершенно иной плоскости.

По наметке Госплана промышленность увеличится к концу пятилетия по основному капиталу в 3,0 раза,[1] продукции — в 2,8 раза[2], мощности механических двигателей — в 2,25 раза.[3] Если исходить из того, что общее число промышленных заведений увеличится, примерно, на 25%, это означает, что средние размеры промышленного заведения к концу пятилетия составят по сравнению с 1927/28 г. по основному капиталу 240%, двигательной силе — 180% и продукции — 225%. Среднее же число рабочих на одно заведение при этом увеличится, примерно, на 7%. Реализация пятилетнего плана, таким образом, предполагает резкое увеличение массы основного капитала и продукции на одно заведение, при почти стабильном уровне числа рабочих. Это чрезвычайно важная качественная характеристика концентрации производства, на основе осуществления промышленной пятилетки. Этот своеобразный тип концентрационного процесса, резко отличающийся от довоенного, будет иметь своим следствием если не полную ликвидацию, то очень сильное сжатие тех „ножниц", на которые мы выше указывали. Если сейчас наши преимущества в области концентрации промышленности по числу рабочих нейтрализуются в значительной мере низкой производительностью и капиталовооруженностью труда, то это пятилетие в этом отношении очень многое изменит. Выявившиеся необходимость и возможность значительного превышения ряда запроектированных темпов позволяют надеяться, что достижения будут еще выше, отмеченных нами.

Качественная характеристика концентрации пятилетия, сама по себе, еще недостаточно фиксирует их огромное значение. Чрезвычайно важно подчеркнуть их крайне напряженные, рекордные темпы. В какой мере последние значительно выше, чем в капиталистических странах, свидетельствуют следующие данные.

[1] Госпромышленность.
[2] Промышленность, планируемая ВСНХ.
[3] Цензовая промышленность.

Современной промышленности С.-А.С.Ш., при сохранении темпов последнего периода, потребуется для достижения соответствующего увеличения средних размеров заведений: по продукции свыше 20 лет, по механическим двигателям — 12—15 лет. В Германии за 18-летие — с 1907 по 1925 гг. — мощность двигателей на одно заведение крупной промышленности выросла на 110%, в СССР же предполагаемое увеличение за пятилетие составит 80%. Все это говорит о небывалом темпе концентрации производства в СССР.

Решающим фактором, определяющим и качественно и количественно концентрацию промышленности в 1927/28 — 1932/33 гг., является развертываемое нами грандиозное новое строительство. В какой мере тип наших вновь строящихся промышленных заведений выше того, который господствует в промышленности СССР в настоящее время, показывают следующие данные:

Таблица 6

Распределение старых и вновь строящихся промышленных заведений по размерам их основных капиталов[1]

Размеры предприятий по стоимости капиталов	На 1/X 1925 года				Запроектировано к постройке в пятилетие 1927/28—1932/33 гг.			
	Число заведений	Полная восстановительная стоимость основн. капитала и имущества			Число об'ектов	Строительная стоим.		
		В млн. чер. рублей	В %% к итогу	На 1 заведение		В млн. чер. рублей	В %% к итогу	На 1 заведение
До 250 тыс. руб.	6.688	500,2	7,8	0,1	954	102,7	1,3	0,1
От 250 тыс. руб. до 1 млн. руб.	1.461	815,3	12,6	0,6	535	311,1	4,0	0,6
„ 1 до 5 млн. руб.	722	1.733,4	26,9	2,4	663	1.407,7	18,0	2,1
„ 5 „ 10 „ „	111	877,6	13,6	7,9	192	1.254,2	16,0	6,5
„ 10 „ 50 „ „	87	1.883,9	29,2	21,7	125	2.434,6	31,1	19,5
Свыше 50 млн. руб.	9	638,7	9 2	71,0	21	2.323,0	29,6	110,6
Итого . .	9.078	6.449,0	100,0	0,7	2.490	7.833,3	100,0	3,1

С 1/X—25 г. по 1/X—28 г. основной капитал промышленности вырос на 22%. По всей вероятности, в результате этого роста изменились и удельные веса заведений разной величины в сторону усиления роли более крупных из них. Приводимые нами данные о капиталах действующих предприятий поэтому уже несколько устарели и не совсем соответствуют положению вещей в данный момент.

[1] Данные за 1925 г.—ЦСУ СССР. Остальные заимствованы из II тома „Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР", стр. 89. Данные не охватывают за 1925 г. топливной промышленности, а по новому строительству топливной и части строительной промышленности.

Все же их сопоставление с предполагаемой стоимостью новых предприятий разной величины представляет большой интерес.

В 1925 г. полная восстановительная стоимость основных капиталов и имущества 9.078 заведений СССР составляла 5,5 мрд. руб. За пятилетие же предполагается затратить на строительство 2.490 об'ектов 7,8 мрд. руб. Средняя стоимость каждого об'екта, таким образом, почти в 4,5 раза выше средней стоимости заведений в 1925 г.

Еще более показательны данные о доле заведений-гигантов в старом основном капитале и новых вложениях.

Во всей промышленности, кроме топливной и электростанций, насчитывалось в 1925 г. лишь 9 предприятий-колоссов с капиталом свыше 50 млн. руб. в каждом, в которых было сконцентрировано 9,2% всего капитала промышленности. За пятилетие же предполагается построить 21 об'ект стоимостью свыше 50 млн. каждый, вложив в них 2,3 мрд., или около 30% стоимости всего нового строительства. Средняя масса основных капиталов на такое заведение составляла в 1925 г. 71 млн. руб., а средняя строительная стоимость строящихся об'ектов исчисляется в 110 млн. руб.

Нужно учесть, что цифры стоимости вновь строящихся заведений не окончательны, так как они фиксируют лишь стоимость работ в это пятилетие, и что мощность многих заведений будет впоследствии значительно увеличена. Это еще больше усиливает различие размеров старых и вновь строящихся предприятий.

По отдельным отраслям Госплан следующим образом характеризует те сдвиги в уровне концентрации, которые принесет реализация промышленной пятилетки.[1]

В металлургической промышленности 9 заводов-гигантов стоимостью свыше 150 млн. каждый будут иметь мощность большую, чем все существующие заводы, вместе взятые.

По Донуглю средняя годовая добыча на 1 шахту составит в 1932/33 г. 178 тыс. тонн против 96 тыс. тонн в 1927/28 г.

В шерстяной промышленности будет выстроено 5 фабрик, которые дадут продукцию, равную довоенной, когда предприятий было около 350.

В стекольной промышленности из общего числа 11 строящихся заводов 5 крупнейших рассчитаны на продукцию, в полтора раза превышающую производительность существующих в настоящее время 150 заводов Союза и равную производительности всех заводов довоенного времени числом 300.

В лесопильных заводах устанавливаются рамы в 3 раза производительнее старых.

[1] „Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР", т. II, ч. 1, стр. 90.

В бумажной промышленности 5 предприятий дадут больше продукции, чем все заведения 1927/28 г.

В сахарной промышленности намечены к постройке заведения с суточной продукцией, в 3 раза превышающей существующую мощность. То же в консервной и других отраслях промышленности.

Все это дает основания утверждать, что „в конце пятилетия процессы концентрации во всех отраслях примут огромные размеры. При вступлении в эксплоатацию даже нескольких об'ектов на долю сотен старых останется ничтожнейший процент производства... На смену мелким предприятиям приходит новая фабрика, социалистическая не только по принадлежности рабочему классу, но и по высокой производительности".[1]

Огромное превосходство размеров строящихся нами заведений, по сравнению с существующими у нас, еще не решает вопроса о том, в какой мере новое строительство соответствует в этом отношении практике передовых капиталистических стран. Сопоставление здесь чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что ни в одной промышленной стране мира мы не имеем, в подавляющем большинстве отраслей, строительства новых предприятий-гигантов, так как и тот рост производственного аппарата, который происходит за счет расширения и переоборудования существующих предприятий, далеко обгоняет возможности сбыта. Сравнение же предполагаемой мощности вновь строящихся и старых, сложившихся в течение десятилетий, заводов методологически не совсем правильно, ибо, в первом случае, мы имеем производительность лишь исходную, с огромными потенциальными возможностями ее увеличения, во втором же, она является конечным продуктом длительного развития, с гораздо более ограниченными резервами дальнейшего роста. Все же подобное сравнение представляет значительный интерес.

В тяжелой промышленности нами принят за основу тип заводов мощностью в 650 - 750 тыс. тонн чугуна каждый. В Германии же около 50 доменных предприятий имеют общую мощность в 15—16 млн. тонн, что дает в среднем на каждое 300—320 тыс. тонн годовой выплавки. В С.-А.С.Ш. чугунолитейная промышленность насчитывает 122 завода с средней мощностью в 410 тыс. тонн. Запроектированная нами мощность выше средней и по Германии, и по С. А.С.Ш. Но она все же далека от тех рекордов, которые дает нам капиталистический мир. Так, например, один из заводов Gary Works в Америке имеет мощность: по чугуну 1,5 млн. тонн, по стали 2,0 млн. Впрочем, следует отметить, что нами уже приступлено к проектировке нового металлургического гиганта в Мариуполе с мощностью в 3,5 млн. тонн металла.

В каменноугольной промышленности мы имеем по Донуглю 13 начатых крупных шахт, которые дадут к концу пятилетия около

[1] Там же, стр. 91.

6 млн. тонн угля в год, т.-е. около 0,5 млн. тонн каждая. Это выше средней мощности шахт Германии. Однако, следует учесть, что в Руре средние шахты дают в год около 600 тыс. тонн, а самые крупные — до 2,4 млн. тонн в год. Но если будет реализован выдвинутый проект постройки шахты производительностью в 6 млн. тонн, то германские рекорды будут нами побиты.

В автомобильной промышленности Нижегородский завод с его предполагаемой продукцией в 100 тыс. машин будет иметь рекордную производительность по сравнению с современными предприятиями Европы. Крупнейшая фирма Европы — Ситроен — дала в 1927 г. продукцию в 75 тыс. машин, а вся Германия, насчитывавшая в 1927 г. 30 заводов только легкового автостроения, по американской оценке, выбросила на рынок в 1928 г. лишь около 90 тыс. машин. Но опять-таки нам еще очень далеко до американских рекордов.

По линии электростроительства самым мощным сооружением явится днепровская станция, рассчитанная на 560 тыс. *квт.* Крупнейшие же электростанции Германии имеют мощность в 300—400 тыс. *квт.*, а в С.-А.С.Ш. строится станция с окончательной мощностью — 1 млн. *квт.*

Эти примеры можно было бы в несколько раз умножить. Они показывают, что заведения и агрегаты, которые мы строим, значительно крупнее среднего обычного типа существующих в капиталистических странах, но за редкими исключениями ниже рекордов капиталистического мира. На данной стадии нашей индустриализации мы пока что только „догоняем“ передовые страны капитализма, стремясь заимствовать у них наиболее совершенные типы предприятий. Но в отдельных случаях мы вынуждены ориентироваться на „средний“, обычный, господствующий тип заведений передовых капиталистических стран, не имея возможности сразу брать самый новый, мощный по размерам и не всегда еще технически и экономически проверенный и оформившийся вид предприятия. Но необходимо с особой силой подчеркнуть, что в значительной мере это является не только продуктом об'ективных экономических условий, но и следствием некоторого консерватизма части технических кругов, нуждающегося в самом решительном отпоре, ибо это может нам впоследствии дорого стоить.

Роль кустарно-ремесленного производства

До сих пор мы рассматривали степень концентрации фабрично-заводской промышленности СССР, как таковой. Этим проблема концентрации, однако, не исчерпывается, ибо большое значение имеет и вопрос о соотношении между фабрично-заводским и кустарно-ремесленным производствами, особенно в СССР, где последнее играет весьма крупную роль.

По данным проф. А. Рыбникова, известного знатока нашей мелкой промышленности, в довоенной России около двух третей всех лиц

промышленного труда было занято в мелкой и только треть в крупной — цензовой промышленности. Ко всему сказанному выше об уровне концентрации нашей фабрично-заводской промышленности, таким образом, следует добавить, что в ней было занято до войны в 2 раза меньше рабочей силы, чем в кустарно-ремесленном производстве, чтобы получить представление о степени концентрированности всей нашей промышленности, взятой в целом. Изменения, происшедшие за годы войны и революции в этой области, весьма значительны, однако, коренного перелома они еще не означают (см. таблицу 7 и диаграмму 3 на стр. 96, 98).

В 1926/27 г. в цензовой промышленности СССР было занято всего 2.810 тыс. лиц,[1] в мелкой—3.790 тыс.[2]. Отсюда вытекает, что из всей массы промышленного труда 57,4% падает на мелкое производство. Это значительно меньше той цифры, которую мы приводили для довоенного времени (65%), свидетельствующей о происшедшем большом снижении удельного веса мелкой промышленности. Все же последняя до сих пор поглощает основную массу рабочей силы промышленности.

Экономическое значение мелкого производства в нашем хозяйстве меньше, чем это могло бы показаться, на основе приведенных цифр. Следует учесть глубокое различие в производительности труда в мелком и крупном производствах, благодаря которому доля первого в продукции промышленности меньше половины его доли в рабочей силе. Цензовая промышленность, охватывая лишь 42,5% рабочей силы, дает 72,1% валовой продукции, мелкая же промышленность концентрирует 57,5% занятых и выбрасывает лишь 27,9% продукции. Валовая продукция не является, конечно, точным измерителем производительности труда, но эти данные все же в достаточной мере отчетливо и правильно фиксируют огромное ее отставание в мелком производстве по сравнению с крупным. Это глубокое различие в эффективности трудовых затрат в фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленностях звучит одновременно как смертный приговор последней, хотя отсюда еще не вытекает, что мелкое производство не может увеличивать свои абсолютные размеры, а в известные моменты, и свою относительную долю в той или иной отдельной отрасли промышленности.

Рассматривая абсолютные размеры и удельный вес мелкого производства в отдельных отраслях, можно легко заметить, что колебания здесь огромны.

Противоположные полюсы в этом отношении занимают швейная промышленность, в которой нецензовые заведения охватывают 94,8% занятых и дают 73,6% продукции, и металлургия, совершенно

[1] Рабочих и служащих и административно-технического персонала.

[2] Здесь, как и в последующем, мы пользуемся данными ЦСУ СССР, полученными на основе выборочного обследования мелкой промышленности в 1927 г. и всесоюзной переписи 1926 г.

Таблица 7.

Абсолютные размеры и удельный вес мелкой промышленности в СССР и Германии [1]

Отрасли промышленности	Мелкая нецензовая промышленность СССР				Мелкая промышленность, включая цензовые заведения с числом занятых менее 50					
	занятые (в тыс.)	валовой оборот (в млн. черв. руб.)	Доля во всей пром—сти, в % %		занятых (в тыс.)		занятых, в % % ко всему числу работающих			
							во всей пром—сти		в мелк. пром—сти	
			по числу занятых	по валовой продукции	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия
1. Горная	1,2	0,3	0,3	0,0	3,3	14,8	0,7	1 8	0,1	0,3
2. Металлургическая	—	—	0,0	0,0	0,1	31,1	0.0	5,0	0,0	0 7
3. Обработка металлов	377,4	226,7	76,2	34,0	387,1	513,2	78,1	59,5	9,9	10,8
4. Машиностроение и средства передвижения	47,5	16,8	15,9	2,1	50 6	242,7	17,0	19.6	1,3	5 1
5. Электротехника и точная механика	2,5	4,0	7,9	2 9	3,0	182,5	9,6	30,5	0.1	3.8
6. Обработка камня и глины	114.3	40,5	36,3	10,0	126,5	260,4	40,2	38,0	3,2	5.5
7. Химическая	53,8	47,9	43,1	9,8	57,4	63,1	46,0	20.1	1.5	1,3
Итого 1—7	596,7	336,2	31,0	7,9	628,0	1..07,8	32,6	25,5	16,0	27,6
8. Текстильная	424,8	295,9	35.6	7,9	429,8	297,6	36 0	24,5	10.9	6,3
9. Швейная	1.484,9	737,0	94,8	73.6	1.487.7	1.132.3	95,0	79.3	37.9	23.9
10. Бумажная и полиграфическая	51,8	66.9	29,4	14.7	62 6	194,4	34,5	33,8	1,6	4,1
11. Кожевенная и линолеумная	168,5	813,0	77,9	59,3	175.7	96,1	81,2	58.1	4.5	2,0
12. Резиновая	0,2	1,0	1,0	0,6	0 2	5.6	1,0	8.5	0,0	0,1
13. Лесная и деревообрабатывающая	466.3	201.0	78,7	31.0	481.5	689,6	81,3	72 0	12.3	14.5
14. Пищевкусовая	597,5	2.117,4	65,8	44.8	659,7	961,1	72,6	70 4	16 8	20,3
15. Прочие	—	—	0,0	0,0	—	60,5	0,0	50,7	0,0	1,3
Итого 8—15	3.194,0	4.232,2	68,3	35,0	3.297,2	3.437,4	70,5	58,4	84,0	72,4
Всего	3.790,7	4.568,4	57.4	27,9	3.925,2	4.745,2	59,5	43,1	100,0	100,0

[1] Данные по Германии за 1925 г. Данные по СССР предоставлены в распоряжение Госплана ЦСУ Союза, и составлены на основе итогов выборочного обследования мелкой промышленности СССР в 1927 г. и данных переписи 1926 г. В число занятых включены везде рабочие, служащие и административно-технический персонал. Валовая продукция мелкой промышленности принята равной ее валовому обороту. Цифры по валовому обороту округлены, но при исчислении процентных отношений использованы неокругленные данные.

не знающая мелкого производства. Основная масса кустарно-ремесленных заведений концентрируется в производстве средств потребления, на долю которого падает свыше пяти шестых всех занятых и девяти десятых валового оборота мелкой промышленности. Вслед за швейной промышленностью выделяются высоким удельным весом и абсолютными размерами мелкого производства: обработка кожи, дерева, металлов и пищевкусовых веществ. Довольно значительный процент занятых падает на мелкую промышленность в отраслях: химической, силикатной, текстильной и бумажно-полиграфической, но ее доля в продукции этих производств крайне незначительна.

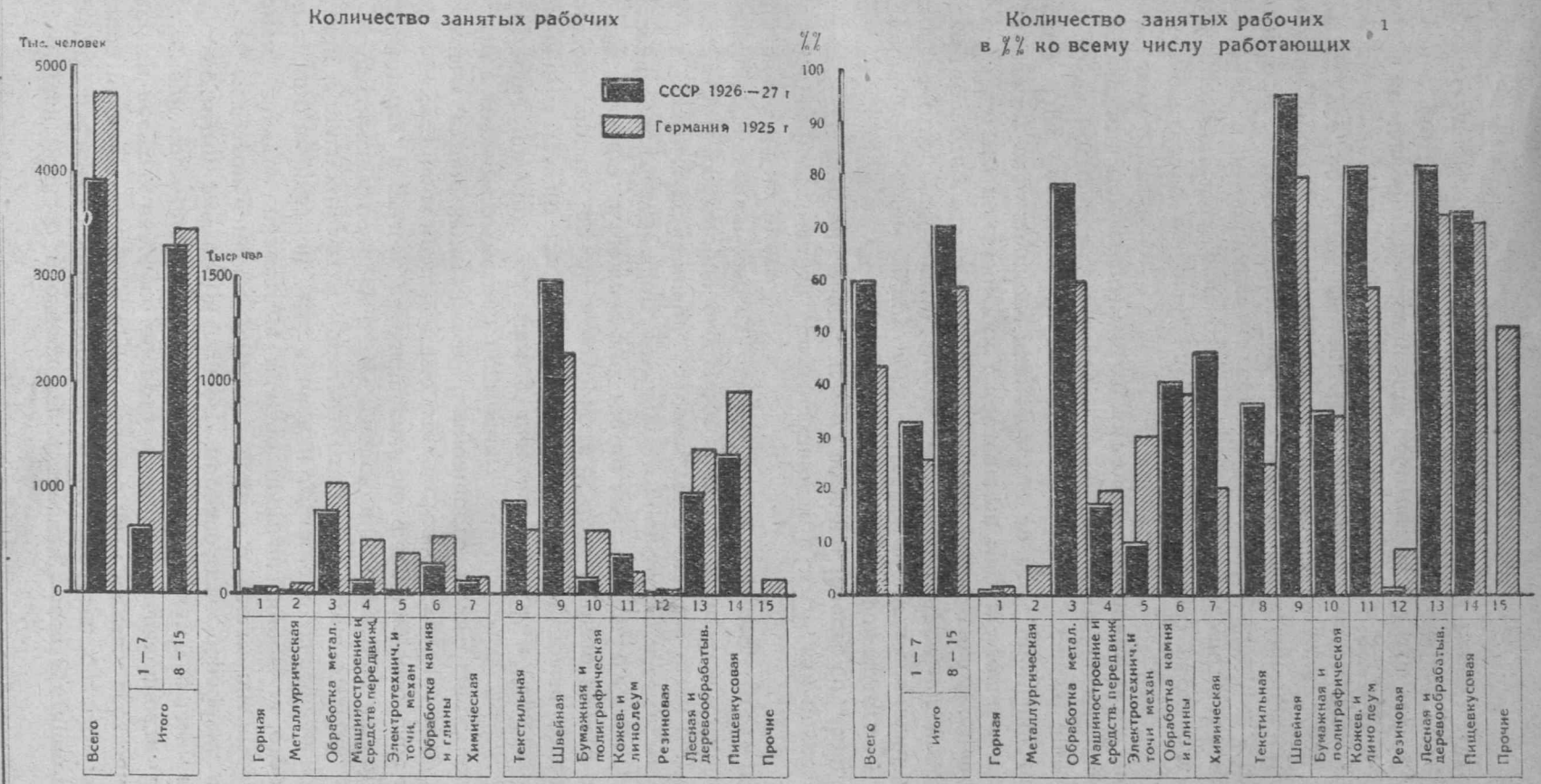
Обратимся к вопросу о том, в какой мере структура нашей промышленности, в смысле ее распадения на фабрично-заводское и кустарно-ремесленное производство, отличается от строения индустрии передовых стран капитализма. Возможность такого сопоставления нам дает только статистика Германии.

Чтобы получить сравнимые данные по СССР и Германии, мы включили в мелкую промышленность СССР и цензовые заведения с числом рабочих до 50, в которых в 1926/27 г. было занято около 142 тыс. рабочих. К сожалению, мы не знаем, сколько в этой группе заведений занято служащих, технического персонала и самостоятельных, не наемных работников, которые тоже должны были бы войти в подсчет. По сравнению с общими цифрами занятых в мелкой промышленности, количество их, однако, столь невелико, что эта неточность значения не имеет.

Удельный вес мелкой промышленности в СССР, как показывает таблица 7, значительно выше, чем в Германии. Вместо 60% лиц промышленного труда, которые падают на мелкое производство у нас, Германия дает лишь цифру в 45%. Чтобы оценить значение этого обстоятельства, необходимо учесть, что мелкая промышленность и абсолютно и относительно гораздо сильнее развита в Германии, чем в С.-А.С.Ш. и что по сравнению с последними мы еще больше отстаем по удельному весу крупного производства во всей промышленности в целом. При более низкой производительности мелкого производства, такое распределение рабочей силы промышленности является для нас весьма невыгодным и служит одним из показателей нашей технической отсталости.

Относительно высокий удельный вес мелкого производства в нашей промышленности не означает еще, что и абсолютные размеры его велики в особенности по сравнению с потребностями страны. В этом отношении соотношение абсолютных чисел, занятых в мелкой промышленности у нас и в Германии, чрезвычайно характерно. Оказывается, что, несмотря на то, что германское население меньше половины нашего, а ее крупная индустрия почти в 2,5 раза больше нашей, в ее мелкой промышленности работает на 813 тыс. чел. больше, чем у нас. Но Германия — страна с технически наиболее передовой и высоко концентрированной промышленностью в Европе. Возмож-

Абсолютные размеры и удельный вес мелкой промышленности в СССР и Германии. *Диаграмма 3*



[1] Во всей промышленности (цензовая + мелкая).

ность сожительства мелкого производства с крупным в условиях современной техники, таким образом, еще очень велика, несмотря на то, что удельный вес последнего беспрерывно падает, и концентрационные процессы во всем мире развертываются в последние десятилетия весьма интенсивно. Это обстоятельство необходимо серьезно учитывать и в нашем хозяйственном строительстве.

Сравнивая распределение мелких заведений по отраслям, у нас и в Германии, мы замечаем в общем то же закономерное тяготение их к отраслям, производящим средства потребления, при чем и в Германии на первом месте стоят: швейное, пищевкусовое производство и обработка дерева и металла. Но отмечается и различие существенного значения. В то время, как у нас на долю подразделения А падает лишь 16% всей мелкой промышленности, в Германии соответствующая цифра равна 27,6%. Отставание мелкой промышленности СССР по числу занятых от германской также происходит, главным образом за счет производства средств производства. Это является, в основном, отражением нашей общей технической отсталости, в особенности, по линии моторификации и электрификации нашего хозяйства. Только в двух отраслях — машиностроительной (включая средства передвижения) и электротехнической — мелкое производство Германии насчитывает 425 тыс. занятых против 53 тыс. у нас, при чем в основном это мастерские по электропроводке, радиофикации, авто- и велоремонту, ремонту разных машин и т. п. С успехами электрификации и моторификации страны эти виды мелкого производства, разумеется, будут у нас широко развиваться.

Возможности экспансии мелкой промышленности имеются у нас, однако, и в тех производствах, где она не дополняет, а конкурирует с крупным. Мелкая промышленность не имеет больших перспектив, в связи с низким уровнем производительности труда в ней, и историческая песенка ее спета. Но она имеет и известные преимущества, не требуя для своего развертывания больших основных капиталов и сроков. В условиях огромного недостатка последних, существующего на данном этапе нашего социалистического строительства, это обстоятельство приобретает особое значение; наоборот, наличие больших масс совершенно неиспользуемой рабочей силы и острый товарный голод отодвигают на задний план соображения о низкой производительности кустарно-ремесленного производства. Именно поэтому, стимулирование последнего в тех отраслях, в которых оно по сырьевым и иным условиям не будет мешать развертыванию крупной промышленности, не только целесообразно, но в современных условиях абсолютно необходимо, при чем кооперативная форма должна явиться основным типом его социальной организации. В некоторых отраслях — например, производстве ряда строительных материалов — развертывание мелких заведений является даже предпосылкой успешного выполнения программы строительства крупной индустрии.

С. Зак

О „законе“ падения производительности последовательных затрат капитала... в промышленности[1]

I

Интересный, — и с практической, и с теоретической стороны, — вопрос поднимает А. Калмановский в статье своей „К вопросу об измерении эффективности капитального строительства“ („Плановое Хозяйство“, № 10 1928 г.). Считая неудобной существующую у нас до сих пор практику измерять эффективность капитальных затрат „различными для каждого строительства приемами“, так как этот метод измерения „от случая к случаю“ отнимает всякие возможности „обобщения“, тов. Калмановский подвергает уничтожающей критике попытки „единообразно измерить эффективность строительства промышленности... сравнением динамики годовой продукции промышленности с динамикой стоимости основного капитала“, когда „рост годовой продукции на каждый рубль основного капитала считается бесспорным доказательством эффективности капитальных вложений и наоборот“. Эти „попытки“ тов. Калмановский в корне считает неправильными, так как „практика промышленного развития передовых капиталистических стран и, в частности Соединенных Штатов показывает, что, наоборот, вместе с общим ростом производства рост стоимости основных капиталов, как правило, значительно обгоняет рост продукции“. Другими словами, с каждым новым вложением в промышленность капитала, каждый вновь затрачиваемый на основной капитал рубль дает меньший производственный эффект в смысле массы вырабатываемой продукции.

Получается, таким образом, у тов. Калмановского своеобразное приложение к промышленности пресловутого „закона“ падения производительности последовательных затрат капитала в земледелии, „закона“, около которого долгое время велись горячие споры, и который теперь следует считать окончательно сданным в архив. Для ясности следует прибавить, что у тов. Калмановского речь идет не о капиталистической эффективности основного капитала. Его не норма прибыли на вновь затраченный основной капитал интересует а „натуральный об'ем продукции, производимой в определенный срок“.

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

Эта оговорка необходима потому, что проблема понижающейся нормы прибыли с повышением строения капитала, как известно, имеет у Маркса исчерпывающее разрешение, которое не только не опровергается, но категорически подтверждается капиталистической практикой. Речь идет о продукции, как таковой, в ее натуральном выражении, — о метрах ткани, тоннах железа, парах галош и т. д. И именно в этом смысле, по мнению тов. Калмановского, „практика промышленного развития передовых капиталистических стран“ требует приложения к промышленности опороченного в отношении земледелия „закона“ падения производительности последовательных затрат капитала.

Практику капиталистических стран тов. Калмановский проверяет сопоставлением „капитала“ и „продукции“ по ценам Соединенных Штатов за время 1849 по 1914 г. Даваемая им таблица чрезвычайно выразительна. На примере девяти цензов получается последовательное снижение продукции на один доллар капитала, с двумя только исключениями — в 1869 и 1879 гг., при чем если эффективность доллара капитала в 1879 г. выше чем в 1849 и 1859 гг., то она все-таки ниже, чем в 1869 г. Словом, „закон“ убывающей эффективности подтверждается в полной мере. Следует ли его признать окончательно доказанным? О таблице тов. Калмановского мы поговорим ниже. Теперь же, в виду того, что тов. Калмановский ссылается не на одни только Соединенные Штаты, а на практику „капиталистических стран“, посмотрим, как обстоит дело там, где возможны сопоставления, соответствующие тому, которое тов. Калмановский сделал для Соединенных Штатов. Как известно, европейские промышленные переписи оценок капитала не дают.[1] Приходится поэтому ограничиваться внеевропейской „практикой“. Остановимся прежде всего на Канаде.[2] В млн. долларов здесь имеется:

Годы	Капитал	Продукция	Продукции на 1.000 долл. капит.
1900	446,9	481,1	1.076
1905	833,9	706,4	847
1910	1.247,6	1.166,0	935
1915	1.958,7	1.381,5	705
1917	2.786,6	3.015,6	1.082
1918	3.034,3	3.458,0	1.139
1919	3.443,3	4.024,8	1.169
1923	3.538,8	2.695,1	762
1924	3.808,3	2.948,5	774

Как будто не требуется особенных комментариев, чтобы доказать, что на Канаде „закон“ тов. Калмановского не оправдывается. В 1905 году продукция в отношении „капитала“ снижается, но в 1910 г. она повышается. Новое снижение дает 1915 год, однако,

[1] Кроме Англии, но у нее были только два поддающихся сравнению цензада и то для двух весьма различных, для английской промышленности, эпох.

[2] „The Kanada Jearbook“ за разные годы.

после того мы имеем три года повышающейся постепенно продукции. В 1923 г. продукция опять снижается, а в 1924 г. повышается. Ту же картину мы находим в Австралии, где в миллионах фунтов стерлингов оценивались: [1]

Годы	Капитал	Продукция	Продукции на 100 ф. стерлинг. капитала
1910	58,5	120,9	206,7
1911	64,1	133,2	207.8
1912	69,3	148,8	214,7
1923/24	182,2	346.8	190.3
1924/25	200,4	380,8	190,0
1925/26	208,8	400,3	191,7

В Австралии мы видим то же самое, что в Канаде. Поскольку сравниваются годы, отделяющиеся друг от друга значительными промежутками, получается, как будто, снижающаяся эффективность капитала; но при сравнении близких друг к другу лет картина меняется: периоды 1917/19 гг. и 1923/24 гг. в Канаде, равно как периоды 1910/12 гг. и 1923/24—1925/26 гг. в Австралии показывают, наоборот, рост эффективности капитала.

Примеры Канады и Австралии мы привели не для того, чтобы на их основании построить какие-нибудь „законы", отличные от „закона" тов. Калмановского. Цель наших примеров — показать, что когда тов. Калмановский иллюстрирует примером Соединенных Штатов „практику промышленного развития передовых капиталистических стран", он имеет перед собою только Соединенные Штаты, а вообще „передовые капиталистические страны" приплетены им только для „красного словца": ни на одной другой капиталистической стране он своего „закона" не проверял. Правда, он ссылается еще на нашу собственную, русскую, практику. Но этой ссылкой он смешивает проблему с ее разрешением. Ведь самый вопрос возник в связи с теми сомнениями, которые диктуются нашей советской практикой. Что же касается довоенной России, то, ссылаясь на работу тов. Струмилина, тов. Калмановский удовлетворяется сравнением 1913 г. с 1885 г.; если бы он проанализировал таблицу тов. Струмилина более детально, он убедился бы, например, в том, что на единицу „основных фондов" приходилось „годового оборота" в 1900 г. менее 1 руб. 92 коп. при 1 руб. 95 коп. с лишком в 1913 г.

II

Когда тов. Калмановский говорит о продукции Соединенных Штатов, он принимает во внимание то обстоятельство, что ее размеры в денежном выражении не отражают в себе изменения в физическом ее об'еме. Выводы, вытекающие из его таблицы, он считает необходимым в дальнейшем поправить за счет роста цен на промтовары в довоенные полтора десятилетия XX века. Что же касается

[1] „Official Jear-Book of the Commonwealth of Australia" за разные годы.

„капитала", то в него он никаких поправок не вносит. А казалось бы тут именно требуются самые серьезные поправки. Начать с того, что когда речь идет о промышленности в какой-либо стране за годы, отделяющиеся друг от друга значительными промежутками времени, то имеют при этом дело с одной и той же промышленностью по политическому признаку, но не по экономическому, по структуре промышленности, по взаимоотношению между отдельными ее отраслями. А что отсюда вытекает, можно видеть из следующего примера. А. И. Гинзбург сделал попытку разделить промышленность Соединенных Штатов, по цензу 1921 г., на производства средств производства и производства средств потребления, и вот что у него получилось: [1]

	Капитал	Продукция	Продукции на 1.000 долл. капитала
	млн. долл.		
Производства средств производства . . .	24.289	29.270	120,5
Производства средств потребления	13.629	25.882	190,0

Очевидно, придерживаясь понятия „капитала" согласно американским цензам, следует констатировать меньшую его эффективность в производствах средств производства, чем в производствах средств потребления. С другой стороны, известно, что прогресс капиталистической промышленности выражается между прочим в том, что удельный вес производств средств производства в общем итоге национальной промышленности быстро возрастает. Этому закону подчинены, разумеется, и Соединенные Штаты. Как же должен влиять на эффективность „капитала" всей промышленности постоянно растущий удельный вес производств с низкой эффективностью капитала? Вряд ли следует доказывать, что в этих условиях видимая эффективность „капитала" всей промышленности через известные промежутки времени будут снижаться, хотя эффективность „капитала" каждой отрасли в отдельности будет возрастать.

Мы бы могли это положение проиллюстрировать на динамике разных отраслей американской и австралийской промышленности, но не делаем этого только потому, что вообще тот „капитал", который фигурирует в американских и австралийских „цензах", непригоден для изучения выдвинутой тов. Калмановским проблемы. Ведь это не капитал, в экономическом смысле, под которым следует разуметь денежную оценку действующих в промышленности средств производства. Это не производственный капитал, а капитал, который имеет тот же смысл, какой имеет акционерный капитал. Чтобы показать, в чем тут разница, возьмем случайный пример,— лежащий перед нами последний отчет акционерного общества Fr. Krupp. [2]

[1] А. М. Гинзбург. „Экономия промышленности", т. II, изд. 2-е, стр. 448.
[2] „Stahl und Eisen", 1929, № 3.

В млн. марок у этого акционерного общества было:

	1923/24 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Капитала в постройках и оборудовании	245,05	174,00	199,26
„ „ запасах	157,84	62,45	60,23
Всего . . .	402,89	236,45	259,49
Основной (или акционерный) капитал о-ва . . .	231,10	229,20	225,70
Акционерный капитал в процентах к производственному капиталу	57,4	97,0	87,0

Расхождение между капиталом в понимании капиталиста (а именно этот капитал регистрируется американскими цензами) и тем, что следует понимать под производственным капиталом (который один важен для разрешения выдвинутой тов. Калмановским проблемы), в Соединенных Штатах особенно велико было в те десятилетия, на которые ссылается тов. Калмановский, при чем с каждым периодом времени оно возрастало. Это были десятилетия, в течение которых американская промышленность сначала акционировалась, а потом также и трестировалась. Переход от единоличного предприятия на акционерные рельсы всегда сопровождался повышенной формальной оценкой капитала за счет безденежных акций (разводнение капитала). Особенно велико было „разводнение" капитала при устройстве различных трестов. Всему этому, кроме грюндерского ажиотажа, способствала также падающая норма прибыли, дававшая высшие оценки капитала, как результата капитализации прибыли. Учесть, в какой мере „дорожал" производственный капитал под влиянием всех этих манипуляций, нет возможности; известно только, что „воды" вливалось в капиталы американской промышленности изрядные количества. Поэтому строить какие-либо теории на основании того, что „цензы" называют капиталом, ни в коем случае недопустимо. И оправданием тов. Калмановскому служит разве только то, что на этот ложный путь его толкнул легкомысленный пример П. Маслова, на которого тов. Калмановский и ссылается в своей статье.

III

Но есть ли какой-нибудь иной способ подойти к выставленной тов. Калмановским проблеме, способ более серьезный? Нам кажется, что такой способ имеется. Мы его видим в том, что на место „капитала" тов. Калмановского ставим мощность первичных двигателей, выраженную в лошадиных силах. Этот фактор действительно характеризует перемены, происходящие в строении капитала. Число лошадиных сил на одного рабочего говорит об отношениях, существующих между основным (в производственном смысле) капиталом (которого, как известно, не следует смешивать с постоянным капиталом) и капиталом переменным. В то же время, продукцией на одну лошадиную силу определяются перемены в эффективности основного капитала. Ниже мы даем динамику промышленности Соединенных

Штатов за XX столетие, при чем продукцию оцениваем в постоянных ценах по индексу департамента промышленности:

Годы	Продукция в млн. долл.	Рабочих в тыс. чел.	Первичн. двигат. в тыс. л. с.	Продукция на 1 л. с. в долларах	Лош. сил на 100 рабочих	Нарастание лош. сил в % к предыд. году
1899	8.555	4.713	10.098	847	214	—
1904	13.323	5.468	13.488	988	247	115
1909	20.052	6.615	18.675	1.074	282	114
1914	23.508	7.036	22.437	1.048	319	110
1919	29.966	9 096	29.505	1.016	324	102
1923	39.129	8.768	33 057	1.184	377	116
1925	39.434	8.384	35.735	1.104	426	113

В абсолютных цифрах происшедшие в строе промышленности Соединенных Штатов перемены можно так охарактеризовать. Мощность механических двигателей выросла на 254%. В то же время количество приводимой этими механическими двигателями в движение живой рабочей силы увеличилось всего лишь на 78%. Получилась основательная реконструкция промышленности, выразившаяся в относительном вытеснении „мертвым" трудом труда „живого". Как шел этот процесс, показывают последние две графы таблицы. Они же дают ему точное выражение. Если в 1899 г. 100 рабочим противопоставлялась первичная двигательная сила в размере 214 лош. сил, то в 1925 г. тому же числу рабочих противопоставлялась уже первичная двигательная сила в размере 426 лош. сил, т.-е. относительная роль первичной двигательной силы удвоилась. Что произошло за это время с продукцией? Напоминаем, что продукция за все 25 лет выражена у нас в одинаковых, неизменных ценах. Следовательно, на ее размеры не влияло ничего, кроме изменений физического ее об'ема. И вот физический об'ем продукции увеличился на 361%, т.-е. в темпе, более сильном, чем рост „мертвого" труда, в 1,4 раза. Эффективность же механических двигателей усилилась на 30%, так как на одну лош. силу приходилось продукции на 847 долл. в 1899 г. и на 1.104 долл. в 1925 г.

Еще большее усиление эффективности получится, если 1899 г. сравнить не с 1925, а с 1923 г.: вместо 30% окажется 34%. Вообще, при бесспорной общей тенденции к росту, в отдельных случаях эффективность механических двигателей дает перебои. Вызываются они разными причинами. Можно думать, что в 1914 и в 1919 гг., охватывающих период сравнительного застоя в американской технике, они об'яснялись тем, что износ основного капитала шел быстрее его обновления. Некоторое снижение эффективности капитала в 1925 г., сравнительно с 1923 г., следует, вероятно, отнести на недогруз фабрик. Но „правило" строится не по „исключениям". Явление же в целом достаточно выразительно, чтобы возможны были какие-либо сомнения. Более того: в действительности рост эф-

фективности „мертвого“ труда был сильнее, чем показывает наша таблица. Выше мы указали, как влияет на эффективность „капитала“ промышленности в целом тот факт, что в процессе ее роста повышается удельный вес производств средств производства. Это остается в силе и тогда, когда развитие промышленности измерять не ничего не говорящим „капиталом“, а механическими двигателями. Возвращаясь к расчету, сделанному А. М. Гинзбургом для 1921 г., мы видим, что на одну лошадиную силу приходилось тогда в Соединенных Штатах продукции: в производствах средств производства — на 1.590 долл. и в производстве средств потребления — на 3.867 долл. Следовательно, рост удельного веса первой группы производств ослаблял итоговый эффект усиления „мертвого“ труда в американской промышленности. Наши выводы, очевидно, были бы гораздо более яркими, если бы возможно было рассмотреть особо динамику каждой из этих двух групп промышленности Соединенных Штатов.

Мы, конечно, понимаем всю недостаточность измерения эфективности технических процессов в промышленности при помощи одной двигательной силы. А что в это время происходит с „рабочей машиной“? К сожалению, для промышленности в целом, иного подхода к вопросу мы не видим. Однако, отдельным отраслям можно дать более разностороннее освещение. Взять, к примеру, хлопчатобумажную промышленность Соединенных Штатов. Динамика ее характеризуется следующими цифрами:

Годы	Рабоч. в тыс.	Мех. двигат. в тыс. лош. сил	Веретен в работе тыс.	Переработано хлопка тыс. *кг*	На 1 рабочего лош. сил	Потреб. хлопка на 1 веретено *кг*
1910	371,2	1.286	28.267	4.799	3,47	0,17
1914	379,4	1.564	31.520	5.786	4,12	0,18
1920	431,0	1.836	35.481	6.762	4,26	0,19
1923	471,5	2.153	36.260	7.312	4,57	0,20
1925	445,2	2.236	35.849	6.852	5,02	0,19

Растущее число лошадиных сил на одного рабочего свидетельствует о постепенном повышении строения капитала в хлопчатобумажной промышленности Соединенных Штатов. Как же это влияет на продукцию в натуральном выражении? За пятнадцать лет, когда двигательная сила увеличилась на 42,5% и число веретен („рабочая“ машина) на 26,8%, потребление производством хлопка увеличилось на 42,9%; при этом производственное потребление хлопка каждым веретеном растет из года в год, за одним исключением — для 1925 г., вероятно, в связи с недогрузкой фабрик, либо с улучшением качества пряжи.

И этот более быстрый рост физического об'ема хлопчатобумажной продукции, сравнительно с усилением роли „основного

капитала“ (не денежного, а реального — в форме двигательной силы и „рабочей“ машины), свойственен не одним только Соединенным Штатам. В Англии за вторую половину XIX столетия (1850—1900 гг.) число веретен в хлопчатобумажной промышленности увеличилось с 21,0 млн. до 47,9 млн. или на 129%, при увеличении числа рабочих с 330,9 тыс. до 523 тыс. или на 58,2%. Строение капитала, следовательно, значительно повысилось. Но еще сильнее возросло производственное потребление хлопка — с 531,7 млн. англ. фунтов до 1.576,6 млн. или на 196,5%.[1] В Ост-Индии в первое пятилетие XX века (1900—1906 гг.) в хлопчатобумажной промышленности число рабочих увеличилось с 163,3 тыс. до 212,7 тыс. или на 30,3%. Слабо, сравнительно с ростом рабочих, увеличилось число веретен — всего на 11,7% (с 4.738 тыс. до 5.294 тыс.), что, главным образом, об'ясняется усиленным развитием ткачества, на которое необходимо отнести увеличенное число рабочих. Число же ткацких станков за это время увеличилось с 38,5 тыс. до 52,3 тыс. или на 35,9%. Таким образом, и в ост-индской хлопчатобумажной промышленности за 5 лет произошло заметное повышение строения капитала. В продукции же в этот период произошли следующие изменения: производство пряжи увеличилось на 30,7% (с 501,7 млн. до 655,6 млн. а/ф.), а производство тканей поднялось на 64,4% (с 95,3 млн. до 156,6 млн. а/ф.[2]).

Чтобы яснее себе представить, к каким выводам мы приходим из приведенных выше фактов и расчетов, следует иметь в виду, что, если все свидетельствует о сокращении не только „живого“ труда, но и „мертвого“ на единицу продукции с прогрессом промышленности, то этому закону подчиняется и производство самих орудий производства. Следовательно, „окристаллизованного“ труда на единицу механической силы и „рабочей“ машины (в данном случае веретено и ткацкий станок) требуется меньше; другими словами, реальная ценность вытесняющего труд капитала (в натуре) должна быть ниже того, что выражается числом лошадиных сил, веретен, ткацких станков и пр. Это значит, что эффективность „капитальных затрат“ выше той, которую показывают приведенные нами примеры.

IV

Что остается от „правила“ тов. Калмановского? Тем не менее, мы вовсе не собираемся противопоставить одному „правилу“ другое „правило“. Когда тов. Калмановский категорически утверждает, что „процесс сокращения количества продукции на единицу стоимости основного капитала неизбежен в условиях индустриального развития“, он делает ошибку, лишенную какого бы то ни было оправдания, ибо его „доказательства“, мягко выражаясь, чрезвычайно легковесны. И ошибку опасную. Он сам спешит оговориться, что

[1] „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, III Auflage, т. II стр. 682—683.
[2] Там же, стр. 687.

из его „правила“ вовсе не вытекает, что чем сильнее процесс сокращения количества продукции на единицу стоимости основного капитала, тем „большим показателем хозяйственных достижений он обязательно является“. Можно себе вообразить, к каким плановым абсурдам мы приходили бы на основе такого вывода! Но более осторожный вывод, уже несомненно вытекающий из „правила“ тов. Калмановского, чреват достаточно серьезными последствиями. Может же тов. Калмановский аргументировать свое „правило“, между прочим, ссылкой на нашу собственную практику, как известно, вызывающую серьезные споры и сомнения?!

Нашей задачей было доказать, что на „правило“ тов. Калмановского нельзя смотреть, даже как на первый набросок, на черновик гипотезы. Это просто ни на чем не основанное предположение, чрезвычайно опасно формулированное. Что же касается самой проблемы, то о ней следует сказать словами тов. Струмилина:[1] „Эффективность капитальных вложений не такая простая категория... Она проявляется весьма многообразно“. К этому необходимо прибавить, что так как эта проблема у нас ставится, она не ставилась и не могла ставиться ни капиталистической практикой, ни построенной на ней экономической теорией. В этом необходимо себе отдать ясный отчет, чтобы понять смысл и сущность проблемы.

В тех случаях, когда в экономической литературе поднимался до сих пор вопрос о „производительности последовательных затрат в промышленности“, он трактовался с точки зрения выгодности для капиталиста „последовательных затрат“ в одном и том же промышленном предприятии. Много путаницы собралось в экономической литературе вокруг вопроса в этой постановке. Но правильно поставленный вопрос вряд ли можно назвать спорным.

Каждое промышленное предприятие составляет органическое целое, в котором отдельные составные элементы подогнаны друг к другу. Если, не меняя организационных форм предприятия,— сохраняя прежнее количество рабочих, прежний капитал в сырье и пр., увеличивать основной капитал на старой технической базе, то не должно быть никаких споров, что новые затраты будут снижать эффективность всего сосредоточенного в предприятии основного капитала. Однако, таких случаев,— экономически нелепых,— вообще не бывает. Если ставится дополнительная машина старой конструкции, то соответственно увеличивается число рабочих, капитал в сырье и т. д. Когда старые машины заменяются новыми, то согласно их требованиям реконструируется все предприятие. Увеличивается ли при этом продукция предприятия? В первом случае безусловно и соответственно продуктовой способности дополнительной машины, которая, разумеется, будет не ниже продуктовой способности прежних

[1] Цитируем по статье тов. Калмановского, который странным образом делает попытку опереться на тов. Струмилина.

машин. Другими словами, на единицу основного капитала будет вырабатываться прежнее количество продукции (в физическом об'еме). Это до такой степени очевидно, что тут даже у тов. Калмановского нет сомнений. Его сомнения сосредоточены на втором случае, который, наоборот, в экономической литературе до сих пор не вызывал никаких споров в применении к отдельным предприятиям. Что же касается целых отраслей промышленности, то в этом разрезе буржуазная экономика вопросом не занимается. Для нее вообще отрасль промышленности — только сумма отдельных предприятий: первую она считает номенклатурной абстракцией, конкретность для нее — последние; притом, и в отношении последних, важна для нее продукция, не как таковая, а как источник прибыли для капиталиста.

В условиях советской экономики дело получает иной характер. Рентабельность отдельных предприятий и для нее важна, но во всяком случае не менее важна их продуктивность. Кроме того, над рентабельностью и продуктивностью отдельных предприятий стоит рентабельность и продуктивность целой отрасли промышленности, подчиняя себе расчеты отдельных предприятий, при чем и отраслевую рентабельность, почасту, приходится подчинить соображениям отраслевой продуктивности. В этой сложной обстановке политика капитальных затрат требует большой экономической ясности и, в частности, особенную важность приобретает выдвигаемая тов. Калмановским проблема, но, разумеется, не в его разрешении последней.

Капитальные затраты у нас проводятся в четырех направлениях: 1) улучшаются и расширяются старые предприятия, с сохранением старых их организационных и технических форм, 2) реконструируются старые предприятия без серьезных изменений в строении капитала, 3) строятся новые предприятия со старым строением капитала и 4) строятся новые предприятия нового типа, т.-е. с новым строением капитала. Первые три направления, с точки зрения производственной способности основного капитала, тов. Калмановского не затрудняют, ибо они „либо полностью воспроизводят, либо мало изменяют ныне существующие способы производства“, так что „все эти затраты, а, следовательно, и весь основной капитал, на который эти затраты обращены, возрастает, конечно, в меньшей степени, чем масса продукции, им производимой“. А вот с четвертым направлением неблагополучно. „Там, где мы строим крупные предприятия нового типа, с применением последних технических достижений, с максимальным использованием машинной силы (хотя бы в соответствии уровню нашей заработной платы? *С. З.*), с введением новых приемов производства, там,— предупреждает нас тов. Калмановский,— мы имеем, как правило, неизменный рост затрат, авансированных на каждую единицу производственной способности основного капитала“. Не относится ли эта „теория“ к апологии технико-организационного застоя в промышленности? Тов. Калмановский формально себя отгораживает от этого подозрения. Да, с точки зре-

ния количества продукции на единицу основного капитала, предприятие нового типа невыгодно, но зато оно дает возможность „каждую единицу возрастающей массы продукции производить в возможно меньший срок, с минимальными затратами живого труда и максимальной заменой его трудом механическим".

Однако, такое „оправдание" технико-организационного прогресса в промышленности звучит достаточно двусмысленно в стране, в которой имеется крупное перепроизводство рабочей силы, оцениваемое отнюдь не с равнодушием капиталистических стран, и, в которой, наоборот, в чрезвычайном минимуме имеется именно капитал, а в связи с ним и товарная продукция. Если эффективность капитальных затрат на предприятия нового типа, т.-е. предприятия, использующие все колоссальные успехи мировой техники, от которой так сильно отстала техника унаследованной советской Россией от времен давно минувших промышленности,— действительно не может угнаться за самими капитальными затратами, то целесообразно ли, более того: дозволительно ли заниматься новым строением при наших скудных капиталах и нашем „товарном голоде"? Вот как приходилось бы ставить вопрос, если бы „правило" тов. Калмановского имело какое-нибудь основание.

В отдельных случаях, в применении к специфическим отраслям народного труда, „правило" тов. Калмановского может иметь место, но в наших условиях оно должно иметь также специфическое оправдание. Пример с Днепростроем, о котором говорит тов. Струмилин относится именно к таким специфическим случаям. Вот почему мы считаем выдвигаемую тов. Калмановским проблему чрезвычайно для нас важной, но как проблему, т.-е. как вопрос, требующий серьезного, углубленного, детального изучения.

Общая тенденция технического развития ведет промышленность не по тому пути, о котором говорит тов. Калмановский. Но общая тенденция имеет свои исключения. Не во всех отраслях промышленности продуктовая эффективность улучшенного строения капитала одинакова. Мыслимы и случаи, когда получается результат, о котором говорит тов. Калмановский. Планируя промышленное строительство в условиях недостатка капитала и слабого удовлетворения потребления,—да и вне этих условий,—необходимо иметь ясное и доказанное представление о каждом конкретном случае. Даже на пример тов. Струмилина мы не можем смотреть, как на роковую необходимость. Действительно ли нельзя было спланировать основные затраты по Днепрострою так, чтобы „каждый затраченный рубль капитала" не давал меньше киловатт энергии, чем „многие из ныне существующих электростанций", либо и тут сказалась размашистость „русской натуры", которой мы обязаны не малым количеством рублей без нужды затраченного капитала?

Интересно, что наша собственная практика отнюдь не поддерживает „правила" тов. Калмановского, несмотря на ее дефекты, ко-

торые всей своей тяжестью легли именно на основной капитал (высокая стоимость построек, убытки на приобретенном за границей оборудовании, дороговизна оборудования нашего собственного производства, лишние расходы на подготовительные работы и проч.). По контрольным цифрам на 1928/29 г. мы имеем такое взаимоотношение между валовой продукцией промышленности и действующим в ней к концу года основным капиталом (в млн. руб. по ценам 1926/27 г.):

Годы	Валовая продукция	Основной капитал	Продукция на 100 р. основного капитала
1925/26	12.448	7.435	167,4
1926/27	14.138	8.257	171,2
1927/28	16.528	9.500	173,9
1928/29	19.040	11.286	168,6

Три первых отчетных года дают определенный рост эффективности основного капитала; исключение составляет последний — плановый — год, но и в этом году эффективность основного капитала выше, чем в 1925/26 г. Не столь определенную картину рисуют контрольные цифры пятилетки ВСНХ СССР, но тенденция возрастающей эффективности основного капитала и здесь проявляется:

Годы	Валовая продукция	Основной капитал	Продукция на 100 р. основного капитала
1927/28	10.824	9.783	110,6
1928/29	13.192	10.874	121,3
1929/30	15.860	12.761	124,3
1930/31	19.317	15.850	121,8
1931/32	23.686	19.455	121,7
1932/33	28.981	23.366	124,0
За все пятилетие увеличение в %	167,7	138,8	—

За пять лет продукция увеличивается на 167,7% в то время как основной капитал дает увеличение всего на 138,8%. По отдельным годам получается большой разнобой, об'ясняемый разными причинами, на которых останавливаться здесь мы не станем. Но к уровню 1927/28 г. продукция, на единицу основного капитала, уже не возвращается.

Обе таблицы мы привели не потому, что они разрешают проблему продуктовой эффективности основного капитала. Во-первых, даже для отчетных лет, оценки основного капитала вызывают серьезные сомнения, так как они говорят о произведенных затратах, а не о реальных результатах этих затрат. Во-вторых, чтобы судить о производственном значении произведенных капитальных затрат, интересны они не в общей их сумме, а в той ее части, от которой непосредственно зависит производство, т.-е., которая затрачивается

на механическое оборудование. В третьих, за одни скобки нельзя брать капитальные затраты на расширение или частичное улучшение производства с капитальными затратами на реконструкцию и новое строительство. Наконец, странное впечатление производит сама статистика, которая в 1927/28 г. рисуется в обеих таблицах различными цифрами. Но для иллюстрации легкого отношения тов. Калмановского к проблеме, приведенные таблицы, конечно, вполне годятся.

V

Подведем итог всему нами сказанному о попытке тов. Калмановского воскресить „закон" падения последовательных затрат капитала, перенеся его с земледелия на..... промышленность. Что не одной продуктовой эффективностью основного капитала следует измерять результативность нашего промышленного строительства, разумеется, верно. Но во всяком случае, в наших условиях, основным мерилом все-таки остается именно продуктовая эффективность основного капитала. Однако, чтобы это мерило имело реальную силу, а, главное, чтобы его можно было положить в основание планирования промышленности, необходимо правильно осветить всю проблему взаимоотношений между промышленной продукцией и основным капиталом. Прежде всего, необходимо твердо установить, что для определения этого взаимоотношения не весь основной капитал имеет значение, а только производственная его часть. О необходимости чрезвычайной экономии в подготовительных работах,—конечно, без ущерба для их качества,—распространяться нет надобности. Но, если даже в отношении технического оборудования не всякие затраты могут признаваться целесообразными в конкретных условиях организации промышленного предприятия, то тем более осторожно следует относиться к таким затратам, как, например, расходы на постройки. Найти для нашей страны оптимум основного капитала промышленности, вообще, и его производственной части, в особенности,—такова очередная задача нашего планирования. И эту задачу можно разрешить не для промышленности в целом, а для каждой отрасли промышленности в данное время и данной конкретной обстановке в отдельности, ибо каждой отрасли промышленности в отдельности свойственно не только свое строение всего капитала, но и свое строение основного капитала. Для Германии, например, исчислено, что в электротехнической промышленности техническое оборудование поглощает 38% основного капитала, в бумажной 32%, текстильной 23%, металлической 20% и т. д.[1] С другой стороны, свой оптимум капитала и его технической части имеют предприятия одной и той же отрасли, но разных типов. Наконец, планирование проявляет чрезвычайную кустарность, когда оно исходит в определении эффективности затрат из средних величин, не диференцируя эти затраты по их назначению: направляются ли они на расширение и частичное улучшение предприятия, либо на его реконструкцию, или на совершенно новое строительство.

[1] „Grundriss der Sozialökonomik, VI Abt., 1923 г., стр. 158.

Все эти сложные и трудные вопросы не только у нас неизучены, но и в мировой экономике едва затронуты. Однако, в их разрешении всего более мы заинтересованы, и не только потому, что мы ведем планируемое хозяйство. Не следует забывать, что наше хозяйствование вообще носит специфический характер. И в условиях нашей экономики, поставленная тов. Калмановским проблема—но не в том ее разрешение, которое он предлагает,—требует исключительно серьезного внимания. Не грех бы этой проблемой заинтересоваться не только планирующим, но и исследовательским нашим учреждениям...

Г. Козлов

К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР

Вопросы денежной политики снова начинают привлекать общее внимание. Еще совсем недавно считалось как бы бесспорным, что высокие темпы роста денежной массы были свойственны лишь восстановительному периоду, что годы реконструкции должны сопровождаться резким их уменьшением. Однако все планы эмиссии последних лет были превзойдены — денежная масса в стране значительно увеличилась. Это снова вызвало горячее обсуждение вопросов нашей денежной политики. Но оценка состояния денежной системы, методы и способы лечения, если они нужны, не могут быть достаточно обоснованы без анализа природы наших денег. Между тем, мы можем решительно утверждать, что все характеристики нашего денежного обращения исходили все время из того неверного положения, что наши деньги суть настоящие деньги,— ни что иное, как та самая, древняя категория денег, которая существует уже не менее тридцати столетий.

Даже марксисты, исследовавшие природу наших денег, не смогли притти ни к какому иному выводу, что та же „прежняя архибуржуазная категория денег служит техническим средством в процессе социалистического хозяйственного строительства" (Леонтьев и Хмельницкая — „Очерки переходной экономики", стр. 330). Но если это „старая архибуржуазная категория" продолжает существовать, несмотря ни на какие успехи планового хозяйства, то, что удивительного, если по всякому поводу ряд экономистов то находит у нас инфляцию, то рекомендует старые испытанные способы борьбы с ней, то предсказывает „светопреставление", если темп прироста денежной массы увеличится еще на один процент.

Деньги суть ни что иное, как всеобщая эквивалентная форма стоимости, наиболее развитое и яркое выражение общественных отношений между товаропроизводителями и существеннейший элемент во всем стоимостном регулирующем механизме.

Познать судьбы денег у нас — это анализировать судьбы стоимости, это выяснить трансформацию регулирующего начала нашей экономики.

Эпоху военного коммунизма, этот своеобразный период с его законами военно-потребительского регулирования хозяйства, мы здесь

можем оставить вне рассмотрения. Это „пред'история", „История" перерождения стихийного регулятора в плановый начинается с введения новой экономической политики. Исходный момент здесь характеризуется значительным удельным весом в экономике страны мелко-товарного крестьянского хозяйства, при наличии в государственном секторе разрушенной крупной промышленности. Свобода торговли, развязывание рынка, при этих условиях, не могли не привести к господству стихийных закономерностей. Жесткое планирование эпохи военного коммунизма уступило место стоимостному регулированию. Но это не было господство закона стоимости в его чистом виде. В производстве и на рынке выступал ряд „автономных товаропроизводителей". Однако они делились на различные по своей экономической и социальной природе группы. Если, с одной стороны, мы имели действительно „независимых" производителей — крестьян, капиталистов, ремесленников, то, с другой — в ряду товаропроизводителей и товаропродавцов выступали государственные предприятия и учреждения. Здесь уже не было полной „независимости". Они выступали (в начале, правда, в очень слабой степени) как элементы одного обобществленного целого. Отсюда возникало противоречие между законом стоимости — его стихийной природой и природой части регулируемых им предприятий. Оно не могло не приводить к некоторым ограничениям его действия с самого начала. Развитие этого противоречия должно было привести к уничтожению закона стоимости. Но тогда могла быть лишь слабая модификация этого закона. Отсюда и роль товарной формы мало чем отличалась от ее роли в товарном хозяйстве. Вещная связь между товаропроизводителями полностью выражала те отношения, когда связь может существовать только через вещи. Элементы нарушения этого типа связи были очень слабы. Но наличие отмеченного противоречия было достаточно, чтобы из стоимости зародился план, как особая форма регулятора. В этом отличие советского хозяйства от монополистического капитализма, где частичное ограничение стоимостных закономерностей не ведет к их уничтожению, а, наоборот, расширяет поле их деятельности и силу их проявления. У нас же простой рост производства, где все преимущества оказываются на стороне обобществленных предприятий— „товаропроизводителей", переводит хозяйство на следующую ступень. Простой рост производства на основе закона стоимости приводит к усилению на рынке государственных предприятий и к усилению противоречий между характером регулирования и его об'ектами. Потенциальные возможности плановой связи благодаря росту этого противоречия начинают проявляться в действительности. Количественный рост продукции государственных предприятий делает значимым для всего хозяйства их политику цен. Кладется начало замены товарной формы, как формы вещной связи, другим типом связи. Но плановое начало здесь только зарождается, система равновесия хозяйства на основе плана еще не складывается, как прямо антагони-

стическая по своему существу системе стихийного равновесия. Наоборот, хозяйственные пропорции, намечаемые планом, в основном совпадают с пропорциями, складывающимися на основе стихийных закономерностей. План использует закон стоимости, старается действовать в его рамках, но план уже осознает себя, как регулирующую силу и отсюда через использование своей собственной базы — командных высот и обобществленной части хозяйства — план вносит коррективы в действие закона стоимости. Однако, в основном, дело сводится нестолько к созданию новых пропорций, сколько к предвосхищению стихийных закономерностей, к ускорению всего темпа развития. На этом этапе мы имеем дело не столько с планом в действии, сколько с подготовкой к этому, ростом осознания пролетариатом своей роли, как суб'екта регулирования всего хозяйства.

Дальнейший рост материального производства, расширение базы как планового начала, и так стоимостного ведет к усилению противоречия. Обобществленный сектор вырастает в такую силу, которая могла бы уже диктовать свои пропорции, свой тип равновесия народного хозяйства. Если раньше этому сектору приходилось считаться еще со старым капиталистическим распределением средств производства, со старым размещением основного фонда хозяйства, то сейчас он может приступить к перемещению этих основных фондов, к их распределению на новой основе.

Рост силы обобществленного сектора дает возможность в более широком масштабе использовать ту эволюцию товарной формы (внутри этого сектора, прежде всего), которая уже началась на предыдущем этапе. План материально и организационно укрепился, превратился в силу, которая способна решать направления всего хозяйственного развития. С другой стороны, рост материальной базы в частном секторе развивает скрывающиеся и в нем потенции: просто — стоимостные закономерности начинают заменяться все в большей мере капиталистическими. Если раньше не было антагонизма между планом и стоимостью (мы имели дело просто с двумя противоположными, но дополняющими друг друга элементами) и вследствие слабости плана, и вследствие того, что мы не столько имели дело с превращением стоимости в капитал, сколько продукта в товар, то теперь в новой обстановке начинается решительная борьба между планом и стоимостью за направление развития, за тип пропорциональности народного хозяйства. Борьба эта не может не кончиться победой плана. Закон стоимости пытается здесь противодействовать плану по двум направлениям: с одной стороны, через рыночный механизм он пытается воздействовать на обобществленный сектор, урвать большую долю национального дохода и распределить ее по-своему, с другой — если отношения складываются к невыгоде частного сектора, он действует через сокращение материального производства. Однако действию стоимости посредством рыночного механизма план противопоставляет не только свое влияние на рынок, но и ряд других рычагов перераспределения народного дохода, которыми он в достаточной мере овладел (всевозможные налоговые и налогообразные из'ятия, финансирование). Сокращению материального производства он противопоставляет силу своих ресурсов и организованного воздействия.

Одновременно с этим, происходит дальнейшее перерождение товарной формы. В обобществленном секторе она все больше лишается своего содержания. Попытка плана реализовать свои потенции, повернуть все народное хозяйство на путь своих пропорций, не может не означать кризиса товарной формы и в стихийном секторе. Эта форма полностью приспособлена к типу материальных закономерностей этого сектора. Прямая попытка нарушить их не, может не означать известного покушения и на существо вещной оболочки.

Руководящая роль плана имманентно присуща хозяйству переходного периода. Но она реализуется не сразу. Через простой рост материального базиса обобществленного сектора, через использование стоимостных закономерностей, их предвосхищение, через борьбу с капиталистическим вырождением закона стоимости лежит дорога плана к победе.

Старую формулу о том, как из стоимости рождается капитал, история дополняет другой — как из стоимости рождается план.

Значение плана как регулятора, выражается, прежде всего, в том, что он способен реализовать свои пропорции в хозяйстве, что он создает свой тип равновесия. Стоимость здесь по отношению к плану в принципиально отличном положении по сравнению с предыдущими этапами. Если раньше план шел по пути стоимостных закономерностей, то сейчас, на оставшемся участке их господства, план создает такие условия, при которых стоимостные закономерности идут в основном по руслу плановых тенденций.

Раньше народнохозяйственные пропорции, в основном, складывались на основе стихийных законов. План мог их лишь корректировать. Сейчас они складываются на основе сознательного регулирования. Стоимость уже неспособна реализовать присущий ей тип равновесия. Она лишь может слегка „портить" план.

Если раньше мы говорили о том, что план модифицирует закон стоимости, то сейчас отношения перевернулись — стоимость может лишь модифицировать план. Ее регулирующая роль во всем хозяйстве закончена. По существу, следовательно, только теперь и начинается окончательная ликвидация закона стоимости. Отсюда, роль товарной формы совершенно меняется. Она становится все больше вещной оболочкой лишенной своего прежнего содержания.

Товар не просто продающийся, а прошедший предварительно через систему прямого распределения уже на 95% лишился своих свойств товара. Движение товарных масс и в стихийном секторе

начинает носить черты все большей планомерности, хотя это и является не результатом проявления внутренних сил этого сектора, а результатом воздействия на него обобществленного. И здесь начинается решительное перерождение товарной формы. Только теперь это перерождение формы для стихийного сектора начинает становиться в значительной мере равносильным перерождению содержания. Раньше этого не могло быть поскольку некоторым изменениям товарной формы совершенно не соответствовали качественные изменения в направлении движения. Модификация формы могла даже сопровождаться развитием движения отдельных частей стихийного сектора в антагонистическом к плану направлении. Сейчас план празднует победу, так как движение в одном направлении уже начинает итти одновременно с двух концов. Но это победоносное шествие плана не означает, что стоимостные отношения уже вообще ликвидированы, не означает это также того, что план не встречает противодействующих, противоречивых ему тенденций. И стоимостные закономерности и капиталистические тенденции остаются. Но план оказывается уже достаточно сильным, чтобы преодолеть последние, чтобы не только не допустить их дальнейшего роста, но систематически вытеснить их, а стоимостным отношениям предоставить участвовать лишь на участке, отведенном им планом.

В оценке регулирующих начал нашей экономики в литературе мы имеем ряд ошибок, связанных преимущественно с неисторическим не генетическим подходом к изучению проблемы.

Одни оценивали план и стоимость, как две антагонистические по своему существу силы с момента зарождения планового начала в нашей экономике. Сторонники этой точки зрения перескакивали через ряд этапов того диалектического взаимоотношения, где два различных начала могут представлять собой просто различие, противоположность, но еще не противоречие. Они не понимали этапа, когда должна и может существовать известная гармония между планом и стоимостью.

Другие переносили отношения этого этапа на весь переходный период. Они вообще отрицали возможность антагонизма между планом и законом стоимости по их материальному существу, полагая, что план всегда обязан действовать лишь в рамках закона стоимости, через этот закон, и что только таким образом план может добиться своей системы равновесия. Эти просто не понимают того, что рост стоимостных отношений на известном этапе создавал тенденции к такой системе равновесия, которая по своему капиталистическому характеру представляла явно антагонистическую, совершенно противоречивую плановой системе сущность. И что в борьбе за иной тип равновесия, обобществленный сектор, материально и организационно созревший, может и должен итти даже на ломку капиталистических тенденций, заменяя их иным типом связи и направлением развития, и что лишь на ряду с этим оказывается

возможным отвести стихийному сектору определенный участок и господствующие там тенденции отвести, в основном, в русло плановой системы равновесия. Конечно, план до конца исчерпывает возможности регулирования через стоимость и для этого на известных ограниченных участках может создавать благоприятные условия для проявления закона стоимости, как такового, подавляя его тенденции превращения в закон капитала и поощряя его перерождение в очищенные от стихийных сил отношения.

Что касается третьей точки зрения — считающей, что на всех стадиях развития переходного хозяйства господствует закон стоимости, и только, то на ней останавливаться долго не следует. Сторонники этой точки зрения не могут освободиться от своеобразного фетишизма товарной формы в СССР, и одно наличие этой формы для них достаточный довод за господство закона стоимости. Они не видят совершенно тех противоречий, которые рождаются под „крышкой“ товарной формы, ни того, что эта форма все время, с ростом значения плана, теряет свою сущность. Их смущает, что „трудовые затраты выступают в стоимостной оболочке“. Но они не видят того, что эта стоимостная оболочка лишь по виду стоимостная, что стихийный ценностный „учет“ превращается все в более и более планомерную операцию, и что ценностные единицы превращаются все более и более в условные счетные единицы. Одним словом, они не видят своеобразного противоречия стоимостной формы в СССР.

Этого противоречия не понимают и авторы „Очерков переходной экономики“. Там мы встречаем положение, что товарная форма умирать по частям (!) не может, что она отомрет как-то сразу. К сожалению, авторы этой книги не раскрывают нам тайны этого странного скачка. Впрочем, навряд ли они могли бы это сделать, ибо, с другой стороны, они признают наличие процесса перерождения товарной формы!

Все эти возможные решения вопроса следует иметь в виду при анализе проблемы денег. Деньги всеобщая эквивалентная форма стоимости, необходимейшее и важнейшее звено во всем стоимостном регуляторном механизме. Совершенно очевидно, что от того или иного решения вопроса о роли стоимости в нашем хозяйстве будет зависеть решение вопроса о наличии денег в нашем хозяйстве и об их природе. В самом деле, если бы мы держались такой точки зрения, что стоимости и стоимостных закономерностей уже вообще не существует в нашем хозяйстве, очевидно нам пришлось бы отрицать как наличие денег, так и каких бы то ни было их переходных форм; с другой стороны, если бы мы признали, что регулятором является только стоимость — то очевидно исчезла бы сама проблема о природе денег в СССР. [1] Проблема эта возникает именно тогда, когда

[1] Поэтому мы не можем пред'явить особых претензий к проф. Юровскому, который считал возможным написать „толстое“ исследование о денежной политике

приходится констатировать наличие двух начал в советской экономике, проходящих этапы сотрудничества, обостренной борьбы, и преобладания одного из них — плана. Поскольку установлено наличие всех этих этапов, установлен более или менее продолжительный период вызревания плана, как руководящего начала, из недр стоимости, постольку, очевидно, и по отношению к деньгам следует сделать вывод о постепенном их отмирании, об их перерождении, как о длительном процессе.

Первый короткий этап — этап господства стоимости — очевидно, ничего не меняет в природе денег. Второй этап — этап зарождения и оформления планового начала — впервые вносит в категорию денег такие моменты, которые делают ее совершенно не похожей на деньги обычного товарного хозяйства.

В самом деле, поскольку план овладевает определенным участком, постольку деньги, функционирующие внутри охваченного планом участка, не являются уже деньгами. Охват планом определенной доли общественного труда означает, что здесь труд из абстрактного труда превращается в непосредственно общественный, и следовательно природа денег здесь меняется. Но деньги остаются деньгами на участке частного сектора, они остаются деньгами во взаимоотношениях между секторами. И лишь тогда, когда план подчиняет себе, своим целям, своему движению, движение стоимостных тенденций, когда он успешно преодолевает противоположное их направление, только тогда деньги и на грани действия двух секторов перестают быть деньгами, и внутри частного сектора их природа становится иной. Ведь, в самом деле, труд принимает абстрактную форму не потому, что существует система вещной связи между людьми, а как-раз наоборот, именно потому, что труд носит характер абстрактного труда, и возникает связь через вещи, через золото. Что же означает то обстоятельство, что пропорции распределения труда, в основном, устанавливаются планом? Это же означает ни что иное, как то, что труд уже в значительной степени перестал носить форму абстрактного труда. Внешняя форма связи здесь не должна обманывать. Эта внешняя форма всегда является мимикрией, способствующей более спокойному развитию новых отношений. Она отомрет позднее всех прочих „наследий прошлого“. Суть же дела заключается в том, что развитие плана, его решающая во всем хозяйстве роль означает уничтожение в решающей степени противоречия между абстрактным и конкретным трудом. В той же мере, в какой оно все же остается, оно играет весьма подчиненную роль.

совласти, не ставя вопроса о своеобразии категории советских денег. В советском хозяйстве он все время видел систему товарного хозяйства, которое план регулирует, а не преодолевает (см. „Денежная политика советской власти“ стр. 381—382).

Во что же перерождаются деньги на этом этапе? Являются ли они уже настоящими трудовыми талонами социалистического хозяйства? поскольку, хотя бы в известной мере, сохранились стоимостные отношения, постольку деньги еще не трудовые талоны, но поскольку план уже диктует пропорции всего хозяйственного целого, постольку они близки к трудовым талонам. Наличие стоимостных отношений является свидетельством еще не полной рационализации общественных отношений, постольку и „трудовые талоны“ планового этапа переходного периода имеют иррациональную форму, переодеваются в ценностную одежду, не способны выражаться непосредственно в труде и представляют из себя, по форме, деньги, а, по существу, номинальные счетные единицы...

Разбор функций денег должен подтвердить и развернуть высказанные здесь соображения.

Деньги СССР

Мерило ценности или счетная единица?

Поскольку на „стоимостном этапе“ деньги являются настоящими деньгами, постольку существует и функция мерила ценности. Однако, способы и методы реализации этой функции деньгами отличаются от капиталистического хозяйства.

Здесь следует обратить внимание на то, каким именно образом обычно, золото, как деньги, осуществляет свою функцию мерила. До начала процесса обращения все товары выражают свою стоимость в золоте. Стоимость золота здесь является данной. Она выявляется и определяется по отношению к товарам либо у источника золотой добычи, либо во внешней торговле. Это — границы процесса обращения, здесь он носит характер простого обмена. В этих двух пунктах определяется уровень товарных цен, поскольку он зависит от мерила ценности. Существование этих двух пунктов является решающим для функции золота, как мерила ценности, ибо оно может быть мерилом лишь постольку, поскольку оно само имеет ценность, способную изменяться, как ценность всех товаров, и поскольку эта меняющаяся ценность передается всему товарному миру. Монополия внешней торговли и регулирование внутренних цен на экспортные и импортные товары, в соответствии с задачами каждого данного момента, совершенно отрывают внутренние цены от какого-либо воздействия меняющейся мировой ценности золота на внутренний уровень цен. Если предположить, что мировая ценность золота падает и уровень товарных цен растет, то отсюда вовсе не следует, что мы должны экспортерам внутри страны выплачивать большее количество бумажных рублей, или импортеров заставлять продавать по более повышенным ценам. Комбинированная система из'ятия прибылей и премий позволяет удержать тот же уровень цен. Это позволяет вывозить убыточные товары, ввозя

рентабельные или даже ввозить и вывозить убыточные товары. План здесь всегда имеет в виду интересы целого, а не отдельной отрасли.

Но если мы оградили себя от изменений мировой ценности золота, то в какой мере внутренняя ценность золота здесь может играть роль? И здесь, как показывает опыт, отношения товарно-капиталистического хозяйства не применимы к нашему. В виду особой роли, которую золото играет на мировом рынке, мы регулируем его производство так, что оно ни в какой мере не связано с конкретным уровнем товарных цен. Никакого воздействия на производство золота он не оказывает. Оно регулируется исключительно государственными интересами. Оно может быть невыгодным, стоимость его может возрастать или падать, это не регулирует его производства ни в какой мере и в свою очередь не отражается на общем уровне цен. Таким образом, для золота, как товара с меняющейся ценностью, пути воздействия на общий уровень товарных цен в нашем хозяйстве отрезаны.

Это регулирование внешней торговли и золотопромышленности мы имели с самого начала нэпа. Означает ли это, что мы с самого начала потеряли товарное мерило? Отнюдь нет. На том этапе, когда господствовали стихийные закономерности этим мерилом все же выступало золото. Известны многочисленные факты, показывающие, как золото из „подземелий" выходило в мир товаров и осуществляло свои права и обязанности всеобщего эквивалента. Но золото уже тогда выступало не как свободно воспроизводимый товар, а с ценой, складывающейся исключительно под влиянием спроса и предложения, что уже делало его скверным мерилом. Государство пыталось регулировать бумажную цену золота и, таким образом, создать, если не „стандартное мерило ценности", то освободить товарный рынок от стихийных колебаний связанных с „ценой" золота, внося в этот процесс известную планомерность.

Такая попытка регулирования спроса и предложения золота, поскольку господствовали стихийные закономерности, была вполне правомерной и более обоснованной, чем в условиях капиталистического хозяйства. Но по мере роста значения планового начала она становилась недостаточной. Задачи становились шире, так как, в результате овладения важными рыночными позициями, план смог покуситься и на самую существенную часть рыночного механизма — на цены. Задача уже стояла — не просто предохранить уровень цен от колебаний бумажно-денежной цены золота, а регулировать его. Успехи плана на этом пути приводили к отмиранию функции мерила ценности.

Покуда это были отдельные разрозненные попытки, они не имели значения. Но когда это регулирование цен стало опираться на значительно возросшую (количественно и, отсюда, качественно) роль обобществленного сектора, когда вместо отдельных регулируемых цен сложилась система цен, которую можно было провести

в жизнь, тогда мы получили новый принципиальный момент, в корне отвергающий функцию мерила ценности.

В самом деле, мы и в эпоху финансового капитализма имели регулирование цен, однако — это регулирование отдельных цен, система цен складывается, как результат стихийной борьбы отдельных отраслей между собой. Плановая система цен означает поэтому принципиально иные отношения — такое состояние обобществления, когда, в основном, направление развития хозяйства (пропорции) устанавливается планом. Но это означает, что система цен освобождается от каких бы то ни было эквивалентных отношений к золоту, что система цен — это просто намечаемое перераспределение труда путем действия этого именно механизма (мы подчеркиваем этого именно, ибо у плана есть ряд других перераспределяющих рычагов). Но этим самым ликвидируется необходимость мерила ценности.

Таким образом, если на предыдущих этапах золото превращалось в плохое мерило, то сейчас система цен отрывается окончательно от связи с бывшим всеобщим эквивалентом.

Вместе с этим, выхолащивалось из денежной единицы какое-либо определенное трудовое содержание. Если бумажный рубль, отображавший определенное количество золота, тем самым являлся представителем определенного количества труда, то рубль, содержание которого определяется политикой плановых цен, представляет собой номинальную счетную единицу. Количество труда, которое представляет эта счетная единица, не является постоянным, так как оно зависит от тех маневров, которые проделываются с ценами планом. Снижение цен может и не выражать уменьшения количества труда и, наоборот, увеличение производительности труда может и не сказаться в снижении цен. Следовательно, это чисто номинальная единица, которая позволяет сравнивать выгодность различных хозяйственных затрат лишь в каждый данный момент (поскольку в системе цен ничего не меняется). Отсюда, необходимость счета в неизменных ценах, когда сравниваются затраты и результаты производства различных периодов. Ясно, что расчет в неизменных ценах для какого-либо капиталиста явная бессмыслица. Уже одно это обстоятельство является свидетельством номинальности нашей счетной единицы. Содержанием ее, следовательно, является количество труда, воплощенное не в одном каком-либо товаре, служащем всеобщим эквивалентом, а в наборе товаров. Ее содержание — это ее покупательная сила. Следовательно, все товары уже не приравниваются к одному особому избранному товару, но еще не приравниваются и к труду непосредственно. Переходной ступенью оказывается приравнивание к денежной единице, содержание которой определяется планом.

Но может ли быть природа наших денег такой, когда покупательную силу рубля определяет не только план, но и те движения,

которые претерпевают цены на частном рынке? Здесь надо иметь в виду следующее. Деньги становятся номинальной счетной единицей тогда, когда на рынке решающую роль начинает играть обобществленный сектор. Но и при этих условиях, поскольку остаются стихийные закономерности, движение цен в частном секторе может сложиться иначе, чем намечено планом, и покупательная сила рубля может отклониться от плана. Однако решающую роль играет обобществленный сектор, и движение цен в частном секторе принуждено исходить из определенного содержания денежной единицы. Поэтому, роль колебания цен, на основе стихийных закономерностей, ограничена, она сводится к поправкам—уже существующему уровню. Эти поправки уже не могут изменить основных линий распределения труда, намеченных планом.

Как бы ни сложились частные цены, у плана есть ряд других рычагов, посредством которых он может видоизменить действие чем и получить то распределение труда, которое в основном было намечено.

Но поскольку в частном секторе все же имеются стоимостные закономерности (сам план в известных пределах использует их для достижения своих целей), может возникнуть вопрос — если есть стоимость, то почему не должна существовать всеобщая эквивалентная форма стоимости? Частный сектор не может создать своих денег. Деньги с определенным содержанием, с определенной покупательной силой навязываются ему обобществленным сектором. Все товары приравниваются к этому именно содержанию денежной единицы. Частный сектор, следовательно, использует номинальные деньги, как действительных представителей действительных денег. Стоимостные закономерности, на своем ограниченном участке, заставляют денежные знаки представлять не существующую всеобщую эквивалентную форму. Эта об'ективная роль расчетных знаков в частном секторе создает представление о них, как о настоящих деньгах, несмотря на то, что в иллюзорности этих представлений убеждается владелец денег на каждом шагу: и когда он пытается их превратить в то, что он помнит было предметом всеобщего поклонения, власти, могущества, в блестящий товар, и когда он пытается купить товары вообще. Оказывается, что они продаются, но одних денег мало, чтобы эти товары получить. Чтобы купить большинство товаров, этот частный владелец денег должен пред'явить ряд особых документов, без которых деньги не действительны. Товары продаются и не продаются. Товары уже не товары, но еще не продукты. Отсюда ряд экономистов, вместе с обывателями, трактует наши деньги, как плохие деньги, вместо того, чтобы сказать о них, что они уже становятся не деньгами. Таким образом, если раньше функция денег, как масштаба цен, была тесно связана с функцией мерила ценности то сейчас она освобождается от этой связи. Деньги — просто масштаб цен, только счетные „деньги".

Орудие обращения или расчетные знаки?

Всеобщая форма стоимости заключает в себе противоречие между товарами и всеобщим эквивалентом. Это противоречие „ставится" при функционировании денег в качестве мерила стоимости и разрешается в процессе обращения товаров.

На первом этапе переходного периода мы здесь сколько-нибудь отличных законов не имеем. Поскольку господствует закон стоимости постольку существует это противоречие и особый метод его разрешения. Но уже на втором этапе, когда план оформляется, и хотя не играет еще руководящей роли в народном хозяйстве, но старается предвосхитить пропорции, складывающиеся на основе стихийных закономерностей, — уже здесь в известной мере разрешается противоречие всеобщей формы. Это происходит лишь в той мере, в какой распространяются сила и значение обобществленного сектора, и лишь в этих пределах разрешается здесь противоречие всеобщей формы. По мере роста значения обобществленного сектора и его влияния на частный, это противоречие оказывается разрешенным.

Процесс приравнивания товара к денежной единице не есть здесь постановка определенного противоречия, так как подавляющее большинство „товаров" произведено по плану и, следовательно, процесс приравнивания здесь лишь формальный процесс, так как их происхождение гарантирует их сбыт. Метаморфоза товарной формы в денежную была мучительным и сложным процессом для каждого товара в капиталистическом хозяйстве. Здесь же это простая формальность при переходе товара от звена к звену, пока он не придет к конечному пункту своего назначения. Собственно, и для большей части индивидуального производства этот процесс также переменил свой характер. Ведь при определении фонда, скажем зарплаты, делается расчет и на то, сколько товаров рабочие смогут купить непосредственно у частных товаропродавцов. Таким образом, план обеспечивает сбыт и большинству частных производителей. Отсюда, хотя по характеру своего хозяйства, для частного товаропродавца процесс кажется процессом действительной метаморфозы одной формы в другую, но, об'ективно, с точки зрения общественной, для той части частных товаропроизводителей, которые принимаются в расчет планом, этот процесс носит уже совершенно иной характер. Именно в силу этого, в противоположность капиталистическому хозяйству, может оказаться легче превратить товар в деньги, чем деньги в товар. Таким образом, в обобществленном секторе мы имеем дело уже не с процессом обращения, а с процессом почти прямого распределения (плановое распределение средств производства, плановый „завоз" предметов потребления). В отношениях обобществленного и частного секторов здесь по форме может оставаться как бы настоящий процесс обращения, но существо его иное (плановые заготовки,

плановые закупки кустарных товаров.[1] И лишь в небольшом секторе сделок внутри частного сектора здесь еще существует старое противоречие; превратиться в так называемые деньги может быть на некоторых участках также трудно, как и в обычном товарном хозяйстве в настоящие деньги. Но этот участок уже не решает. Процесс обращения, как процесс смены форм, для общества в целом превратился уже в значительнейшей мере в процесс распределения и лишь по форме остался процессом обмена. Орудия обращения превратились в расчетные знаки, а вся операция в операцию чисто формального характера. Само собой разумеется, что, в связи с этим, отпадает и функция монеты. Монета была ни чем иным, как знаком ценности, представителем всеобщего эквивалента. Расчетный знак по существу представляет ту покупательную силу, которая для него установлена. Он по природе — знак плановой цены товаров, а не ценности.

Частный сектор, употребляя счетную единицу установленную планом, как мерило ценности, употребляет и расчетные знаки, как знак ценности. Но так как советские деньги не являются тем, чем хотел бы частный сектор, то они становятся для этого сектора суррогатом бумажных денег, не просто бумажными деньгами, а плохими бумажными деньгами, ибо закон ценности бумажных денег полностью оказывается к ним не применим. Но об этом после — в связи с проблемой количества знаков.

Сокровище и запас расчетных знаков

По мере развития капитализма дело накопления сокровищ отдельными людьми становилось бессмысленным, поскольку природа капитала заключается в движении, в самовозрастании. Образование сокровищ стало функцией центральных банков, которые накоплением золотого запаса создавали резерв всего хозяйства. На первом этапе нэпа, когда золото было деньгами, такую же роль играл запас Госбанка. Он был резервом, поддерживавшим постоянную бумажную цену золота, и резервом для расчетов во внешних сношениях. По мере превращения денег в расчетные знаки, золотой запас разрывал свою связь с денежным обращением, государство отказывалось от размена денег и внутри и за-границей.

[1] Быстрый темп развития нашего хозяйства сказывается во всем. Жизнь успевает выдвинуть новые задачи и приступить к их решению в более короткий промежуток времени, чем успевает быть набраной статья... Когда данная статья была уже в наборе, ЦК ВКП (б) вынесено важнейшее решение по вопросу о новых задачах в области контрактации зерновых посевов. Там прямо говорится о необходимости перехода к „плановому продуктообмену с деревней“, что будет осуществлено путем двустороннего договора между крестьянскими об'единениями и государством, крестьяне производят по заказу хлеб и сдают его, а государство доставляет взамен средства производства (и по возможности — „промтовары“ широкого потребления) (см. решение ЦК от 26 авг. с. г.) Этим самым оформляются те тенденции, которые интенсивно развивались в течение последних лет.

Расчетные знаки по своей природе не могут выполнять функции сокровища. Они в себе не заключают того количества труда, которое они в данный момент представляют, и вообще они не представляют какое-либо постоянное количество труда, или безусловное право на продукты труда вообще. Это последнее делает совершенно чуждым для них функцию сокровища. Бумажные знаки ценности вообще не могут играть роль сокровища, ибо в этой функции может лишь находится сама ценность, а не ее заместитель. Но здесь расчетные знаки представляют сами себя и именно потому не могут быть сокровищем. С точки зрения нашего частного сектора, где, с одной стороны, в капиталистической его части преобладают мелкие неразвитые полукапиталистические хозяйства, с другой,—где крупное частное хозяйство стоит постоянно под угрозой насильственной ликвидации его (налоговыми методами), потребность в ликвидном резерве, в накоплении денег в форме сокровищ большая. Однако природа расчетных знаков не стимулирует их собирание. Отсюда стремление в мелких полукапиталистических хозяйствах накопления натуральных запасов, этой „варварской формы накопления ради накопления“, а в крупном к получению хотя бы по высокий цене, того, что является на мировом рынке всеобщим эквивалентом. Все же в известной мере происходит процесс собирания бумажек и в капиталистическом секторе.

Отношения переходного периода могут показаться крайне парадоксальными: расчетный знак, плановая социалистическая природа которого очевидна, может употребляться в качестве капитала. Он может ссужаться деревенским капиталистиком бедноте, он может ссужаться более богатым нэпманом более бедному. Само собой разумеется, что отношения ростовщического капитала тут порядочно модифицированы, так как получение большего количества расчетных знаков за меньшее отнюдь еще не означает увеличения его сокровищ. Но ростовщик может эти расчетные знаки либо превратить, в известной мере, в натуральные запасы и этим увеличить свою социальную силу, либо просто вести более расточительный образ жизни. Как видим, черты современного ростовщика, благодаря природе окружающих его социальных условий, прямо противоположны чертам классического ростовщика.

Что же касается обобществленного сектора, то отдельные его „автономные“ хозяйственные единицы собирают резервы расчетных знаков, необходимые для их связи и расчетов с прочими. Обычно, эти резервы передаются в банк, который отнюдь не собирает их в своих кассах. Его кассы имеют лишь постоянный резерв расчета. Остальное все либо уничтожается, либо хранится, как чисто технический запас „бумажек соответственного образца“. Этот запас, конечно, ничего не говорит ни о „богатстве“ банка, ни общества. Права на получение определенного количества расчетных знаков в банке, и „наличные“ расчетные знаки хозяйственным единицам обоб-

ществленного сектора еще не дают безусловного права ни на приобретение любых продуктов, ни на получение того товара, за который в „капиталистической заграницe“ можно получить любой товар. Здесь все подлежит плановому регулированию.

Золотой запас центрального банка совершенно не связан с внутренним обращением. Это государственный резерв для расчетов с „капиталистическими“ странами. Золото из этого резерва предоставляется за определенное твердое количество расчетных знаков тем, кому разрешено импортировать, и сюда же в этот резерв должны сдавать экспортеры всю заграничную выручку. Но ни в какой связи этот золотой резерв не стоит с наличным обращением. Законодательный акт о необходимости определенного процента обеспечения является уже „анахронизмом“ предыдущего этапа нэпа, когда был фактический размен на золото (интервенции на черной бирже, размен червонцев заграницей). Этот законодательный акт еще не создает внутренней экономической связи между золотым запасом и обращающимися денежными знаками. Расчетные знаки не могут играть роли сокровища и не связаны с существующим золотым сокровищем.

Платежное средство

Расчетные знаки в большинстве случаев, при проведении товаров через звенья товаропроводящей сети к потребителю, функционируют не в момент получения товара, а некоторое время спустя, когда товар дойдет до конечного потребителя. Причины этого заключаются в том, что совершенно нецелесообразно было бы увеличить количество расчетных знаков в число раз равняющееся количеству звеньев товаропроводящей сети. Отсюда, „коммерческий кредит“. Как видим, причины, возникновения функции платежного средства похожи на причины, вызывающие существование этой функции в товарно-капиталистическом хозяйстве. Однако функция платежного средства, выполняемая расчетными знаками, почти не имеет ничего общего с соответственной функцией денег. В последней заложено определенное противоречие, заключающееся в том, что метаморфоза товара в деньги совершилась и не совершилась. Товар продан, но не за деньги, а за обещание денег. И сплошь и рядом мы имеем такое явление, когда обещание денег не может превратиться в деньги. Этого противоречия нет в функции платежного средства, выполняемого расчетными знаками. Обещание платежа в обобществленном секторе, как правило, равносильно платежу. Не даром Госбанк ввел с прошлого года обычай списывать задолженность по вексельному кредиту в день наступления срока платежа, не дожидаясь извещений от своих филиалов о том уплачен ли клиентом долг.

С другой стороны, существование этой функции позволяет и конечные платежи производить не путем наличных знаков, а путем

взаимных зачетов обязательств, расчетных чеков и т. п. Наличные знаки могут не выступать в этих случаях. Собственно, исходя из природы расчетного знака, следует сказать, что чеки употребляемые для расчета ничем не отличаются от расчетного знака. Расчетный знак — конечное платежное средство и никогда ни при каких случаях (за исключением платежей иностранным капиталистам) не должен превращаться во что-либо иное. Чек на банк тоже такое же конечное средство. Никто никогда не потребует за него „наличных знаков“, если они ему действительно не нужны для расплат с индивидуальным сектором.

Заимствуя весь механизм расчетной операции у капиталистического мира и уничтожив противоречие денег как платежного средства, переходное хозяйство благодаря функции платежа, выполняемой расчетными знаками, постепенно создает в лице своего банка центральную бухгалтерию всего хозяйства. Завершение этого процесса будет высшей ступенью организованности в переходный период. Мы к ней приближаемся большими шагами.

В частном секторе, в сделках внутри сектора, известная часть противоречий заключенных в функции денег, как платежного средства, остается и при выполнении этой функции расчетными знаками. Однако и здесь согласно закону, расчетный знак — конечное платежное средство, и ни один частник у другого не может законным путем требовать в уплату долга чего-либо иного.

В сделках же частного сектора с обобществленным все противоречия платежного средства также уничтожаются. Случай, когда частник — кредитор, а обобществленный сектор — должник, ясен.

Противоположный случай также ясен. Существование частника зависит на 90% от политики обобществленного сектора. Кредитование частника, подлежащего вытеснению из данной сферы, конечно, бессмыслица. Впрочем, этот случай — кредита частнику — для нынешнего этапа не имеет никакого народнохозяйственного значения и не проводится, за исключением случаев авансирования под будущую продукцию, широко применяемого по отношению к мелкому товарному хозяйству. Здесь у государства совершенно достаточные ресурсы гарантирующие выполнение взятых мелким производителем обязательств.

Анализ функций, выполняемых советскими деньгами, подтвердил наше прежнее положение об изменении природы денег. Мы видели, что регулятором нашего хозяйства стал план, который сломал стоимостные закономерности, оставив их лишь на небольшом участке, где они либо всецело подчинены тому направлению движения, которое диктуется планом, либо частично идут в противоположном направлении и успешно преодолеваются планом. Ликвидации закона стоимости, как регулятора всего хозяйства, соответствует ликвидация категории денег. Деньги как настоящие деньги, нужны плану до тех пор, пока он еще, как регулятор, не

представляет самостоятельной силы и сам движется в направлении, диктуемом законом стоимости. Плану, как регулятору хозяйства, соответствует перерождение денег в расчетные знаки. Расчетные знаки — еще не трудовые талоны. Полная рационализация хозяйственной жизни еще не достигнута. Еще существуют участки хозяйства, хотя и подчиненные плану, но через стоимость. Отсюда сам план облекается во внешнюю форму стоимости. Но это лишь мимикрия плана. Поэтому расчетные знаки уже не деньги, но еще и не трудовые талоны. Расчетные знаки в отношениях обобществленного сектора уже совсем не деньги, а внутри частного они „как бы деньги". Отсюда их функции — они уже не мерило ценности, но еще масштаб цен, и не выражают непосредственно рабочего времени. Из этого вытекает и их функция расчетного знака, платежного средства и расчетного резерва.

Мы уже приводили мнения авторов „Очерков переходной экономики" о том, что наши деньги это „прежняя архибуржуазная категория денег". Они полагают, что природа денег полностью сохраняется в течение всего переходного периода. „Здесь следует с самого начала со всей определенностью подчеркнуть, что денежное обращение не является такой областью хозяйства, в которой процесс обобществления может продвигаться постепенно шаг за шагом. ...Нельзя частично обобществлять товарную форму. Она должна охватывать весь народнохозяйственный организм или ее не должно существовать вовсе; третьего здесь не дано... Линяние закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими; лишь постепенно по мере действительного обобществления производственного процесса, происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же форма товара сохраняется для всего поля хозяйственных связей, и лишь в самом конце длинного пути, в момент достижения полного и окончательного обобществления всего народнохозяйственного организма, товарная форма уступает место натурально-хозяйственной организации. Денежное обращение непосредственно связано с товарной формой. Более того, денежная форма — это, в сущности, ни что иное, как оборотная сторона товарной формы. Денежное обращение — это область об'ективизации товарной формы, ее проявления и выражения в общественно-значимом виде. Пока существует товарная форма — необходимо сохранение денежной системы. Но денежная система представляет собой нечто цельное, не поддающееся разделению на части; само слово „система" указывает на это обстоятельство". (стр. 332, 333).

Ошибка наших авторов ясна. Они связывают деньги и их природу с той внешней товарной формой, которая у нас сохранилась. Они здесь забывают, что деньги порождаются противоречием между абстрактным и конкретным трудом. У нас это противоречие все в

большей мере ликвидируется. И из этого возникает новое противоречие — между трудом, который все больше принимает непосредственно общественный характер и „внешней товарной формой", которую принимают его продукты. Отсюда, с одной стороны, уничтожаются деньги, с другой — они перерождаются в переходную форму, являющуюся воплощением этого нового противоречия между господствующим непосредственно-общественным трудом и остатками иррациональных элементов хозяйства. Ошибка в том, что эти авторы связывают деньги лишь с внешней формой стоимости, забывая об их регуляторном значении, о том, что они являются элементом стоимостного регулирующего механизма. Из своей постановки вопроса о сущности денег, наши авторы делают вполне логичный, с их точки зрения, вывод, что изменяется лишь денежная система (а не природа денег), что она становится лишь еще „более регулируемой", чем при капитализме. Они не видят, что эта возможность „большего регулирования", чем при капитализме, вытекает из изменения самой природы денег. Вся эта постановка вопроса навеяна уже отошедшими в историю этапами нашего хозяйственного развития.

Тов. Раскин в статье „О природе денег в переходный период" („Проблемы экономики", № 2) довольно близко уже подходит к решению вопроса, однако, в результате, все же не может связать концы с концами.

„Было бы, конечно, крупнейшей ошибкой, пишет он, представлять себе, что в нашем переходном хозяйстве деньги, не будучи уже сами эквивалентом, представляют непосредственно товары, как квитанция или ассигновка на них. Поскольку взаимоотношения внутри частного сектора и между частным сектором и обобществленным иными, как овеществленными отношениями, быть не могут, постольку и, обслуживающие эти отношения, деньги должны представлять собой или, во всяком случае, должны отражать деньги в настоящем смысле слова, или всеобщий эквивалент. Ни чем иным, как золотом, в настоящих условиях этот всеобщий эквивалент быть не может... В пределах же обобществленного сектора отсутствие у денег характера всеобщего эквивалента не подлежит никакому сомнению.

Денежное обращение у нас не разделено на деньги, обращающиеся в частном секторе, и деньги, обслуживающие общественный сектор. Одни и те же деньги обслуживают и тот и другой. Как же возможно в таком случае, что деньги то являются всеобщим эквивалентом, то не являются им? Для тех, кто действительно понимает, что деньги не вещь, а общественное отношение, ответ на этот вопрос не представит никаких затруднений.

А предположим, что деньгами (и как средством обращения) является действительное золото. Что же, — разве при сделках между двумя государственными органами это золото является действительным эквивалентом? Совсем нет, — здесь нет отношений частной соб-

ственности, и никакого всеобщего эквивалента здесь не требуется. Золото здесь играет роль просто квитанции, его стоимостная сущность не имеет значения.

Но когда это же золото выступает во взаимоотношениях с частным сектором, то на первый план выступает его стоимостная сущность, ибо здесь оно, действительно, является всеобщим эквивалентом. При замене золота, в качестве средства обращения, бумагой, знаком эта бумажка, в одном случае, является действительным знаком золота, в другом — только квитанцией. Все дело здесь — в отношениях, а не в вещах".

Ошибка т. Раскина в том, что у него оба сектора существуют совершенно раздельно. Он признает, что систему цен диктует, в основном, план, но он не видит, что частный сектор принужден исходить из этой системы цен, и что и системой цен, и рядом других рычагов план подчиняет себе движение частного сектора. Тов. Раскин апеллирует к тому, что деньги не вещь, а общественное отношение, но он не раз'ясняет сути этого общественного отношения. Разве в частном секторе мы имеем дело просто с отношениями товаропроизводителей? Неужели можно абстрагироваться от третьего присутствующего — от руководящего всей экономикой пролетариата, ограничивающего эти отношения товаропроизводителей? Три лица, а не два, т.Раскин, определяют собой отношения внутричастного сектора. Деньги, функционирующие в частном секторе, они „как бы деньги", природа их иная, в чем повседневно убеждаются их держатели. Тов. Раскин утверждает, что золото является всеобщим эквивалентом в частном секторе, но он даже не пытается показать каким образом оно осуществляет эти функции. Это понятно, ибо показать это невозможно.

Количество и покупательная сила расчетных знаков в СССР

Расчетный знак не является представителем всеобщего эквивалента, как бумажные деньги. Отсюда — у него нет ценности, и он не представляет ценности. Его содержание определяется исключительно системой цен. Следовательно, его значение в его покупательной силе. Известно, что изменение ценности бумажных денег, связанное с их количеством, сопровождается также изменением их покупательной силы. В каком же соотношении находятся количество и покупательная сила расчетных знаков? Но здесь у читателя может возникнуть недоразумение: не вытекает ли из того, что план является регулятором хозяйства, невозможность самой постановки этого вопроса. Нет ли противоречия между руководящей ролью плана и возможностью несоответствия количества знаков, необходимости в них? Существование расчетных знаков есть, как мы уже говорили, отражение наличия нерациональных элементов в хозяйстве. Если бы их не было расчетные знаки просто были бы трудовыми талонами.

Ведь и обобществленный сектор организован, как ряд самостоятельных хозяйствующих единиц. Элементы нерационального имеются внутри обобществленного сектора. План прокладывает себе дорогу, преодолевая сопротивление десятков децентрализаторских и местнических тенденций. На ряду с этим, возможны неточности в учете явлений, происходящих в частном секторе, и недостаточное умелое на тех или иных участках маневрирование. Все это не гарантирует от нарушений планового расчетного баланса. Эмиссия, выпуск новых денег есть ни что иное, как способ покрытия расчетного баланса между учреждениями обобществленного сектора и всем индивидуальным сектором (это шире частного — сюда относятся еще рабочие и служащие).

В самом деле — обороты внутри обобществленного сектора совершаются почти без наличных денег. Требование на наличные деньги возникает, когда предстоит расплачиваться с рабочими и служащими и частным сектором. При росте этих расплат может возникнуть потребность и в увеличении постоянного остатка кассы обобществленного сектора, увеличение расчетных резервов. На ряду с этим, развивается противоположная тенденция, в связи с ростом безналичных расчетов. Но этот постоянный остаток играет небольшую роль во всем денежном обращении (около 20%). Денежный расчетный баланс между обобществленным и индивидуальным секторами складывается так:

Приход	Расход
1. Выдача зарплаты	1. Выручка за проданные на широкий рынок товары и коммунальные услуги.
2. Все плановые заготовки.	2. Налоги.
3. Уплата процентов по займам.	3. Займы.
4. Выдачи из страховых организаций.	4. Возврат ссуд.
5. Денежный кредит частным хозяйствам.	5. Платежи по страховкам.
	6. Паевые взносы.

Превышение расходов над приходом означает — увеличение денежного обращения, а прихода над расходом — его уменьшение. Если к этому прибавить сумму, потребную для увеличения кассовых резервов, или отнять сумму, на которую сокращается потребность в них, то мы получим весь размер возможного требования на наличные знаки. Мы видим, что этот расчетный баланс отнюдь не складывается стихийно. Все статьи в нем почти полностью зависят от плановых наметок. Следовательно, и сальдо есть сальдо, в основном, устанавливаемое планом.

Очевидно, во-первых, и следует поставить вопрос — в каких пределах это сальдо может быть покрыто эмиссией, где границы этого? И во-вторых, как и почему эти границы могут быть перейдены, в какой мере это возможно и каковы вообще последствия этого явления. Проблема, как мы увидим, шире, она выходит за пределы вопроса о связи количества знаков и их покупательной

силы. Расчетные знаки обслуживают процесс распределения — продажи товаров. Очевидно, правило, определяющее их количество, будет весьма похоже на правило, определяющее количество денег. Мы можем его лишь конкретизировать применительно к нашим условиям. Количество необходимых денег $=\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{скорость обращения}}$ — сумма цен товаров, продающихся по безналичным расчетам + уплата задолженности по кредитам, безналичным расчетам и государственным платежам + авансы и кредиты наличными + необходимое увеличение (или минус уменьшение) касс обобществленного сектора + + увеличивающийся постоянный остаток денег на руках у населения.

Неопределенным членом формулы является последний ее член — остатки на руках у населения. И в то же время, это наиболее важный ее член. В конечном счете, в него упирается проблема эмиссии. Основными факторами, определяющими эти остатки — являются: во-первых, увеличение всего денежного фонда рабочего класса, рост количества рабочих, увеличение зарплаты и во-вторых, рост товарности крестьянского хозяйства и его благосостояния, и, в-третьих, та доля национального дохода, которая попадает в руки капиталистических элементов в стране, и оседает в денежной форме. Если первые два фактора находятся в прямой зависимости от величины возможной эмиссии, то третий — в обратной. Чем больше заработки рабочих и реализация своей продукции на рынок крестьянами, тем больше постоянный денежный остаток у этих групп населения. Что же касается капиталистических элементов, то чем больше в их руках оказывается сконцентрированной доля денежной массы страны, тем более опасно это явление для нормального товарооборота, тем больше опасность усиленного развития ростовщичества, тем больше опасность всяких неожиданных маневров на товарном рынке в случае каких-либо заминок, и, наконец, тем больше вырастает непроизводительная часть потребительского фонда страны. Поэтому, для выяснения возможностей эмиссии мало знать общую сумму, на которую может увеличиться остаток денег у всего населения, важно знать как он распределится по социальным группам. Это не техническая, а социальная проблема. Таким образом, условия товарного обращения, размеры платежей наличными и остаток денег у населения на руках — вот то, что определяет сумму необходимых расчетных знаков. Эмпирически она должна определяться анализом рабочих и крестьянских бюджетов, прикидками баланса спроса и предложения товаров, анализом возможностей развития безналичных расчетов и сберегательного дела, условиями развития капиталистических элементов и проводимой по отношению к ним политики. В каком же отношении стоит в связи с этим, материальный план к эмиссионному? Означает ли то обстоятельство, что величина необходимой эмиссии определяется особыми законами, что материальный план должен быть подчинен этим законам и строиться по эмиссии, или же, наоборот, — возможны и допустимы переходы через границы необходимого денежного обращения для реализации определенного материального плана. Для ответа на это нужно рассмотреть последствия перехода через эти границы. В условиях бумажно-денежного обращения, если количество бумажных единиц превышает по номиналу количество необходимых для циркулирования золотых денег, то ценность бумажных денег падает, растет курс золота и повышаются цены товаров. Основным отличием закона обращения расчетных знаков является то, что во-первых, их количество не имеет никакого отношения к курсу золота и, во-вторых, то, что государство настолько овладевает рычагом цен, что и здесь отношения совершенно меняются. Вольный курс золотого рубля в наших условиях, при отсутствии какого-либо воздействия на этот рынок со стороны государства, не означает ничего иного, как 1) отражение движения контробандных товаров, 2) как спрос зажиточных элементов на золотое сокровище. Чем интенсивнее будет вытесняться частный капитал, чем менее он сможет оперировать в спекуляции в области товаров, тем выше будет спрос на золото, тем выше будет курс золота и иностранной валюты на подпольном рынке. Но он собственно ничего не говорит об избытке или недостатке расчетных знаков в стране, он даже ничего не говорит об уменьшении или увеличении государственных золотых резервов. Что же касается цен, то какой бы спрос ни пред'явило население — подавляющее большинство промышленных товаров продается по фиксированным ценам, также фиксированы цены на продовольственные и сырьевые товары, приобретаемые у крестьянского населения обобществленной торговлей. В области обобществленной торговли (занимающей не менее 80% в рознице и около 1% в опте) рост потенциальной силы населения на ценах сказаться не может. Только по линии 20% розницы это может играть роль, и, в особенности по тем товарам, торговлей которыми недостаточно овладел обобществленный сектор. Однако; и здесь возможности частного сектора ограничены и идут по линии предметов такой необходимости, что они должны быть приобретены по любой цене. По другим же товарам, даже при недостатке товаров в обобществленной торговле, население вовсе не стремится закупать их в частной по любой цене, что об'ясняется тем, что даже при избытке спроса население не желает переплачивать частнику, будучи уверено, что через некоторое время оно получит этот товар по более дешевой цене в государственной или кооперативной торговле. То обстоятельство, что избыточный спрос будет сопровождаться расширенным воспроизводством резко ограничивает покупательский круг частного торговца. Таким образом, излишек денег, если бы он оказался, может проявиться, главным образом, по линии товарного голода и в известной степени в ценах частного сектора. Таким образом, даже в отношении цен вольных, здесь не могут проявиться полностью законы

бумажных денег. Однако, было бы совершенно неправильно рассматривать всякий под'ем вольных цен и вольного курса рубля или явление товарного голода вообще, как результат излишне выпущенных расчетных знаков. В самом деле, при данном спросе и данной величине расчетных знаков, возможен рост вольных цен. Достаточно не снабдить в плановом порядке потребителя необходимыми продуктами („внеплановые перебои плановой торговли"), как мы будем иметь рост цен, достаточно сократиться количеству частников, уменьшиться конкуренции между ними — и в результате рост цен. С другой стороны, в отношении тех товаров, которые приобретаются у индивидуальных производителей, вздорожание издержек производства поведет к под'ему цен в частной торговле и может не вызвать под'ема цен в обобществленной. Недопроизводство каких-либо отдельных товаров, скажем по причинам естественного порядка (неурожай), при той же величине общего спроса на товары, может вести к под'ему цен в частной и к стабильности цен в обобществленной. В движении вольных цен сказывается ряд факторов, которые нельзя свести только к влиянию количества знаков. Количественная теория денег; переносимая на законы обращения расчетных знаков оказывается в такой же степени неверной.

То же по отношению к товарному голоду. Предположим, например, что при данном распределении денежной массы по различным секторам, мы не имеем товарного голода. Но вот — неурожай. Спекулянты и кулаки вздувают цены. В результате — в среднем, мы имеем уменьшение денежных остатков на каждого рабочего на 5 руб., и 50 млн. руб. концентрируется в руках относительно небольшой группы капиталистов в стране. Это может вызвать резкое увеличение спроса. Товарный голод не есть всегда несоответствие между количеством расчетных знаков и предложением по фиксированным ценам. Он может быть вызван просто неправильным их социальным размещением.

Но несомненно, что увеличение эмиссии за те пределы о которых было сказано прежде, поведет к возникновению (или обострению) товарного голода. Мы возвращаемся к вопросу о соотношении плана эмиссии и материального плана. Использование эмиссии, ведущее к увеличению товарного голода, означает не что иное, как перераспределение всего предлагаемого широкому рынку товарного фонда между иным, количественно и качественно, кругом покупателей, а с точки зрения расчетных знаков — их принудительное сбережение. Следовательно, товарный голод есть ни что иное, как один из методов перераспределения народного дохода. В самом этом методе, поскольку будет обеспечено падение основной тяжести его на капиталистические и более зажиточные слои (а это возможно) мы не видим, принципиально ничего такого, что было бы более недопустимым, чем другие методы перераспределения, в особенности, если принять во внимание природу наших денег. Поэтому,

программа эмиссии может выйти за пределы необходимого количества денег и не подчинять, а подчиниться материальному плану.

Проблема сейчас переносится в иную плоскость. Каковы лимиты этого выхода за пределы необходимых денег? Ответ может быть один. Должен быть обеспечен: под'ем реального уровня жизни рабочего класса и трудящихся масс деревни. Должны быть исчерпаны все меры к извлечению излишка денежной массы, находящейся в руках капиталистических и зажиточных элементов, и к недопущению дальнейшего ее перераспределения в эту сторону. С соблюдением этих условий принудительное сбережение может быть увеличено в том или ином размере, в зависимости от потребностей материального плана, если он, конечно, сбалансирован.

Можно ли товарный голод назвать инфляцией. Термин этот относится к бумажно-денежному обращению. У нас же расчетные знаки. Природа и законы их обращения иные. Уже это одно должно было заставить воздержаться от распространения на них этого термина. По отношению к нынешним советским деньгам он ничего не об'ясняет. Кроме того, следует помнить, что инфляция имеет определенное социально-классовое содержание — перераспределение дохода в пользу крупного капитала и экспроприацию рабочих масс и мелкобуржуазных групп населения. У нас же, даже если бы излишняя эмиссия и привела бы к повышению вольных цен и к перемещению, через механизм цен, части доли рабочего класса в пользу капиталистических элементов, то ведь у рабочего класса есть достаточно иных рычагов, чтобы вызвать обратное перемещение этой доли (или, как суррогат решения вопроса — оставить нетрудовые элементы при деньгах, но еще больше сузить возможности превращения денег у этих держателей в материальные блага). В наших условиях, следовательно, социальные последствия излишка расчетных знаков, в конечном счете, будут иные, чем при инфляции.

Вот почему, мы отбрасываем, как ничего не об'ясняющий, фетишизирующий реальные отношения, термин инфляции по отношению к нашим условиям. И мы можем совершенно спокойно пройти мимо тех экономистов, которые по поводу всякого понижения покупательной силы расчетных знаков (что может быть вызвано, как мы видели, и причинами лежащими и не на стороне знаков) вопят об инфляции. Следует строго различать два возможных типа излишних денег у нас. Излишние деньги, как результат плана — предусмотренные планом, и излишние деньги, в результате срыва плана. Может быть такой случай, такой плановый просчет или такое сопротивление капитализма в стране, при котором происходит срыв материального плана и образовавшаяся брешь заполняется эмиссией. Вот только к этому случаю мы могли бы отнести, в крайне условном смысле, термин инфляция, но и здесь правильнее было бы просто говорить о срыве плана и не давать повода к отожествлению различного рода общественных отношений...

Л. Шанин

На путях преодоления нэпа [1]

I

Речь идет об одном из прообразов преодоления нэпа (внутри обобществленного сектора); конкретно — о развитии нашей синдикатской системы.

Наши синдикаты представляют исключительный теоретический интерес. Такое утверждение кажется не обычным. В самом деле, почему общее теоретическое значение синдикатской системы в настоящих условиях больше, чем скажем, трестовской. Потому ли что она воспроизводит некоторые трестовские черты на более широкой ступени, обнимая целую отрасль, тогда как трест являет эти черты только в отношении частичных отраслевых об'единений. Но ведь мы имеем, например, Сахаротрест, который, как и синдикат, охватывает целую отрасль, при чем его охват значительно более полон и глубок, чем синдикатский. Очевидно, что тот особый теоретический интерес, который представляют наши синдикаты, основывается не на этой большей широте охвата, и не на большей консолидированности синдикатских об'единений нежели это имеет место в трестовских об'единениях. То, что придает синдикатской системе исключительное значение, это — особые пути развития, особые методы ее формирования отличные от путей развития наших трестов. Тресты в нынешнем своем виде, были созданы в результате почти-что однократного административного и организационного акта. Конечно, многое, после этого, еще заполнялось в оперативной практике реальным содержанием, отшлифовывалось, доделывалось. Но в основном тресты были созданы сразу. Элементы нэпа внутри трестовской организации (во взаимоотношениях между трестом и фабрикой) были сведены на-нет сразу.

В отличие от этого синдикатская организация представляет собою органическое образование, постепенно, по частям, выраставшая, притом образование, складывавшееся исключительно на основе нэпа и (в своих взаимоотношениях с трестами) методами же нэпа преодолевшая нэп. Если консолидация отдельных предприятий в трест представляла собою планомерно проведенный административный акт, то консолидация трестов в нынешний отраслевой синдикат есть результат многолетнего органического процесса, шедшего спонтанно снизу и в значительной мере вне руководства.

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

Если весь наш обобществленный сектор переходит от товарно-денежных, т.-е. нэповских методов строительства социализма к построению, которое и по форме, т.-е. по всей совокупности методов, было бы социалистическим, то основным прообразом такого развития для обобществленного целого послужит не процесс образования трестов, а процесс созревания синдикатов. [1] Та консолидация на основах нэпа целых отраслей, которую мы имеем в лице синдикатов, бросает яркий свет на пути предстоящей межотраслевой консолидации всего обобществленного сектора в единое оперативное целое, а также на пути преодоления нэпа в нем методами же нэпа. Вот почему синдикатская практика заслуживает внимательного теоретического изучения. Она дает нам ключ для понимания путей преодоления нэпа внутри обобществленного сектора, как целого, она дает известную общую установку и позволяет, на ряду с этим, правильно решать текущие вопросы организационного строительства обобществленного сектора.

II

Синдикатские организации начали свою работу с весьма малого. На первых порах они ограничивались тем, что брали на себя комиссионные поручения по реализации и снабжению трестов, делая это вначале в очень скромных размерах. На первых порах синдикатская реализация охватывала всего лишь каких-нибудь 15—20% продукции своих трестов. Не намного больше был удельный вес снабженческой работы синдикатов.

Начало было, таким образом, количественно очень скромное. Но и по качеству и характеру своему связи синдикатов с трестами были чрезвычайно слабы, случайны и преходящи. Они исчерпывались добровольными комиссионными соглашениями частного характера.

За истекшие шесть лет синдикатская система прошла колоссальный путь. Она заняла в торговой и организационной работе промышленности мощные позиции, притом не только в отношении количественного охвата, но и с точки зрения интенсивности и глубины своих связей. Случайные комиссионные отношения по купле и продаже сменились органическим сращиванием на основе руководящей роли синдикатов. Различие между первоначальными робкими шагами и нынешним положением вещей совершенно разительное.

По ряду крупнейших отраслей промышленности процесс синдицирования почти завершен. Так ВТС с 34,6% в 1923/24 г. доходит в текущем году (по плану 1928/29 г.) до охвата 95,6% всей текстильной промышленности. ВКС с 49,8% в 1923/24 г.— до 96,4% охвата го-

[1] Правда, аналогичное с синдикатами развитие проделала и кооперативная система. Но в последней эти процессы консолидации не получили столь энергичного развития, как в синдикатах.

сударственной кожевенной промышленности. Синдикат черной металлургии охватывает уже 100%. По Солесиндикату соответствующий показатель поднялся с 68,0% в 1923/24 г. до 97,0%. По Спичсиндикату—с 11,9% в 1925/26 г. до 98,2%. Нефтесиндикат охватывает всю нефтяную промышленность, кроме Узбекнефти. Значительный рост синдицирования имеет место и в других отраслях промышленности; в силикатной—93,5%; в махорочной—с 13,2% в 1923/24 г. до 97,5%; в лесной промышленности (РСФСР)—с 35,0% в 1926/27 г. до 96%; в консервной—с 71,5% в 1926/27 г. до 100%; химическая промышленность к концу 1928 г. будет приближаться уже к 100% синдицированию. По всем же отраслям промышленности синдикатский забор продукции составлял в 1927/28 г.—82,2% всей продукции, а по плану 1928/29 г. составляет 90,6%.

„Эволюция синдикатов от крупных оптовых организаций, закупавших 20—30—40% продукции государственной промышленности в 1923/24 г. к полной почти монополии, т.-е. фактическое превращение ряда синдикатов в единый торговый аппарат промышленности, полностью и целиком отвечающий перед рынком за торговый ассортимент, за условия расчета, за самую систему и методы сдачи продукции и т. д., коренным образом изменила роль и значение синдикатов как во всей системе планирования и регулирования товарооборота, так и в системе управления и регулирования производства". („Синдикатская система СССР", 1928 г. стр. 6).

Аналогичный размах получила в своем развитии и снабженческая работа синдикатов, в особенности, в области снабжения промышленности техническим сырьем сел.-хоз. и животноводческого происхождения. Почти все синдикаты, тресты синдикатского типа, сырьевые общества — ВТС, ВКС, Масложирсиндикат, Махорсиндикат, ГХК, Акц. Об-во „Шерсть", Паевое т-во „Табаксырье", Сахаротрест—проводят снабжение об'единяемых ими отраслей промышленности сырьем, заготовляемым на внутреннем рынке и закупаемым на внешних рынках на все 100%.

Не все синдикаты и организации синдикатского типа шли одинаковыми путями к овладению работой по снабжению промышленности сырьем. Одни синдикаты и все сырьевые организации с первых же дней своего существования снабжали об'единяемые ими отрасли промышленности техническим сырьем полностью, например: Главхлопком, Акц. О-во „Шерсть", Паевое Т-во „Табаксырье", Сахаротрест и Махорсиндикат, другие синдикаты — ВКС, Масложирсиндикат — шли к охвату сырьевого снабжения более медленным и сложным путем, при чем ВКС, начиная с 1926/27 г., снабжает синдицированную кожевенную промышленность крупным и мелким кожсырьем уже на все 100%.

Последние два синдиката, а также О-во „Шерсть", сталкивающиеся в своей работе с разбросанным и распыленным рынком, на котором огромную роль играет мелкий заготовитель — промкооперация, кустарь и частник, берут на себя также снабжение несиндицированной и непланируемой промышленности, чтобы путем снятия с рынка лишних заготовителей оздоровить рынок сырья.

Снабжение трестов вспомогательными материалами и оборудованием ведется синдикатами большей частью также в централизованном порядке на основе генеральных договоров с синдикатами — поставщиками.

Организуя снабжение трестов импортным и внутренним сырьем, распределяя последнее по трестам, в соответствии с их производственной программой и ассортиментом продукции, синдикат обеспечивает равномерность сырьевого питания производственных процессов, регулирует переходящие запасы и способствует рациональному использованию сырьевого ассортимента всей отрасли в целом.

Не менее важное значение для промышленности имеет работа синдиката в области распределения полуфабрикатов, например, в текстильной промышленности, пряжи, суровья и согласования производственной нагрузки прядильных, ткацких и отделочных предприятий, при чем синдикаты во всей этой работе ведут отнюдь не только безразличную комиссионно-снабженческую службу. Они активно рационализируют при этом и все материальное хозяйство трестов.

Существенны поэтому, помимо этих чисто количественных приростов охвата реализационной и снабженческой работы, те качественные изменения во взаимоотношениях синдикатов и трестов, которыми этот количественный охват сопровождался. Значительный интерес здесь представляет развитие складского хозяйства синдицированных отраслей. Синдикаты начали работу с энергичного развертывания своего собственного торгово-складского хозяйства в дополнение к складской системе трестов и кооперации. Однако, на смену этому первому порыву вскоре пришли другие тенденции: во-первых, интенсивное сокращение этих дублирующих синдикатских складов (на основе внедрения методов транзитной торговли); во-вторых, образование специальных ассортировочных баз; и в третьих, сосредоточение в синдикатах заводских складов производственных материалов и складов готовой продукции.

1. Замена складских функций синдикатского аппарата транзитной сдачей продукции непосредственно с фабрик и заводов развивалась очень бурно. Так, если еще в 1924/25 г. все товары, реализуемые ВТС, полностью проходили через его склады в торговых отделениях, то уже в 1926/27 г. транзитная сдача товаров дошла до 45%, а в 1928/29 г. она увеличена до 100%; в общем, во всей синдикатской системе транзит увеличился с 19,5% в 1924/25 г. до 85,5% в 1928/29 г. (100% он составляет по ВМС'у, 100%—по Стромсиндикату, 100%—по Консервсиндикату, 94%—по Химсиндикату, 98%—по Масложирсиндикату, 94%—по Спичсиндикату, 82%—по ВКС и т. д.).

2. „В целом, эта тенденция интенсивного замещения складских операций в синдикатах транзитом идет на встречу общей задаче со-

кращения складских звеньев товарооборота в целях упрощения и удешевления всего процесса товаропродвижения. Однако, в ряде случаев такой отказ от складских функций синдиката, в процессе увеличивающейся специализации фабрик и заводов, идет во вред качеству торгового ассортимента. В этих случаях, как, например, в стекольно фарфоровой отрасли, металлической и некоторых др., эта сама по себе прогрессивная идея максимального сокращения складских переходов товара, влияющих на нарощение его цены, сталкивается с другой прогрессивной идеей специализации производства, имеющей огромное значение и для снижения себестоимости продукции, и для самого роста производства и повышения качеств его. Оптимальное разрешение обеих этих задач требует ряда коррективов в построении синдикатского аппарата". („Синдикатская система СССР", 1928 г., стр. 11).

К настоящему моменту в большинстве отраслей основная доля продукции сдается транзитом, т.-е. непосредственно с фабрик и заводов. Совершенно понятно, что при этих условиях правильная организация ассортировки, особенно осложняемая все более широко осуществляемой специализацией фабрик и заводов, значительно затрудняется, в особенности, в случае транзитных отгрузок потребителем весьма малыми партиями. В связи с этим возникает необходимость организации промежуточных баз, не связанных непосредственно с периферией рынка, но осуществляющих предварительную ассортировку товаров для крупно-оптового звена. Такие базы уже с 1925/26 г. существуют в области текстильной торговли. Приступлено к организации соответствующих баз в области металлоторговли, силикатной торговли. Эти промежуточные базы, расположенные в районах производства и собирающие у себя продукцию специального ассортимента для накопления и выпуска необходимого торгового ассортимента, должны сыграть большую роль в рационализации товарооборота.

3. На ряду с сокращением чисто торгового складского хозяйства и сведением его лишь к специально ассортировочным базам, развертывался также процесс сосредоточения в руках синдикатов основных фабрично-заводских складов и, следовательно, всей экспедиционной техники. Так, кожевенные тресты передали синдикату, на ряду с заготовительными и торговыми функциями, все свое складское хозяйство, возложив на него подборку и отгрузку готовых партий сырья на заводы для непосредственного выпуска в производство и ограничив свою деятельность производством в самом узком смысле этого слова.

III

По мере перехода к забору у трестов всех 100% их продукции и передачи синдикату товарных складов трестов, к синдикату переходит управление всей товарной массой. Последний может сейчас целесообразно комбинировать остатки товаров на отдельных складах, концентрировать товары в нужных точках для подбора рыночного ассортимента, может держать на всех этих складах минимальные запасы готовой продукции.

Сосредоточив у себя также и склады производственных материалов, становящихся общим фондом всей отрасли, а не отдельной фабрики и треста, синдикат имеет возможность более правильно комбинировать состав и размещение отдельных видов их, обеспечивая правильное, комплектное и своевременное снабжение фабрик при значительно меньших запасах материалов.

Но синдикат рационализирует реализацию и снабжение не только с точки зрения правильности внутреннего построения каждого из них, но и с точки зрения взаимной связи обоих (реализации и снабжения). Синдикат не является лишь односторонним получателем продукции своей отрасли, проталкивающим ее дальше к потребителю. Он не является также и органом односторонне сбывающим своим трестам продукцию других отраслей. Синдикат обслуживает свою отрасль одновременно по обеим линиям, и по линии снабжения, и по линии реализации; он обслуживает ее на основе определенных показателей выхода продукции, при данной величине и составе снабжения. Сосредоточивая у себя все материальное снабжение данной отрасли и всю реализацию ее продукции, синдикат имеет в поле своего зрения нормы расходования сырья, материалов, топлива. Он, следовательно, глубоко проникает в материально-техническое хозяйство обслуживаемых им производственных единиц. Его руководство и регулирующее воздействие может быть поэтому весьма конкретным и эффективным.

Синдикат снабжает трест не в меру его платежеспособного спроса, а в меру строго взвешенной производственной потребности. Какими бы денежными средствами трест не располагал, синдикат предоставит в его распоряжение только минимально необходимые (для текущего производства) материальные ресурсы. Определяющими для синдиката являются не финансовые средства треста, а его производственная программа и реальный ход ее выполнения, получающий свое точное выражение в сдаваемой синдикату продукции. Мы имеем здесь, по сравнению с первоначальными чисто коммерчески-комиссионными отношениями между трестами и синдикатом, чрезвычайно глубокую качественную перемену. На смену коммерческим отношениям приходит чисто целевой, производственно-технический подход.

Постепенно сосредоточивая у себя все связи промышленности с рынком как по линии реализации, так и по линии снабжения, синдикаты сконцентрировали у себя все те требования, которые промышленность имеет пред'явить к своей сырьевой базе, к сельскому хозяйству, и все те требования, которые потребители (прожиточного и производственного типа) имеют пред'явить к промышленности. В этих условиях, синдикатская система не может уже быть только пассив-

ным проводником сырьевой продукции к обслуживаемой ею отрасли промышленности или только пассивным проводником промышленной продукции к потребительской периферии. Синдикат вынужден активно пред'являть от имени промышленности свои требования сельскому хозяйству и от имени организованного потребителя (личного и производственного типа) к об'единяемой им отрасли промышленности. В обоих случаях он из чисто торгового органа становится органом регулирующим и производственную деятельность,—в какой-то мере сельского хозяйства, а, в основном, и, в первую очередь, производственную работу промышленности. Но если непосредственное регулирование производственной работы и сельского хозяйства постепенно переходит от синдикатов к сел.-хоз. кооперации, то в отношении промышленности синдикатская система эту роль все более полно и эффективно концентрирует у себя. Синдикатская система, в результате, становится одним из активнейших факторов производственной работы промышленности.

В качестве непосредственно заинтересованной инстанции, синдикат принимает непосредственное участие в установлении контрольных цифр во всей отрасли промышленности. Концентрируя в своих руках все вопросы сырьевого снабжения, синдикат разрабатывает контрольные цифры синдицированной промышленности, увязывая интересы отдельных предприятий. Эти контрольные цифры получают свое утверждение на собрании уполномоченных синдиката и кладутся ВСНХ в основу своих контрольных цифр промышленности.

Но дело не ограничивается одним лишь консультирующим участием синдиката в составлении контрольных цифр. Отдельные синдикаты перешли от косвенного влияния на трестовское производство к далеко идущему прямому вмешательству в определение производственной программы своей отрасли.

Сложившись к 1926/27 г. в огромную экономически и финансово-мощную организацию, сконцентрировав у себя оптовый сбыт на 75%, снабжение сырьем почти на 100%, добившись передачи ему всей банковской ссуды на заготовку кожсырья, получив все предпосылки для такого вмешательства, синдикат перешел на систему предварительных заказов. Если общие количества крупного и мелкого кожсырья, в штуках, для каждого треста определяются производственной программой ВСНХ, при активном участии ВКС, то ассортимент товара и, следовательно, сырья почти целиком устанавливается заказом синдиката. Синдикат с инициативой и энергией развивает производство дефицитных товаров крестьянского спроса, а также дефицитного обувного верха.

Правда, не во всех синдикатах эта роль выражена одинаково ярко. Но как правило, активная роль синдикатов в этой области быстро растет. Укореняющаяся сейчас в решающих отраслях система предварительных заказов, по которым синдикат берет перед потребителем определенные обязательства, заставляет его оказывать на отдельные тресты решающее воздействие в деле выработки определенной номенклатуры, в совокупности по всем трестам отвечающей тому ассортименту, который синдикат обязался, по предварительным заказам, поставить потребительским организациям. Работа Совета синдикатов правильно отмечает, что „необходимую согласованность между рынком и производством по вопросам ассортимента должна дать по своей идее система предварительных заказов. Если существующая в настоящее время система гендоговоров размещает в плановом порядке только количества выпускаемой продукции, то система предварительных заказов должна дополнить гендоговоры, устанавливая плановое размещение не только самих количеств, но и ассортимента промышленной продукции между отдельными организациями“ (ibidem, 1928 г., стр. 18).

Но переход на систему предварительных заказов предполагает такой порядок взаимоотношений синдиката с трестами, который обеспечивал бы синдикату выработку ассортимента, отвечающего требованиям заказчика. Синдикат должен, поэтому, регламентировать производственный ассортимет трестов.

Осуществляя централизованное распоряжение товарными фондами данной отрасли, синдикат освобождает отдельные тресты от необходимости выпускать из производства комплектный ассортимент, в соответствии с требованиями торгового оборота. Концентрация в синдикате всех функций торговой ассортировки облегчает переход трестов на специальный ассортимент, определяемый производственно-техническими условиями в каждом тресте, интересами понижения себестоимости, улучшения качества и повышения рентабельности.

Специализация предприятий создает об'ективные условия для осуществления стандартизации в более широком масштабе. Согласование стандартов с трестами, с одной стороны, с кооперативной системой, с другой, приводит к сосредоточению проработки стандартов в синдикате. [1]

[1] В некоторых синдикатах эта сторона деятельности выступает чрезвычайно ярко. Металлоконвенцией, совместно с ВМС, был, например, разработан новый стандарт прокатного металла. В результате введения указанного стандарта, по сортовому железу число размеров доведено до 740, вместо существовавших ранее 3.365, а число профилей до 10 вместо 22. По специальному фасонному железу число профилей уменьшилось на 67%, а число размеров на 90%.

В своей активной производственной политике некоторые синдикаты пошли так далеко, что сосредоточили у себя значительную часть и технического обслуживания своей отрасли. Так, например, ВКС очень многое делает в области технического обслуживания кожевенной промышленности: техническая консультация, введение новых методов выработки, изготовление новых химических материалов на специально для того оборудованном заводе, постановка совершенно новых в стране производств (шевро, лак), организация производства кожевенных машин и обувной фурнитуры на отечественных заводах и т. д. и т. п.

Масложирсиндикат точно так же развернул работу по оказанию технической помощи и в настоящее время эту работу удалось централизовать в специальный

В капиталистических условиях все производится на неизвестный рынок, а post factum идут напряженные и не всегда удачные поиски рынка. На первых шагах нэпа и наше хозяйство характеризовалось производством на неизвестного потребителя. Когда, несколько позже, в помощь трестам стали формироваться синдикаты и эти последние, вначале, стояли на базе этого же типа отношений с рынком. Они лишь заготовляли произведенную другими, независимо от них, товарную продукцию и на комиссионных началах передавали ее трестам, и на таких же началах брали на себя реализацию и сбыт трестовской продукции, произведенной независимо от них. Сейчас синдикаты, в основном, занимаются не тем, что „сбывают" так произведенную продукцию, а тем, что организуют предварительные заказы потребителей и передают их для выполнения трестам. Сейчас производственная программа отдельных отраслей промышленности подчинена определенным заданиям плановых органов, подкрепленным в значительной части оперативными заказами непосредственно заинтересованных организаций.

Но чтобы выполнить такую программу, тресты нуждаются в твердо обеспеченном снабжении. Это снабжение синдикаты взяли на себя. Но твердо выполнять эти обязательства, оставив это снабжение в зависимости от неорганизованных и случайных явлений на рынке, синдикаты не могут. Они вынуждены, поэтому, перейти к системе собственных предварительных заказов тем отраслям народного хозяйства, которые создают эти средства производства для данной отрасли. Система отношений, базирующаяся на рыночной стихии, поэтому, дополняется, (а затем и заменяется) системой увязанных плановых заданий (подкрепляемых оперативными заказами), на службу которых поставлена целая система регулирующего и контролирующего воздействия. Так, синдикат становится постепенно организацией не столько обеспечивающей своим трестам наилучшие коммерческие условия реализации и снабжения, сколько органом, оперативно регулирующим и контролирующим. Тресты выделяют, сначала, синдикатские организации только как вспомогательно обсуживающие их организации. Но синдикаты быстро преобразуют это свое первоначальное назначение и занимают в отношении трестов господствующее положение. Первоначально, во

технический отдел синдиката. Последний прорабатывает вопросы капитального строительства, участвует непосредственно в проработке вопросов экономического и технического порядков, связанных со строительством. По проектам отдела строятся маслобойные, экстракционные, гидрогенизационные, мыловаренные и т. д. заводы. В настоящее время все капитальное строительство этой отрасли промышленности, в части проектирования, почти целиком проходит через синдикат. В части реконструкции и рационализации оборудования синдикат имеет концессионный договор технического содействия с германской фирмой.

Синдикат провел работу по замене устарелых машин — машинами новейших конструкций, при чем по заказу синдиката производство этих машин было поставлено на советских машиностроительных заводах (по чертежам и заказам синдиката).

взаимоотношениях между трестами и другими хозяйственными организациями господствовали коммерческие начала. Позднее, некоторые коммерческие моменты выделились и получили в синдикатской организации специальное организационное выражение. Постепенно, эти выделенные в синдикатской организации коммерческие моменты стали перерождаться в моменты регулирующего и контролирующего воздействия, подчиненного более широким народнохозяйственным целям. В ходе этой последней трансформации, регулятивные моменты синдикатской работы, сначала, существовали лишь рядом с коммерческими, явно доминировавшими над первыми. Но постепенно, значение регулирующих моментов стало быстро расти, оттесняя назад чисто коммерческие функции синдикатов, а в настоящий момент они явно преобладают над последними.

IV

Все это не могло не отразиться и на финансовом хозяйстве синдицированных отраслей промышленности.

Организовав в большом масштабе централизованный порядок сбыта и снабжения, синдикаты создали необходимые предпосылки для перехода и к единому отраслевому плану финансирования. Кредитные планы трестов стали дополняться кредитными планами синдикатов, и те и другие, взаимно увязанные, представляли в сводном виде потребность в банковском кредите данной отрасли промышленности.

По мере передачи синдикату всех 100% трестовской продукции для реализации, синдикат сделался единственным источником средств для трестов. Постепенно, тресты были фактически освобождены от изыскания банковских средств. Отсюда был только один шаг до перехода к плановому финансированию трестов со стороны синдикатов.

Несмотря на все разнообразие финансовых взаимоотношений с промышленностью по отдельным синдикатам, основные тенденции в развитии этих взаимоотношений (особенно в тех синдикатах, где процесс сращивания их с промышленным хозяйством достиг наибольшей степени) могут быть сведены к следующему:

а) к централизации расчетов по снабжению и торговым операциям (ВТС, ВКС, Спичсиндикат, Масложирсиндикат и т. д.);

б) к концентрации банковского кредита трестов в синдикатах и к расплате с трестами наличными;

в) к построению расчетов между синдикатом и трестами, в соответствии с производственными программами и на основе планового маневрирования средствами трестов и фактического об'единения в синдикате капиталов данной отрасли.

К пункту „а". Централизация расчетов не требует особого раз'яснения. Здесь бухгалтерским перерасчетом погашаются взаимные обязательства контрагентов по реализации и поставке, по встреч-

ным операциям и в этих пределах осуществляется безденежный и безвексельный расчет.

К пункту „б". Наметившаяся тенденция к концентрации краткосрочного кредитования промышленности в синдикатах, путем сосредоточения в них как учетных лимитов трестов, так и непосредственного целевого кредитования, является характерной чертой эволюции синдикатской системы. Процесс вовлечения средств в синдикатский оборот в этой форме развивается по всем главнейшим синдикатам (ВТС, ВКС, ВМС, Масложирсиндикат, Продасиликат, Бумсиндикат, Спичсиндикат), в общей сложности охватывающим свыше 80% всего синдикатского оборота. Эта тенденция имеет все основания к дальнейшему развитию. Сращивание синдикатов с промышленным хозяйством неизбежно влечет за собой усиление зависимости одних от другого и в области финансового хозяйства.

Сумма банковских кредитов, концентрируемых в синдикатской системе, дает огромный рост. Если банковская задолженность синдикатов вместе с долгосрочным финансированием на 1/X—23 г. составляла 81,2 млн. руб., то на 1/X—27 г. (в связи также с дальнейшей концентрацией кредитов в ряде синдикатов) общая сумма банковских кредитов по всей синдикатской системе доходит до 312 млн. руб., на 1/X—28 г. до 597 млн. руб., а по плану на 1/X—29 г. до 974 млн. руб. В синдикатах сосредоточивается основная часть банковских кредитов, направленных на финансирование торгового оборота промышленности. Особенно выступает это значение синдикатов в системе кредитования промышленности по ряду наиболее полно синдицированных отраслей. Так, ВТС подошел уже к сосредоточению у себя всех 100% банковского кредитования текстильной промышленности; ВМС достиг в 1928 г. 65% охвата промышленных кредитов в банках, ВКС на 100% сосредоточил у себя сырьевые кредиты и все больше охватывает также кредитование торгового оборота. В Масложирсиндикате на 100% сосредоточено кредитование банками масложировой промышленности и т. д.

Такое сосредоточение в синдикате банковского кредита позволило синдикату более широко практиковать оплату наличными за сданную трестами продукцию. Так, например, ВМС производит оплату наличными деньгами до 75% трестовской погрузки. Весь банковский лимит нефтяной промышленности сконцентрирован в синдикате, и он расчитывается с трестами почти исключительно наличными деньгами.

Такой порядок расчета практикуется у Бумсиндиката, сконцентрировавшего у себя большую часть банковского кредита, об'единяемых им трестов. Расплату с трестами за наличный расчет ввел в 1928 г. и Продасиликат и т. д. и т. п. Эта централизация финансового хозяйства промышленности сконцентрировала в синдикатах не только важнейшие финансовые рычаги регулирования самой промышленности, но и основные узлы финансовых взаимоотношений промышленности как с рынком, так и с кредитной системой. В различных синдикатах степень этой связи финансового оборота синдиката с финансовым хозяйством самой промышленности или с банковским кредитованием промышленности весьма различна. Однако, регулирующая роль синдикатов как в отношении финансового хозяйства самой промышленности, так и условий финансирования оборота промышленной продукции всюду и неуклонно растет.

Эта концентрация банковского кредитования промышленности, укрепляя связь синдикатов с финансовым хозяйством трестов, подводит реальную базу для усиления возможности общего планирования; и в частности, в области использования оборотных средств, в смысле их перераспределения.

К пункту „в". Переход расчетных взаимоотношений между синдикатом и трестами на фактическое об'единение финансовых средств трестов в синдикате и финансирование последним производственных планов трестов складывается из отдельных частичных мероприятий, которые только в совокупности получают это общее значение.

Расчеты ВТС с трестами по сырьевому снабжению построены на ежемесячной оплате синдикату стоимости потребляемого трестами сырья, вне зависимости от количества сырья, сданного на призаводский склад. У ВКС—на равномерной помесячной оплате сырья трестами, в соответствии с их кассовыми возможностями и независимо от сезонности заготовки сырья; у Масложирсиндиката эти расчеты увязаны в плановом порядке с финансовыми возможностями трестов. Та же тенденция в расчетных отношениях выявляется и в торговых операциях синдикатов. У ВТС до нынешнего года расчеты за продукцию были построены на учете финансового положения трестов, в зависимости от чего определялся срок кредита. Тот же принцип проводится и у ВКС. Оплата продукции Спичсиндикатом производится ежемесячно по плану забора, вне зависимости от фактически забранного количества. У ВМС платежи трестам производятся по планам отгрузки.

Синдикат, перейдя на расчеты по принципу $^1/_{12}$ годового плана, (даже независимо от отгрузки) и оплаты продукции наличными в размере 100%, при передаче ему трестами своих банковских лимитов по краткосрочному кредиту, подготовляет тем переход на контролирование месячных финансовых планов трестов. В результате, промышленность весьма близка к передаче синдикату всего своего финансового хозяйства.

Такой переход к плановым методам финансирования трестов со стороны синдикатов приводит к далеко идущим изменениям во всем построении финансового хозяйства промышленности. Прежде всего, синдикат использует эти свои позиции для перераспределения ресурсов отдельных трестов своей отрасли. Предоставляя одним трестам более продолжительный кредит, чем тот которым он сам пользуется у своих поставщиков, а другим—менее продолжительный; с другой стороны, пользуясь сам у отдельных трестов кредитами

разных сроков, (у одних, скажем, в 40 дней, у других в 18 дней и т. д.), синдикат ведет работу интенсивного фактического перераспределения средств между отдельными трестами и между трестами и самим синдикатом. Эта перераспределительная работа в разных синдикатах идет с разной силой и интенсивностью. Наиболее далеко в этом направлении пошел ВТС. По линии своей реализационной работы ВТС последовательно проводил политику диференцированного самокредитования за счет трестовских ресурсов и на этой основе, на практике, интенсивно перераспределял оборотные ресурсы трестов. В области расчетов с трестами за продукцию срок кредита определяется им не как результат торга, а на основании изучения трестовского промфинплана, с учетом финансового положения треста. Так, постепенно, идет процесс фактического сращивания ресурсов синдикатов и трестов.[1]

V

Финансовые отношения между синдикатами и трестами прошли в своем развитии, примерно, следующий путь.

В меру централизованного снабжения синдикаты стали сосредоточивать у себя банковский кредит трестов. На основе такого сосредоточения синдикаты стали оплачивать трестам сальдо взаимных расчетов наличными суммами, а коммерческое кредитование этих сальдовых сумм стало сходить на-нет. Что же касается взаимного кредитования синдиката и трестов в пределах сумм зачета, то оно происходило, в сущности, по открытому счету. Векселя, и в этой части, уже не играл самостоятельной роли. К вексельной эмиссии прибегали здесь не в меру фактических кредитных взаимоотношений между трестами и синдикатом, а ради специальных целей: в той мере, в какой синдикату или тресту (поскольку сохранялось децентрализованное снабжение) надо было для использования своего банковского лимита пред'явить банку учетный материал. Вексельная эмиссия производилась здесь не для оформления кредитных взаимоотношений и не для обеспечения состоявшихся сделок, а независимо от них,— для снабжения синдиката и трестов учетным материалом. Мы имели здесь специальную, целевую эмиссию, как техническое условие использования банковского кредита. Вексельная эмиссия здесь не столько пассивно отражала кредитные взаимоотношения

[1] Одним из мощных стимулов такого сращивания становится между прочим система двух прейскурантов: одного, соответствующего трестовской калькуляции, по которой синдикат принимает тот или иной товар у трестов (разная цена для разных трестов) и другой—единый торговый прейскурант, по которому синдикат реализирует одинаковые сорта (по разной себестоимости) по одинаковым ценам. Эта система является реальным орудием воздействия синдикатов на производственный ассортимент и предпосылкой для организации системы предварительных заказов. Но что для нас здесь важно: при такой системе происходит подлинное органическое сращивание промышленности с синдикатом, и, в частности, потеря трестами возможности реализовать свою продукцию помимо синдиката. Здесь рыночную сторону производственного ассортимента определяет уже исключительно синдикат.

между сторонами, сколько активно обслуживала потребность каждого из них в банковском кредите.

В условиях товарного и капиталистического хозяйства вексель выражает и обеспечивает коммерческий кредит, оказанный одним контрагентом другому. Это первичное и основное его назначение. Возможность последующего использования векселя для получения банковского кредита,—нечто вторичное, лишь надстройка над первым, который может и не быть. Создается вексель, в основном, не ради этого второго.

Иначе отношения складывались у нас между синдикатом и трестами. Здесь вексель постепенно отрешался от своей основной функции и вторая задача получила определяющее и самостоятельное значение.

Несмотря на значительные отступления в сторону сужения самостоятельности трестов, расчетные взаимоотношения между синдикатом и трестами на этой стадии все еще привязаны к реальным товарным потокам и стоят в решающей зависимости от этих последних. Но позднее, расчетные взаимоотношения начинают в какой-то части отрешаться от встречных товарных потоков и получают, частично, самостоятельный характер. Синдикат постепенно переходит к плановым платежам.

В развитии плановых платежей синдикаты прошли две стадии, далеко неравного значения. Первая из них не представляет принципиального интереса; зато вторая представляет большой теоретический интерес. На первых порах плановые платежи синдиката строятся на основе предварительной наметки вероятного строения взаимных товарных потоков и их расчетных выражений. Платеж производится здесь авансом, еще до окончательного установления фактического движения товаров в обоих направлениях.— Но принципиально расчеты строятся здесь на основе полной оплаты сальдо взаимных расчетов и, следовательно, полного эквивалентного возмещения сторон. Своеобразно здесь только то, что расчеты производятся независимо от документации, и платеж является только предварительным, который позже будет заменен окончательным. Если здесь есть какое-либо отрешение платежных взаимоотношений, то единственно от аутентичных товарных документов. В принципе (и фактически) расчеты и платежи производятся здесь на основах полного эквивалентного возмещения и полного покрытия расчетного сальдо. Изменение здесь претерпевают только сроки и рационы платежей, но не их основа.

Совершенно другой характер носят позднейшие трансформации плановых платежей. Последние содержат уже далеко идущие принципиальные изменения, в корне революционизирующие взаимоотношения между трестом и синдикатом. На этой стадии единые расчетные взаимоотношения между синдикатом и трестом как бы расщепляются и сменяются двумя типами расчетов, лежащими каж-

дый в другой плоскости. В одном из двух аспектов синдикат и сейчас продолжает рассчитываться (но не расплачиваться) соответственно реальным товарным потокам, прошедшим в обоих направлениях (и соответствующего этим потокам сальдо расчетных взаимоотношений). Но на ряду с этой безличной расчетной фотографией позиций каждой из сторон (позиций, определяемых на основе принципа эквивалентного возмещения), между синдикатом и трестами создается и другой тип расчетов. Этот второй тип и выражает новое существо плановых платежей. Эти расчетные отношения заключаются в том, что синдикат оплачивает трестам (ежемесячно, подекадно, ежедневно) не сальдо их взаимных требований, а суммы, которые трестам требуются для выполнения определенного рода (утвержденных синдикатом) платежей, независимо от состояния расчетных взаимоотношений между ними. ВТС, например, сосредоточил у себя все платежи трестов в БДК и НКФину (отчисления от прибылей, подоходный налог, уравнительный сбор, помещение резервных капиталов в 8% заем, а с будущего года и все платежи по акцизам); кроме того, ВТС имеет определенные расчеты с трестами по линии централизованного снабжения сырьем, топливом, хим- и техснабжением и проводимой через него реализации трестовской продукции. По совершению соответственных платежей за тресты в БДК, НКФину, и т. д. и по производству взаимных зачетов по снабжению и реализации, синдикат, в порядке эквивалентного возмещения трестов, остается „должен“ последним определенную сумму, слагающуюся из следующих стоимостных элементов: 1) из заработной платы (ибо рабочей силы синдикат в натуре трестам не предоставляет, а потому должен компенсировать тресту стоимость ее в денежной форме), 2) из стоимости децентрализованного снабжения, 3) из стоимости группы местных расходов (местный транспорт и т. д.), 4) из части прибыли, остающейся после отчислений, которые синдикат за тресты централизованно производит НКФину, БДК и т. д., 5) из части амортизационных отчислений, остающейся после отчислений синдиката в БДК (если последние вообще имеют место). Вот те стоимостные элементы, которые в порядке эквивалентного возмещения должны были бы быть в денежной форме покрыты синдикатом тресту. В порядке установления расчетных взаимоотношений между ними, синдикат и фактически кредитует счет треста суммарной величиной всех этих стоимостных элементов. Но реально производимые синдикатам платежи (плановые платежи) строятся не на принципе покрытия сальдо взаимных расчетов (основывающихся на полном эквивалентном возмещении), а на принципе обеспечения тресту тех собственных расходов, которые синдикат ему предварительно, согласно плану, утвердил. Плановые платежи синдиката строятся не на основе того, что синдикат „должен“ тресту, а на основе тех непосредственных денежных расходов, которые трест будет иметь по согласованному

с синдикатом месячному плану. Трест имеет „право“ на всю величину сальдо его взаимных расчетов; но это „право“ чисто теоретическое, абстрактное. Это „право“ ни в какой мере не обеспечено реализацией. Фактически же трест получит не то, на что имеет „право“, а только то, что соответствует, утвержденным синдикатом, прямым плановым расходам.

Расчетные отношения между синдикатом и трестами строятся как бы в двух планах: в одном они отражают соотношение имущественных „требований“, которые в теории один может пред'явить другому, а в другом они предопределяют собою реальное денежное питание треста. Взаимоотношения между синдикатом и трестами ведутся по двойному расчету: из них один имеет только теоретическое значение; реальное же жизненное и практическое значение имеет единственно второй. Коммерческо-эквивалентные взаимоотношения между обоими существуют только в абстрактном праве, в бездействующем праве, в „спящем праве“ (dormant law), как его называют англичане. В действительности же реальное денежное питание трестов определяется планово-целевыми расчетами. Первые расчетные взаимоотношения влачат лишь призрачное существование, ничего собою реально не определяя. Вторые же живут полной жизнью и составляют плоть и кровь взаимоотношений между синдикатом и трестом.

Издание Всесоюзного совета синдикатов („Синдикатская система СССР“, 1929 г.) так кратко характеризует расчетные взаимоотношения между ВТС и отдельными текстильными трестами: „расчеты синдиката с промышленностью сводятся к плановому снабжению трестов потребным количеством денежных средств по согласованным ежемесячным планам“, а „параллельно ведется учет сальдо фактических товарных расчетов“ (стр. 100).

Окончание следует

А. Бинов

Классовая линия и ее извращение в государственном страховании на селе

I. Предмет спора

Государственное страхование обеспечивает постройки 20,5 млн. дворов, 43 млн. голов крупного рогатого скота, 22,7 млн. лошадей и 83 млн. га посева. Аппарат Госстраха соприкасается с каждым крестьянским двором. Свыше 250 млн. руб. убытков выплачено крестьянству за последние пять лет (1923/24—1927/28) по одному окладному страхованию. Около одного миллиарда рублей намечено к выплате крестьянству в течение пятилетки 1928/29—1932/33 гг.

Такой размер операций ставит ряд политических вопросов: с каких групп крестьянства взять сотни миллионов рублей, и какие группы крестьянства, и в какой степени за счет этих миллионов рублей обеспечить от убытков, причиняемых стихийными бедствиями.

Эти вопросы требуют особого исследования, попыткою которого и является настоящая статья.

Решить основной политический вопрос о перераспределении значительных страховых сумм внутри отдельных экономических групп крестьянства приходится при наличии следующих двух моментов:

1) Директива правительства о самоокупаемости сельского страхования и установка Главного Правления на расширение обязательности, т.-е. на повышение норм по окладному страхованию приведут к постепенному повышению общей суммы страховых платежей деревни.

2) Удельный вес страховых платежей крестьянства в общей сумме его обязательных платежей весьма велик. Отношение сбора по окладу к сумме сельхозналога, постепенно возрастая, составило в 1924/25 г.—10,9%, в 1925/26 г.—24,6%, в 1926/27 г.—26,5%, а в 1927/28 г. сумма, поступивших на 1 августа по окладному страхованию, платежей составила 35% (109 млн. руб.: 310 млн. руб). В последний год пятилетки страховые платежи по обязательному окладному сельскому страхованию достигает цифры, превышающей 300 млн. руб.

Но рост платежей упирается в платежеспособность основной середняцкой массы крестьянства и ее маломощной части — в особенности (беднота частично и полностью освобождена от платежей в количестве 26—28% хозяйств).

Может создаться положение, при котором Госстрах, оставаясь на почве единого тарифа, не сможет осуществить поставленных перед ним задач накопления запасных капиталов, повышения норм обеспечения и введения дополнительной ответственности по отдельным видам страхования (наводнения, ливни, бури и землетрясения — по строениям; вымочки и выморозки, страхование от неурожая — по посевам).

Единый тариф изживает себя и становится непреодолимым препятствием на пути укрепления окладного сельского страхования. Нынешняя тарифная система Госстраха представляется нам еще более неприемлемою с классовой точки зрения.

И политические и чисто страховые проблемы не могут быть правильно решены на основе единого для 70—75% платящих хозяйств сельского тарифа, для которого „несть ни маломощное хозяйство, ни середняцкое, ни зажиточное и кулацкое".

На ряду с отдельными элементами классовости в построении государственного страхования на селе, в последнем имеется основное и ничем не компенсируемое извращение классовой линии партии: это извращение заключается в обратной (по сравнению с с.-х. налогом) прогрессии изъятия страховыми платежами доходности отдельных социальных групп крестьянства.

Предметом спора внутри аппарата Госстраха, и вообще между согласными и несогласными с нынешней тарифной политикой Госстраха на селе является не только наличие этого извращения и его оценки, но и та степень (количественная и качественная) классовости, которая содержится в нынешней системе построения тарифов и норм обеспечения сельского страхования.

Этот спор о степени уже осуществленной классовости имеет серьезное значение: если бы было доказано, что уже сейчас тяжесть страховых платежей в достаточной мере перекладывается с экономически слабых районов и групп крестьянских хозяйств на экономически сильные районы и экономически мощные хозяйства, то отпало бы обвинение в извращении классовой линии и потерял бы свою остроту вопрос о необходимости коренной ломки тарифной системы сельского страхования.

Вот как гласит официальное издание „Пять лет государственного страхования" о классовом принципе, якобы уже осуществленном.

„Классовый принцип находит наиболее яркое выражение в тарифе окладного страхования сельских строений, по которому применяется одна ставка и к каменному дому с железным покрытием, и к соломой крытой избе. Правда, унифицированные ставки для строений всех материалов в сельском окладном страховании применяли и земства (*А. Б.*) но они на ряду с этим нередко(?) вводили в сельские тарифы разного рода подразделения селений по степени их

опасности (в зависимости от величины селений, характера их, горимости и пр.), с назначением различных ставок, для строения каждого подразделения. Госстрахом же в сельский тариф внесено только одно подразделение — на районы, с назначением ставок в соответствии с пожарной опасностью их (от 40 до 140 к. со 100 руб. страховой суммы).

В тарифах окладного страхования сел.-хоз. животных ныне не делается различия в ставках ни по возрастам, ни по числу сел.-хоз. животных в хозяйстве, хотя смертность лошадей в маломощных однолошадных хозяйствах гораздо выше, чем в хозяйствах многолошадных, при чем и животные старших (более опасных) возрастов также чаще встречаются в хозяйствах маломощных крестьян".

Поистине наивны и непритязательны в вопросах политических авторы сих простых и „мудрых" строк, до возмущения „наивны".

Необходимо обратить особое внимание неискушенного в „страховой мудрости" читателя, что система тарифных ставок государственного сельского страхования в основных своих чертах (построение норм, тарифные пояса), заимствована у земской страховой теории и практики.

Так называемые „страховые принципы" (целиком перенесенные к нам из дореволюционного прошлого), которые до последнего времени (1—1,5 г. тому назад) считались незыблемыми и защищались с упорством, достойным лучшего применения в советском государстве,— de facto (хотя и в изуродованном виде) лежат в основе окладного плана не только текущего, но и будущего 1929/30 г., т.-е. второго года пятилетнего плана социалистической реконструкции народного хозяйства.

Изуродованы эти, милые сердцу целого поколения работников „страховые принципы" под напором нападок и критики, приведших однако пока-что только к гнилому компромиссу. На этих „страховых принципах" акционерного и земского толка воспитывалась наша учащаяся молодежь страховых отделений некоторых техникумов и вузов. Эти „страховые принципы" раз'яснялись и вкоренялись в сознание целых тысяч (аппарат Госстраха насчитывает свыше 10 тысяч работников) советских страховиков через посредство большой и дорого стоящей „Библиотеки страхового работника" и ежемесячного „толстого" журнала „Вестник государственного страхования". На страницах этого официального органа всесоюзного советского учреждения нашла себе, в 1926 г. за 6—7 лет его существования, место одна, задушенная молчанием, статья беспартийного проф. Свирщевского, поднявшего вопрос о необходимости привести тарифные ставки по сельскому страхованию хотя бы в некоторое соответствие с мощностью отдельных групп крестьянских хозяйств.

Святая святых этих так называемых „страховых принципов" заключается в том, что тарифные ставки устанавливаются

по каждому виду страхования для целых административных единиц в зависимости от убыточности данного вида страхования на данной территории.

„Удар", нанесенный этим „страховым принципам" при построении окладного плана на 1929/30 г., свелся к тому, что были учтены не только данные об убыточности, но и данные об экономической мощности отдельных районов. Хотя, если верить упомянутой выше книге „Пять лет государственного страхования", то уже давно, уже несколько лет имел место „учет экономической мощности населения". Так и озаглавлено соответствующее место этой книги, а именно:

„Окладные тарифы Госстраха установлены по районам горимости с учетом экономической мощности населения этих районов, при чем для районов с наибольшей пожарной опасностью ставка определена в 140 коп. со 100 руб. Между тем губернии, входящие в состав этого района, имели горимость чрезвычайно высокую: так, горимость сельских строений Пензенской губернии за 25 лет составляет 337 коп. со 100 руб., Орловской — 182, Самарской — 197, Тамбовской — 242, Рязанской — 221. Таким образом, здесь (в наиболее опасном 5 районе) тариф установлен для некоторых губерний в размере ниже нетто (т.-е. действительной убыточности) — в виду малой мощности населения этих губерний".— Какие жалостливые! Даже и кулаков орловских и пензенских, самарских и тамбовских пожалели!

Прежде чем 1) дать критику построенного на этом гнилом компромиссе окладного плана на 1929/30 г., 2) доказать извращение классовой линии и 3) начертать положительную программу, имеющую общей целью выпрямление этой линии в сельском страховании — необходимо кратко описать ныне существующие страховые нормы ответственности или обеспечения и тарифы в сельском страховании.

а) Нормы страхового обеспечения. Эволюция среднего размера норм страхового обеспечения по сельскому окладному страхованию по СССР представляется в следующем виде:

Годы:	Нормы страхования в рублях			
	Огневое (на 1 двор)	Посевов (на 1 га)	Рог. скота (на 1 гол.)	Лошадей (на 1 гол.)
1923/24	94,0	10,5	17,0	26,1
1926/27	183,0	16,0	20,1	32,4
1928/29	302,0	18,5	24,2	39,6

Незначительная высота норм обеспечения определялась, помимо соображений страхового свойства, основным и решающим обстоя-

тельством: невозможностью значительного обременения крестьянства страховыми платежами. Среднее обеспечение к средней стоимости составляет в 1928/29 г. по строениям — 43%, по посевам — 45,6% по крупному рогатому скоту — 37,4%, по лошадям — 27,3%.

Система обеспечения строений от огня построена Госстрахом с 1928/29 г. на принципиально новых, по сравнению с земской и собственной практикой, основах, а именно, введены, так называемые, долевые нормы, т.-е. долевое обеспечение, определяемое в процентах от оценочной стоимости строений. Минимальное обеспечение в текущем 1928/29 г. было определено в размере 40% этой оценочной стоимости. По малоценным постройкам, принадлежащим преимущественно бедняцкой части крестьянства, обеспечение достигало 70—80, а в отдельных случаях 90 и выше процентов. Так, например, по данным выборочного обследования за 1925/26 г., когда средняя норма обеспечения на двор составляла 157 руб. и была значительно ниже существующей в 1928/29 г. средней нормы (в 302 руб. на двор), мы имели значительное число дворов, обеспеченных выше 40% их стоимости.

Приводим таблицу, показывающую относительное обеспечение государственным сельским страхованием групп дворов различной стоимости:

Группы дворов	РСФСР		УССР		БССР	
	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения	% отношения к общему числу	% обеспечения
1. Стоим. до 150 р. . .	11,1	80,0	7,4	71,9	7,0	60,6
2. От 151 р. до 300 р. .	17,2	55,0	19,9	61,6	11,3	43,7
3. „ 301 „ „ 600 „ .	29,2	36,7	34,8	42,2	24,3	33,0
4. „ 601 „ „ 1000 „ .	22,6	26,5	22,6	30,9	29,2	25,2
5. „ 1001 „ „ 3000 „ .	19,0	18,1	14,0	21,5	27,5	19,2
6. Свыше 3000 р. . .	0,9	10,0	1,2	10,9	0,3	8,7
Итого . . .	100	26,2	100	31,1	100	23,9

По окладному плану на 1929/30 г. намечается дальнейшее углубление системы долевых норм и классовая диференциация этих норм. Критика этой диференциации будет дана в главе 2.

Нормы страхового обеспечения строений предполагается установить в зависимости от общей страховой оценки дворов с общей страховой оценкой:

До 300 р.	в размере	80%	от оценки каждого строен., но не менее	150 р. на весь двор
От 301 р. до 600 р.	„	70%	„	240 р. „ „
„ 601 „ „ 1000 р.	„	60%	„	420 р. „ „
„ 1001 р. и выше	„	50%	„	600 р. „ „

В тех случаях, когда в дворах общей стоимостью до 150 руб. применение долевой нормы в 80% могло бы понизить действовавшие в 1928/29 г. построечные нормы, остаются в силе последние при условии, чтобы они не превышали страховой оценки.

По остальным 3 видам страхования намечается в проекте окладного плана на 1929/30 г., примерно, следующее повышение норм обеспечения: по рогатому скоту и лошадям около 5%, а по посевам около 18—20%.

Таким образом, в 1929/30 г. среднее обеспечение по СССР к средней стоимости составит:

По строениям — около 60% с колебаниями от 50 до 100% по группам дворов различной стоимости
По посевам — около 52%
„ рог. скоту — около 40%
„ лошадям — около 29%

Как видно из приведенных цифр, весьма недостаточными с точки зрения обеспеченности крестьянского хозяйства являются нормы обеспечения по лошадям и рогатому скоту.

б) Тарифы по окладному страхованию. Тарифные ставки или, так называемые, брутто-тарифы, исчисляемые в процентах со страхового обеспечения, строились из следующих элементов: — 1) предполагаемое страховое вознаграждение, 2) нагрузка на административно-хозяйственные расходы, 3) нагрузка на расходы по сбору оклада, 4) нагрузка на создание льготного фонда (для полного или частичного освобождения от платежей бедняцких хозяйств), — которые составляли общую сумму страховых платежей по каждому виду страхования.

Тарифные ставки по окладному сельскому страхованию на 1929/30 г. построены с учетом отсутствовавшего в прошлые годы, но весьма необходимого 5 элемента, а именно нагрузка для накопления запасного капитала.

Одновременно предполагается также увеличить и размеры льготного фонда, составляющего в текущем году 12% по окладу и 3% по недоимкам, итого 15%. Это увеличение намечено до 17%. Основной элемент при построении тарифных ставок, а именно, убыточность сельского страхования, со своей стороны, также дает повышение.

В результате всего этого намечается общее совершенно неизбежное повышение тарифных ставок по рогатому скоту, лошадям и посевам. Тарифы по огневому страхованию остаются неизменными.

В нижеследующей таблице сопоставляем намеченные на 1929/30 г. средние тарифы по каждому виду страхования и колебания их по тарифным поясам, с соответствующими данными за текущий 1928/29 г. (См. таб. на стр. 160.)

По новому виду страхования посевов, а именно по страхованию от вымочек и выморозков, охватившему в текущем году 42 административных единицы, тарифные ставки на 1929/30 г. намечаются следующие: средняя ставка — 3,4 и колебания по трем тарифным поясам от 2,50 до 4,00 со ста. В 1928/29 г. средняя ставка составляла 2,04 при колебаниях от 1,60 до 2,50.

	1928/29 г.	1929/30 г.
	В рублях со 100 руб. страх. суммы	
Огневое страхование		
Средний тариф	0,72	0,72
Колебания по 4 тарифным поясам	0,40—1,10	0,40—1,10
Страхование рогатого скота		
Средний тариф	3,69	4,18
Колебания по 3 тарифным поясам	3,00—4,10	3,5—4,5
По лошадям		
Средний тариф	5,51	6,50
Колебания по 3 тарифным поясам	5,00—6,00	5,8—6,8
По посевам		
Средний тариф	1,45	1,48
Колебания по 5 тарифным поясам	0,70—2,20	1,00—2,50

При сопоставлении тарифов по страхованию от градобития, с одной стороны, и по страхованию от вымочек и выморозков — с другой, ярко бросается в глаза то огромное повышение тарифных ставок, а, следовательно, и страховых платежей, которые возникают в результате расширения ответственности Госстраха по сел.-хоз. культурам. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть в связи с проектируемым страхованием от неурожая.

2. Критика окладного плана на 1929/30 г.

В целях дальнейшего укрепления окладного страхования и накопления запасных капиталов предполагается уже в 1929/30 г. сделать весьма значительные шаги вперед в смысле: 1) роста страхового обеспечения по всем видам страхования, 2) повышения тарифов, а следовательно, и 3) повышения общей суммы страховых платежей крестьянства.

В 1928/29 г. к поступлению (за вычетом льгот) причиталось 154.415 тыс. руб.

В 1929/30 г. намечается получить (также за вычетом льготного фонда) 204.717 тыс. руб.

Таким образом, дополнительная сумма платежей в 1929/30 г. составит свыше 50 млн. руб., что даст прирост по сравнению с 1928/29 г. около 32,5%.

Приведенные цифры говорят о весьма значительном росте страховых платежей на подавляющей части территории СССР.

В связи с значительным ростом страховых платежей возникал вопрос не только о правильном (с классовой точки зрения) распределении тяжести страховых платежей, но и об их посильности для низших групп платящих хозяйств.

Еще в ноябре 1928 г. перед Главным Правлением ставился вопрос о необходимости радикально изменить принципы построения тарифов по окладному сельскому страхованию с тем, чтобы более правильно, с классовой точки зрения, распределить тяжесть страховых платежей между отдельными группами крестьянства.

Выдвигалось предложение ввести диференцированно-прогрессивный, в зависимости от мощности хозяйства, т.-е. классовый тариф по обязательному страхованию. Это предложение было отвергнуто.

Учитывая, однако, что тарифное районирование, построенное на основе страховых данных, находится в противоречии с экономической мощностью отдельных районов, Главное Правление приняло следующее постановление: (прот. № 276 от 8/II—1929 г.).

„Построить проект тарифного районирования на следующих основаниях:

1) Исходным показателем для отнесения той или иной местности в той или иной тарифный пояс являются страховые данные (основа остается незыблемою! *А. Б.*);

2) критерием экономической мощности данной административной единицы является относительная высота налоговых платежей (процент из'ятия дохода налоговыми платежами) с корректировкой на абсолютные размеры облагаемого дохода;

3) основанием для перевода данной административной единицы в высший или низший пояс, в зависимости от экономической мощности, является высота тарифной ставки с учетом абсолютных размеров и относительной тяжести страховых платежей административной единицы".

Этим постановлением был введен в практику построения окладных планов новый принцип (вернее углублен старый) критерий экономической мощности данной административной единицы.

Так называемые страховые принципы (т.-е. отнесение той или иной территории к определенному тарифному поясу, в зависимости от убыточности) были признаны недостаточными. „Чистые страховки" были частично сбиты со своих позиций.

Рассмотрение окладного плана показывает, что тарифное районирование в отдельных своих частях не выдерживает критики даже с точки зрения того сугубого компромисса, который выразился в цитированном выше постановлении. Даже при ближайшем ознакомлении с распределением отдельных губерний и округов по тарифным поясам (по различным видам страхований) нельзя

установить точных цифровых показателей, которыми руководствовались авторы плана для отнесения той или иной административной единицы к тому или иному тарифному поясу. Неизвестно, какое расхождение между убыточностью двух административных единиц считалось достаточным для того, чтобы при одинаковой мощности отнести их к различным поясам; точно так же неизвестно, какое расхождение между экономической мощностью двух административных единиц при одинаковой убыточности по данному виду страхования, считалось достаточным поводом для отнесения их в различные пояса.

Пестрота в тарифном районировании имеется весьма значительная. Особые недоумения вызывают такие случаи, когда административные единицы с меньшей, равной или незначительно большей убыточностью, но с меньшей экономической мощностью отнесены в высшие тарифные пояса по отдельным видам страхования. Для иллюстрации этого, совершенно непонятного положения, которое получилось в результате тарифного районирования по окладному плану на 1929/30 г., приводим следующие сопоставления:

Сопоставление горимости с размерами налога и дохода
(сопоставляются округа и губернии попарно)

Тарифные пояса на 1929/30 г.	Наименование округов	Горимость	Налог на едока	Доход на едока
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Свердловский	0,12	2,50	36.9
I	Донской	0,10	8,03	67,7
II	Донецкий	0,11	4,54	51,6
I	Днепропетровский	0,13	5,58	61,1
II	Молдавская АССР	0,13	2.64	47,3
II	Рубцовский	0,28	4,86	49,1
III	Вятский	0,30	2,50	46,5
III	Ишимский	0,49	4,91	56,4
IV	Тульская	0,50	2,93	50,2
III	Курганский	0,52	5,97	61,9
IV	Самарская	0,50	3,18	45,3

Из этой таблицы видно, что во II поясе имеется ряд округов с меньшей, одинаковой или почти одинаковой убыточностью и с меньшей мощностью, выражаемой как в размерах дохода, так и в размерах налога на едока. Точно такое же положение создается при сопоставлении отдельных округов II и III поясов, а также III и IV поясов. Так, например, Свердловский округ с горимостью 0,12 отнесен ко II, т.-е. более высокому, более дорогому поясу, между тем как Днепропетровский округ с большей горимостью — 0,13, с налогом на едока тоже большим — 5 р. 58 к., доходом на едока тоже большим — 61 руб. 10 к. — находится в первом поясе.

Непонятным является оставление во II поясе Малдавской АССР, при одинаковой с Днепропетровским округом (находящимся в I поясе) горимости 0,13 и при меньшей мощности — налогом на едока 2 руб. 64 к. и доходом 47 руб. 30 к.; мощность Днепропетровского округа: 5 руб. 58 к. налога на едока и 61 руб. 10 к. дохода на едока.

Тарифное районирование по крупному рогатому скоту также в отдельных случаях страдает указанными выше дефектами:

За сколько лет имеются данные об убыточности	Наименование округов или губерний	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	Наименование округа	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока
	I тарифный пояс				II тарифный пояс			
5	Ленинградская	2,13	3.26	45.0	Тулуновский	2,27	3,38	38,6
4	Д.В.О.	2,25	4,38	49,0	Актюбинский	2,32	3,80	35,7
	II тарифный пояс				III тарифный пояс			
4	Таганрогский	2,61	6,82	71,8	Луганский	2,60	4,96	57,2
4	Челябинский	2,74	6,89	64,1	Херсонский	2,60	5,11	59,1
5	Сумский	2,94	3,25	49,2	Молдавский	2,83	2,64	47,3
4	Кубанский	3,05	10.26	74,5	Барабинский	3,06	3,93	43,2
4	Троицкий	3,23	5,71	52,4	Калмыцкая	3,28	—	26,7
5	Ишимский	3,47	4,91	56,4	Марийская	3,32	1,76	39,6

Из таблицы видно, что Таганрогский округ, сопоставляемый с Луганским, показывает отсутствие каких бы то ни было оснований к оставлению его во II поясе: при убыточности 2,61 (Луганский—2,60), при среднем налоге на едока 6,82 (Луганский — 4,96) и при среднем доходе 71,8 (Луганский — 57,2) этот Таганрогский округ почему-то оставлен во II поясе, между тем как Луганский отнесен к III тарифному поясу.

Сопоставление Ишимского округа с Марийской областью дает то же самое несоответствие по всем линиям, а именно, Марийская область с меньшей убыточностью — 3,32 (Ишимский окр. — 3,47), со

значительно меньшим налогом на едока — 1,76 (Ишимский — 4,91), значительно меньшим доходом на едока — 39,6 (Ишимский — 56,4) отнесена к III поясу, между тем, как Ишимский округ оставлен во II поясе. При этом необходимо отметить, что данные об убыточности имеются по обеим этим территориям за один и тот же период, а именно за четыре года. Тарифное районирование по лошадям тоже не лишено ряда ошибок как со страховой, так и с экономической точки зрения.

Переходя к тарифному районированию страхования сел.-хоз. культур от града необходимо предварительно, до сопоставления между собой отдельных территориальных единиц, остановиться на следующем моменте: при тарифном районировании авторы окладного плана исходили не из данных об убыточности страхования посевов, а из соображений метеорологического характера и теоретической градоопасности той или иной территории.

Не входя в критику того, в какой мере теоретические предположения о градоопасности действительно оправдаются на деле и за какой промежуток времени это оправдание будет иметь место, мы считаем подход по существу совершенно неправильным. Истекшее пятилетие совершенно достаточно для того, чтобы, на основе данных фактической убыточности и, следовательно, в действительном соответствии страхового вознаграждения со страховыми платежами данного округа или губернии, установить по окладному плану на 1929/30 г. „справедливый", даже со страховой точки зрения, тариф.

Мы никак не можем согласиться с тем, чтобы маломощный район, давший невысокую убыточность за пятилетний период, должен был бы платить в шестой год существования страхования сельскохозяйственных посевов высокую ставку только потому, что в более или менее отдаленном будущем он даст более высокие убытки.

Сопоставление убыточности страхового рубля по страхованию посевов с размерами налога и дохода на едока по некоторым административно-территориальным единицам

Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока	Наименование округов	Данные за количество лет	Убыточн.	Доход на едока	Налог на едока
Тарифы II пояс:					Тарифы III пояс:				
Сталинский ..	5	0,20	75,5	8,64	Киренский ...	1	0,15	31,4	1,88
Шадринский..	5	0,21	52,1	3,92	—	—	—	—	—
Мариупольск.	5	0.22	72,8	7.93	—	—	—	—	—
Башкирская .	5	0,40	40,9	2.45	Барабинский .	5	0,31	13,2	3,93
Луганский ...	5	0,40	57,2	4 96	Черноморский.	5	0.33	12,1	3,36
Херсонский ..	5	0.45	59,1	5,11	Молдав. АССР.	—	0.47	17,3	2,64
Мелитопольск	5	0,47	63,4	6,10	Коми-Пермяц.	—	0,49	36,7	1,73

Уже упомянутая выше Молдавская АССР и по страхованию посевов отнесена в более высокий, III пояс при одинаковой убыточности с Мелитопольским округом, но при меньшем налоге и меньшем доходе на едока:

	Убыточность	Налог на едока	Доход на едока	
Мелитопольский округ	0,47	6,10	63,4	II пояс
Молдавская АССР	0,47	3,64	47,3	III „

Приведенные выше сопоставления, обнаруживающие случаи совершенно непонятного тарифного районирования, иллюстрируют, повидимому, общие органические дефекты окладного плана на 1929/30 г. в том виде, в каком он утвержден Наркомфином СССР.

Дававшаяся здесь критика тарифного районирования, с точки зрения страховых данных, не должна ни в коем случае быть понята, как признание нами какого бы то ни было смысла по существу за так называемыми страховыми данными и „страховыми принципами". Само собой разумеется, что только некритическое подражание земской практике и механическое восприятие и перенесение в совершенно иную политическую и хозяйственную обстановку методов земского страхования является причиной того, что в течение истекших 5—6 лет окладного сельского страхования тарифное районирование проводилось на основе убыточных данных по губерниям.

С точки зрения подавляющей массы страхователей (страдает от стихийных бедствий ежегодно в среднем 1% хозяйств по огню, до 5—6% хозяйств по животным и до 11,5%—по посевам) высота тарифной ставки и определяемый ею страховой платеж ни в коей мере не может и не должен быть оправдан тем фактом, что в той губернии, где страхователи живут, больше сгорело дворов, больше пало голов рогатого скота и лошадей, больше гектаров посевов побито градом, чем в другой близлежащей или отдаленной губернии.

Только с точки зрения географической, с точки зрения административного деления, только с точки зрения губернских земских страховых касс можно дойти до того, чтобы, совершенно не учитывая или даже в полном противоречии с экономической мощностью и платежеспособностью основной массы страхователей класть погубернские данные об убыточности в основу при тарифном районировании и установлении той или иной тарифной ставки.

Установление поясных тарифных ставок (тарифный район охватывает несколько губерний) только смягчает этот „погубернский принцип", но не отвергает его.

Таким образом, окладной план сельского страхования на 1929/30 г., страдая свойственными всем истекшим планам основными дефектами, не выдерживает критики в отдельных своих частях даже и с точки

зрения, как страховых данных, так и того компромисса (учет данных об экономической мощности), который был принят при его составлении.

Особо мы должны отметить то обстоятельство, что диференциация долевых норм построения вызывает ряд сомнений с точки зрения тяжести страховых платежей для маломощных платящих крестьянских хозяйств.

Наибольшее и весьма значительное повышение размера начисленного оклада по огневому страхованию падает на группы дворов стоимостью от 301 до 600 руб.—плюс 41,3% и на группу дворов стоимостью от 601 до 1.000 руб. +52,1%.

Если принять условно: 1) что соотношение отдельных групп дворов по стоимости строений сохранится в 1929/30 г. в том же виде, в каком оно было выведено по выборочному обследованию за 1926/27 г.; 2) что дворы с малой стоимостью строений принадлежат маломощным хозяйствам и 3) что количество маломощных хозяйств, могущих быть освобожденными от платежей в порядке использования льготного фонда на 1929/30 г. выразится не больше 30—35%, то окажется, что наиболее сильное повышение платежей по огню падает почти на 30% хозяйств со стоимостью от 601 до 1.000 руб.

Таким образом, больше 55% всех хозяйств (при верности наших условных допущений), т.-е. основная масса середняцких хозяйств будет переобложена платежами по страхованию строений от огня, между тем как хозяйства с дворами высших групп по стоимости дают повышение платежей значительно меньшее. Группа дворов со стоимостью от 1.000 руб. до 3.000 руб. и следующая за ней группа стоимостью выше 3.000 руб. дает повышение платежей — плюс 26,7% и +26,8%.

Совершенно ясно, что такое положение, при котором на основную массу середняцких хозяйств возлагается весьма значительное бремя страховых платежей по огневому страхованию, при меньшем, относительно, обременении платежами по этому страхованию высших групп крестьянских хозяйств, неприемлемо.

В среднем за год из 100 дворов страдает от пожара 1 двор. Ради повышенного обеспечения по огневому страхованию одного середняцкого двора нельзя переобременять платежами по этому виду страхования остальные 99 середняцких дворов. Высота норм обеспечения строений не может в данном случае служить оправданием переобременения платежами середняцких хозяйств.

3. Извращение классовой линии

Основным дефектом тарифной политики Госстраха является несоответствие тарифных ставок экономической мощности страхователей.

Ставки диференцируются по поясам, в зависимости от степени убыточности данного вида страхования. Но в пределах одного и того же тарифного пояса, за исключением хозяйств — около 25%,— освобождаемых вовсе или частично от платежей по окладному страхованию, все остальные, т.-е. примерно, 75% хозяйств платят одинаковое количество копеек с каждой сотни страхового обеспечения.

В результате отсутствия классовой диференциации тарифа тяжесть крестьянских страховых платежей распределяется неравномерно и в обратной пропорции к доходности отдельных хозяйств — следствием чего является переобложение маломощных и средних и недообложение зажиточных и кулацких хозяйств.

Данные специально произведенного по РСФСР выборочного обследования абсолютных и относительных размеров платежей 67.000 хозяйств по сел.-хоз. налогу и сельскому страхованию подтверждают это положение. Цифры, характеризующие процент изъятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом и страхплатежами — таковы: здесь даны группы с пропуском через одну — во избежание перегрузки статьи (цифровыми данными).

То повышение платежей зажиточных хозяйств по огневому страхованию, которое получилось в связи с введением в 1928/29 г. долевых норм обеспечения строений в размере не ниже 40%, изменило несколько к лучшему это уродливое положение, однако извращение классовой линии было и остается!

Но помимо того, что извращение это неприемлемо само по себе, оно мешает как мы указывали в самом начале укреплению сельского окладного страхования.

Платежные ресурсы маломощных и низших середняцких хозяйств не позволяют дальнейшего значительного их обременения страховыми платежами. В виду этого — сохранение единого тарифа, (не диференцированного по мощности страхователей) становится, с одной стороны, препятствием на пути повышения норм страхового обеспечения и введения универсального страхования посевов от неурожая (от всех бедствий, а не только от градобития, вымочек и выморозков), а с другой, замедляет необходимый темп накопления запасных капиталов, которое требует общего повышения тарифов.

Таким образом, единый тариф приводит к следующим трем отрицательным моментам:

1. Извращается классовая линия партии в деревне.

2. Создается угроза невыполнения директивы о безубыточности сельского страхования.

3. Замедляется повышение норм обеспечения, безусловно необходимое в целях создания большей устойчивости хозяйств основной массы крестьянства.

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о роли сельского страхования в коллективизации сельского хозяйства — как особый вопрос.

В связи со всем вышеизложенным и выдвигается предложение — ввести классовый тариф.

Различные проекты и постановления в этом духе выносились и принимались два с лишним года тому назад, в связи с проведенным РКИ обследованием платежей крестьянства, в том числе и страховых.

Коллегия НКРКИ СССР в своем заседании от 24 августа 1927 г. постановила: „признать необходимым при построении тарифов на 1927/28 г. исходить из необходимости диференциации тяжести платежей по страхованию по классовому принципу, стремясь к некоторому переложению их на зажиточные слои крестьянства".

Это постановление, завершившее собой целый ряд проектов областных РКИ, тов. Милютина (НКФ РСФСР) и других, не было проведено в жизнь.

Обстановка за эти годы изменилась. Мы проделали путь от XIV к XV с'езду партии и XVI всесоюзной партконференции. Последние решения партии дают основание вновь поставить „старый" вопрос о выпрямлении классовой линии Госстраха на селе. Это во-первых.

С особенной остротой выдвигается вопрос о диференциации тарифа в связи с тем, что царившее два года тому назад благодушное отношение к делу накопления запасных капиталов сменилось законной тревогой и решением, значительно запоздавшим, форсировать накопление средств на „черный день". Это — во-вторых.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(итоги выборочного обследования 67.000 хозяйств РСФСР)

Группы по обеспеченности хозяйств скотом \ Группы по размерам посева на хозяйство	I. без посева	III. с посевом от 1 до 2 дес.	V. от 4 до 6 дес.	VII. от 8 до 10 дес.	IX. свыше 15 дес.
Без скота					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	5,12	4,11	6,13	8,46	16,23
То же страховыми платежами	1,17	1,42	1,48	1,33	0,79
С 2 головами					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	4,82	5,52	6,17	8,58	15,53
То же страховыми платежами	2,18	2,17	1,90	1,55	1,26
С 4 головами					
% из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом.	6.54	5,76	7,60	9,90	17,00
То же страховыми платежами	2,97	3,02	2,45	1,91	1,32

Приведенные цифры показывают, что классовая прогрессия из'ятия облагаемого дохода сел.-хоз. налогом извращается обратной прогрессией из'ятия этого дохода страховыми платежами.

Более ярко это извращение классовой линии обнаружено при группировке обследованных хозяйств по размерам облагаемого дохода на хозяйство. Такая группировка проделана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии и в результате получен следующий ряд относительных цифр, которые мы также даем с пропуском через одну группу.

Сельхозналог и страховые платежи 1927/28 г.

(Группы по размерам дохода на хозяйство)

Группы по размерам дохода на хозяйство		Выше необлаг. минимума до 100 р.	Свыше 150 до 200 р.	Свыше 250 до 300 р	Свыше 400 до 500 р.	Свыше 600 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме налога		100,21	88,01	67,48	37,83	7,24
% из'ятия от облагаемого дохода	Сел.-хоз. налога	4,42	3,09	3.70	5,36	13,77
	Страх. платежей	4,42	2,73	2,50	2,06	0,99
	Сел.-хоз. нал. + страх. платеж.	8.84	5,82	6,20	7,42	14,76

Чрезвычайно резко бросается в глаза обратная прогрессия из'ятия доходности при сопоставлении платежей хозяйств, сгруппированных по доходности на едока. Нижеследующая таблица дана по 5.212 хозяйствам Тамбовской губернии:

Группы по доходу на едока		До 20 р.	Свыше 40 до 60 р.	Свыше 80 до 100 р.	Свыше 150 р.
Процентное отношение страховых платежей к сумме сел.-хоз. налога		120,00	59,42	17,63	1,95
% из'ятия от облагаемого дохода	Сел.-хоз. налога	1,98	4,28	11,13	20,89
	Страховых платежей	2,36	2,54	1,96	0,40
	Сел.-хоз. налога + страхового платежа .	4,24	6,82	13,07	21,29

Если из'ятие доходности по сел.-хоз. налогу возрастает относительно в 10 с лишним раз от низшей к высшей группе, то после „корректива" со стороны страховых платежей этот рост из'ятия доходности ломается, снижаясь до 5-кратного отношения. Прогрессия, классовая прогрессия сел.-хоз. налога рвется пополам, т.-е. сокращается вдвое по „другой линии". Специальное обследование, проведенное аппаратом Закгосстраха в 1929 г., пришло к тому же выводу, что: „в то время как процент из'ятия по сельхозналогу

тем выше, чем выше доход хозяйства — процент изъятия по окладным страховым платежам наоборот тем выше, чем меньше доход хозяйства".

Нам представляется бесспорным, что при более экономически-совершенном методе определения размеров доходности обследуемых крестьянских хозяйств, извращение нынешней тарифной системой Госстраха классовой линии партии в деревне представилось бы в еще более уродливой форме.

Госстрах сделал вполне правильный поворот на 180 градусов в вопросе о добровольности или обязательности страхования на селе: ныне взят твердый курс на расширение обязательности сельского страхования, т.-е. на повышение норм обеспечения, а, следовательно, на повышение обязательных страховых платежей крестьянства. Это — в третьих.

Таковы три новых основания для того, чтобы проекты, отклоненные в 1926 г., были приняты в 1929 г. и осуществлены в 1929/30 г., таковы три основания для пересмотра тарифной политики Госстраха и для диференциации единого тарифа.

К сведению „любителей земской старины" приводим следующий, почти скандальный для них факт: ярославское земство еще в „доброе старое время" установило диференцированный тариф по добровольному страхованию строений: чем ценность постройки была выше, тем выше была ставка — в копейках со ста рублей. Вот таблица ставок ярославского земства:

За постройки (материал стен и крыш)	Группы по величине страховой суммы			
	До 501 р.	От 501 р. до 1000 р.	От 1000 р. до 3000 р.	Свыше 3000 р.
	копеек со 100 рублей риска			
Смешан., крытые: прочно	60	70	90	120
„ „ деревом	85	110	130	160
„ „ соломой	125	150	200	225
Деревян., крытые: прочно	75	100	125	150
„ „ деревом	100	125	150	175
„ „ соломой	125	150	200	225

Такая же, примерно, прогрессивная диференциация ставок, в зависимости от роста страховой суммы, наблюдается в практике ряда заграничных страховых организаций при добровольном страховании животных. Конечно, ни ярославское земство, ни заграничные страховые общества не преследовали и не преследуют целей „усиленного социалистического наступления на кулака".

Однако,... тем более странно, что последователи „страховых принципов" не использовали их для углубления классовости в сельском страховании.

Совсем недавно группа работников НКРКИ УССР, в результате специального обследования Укргосстраха пришла к следующему выводу: „на основании сказанного, следует прийти к выводу о необходимости коренного изменения принципиальных основ тарифной политики госстраха путем внесения в методы построения тарифов существенных коррективов, которые бы позволили во-первых, сделать безубыточным сельское страхование, во-вторых, увеличили бы нормы страхового обеспечения и, в-третьих, в полной мере отразили бы классовый принцип и в наибольшей степени обеспечили бы сельское хозяйство от стихийных бедствий".

В этом же духе и было принято постановление СНК УССР. Однако, оно опротестовано НКФ УССР и подлежит вторичному рассмотрению.

Будущий 1929/30 г. и страховая пятилетка предусматривают значительное повышение страховых платежей, в связи с чем возникают два существенных вопроса:

1) могут ли маломощные и середняцкие хозяйства выдержать предстоящее повышение платежей?

2) сохраняя единый (т.-е. недиференцированный по мощности отдельных социальных групп крестьянства) тариф, не создадим ли мы для кулацких антисоветских выступлений широкой сочувствующей аудитории?

На первый вопрос необходимо ответить отрицательно — предстоящее повышение платежей может оказаться непосильным для значительных слоев маломощных крестьянских хозяйств. А на второй вопрос необходимо ответить положительно, ибо при сохранении единого тарифа кулак сумеет и безусловно использует факт общего недовольства повышением страховых платежей всех платящих хозяйств.

Если данная выше постановка вопросов и ответы на них правильны, то с совершенной неизбежностью вытекает необходимость, путем диференциации тарифных ставок по отдельным видам обязательного сельского страхования, в зависимости от мощности отдельных социальных групп крестьянства, — обеспечить реальные поступления намеченных окладным планом сумм и изолировать кулака по вопросам нашей политики в сельском страховании.

Особых технических затруднений классовая диференциация тарифов по сельскому страхованию не встретит и эта диференциация может вполне быть осуществлена даже с будущего 1929/30 г. Возникающие, в связи с вопросом о классовом тарифе, „радикальные предложения" (выдвигаемые с целью „напугать" сторонников классового тарифа), а именно — уничтожить страхование, как таковое, и установить целевую надбавку к сел.-хоз. налогу — грешат непониманием специ-

фически благожелательного восприятия крестьянством страховых платежей, в отличие от платежей по сел.-хоз. налогу.

По какому бы способу мы ни исчисляли сумму „страховки", которую данное хозяйство должно внести,—самый факт того, что эта сумма, уплаченная крестьянством, создает встречное обязательство Госстраха по отношению к данному хозяйству, в смысле обеспечения его от возможных убытков—сам этот факт проводит резкую черту между налогом и страхованием.

Тактически, с точки зрения настроений крестьянства, нет совершенно никакого смысла и было бы совершенно вредным удариться в другую крайность.

Что касается попытки разрешить вопрос об углублении классовости в сельском страховании путем увеличения размеров льготного фонда, то необходимо со всей силой подчеркнуть одно, повидимому, не вполне учитываемое обстоятельство, а именно: нагрузку страховых платежей для образования льготного фонда несут в одинаковой степени и кулаки, и крепкие середняки, и маломощные, т.-е. все платящие хозяйства.

Льгота бедноте, при отсутствии классовой диференциации тарифа, кладет резкую и социально-несправедливую черту между освобожденными и близкими к ним неосвобожденными хозяйствами.

Чем выше льготный фонд, тем тяжелее для маломощных платящих хозяйств нагрузка для его образования.

Таким образом, существующая в сельском страховании классовость (в форме предоставления льгот) оказывается не только недостаточной, но и внутренне противоречивой. Дальнейшее радикальное углубление классовости возможно не в порядке увеличения льготного фонда, а путем классовой диференциации тарифов по отдельным видам сельского страхования.

В заключение приведем ценнейший материал, разработанный Николаевской окружной конторой Госстраха (УССР).

Этот материал представляет диференцированный тариф во всей его конкретности, применительно к крестьянству Николаевского округа.

В основу взяты данные двадцатипроцентного выборочного обследования НКФина за 1928/29 г. с наложением на них страховых тарифов, существующих и проектируемых, (существующих—единых для всех хозяйств, и проектируемых—диференцированных по мощности отдельных групп крестьянских хозяйств).

Все хозяйства округа разбиты на семь групп: 1) бедняки, 2) маломощные А, 3) маломощные Б, 4) середняки, 5) зажиточные А, 6) зажиточные Б и 7) кулаки.

Применительно к этим группам дан расчет абсолютных и относительных размеров страховых платежей по нормам и тарифам, намеченным проектом окладного плана Госстраха УССР—с одной стороны, и, с другой—по диференцированным тарифам, запроектированным работниками конторы.

По предположениям этих работников: а) бедняки и маломощные хозяйства А—освобождены полностью от страховых платежей; б) маломощные Б уплачивают 50% нормальных (т.-е. исчисленных по единому тарифу) страховых платежей; в) середняки платят по существующим ставкам; г) недоплаты по А и Б перекладываются на зажиточные хозяйства А и Б и на кулаков.

Результаты этой классовой диференциации тарифов по сельскому страхованию (мы не разбираем здесь детально вопроса)—дающей тот же финансовый результат, который требуется окладным планом, представлены в следующих таблицах:

Группы хозяйств	Количество хозяйств	Удельный вес в %%	По нормальн. тарифам	
			Начислено в рублях	В среднем на 1 хозяйст. в рублях
Бедняки	18.734	22,09	62.765,76	3,35
Маломощные А	7.240	8,54	551.887,12	7,16
Маломощные Б	13.740	16,20	122.664,88	8,92
Середняки	27.053	31,90	384.993,96	14,23
Зажиточные А	12.180	14,36	258.873,06	21,25
Зажиточные Б	1.890	2,23	53.463,29	28,28
Кулаки	3.970	4,68	129.864,98	32,71
Итого...	84.807	100	1.064.513,05	12,55

По всем видам обязательного окладного страхования с диференциацией платежей по согруппам:

Группы хозяйств	По диференцированным ставкам		% снижения или нагрузки страховыми платежами в среднем на хозяйст.	Доходность одного хозяйства по данным с.-х. налога на 1928/29 г. в руб.	% отклонения от доходности середняцких хозяйств	% изъятия дохода	
	Начислено	В среднем на 1 хозяйство в рублях				До диференциации тарифов	После их диференциации
Бедняки	—	—	—100	55	—430	6,0	—
Маломощные А	—	—	—100	167	— 75	4,3	—
Маломощные Б	61.322,43	4,46	— 50	202	— 44	4,4	2,2
Середняки	384.993,96	14,23	+100	292	—100	4,8	4,8
Зажиточные А	336.270,27	27,60	+129	421	+ 54	5,0	6,55
Зажиточные Б	74.424,05	39,37	+139	550	+ 88	5,1	7,15
Кулаки	207.365,29	52,23	+159	700	+140	4,6	7,46
Итого...	1.064.386,00	12,55	—	257	—	4,9	4,9

К сожалению здесь нет сопоставления с прогрессией изъятия доходности отдельных групп хозяйств платежами по сел.-хоз. налогу, однако, и то перераспределение страховых платежей, которое дано в этих 2 таблицах дает значительное, возможно и достаточное (мы не беремся здесь обсуждать этот последний вопрос) выпрямление классовой линии в сельском страховании.

Только по линии такого перераспределения тяжести страховых платежей можно без политического ущерба решать вопросы, связанные с совершенно наизбежным повышением тарифов.

К этим таблицам, которые дают конкретную наметку перераспределения тяжести страховых платежей мы добавляем: и страховые, и политические проблемы властно требуют классовой диференциации в тарифной политике государственного страхования на селе.

Ф. А. Хоробрых

К теории организации и планирования сельского хозяйства

Вопросы методологии

Социалистическое переустройство сельского хозяйства требует постановки и разрешения большого количества проблем, которые имеют не только теоретико-академический интерес, но и громадное практическое значение. От того, как ставятся эти проблемы, какие исходные методологические принципы лежат в их постановке, откуда идет их методологическая генеология, зависит правильное разрешение существа каждой проблемы.

Если в области политической экономии вопросы методологии благодаря работе Маркса и марксистов, в большей или меньшей степени являются разрешенными, то в части сельскохозяйственной экономии имеет место много неясных и нерешенных методологических проблем. Это об'ясняется тем, что марксистская школа в этой области знания только начинает развертывать свою работу. В науке организации сельского хозяйства, которая ближе всего стоит к практическим проблемам социалистического строительства, дело обстоит еще хуже. В этой отрасли знания до последнего времени монопольно господствовала буржуазная и мелкобуржуазная школа.

Только в последние 2—3 года, когда перед пролетариатом встала задача непосредственного приступа к работе по реконструкции хозяйства, вопросы содержания и методологии науки организации и планирования сельского хозяйства в марксистской среде начинают ставиться и подвергаться обсуждению. Актуальность этих проблем, с практической точки зрения, заставляет признать необходимым скорейшее их решение. Почти полное отсутствие общепризнанных положений заставляет, изложенные ниже мысли, считать требующими дальнейшего широкого обсуждения и глубокой проработки.

I

При решении всяких методологических вопросов, в том числе и проблем, связанных с организацией, планированием и ригулированием сельского хозяйства в условиях переходного периода, требуется точно определить тот круг явлений, который является об'ектом научного анализа. В данном случае, это является особенно необхо-

димым в виду сложности этого об'екта и наличия путаницы в определениях основных понятий, а отсюда и путаницы в разрешении вопросов более конкретного порядка.

Планирование и регулирование всего народного хозяйства, в том числе и сельскохозяйственной его отрасли, в своем практическом проявлении охватывает чрезвычайно разнородные явления. Такой глубоко синтетический характер практики планирования, основанной на специфических особенностях новой общественно-экономической формации (диктатура пролетариата, переход от капитализма к социализму), дает основание уже сейчас приступить, на основе обобщения опыта планирования, к теоретическому анализу существа планирования, как общественного явления, свойственного новой эпохе. Этот теоретический анализ, как и всякая научно-обоснованная теория, в свою очередь, должна совершенствовать практику планирования.

Несмотря на многообразность явлений, связанных с планированием сельского хозяйства, их можно об'единить единым понятием сельскохозяйственного производства, являющимся частью наиболее общей совокупности явлений — производства вообще. Это более общее понятие в работах Маркса является достаточно исследованным. Маркс находит две совокупности явлений, связанных этим понятием. Во-первых — явления техники производства, выражающие отношение человека к природе, и, во-вторых, явления экономики, выражающие отношения между людьми, возникающие в процессе производства. Эти положения настолько общеизвестны, что на них нет надобности подробно останавливаться. Соответственно характеру этих явлений, в приложении к капитализму Маркс определяет и науки их изучающие: общественную технику и политическую экономию.

По отношению к сфере сельскохозяйственного производства эти определения целиком сохраняют силу. Здесь, как и в других сферах общественного производства, налицо имеются две точно очерченные и резко отличающиеся друг от друга совокупности явлений: техника сельского хозяйства и его экономика. Соответственно этому и науки, изучающие сельское хозяйство, могут быть разделены на науки технические (агрономия, зоотехника и т. д.) и науки экономические (сельскохозяйственная экономия).

В этой классификации, на первый взгляд, не находит себе места организация сельского хозяйства, как специфическая совокупность явлений и как наука, изучающая эту совокупность. Однако, если рассматривать сельскохозяйственное производство более конкретно, то эта совокупность найдет себе место. Дело в том, что техника сельского хозяйства и его экономика находятся в постоянной взаимозависимости, они постоянно влияют друг на друга. С одной стороны, на базе той или иной техники создается тот или иной тип производственных отношений. С другой стороны, в данной общественно-экономической формации экономика оказывает

решающее влияние на технику хозяйства (рента задерживает технику, отсутствие земельной собственности создает условия для ее бурного роста). Этим самым, предопределяется, в одном случае, известное единство техники и экономики, в другом случае, противоречия между ними (например, при капитализме, в условиях частной земельной собственности).

В конкретных условиях сельскохозяйственного производства это единство техники и экономики хозяйства выражается в том или ином типе сельскохозяйственного производства. Изучение их (типов сельскохозяйственного производства) и является об'ектом науки организации сельского хозяйства. При более детальном анализе явления типа можно в нем усмотреть черты как свойственные технике сельского хозяйства, так и его экономике. Безусловно техническими по своей природе будут явления сочетания различных элементов производительных сил (средств производства, в том числе и земли, и рабочих сил). Общественно-экономический характер организации сельского хозяйства проявляется в отношениях рабочих сил к средствам производства и в критериях организации или в целях, которые ставит себе сельскохозяйственное производство. Если явления сочетания средств производства и рабочих сил свойственны всем фазам человеческой истории (логическая категория), то отношение рабочих сил к средствам производства, критерии организации, основная целевая установка этого сочетания изменяется вместе с изменением общественно-экономической формации (категория историческая).

Так, натуральному хозяйству свойственен критерий, лежащий в сфере потребления, т.-е. производство максимального количества продуктов для собственного потребления путем наиболее полного использования рабочих сил семьи и собственных средств производства.

Хозяйство простого товаропроизводителя ставит своей целью производство своими рабочими силами и своими средствами производства максимума продукта, имеющего на рынке максимальную цену, этим самым получая наивысшую оплату труда.

Капиталистическое предприятие при помощи собственных средств производства и купленной рабочей силы ставит своей целью получение максимума прибыли на единицу капитала.

Наконец, социалистическое предприятие ставит задачу получения максимума общественно-необходимого продукта на единицу затраченного рабочего времени для максимального удовлетворения трудящихся при наивысшей степени расширенного воспроизводства. Следовательно, организация хозяйства, в зависимости от поставленной заранее цели предприятия, создает такую комбинацию земли, средств производства и рабочих сил, которая позволила бы приблизиться к идеальному выполнению этой цели.

Поскольку цель или критерий диктуется определенным строем производственных отношений, или, то же самое, определенными клас-

совыми интересами, постольку наука организации имеет определенный социальный характер. Примером может служить современное состояние этой науки. На Западе и в Америке, когда речь идет об организации хозяйства, всюду говорят о создании наиболее высокой прибыли на капитал, т.-е. труд, как созидатель стоимости, из внимания организатора ускользает и скрывается за капиталом. У нас нео-народническая школа, увековечивая натуральный строй хозяйства, критерием организации считает максимальное удовлетворение потребностей хозяйствующей семьи.

В эпоху диктатуры пролетариата критерии имеют совершенно другое содержание. На них необходимо остановиться подробнее.

Переходный период от капитализма к социализму предполагает наличие различных социально-экономических форм сельскохозяйственных предприятий, работающих внутри различных производственных типов. Задача переходного периода заключается в том, чтобы все эти формы переделать в крупные социалистические предприятия. Сразу перейти к этим законченным формам нельзя. Необходимо иметь ряд посредствующих ступеней, которые бы являли собой различные ступени обобществления. В задачу науки организации сельского хозяйства в наш период и входит как-раз разработка определенных типов организации земли, средств производства и рабочих сил как в разрезе различных природных и экономических условий, так и в разрезе различной степени обобществления. Конкретно говоря, она должна дать организационные планы совхозов, колхозов всех степеней обобществления и, наконец, индивидуальных крестьянских хозяйств, поскольку они еще некоторый период будут играть большую роль в экономике сельского хозяйства.

Для каждой перечисленной формы исходным моментом должен быть соответствующий критерий организации.

Организатор крупного государственного сельскохозяйственного предприятия должен так сочетать средства производства, землю и рабочую силу, чтобы это предприятие, во-первых, дало государству максимум необходимого продукта при минимальных затратах как накопленного, так и живого труда; во-вторых, служило бы доказательством преимущества крупного сельскохозяйственного предприятия для окружающих крестьянских хозяйств; в-третьих, служило бы рассадником научных приемов ведения сельского хозяйства и помогало бы индивидуальному крестьянству подойти к обобществлению (тракторная вспашка, предприятия по переработке и т. д.); наконец, в-четвертых, на основе результатов хозяйствования, дало бы возможность максимального повышения материального и культурного уровня сельскохозяйственного пролетариата. Такие критерии организации совершенно противоположны капиталистическим, что и делает эту проблему новой, а следовательно, и требующей громаднейших усилий со стороны организаторов сельского хозяйства.

В организации коллективного хозяйства все перечисленные критерии совхоза остаются в силе. К ним прибавляется ряд специфических моментов, без которых немыслимо создать жизнеспособный колхоз. Если в совхозе вопросы распределения и потребления продукта решаются сравнительно легко, то в колхозе они играют очень большую роль. Кроме того, организатор колхоза должен так построить хозяйство, чтобы увязать его с элементами индивидуального хозяйства членов, которые в той или иной мере остаются. Поэтому, организация средств производства и организация труда здесь стоят, как проблемы очень сложные, требующие для своего решения большого знания принципов организации как крупного обобществленного хозяйства, так и мелкого индивидуального крестьянского хозяйства. Точно также здесь, как нигде, большую роль играют вопросы организации быта членов колхоза.

Игнорировать все перечисленные проблемы, которые стоят сейчас буквально перед каждым деревенским работником и которые систематически игнорируются многими современными учеными, это значит итти против требований жизни и оставаться на старой платформе организации, а следовательно, и увековечения мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

Последнее в нашей экономике, правда, играет еще весьма крупную роль. Крестьянским хозяйством мы должны заняться серьезно и заняться не так, как это делали мелкобуржуазные ученые. Что значит вообще помогать крестьянскому хозяйству? Это значит, создавать базу для развития капитализма в деревне. Под'ем сельского хозяйства бедняцко-середняцких масс деревни должен происходить через улучшение его техники на основе кооперирования и создания предпосылок его обобществления и, следовательно, полного уничтожения эксплоатации. Этот принцип должен быть положен в основу организации и индивидуального крестьянского хозяйства. Совершенно понятно, что интересы мелкого товаропроизводителя должны сочетаться с этим принципом. Кооперативный план В. И. Ленина должен быть основным руководством организатора сельского хозяйства.

Такова более развернутая формулировка задачи науки организации сельского хозяйства в условиях переходного периода.

В связи с изложенными положениями может возникнуть вопрос: не адекватны ли все перечисленные критерии организации сельскохозяйственных предприятий различных социально-экономических форм хозяйства, если иметь в виду лишь одну сторону его — производительность труда. Или, другими словами, не означают ли все критерии обязательное стремление организатора к наивысшей производительности труда? Постановка этого вопроса закономерна потому, что еще до сего времени среди буржуазных ученых суще-

ствует мнение, что цели капиталистического и социалистического предприятия, в конечном счете, одинаковы — это максимальное повышение производительности труда. Эти цели, по их мнению, облекаются в разные формы, что и отличает одну систему от другой. Такое положение основного вопроса науки организации сельскохозяйственных предприятий является, к сожалению, широко распространенным не только среди академических ученых, но является весьма распространенным среди подавляющего большинства практических работников-агрономов, которые оправдывают свою солидарность с современной линией сельскохозяйственной политики только потому, что она идет навстречу, будто бы, вековому стремлению людей к высшей ступени производительности. Ясно, что подобная солидарность должна быть нами использована, несмотря на то, что в основе ее лежит величайшая путаница и просто социологическая и экономическая безграмотность. На самом деле, перечисленные нами критерии организации сельскохозяйственного предприятия, кроме того, что они имеют классовые отличия, они также находятся в различном отношении к так называемому прогрессу, выраженному в беспрерывном росте производительности человеческого труда.

Производительность труда, как известно, представляет собою отношение количества полученного продукта к количеству затраченного рабочего времени. В различных хозяйственных системах критерий организации сельскохозяйственных предприятий может совпадать и может не совпадать, с увеличением этого отношения.

Натуральное хозяйство при неизменной производительности труда и даже при ее понижении, путем увеличения затрат труда, может повышать абсолютное количество производимых продуктов, необходимых для удовлетворения его потребностей; этим самым цель хозяйства будет достигаться.

В условиях простого товарного хозяйства повышение оплаты труда также может получаться как при стабильности, так и при падении производительности труда. Примером этого может служить дореволюционная Россия, во многих районах которой происходила деградация сельского хозяйства или его застой. Максимально увеличивая абсолютное количество трудовых затрат, крестьянство получало прожиточный минимум, что и служило критерием его пресловутой организации.

В капиталистическом хозяйстве, как уже доказано Марксом, увеличение прибавочной стоимости может не совпадать с ростом производительности труда. Прибавочная стоимость может расти как при повышении, стабилизации, так и при понижении производительности труда. Последнее возможно благодаря увеличению рабочего дня (Капитал, т .I, отд. 3). Сказанное относится и к прибыли на капитал (Капитал, т. III—1, гл. 3).

Следовательно, изложенные нами критерии организации сельскохозяйственных предприятий, не говоря о совершенно различном

их социально-экономическом содержании, теоретически имеют совершенно различное отношение к процессу роста производительности труда. Лишь критерии организации социалистических сельскохозяйственных предприятий целиком совпадают с ростом производительных сил общества и ростом производительности человеческого труда.

Сказанное, однако, не означает, что в условиях до-социалистических форм производительность труда обязательно должна падать и падает. Мы утверждаем лишь полную возможность такого падения, как одного из возможных случаев при осуществлении критериев организации, что подтверждается и историческими данными.

II

Изложенные нами основные методологические положения науки организации сельского хозяйства, как уже это было отмечено, относятся к организации отдельных сельскохозяйственных предприятий. Буржуазная наука в сельском хозяйстве ограничилась именно такой постановкой вопроса. Немецкие и американские руководства по организации сельского хозяйства ставят своей задачей научить капиталиста, фермера и крестьянина так организовать свои предприятия, чтобы они были рентабельными. Обыкновенно этим руководством предпосылаются обширные введения, где подвергаются исследованию общие условия сельскохозяйственного производства. Эти введения. как правило, выливаются в форму учений о факторах сельского хозяйства, что по сути дела с организацией сельскохозяйственных предприятий в условиях капитализма имеет весьма слабую связь по существу предмета и еще слабее по методологии изучения. Круг вопросов, которые сюда включаются буржуазными экономистами, с нашей точки зрения, составляет одно из конкретных приложений политической экономики к сфере сельскохозяйственного производства, обыкновенно называемое сельскохозяйственной экономией. В условиях буржуазного способа производства, исключая технику сельского хозяйства, этими науками (организация сельскохозяйственных предприятий и сельскохозяйственная экономия), в основном, охватывается вся совокупность явлений связанных с изучением сельского хозяйства. Таким образом, если бы мы поставили своей задачей изучение вопросов методологии организации сельского хозяйства только в указанном смысле, то на этом наше изложение можно было бы считать законченным.

Однако, в условиях переходного периода, когда пролетариат через свое государство ставит задачу организации всего народного хозяйства страны в целом на новых основах, встают и требуют разрешения многие методологические вопросы, которые доселе в буржуазных странах не могли ставиться. Пролетарское государство не только создает благоприятные условия для развития желательных ему форм сельскохозяйственного производства, как это делает

капиталистическое государство; наше государство активно вмешивается в процессы в сфере сельского хозяйства; через мероприятия экономической политики оно организованно воздействует на его различные социально-экономические формы. Наконец, пролетарское государство выступает в качестве непосредственного организатора сельскохозяйственных предприятий (соцсектор), при чем роль и значение этой организаторской работы с каждым годом возрастает. Ничего подобного в капиталистических государствах нет.

Когда мы говорили об организации хозяйства, мы всегда имели в виду процесс сознательного человеческого действия. В капиталистических условиях этот процесс возможен только в рамках сельскохозяйственного предприятия или комбината предприятий, которые представляют собою самую крупную производственную единицу, отдельные элементы которой подвергаются сознательному регулированию (организация отраслей, техническое разделение труда и т. д.). Выходя за рамки предприятия в сферу всей отрасли народного хозяйства, мы сталкиваемся с процессом общественного разделения труда, процессом, который в капиталистических условиях совершается стихийно. Сознательное регулирование этого процесса со стороны капиталистического государства чрезвычайно ограничено. Подобной задачи, собственно, оно не ставит; его роль заключается в том, чтобы законодательным путем расчищать дорогу для этого стихийного процесса, организующая же роль государства в самом процессе производства совершенно незначительна, так как принцип частной собственности, для охраны которого призван весь государственный аппарат, означает полное невмешательство в дела отдельных капиталистов.

Таким образом, когда говорится об организации сельского хозяйства в капиталистическом обществе, речь может итти только об организации отдельных производственных единиц, являющихся в стихийном процессе общественного разделения труда формально самостоятельными. Только в рамках этих единиц (предприятий или комбинатов предприятий) человек может проявить свою организующую роль. За воротами предприятия действуют стихийные законы рынка, с которыми организатор хозяйства должен считаться также как с неумолимым законом природы. Изменить их он не может.

Таким образом, схема явлений, связанных с понятием сельскохозяйственного производства в период капитализма, такова: техника—организация—экономика. В виду ясности она не требует никаких комментариев. И техник и организатор, и экономист имеет совершенно строго очерченный круг проблем, которые подвергаются их изучению.

Гораздо сложнее дело обстоит в переходный период. Его особенность заключается в том, что эти строгие очертания стираются и категории явлений получают, с первого взгляда, менее выраженный характер. Для того чтобы понять их сущность и форму, обратимся к характеристике менее сложной структуры социалистического общества.

С уничтожением капиталистических и докапиталистических форм хозяйства, стихийные законы перестают существовать. Вместе с ними ликвидируется общественное разделение труда, как стихийный процесс. Сознательное регулирование производства (пока не касаемся распределения) выходит за рамки отдельного предприятия и захватывает все народное хозяйство, которое, таким образом, представляет один громаднейший комбинат, сознательно управляемый. Отдельные производственные единицы и целые отрасли представляют собою отдельные ячейки, цехи громадного поизводственного аппарата, общества. С исчезнованием классов, исчезает совокупность экономических явлений, изучаемая в условиях капитализма политической экономией и сельскохозяйственной экономией. Вместе с тем исчезает и политика в ее современном понимании, в том числе экономическая политика, вообще, и аграрная политика, в частности. Регулирование отношений общества с природой, с одной стороны (техника) и сознательное распределение и сочетание всех элементов производительных сил (в том числе и рабочей силы) в целях максимального удовлетворения общественных потребностей при максимальной производительности общественного труда (организация хозяйства), с другой стороны, остаются главнейшими задачами общества. Наука должна разрешить эти проблемы.[1]

В переходный период весь круг обозреваемых явлений встает перед нами в чрезвычайно сложном виде. Поскольку существуют различные социально-экономические формы хозяйства, поскольку существуют товарные отношения и имеется база для развития и капитализма и социализма, постольку характер общественного разделения труда противоречив. На ряду с сознательным распределением производительных сил в обществе, имеют место и стихийные процессы. Совокупность явлений, обозначаемых понятием экономики, остается. При наличии и классов и государства остается и экономическая политика, в том числе и аграрная политика.

---

[1] „По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства — определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было“ (Маркс капитал т. III-2, гл. 49).

Энгельс по этому вопросу заявил: „вместо управления личностями организуется управление вещами и процессом производства“. (Анти-Дюринг, изд. 1918 г., стр. 250).

Н. И. Бухарин в 1920 году писал: „Вещественно-натуральная точка зрения получает решающее значение, а вместе с ней приобретает и исключительную важность деления общественного производства на разного рода сферы „конкретного труда и, в первую голову, на индустрию и сельское хозяйство“. („Экономика переходного периода“, стр. 73).

Но вместе с тем все большую и большую роль играет социалистический сектор и сознательное регулирование как отношений между человеком и природой, так и отношений между людьми. Прилагая к переходному периоду нашу схему, мы получаем:

1. Техника, как выражение отношений между человеком и природой, остается.

2. Экономика, как совокупность явлений, отражающих производственные отношения между людьми, остается. В задачу науки экономики переходного периода входит изучение форм проявления законов политической экономии в новых условиях и их окончательного исчезновения.

3. Организация сельскохозяйственных предприятий в том разрезе, как это имело место при капитализме (т.-е. как приспособление техники к экономическим условиям) остается в той мере, в какой в народном хозяйстве имеет место стихийность. Вместе с тем, в организацию предприятий вносится новый принцип, принцип прямого народнохозяйственного задания.

4. Параллельно росту социалистического сектора и сокращению капиталистических отношений растет организующая роль государства, которое выступает в качестве сознательного регулятора в распределении производительных сил общества и непосредственным организатором производства, чего не было в капиталистических условиях.

5. Экономическая политика вообще, и в частности, аграрная политика остается, поскольку остаются классы. Но характер их, по сравнению с ролью их в капиталистических условиях, кардинально изменяется. Аграрная политика не только создает условия для развития новых форм хозяйства, что выполняла капиталистическая аграрная политика, но вместе с тем она сама является методом организации общественного сельскохозяйственного производства в целом, методом его сознательного регулирования, чего, как правило, нет в капиталистических условиях. Все сказанные положения, как будто, уже известны и не требуют дальнейшего углубления. Несмотря на это, еще до сего времени в „отечественной“ буржуазной и мелкобуржуазной литературе смешиваются категории экономические и организационно-технические. Они искусственно разрываются там, где речь идет о методах сознательного регулирования народнохозяйственных процессов.

Например, проф. Челинцев, один из виднейших нео-народников, говоря о задачах организации сельского хозяйства, заявляет: „Задача организации сельского хозяйства состоит в рационализации организационно-технического строя сельского хозяйства, его экономической среды и взаимодействия их обоих мерами сельскохозяйственной экономической политики в интересах повышения производительности сельского хозяйства и развития производительных сил“.[1]

[1] Журнал „Пути сельского хозяйства“, кн. 8, 1928 г., стр. 13.

В этой формулировке наиболее отчетливо проявляется игнорирование основной задачи организации сельского хозяйства в широком смысле, — изменения социально-экономических отношений. Здесь совершенно упускается из виду, что производительные силы могут развиваться также и вместе с ростом капиталистических отношений. Диктатура пролетариата этого допустить не может. Производительные силы должны развиваться в рамках новых общественно-экономических форм, более высоких, чем капиталистическая и, тем более, мелко-товарная форма. Этого у проф. Челинцева нет.

Действительно, в хозяйственной деятельности пролетарского государства имеются элементы двоякового рода: с одной стороны, элементы непосредственной организации хозяйства, которую можно трактовать, как регулирование отношений между человеком и природой. С другой стороны, эта деятельность переплетается с регулированием отношений между людьми. И то и другое находит свое выражение в планировании народного и сельского хозяйства, осуществляемом посредством, главным образом, экономической политики. Методологически невооруженному глазу трудно разглядеть оба эти элемента тем более, что в конкретной жизни они выступают в единстве. Ошибка проф. Челинцева и всех тех, кто стоит на подобной ему точке зрения заключается в том, что они нашли первый элемент, ухватились за него, сочли его за целое и с соответствующим подходом начали его обобщать и считать единственным элементом народнохозяйственного регулирования.

Приведенная нами выше схема характеристики хозяйственных систем различных общественных формаций, с точки зрения наличия в них разнородных совокупностей явлений, показывает, что их смешение, особенно применительно к переходному периоду, чрезвычайно вредно и не дает возможности двинуться в путь дальнейшего анализа в верном направлении.

Соответственно изложенному, необходимо подвергнуть критике ту терминологию, которая в литературе, как будто, принимается. Можно ли называть ту совокупность мер, которую государство применяет в целях регулирования процессов в сфере сельского хозяйства, его организацией? Не дает ли повода сам термин смешивать понятия организации отношений между человеком и природой и отношений между людьми? Несомненность наличия в государственных мероприятиях элементов организации сельского хозяйства установлена (Зернотрест, Сельсиндикат, Сахаротрест и т. п.). Но не лучше ли всю совокупность активных действий государства по отношению к сельскому хозяйству, непрерывно связанных между собою, на данном этапе развития не называть организацией хозяйства. Тем более, что этот термин, в применении к сельскохозяйственной отрасли, дает повод к смешению различных категорий и явлений сюда включающихся. Дело в конечном счете заключается не в терминологии, но все же гораздо яснее и понятнее, в данном случае говорить

о науке планирования сельского хозяйства, включая сюда и элементы непосредственной организации производства и регулирования социально-экономических отношений.

Тогда нам станет совершенно понятно различие между организацией индивидуального сельскохозяйственного предприятия и организацией сельского хозяйства страны в целом. Первая, в части критериев организации, будет целиком зависеть от социально-экономической формы предприятия. По отношению к организации сельскохозяйственных предприятий социалистического типа теория планирования является директивной непосредственно, по отношению к предприятиям других форм, связанных с рынком, планирование использует для воздействия на них весь рыночный аппарат и экономико-политические мероприятия.

Следующий вопрос, который требует освещения, заключается в том, чтобы в теории сельскохозяйственного планирования точно выяснить взаимоотношение тех двух элементов, о которых только что шла речь. Каким образом в планировании сельского хозяйства отражаются цели, которые ставит себе диктатура пролетариата и как эти цели конкретизируются в тех или иных мероприятиях?

Диктатура пролетариата ставит двуединую задачу: во-первых, максимально повысить производительность труда, и во-вторых, полностью уничтожить эксплоатацию. Другими словами, пролетариат ставит своей задачей сознательное регулирование отношений между человеком и природой и отношений между людьми, возникающих в процессе производства.

Эту двоединую формулу никогда не нужно забывать, когда речь идет о социалистическом строительстве. В противном случае мы будем иметь абсолютную неясность и сознательное или бессознательное скатывание на буржуазную точку зрения. В самом деле, ведь развитие производительных сил и повышение производительности труда с успехом осуществляются и в рамках капиталистического строя, следовательно, суть дела у нас заключается не в этом или не только в этом, а в том, чтобы этот процесс роста производительных сил рождал новые социально-экономические отношения, чтобы результатом роста производительных сил пользовалась не кучка капиталистов, а все человеческое общество в целом.

Многие буржуазномыслящие ученые, как например, П. П. Маслов, всюду проповедующие необходимость повышения производительности труда, обвиняют диктатуру пролетариата в излишней заботливости и настойчивости в вопросе социально-экономических отношений якобы в ущерб развитию производительных сил. Они забывают, что подобный процесс возможен в рамках совершенно противоположных хозяйственных и политических систем. Совершенно забывается, что в условиях капиталистического общества бывают моменты, когда необходимость развития капиталистических отношений заставляет

нарушать элементарные принципы развития производительных сил, когда производительные силы разрушаются (мировая война) ради того, чтобы затем углубить развитие капиталистических отношений. Наконец, капиталисты в борьбе с пролетариатом, т.-е. в борьбе за свое господство, не гнушаются подвергнуть разрушению хозяйства целых стран (гражданская война в России). И наоборот, развитию производительных сил, как средству максимальной наживы, также приносятся в жертву целые страны, избиваются целые народы только лишь для того, чтобы выполнить священную миссию носителей „цивилизации".

Таким образом, разговоры о том, что пролетарское государство иногда жертвует производительными силами в интересах развития социалистических отношений, есть сущие пустяки, абсолютно не учитывающие двойственного существа народнохозяйственной эволюции.

В приложении к сфере сельскохозяйственного производства указанные выше, положения остаются в полной силе. Организуя сельское хозяйство, как отрасль, как неотъемлемую часть народного хозяйства, пролетарское государство, так же как и в других отраслях, ставит своей задачей максимальное развитие производительных сил и создание новых производственных отношений. Даже больше. В сельском хозяйстве, где больше остатков докапиталистических (мелкое крестьянское хозяйство) и капиталистических (кулацкое хозяйство) отношений, где благоприятнее всего почва для развития эксплоатации в разных формах, проблема производственных отношений особенно важна.

В каждом вопросе, касающемся сельского хозяйства, насколько бы он ни был частным и мелким, ни в какой мере нельзя забывать ту классовую обстановку, которая там имеется и изменение которой совершенно необходимо в интересах строительства социализма.

Все современные буржуазные ученые, работающие в СССР (Кондратьев, Чаянов, Студенский и друг.), систематически не хотят признать этого положения. А. Н. Челинцев, несмотря на целый ряд его признаний ошибочности своих прежних взглядов — говоря о развитии производительных сил, также забывает о классах в деревне.

Между тем, основная задача планирования сельского хозяйства заключается в том, чтобы через развитие производительных сил максимально повысить производительность общественного труда и перестроить социально-экономические отношения (классы) в этой сфере производства. Под углом зрения этого генерального положения мы и будем рассматривать все частные проблемы.

III

Каждый организатор, в каком бы масштабе не велась его работа, будь это отдельное предприятие, целый район — или все хозяйство страны, прежде чем приступить к его организации (или

реорганизации) должен иметь совершенно точное знание того, что есть в данный момент, того, что должно быть, какова цель организации, более или менее законченный проект будущего, и наконец, ту систему методов, при помощи которой сущее будет превращено в должное. Соответственно трем этим звеньям, теория планирования сельского хозяйства должна включить в себя три основные части:

1) состояние сельского хозяйства в настоящем,

2) основные черты сельского хозяйства будущего, на основе общих директив по социалистическому строительству,

3) учение о методах организации и реорганизации или методах планирования сельского хозяйства.

1. Состояние сельского хозяйства. Не ставя своей задачей конкретизировать проблему по существу, мы считаем необходимым наметить те основные разрезы, которыми мы должны пользоваться при изучении сельского хозяйства настоящего.

Поскольку сельское хозяйство представляет собою часть народного хозяйства, оно связано и подчинено тем закономерностям, которые имеют место в народном хозяйстве страны. Подобно тому, как сельскохозяйственная экономия капитализма является основой, на которой строится организация капиталистического хозяйства, планирование сельского хозяйства должно использовать теорию, которая устанавливается как экономией переходного периода, вообще, так и экономией сельского хозяйства, в частности. Здесь необходимо отметить две основные точки зрения, с которых должно быть изучено сельское хозяйство. Во-первых, точка зрения общественного разделения труда, а во-вторых, точки зрения социально-экономических форм сельского хозяйства.

Общественное разделение труда в сельском хозяйстве выступает в виде различных производственных[1] типов сельского хозяйства, выполняющих общественную роль путем производства для общества (рынка) различных продуктов в их конкретной форме (потребительные стоимости). Изучение этих типов и распределение их в пространстве составляют одну из главных задач сельскохозяйственной

[1] При всех определениях производственного типа сельского хозяйства мы исходим из роли данного предприятия или из группы предприятий в системе общественного производства в отличие от других предприятий и групп. Соответственно этому, производственным типом сельского хозяйства мы называем совокупность сельскохозяйственных предприятий, специализированных в области производства для общества определенного рода продукции (молочной, зерновой и т. д.).

Организационно-производственным типом или системой хозяйства мы называем определенный способ сочетания отраслей сельскохозяйственных средств производства и рабочих сил производства этого специального продукта.

Производственным аппаратом общества мы называем всю сумму действующих производительных сил общества в определенном сочетании их отдельных элементов и определенном их пространственном размещении.

экономии переходного периода. В результате, мы должны иметь полное представление о том производственном аппарате, который имеется у общества в сфере сельскохозяйственного производства и внешних условий, в которых этот аппарат пребывает и под действием которых он подвергается изменению.

Изучение социально-экономических форм сельского хозяйства должно дать точную картину распределения общественного богатства и формы экономических отношений между классами в сельском хозяйстве и роль их в процессе общественного производства. В условиях СССР социально-экономические формы сельского хозяйства сводятся к следующим:

1. Самостоятельное полунатуральное или товарное крестьянское хозяйство;	(крестьянский сектор)
2. Эксплоатируемые хозяйства (полупролетарии, беднота);	(полупролетарский сектор)
3. Эксплоататорские хозяйства (кулаки);	(капиталистический сектор)
4. Самостоятельные полуобобществленные хозяйства (колхозы элементарного типа);	(переходный тип)
5. Коллективные хозяйства;	(социалистический сектор)
6. Государственные хозяйства (совхозы);	

Для того, чтобы уловить все многообразие социально-экономических отношений, изучение социально экономических форм сельского хозяйства приводится в районном разрезе, внутри определенного производственного типа сельского хозяйства.

2. Целевая установка. Общая целевая установка планирования сельского хозяйства выше была уже формулирована. Но общность формулировки для наших целей совершенно недостаточна. Необходимо ее конкретизировать как во времени, так и в пространстве. Эта конкретизация в данной момент, по нашему мнению, должна итти опять же по двум линиям: по линии общественного разделения труда и по линии социально-экономических форм. В первом случае, необходимо с большей или меньшей точностью установить производственное назначение каждого района, с точки зрения общественной целесообразности, с полным учетом изменений условий, которые будут иметь место в связи с индустриализацией страны. Должно быть совершенно ясным какие районы, по крайней мере в течение ближайших 10—15 лет, должны производить для общества зерно, молочные продукты, сырье для промышленности и т. п. Другими словами, прежде чем сознательно влиять на сельское хозяйство, нужно знать в каком направлении это влияние должно действовать. Надо уже сейчас создать и обосновать систему рационализированного штандорта, сельского хозяйства. При его создании необходимо точно учесть те изменения, которые вносятся в народное хозяйство политикой индустриализации

(Днепрострой, Турксиб, заводы и т. п.). В результате, мы будем иметь намеченными районы с более или менее подробной характеристикой желательного направления их сельскохозяйственного производства. Такая наметка будет представлять собой более конкретизированную целевую установку плана.[1]

Вторая сторона конкретизации лежит в плоскости социально-экономических форм сельского хозяйства. Перечисленные выше формы, существующие в действительности и играющие определенную роль в процессе производства, должны претерпеть эволюцию в сторону все большего удельного веса высших, т.-е. социалистических форм. Конечная цель именно сводится к тому, чтобы все социально-экономические формы хозяйства перестроить в социалистическую форму, исключающую всякие отношения эксплоатации.

Ставя вопрос в плоскости времени и пространства, мы должны разрешить вопрос о желательном темпе переустройства в различных районах (производственных типах) страны. Эта задача чрезвычайно трудна и едва ли точно разрешима, так как, на ряду с факторами сознательного регулирования, здесь большую роль играют как стихийные факторы экономического порядка, так и различного рода суб'ективные факторы культурно-бытового порядка.

Однако, приблизительная наметка на фоне общего темпа развития, с учетом роста индустриализации и технической базы обобществления, возможна и необходима. Этими двумя положениями, конкретизирующими общую целевую установку организации сельского хозяйства, мы ограничиваемся, считая, что постановкой вопроса дается основной исходный пункт для дальнейшей конкретизации, что составляет задачу положительной части науки.[2]

3. Методы планирования. Мы подошли к центральной проблеме теории планирования сельского хозяйства — методам планирования, при помощи которых изменяется существующее положение сельского хозяйства в указанном в целевой установке направлении.

Прежде всего, необходимо отдать себе полный отчет о существе этих методов и отличить их от методов организации индивидуального сельскохозяйственного предприятия. Последнее считается с двумя группами условий: экономическими и природными условиями. Организатор так сочетает все элементы производства, чтобы в максимальной степени выполнить цель предприятия (прибыль или какой-либо другой критерий). Природные и экономические условия им принимаются как данные, с которыми он должен считаться и воздействие на которые совершенно ограничено. Методом организации

[1] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР" т. III. Районный разрез плана. Москва. 1929 г. Изд. Госплан СССР.

[2] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР" т. III. Районный разрез плана.

здесь являются калькуляционные расчеты, которые выражаются в организационном плане предприятия. Организатором принимается тот вариант оргплана, который является максимально выгодным.

Организатор сельского хозяйства, как отрасли народного хозяйства[1] имея другие задачи, пользуется совершенно иными методами. В качестве данного, здесь берутся природные условия в их географическом размещении. Экономические условия, в конечном счете, конкретно выражающиеся в условиях обмена (рынок, цены и т. п.), сознательно изменяются с тем, чтобы воздействовать на характер организации отдельных сельскохозяйственных предприятий (в производственном и социально-экономическом смысле) в таком направлении, которое соответствовало бы поставленной цели.

Изменение экономических условий, в данном случае, является одним из главнейших методов планирования сельскохозяйственного производства в стране. В отличие от организатора сельскохозяйственного предприятия, организатор сельского хозяйства, как отрасли, должен воспользоваться этим методом для того, чтобы, во-первых, изменить производственный аппарат сельского хозяйства страны для достижения максимальной производительности общественного труда, и, во-вторых, изменить социально-экономические отношения, возникающие в процессе сельскохозяйственного производства. Следовательно как по задачам, так и по существу методы планирования сельского хозяйства отличаются от методов организации сельскохозяйственных предприятий.

Переходим к классификации и более подробной характеристике методов. Соответственно поставленным задачам, методы планирования, выражающиеся конкретно в аграрно-экономических и аграрно-политических мероприятиях, могут быть:

1) общими, т.-е. одинаково действующими на все социально-экономические формы и производственные типы сельского хозяйства,

2) специальными — действующими различно как на отдельные социально-экономические формы хозяйства, так и на отдельные производственные типы.

По своему способу проведения мероприятия могут быть: а) прямыми, т.-е. непосредственно действующими на соответствующий об'ект и б) косвенными, действующими через посредство других факторов.

По своему результату действия мероприятия могут быть: а) исключительно производственные, т.-е. не влияющие прямо на социально-экономические отношения, б) смешанные и в) исключительно социальные, т.-е. влияющие прямо на социально-классовые отношения и косвенно на производство.

[1] Под организатором сельского хозяйства как отрасли, мы всегда имеем в виду пролетарское государство.

Наконец, все мероприятия могут быть классифицированы по признаку их отношения к отдельным отраслям сельскохозяйственного производства, обмена и распределения, как-то: а) мероприятия в области земельных отношений и землепользования, б) в области организации производства, в) в области обращения, г) в области распределения и т. п.

Классификацию можно было бы еще продолжить по другим признакам, но этого достаточно для того, чтобы понять их сущность.

Переходим к более подробной характеристике каждой из перечисленных групп мероприятий.

1. Общие мероприятия. Под общими мероприятиями необходимо понимать такие мероприятия, которые оказывают одинаковое влияние на все социально-экономические формы и производственные типы сельского хозяйства. Сюда необходимо отнести, прежде всего, такие мероприятия, как индустриализация страны, в виде строительства промышленных предприятий, железных дорог и т. п. Точно так же, сюда должна быть отнесена политика цен в той ее части, когда значение ее бывает одинаковым для всех районов (например, цены на машины и орудия, продукты личного потребления и т. п.), льготы по налогу при переходе к улучшенным методам ведения хозяйства и т. п.

2. Мероприятия специальные или диференцированные оказывают различное влияние на различные социально-экономические группы и производственные типы. Примером таких мероприятий является налоговая политика. С точки зрения классовых отношений она глубоко диференцирована по отношению к различным слоям деревни (освобождение бедноты, нажим на капиталистическую группу). Она также диференцирована и с точки зрения производственных типов сельского хозяйства. Так, например, нормы обложения скота, посевов и т. п. могут быть разные в зависимости от значения тех или иных отраслей сельского хозяйства. В случае необходимости форсированного роста, например, зернового хозяйства, как это мы имеем в настоящее время, нормы обложения могут быть понижены, а новая посевная площадь освобождается от обложения. То же самое можно сказать и о других отраслях (например, льноводство, молочное хозяйство и т. д.).

Другим примером диференцированных мероприятий может служить политика цен на сельскохозяйственные продукты. В целях форсирования этой или иной отрасли сельского хозяйства цены на продукты этой отрасли в районе, где необходимо ее развитие, устанавливаются повышенные, по сравнению с другими районами. Подобные мероприятия должны и могут быть проводимы как в старых, так и в новых районах распространения данной, предположенной к росту отрасли. Третьим примером мероприятий данной категории могут служить мероприятия агро-технические и организационно-хозяйственные в той их части, кои проводятся диференцированным

способом. Например, землеустройство, которое в первую очередь проводится в социалистическом секторе и в хозяйствах смешанного типа.

Дальнейшее перечисление мероприятий не является необходимым, так как из сказанного ясна сущность подразделения мероприятий по этому признаку.

Вторая классификация мероприятий проводится нами по признаку способа осуществления.

1. Прямые мероприятия оказывают влияние на социально-экономические формы и производственные типы непосредственно. Примером может служить указанная уже налоговая политика, которая непосредственно влияет на процесс накопления. Сюда же могут быть отнесены и агрикультурные мероприятия, сельскохозяйственный кредит и т. д. Наконец, сюда же относятся все мероприятия государственных и общественных организаций по непосредственному формированию крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий. Эти мероприятия прямо и непосредственно увеличивают роль социалистического сектора в сельском хозяйстве страны.

2. Косвенные мероприятия оказывают влияние через посредство каких-либо иных факторов. Например, политика цен на продукты сельского хозяйства, которая оказывает влияние через рынок и действует на те хозяйства, которые имеют дело с рынком. В общем, разграничение мероприятий по признаку способа действия чрезвычайно условно и относительно, но методологическое значение такое разграничение, конечно, имеет.

Наконец, необходимо привести классификацию мероприятий по признаку их отношения к сферам производства, обмена и распределения. Эта классификация должна быть основным арсеналом, из которого подбираются совокупности мероприятий.

1. В области землеобеспечения и земельных отношений: национализация земли, аренда земли, переселение, землеустройство.

2. В области организации производства: снабжение сельскохозяйственными машинами и орудиями, семенами, удобрениями, агрикультурная помощь, непосредственная организация социалистических предприятий, агро-законодательство, производственная кооперация, контрактация.

3. В области обращения. Цены на сельскохозяйственные товары, цены на средства производства и потребления, кредит, кооперация по сбыту, закупке, контрактация.

4. В области распределения. Сельскохозяйственный налог, страхование, самообложение.

Ни одна из классификаций не является исчерпывающей и может быть дополнена. Других классификаций мы разбирать не будем, так как они еще более условны, чем предыдущие и методологического значения иметь не могут. Все классификации преследуют единственную цель: показать возможное направление мероприятий.

Ни одно из перечисленных мероприятий не является абсолютно устанавливаемым на весь период социалистического переустройства. В каждый данный момент значение каждого из них различно и постоянно изменяется во времени вместе с изменением общей экономической и политической ситуации в стране.

IV

Следующая задача теории планирования сельского хозяйства заключается в том, чтобы разрешить вопрос об основных путях и формах применения перечисленных методов. Прежде всего возникает вопрос об эффективности их применения. Соответственно двояким задачам организации сельского хозяйства, понятие эффективности мероприятий должно обязательно включать в себя два момента: во-первых, эффективность производственная и, во-вторых, эффективность социально-экономическая. Несмотря на их органическую связанность, вкладывание в понятие эффективности указанного двоякого смысла совершенно необходимо. Уже выше указывалось, что буржуазно-мыслящие ученые, считая ненужным вмешательство государства в социально-экономические отношения деревни, выдвигают единственную задачу повышения производительности труда; следовательно, эффективными мероприятиями они считают такие, которые содействуют выполнению этой задачи. С этим нельзя согласиться потому, что повышение производительности труда возможно вместе с ростом капиталистических отношений, что не имеет ничего общего с основными задачами диктатуры пролетариата. Значит, эффективными мероприятиями должны считаться такие мероприятия, которые будучи взяты в отдельности или, чаще всего в совокупности дают максимальный производственный и социально-экономический эффект.

Теория планирования сельского хозяйства должна дать перечень наиболее эффективных совокупностей мероприятий и их обоснование для практического осуществления в каждом мыслимом и реальном производственном районе сельского хозяйства в разрезе различных социально-экономических форм.

Для выяснения необходимости такого подхода к планированию сельского хозяйства возьмем какой-нибудь конкретный район, например, Белоруссию. Изучение этого района показывает, что он является: 1) перенаселенным, 2) мало товарным, 3) имеющим тенденцию интенсификации сельского хозяйства, 4) имеющим значительные площади неудобных земель, 5) с точки зрения природных условий имеющим большие возможности для интенсивных культур и т. п. Устанавливая производственное назначение каждого района в системе рационализированного штандорта сельского хозяйства всей страны, организатор сельского хозяйства приходит к выводу, что с общественной точки зрения максимально производительным явится молочно-картофеле-льноводное направление Белорусского сельского

хозяйства. Соответственно такому общегосударственному заданию, находящемуся в полной согласованности с перспективами развития всего народного хозяйства, подбираются — необходимые методы изменения существующего положения сельского хозяйства в направлении поставленной цели.

Из первой категории мероприятий, по нашей последней классификации, наиболее эффективными здесь будут переселение из особо перенаселенных районов и мелиорация неудобных земель.

Кредит должен быть направлен прежде всего в эту сторону. Стимулом для расширения удобных для сельского хозяйства пространств явится также освобождение мелиорируемых земель от обложения сельскохозяйственным налогом в течение ряда лет.

Из второй категории особую роль здесь будут играть вопросы форсированного развития интенсивных культур — льна и картофеля, а также увеличение кормовой базы и улучшение продуктивного скота. Политика цен должна учесть это обстоятельство и установить на эти продукты такие цены, которые делали бы их производство более выгодным, чем производство других продуктов

Общественная агрономия должна направить свое внимание в том же направлении.

Государство и кооперация должны обеспечить переработку и сбыт предназначенных для производства продуктов. Маслодельные, крахмально-паточные заводы, предприятия по первичной обработке льна должны быть построены и приспособлены к переработке готовой продукции. Соответственно этому необходимо применять и другие мероприятия. Из сказанного уже обнаруживается совокупность мероприятий, связанных между собой единством цели, свойственных именно данному району и именно в данный момент.

Социальное направление мероприятий должно проявляться при практическом проведении каждого отдельного мероприятия. Организация предприятий социалистического типа должна проводиться также в соответствии с преподанными заданиями. Темп роста социалистического сектора сельского хозяйства должен определяться максимальным использованием всех возможностей для этого в условиях района; в других областях, с другим направлением сельскохозяйственного производства, с другими общественными заданиями система мероприятий должна быть другой, и отдельные мероприятия будут иметь различный удельный вес (например, переселение может замениться колонизацией и т. п.).

Для того, чтобы закончить изложение всех мыслимых нами методологических подходов к планированию сельского хозяйства страны, мы должны коснуться еще одного вопроса, непосредственно вытекающего из всех высказанных нами положений, вопроса о плане развития сельского хозяйства. Подобно тому, как все принципы организации отдельного сельскохозяйственного предприятия в конечном счете выражаются в его организационном плане, принципы

планирования сельского хозяйства страны должны быть выражены в плане развития сельского хозяйства на определенный период времени как по стране в целом, так и по отдельным областям, округам, районам и т. д. Мы должны определить те основные черты плана, которые непосредственно вытекают из основных принципов планирования сельского хозяйства.

План развития сельского хозяйства представляет собой количественное выражение принципов теории планирования сельского хозяйства применительно к точно очерченному времени (один год, пять лет и т. п.) и точно указанному пространству (вся страна, область, округ, район).

В плане должны найти отображение и двоякое направление всех мероприятий и максимальная их эффективность в применении к каждому району. Поскольку план количественно выражает принципы планирования, постольку в этой своей количественной части он считается с теми материальными ресурсами, кои находятся у государства и населения и кои могут быть обращены в сторону сельскохозяйственного производства. Недоучет этих ресурсов, а равно и их преувеличение не может не отразиться на характере осуществления плана.

Работа по составлению плана, кроме требования полностью исходить из поставленных проблем и высказанных положений, имеет чрезвычайно много специфических методов, которые отчасти лежат в плоскости экономической, отчасти в плоскости статистической. Увязка отдельных частей плана, приведение их в стройную систему, выражение плана в виде баланса сельского хозяйства или в другом виде представляют собой чрезвычайно широкий круг проблем, далеко выходящих за пределы общей теории планирования.

К. Рубинштейн

Методы исчисления народного дохода в германской литературе[1]

Послевоенные проблемы германской экономики и исчисление народного дохода

Война и ее последствия повлекли за собой существенные изменения в народном хозяйстве Германии. Значительно уменьшилась германская территория и изменился состав населения. Были утеряны районы с богатыми источниками минералов, с одной стороны, и наибольшими излишками сельскохозяйственных продуктов, с другой. Ценные части народного богатства, как-то: вложенные в иностранные предприятия капиталы, большая часть морского флота, часть речного флота и железнодорожного парка и др. перешли к победителям. На Германию была возложена обязанность, в течении долгого ряда лет значительную часть своего народного дохода передавать в страны Антанты в форме репараций. Последовавшая вскоре инфляция вызвала невиданное в столь короткий срок перераспределение ценностей между отдельными классами и группами. Далее, организация германской промышленности и торговли приняла совершенно иные формы. Словом, все элементы народного хозяйства Германии подверглись изменениям самого радикального характера.

В связи с этим, и пропорция, существовавшая до войны между отдельными элементами народного хозяйства, была в корне разрушена. Новое, хотя бы и относительное, равновесие экономической жизни страны могло быть достигнуто только путем перегруппировки элементов народного хозяйства и достижения связи между ними на новом базисе.

Столь значительное изменение структуры народного хозяйства Германии не могло не оказать своего влияния и на направление ее экономической мысли. До войны проблемы народного хозяйства в целом не пользовались в экономической литературе особой популярностью. При том расцвете, который переживало народное хозяйство Германии с 70-х годов и до мировой войны, было достаточно почвы для оптимизма. Большинство официальных представителей экономической мысли считали, что в общем и целом все находится в порядке. Поскольку им приходилось заниматься конкретной экономикой Германии, они ограничивались изучением отдельных отраслей и проблем. Когда же речь заходила о развитии народного хозяйства в целом, то всегда можно было найти достаточно отдельных показателей, которые подтверждали, что все обстоит как нельзя лучше.

В послевоенных условиях для такого оптимизма совершенно не могло быть места. Наоборот, под влиянием отмеченных событий он уступил место крайнему пессимизму. Для всякого стало ясным, что приходится искать новых путей как для экономической политики, так и для экономической науки. Экономическая мысль не могла уклониться от поставленных самой жизнью новых задач. Она должна была дать ответ, хотя бы в отношении

[1] Помещая статью т. Рубинштейна, заслуживающую внимания с точки зрения освещения современного состояния разработок проблемы народного дохода в немецкой литературе, редакция считает необходимым отметить, что марксистская критика позиций буржуазных ученых, анализируемых в настоящей работе, автором не дана. *Ред.*

констатирования фактов; она должна была установить, что представляет собою, по мнению экономистов руководящих групп, «новое» народное хозяйство Германии, чем оно отличается от прежнего, каковы пути его развития.

Этим самым экономическая наука Германии неизбежно толкалась на путь изучения народнохозяйственного целого. Такой перелом в развитии представляет собою далеко не легкий процесс. Хотя до настоящего времени имеется не мало экономистов, которые стараются удержать экономическую науку на прежних путях, сама жизнь привела к целому ряду начинаний, которые ясно говорят о новом развитии. Сюда относится прежде всего организация Institut'a für Konjunkturforschung; далее, созыв Анкетной комиссии и, наконец, общее оживление интереса к проблемам народного богатства и дохода, служащим наилучшими показателями для установления тенденций развития народного хозяйства.

* * *

К факторам, препятствовавшим до сих пор развитию изучения проблем народного дохода в Германии, приходится отнести прежде всего скептическое отношение большинства германских экономистов к целесообразности такого рода работы. Эта точка зрения нашла себе наиболее яркое выражение в трудах «Постоянной подкомиссии для теоретических и социологических изысканий» при Verein'e für Sozialpolitik (Ständiger Unterausschuss für theoretische und soziologische Forschung). В связи с отмеченными выше веяниями, Verein für Sozialpolitik считал необходимым высказаться о проблемах народного богатства и народного дохода и поручил упомянутой подкомиссии разработать вопрос. Труды подкомиссии были опубликованы в 1926 г., и из них видно, что большинство членов подкомиссии дали работам по исчислению народного дохода невыносимую оценку.

Председатель подкомиссии, Карл Диль, в своем вступительном и в заключительном слове ярко выразил свой скептицизм. [1] Один из членов подкомиссии, А. Амонн, считает нереальным самое понятие народного дохода. [2] Е. Шустер, выпустивший специальную книгу о доходе, сомневается в том, стоит ли тратить много времени на то, чтобы более точно ограничить и выяснить понятие народного дохода. [3] Подобного же рода выражения можно найти и в речах других членов подкомиссии (например, Готтль-Оттлилиенфельда и Оппенгеймера).

Но особенно интересно то, что столь пессимистическое отношение к исчислению народного дохода наблюдается не только среди чистых теоретиков, к каковым нужно отнести всех названных лиц, но также и среди отдельных статистиков-практиков. Характерным в этом отношении является мнение Гермберга, которое находится в связи с его взглядами на баланс народного хозяйства. Из отрицательного отношения Гермберга к проблеме народнохозяйственного баланса непосредственно вытекает его скептическое отношение к исчислениям народного дохода. [4] Гермберг считал бы целесообразным исчисление народного дохода только в том случае, если бы оказалось возможным оценить каждый произведенный товар и каждую услугу по их потребительной ценности.

[1] „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", 173. Band, „Beiträge" zur Wirtschaftstheorie", Erster Teil, „Volkseinkommen und Volksvermögen", S. 9 u. S. 156. (В дальнейших цитатах эта книга будет обозначаться: Schr. d. V. f. S.).

[2] A. Amonn. „Die Begriffe Volkseinkommen" und „Volksvermögen und ihre Bedeutung für die Volkswirtschaftslehre" (Schr. d. V. f. S., S. 23).

[3] E. Schuster. „Einkommen und Volkseinkommen" (Schr. d. V. d. S., S. 32).

[4] Paul Hermberg, „Volkswirtschafliche Bilanzen," Leipzig 1926 г., S. 32.

Все эти «пессимистические» мнения о работах по исчислению народного дохода ясно показывают, в какой атмосфере приходится работать тем из немецких экономистов, которые все-таки решаются приступить к исчислению народного дохода. А им приходится производить такие исчисления просто потому, что это властно требуется самой жизнью. В этом направлении действует целый ряд отмеченных выше обстоятельств.

Главнейшим фактором, поддерживающим в последние годы интерес к исчислениям народного дохода, является проблема репараций. Последняя вызвала, как известно, ожесточенную полемику, приковавшую к себе внимание самых широких кругов. Центральной осью этой проблемы является вопрос, сможет ли Германия выдержать репарации, и если да, то какой ценой. Размер репарационных платежей приходится сравнивать с народным доходом Германии, и в прессе приводятся самые разнообразные цифры о последнем. Естественно, что при таких условиях, как бы ни отмахивались скептики, экономическая наука должна дать ответ на вопрос, какая из существующих оценок народного дохода Германии больше приближается к действительности и какими путями нужно итти, чтобы получить более точные оценки.

В связи с этим, и в упомянутой подкомиссии Verein'a für Sozialpolitik выявилось достаточно компактное меньшинство, считающее исчисление народного дохода, несмотря на всю его приближенность, возможным и необходимым (Colm, Weyermann, Zizek, Fellner и др.).

Взгляды этой группы, а равно и других экономистов, взявшихся практически за исчисление народного дохода, будут изложены в последующих главах. При этом представляется наиболее целесообразным дать описание и критику лишь главнейших проблем исчисления и главнейших работ. Чисто теоретическая сторона проблемы будет затронута при этом лишь постольку, поскольку она безусловно необходима для понимания методологии.

„Об'ективный" и „суб'ективный" методы

1. Их основные черты. Классификации различных способов исчисления народного дохода исходят обычно из разделения на две основные группы: на исчисления по «об'ективному» или «реальному» методу и исчисления по «суб'ективному» или «персональному» методу. Разница между этими двумя методами заключается, с одной стороны, в принципиальном подходе к явлениям народного дохода, а, с другой стороны, в характерных особенностях того статистического материала, который подлежит обработке.

Что касается принципиального подхода, то для «об'ективного» метода исходным пунктом являются «об'екты», составляющие в своей совокупности народный доход, те «реальные» предметы, которые получаются в результате производственной деятельности и служат для удовлетворения потребностей. Под доходом понимается тот избыток материальных благ, который остается, после возмещения материальных затрат производства, в свободном распоряжении членов общества как для удовлетворения их потребностей, так и для накопления ценностей. В целях суммирования отдельных продуктов приходится применять к ним какую-либо условную денежную оценку.

В противоположность этому, второй метод исходит из отдельных «суб'ектов» или лиц и путем суммирования получаемых ими доходов получает общий размер народного дохода. [1]

При исчислении народного дохода по «об'ективному» методу основным источником для работ является статистика продукции различных отраслей

[1] Некоторые авторы выделяют еще третий „смешанный" метод, но в немецкой литературе он крупной роли не играет.

народного хозяйства, которую приходится дополнять по различным другим источникам. При подсчетах по «суб'ективному» методу главным материалом для работы служит статистика подоходного обложения.

Значительный интерес представляет вопрос о том, должна ли существовать какая-либо связь между суммами народного дохода, вычисленными при помощи «об'ективного» и при помощи «суб'ективного» методов. В немецкой литературе не установилось достаточно четкого представления об этой связи. У многих авторов встречается мнение, что эти две суммы не имеют ничего общего. Например, Р. Майер считает, что речь идет о совершенно самостоятельных задачах, каждая из которых может быть по своему улучшена.[1]

Еще далее идет в этом отношении Е. Шустер, который считает, что если уже вычислять народный доход (к чему он вообще относится со скептицизмом), то только по «суб'ективному» методу; на вычисление же «реального» народного дохода он смотрит, как на совершенно излишнюю работу, не имеющую за собой никаких теоретических предпосылок.[2]

Другие авторы сознают, однако, что вычисление народного дохода по «об'ективному» и по «суб'ективному» методам, это — подход к одному и тому же явлению с двух различных сторон. К этой группе относится прежде всего В. Винклер.[3] В том же духе высказывается и Ф. Цицек.[4]

В результате подсчетов, произведенных в различных странах, оказывается однако, что исчисление народного дохода по двум упомянутым методам никогда не дает близких друг к другу сумм. Об'яснить это исключительно ошибками статистического подсчета нельзя. Для ясного понимания причин расхождения между полученными результатами необходимо предварительно иметь четкое теоретическое представление об изучаемом об'екте. Такого представления у подавляющего большинства немецких авторов нет, и, поэтому, они тщетно ищут возможности разрешить задачу. Между тем, ключ к задаче лежит в динамическом рассмотрении народного дохода, что становится ясным при сравнении одной общей для почти всех немецких авторов черты с тою точкой зрения, которой придерживается Бюро баланса народного хозяйства при ЦСУ.[5]

Немецкие авторы, занимавшиеся исчислением народного дохода, (вне зависимости от применяемых ими методов), смотрят на последний, как на одну цифру, которую необходимо получить тем или иным способом. Составные элементы этой цифры отступают на задний план; их анализируют в процессе работы главным образом для того, чтобы оценить, насколько конечная сумма приближается к действительному народному доходу, и определить, не нужно ли к конечной сумме произвести каких-либо накидок или, наоборот, скидок.

В противоположность этому, В. Зейлингер и Б. Гухман рассматривают народный доход, как процесс, являющийся лишь звеном в едином внутренне связанном процессе воспроизводства. Отдельные цифры, фигурирующие во время вычисления, характеризуют материальные блага, распределяемые и перераспределяемые между отраслями народного хозяйства, между участниками производства и непроизводственной «надстройкой». Каждая из

[1] Robert Meyer, „Einkommen" („Handwörterbuch der Staatswissenschaften", Dritte Auflage, Dritter Band, Jena 1909 г., S. 669).
[2] „Schr. d. V. f. S.", S. 95—96.
[3] Wilhelm Winkler, „Einkommen" („Handwörterbuch der Staatswissenschaften", Vierte Auflage, Dritter Band, Jena 1926 г.).
[4] „Schr. d. V. f. S.", S. 131.
[5] В. И. Зейлингер и Б. А. Гухман. „К методике построения баланса народного хозяйства СССР". („Плановое Хозяйство", № 4 и 5, 1928 г.).

приводимых во время исчисления цифр сохраняет самостоятельное значение на ряду с итогами, так как она характеризует какую-либо стадию изучаемого процесса.

Если представить себе, что народный доход одной и той же страны будет вычислен, с одной стороны, по обоим методам немецкой литературы, а с другой стороны, по схеме Бюро баланса, то возникает вопрос: будут ли полученные при этом цифры находиться в какой-либо связи друг с другом? Ответ на этот вопрос должен быть положительным. Суммы народного дохода, вычисленные по любому из немецких методов, должны в той или другой форме встречаться в таблице распределения народного дохода, составленной по схеме Бюро баланса. Представление о народном доходе как о процессе, несомненно, делает излишними всякие споры о преимуществах «об'ективного» и «суб'ективного» методов.

Попытки рассматривать народный доход, как процесс, имеются и у некоторых немецких авторов. Но они не доводятся до логического конца. К такого рода авторам относится Г. Кольм. Он говорит по этому вопросу: «Народный доход можно методологически охватить в трех пунктах хозяйственного кругооборота. В о-п е р в ы х, у возникновения источника дохода, при результате производства. Второй метод стремится охватить непосредственно доход... Третий путь к исчислению народного дохода исходит из оценки общего потребления товаров...»[1] Но Кольму не удается последовательно удержаться на динамической точке зрения; в другом месте он доказывает, что различные оценки народного дохода относятся к различным понятиям, что доход имеют лишь потребительские хозяйства, а производственные предприятия дохода не имеют.

Точно так же и Роговский[2] наглядно описывает постоянный процесс движения товаров и ценностей и строит даже для более ясного представления этого процесса специальные схемы. Он об'ясняет типичные для немецкой литературы о народном доходе неясности, противоречия и нечеткое разграничение понятий тем обстоятельством, что статистик не знает, за какие именно явления ему ухватиться в этом вечном движении в целях получения цифры народного дохода. Схемы, составленные Роговским, однако, никоим образом нельзя признать выходом из положения. А главное, это — то, что Роговский не ставит требования изучать все стадии того процесса, который им описан, а говорит, что в зависимости от наличных статистических материалов нужно ограничиваться одной из стадий распределения народного дохода.

Таково отношение немецких экономистов и статистиков к проблеме исчисления народного дохода, взятой в целом. В дальнейшем необходимо изложить возникающие в процессе исчисления вопросы, на которые в немецкой литературе обращено особое внимание.

2. Исчисление народного дохода по «об'ективному» методу. Насчет того, какие именно материальные блага должны входить в состав народного дохода, исчисляемого по «об'ективному» методу, достаточной ясности в немецкой литературе не существует. Это будет видно из пары примеров.

А. Амонн считает, что народный доход представляет собой совокупность вещных благ, пользований, услуг и реализуемых правовых требований, которые дополнительно прибавляются в общем хозяйственном процессе, рассматримаемом как процесс приобретения благ.[3]

[1] „Schr. d. V. f. S.", S. 45.
[2] Erich Rogowski, „Das Deutsche Volkseinkommen", Berlin 1926 г., S. 18.
[3] „Schr. d. V. f. S.", S. 23—24.

В этом определении бросается в глаза недостаточная выдержанность «об'ективного» подхода; речь идет в нем не о процессе производства, а о процессе приобретения (Erwerbsprozess), который, казалось бы, при «об'ективном» методе никакой роли играть не должен. Тем самым Амонн выходит за границы реального народного дохода, и это сказывается на приводимом им перечне. Пользования, услуги и правовые требования, включаемые Амонном в реальный народный доход, по существу относятся к сфере перераспределения народного дохода.

Более детальное и конкретное описание элементов народного дохода, рассматриваемого с точки зрения «об'ективного» дохода, дает Р. Майер. По его мнению, валовой доход народного хозяйства состоит из: а) совокупности произведенных в стране хозяйственных благ, в том числе и услуг; б) ввоза благ из-за границы, получаемых как проценты по вложенным за границей суммам; в) дохода пароходных обществ страны по перевозкам иностранцев и принадлежащим последним грузам; г) товарных посылок и денежных переводов для находящихся в стране иностранцев; д) всяких иных переводов ценностей в страну, с которыми не связан перевод ценностей из страны за границу; е) превышения ввоза товаров над вывозом; ж) износа потребительных фондов.[1]

Из приведенного перечня прежде всего видно, что Майер, точно так же как и Амонн, относит к народному доходу услуги и пользования (Майер не упоминает лишь правовых требований). Далее, Маейр включает в реальный народный доход не только блага, произведенные в самом народном хозяйстве, но также элементы торгового и платежного баланса: притекающие из-за границы блага (не подлежащие оплате) составляют, по его мнению, часть запасов, распределяемых в народном хозяйстве. Майер совершенно игнорирует то, что такого рода явления относятся к сфере перераспределения благ.

Мнения Амонна и Майера о составных элементах реального дохода были приведены, как наиболее характерные. Число подобного рода мнений можно было бы бесконечно умножить, так как каждый из немецких экономистов, занимавшихся этим вопросом, имеет собственную комбинацию. Характерным для всех этих комбинаций является то, что почти всегда в реальный народный доход включаются те или иные элементы, заимствованные из перераспределенного народного дохода. «Об'ективный» подход к делу почти ни у одного немецкого экономиста не выдерживается до конца. Немецкие экономисты никак не могут помириться с тем, чтобы не считать непременными элементами дохода такие легко реализуемые блага, как юридические права, пользования и т. п.

Больше всего споров происходит на тему об услугах (Dienstleistungen), т.-е. по вопросу о том, нужно ли включать непроизводственную работу в общую сумму народного дохода. Цицек резюмирует эту полемику следующим образом: «По взгляду большинства, услуги должны быть включены, и именно не только услуги хозяйственного характера, но также и государственных чиновников и свободных профессий».[2]

Эта полемика представляется нам чистой схоластикой. Если изображать в числовой форме весь процесс распределения и перераспределения народного дохода, то, конечно, в нем непроизводственная работа должна найти свое место. Но это место никак не может быть в начале цепи, в ее «об'ективной» части; непроизводственная работа в «реальный» народный доход входить не может.

[1] Цит. соч. стр. 665.
[2] „Schr. d. V. f. S.", S. 140.

Немецкие экономисты уделяют также много внимания тем трудностям, с которыми связаны вычеты из валового дохода, необходимые для получения чистой продукции народного хозяйства. Наиболее подробное перечисление соответствующих категорий благ дает Р. Майер; в него включены материальные блага, употребленные в течение производственного процесса, а также активное сальдо торгового и платежного балансов. Последний элемент, как уже было отмечено выше, по существу относится к сфере перераспределения. Но с другой стороны, у Майера пропущена одна из важнейших подлежащих вычету из валового оборота величин — износ основных фондов.

Последнему вопросу (т.-е. износу основных фондов) много внимания уделяет Г. Кольм. Для выяснения тех трудностей, с которыми связано это исчисление, Кольм приводит следующий пример: «Предположим, что в течении какого-либо года производители продали все припасы, которые они обычно держали на складах, и не восполнили запасов, то снабжение (если измерять его по потреблению) расширилось бы без соответствующего увеличения производства...». Если бы предприятия выплатили бы из выручки за свои продукты столько прибыли, заработной платы и процентов, что не осталось бы средств для сохранения оборудования в прежнем состоянии, для удобрения почвы и т. п., то имел бы место износ богатства, о котором нельзя было бы судить из сравнения продукции и потребления.[1]

Кольм считает, однако, что такого рода явление в нормальных условиях практического значения при исчислении народного дохода не имеет: происходящая в связи с этим ошибка не может превысить размеры тех ошибок, которые неизбежны при применяемых в настоящее время, несовершенных способах исчисления народного дохода. Но Кольм упускает из виду, что исчисления народного дохода обладают особым интересом именно в ненормальных условиях, когда сдвиги между элементами народного хозяйства особенно велики. Далее, Кольм забывает о противоположной возможности на которую вполне правильно указывает Роговский.[2] В условиях современной конкуренции и бурного технического прогресса часто происходит замена машин, которые могли бы еще долго работать, только потому, что для удержания позиций предприятия на рынках оказывается выгодным ставить более усовершенствованную машину вместо устарелой, но не вполне использованной. В такой обстановке многие суммы которые в другое время рассматривались бы, как капитальные вложения, и при исчислении народного дохода во внимание не принимались, должны быть включены в износ основных фондов.

При обсуждении проблем исчисления по «об'ективному» методу критика конкретного статистического материала у немецких авторов не играет роли: дело ограничивается общими соображениями методологического характера. Да иначе и быть не может, так как в Германии до сих пор нет статистических материалов, на основании которых можно было бы исчислить народный доход по «об'ективному» методу. В Германии имеется статистика сел.-хоз. продукции (хотя и неполная), имеется статистика продукции горнозаводской промышленности, но нет статистики продукции большинства отраслей обрабатывающей промышленности. А без последней исчисление реального народного дохода невозможно. Поэтому, исчисления последнего, которые имеются в немецкой литературе, опираются на австро-венгерский материал.

В противоположность этому, при дискуссии о «суб'ективном» методе общие соображения отодвигаются на задний план, и их место занимает обсуждение характерных черт конкретного статистического материала.

[1] „Schr. d. V. f. S.", S. 37.
[2] Цит. соч., стр. 35.

3. Исчисление народного дохода по «суб'ективному» методу. «Суб'ективный» метод в его приложении к исчислению народного дохода исходит из данных статистики подоходного обложения, и соответствующим авторам приходится при своих подсчетах приспособляться к наличному материалу.

Налоговая система Германской империи подоходного налога не знала: взимание подоходного налога входило в круг прав федеративных частей Германии. Каждое из 26 федеративных государств Германии имело перед войной свой закон о подоходном налоге со своим прожиточным минимумом, со своими ставками, со своими правилами о скидках и т. п. Различия в методах учета были столь значительными, что об об'единении данных, относящихся ко всей Германии, в общие таблицы не могло быть и речи.

Наиболее полной, методологически разработанной и пригодной для выводов о народном доходе являлась саксонская статистика подоходного обложения. Но Саксония отличается исключительно высоким индустриальным развитием и занимает лишь относительно небольшую часть Германии; поэтому, статистику подоходного обложения Саксонии никоим образом нельзя было принять за базис для исчисления народного дохода Германии.

Подавляющее большинство авторов, занимавшихся исчислением народного дохода Германии, обращались к прусской статистике подоходного обложения. На долю Пруссии приходится больше половины как населения, так и территории Германии; она включает в себя, с одной стороны, индустриальные, а с другой стороны, аграрные области. Цифры, относящиеся к Пруссии, можно с большим основанием считать характерными для всей Германии. Обсуждение и критика прусской статистики подоходного обложения [1] занимает, поэтому, много места в немецкой литературе о народном доходе. Она интересна также и с точки зрения тех трудностей, с которыми связано применение всякой статистики подоходного обложения.

Наиболее слабая сторона соответствующих материалов заключается в том, что прусский закон о подоходном обложении предусматривал прожиточный минимум в 900 марок в год, и в связи с этим, налоговые учреждения не интересовались доходами, лежащими ниже этой границы.[2] В конце XIX и в начале XX века в германской литературе было принято оценивать средний доход лиц с доходом ниже прожиточного минимума в 450 марок; в прусских статистических ежегодниках такая оценка сохранилась до самой войны. Между тем, экономисты приблизительно с 1907 г. признали более правильной оценку в 750 марок. Последней цифры придерживается и Гельфферих, в то время как Роговский допускает, что средний доход этой категории находится где-то между 690 и 810 марками. Насколько важна правильная оценка дохода лиц этой категории, можно судить из того, что на нее (включая членов семейств) в конце XIX века приходилось свыше двух третей всего населения Пруссии, а перед войной — все еще свыше трети. Между тем те способы оценки, которые применяются, нужно признать весьма и весьма приблизительными.

Некоторые затруднения возникают также в связи с низшими группами плательщиков налога, — лиц с доходом от 900 до 3.000 марок. Прежде всего, в отношении этих групп декларация доходов плательщиками не применяется, а оценки финансовых инспекторов далеко нельзя признать достоверными. Далее, при наличии определенных условий (главным образом, неработоспособных членов семьи) допускается условное понижение дохода,

[1] Соответствующие данные публиковались в „Statistisches Jahrbuch für den Preussischen Staat".

[2] Одно из главных преимуществ саксонской статистики подоходного обложения было связано именно с тем, что в Саксонии был более низкий прожиточный минимум.

в результате которого плательщик спускается в низшую группу, а подчас и совсем выбывает из числа плательщиков. Средний доход лиц, принадлежащих к последней категории (т.-е. выбывших вследствие понижения) приходится опять-таки оценивать. В официальной прусской статистике для них указан средний доход в 900 марок, у Роговского — от 1.000 до 1.100 марок. Гельфферих в первых изданиях своей книги предусмотрел для этой группы 1.500 марок, но потом снизил эту цифру до 1.000 марок.

Чрезвычайно существенным вопросом является укрытие плательщиками налогов некоторой части своих доходов. Стремление к этому у большинства плательщиков налога, конечно, велико. Некоторые возможности в этом направлении имеются у всех категорий плательщиков, но у лиц с небольшим доходом они, в общем, незначительны; в особенности заработная плата легко поддается контролю. Наиболее благоприятно в этом отношении положение капиталистических кругов, среди которых часто доход одного лица течет одновременно из нескольких источников. Часть этих источников при правовых условиях капиталистических государств вообще не поддается контролю, как например, проценты по банковским вкладам (банковская тайна). Далее, финансовым инспекторам при проверке приходится волей-неволей приспособляться к бухгалтерской практике капиталистических предприятий. А в этой практике применяется не мало ухищрений для того, чтобы формально приспособиться к тому или иному параграфу закона и в то же время скрыть некоторую часть дохода. Знакомство с такого рода ухищрениями принадлежит к числу непременных обязанностей всякого ответственного бухгалтера в Германии. При просмотре об'явлений лиц, ищущих бухгалтеров, и бухгалтеров, ищущих службу, в германских газетах не раз натолкнешься на фразы, касающиеся «познаний и опыта» в налоговой практике. Если же некоторые ухищрения с формальной стороны и не вполне удовлетворят какого-либо финансового инспектора, то в сомнительных случаях сыграет свою роль нежелание ссориться с пользующимся влиянием предпринимателя. А, как говорит Роговский, который вряд ли склонен преувеличивать в этом вопросе, «прусский закон о подоходном налоге не только дает возможность искусственно преуменьшать доход. В некоторых случаях закон сам сознательно обладает тенденцией представлять доходы преуменьшенными.» [1]

Какой процент доходов в среднем скрывается плательщиками? На этот вопрос, конечно, совершенно невозможно дать сколько-нибудь обоснованный ответ. Гельфферих делает в связи с утайкой прибавку к об'явленным доходам в размере 10%, Р. Майер — 25%, Роговский — 33%. Фелльнер же считает, что декларированный доход составляет обычно всего одну треть фактического, т.-е. скрываются две трети. И Гиртлер, шаг за шагом критикующий подсчеты Фелльнера, по этому пункту не находит никаких возражений. [2]

Далее, прусский закон о подоходном обложении предусматривал право плательщиков делать определенные вычеты из валовой суммы дохода. К этим вычетам принадлежала амортизация средств производства, премии по страхованию, проценты по долговым обязательствам и др. При вычислении этих вычетов опять-таки открывалось широкое поле для преувеличения, и к приведенным в официальной статистике суммам дохода приходится делать дальнейшие коррективы.

В отношении дохода, нераспределенного между физическими лицами и оставшегося в предприятиях, прусская статистика подоходного обложения

[1] Цит. соч., стр. 48.

[2] То обстоятельство, что рассуждения Фелльнера и Гиртлера относятся к Австро-Венгрии, а остальных авторов — к Пруссии, мало изменяет дело.

дает абсолютно неудовлетворительные данные, и всем авторам приходится прибегать при подсчетах к целому ряду дополнительных данных.

Таковы главнейшие затруднения, вытекающие из т е х н и к и прусского подоходного обложения. Экономистам, производившим подсчет народного дохода Германии за довоенный период, приходилось так или иначе обходить как эти, так и многие другие затруднения и делать более или менее обоснованные оценки.

После войны (с 1920 г.) право обложения подоходным налогом перешло от отдельных федеративных частей к центральным органам Германии. Этим самым была создана важнейшая предпосылка для единой статистики подоходного обложения. Не приходится, однако, пользоваться в целях исчисления народного дохода теми данными, которые были опубликованы за инфляционные годы — частые и резкие колебания валюты совершенно исказили цифры, и никакие индексы не могут помочь перечислить денежные единицы в сколько-нибудь реальные. К тому же, инструкции по применению подоходного налога менялись несколько раз в год, что еще более затрудняет оценку приведенных цифр.

За первый после инфляции год (1924 г.) были опубликованы неполные данные, и Роговский, который явился последним из авторов, использовавших статистику подоходного обложения, считал возможным применить лишь ту ее часть, которая касалась заработной платы. Для оценки дохода из других источников ему пришлось прибегнуть к иным материалам.

Статистика подоходного обложения за 1925 г. была начата публикованием лишь в 1927 г., и ни один из немецких экономистов, занимавшихся исчислением народного дохода, еще не успел ее использовать.

* * *

Кроме тех недостатков, которые, присущи исчислениям народного дохода по «суб'ективному» методу, в связи с техникой подоходного обложения, имеются и другие недостатки, вызываемые постановкой соответствующей статистики. Сюда относится, главным образом, отсутствие расчленения народного дохода по экономическим признакам. Уже при беглом просмотре работ, в которых произведено исчисление народного дохода Германии, бросается в глаза, что там нет группировки ни по классам населения, ни по отраслям труда, ни по социальным секторам. Статистика подоходного обложения Пруссии не дает достаточного материала для подобного рода группировки. Единственное социальное расчленение доходов, которое в ней приводится, состоит из следующих колонок: а) доход по капиталам; б) доход с земельного имущества; в) доход из торговли и промышленности; г) «приносящие прибыль занятия, права на периодические получки и т. д.».

Как это ни кажется странным на первый взгляд, заработная плата скрывается в последней из приведенных категорий. Естественно, что с такой классификацией доходов многого сделать нельзя.

Единственная группировка, которая проведена в прусской статистике детально и последовательно, это — группировка п о р а з м е р у д о х о д а отдельных групп плательщиков налога. Этой группировкой в немецкой литературе занимались весьма много. Соответствующие цифры комбинируются немецкими авторами чрезвычайно хитроумными способами, и вычисляются разнообразные показатели, характеризующие эволюцию доходов. Подавляющее большинство авторов приходило при этом к выводу, что как народный доход, так и средний доход на душу росли перед войной чрезвычайно быстро, притом в равномерной степени для различных групп населения. Основной недостаток всех этих подсчетов заключается в том, что в них совершенно

игнорировался под'ем цен.[1] Характерно, однако, что Адольф Вагнер (который, впрочем, также совершенно забывает об эволюции цен) на основании той же прусской статистики подоходного обложения приходит к совершенно иным выводам и утверждает, что крупные доходы растут значительно быстрее, чем низкие доходы.[2] Если же в подсчеты Вагнера ввести еще индексы цен, то рост классовых противоречий выступил бы еще ярче.

Указанные недостатки статистики подоходного обложения можно, конечно, при желании устранить. В отдельных государствах Германии делались уже попытки группировки доходов по профессиям плательщиков (например, в Гамбурге в 1870 г. и в 1886 г.). Более последовательно это было проведено в Австрии. До сих пор, однако, в немецкой литературе не имеется полного исчисления народного дохода с классовой группировкой.

Но если бы даже и удалось исправить решительно все упомянутые недостатки, то и тогда против применения «суб'ективного» метода в той форме, как он господствует в немецкой литературе, появляются чрезвычайно веские соображения. Заключаются они в том, что у всех немецких авторов на первом плане находится о б щ и й и т о г народного дохода. Если этот общий итог вычислить по «об'ективному» методу (конечно, п р а в и л ь н о вычислить), то он представит собою вполне определенное понятие, а именно сумму материальных благ, которые в результате производства за определенный период остались в распоряжении народного хозяйства за вычетом материальных благ, потраченных в процессе производства. Между тем общий итог, исчисленный по «суб'ективному» методу, решительно ничего не выражает. «Суб'ективный» метод рассматривает каждое новое звено в перераспределении доходов, как самостоятельный источник дохода. Для него безразлично, основные ли это доходы или производные. Каждое новое звено входит новым составным элементом в общий итог и увеличивает сумму народного дохода. Чем больше звеньев, тем больше и общая сумма народного дохода.

Некоторое представление о намеченной проблеме в немецкой литературе имеется. В ней можно встретить споры о так называемых Doppel Zählungen, т.-е. двойном зачислении одних и тех же сумм. Мысль о необходимости строгого разделения основных и производных доходов не завоевала себе, однако, прав гражданства.

Применение «суб'ективного» метода для исчисления общей суммы народного дохода (как это типично для немецкой литературы) нужно признать недопустимым. Исчисления народного дохода по «суб'ективному» методу сделаются чрезвычайно ценным дополнением к исчислениям народного дохода по «об'ективному» методу только в том случае, если в них будет проведено четкое разделение основных и производных доходов.

Главнейшие попытки исчисления

1. Г е л ь ф ф е р и х. В 1913 г. директор Дойтше банк (а позже министр и вице-канцлер) К. Гельфферих выпустил книгу,[3] в которой в восторженных тонах описывается экономическое развитие Германии за период царствования Вильгельма II. Книга эта приобрела широкую известность как в самой Германии, так и вне ее пределов, не в последней степени потому, что

[1] Это обстоятельство вполне правильно отмечено С. Фалькнером в предисловии к русскому изданию книги Гельфферика.

[2] Adolph Wagner, „Weitere statistische Untersuchungen über die Verteilung des Volkseinkommens in Preussen auf Grund der neueren Einkommenssteuer-Statistik (1892—1902)", „Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistischen Bureaus", Berlin, 1904 г.

[3] K. Helfferich „Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913". Первое издание, Berlin 1913 г., последнее (7-е), Berlin, 1917

в ней был произведен подсчет народного дохода и народного богатства Германии. При ближайшем рассмотрении, однако, та часть книги Гельфериха, в которой идет речь о народном доходе, с методологической стороны далеко не оправдывает возлагаемых на нее ожиданий. В связи с популярностью, приобретенной исчислением Гельфериха, желательно указать на допущенные им ошибки.[1]

Слабые стороны произведенного Гельфферихом подсчета заключаются, главным образом, в следующем:

1) Сумма в 1.000 марок, принятая Гельфферихом как средний доход лиц, освобожденных от дохода по различным причинам, не обоснована решительно никакими источниками. Примечание Гельфериха: «чтобы не преувеличить, я понизил мою первоначальную цифру среднего дохода вольнонаемного цензита с 1.500 до 1.000 марок,[2] конечно, не приходится считать сколько-нибудь удовлетворительной мотивировкой.

2) То же самое относится и к среднему доходу тех лиц, доход которых не достигает 900 марок, Гельфферих принял его равным 750 маркам и ограничивается коротким замечанием: «я не имел оснований счесть, что норма в 750 марок в качестве среднего дохода лиц, не облагаемых налогом, слишком высока». Это, конечно, нельзя признать научным обоснованием или даже попыткой научного обоснования.

3) Остается неизвестным, почему Гельфферих на ту часть доходов, которая скрыта плательщиками в их декларациях, прибавляет именно 10%, а не какой-либо иной процент.

4) Совершенно непонятно, почему Гельфферих считает явные и скрытые резервы юридических лиц равными всего лишь четверти общей суммы дивидендов. При той усиленной амортизации, которая принята во многих германских предприятиях, а равно при обычных для Германии ухищрениях в целях образования скрытых резервов, естественно предположить, что соответствующая сумма должна быть значительно большей, чем принятые Гельфферихом 220 млн. марок. На обязанности Гельфериха лежало во всяком случае, привести хотя бы какие-нибудь контрольные подсчеты.

5) Применение вычисленного для Пруссии среднего дохода в отношении всей Германии недостаточно обосновано. Гельфферих говорит по этому поводу: «Проверка результатов сбора подоходного налога в остальных государствах с собственной системой подоходного обложения показывает, что этот средний доход является приблизительно нормальным для всей Германии. В Саксонии средняя норма немного выше, в Вюртемберге и Бадене — немного ниже; в Ганзейских городах она значительно выше, здесь средний доход достигает почти 1.000 марок; в сравнительно бедных Тюрингских государствах она значительно ниже».[3]

Приведенная цитата ясно показывает, что Гельфферих подходит к проблеме довольно поверхностно. Выражения «немного выше», «немного ниже», «значительно ниже» не мешало бы сопроводить какими-нибудь цифровыми данными или хотя бы ссылкой на источники.

6) Оценка доходов всего общественного сектора одной неспецифицированной суммой является совершенно недопустимым методом. Гельфферих прав, конечно, в том, что «точное исчисление всей части дохода общественных корпораций, не входящей в об'явленный доход частных лиц, предполагает точную проверку бюджетов империи, союзных государств и всех коммунальных союзов».[1] Но если Гельфферих не считает возможным произвести такую проверку, то это не освобождает его от обязанности сделать хотя бы частичные подсчеты.

[1] Соответственно задачам настоящей работы, я останавливаюсь лишь на методологической стороне вопроса и опускаю изложение подсчетов Гельфериха и других авторов

[2] Цит. по русскому переводу: К. Гельфферих. „Развитие хозяйства Германии с 1888—1913 г.“, Москва, 1920 г., стр. 76.

[3] Там же, стр. 78.

Разобранные шесть пунктов с достаточной ясностью показывают, что произведенное Гельфферихом исчисление народного дохода Германии не приходится считать научно обоснованной работой. К методологической стороне вопроса Гельфферих подходит чрезвычайно легко и не видит здесь никаких проблем. Это обстоятельство связано, впрочем, с общими задачами книги Гельфериха. Она предназначена не для проверяющего каждый подсчет экономиста, а для более широких кругов, которым нужно преподнести в удобоваримой форме какую-нибудь цифру. Гельфферих стремится к тому, чтобы в сжатой и общедоступной форме дать картину развития благосостояния Германии. И при исчислении народного дохода он опасается, главным образом того, чтобы его не заподозрили в преувеличении высчитанной им суммы; а точность подсчета (даже в тех пределах, которые допускаются имеющимися источниками) он не считает столь важной.

Произведенный Гельфферихом подсчет подвергся в германской экономической литературе критике, в особенности со стороны Р. Кучинского.[2] Несмотря на ее существенные недостатки не приходится, однако, забывать, что работа Гельфериха дала толчок к ряду дальнейших работ о народном доходе Германии и тем самым оправдала себя.

После войны Гельфферихом была опубликована статья, в которой он произвел новый подсчет народного дохода Германии.[3] С методологической точки зрения эта статья, однако, никакого интереса не представляет, ибо произведенный в ней подсчет отличается еще большей суммарностью, чем его довоенная работа.

2. Роговский. Вышедшая в 1926 г. книга Роговского[4] заключает в себе исчисление народного дохода Германии как за довоенный, так и за послевоенный период.

Работа Роговского построена на том же «суб'ективном» методе, что и работа Гельфериха, но выгодно отличается от последней в нескольких отношениях. Прежде всего, в работу Роговского вложено чрезвычайно много труда: для вычисления и контроля каждой цифры он привлекает все источники, которые могут иметь в ней хотя бы самое отдаленное отношение. Далее Роговский не упускает из виду и теоретической стороны вопроса. Но самое главное, это — то, что Роговский относится чрезвычайно внимательно к методологической стороне. Он делает все от него зависящее для того, чтобы обосновать приводимые им цифры и внести все только возможные поправки.

Но именно благодаря этим преимуществам работа Роговского является наилучшим подтверждением того, что с имевшимися тогда материалами сколько-нибудь удовлетворительного подсчета народного дохода Германии невозможно было произвести. В процессе работы Роговский пытается использовать самые разнообразные источники. Но очень часто он приходит к выводу, что эти источники дают очень мало для исчисления необходимых ему цифр. А так как он хочет добиться цели во что бы то ни стало, то после всех неудачных попыток ему приходится, в конце-концов, оценивать отдельные элементы народного дохода чрезвычайно суммарным способом.

[1] Там же, стр. 79.

[2] Allgemeines Statistisches Archiv“, Achter Band, 1914 г., S. 172 und 400 и „Annalen für soziale Politik und Gesetzgebung“, Band 3, S. 4.

[3] K. Helfferich, „Volksvermögen, Volkseinkommen und Steuerlast—einst und jetzt“ („Welpolitik, und Weltwirtschaft“, Januar, 1925 г.).

[4] Erich Rogowski, „Das Deutsche Volkseinkommen“, Berlin, 1926 г.

Если можно так выразиться, трагедия работы Роговского заключается в том, что она написана на пару лет раньше, чем следовало бы. Если бы он имел в своем распоряжении те статистические материалы, которые вышли в течении последних лет, его работа несомненно привела бы к значительно более успешным результатам.

3. Фелльнер. Несколько в стороне от описанных работ по народному доходу находятся труды профессора Коммерческого института в Будапеште, Фридриха Фелльнера. То обстоятельство, что Фелльнер пользуется материалами австро-венгерской статистики, делает его труды по исчислению народного дохода значительно более плодотворными, чем работы германских ученых. Статистика продукции (как сельскохозяйственной, так и промышленной) достигла в Австро-Венгрии более высокой ступени, чем в Германии, и потому здесь имелись налицо материалы, необходимые для применения «об'ективного» метода. Именно в этом направлении и пошел Фелльнер,[1] и это повысило ценность его работы. Но и он допускает ряд существенных ошибок, из которых желательно указать хотя бы главнейшие:

1) Фелльнер отдает себе отчет в том, что он включает в общую сумму народного дохода лишь основные доходы, а производные доходы остаются в стороне, так как они относятся к сфере перераспределения. Именно этим об'ясняется, например, то обстоятельство, что он выделяет доходы чиновников и лиц свободных профессий в забалансовую статью. В противоположность этому, бросается в глаза совершенно излишнее включение целого ряда элементов платежного баланса.

2) Фелльнер комбинирует в своих вычислениях цифры из самых разнообразных официальных и частных источников, не описывая и не критикуя тех путей, при помощи которых были получены соответствующие цифры. В некоторых случаях, когда в отношении определенного явления имеется налицо несколько оценок, Фелльнер почти что произвольно берет одну из них.[2]

3) Работа Фелльнера не выдержана в отношении того периода времени, к которому она относится. По земледелию и по горно-заводской промышленности он берет средние данные за 1899—1901 гг., по обрабатывающей промышленности — за 1898 г., по другим отраслям — снова иначе.

4) Чрезвычайно слабым с методологической точки зрения является применяемый Фелльнером способ исчисления цен. Фелльнер исходит, большей частью, из данных статистики внешней торговли. Совершенно ясно, что цены, устанавливаемые при пересечении границы, значительно уклоняются от цен внутри страны.

5) Поскольку Фелльнер применяет цены, установленные при пересечении границы, он имеет в виду товары, прошедшие через всю сеть торговых. каналов.[3] Эти цены включают как всю сумму торговых накидок, так и транспортные расходы. Включать после этого отдельно доходы из торговли и транспорта, как это делает Фелльнер, — является явной несообразностью.

6) По целому ряду отраслей Фелльнер забывает о необходимости вычитывать материальные издержки производства.

Таким образом, несмотря на все преимущества примененного Фелльнером метода, произведенное им исчисление нуждается еще в целом ряде поправок.

[1] Friedrich Fellner. „Die Schätzung des Volkseinkommens" („Bulletin de l'Institut International de Statistique", Tome 14 Troisième livraison, Berlin, 1905 г.).

[2] Там же, стр. 140.

[3] Речь идет в первую очередь об оценке экспортных, а не импортных товаров.

В вышедшей в 1917 г. книге, Фелльнер заново произвел исчисление народного дохода Венгрии, пользуясь цифрами за период, непосредственно предшествующий войне; таким же способом он произвел в ней исчисление народного дохода Австрии.[1] Однако, в методологическом отношении он в общем и целом идет прежними путями, и отмеченные выше недостатки принципиального характера не устранены.

Исчисление Фелльнера было подвергнуто детальной критике со стороны профессора университета в Граце (ныне президента австрийского парламента) А. Гиртлера.[2] Критика эта питается «австрийским патриотизмом» автора, который, в противоположность «венгерскому патриотизму» Фелльнера требует того, чтобы народный доход Венгрии оказался выше, а народный доход Австрии оказался ниже.

На отмеченных выше принципиальных недостатках работ Фелльнера, Гиртлер не останавливается. Работа Гиртлера представляет, однако, большой интерес потому, что он шаг за шагом следует за рассуждениями Фелльнера, проверяет все его подсчеты по оригинальным источникам и приводит собственные варианты подсчетов. Всякому, кто производит исчисление народного дохода по «об'ективному» методу, можно рекомендовать внимательное рассмотрение работ Фелльнера и Гиртлера: в них найдется не мало полезных указаний технического характера.

Заключение

Согласно единодушному мнению всех немецких экономистов и статистиков, исчисление народного дохода принадлежит к числу труднейших статистических задач. При современном состоянии статистической науки и практики не приходится еще думать о разрешении ее с той степенью точности, с какой решаются другие статистические задачи. Исчисление народного дохода возможно только путем комбинации результатов статистического наблюдения в самых разнообразных отраслях. При этом, как «об'ективный», так и «суб'ективный» методы являются необходимым дополнением друг к другу. При понимании народного дохода, как процесса распределения и перераспределения чистой продукции народного хозяйства, споры о преимуществах и недостатках «об'ективного» и «суб'ективного» методов представляются чистейшей схоластикой: в таблице народного дохода, построенной на базисе схем Маркса, и «об'ективный», и «суб'ективный» народный доход найдут свое место. Излишни также и столь распространенные в немецкой литературе рассуждения о том, включать или не включать в народный доход доходы от непроизводственного труда. Эти споры имеют смысл только в том случае, если представлять себе народный доход в виде одной цифры. Если же отбросить типичный для немецкой литературы по данному вопросу фетишизм цифры и ни на минуту не упускать из виду скрывающихся за цифрами процессов, то в таблицах, схематизирующих эти процессы, нетрудно найти место и для производственного, и для непроизводственного труда.

Исчисление народного дохода связано в первую очередь с постановкой статистики продукции и статистики личных доходов, опирающейся, в свою очередь, на статистику подоходного обложения. Сколько-нибудь полной статистики промышленной продукции в довоенной Германии не было, а подоходное обложение было в каждой из федеративных частей Германии построено на иных принципах. Поэтому, все производившиеся в Германии

[1] Fellner. „Das Volkseinkommen Oesterreichs und Ungarns". Wien, 1927 г.

[2] A. Gürtler. Das Volkseinkommen Oesterreichs und Ungarns" („Weltwirtschaftliches Archiv", 1918, 13 Band, Heft 3).

исчисления народного дохода должны были прибегать к чрезвычайно грубым оценкам. А теоретики, наблюдая ненаучность подхода, проявляющуюся при практических попытках исчисления народного дохода, делали из этого вывод о полной невозможности такого исчисления. Лишь в Австро-Венгрии можно было произвести более или менее обоснованное исчисление народного дохода.

После войны целый ряд практических проблем потребовал оценки народного дохода Германии. Особенно сильно толкает в этом направлении растущая зависимость Германии от иностранного капитала и репарационный вопрос. Характерным признаком, того, что оценка народного дохода действительно требуется самой жизнью, является то обстоятельство, что такими оценками занялся ряд организаций (Reichsverband der Deutschen Industrie, Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund, Institut für Konjunktutforschung). Германия очутилась после войны в чрезвычайно своеобразном положении, когда, судя по всем признакам, ее народный доход растет параллельно с уменьшением народного богатства. [1] Эта проблема, несомненно, заслуживает того, чтобы экономическая наука занялась ею внимательней. И германские экономисты не могли отвернуться от этой задачи. Даже переполненный «скептиками» Verein für sozialpolitik был вынужден ею заняться. Правда, большинство германских теоретиков продолжают до сих пор держаться прежней «скептической» точки зрения на исчисление народного дохода. [2] Но имеется уже достаточно сильное меньшинство, которое довольно много сделало для уяснения многих методологических проблем.

В связи с состоянием германской статистики, до сих пор приходилось заниматься или методологическими рассуждениями, или же суммарными оценками. Точно так же, и исчисления трех упомянутых организаций принадлежат к числу чрезвычайно суммарных оценок. Но и с этой стороны уже намечается перелом. Подоходное обложение Германии реорганизовано на едином для всего государства базисе. С 1927 г. начали публиковаться результаты новой статистики подоходного обложения. Точно так же, начата публикованием сводная статистика бюджетов Германии, ее федеративных частей и коммун. Производятся кое-какие сводки статистики промышленной продукции. Несомненно, что все эти материалы будут использованы для исчисления народного дохода и приведут к дальнейшему рассмотрению различных методологических проблем.

---

[1] См. Р. Кучинский. „Германия-колония“ („Экономическая Жизнь“ от 13 декабря 1928 г.).

[2] Последней работой о народном доходе, проникнутой духом скептицизм , является недавно вышедшая книга Готтль-Оттлилиенфельда.

Г. А. Мебус

Калийная промышленность Германии и ее хозяйственная организация

Особенности калийной промышленности и положение ее в крупнейших странах

Калийная промышленность выделяется рядом особенностей среди прочих отраслей мировой промышленности. Она, прежде всего, любопытна с точки зрения технической, так как, в современной своей фазе развития, базируется на добыче и переработке калийных солей настолько тесно связанных между собою, что калийная промышленность стоит на грани горной и химической промышленностей, как некая комбинированная отрасль, не могущая быть отнесенной целиком ни к одной, ни к другой. В особенности за последнее время проблемы химической переработки калийных солей становятся настолько острыми и перспективы дальнейшего развития применения калийных соединений являются настолько значительными, что для развития калийной промышленности недостаточно иметь залежи соответствующих минералов (хотя и это важно в виду сравнительной редкости месторождений калийных солей) — нужно уметь организовать надлежащую переработку солей, чтобы гарантировать им сбыт на достаточно выгодных условиях.

С точки зрения экономической калийная промышленность интересна, прежде всего, в том отношении, что она представляет собою отрасль промышленности, развитую в очень немногих странах, являющихся, следовательно, как бы монополистами на мировом рынке. Это монопольное положение калийной промышленности определяет особую хозяйственную организацию ее. Следует, однако, отметить разное положение до мировой войны и после нее: до войны калийные соли добывались в сколько-нибудь заметных количествах только в Германии; в настоящее время, в силу отхода от Германии Эльзаса, она должна делить свое монопольное положение с Францией, а найденные в Испании, СССР и в Соед. Штатах месторождения приводят к созданию все большего количества конкурентов.

По данным Прусского геологического комитета, опубликованным в 1924 г., запасы установленных залежей калийных солей определяются в 25 мрд. тонн сырых солей, в которых содержится 2,5—2,8 мрд. тонн окиси калия. Из этого количества отдельные страны имеют:

Германия	20	мрд. тонн сырых солей,	2	мрд. тонн окиси калия
Эльзас	1.5	„ „ „ „	0,3	„ „ „ „
Испания	1,5	„ „ „ „	0,3	„ „ „ „

Однако, в этих исчислениях не учтены запасы СССР около Соликамска, которые первоначально определялись в 500 млн. тонн окиси калия, а затем в 2 мрд. тонн. Есть еще небольшие залежи в Польше (Галиция), определяемые, примерно, в 18—20 млн. тонн. Недавно обнаруженные в Соед. Штатах месторождения (Новая Мексика и Техас) не могут быть еще точно определены, но пока нет основания полагать, что они больше запасов Эльзаса или СССР. Повидимому, они значительно меньше.

Все эти исчисления указывают на громадное превосходство Германии по размерам разведанных запасов. Правда, если судить по содержанию окиси калия, германские месторождения относительно беднее французских и испанских и, повидимому, также и СССР, так как в среднем содержат 10% окиси калия, при 20% содержании окиси калия в названных странах. Однако, в Германии имеется много залежей высокопроцентных калийных солей, естественные условия залегания которых не хуже чем в других странах. Поэтому неудивительно, что Германия и в настоящее время является крупнейшим производителем калия.

За последние годы добыча калийных солей в разных странах, выраженная в окиси калия, представляется в следующем виде (млн. тонн):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Германия	1.014	1.573	1.260	1.517
Франция	272	312	367	372
Польша	18	36	39	47
Соед. Штаты	21	23	21	39
Индия (калийная селитра)	9	6	5	6

Таблица показывает явное преобладание Германии над другими странами в области добычи калийных солей; за ряд последних лет на Германию приходится не менее ¾ мировой добычи чистого калия. Тем не менее, в настоящее время Германия занимает в мировом вывозе калийных солей меньшее место сравнительно с тем, которое она имеет в мировом производстве. В сущности, лишь Германия и Франция в настоящее время вывозят калийные соли, так как американское и польское производство не достаточны для покрытия собственных потребностей, а индийское производство ничтожно, да, кроме того, представлено особым видом калийных соединений, а, именно, калийной селитрой. Вывоз калийных солей из Германии и Франции за последние годы представляется в следующем виде (данные по реальному весу в тыс. тонн):

	1924 г.		1925 г.		1926 г.		1927 г.	
	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.	Герм.	Франц.
Сырые соли (карналиты, каиниты, сильвиниты)	236	653	317	680	267	630	258	620
Сернокислые соли	95	1	129	1	133	2	149	3
Хлористый калий	111	41	197	43	201	46	177	40
Другие удобрительные соли (концентрированные заводским способом)	441	—	829	1	696	1	774	—

По общему весу вывозимых солей Германия лишь в два раза превосходит Францию, вывозя, преимущественно, обработанные и концентрированные соли, что указывает на известное техническое преимущество германской калийной промышленности над французской. Этому преимуществу Франция пока может противопоставить только меньшие издержки по добыче окиси калия из сырых солей, вследствие большего их богатства.

Итак, судя по приведенным данным, Германия является основным источником калия для мирового рынка, почему рассмотрение именно германской калийной промышленности представляет несомненно большой интерес и не меньшее значение.

Характер и рассмотрение германских залежей калийных солей

В Германии калийные соли встречаются обычно вместе с каменной солью и приурочены к геологической формации, так называемого, верхнего цехштейна; значительно реже калийные соли встречаются в третичных слоях (калийные месторождения Бадена, являющиеся аналогом эльзасских).

Основным районом калийной промышленности являются местности средней и северной Германии между реками Везер Эльба. Главные группы

месторождений калийных солей здесь следующие: Магдебург-Гальберштатская впадина по северному краю Гарца (наиболее известное месторождение Штассфурт-Леопольдсхалль), южный Гарц (Мансфельд, Нордгаузен, Галле, Эрфурт), Ганновер, район Верры и Фульды. Кроме этих важнейших месторождений, следует отметить месторождения в Бадене, у Везеля, на нижнем течении Рейна около голландской границы и месторождения северо-германской низменности. Залежи калийных солей находятся обычно на глубине 350—650 *м* под земной поверхностью. Таким образом, разведка и добыча солей являются довольно дорогим предприятием, так как требуют глубокого бурения и глубоких шахт. При прокладке и эксплоатации шахт приходится очень считаться с опасностями, грозящими от проникновения в ствол шахты или штреки грунтовых или подземных вод. Борьба с водой иногда чрезвычайно сильно затягивает срок прокладки шахты: в Германии имеются шахты, которые строились 10 («Гильдезия») и даже 16 (шахта «Есниц» в Мекленбурге) лет. По южному склону Гарца, где шахты прокладываются быстрее, все же их строят от 1 до 2 лет. Очень опасным является проникновение воды в уже построенные и эксплоатируемые шахты; было очень много случаев полного прекращения добычи в шахтах, вследствие невозможности бороться с водой, несмотря на, иногда, миллионные затраты на эту цель.

Поэтому калийной промышленности присущ значительный элемент риска и концентрация калийной промышленности в немногих предприятиях опасна, так как до сих пор еще не найдено достаточно эффективных способов борьбы с подземными водами. Риск, присущий поискам и эксплоатации (особенно на первых порах) месторождений, сказывается на преобладании в калийной промышленности до войны особой формы предприятия — так называемой «геверкшафт», горного паевого товарищества, без точно фиксированной заранее суммы основного капитала, но с обязательством каждого пайщика делать приплаты, необходимые для функционирования предприятия. Количество паев этих товариществ до недавнего времени было очень ограничено—от 100 до 1.000 при чем до войны эти паи не обращались на бирже.

Калийные соли германских месторождений очень разнообразны; существует около 30 соединений калия с другими элементами в виде солей. Обычно, калийные соли, кроме хлора и серных соединений, содержат примесь натрия, магния и кальция; часто также они содержат буру, бром, иод; меньше и реже родий, цезий, аммоний и таллий. Важнейшими видами калийных солей являются, однако, карналлит (соединение хлористого калия с хлористым магнием), каинит (соединение хлористого калия с сернокислым магнием) и сильвин (хлористый калий). Последний, однако, не встречается, обычно, в чистом виде, а представлен в виде смеси с каменной солью, с примесью глины, кизерита (сернокислого магния) и карналлита, или в виде смеси сильвина с кизеритом. В первом случае мы имеем, так называемый, сильвинит, во втором «твердую соль». Наиболее ценными являются месторождения сильвинита и «твердой соли», так как они содержат наибольший процент окиси калия и дают меньше отбросов при переработке. Карналлиты содержат не больше 12% окиси калия (обычно около 9%) и при переработке на хлористый калий оставляют много отбросов в виде, так называемого, «конечного щелока», который приходится или выпаривать (что невыгодно, вследствие большого расхода топлива), или спускать в реки. Далеко не все предприятия, однако, пользуются правом спускать в реки свои остаточные воды, так как калийная промышленность расположена в чрезвычайно населенном районе Германии с большим количеством городов, которые борятся против загрязнения воды рек из-за санитарных соображений. Между тем, главная масса запасов калийных солей в Германии состоит

именно из карналлитов, которые требуют переработки на химических заводах, так как сырые соли редко могут быть применены для нужд сельского хозяйства, вследствие бедности окисью калия и вредной для многих растений примеси хлористого магния; в промышленности же применяются только концентрированные продукты (значит подвергшиеся предварительной переработке на химических заводах). В преобладании карналлитов заключается большой недостаток германских месторождений калийных солей сравнительно с эльзасскими, состоящими исключительно из сильвинитов. Однако, как уже указано было выше, в Германии имеются большие залежи более богатых солей, сильвинитов и «твердой соли». Особенно богаты ими район Верры и Фульды, южный Гарц, Ганновер и сравнительно недавно открытый новый район в Бадене. Запасы этих районов, повидимому, в своей совокупности гораздо больше, чем запасы Эльзаса. В послевоенное время, под влиянием конкуренции с Эльзасом, добыча сильвинитов и «твердой соли» растет чрезвычайно сильно за счет добычи карналлитов. В 1913 г. из всей добычи сырых солей 45,7% приходилось на долю карналлитов, в 1927 г.— 16,1%. Вместе с тем, центр тяжести калийной промышленности переместился из района Штассфурта в район Верры и Фульды.

Важным преимуществом германских месторождений является наличие кизеритов во многих копях, где добываются калийные соли. Благодаря этому в Германии легче и дешевле производить некоторые сернокислые соединения калийных солей, содержащие очень малый процент хлористого натрия и поэтому важные, как удобрительный материал для культуры винограда, табака, хлопка и ряда тропических растений. Как показывает приведенная (на стр. 216) таблица. Франция почти не вывозит сернокислых калийных солей на мировой рынок.

В современной германской калийной промышленности имеют очень большое значение отбросы при переработке калийных солей на хлористый калий и на сернокислые соединения калия. Важнейшую роль играют бром, поваренная и глауберова соль, серная кислота (последняя получается из кизеритов). Эти отбросы или вернее побочные продукты оказывают большое влияние на себестоимость основных продуктов (хлористый калий, концентрированные удобрительные соли, сернокислый калий и др.), так как способствуют их удешевлению.

Заводы по переработке калийных солей расположены при копях, так как сырые соли представляют собою дешевый громоздкий продукт, теряющий значительную часть своего первоначального веса при заводской переработке. Только в начале развития калийной промышленности заводы существовали отдельно от копей и покупали необходимые им для переработки калийные соли. С конца XIX в. заводы и копи организуются, как единые неразрывные внутри себя предприятия. Отчасти это об'ясняется тем значением, которое приобрели концентрированные удобрительные соли, изготовляемые обычно в форме смеси фабриката — хлористого калия с размолотыми сырыми солями.

Производство в калийной промышленности имеет до известной степени сезонный характер, что связано с характером сбыта продукта. Сезоном является вегетационный период в средней Европе, период май — октябрь. Главная работа идет весной и осенью, когда нужно доставить удобрения для яровых и озимых культур. Работа на склад имеет очень ограниченное распространение, так как калийные соли трудно хранить, вследствие их гигроскопичности и легкого затвердевания. Последнее обстоятельство может привести к необходимости вторичного размола.

Одним из важнейших преимуществ, отличающих Германию от других стран, добывающих калийные соли, является высокий технический уровень добычи и переработки солей. Для решения научно-технических задач в об

ласти добычи и переработки солей об'единением германской калийной промышленности даже организован в 1919 г. специальный исследовательский институт в Штассфурте-Леопольдсхалле, центре германской калийной промышленности.

Развитие и организация германской калийной промышленности до 1919 г.

Калийные соли были открыты в Германии в 1856 г., но заметная добыча их датирует лишь с 1861 г., так как первоначально для них не находили применения. Только в 60-х годах были найдены надлежащие способы использования калийных солей для целей удобрения, но все же до середины 80-х годов промышленное потребление калийных солей превышало сельскохозяйственное. Уже в этот первый период развития калийной промышленности стала складываться монополистическая ее организация, в виде обнимающего все предприятия синдиката, регулирующего цены и сбыт. Синдицирование промышленности давало возможность держать цены на довольно высоком уровне и использовать монопольное положение Германии на внешнем рынке, потребляющем, примерно, половину всей продукции калийной промышленности. На внешнем рынке цены держались на более высоком уровне нежели в Германии, что давало германскому сельскому хозяйству довольно ощутимые преимущества. Такая политика синдиката об'яснялась в значительной степени крупной ролью государственных предприятий в производстве, влияющих в желательном для аграриев направлении на политику синдиката.

Для расширения сбыта калийных солей германский калийный синдикат с начала 90-х годов развил очень энергичную деятельность путем организации особых бюро пропаганды в разных странах, постановки специальных опытов использования калийных удобрений в разных условиях и при различных культурах и издания огромного количества агрономической литературы и даже специального журнала, посвященного вопросам удобрения растений. Эта пропаганда в значительной степени способствовала развитию сельскохозяйственного применения калийных солей: в начале 900-х годов уже до 90% продукции калийной промышленности идет на сельскохозяйственные нужды. Добыча калийных солей быстро росла. Она составляла в тысячах тонн:

1870 г. — 289	1910 г. — 8.161
1880 г. — 669	1911 г. — 9.707
1890 г. — 1.279	1912 г. —11.076
1900 г. — 3.037	1913 г. —11.608

Однако, быстрый рост производства в значительной степени затруднял дальнейшее существование синдикатской организации промышленности, так как этот рост шел за счет появления все большего количества новых предприятий. Так, в 1900 г. действовало 15 предприятий, в 1905 г. — 35, в 1910 г. — 72, в 1913 г. — 125. Новые предприятия требовали или принятия их в синдикат, или грозили продавать продукт по значительно пониженным ценам. В 1910 г. явно обозначился кризис синдиката: несколько предприятий не вошли в синдикат и запродали в Соед. Штаты значительные партии калийных солей по сильно пониженным ценам, стоящим ниже себестоимости многих старых предприятий. Тогда в организацию калийной промышленности вмешалось государство и установило принудительное синдицирование промышленности.

В 1910 г. был издан особый закон, по которому все предприятия были обязаны сбывать свои продукты только через синдикат. Доли участия их в синдикате устанавливались особой распределительной комиссией на 5 лет и могли быть изменены в силу появления новых предприятий, изменения разведанных запасов солей и состояния оборудования копей и фа

брик. Каждое новое предприятие, начавшее добычу и могущее, по состоянию запасов солей и оборудования, поставлять в течение 50 лет не менее 5 тыс. тонн окиси калия ежегодно, имело право на квоту. Однако полную квоту оно получало лишь через 5 лет после начала работ; до этого срока оно имело лишь известную долю своей квоты (не больше 50% на первые годы). Это постановление должно было затруднить образование новых предприятий, но не достигло своей цели. Отчасти это об'ясняется тем, что делалось исключение для шахт, не менее, чем на $^1/_3$ принадлежавших отдельным государствам. Некоторые предприятия, поэтому, уступали известный пакет акций государствам, чтобы немедленно иметь полную квоту. Для облегчения концентрации производства разрешалось передавать квоты от одного предприятия другому; однако, если передавалось больше 50% квоты, требовалось разрешение соответствующих государственных органов, так как закрытие предприятия могло отразиться на налоговых поступлениях и всей народнохозяйственной жизни известного района. Кроме того, при закрытии предприятия, оно было обязано вознаградить рабочих и служащих за вынужденную безработицу на срок до 26 недель.

Общий контингент сбыта устанавливался на уровне 105% сбыта предыдущего года. Всем предприятиям было запрещено устраивать фабрики хлористого калия вне Германии или принимать в них участие. Предприятия, продающие вне синдиката, облагались высокими штрафами. Штрафы были весьма значительны: копи Ашерслебен за внесиндикатские продажи 1911 и 1912 гг. заплатили 300 тыс. марок штрафа.

Столь значительные штрафы, разумеется, быстро привели в синдикат аутсайдеров и с 1912 г. синдикат имел полное господство на рынке. Так как на внутреннем рынке цены на калийные соли с 1910 г. утверждались союзным советом, то главные прибыли давал внешний рынок, цены на котором были во власти синдиката.

В 1913 г. общий сбыт калийной промышленности оценивался в 200 млн. марок, из которых 118 млн. приходилось на долю внешнего рынка. По исчислениям видного деятеля калийной промышленности Зауэра, отсутствие принудительного синдиката дало бы возможность иностранным потребителям в период 1910—1912 гг. заплатить за калийные соли примерно на 100 млн. марок меньше, чем было фактически уплачено.

С этой точки зрения, закон 1910 г. принес довольно значительные плоды. Однако, он не устранил основного недостатка организации промышленности — избытка числа предприятий. Наоборот, этот закон до известной степени даже усилил чрезмерную капитализацию.

Во время действия закона 1910 г., т.-е. с 1910 г. по 1919 г., состояние германской калийной промышленности характеризуется следующими показателями. (См. стр. 221).

С 1910 г. по 1913 г. производство и сбыт росли очень интенсивно, но число действующих предприятий увеличивалось быстрее, вследствие чего уменьшалась продукция и сбыт на каждом из них. Сбыт заграницу рос очень быстро, но внутренний рынок поглощал все же главную долю производства. Война сильно сократила сбыт на внешние рынки, следствием чего было сильное падение производства в 1914 г. и, особенно, в 1915 г. Однако, в 1916—1918 гг. сбыт калийных солей на внутренний рынок настолько растет, что в последние годы войны калийная промышленность стоит примерно на 85—90% довоенного уровня в отношении производства и общего сбыта. Война показала, таким образом, огромное значение внутреннего рынка для калийной промышленности.

Рост внутреннего потребления калийных солей во время войны, частично, об'ясняется недостатком азотных и фосфорно-кислых удобрений, которые стремились заменить калийными. Однако, крупное значение имела

также политика цен. Цены на калийные удобрения были довольно стабильными и стали повышаться только в конце 1915 г., при чем рост цен

Годы	Число действующих предприятий	Добыча в тыс. тонн			Сбыт в тыс. тонн	
		карналитов	сильвинитов и „твердой соли“	Всего	Окиси калия	
					Всего	В том числе за границу
1910	72	3.583	4.578	8.161	734 [1]	305 [1]
1911	78	4.442	5.265	9.707	882 [1]	402 [1]
1912	94	5.288	5.788	11 076	1.005 [1]	477 [1]
1913	125	5.302	6 305	11.607	1.110	506
1914	149	3.651	4.521	8.172	904	366
1915	149	3.011	3.868	6.879	680	113
1916	148	3.795	4.848	8.643	884	159
1917	147	3.767	5.171	8.938	1.004	133
1918	147	4.145	5.293	9.438	1.002	142
1919	147	3.371	4.441	7.812	812	175

на калийные удобрения шел значительно более медленным темпом сравнительно с ценами на другие товары и, прежде всего, на продукты сельского хозяйства.

Образование и развитие концернов

Резкое увеличение числа предприятий в 900-х годах, вызвавшее принудительное об'единение их в синдикат законом 1910 г., вместе с тем, поставило новую организационную проблему в калийной промышленности — проблему концернов или более тесных об'единений отдельных предприятий внутри синдиката.

Причины образования концернов были весьма разнообразны. По мере увеличения числа предприятий все труднее становилось получить право на спуск в реки остаточных вод; отсюда договоры на совместное пользование фабриками между предприятиями, из которых одно имело, так называемое, Endlaufekonzession (право на спуск в реку конечного щелока). Бывали случаи основания копей без сооружения фабрики по переработке солей; в таком случае копи брали в аренду фабрику у другого предприятия и, таким образом, между ними устанавливалась общность интересов на длительное время. Необходимость иметь два ствола шахты, с 1907 г. также вызывала длительные об'единения предприятий, удовлетворявших требованиям органов горного надзора прокладкой соединительной штольни. Еще более существенное значение для образования концернов имело превращение второго ствола шахты в самостоятельное предприятие, со «своими» залежами солей. Акции или паи оставались в руках основного предприятия и, таким образом, возникали предприятия — дочери, внучки и т. д., а, с другой стороны, все большую роль в активах калийных предприятий стали играть акции и паи других шахт и фабрик.

Далее, весьма важную роль в образовании концернов играли некоторые особенности синдикатского регулирования промышленности. Доли сбыта устанавливались по отдельным категориям продуктов, а это вызывало постоянную необходимость во взаимных обменах долями, так как почти каждое предприятие, по условиям производства, могло попасть в такое положение, что по одному продукту ему было выгоднее произвести больше, а по другому меньше, чем составляла его квота. Синдикат допускал такие соглашения об обмене квотами, а по закону 1910 г. даже

[1] Без внесиндикатских поставок в Соед. Штаты.

разрешалась уступка квоты целиком или частично другому предприятию: отсюда все более тесные об'единения между отдельными предприятиями.

Такие об'единения вызывались также борьбой за влияние в синдикате. К тому же в нем установилась групповая система выборов: например, при выборах членов наблюдательного совета каждый выбирался от группы, имеющей одну восьмую всех долей. Разумеется, это было важным стимулом для образования прочных об'единений, представители которых могли бы проводить определенную политику в синдикате.

Наконец, условия финансирования калийной промышленности создавали необходимость в об'единениях, так как это давало возможность менее кредитоспособным предприятиям воспользоваться кредитом более прочных на рынке капиталов. В особенности, в последние годы до войны, эмиссии калийных предприятий приняли очень значительные размеры: в 1911 г., например, они доходили до 115 млн. марок, а в 1912 г. 95 обществ выпустили одних облигаций на 232 млн. марок. Эти суммы собирались, главным образом, среди средних капиталистов. Центральные депозитные банки, обычно, не участвовали в эмиссиях калийных ценностей и даже не рекомендовали своим клиентам приобретать их, в виду большого риска, связанного с калийным делом. Паи горных товариществ до войны не котировались на бирже; между тем в калийной промышленности было мало акционерных обществ, а главная масса предприятий была создана в форме горных паевых товариществ (Geverkschaft).

В учреждении новых калийных предприятий большое участие принимали провинциальные банки, в особенности, частные банкирские конторы (около половины предприятий возникло в результате деятельности последних). Некоторые из банкирских домов специализировались на калийном деле; естественно, что длительная связь целого ряда калийных предприятий с определенными банковскими фирмами также создавала предпосылки для тесного их об'единения. К тому же многие банкирские конторы и более крупные банки настаивали на таких об'единениях, так как это уменьшало риск[1] вложения новых капиталов, путем распределения их на более широкий круг участников, создавало большую ликвидность затраченных средств, в особенности, в случае, если одно или несколько предприятий находилось в разной стадии достройки, наконец, облегчало обозримость предприятий и делало более легкой калькуляцию себестоимости, очень разной не только в силу производственных, но и транспортных условий. По закону 1910 г. цена калийных солей для внутреннего рынка считалась франко-станции Штассфурт, Зальцунген или Виненбург, при чем на далекие расстояния давалась скидка с железнодорожного тарифа за счет калийного синдиката. Об'единение предприятий, расположенных в разных расстояниях от этих исходных станций, давало возможность уравнивать выгоды или невыгоды географического их расположения. Значение географического фактора усиливалось еще вопросом топлива и энергоснабжения. Предприятия Гарца и Тюрингии расположены в буроугольных районах и часто имеют собственные угольные копи; в районе Верры и Фульды и в северном Ганновере предприятия покупают топливо и, в особенности, электрическую энергию от других.

Под влиянием всех изложенных причин, концерны стали образовываться уже в конце 90-х гг. и рост их происходил необычайно интенсивно. В начале 1910 г. из 68 работавших предприятий было об'единено концернами 36, при чем на них приходилось уже больше половины долей участия

[1] Возможность затопления шахты или недостаточных запасов по окончании покладки шахты.

в синдикате — 526,23 тысячных, а на 32 самостоятельных приходилось только 473,77 тысячных. Эти концерны, однако, охватывали лишь небольшие группы предприятий.

К началу войны концерны оставались такими же небольшими, но количество их сильно увеличилось. В 1914 г. считалось уже 34 концерна и лишь 17 отдельных, не об'единенных предприятий. Однако, самый большой концерн Deutsche Kaliwerke A. G имел лишь 9,5% долей[1] участия в синдикате. К концу войны, в 1918 г. имеется еще 27 концернов, но уже почти все предприятия об'единены ими. Предприятия вне концернов имеют в общем лишь 54 тысячных сбыта синдиката.

Самый сильный концерн имеет в 1918 г. уже почти 12% долей участия в синдикате, но уже в 1919 г. роль его сильно падает, так как от Германии отходит Эльзас, а вместе с тем и ликвидируются немецкие предприятия в Эльзасе, принадлежащие Deutsche Kaliwerke A. G.

Если принять во внимание, что в германской калийной промышленности не было ни одного единоличного предприятия[2], может показаться непонятным, почему процесс концентрации происходил так медленно. Одна из причин заключается в том, что очень редко применялась фузия — полное поглощение одного предприятия другим. Обычной формой об'единения являлась «общность интересов» (Interessengemeinschaft) об'единение довольно неопределенное, но дающее ряд возможностей переплетения предприятий, трудно обозримого со стороны. Путем такой Interessengemeinschaft, многие концерны были переплетены между собой, что давало возможность самых разнообразных, плохо видных для широкой публики, финансовых комбинаций. Об'единения путем специальных обществ по скупке акций были мало распространены — до войны их насчитывалось всего два. Однако, очень была распространена смешанная форма, типичная для Interessengemeinschaft: обмен акциями и сосредоточение акций многих предприятий в одном обществе, занимающемся и непосредственной производственной деятельностью. Поэтому, многочисленность концернов не дает вполне правильного представления о степени концентрации промышленности, так как многие концерны были связаны между собою.

Что касается редкости случаев фузии, то это было связано со стремлением сохранить максимум предприятий для квоты. Фузия имела бы смысл только тогда, когда из ряда слитых предприятий по добыче последняя была бы концентрирована на самых выгодных шахтах. Именно это было опасно, так как закрытые шахты при периодическом пересмотре долей участия лишились бы квоты.

Кроме того, фузия обычно применяется для увеличения основного капитала. При акционерной форме предприятия проведение такового увеличения весьма просто и совершается путем выпуска дополнительных акций. Между тем, огромное большинство предприятий было организовано в форме горного паевого товарищества с твердо фиксированным числом паев. Увеличение основного капитала при такой форме предприятия требовало дополнительных приплат по паям, что конечно встречало весьма большую оппозицию у пайщиков.

Концерны постепенно стремились превратить свои предприятия в акционерные общества, в виду большей эластичности этой формы предприятий; однако, далеко не все могли провести это с достаточной полнотой.

[1] Точнее 94 6065 тысячных. С 1910 г. доли участия в синдикате выражаются в тысячных с четырьмя десятичными знаками — дополнительная иллюстрация кризиса перекапитализации.

[2] Только Вестерегельн, одно из старейших, было основано в качестве такового. Однако, оно в конце XIX в. уже было реорганизовано в акц. об-во.

так как многие предприятия существовали очень недавно и, поэтому, точное определение их имущественного положения представляло большие трудности. При форме горного паевого товарищества (Gewerkschaft) эти трудности обходились, так как оно не имело определенного основного капитала.

Закон 1919 г.

После окончания мировой войны в германской калийной промышленности возникли новые проблемы, очень быстро потребовавшие иного регулирования со стороны государства и более напряженной деятельности со стороны концернов.

После войны вновь открылся мировой рынок для промышленности и, прежде всего, вновь появилась возможность поставок калия в Соед. Штаты. Однако, за время войны в этой стране возникло свое производство калийных соединений, а посему предстояла борьба за американский рынок. Правда, производство калийных соединений в Соед. Штатах возникло при специфических военных условиях, когда необычайно высокие цены оправдывали высокие издержки производства калийных солей при использовании соляных озер и отбросов некоторых отраслей промышленности. За время войны в Соед. Штатах платили за калий до 400 долларов за тонну. Между тем, калийный синдикат осенью 1919 г. заключил договор на поставку калийных солей по 120 долларов за тонну окиси калия и этот договор считался для него чрезвычайно выгодным, так как это составляло 1.200 марок за 100 кг, в то время как внутренняя цена зимою 1919 г. составляла 85—90 марок. Разумеется, эта колоссальная разница в ценах об'яснялась и специфическими условиями колебания курса марки. Во всяком случае цены германских калийных солей были настолько ниже цен американских продуктов, что для американских предприятий конкуренция была непосильной.

Эти предприятия, однако, домогались высоких таможенных пошлин на привозные калийные продукты для защиты местного производства. Было весьма вероятным, что эти пошлины будут введены, так как калийная промышленность в Соед. Штатах возникла при деятельном участии государства и в нее было вложено около 50 млн. долларов капитала, могущего быть совершенно обесцененным. Поэтому, высокие доходы 1919 г. могли смениться в ближайшие же годы весьма низкими поступлениями по продаже за границу. Еще серьезнее был переход эльзасских предприятий к Франции. В момент перехода в Эльзасе было 17 шахт, но не было фабрик по выработке хлористого калия и сернокислых соединений калия; поэтому, в 1919 г. во Францию даже ввозилось некоторое количество калийных солей из Германии и для борьбы с этим ввозом были установлены высокие ввозные пошлины. Однако, французское правительство, секвестрировавшее германские предприятия и принадлежащее эльзасцам общество св. Терезы, энергично строило фабрики и прокладывало новые шахты. В 1920 и в последующие годы уже идет вывоз из Франции по очень низким ценам и проблема внешнего рынка становится очень острой.

Производственные условия в Германии после войны также ухудшились. Сильно понизилась производительность труда при сильном увеличении общего количества рабочих. На 1 июля 1914 г. в калийной промышленности насчитывалось 35 тыс. рабочих, 1 октября 1918 г.— 36 тыс. (из них 15 тыс. военнопленных), 1 июля 1920 г. — 54 тыс. Производство в тысячах тонн сырых солей составляло:

1913 г.	— 11.608
1918 „	- 9.438
1920 „	- 11.386

Производительность труда, выраженная в тоннах годовой добычи на 1 рабочего, упала до 200 против 344 до войны. Резкое понижение производительности труда не могло не отразиться на уровне себестоимости, тем более, что в калийной промышленности до половины всех текущих эксплоатационных расходов составляла заработная плата. Многие предприятия страдали от недостатка и дороговизны угля и энергии.

Наконец возникла опасность возобновления постройки новых шахт в результате высоких прибылей по заграничным продажам 1919 и начала 1920 гг.

Все эти условия настоятельно требовали рационализации промышленности с целью приспособить ее к изменившимся условиям мирового рынка и условиям производства внутри страны. Естественно, что эта рационализация требовала и пересмотра государственного регулирования калийной промышленности.

С другой стороны, изменились и социально-политические условия. В результате германской революции у власти оказались социал-демократы, которые под влиянием давления масс выдвинули лозунг большего вмешательства государства в регулирование хозяйственной жизни и участия рабочих в руководстве промышленностью, вплоть до «социализации» таких отраслей, которые «созрели» для нее в результате своего хозяйственного и организационного развития. Наиболее подходящей для социализации казалась, кроме угольных и некоторых других, именно калийная промышленность представляющая собою регулируемую государством частно-хозяйственную монополию. Уже во время обсуждения закона 1910 г. социал-демократическая фракция рейстага выдвигала требование огосударствления калийной промышленности. В 1919 г. «комиссии по социализации» было поручено изучить положение калийной промышленности с целью установления условий и сроков перехода ее к государству; но уже до начала работ комиссии был издан закон, который сильно изменял регулирование промышленности против постановлений закона 1910 г.

По закону 24 апреля 1919 г. устанавливался особый верховный орган управления калийной промышленностью — «калийный совет» из 30 членов. Этот совет, своего рода хозяйственный парламент по калийным делам, получал довольно широкие права. Он должен был устанавливать основные принципы регулирования промышленности с целью ее бесперебойного развития и, вместе с тем, защищать интересы германского сельского хозяйства и других потребителей калия в Германии. Поэтому, ему предоставлялось право определять цены на калийные соли внутри Германии и регулировать количество предприятий: он имел право запрета прокладки новых шахт и мог закрывать существующие предприятия по добыче и переработке калийных солей, в случае нехозяйственного ведения дела. Далее, калийному совету были подведомственны дела, касающиеся рабочих в калийной промышленности: длина рабочего дня, уровень заработной платы, условия труда и т. д.

Все предприятия, добывающие калийные соли и соединения горнозаводским или иным путем, были обязаны войти в калийный синдикат, который в отношении цен и условий сбыта внутри Германии считался исполнительным органом калийного совета. В правление синдиката был введен представитель от рабочих. На внешнем рынке калийный синдикат выступал вполне самостоятельно.

Доли участия в синдикате устанавливаются особым органом „Kaliprüfungsstelle“ члены которого избираются калийным советом; им же избираются члены апелляционного органа Kaliberufungsstelle.

Для контроля над условиями труда калийный совет имеет особые органы в двух инстанциях. Наконец, особый орган — Landwirtschaftlich — technische Stelle — устанавливается также для сельскохозяйственной пропаганды калия. Однако, председатели всех органов калийного совета назначаются министром народного хозяйства. В случае нарушений обычных условий труда калийный совет в лице своего органа по распределению квот может сократить доли участия в синдикате соответствующих предприятий минимально на 10%. Этот пункт закона должен был предотворить понижение заработной платы рабочих, в случае установления низких цен на калийные соли внутри страны. Соответствующий пункт был и в законе 1910 г. однако, он оказался мало эффективным, вследствие отсутствия особого органа по контролю над условиями труда, установленного законом 1919 г.

Остальные постановления закона были в общем аналогичны закону 1910 г. Периодический пересмотр квот устанавливался каждые 5 лет, при чем первый пересмотр должен был произойти в 1923 г. Новые предприятия имели право на квоту на началах, установленных законом 1910 г. Таким образом, закон 1919 г. не устранил опасности открытия новых калийных предприятий, а также не устранил стимулов для вложения нового капитала в существующие предприятия с целью повышения квоты. Вместе с тем, остались все затруднения для концентрации промышленности, которые существовали прежде.

Калийный совет все же провел постановление, по которому запрещение прокладывать новые шахты, не начатые до войны, осталось в силе до 1925 г. Однако, было около 60 предприятий, имевших право на достройку, кроме того, было разрешено проложить несколько шахт в новых богатых районах, так что количество действующих и достраиваемых предприятий, имевших право на квоту, в 1920 г. составляло 201, а вскоре возросло до 228.

В 1920 и 1921 гг. происходили работы «комиссии по социализации», которые должны были установить окончательную судьбу калийной промышленности в отношении оставления ее в руках прежних владельцев или перехода к государству. Уже во время работы комиссии, однако, политическая ситуация в Германии настолько изменилась, что вопрос о социализации был фактически снят с порядка дня. Результатом деятельности комиссии остался, однако, закон 1921 г., который должен был дать возможность рационализации калийной промышленности при сохранении частнокапиталистической организации хозяйства.

Законом 22 октября 1921 г. (вернее дополнением к закону 1919 г.) доли участия предприятий оставлялись в силе до 1934 г. Об'единениям, согласившимся добровольно закрыть свои предприятия, квоты оставлялись без изменения до конца 1953 г. Предприятиям, не достроившим шахты и не имевшим окончательной квоты, таковая предоставлялась и при этом до 1953 г., если они соглашались отказаться от производства. Кроме того, подтверждалось право калийного совета принудительно закрывать предприятия, на которых будет установлено нехозяйственное ведение дела.

Эти постановления открыли возможность далеко идущей концентрации калийной промышленности, путем закрытия мало рентабельных предприятий и сосредоточения производства на наиболее выгодных.

Современное положение германской калийной промышленности

Закрытие предприятий на основе перепродаж квот началось особенно интенсивно после 1922 г. В этом году число действующих предприятий составляло 139. За последние годы было:

1924 г. 93	1926 г. — 66
1925 „ — 85	1927 „ — 61

Кроме того, на 46 шахтах сохранено резервное устройство; зато из 61 шахты, действующих в 1927 г. основная работа велась на 41 шахте, а 20 имели побочное значение. В 1928 г. действовало только 40 шахт. Процентное содержание окиси калия в добыче сильно повысилось: от 11,4 в 1913 г. до 13,5 в 1927 г. Это указывает на переход к более богатым солям. Действительно, процентная доля карналлита во всей добыче упала с 45,7 до 16,1 за это время. Переместились и центры промышленности — из района Штассфурта в Ганновер и в район Верры и Фульды с их более богатыми запасами сильвинитов и «твердой соли».

Производство и сбыт за 1920—1927 гг. сравнительно с довоенным представляются в следующем виде:

Годы	Производство сырых солей в тыс. тонн	Сбыт окиси калия в тыс. тонн		
		Внутри страны	За границей	Всего
1913	11.608	604	506	1.110
1920	11.386	689	234	923
1921	9 290	768	153	921
1922	13.071	964	332	1.296
1923	11.212	535	351	886
1924	8.072	502	340	842
1925	12.044	767	459	1.226
1926	9.415	694	406	1.100
1927	11.080	797	443	1.240

В 1928 г. сбыт составлял уже свыше 1,4 млн. тонн окиси калия, при чем сильно повысился сбыт за границу (результат соглашения с Францией в 1926 г.).

Характерным изменением в условиях сбыта (а следовательно, и производства) является резкое увеличение в сбыте доли концентрированных удобрительных солей и уменьшение сбыта солей в сыром виде. В настоящее время уже значительно больше половины всего калия сбывается в виде концентрированных 20, 30 и 40-процентных солей, при этом основная масса концентрированных солей (свыше $^4/_5$) готовится и сбывается в виде 40-процентной соли. Поэтому, несколько упал сбыт хлористого калия — в области сельского хозяйства он вытесняется концентрированными удобрительными солями.

Растущее значение концентрированных солей об'ясняется в значительной мере конкуренцией Эльзаса, в котором среднее содержание окиси калия в сырых солях выше, чем в Германии. Однако, очень крупную роль играет также вздорожание тары и перевозок, в силу чего сбыт сырых солей на далекие расстояния, в особенности за границу, почти невозможен. Даже на концентрированные калийные продукты провозная плата ложится в настоящее время более тяжелым бременем, чем до войны. В Гамбурге и Бремене недавно сооружены особые пристани со специальными хранилищами, которые позволяют легче и дешевле хранить и перегружать калийные соли с баржей и железнодорожных вагонов на морские суда. Значение этих особых пристаней заключается в том, что они позволяют в большей мере пользоваться дешевыми водными перевозками до портов, через которые происходит вывоз калийных солей.

Увеличение значения концентрированных солей, вместе с тем, означает большую и все растущую роль химической переработки продуктов в калийном деле; при этом, как мы увидим в дальнейшем, возникла новая проблема организации производства смешанных удобрений, содержащих не только

калий, но также азот и фосфор. А это в свою очередь, рано или поздно, должно привести к сращиванию калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности.

Количество рабочих в калийной промышленности сильно упало против довоенного, за счет сильного увеличения производительности труда. Для 1924—1927 гг. мы имеем следующую картину сравнительно с довоенной:

Годы	Число рабочих	Годовое производство на 1 рабочего в тоннах окиси калия
1913	32.858	344
1924	28.104	315
1925	27.862	491
1926	23.368	478
1927	22.107	588

Как видно, к 1927 г. количество рабочих сократилось на треть против довоенного. Производительность одного рабочего возросла на 70%. Таким образом, за счет нового оборудования и, несомненно, увеличения интенсивности труда, удалось сократить значительное число рабочих.

Что касается заработной платы, то она довольно сильно возросла за период рационализации. Она составляла в среднем:

1924 г. — 4,70 марок
1925 „ — 6,00 „
1926 г. — 6,34 марки
1927 „ — 6,85 марок

В последнем году она была выше довоенной на 58,6%. Так как индекс товарных цен в этом году был ниже, то повысился не только денежный, но и реальный заработок рабочих. Однако, как уже указано выше, это увеличение заработной платы произошло при увольнении 10 тыс. рабочих.

Техническая рационализация калийной промышленности происходила на основе значительно более низких цен на калийные соли, чем до войны.

Средняя цена 100 *кг* окиси калия составляла:

1913 г. — 18,2 марки
1924 „ — 13,8 марок
1925 „ — 15,5 марок

Если принять во внимание общий индекс цен, то уровень цен на калий в 1925 г. можно считать по крайней мере на треть ниже довоенного.

Конкретные цены для внутреннего рынка с марта 1925 г. по декабрь 1926 г. показаны ниже. Они установлены на отдельные виды солей в пфеннигах за каждый процент окиси калия в 100 *кг* продукта, с надбавкой в 30% на калийные продукты, идущие для промышленных нужд:

Карналит молотый с содержанием до 12% окиси калия	6,89
„ „ „ „ свыше 12% „ „	7,50
Сырые соли с содержанием от 12—15% „ „	8,97
Удобрительные соли с содержанием от 18 - 22% окиси калия	12,24
„ „ „ „ 28 - 32% „ „	15,64
„ „ „ „ 38—42% „ „	16,68
Хлористый калий „ „ 50 - 60% „ „	27,00
„ „ „ свыше 60% „ „	29,00
Сернокислый калий „ „ 42% „ „	31,25
Сернокислый калий магний	28,85

В декабре 1926 г. цены были повышены. Для 20-процентных солей они составляли 15,20 пфеннигов за единицу, вместо 12,24 и на таком уровне оставались до 1929 г. Однако и после этого повышения цен на 25% в 1926 г. против 1925 г., калийные соли стоят в Германии ныне на более низком уровне цен, нежели до войны, так как индекс цен на калийные соли значительно ниже общего индекса цен.

Все приведенные данные показывают, что германская калийная промышленность в настоящее время стоит выше довоенного уровня как по своему техническому состоянию, так и по размерам производства. Вместе с тем, систематически восстанавливается вывоз калийных солей за границу: в 1928 г. он считался уже равным довоенному. Пропаганда калийных солей ведется уже в более широких размерах, чем до войны. Так в 1928 г. в Германии действовало 18 бюро пропаганды и еще больше вне Германии. После соглашения с Францией в 1926 г., часть этих бюро содержится на общие средства. Район действия пропаганды вновь охватывает все страны мира. Так, например, в 1926 г. бюро действовали в следующих городах: Вене, Праге, Загребе, Цюрихе, Амстердаме, Милане, Мадриде, Барселоне; Лондоне, Эдинбурге, Ньюкэстле, Дублине, Рио-де-Жанейро, Габане, Каире; Капштате; Токио и ряде пунктов в Соед. Штатах.

Крупные успехи германской калийной промышленности были однако достигнуты в процессе напряженной борьбы между отдельными группами предприятий и сопровождались огромными затратами капитала, привлеченного в большей своей части из-за границы и по очень высоким процентам. В результате, проблема «перекапитализации» до сих пор является актуальной и экономическое положение калийной промышленности не может быть названо здоровым, несмотря на большие технические достижения. Производительная способность технически рационализированной промышленности составляет 2,5—3,0 млн. тонн окиси калия, при сбыте 1,0—1,2 млн. тонн. Только в 1928 г. сбыт превысил 1,4 млн. тонн, но и в этом году он был вдвое меньше технически возможного. При этом один внешний долг калийной промышленности превышает 300 млн. марок; считают, что процентов и погашений приходится платить до 40 млн. марок в год, а это составляет около 20% всей валовой стоимости годового производства. Проблема расширения сбыта с точки зрения достаточной рентабельности работы предприятий поэтому до сих пор является, очень острой. Когда в 1926 г. были повышены цены на калийные соли на германском рынке, калийный синдикат мотивировал это в калийном совете, главным образом, большими затратами по опроцентованию и погашению внешнего долга.

Что касается расходов по возмещению предприятиям, передавшим свои квоты, то они оцениваются в 4 — 5 млн. марок в год. На деле эти расходы не являются серьезным моментом в калькуляции, так как действующие предприятия имели не менее 75% акций закрытых (закрытие предприятий происходило внутри концернов).

Из германских концернов наибольшую роль играют ныне три: Винтерсхалль (доля участия — 396 тысячных), Бурбах — Гумпель (173 тысячных) и Зальцдетфурт (273 тысячных). В 1927 г. эти три концерна об'единяли около $^4/_5$ всего производства калийных солей в Германии.

Наиболее активную роль в концентрации и технической реорганизации калийной промышленности играл концерн Винтерсхаль. В 1921 г. этим концерном было организовано особое контрольное общество Kali Industrie Aktiengesellschaft сокращенно KIAG. Это общество занялось скупкой ряда акций и содействовало об'единению с Винтерсхаллем концерна Deutsche kaliwerke группы Глюкауф и концерна Ронненберг, а затем была произведена полная фузия предприятий этих концернов. Винтерсхалль остался в форме горного паевого товарищества, но превратился в контрольное общество по отношению к KIAG. Такая организация нужна была руководителю Винтерсхалля Ростергу для того, чтобы сохранить руководящую роль во всем об'единении, могущую пошатнуться при окончательной фузии Винтерсхалля с KIAG. Капитал KIAG составляет 120 млн. марок, в то время, как капитал горного паевого товарищества Винтерсхалль опреде-

ляется номинально в 10 млн. марок (1.000 паев по 10.000 марок. В 1927 году каждый пай котировался в 78 тысяч марок). Из этих паев на группу Ростерга приходится 520, однако значительная часть остальных в 1926 г. попала в руки концерна Бурбах (пакет в 408 паев). При этом в группе Ростерга играет крупную роль американский капитал—до 300 паев. Эти паи находятся в руках американского судовладельца Доллара, который является членом правления общества.

Ростерг сознательно проводил политику, направленную на достижение господства в синдикате, путем скупки все большего количества акций предприятий, входящих в другие концерны. Конечной целью этой политики была полная фузия всех концернов в один трест под господством Винтерсхалля; одним из средств для достижений этой цели являлось строительство огромных новых предприятий с очень низкими издержками производства, при которых можно было выдержать конкуренцию Эльзаса и новых районов добычи даже при сильном понижении цен на калийные соли. В случае достижения преобладания в синдикате, Ростерг предполагал проводить политику низких цен, которые с одной стороны затруднили бы возникновение новых калийных предприятий, а с другой стороны, разорили бы другие концерны, не имеющие таких крупных установок, и настолько понизили бы курс акций последних, что они легко могли бы попасть в руки группы Ростерга.

Концерном Винтерсхалль было выстроено огромное предприятие в Меркерсе с дневной производительностью в 6 тысяч тонн, в то время, как другие концерны считали максимальной дневную производительность в 2 тыс. тонн. Кроме того, Винтерсхалль стал строить второе предприятие — мамонт (так оно называлось в прессе) Саксен-Веймар.

В интересах защиты от концерна «Винтерсхалль» в 1925 г. остальные концерны заключили между собой соглашение, так называемый блок Анти-Винтерсхалль. Целью этого блока, об'единяющего концерны с общей долей участия в синдикате в 50%, было противодействие Ростергу как в отношении дальнейшей скупки предприятий, так и в отношении политики низких цен. Концерны, входившие в блок, имели более высокие издержки производства, чем Винтерсхалль, вследствие менее крупных размеров предприятий.

Руководящую роль в блоке играл Корте, руководитель концерна Бурбах. Однако, и Корте пришлось пойти на путь Ростерга — скупку предприятий и постройку новых громадных шахт и фабрик. В 1926 г. с концерном Бурбах был об'единен концерн Гумпель; еще раньше был скуплен контрольный пакет акций и паев концернов Волькенрода и Хельдбурга. Наконец, как указано было выше, концерном Бурбах был куплен большой пакет паев самого концерна Винтерсхалль, чем сильно была стеснена деятельность Ростерга в собственном контрольном обществе. Для сохранения прочного большинства паев Ростергу пришлось организовать новое общество, где контрольный пакет паев общества Винтерсхалль держится в твердых руках. С другой стороны, началась скупка акций и паев концерна Бурбах — Гумпель со стороны Ростерга.

Концерн Бурбах, совместно с Баденским правительством, построил огромное предприятие в Буггингене на месторождениях, являющихся аналогом эльзасских. Копи и фабрика должны были обойтись не менее чем 15 млн. марок, при чем производительность этой новой производственной единицы должна была равняться двум третям всей эльзасской промышленности.

Другой крупный участник блока, Зальцдетфурт, до 1922 г. имел небольшое значение. Однако, благодаря деятельности банкира Герцфельда

во время инфляции, удалось об'единить Зальцдетфурт с концернами Вестеregельн, соединенными химическими заводами, затем с Ашерслебеном. Далее, в об'единение удалось включить концерн «Единство», 50% паев которого еще с довоенного времени находились в американских руках. В 1928 г. были скуплены квоты у общества Галле, решившего ограничить свою деятельность добычей каменной соли. Кроме того, были куплены и квоты общества Мансфельд, которое нуждалось в оборотных средствах для развития своих медеплавильных предприятий.

Борьба между концернами и постройка новых предприятий, вместе с рационализацией, потребовали огромных капиталов, которые были получены в 1925 и 1926 гг. путем выпуска большого иностранного займа в 75 млн. долларов. В результате конкуренции между концернами, производительная способность предприятий была настолько увеличена, что не было надежды ее достаточно использовать; соглашение с Францией 1926 г. нормировало размеры сбыта за границей.

Все эти обстоятельства заставили и концерн Винтерсхалль изменить свою точку зрения на цены. С конца 1926 г. Ростерг превращается в горячего сторонника повышения цен[1] и в декабре того же года таковое проводится через калийный синдикат и калийный совет.

Повидимому, трестирование германской калийной промышленности, по крайней мере, немецких частных предприятий является лишь вопросом времени. Борьба предстоит лишь по вопросу, под руководством какого концерна это трестирование должно быть проведено. Полное об'единение калийной промышленности затрудняется, однако, тем обстоятельством, что две группы предприятий находятся в руках государства (Пруссии и Ангальта), а одна группа, Сольвэй принадлежит иностранцам, бельгийским капиталистам.

За последние годы назревают тенденции и более широких об'единений калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности на основе производства смешанных удобрений. При этом возможно поглощение крупных калийных концернов самым большим химическим трестом Германии Farbenindustrie I. G.

Этот трест уже с 1926 г. производит особый сорт химических удобрений Lennaphos. Сбыт его настолько растет, что для производства в 1928 г. было закуплено у калийного синдиката более 100 тыс. тонн окиси калия и, таким образом, химический трест стал крупнейшим отдельным покупателем калийного синдиката.

Если дальнейшее развитие производства химических удобрений пойдает по линии изготовления смешанных продуктов, содержащих в определенных пропорциях все необходимые для роста растений удобрительные вещества, калийным предприятиям придется либо обзавестись собственным производством азотистых веществ и фосфорнокислых солей, либо влиться в химический трест.

В настоящее время ряд концернов предпринимает шаги для обеспечения себя производством дополнительных химических веществ. Так, концерн Новый Штассфурт соединился с обществом «Ренания»; имеющим 12 химических фабрик по производству разных химикалий, между прочим и фосфорнокислых солей и сернокислого аммония.

KIAG (Винтерсхалль), совместно с Клекнером, осенью 1928 г. выстроил крупный завод в Раукселе для получения азотистых соединений, необходимых для приготовления смешанных удобрений. Однако считают, что на этой фабрике азотистые соединения будут на 15 — 20% дороже,

[1] Хотя в прессе были указания, что себестоимость на его предприятиях составляла всего 6 марок на 100 *кг* окиси калия при средней продажной цене в 12 марок.

чем на грандиозных установках химического треста. Между тем, в смешанных химических удобрениях азотистые соединения содержатся в наибольших количествах.

В той или иной мере сращивание калийной промышленности с другими отраслями химической промышленности следует признать неизбежным. Считают, что это является необходимым и для роста потребления калия в промышленных целях.

В лабораториях и институтах калийного синдиката ныне ведется крупная работа по новым калийным соединениям, чтобы расширить сбыт калийных солей за пределы существующего их применения в сельском хозяйстве и в некоторых отраслях промышленности. Если принять во внимание успехи современной химии, то не подлежит сомнению, что здесь калийной промышленности предстоит широкое поле деятельности.

Таким образом, германская калийная промышленность как в техническом, так и в хозяйственном отношениях стоит перед новой эпохой развития. Новые проблемы, стоящие перед ней, имеют существенное значение и для судьбы возникающей калийной промышленности СССР.

П. Шушков

Об использовании технических средств на транспорте [1]

Рост экономической мощи советской страны вызывает увеличение работы транспорта и повышает потребность в перевозочных средствах. Железнодорожный транспорт, как крупнейшая отрасль народного хозяйства, оказывает могучее, многостороннее влияние не только прямым выполнением перевозок, их качеством, быстротой, но и размерами расходов на эксплоатацию и затратами на капитальные вложения.

В перспективе значительного роста перевозок вопрос правильного планирования и более полного использования технических средств приобретает исключительное значение.

Излишние резервы технических и материальных средств, излишние запасы прочности и технических норм при колоссальном масштабе транспорта — могут играть крупную роль в темпе развития всего хозяйства.

Интенсификация использования технических средств на транспорте не только не должна замедлять развитие хозяйства транспорта, делая его узким местом в системе народного хозяйства, но должна вызывать более правильное размещение капитальных вложений и обеспечивать более быстрое общее хозяйственное развитие. Поэтому, нашей политике на усиление использования имеющихся средств отнюдь не может проводиться аналогия с политикой крохоборчества царского правительства. Здесь не аналогия, а полная противоположность.

За последние годы в использовании паровозов и вагонов был достигнут ряд улучшений, но темп улучшений замедлялся и медленно проводились в жизнь усовершенствованные методы эксплоатации, имели место: слабость руководства работой линейного аппарата, отсутствие организационной проработки способа проведения реализации намеченных мероприятий, слабость контроля и недостаточность изучения и использования заграничного опыта, недоброкачественный учет наличия и использования подвижного состава.

Опыт планирования в прошлом указывает на наличие недоучета имевшихся возможностей, что не создавало обстановки, стимулирующей улучшение хозяйства, создавало излишнюю иллюзию крупных достижений и вызывало требования излишних капитальных вложений.

---

[1] Статья тов. Шушкова посвящена вполне назревшему вопросу о наиболее полном использовании технических средств ж.-д. транспорта. Однако, Редакция считает, что материалы, накопленные в результате нескольких опытных поездок, описываемых автором, еще недостаточны для того, чтобы можно было притти к определенным широким выводам, и начатые разработки этого вопроса, несомненно, нуждаются в дальнейшем углублении и проверке.

Помещая статью тов. Шушкова в порядке обсуждения, Редакция рассчитывает на определенный отклик читателей журнала „Плановое Хозяйство" — работников ж.-д. транспорта. *Ред.*

По основным эксплоатационным измерителям мы имеем подтверждения высказанных соображений:

	Намечалось по пятилетнему плану на 1930/31 г.[1]	Фактически определялось в 1927/28 г.	Установлено по смете 1928/29 г.
Нагрузка на ось товарного вагона	4,4	4,45	4,55
Ср.-суточный пробег товарного вагона . .	77,0	81,2	85,0
Ср.-суточный пробег товарного паровоза .	12 ,5	139,0	150,0
Ср.-суточный проб г пассажирского паровоза.	166,4	170,3	182,0
Состав товарного поезда в осях	95,5	96,2	98,8

Как следствие такого положения, например, для дорог Украины в смету 1927/28 года было включено капитальных вложений, по сравнению с намеченными пятилеткой: на Южных — 10%, на Донецких — 8,4%, Юго-Западных — 11,5%.

Одной из крупнейших причин недоучета технических возможностей и недостаточного использования имеющихся средств является слабость научно-исследовательской и рационализаторской работы, недостаточная экономическая обоснованность, а нередко, полная необоснованность крупнейших хозяйственных мероприятий. При таком положении всегда возможно чисто техническое решение хозяйственных проблем, требующих значительных затрат.

Ведущим звеном технических средств на железнодорожном транспорте являются паровозы и вагоны. Основными элементами реконструкции железнодорожного транспорта намечаются: введение более мощных паровозов, большегрузных вагонов, оборудование товарных вагонов автотормозами, автосцепкой.

Улучшение на 10% основных эксплоатационных измерителей дает снижение эксплоатационных расходов в течение года в масштабе сети:

По нагрузке вагона	26,7	млн. руб.
„ сост. товар. поезда	19,1	„ „
„ ср.-суточному пробегу товарн. паровоза . .	7,0	„ „
„ ср.-суточному пробегу товарного вагона . .	2,1	„ „

Одним из главных факторов, влияющих на себестоимость перевозки и размер капитальных затрат, является — паровоз, от которого зависит стоимость пути, станций и тяговых устройств.

На предстоящее пятилетие намечается капитальных вложений на подвижной состав в сумме —1,3 мрд. руб. и на расширение заводов паровозо- и вагоностроения — 300 млн. руб. Для увеличения пропускной способности в направлении Донбасс — Москва, намечаются затраты на постройку сверхмагистрали — 400 млн. руб., или на электрификацию Московско-Курской железной дороги — 300 млн. руб.

Приведенные цифры показывают, как велико значение улучшения использования перевозочных средств железнодорожного транспорта.

[1] Автор в данном случае, очевидно, использовал данные „Перспективной ориентировки Госп ана СССР на пятилетие 1926/27 - 1930/31 гг.“. По пятилетке, изданной Госпланом в 1929 г. (на 1928/29 - 1932/33 гг.) оптимальным вариантом предусмотрены совершенно другие, измерители изменяющие, разумеется, оценки недоучета, даваемые автором. *Ред.*

За 5 лет намечается в масштабе железнодорожной сети увеличение мощности паровозов на 13,6% и увеличение состава товарных поездов на 15%, т.-е. увеличение использования мощности паровоза лишь на 1,4%; при этом намечается расход на смягчение профиля пути — 36,87 млн. руб.

Настолько ли ограничены наши возможности в использовании имеющихся средств?

Учитывая важность эксплоатационных измерителей на железнодорожном транспорте, РКИ, с этой целью, было произведено обследование Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог, при чем на Московско-Курской железной дороге был произведен ряд опытных поездок.

Данные обследования Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог указывают на наличие значительных возможностей.

При обследовании Московско-Курской и Московско-Казанской железных дорог выявилось, что паровоз тягового парка в среднем за сутки находится в эксплоатации на Московско-Курской железной дороге — 7,22 ч. и на Московско-Казанской — 10,52 ч., а в среднем по сети — 8,93 ч., при чем, в движении с поездами паровоз в сутки находился на Московско-Курской — 2,84 ч. и на Московско-Казанской — 4,86 ч. и в среднем по сети не более — 4 ч. в сутки, а остальное время паровоз находился в простоях по ремонту, экипировке, снабжению и на маневрах.

Изучение хронометражных работ НОТ и детальный анализ отдельных элементов простоев и оборота паровозов выявил возможность сокращения времени простоя в ремонте, промывке, под экипировкой и снабжением.

Произведенные опытные поездки с товарными поездами показали возможность сокращения времени хода поездов, увеличения их скорости и ускорения оборота паровозов. При существовавшей на участке Курск — Люблино средней предельной норме состава поезда — 1.250 тонн — средняя техническая скорость по расписанию установлена — 20,7 *км* в час, при опытных же поездках, несмотря на увеличенный состав поездов — была получена техническая скорость:

1) с поездом в составе —150 порожних вагонов — 26,2 *км* в час или выше установленной существующим расписанием на 26,5%;

2) с поездом весом в 2.000 тонн — на автотормозах —28,6 *км* в час или выше на 38%;

3) с поездом в 2.000 тонн на ручных тормозах — 27 *км* в час или выше на 30%;

4) с поездом весом в 1.350 тонн — 29,5 *км* в час или выше на 43%.

Опытные поездки на Московско-Белорусско-Балтийской, Московско-Казанской, Донецких железных дорог также подтвердили возможность повышения технической скорости движения поездов. При этом получилась экономия топлива не только вследствие увеличения состава, но и вследствие увеличения скорости.

Анализ простоев поездов на станциях для различных технических надобностей выявил возможность уменьшения этих простоев и повышения коммерческой скорости движения поездов.

Во время обследования Московско-Курской железной дороги в 1927г. — время хода товарного поезда от Курска до Люблино выражалось в 62 ч. 30 м., тогда РКИ предложила дороге — 37 ч.; в мае 1828 г. — время хода определялось — 49 ч. 26 м., а после обследования в этом году — РКИ предложила дороге время хода товарного поезда от Курска до Люблино — 24 ч. 49 м. Дорога же согласилась на 27 ч. 49 м.

При наличии значительных возможностей, организация движения товарных поездов находится на весьма низком уровне. За февраль месяц текущего года из 307 поездов, отправленных из Курска — без изменения ну-

мерации поездов отправлено 117, в том числе — 28 поездов по расписанию; из них прибыло по расписанию на следующую распорядительную станцию — Орел — только 10 поездов. Таким образом, расписание товарных поездов осталось только формой, не увязанной с действительностью, и сложная работа по составлению графиков и расписания движения поездов, отчетность для наблюдения за следованием поездов не достигает цели. Диспетчерской системы руководства движением товарных поездов у нас еще нет и поэтому некоторые поезда движутся неорганизованно самотеком. Без упорядочения этой отрасли железнодорожного дела, каких-либо серьезных улучшений использования перевозочных средств достигнуть невозможно.

Уменьшение простоев паровоза в ремонте, на промывке, под экипировкой, снабжением, сокращение времени в пути до норм, установленных РКИ, дадут возможность достигнуть среднесуточного пробега паровозов на Московско-Курской железной дороге — 287 *км*, вместо имеющегося — 119,2 *км* и на Московско-Казанской — 303 *км*, вместо имеющегося — 144,7 *км*.

Практическая возможность достижения таких измерителей подтверждается данными опытных поездок по Московско-Курской железной дороге, когда суточный пробег опытного паровоза был доведен до 300 *км*.

Время нахождения товарного вагона в движении поезда выражается на Московско-Курской железной дороге — 4,8 ч. в сутки, на Московско-Казанской — 6,3 ч. и среднем по сети — 5,75 ч. в сутки, остальное же время вагон находился в различного рода простоях.

Анализ простоев вагонов выявил возможность снижения их на распорядительных станциях до 8 ч. и на станциях погрузки и выгрузки до 20 ч., что при повышении коммерческой скорости и маршрутизации поездов может дать средний суточный пробег товарного вагона для Московско-Курской железной дороги — 150 *км* и Московско-Казанской — 157 *км*.

Выполнению этого измерителя должно способствовать расширение необязательных для железной дороги товарно-станционных работ, и рационализация, реорганизация маневровой работы, об'единение узлов и согласованность работы станций.

Произведенное в 1927 году упрощение обменных операций с вагонами, передаваемыми с одной дороги на другую — неиспользовано надлежащим образом для сокращения простоев вагонов в узлах, и в ряде случаев не только не дало уменьшения простоев, но даже увеличило их.

Использование под'емной силы товарных вагонов составляло на Московско-Курской — 73,1%, на Московско-Казанской — 65,5% и в среднем по сети — 73%.

Разбивка грузооборота на 36 наименований, определение размеров перевозок каждого рода грузов, установление возможной нагрузки по материалам опытных нагрузок НОТ и данных фактической погрузки дали возможность установить нагрузку груженного вагона до 7,08 тонн на ось на Московско-Курской железной дороге и до 6,44 — на Московско-Казанской.

Для большего повышения нагрузки вагона необходимо:

1) принять меры к повышению под'емной силы — 50-тонных вагонов до 65 тонн и 20-тонных до 25 тонн;

2) тарифные нормы нагрузки вагонов привести в соответствие с технически возможной нагрузкой;

3) сконцентрировать большегрузные вагоны на наиболее грузонапряженных направлениях — для перевозки массовых и тяжеловесных грузов с удлиненным рейсом;

4) ограничить перевозку легковесных грузов в крытых вагонах в случаях, когда лучше может быть использован открытый подвижной состав;

5) улучшить организацию мелочных отправок грузов;

6) шире использовать установленные нормы допускаемого перегруза — 0,5 тонны для нормального вагона и 1,5 тонны для большегрузных вагонов.

Особое внимание РКИ было уделено величине состава товарного поезда, в виду большого влияния этого измерителя на себестоимость перевозки и размеры капитальных вложений для увеличения пропускной и провозной способности.

После опытов 1914—16 гг. на Московско-Курской железной дороге, для паровозов серии «Щ» были установлены составы поездов весом 1.230 тонн. Такой же состав был установлен для этих паровозов на Южных железных дорогах — на участке Харьков—Курск, при чем было признано более выгодным увеличить вес поезда до 1.400 тонн при паровозе «Щ», чем вводить новые более мощные паровозы.

В момент обследования Московско-Курской железной дороги для паровозов серии «Э» — более мощных, чем «Щ» на 42%, — установлен вес поезда — 1.310 тонн на участке Харьков—Курск—Орел и 1.230 тонн от Орла до Люблино, т.-е. на Южных железных дорогах — менее признанного более выгодным для паровозов серии «Щ» на 7% и равный установленному при паровозах серии «Щ» от Орла до Люблино.

Одной из причин такого положения является отсутствие на железных дорогах тяговых расчетов, которое приводит к положению, когда величина состава поезда и время прохода по перегонам является предметом торга и соглашения между работниками Отд. Тяги, Движения и паровозными бригадами, расписание поездов делается нереальным, число раз'ездов и блокпостов необоснованно, потребность пропускной способности преувеличена, требования на капитальные затраты для дальнейшего развития преувеличены, крупнейшие хозяйственные вопросы могут быть разрешены неправильно или несвоевременно.

Произведенные тяговые расчеты показали возможность ведения поездов от Курска до Люблино весом — 2.000 тонн. В последующем был проведен ряд практических опытных поездок на паровозе рабочего парка, по характеристике местных работников — среднего состояния — с отоплением, обычно применяемым в эксплоатации угольной смесью, с обслуживанием участковыми паровозными бригадами. Во время опытов имело место парение элементов пароперегревателя до 8 штук.

Поездка с поездом в 2.000 тонн производилась в день, когда, вследствие неблагоприятной погоды, обычные нормы составов поездов были уменьшены на 20%, т.-е. до 1.048 тонн. Это указывает, что опыты производились не в специально подготовленных тепличных условиях, а в условиях, близких к условиям обычной эксплоатации.

Первая опытная поездка была сделана с составом 300 осей из 2-осных вагонов для определения возможности пропуска таких составов из порожняка.

Вторая опытная поездка была совершена с поездом весом в 2.008 тонн из 4-осных вагонов на автотормозах.

Третья поездка — с поездом в 2.000 тонн — из 2-осных вагонов — на ручных тормозах.

Задачей этих поездок было — определить возможности установления составов поездов весом в 2.000 тонн и, попутно, установить различие в условиях следования таких поездов в составе из 4-осных и 2-осных вагонов и на автотормозах и ручных тормозах.

Четвертая опытная поездка имела задачей установление состава поезда в 1.350 тонн без подталкивания, что при профиле Московско-Курской железной дороги возможно лишь при повышении расчетных технических норм.

с доведением расчетной силы паровоза серии «Э», с 15.200 *кг* до 16.500 *кг* и повышении коэфициента сцепления с 1 : 5 до 1 : 4,85.

Результат опытов виден из следующих данных:

Повышение по сравнению с существующими нормами в %%:

	Опыт 1	Опыт 2	Опыт 3	Опыт 4
Состав поезда увеличен на	100	63	62	8
Техническая скорость увеличена на . .	26,5	38	30	43
Работа паровоза в тонно-км поезда на 1 тонно-км сцепного веса паров. увеличена на	109	42	42,5	8
Пропускная способность увеличена на .	153	122	108	53

При этом расход топлива, в среднем для всех поездок, на 10.000 тонно-*км* в натуральном топливе выразился в 280 *кгр* — при норме дороги за этот период 344 и фактическом расходе дороги — 355 *кгр*.

В результате опытов, признано возможным усиление норм составов поездов:

1) 300 осей — поездов с порожними вагонами,

2) 2.000 тонн — с подталкиванием, как из 4-осных, так и 2-осных вагонов на автоматическом, смешанном и ручном торможении, что проводится Московско-Курской железной дорогой с 15 июня 1929 г.,

3) весом 1.350 тонн — без подталкивания, что дорогой введено с 1 апреля 1929 г.

Техническая скорость поезда — 2.008 тонн из 4-осных вагонов на автотормозах — оказалась выше скорости поезда весом 2.006 тонн — из 2-осных вагонов на ручных тормозах — на 6%, при чем полный расход пара на тонно-*км* с первым поездом оказался несколько выше второго, вследствие расхода пара на тормоз.

Опытные поездки с составом поезда весом 2.000 тонн на Донецких и Южных железных дорогах показали возможность введения таких поездов и на этих дорогах и, таким образом, может быть установлен состав весом в 2.000 тонн от Ленинграда до Люблино.

Опытные поездки показали, на наличие возможности повышения реализуемой средней мощности работы паровоза серии «Э» с 500—550 л. с. на сети железных дорог до 700—750 л. с.

Работа паровоза, при применении системы подталкивания, выравнивает влияние переменности профиля пути и приближается к более полному использованию и наивыгоднейшей экономической нагрузке. Применение системы подталкивания понижает эксплоатационные расходы и, следовательно, себестоимость перевозок.

Введение системы подталкивания, с повышением использования мощности паровоза, может увеличить пропускную способность на 100—150%, без капитальных вложений, что имеет большое значение в перспективе роста грузооборота, для охвата которого за пятилетие намечается затратить на постройку двух и трех путей 196,8 млн. руб., на постройку дополнительных остановочных пунктов — 28,5 млн. руб., на развитие станций и узлов — 188,2 млн. руб., усиление верхнего строения пути — 431,7 млн. руб., работы по искусственным сооружениям — 200 млн. руб. Усиление грузопотоков в отдельных направлениях требует постройки новых разгружающих железнодорожных линий, сверхмагистрали или электрификации отдельных дорог, с затратами многих сотен миллионов рублей, что может быть отложено на ряд лет — при введении системы подталкивания. Кроме того, могут быть сокращены затраты промышленности для подготовки выполнения заказов транспорта.

Введение составов поездов весом в 2.000 тонн на Московско-Курской железной дороге, с применением системы подталкивания, снижает расчетный под'ем без толкача с 9,25 тыс. до 5,15 тыс. Сеть железных дорог, оставшаяся в СССР, по довоенным данным имеет под'емов и уклонов свыше 0,005—37,4% общего протяжения. Приняв, что половину этого количества составляют уклоны (хотя в грузовом направлении обычно профиль более легкий), мы будем иметь под'емов выше 0,005 около 19% общего протяжения или возможность введения составов поездов в 2.000 тонн на всей сети с подталкиванием на расстояние 19% пути. Примерно, такой же процент подталкивания требуется и для основных направлений грузопотоков протяжением 13.596 *км*, грузонапряженность которых по данным ЦПУ, близка к критической. Приняв грузонапряженность, допускающую применение системы подталкивания, свыше 1 млн. тонн, мы к концу пятилетия будем иметь 25.376 *км*, допускающих введение тяжеловесных поездов, с применением системы подталкивания.

Опытные поездки по Московско-Курской железной дороге показали, что принимаемые в течение ряда лет при тяговых расчетах нормы форсировки котла должны быть увеличены с 33—38 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева до 45—50 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева в час для паровоза серии «Э» — без подогревателя и займа у котла. При этом, полученные высокие форсировки не являются предельными и могут быть еще более повышены, при улучшении условий сжигания и использования топлива.

Повышение форсировки котла паровоза с 30 *кгр* до 40 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева, по подсчету инж. Бабичкова, увеличивает коммерческую скорость на 25%, ускоряет оборот вагонов на 5%, что дает сокращение рабочего парка вагонов на 20.000, ускоряет оборот рабочего паровоза на 10%, ускоряет оборот бригад на 14%, увеличивает пропускную способность на 20%, устраняет производство капитальных затрат на усиление пропускной способности на 5.379 *км* из 6.704 *км*, выходящих за пределы критической грузонапряженности по генеральному плану ЦПУ.

По данным инж. Бабичкова, при повышении форсировки котла с 35 *кгр* до 50 *кгр*, рабочий вес паровоза может быть снижен на 25—35% (без учета сцепления колес с рельсами), затем уменьшается нагрузка на ось и потребность в усилении пути.

Опыты показали не только возможность повышения расчетных норм форсировки котла паровоза, но и его силы тяги. Несмотря на повышение скорости на под'емах, при опытных поездках, затруднявших получение наибольшей силы тяги паровоза, все же данные опытных поездок по Московско-Курской железной дороге и рассмотрение данных опытов, послуживших основанием для составления паспортных характеристик паровоза серии «Э», приводят к заключению о необходимости расчетной силы тяги с 15.200 *кгр* до 16.500 *кгр* для паровозов серии «Э» постройки до 1926 г., с диаметром паровых цилиндров 630 *мм* и для паровозов заграничного заказа и постройки позднее 1926 г. с диаметром цилиндров 650 *мм* до 17.600 *кгр*. Предлагаемое повышение расчетной силы тяги паровоза «Э» обеспечивается паспортной характеристикой мощности цилиндра машины при отсечке 0,5 и работе котла, требующая лишь форсировки котла 33—35 *кгр* с *кв м* поверхности нагрева, что не вызывает сомнений. Поэтому, все затруднения к повышению расчетной силы тяги, по существу, сводятся к возможности повышения коэфициента сцепления колес паровоза с рельсами с 1 : 5,3 до 1 : 4,85. Если по пятилетнему плану намечается расход 36,87 млн. руб. на смягчение под'емов — 0,002, дающих повышение состава поезда около 2%, то тем более необходимо сделать все возможное для реализации, на протяжении около 10% пути следования, повышенного коэфициента сцепления, почти не требующего дополнительных расходов и дающего возможность повышения состава поезда на 7—10% — с ежегодной экономией около

16,4 млн. руб. и увеличением провозной способности на 10% или сокращением числа паровозов на 10%.

Опытные поездки на Московско-Курской железной дороге показали на превышенность норм НКПС расчета тормозов и основательность снижения этих норм на многих дорогах. Необходимо внесение ясности в эти расчеты и установление единых норм.

Правила технической эксплоатации, в отношении установления предельных скоростей на спусках, необходимо прокорректировать, с допущением повышения их в конце спуска перед под'емом.

Введение тяжеловесных поездов и повышение скорости снизит потребность паровозов, сократит капитальные вложения на заказ новых паровозов и на усиление пути.

Недоиспользование мощности паровозов как по величине составов, так и по скорости, непроизводительные простои паровозов на станциях и в депо, отсутствие правильного режима отопления являются причиной сжигания излишнего, значительного количества топлива и многомиллионных непроизводительных расходов.

Повышение составов поездов, повышение скорости, снижение непроизводительных расходов, улучшение режима отопления, с подбором более экономичных, стандартных, хорошо перемешанных угольных смесей, установка соответствующего свода колосников — даст и в отношении использования топлива улучшение и приведет к значительному сокращению эксплоатационных расходов.

Необходима выработка мер к более быстрому прогреванию топки и поднятию интенсивности горения после длительных стоянок, когда топка делается, по характеристике паравозных бригад, «сырой» — для обеспеченности исправного состояния котла и необходимого парообразования.

Опытные данные показывают на необходимость ликвидации необоснованного, отрицательного отношения к применению для отопления паровозов подмосковного угля и организации более широкого его применения.

Применение расчетных эквивалентов для различных марок угля — для угольных смесей, как показали опыты, — неправильно и для каждой смеси более целесообразно установление самостоятельных эквивалентов.

Достижение намеченных РКИ измерителей по использованию паровозов и вагонов возможно лишь при дружной, совместной работе всех железнодорожников и поэтому вполне правильно отмечает Президиум ЦК Союза Железнодорожников, в своем обращении к членам Союза и органам Союза, 23 июня после заслушания доклада РКИ:

«Успех выполнения этих мероприятий зависит от правильности и своевременного разрешения практических хозяйственных вопросов, которые будут выявляться при реализации этих мероприятий, от доброкачественного ремонта и тщательного ухода за состоянием паровозного и вагонного парка, от внимательности и четкой работы паровозных бригад, правильного отопления паровозов в пути, плавного ведения поезда и использования силы инерции поезда с уклона на под'ем машинистами, от тщательного надзора за состоянием вагонов, главным образом, упряжных приборов со стороны работников технического осмотра, кондукторских бригад и своевременного торможения вагонов по сигналам паровоза, от правильности составления поездов и сцепки вагонов составительскими бригадами, от внимательности и устранения непроизводительных задержек поездов при проходе станций дежурными по станции, от внимательности путевой охраны и работников пути за состоянием пути».

При дружных совместных усилиях всех железнодорожников намечаемые крупнейшие хозяйственные мероприятия должны быть обязательно выполнены.

М. В. Келлер

Энергетические ресурсы ветра и его использование

Вопрос об энергетических ресурсах — как базе мирового экономического развития да и вообще всей современной культуры — с каждым годом все больше привлекает к себе внимание экономистов и техников. Надвигающееся истощение некоторых из основных наших энергетических ресурсов, как, например, нефти, заставляет все более внимательно относиться к возможно рациональному и экономному их использованию и изыскивать новые источники энергии.

Если исключить неосвоенные пока силы природы — как солнечный свет, внутриатомную энергию и пр., то энергетические ресурсы сводятся в в настоящее время — к углю, нефти, торфу, водным силам, дровам, соломе и ветру, не считая некоторых второстепенных, как например, горючие сланцы, сельскохозяйственные отбросы и пр.

Если исходить из использования всех мировых запасов топлива в продолжение двухсот лет, и подсчитать возможное — в продолжение того же периода использование возобновляемых источников энергии, как, ветер, вода, дрова и пр., то, основываясь на подсчетах проф. Рамзина, удельный вес в мировом хозяйстве каждого из перечисленных источников энергии, переведенных в 7.000 калорий топливо представляется так:

Таблица 1

Удельный вес в мировом хозяйстве различных источников энергии

	Мировые			СССР			
	Мрд. тонн	%	%	Мрд. тонн	%	%	% мирового
Невозобновляемые							
Ископаемые угли	5.600	97,1	75,1	393,9	69,5	50,8	7,0
Нефть	11,5	0,2	0,15	4,3	0,75	0,6	37,4
Торф	215	3,7	2,9	168,6	29,8	21,7	78,0
Итого	5.826,5	100	78,1	566,8	100	73,1	9,8
Возобновляемые							
Торф	50	3,1	0,7	39,0	18,7	5,0	78,0
Дрова	340	20,8	4,6	63,0	30 2	8 1	18,5
Солома	37	2,3	0,5	6,7	3.2	0,9	18,1
Ветер	826	50.8	11,1	69,0	33,0	8,9	8,3
Водные силы	374	23,0	5,0	31.1	14,9	4,0	8,3
Итого	1.627	100	21,9	208.8	100	26,9	12,8
Всего	7.453.5	—	100	776,6	—	100	10,4

Ветру, как одному из элементов энергетической базы, до сих пор отводилась совершенно незначительная роль; судя же по данным приведенной выше таблицы и в будущем ему отведено лишь второстепенное значение.

Выяснение того — какое место может занять ветер в будущем мировом хозяйстве в ряду других источников энергии, как подойти к подсчетам таящейся в нем энергии и как его использовать наиболее рациональным образом и составляет содержание настоящей статьи.

Использование энергии ветра, как известно, возможно в двух направлениях. Первое — это применение его в качестве двигательной силы на парусных судах. Это самая старая и самая распространенная форма его утилизации. Этого способа использования ветра мы в дальнейшем касаться не будем, считая, что в этой области достигнуты известные технические границы и вопрос этот можно скорее рассматривать, как часть вопроса о транспорте. Второй путь использования ветра — применение его для механической работы также имеет длинную историю. Работа ветряков известна более восемнадцати веков. Распространение их чрезвычайно велико не только в странах старой культуры, но делает все большие и большие завоевания и в такой классической стране развития тепловых и электрических двигателей, как С.-А.С.Ш.

Ниже мы подробно разберем наиболее целесообразные методы использования ветра. Пока же укажем, что как механические двигатели, ветряки применимы в первую очередь в районах, отрезанных от электрических сетей с дешевой энергией, а также там, где непрерывность работы не является безусловным требованием. Кроме того, ветряки могут найти применение для выработки электрической энергии — при параллельной работе с тепловыми двигателями на общую сеть при условии, что энергия ветра дешевле топливной слагающей системы или цены, по которой округ, местечко, или хозяйство получают энергию от чужого им предприятия. Принявши в расчет эту оговорку, мы легко поймем, что в районах особенно дешевой энергии, например, около больших центров промышленности энергии ветра было бы крайне трудно конкурировать с большими электрическими гидро или пароустановками и, в этом отношении, они отступают перед напором дешевой электроэнергии. С другой стороны, столь же понятным станет широкое применение их при орошении, водоснабжении, осушении (Голландия), в мукомольном деле и пр.

Недавнее появление новых конструкций ветряков обещает, однако, создать в этом вопросе новую эру. Особенный интерес представляют последние конструкции (выработанные Московским центральным аэрогидро-динамическим институтом) типа двух или трехлопастного ветрового двигателя с размахом крыльев от 3 до 60 *м* и с постоянным числом оборотов, колебание которых при порывах ветра или внезапных нагрузках ветряка не превышает 3%. Если при этом учесть, что даже паровые турбины при внезапной нагрузке дают большее колебание оборотов, то становится очевидным, что для современного ветродвигателя вполне возможна параллельная работа с другими двигателями на общую сеть.

Последнее обстоятельство открывает для ветроэнергии совершенно новые перспективы, которые заставляют ожидать наступления поворотного пункта в развитии ветросиловой проблемы.

Следует лишь оговориться, что для широкого развития этого дела требуется еще положить довольно много труда в двух направлениях. В о-п е р в ы х, придется еще основательно поработать над наиболее дешевыми и целесообразными конструкциями самих ветряков и башен к ним, а также над выработкой стандартных типов автоматических устройств. В о-в т о-р ы х, необходимо устранить дефекты в постановке учета наших данных о ветре. В этом отношении есть, правда, колоссальный материал наблюдений метеорологических станций, но, к сожалению, лишь немногие станции дают истинное представление о силе ветра и его направлении. Большинство их расположено в сравнительно защищенном месте, вблизи построек, на опушке леса или вблизи какого-либо естественного препятствия для ветра. Так как ветровая тень ощущается более чем на двадцатикратном расстоянии высоты об'екта, производящего тень, то ясно, что показания многих метеорологических станций крайне неточны. Даже такие открытые станции, как например, наша Крымская станция на Ай-Петри, расположенная на Яйлинском плато на высоте 1.183 *м* над уровнем моря, и та не дает истинного представления о ветрах, которые имеются кругом на всех окружающих холмах и совсем открытых площадях. Так, специальная экспедиция ЦАГИ, произведшая массовые одновременные наблюдения в разных частях Крыма, в частности, в окрестностях Ай-Петринской метеорологической станции, констатировала в один и тот же момент силу ветра на метеорологической станции и двух соседних холмах — лишь на несколько десятков метров выше лежащих — для шести наблюдений при разных румбах.

При разных румбах Станция	Первый холм	Второй холм
3,4; 2,3; 3,7; 1,8; 8,3; 3,6 *м/с.*	9,1; 4.1; 4,0; 6,3; 13.4; 6,2 *м/с.*	13,8; 4.6; 4,3 5,2; 11,3; 7,3 *м/с*

Это дает в среднем отношение количества проносимой ветром энергии (пропорционально кубу скорости) — 1 : 5, 3 : 6, 6. Еще разительнее одновременные наблюдения в трех пунктах долины горной речки Качи, лежащих в 3—4 *км* друг от друга почти на одной высоте.

1 пункт (Эгиз—Оба)	2 пункт (Кош—Дегермен)	3 пункт (Пички)
18,6; 19,2; 10,7 *м/с*	8,7; 7,5; 7.2 *м/с*	2.7; 3,0; 4,1 *м/с*

В этом случае имеем отношение энергии ветра в среднем 1 : 12, 5 : 127, 5, а для первого ряда наблюдений даже 1 : 33 : 322.

Упомянутой экспедиции пришлось констатировать неожиданно значительное влияние на ветер особенностей рельефа местности, уплотнение воздушного потока, в одних случаях, срыв как силы ветра, так и его общего направления — в других, а также поглощение живой силы ветра (при чем часто лишь вблизи отдельного пункта) благодаря неправильностям промежуточного рельефа.

Широкому развитию ветросилового хозяйства должно предшествовать развитие анемометрических наблюдений; пока же, при решении вопроса о количестве энергии, которое может быть получено в том или ином месте, и о том ветре, на который надо базироваться при сооружении ветросиловой установки, нужно взять за основу наблюдения близлежащей станции, проделав предварительно для сравнения этих пунктов ряд одновременных наблюдений над ветрами разной силы и разных румбов. Такого рода немногочисленные одновременные наблюдения дадут возможность делать довольно точные заключения о ветрах испытуемого места.

Далее, исходя из наблюдений наших метеорологических станций, нам приходится обычно базироваться на данных о «средних ветрах». Самое же понятие — «средний ветер» вводит нас, подчас, в существенные ошибки. Так, если средний ветер получился в одном случае из 2 наблюдений — 0 *м/с* и 8 *м/с*, а в другом случае — 4 и 4 *м/с*, то истинное отношение, заключающееся в ветре энергии, будет относиться, как 4 : 1.

Итак, одна лишь ориентировка на метеорологическические данные о «среднем ветре» местности не дает нам еще возможности определить ко-

личество проносимой энергии. Чтобы иметь представление об энергии ветра, надо не только знать его среднюю силу, но его равномерность.

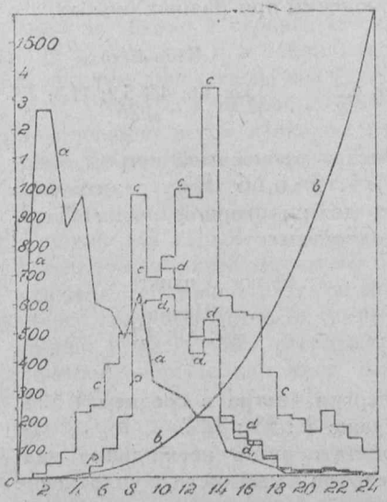
Подсчет количества энергии в ветре. Предлагаемый нами метод определения энергии ветра и определение оптимальных условий для его использования легче всего уясняется на конкретных примерах, детально нами разобранных.

Примерные подсчеты наши основаны на проработке наблюдений за 2 года (1913 и 1914) по Севастопольской метеорологической станции и за один (1917) год по станции на Караби-Яйле.

На обеих станциях записи ведутся анемографами Мунро. Первая расположена на берегу моря и несколько заслонена, особенно, от ветров всех южных румбов; и вторая, на Караби-Яйле, лежит на высоте 973 м над уровнем моря и открыта для всех ветров. Распределение ветров по временам года на обеих станциях сравнительно ровное без особых штилевых периодов.

Кривая среднего за год распределения ветров в продолжение суток, в обоих случаях показывает определенные и очень стойкие максимум и минимум. Максимум как в Севастополе, так и на Караби-Яйле от 12 до 15 часов. В ночное время стихание ветра особенно сильно в Севастополе. Более ровное суточное распределение ветра на высокой Караби-Яйлинской станции вполне совпадает с общими наблюдениями в метеорологии, по которым с известной высоты начинается даже обратный перелом и усиление ветра в ночное время.

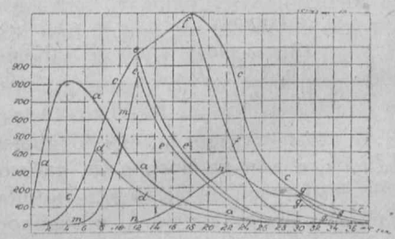
Севастополь 1913 и 1914 гг.



Черт. 1

a — кривая годовых частот ветра разной скорости.
b — кубическая кривая энергии ветра.
c — энергия на крыльях при использовании всего ветра.
ccdd — энергия на крыльях при установке на ветер 10 *м/с*.
ppd$_1$*d*$_1$ — энергия отдаваемая при установке на ветер 10 *м/с*.

Караби-Яйла 1917 г.



Черт. 2

a — годовая кривая частот ветров разной силы.
c — энергия на крыльях при использовании всего ветра.
dd$_1$ *ee*$_1$ *ff* и *gg* — энергия при установке ветряка на ветер в 7,6—12—18—30 *м/с*.
mm e$_1$*e*$_1$ — энергия отдаваемая *n* и установке на ветер 12 *м/с*. *nn g*$_1$ *g*$_1$ — то же при ветре в 30 *м/с*.

Что же представляют собой упомянутые средние силы ветра, каким образом они получаются из вечно меняющегося в своей силе ветра, и в каких пределах в наших расчетах можно опираться на абстрактные средние числа? На чертежах 1 и 2 (на стр. 246), кривая «*a*» показывает повторяемость в продолжение года ветров разной силы. На абсциссе нанесены ветра в *м/с* ординаты показывают число случаев в продолжении года ветра данной силы. Из указанных выше чертежей усматривается, что наиболее часты ветры в Севастополе от 1—3 *м/с* (29%), по Караби-Яйле—3—5 *м/с*.

По первому впечатлению невольно заключаешь, что наибольшее значение имеют эти частые ветры. Но сейчас мы увидим насколько это ошибочно. Вспомним, что давление ветра на встречные препятствия пропорционально квадрату его скорости, а работа им производимая и энергия в нем заключающаяся пропорциональна кубу скорости. Если мы примем условно за единицу то количество энергии, которое протекает за одну секунду с ветром силою в 1 *м/с* через определенное сечение и отметим для ветра каждой силы куб его скорости, то получим кривую, по которой мы сможем отсчитать энергию, заключающуюся в ветрах любой силы (см. черт. 1 и 2, кривая «*b*»).

Если мы теперь для каждой силы ветра, помножим число его случаев за год (кривая «*a*») на заключающуюся в нем энергию (кривая «*b*»), то получим новую кривую «*c*», которая укажет нам, сколько энергии пронеслось через принятое нами сечение с ветрами данной силы в продолжении года. Вся площадь, описанная этой новой кривой, будет тогда соответствовать всей энергии, пронесенной через наше сечение за год всеми ветрами.

Уже из беглого рассмотрения этой кривой явствует, что главная масса энергии заключается в ветрах значительно большей силы, чем средние. Так, в обоих разбираемых нами случаях, наибольшее количество энергии несут ветры не средние (5,45 *м/с* за 2 года для Севастополя и 7,66 *м/с* для Кабари-Яйлы) и даже не средне-кубические (7,74 для Севастополя и 10,81 для Караби-Яйлы), а ветры в 2,5 раза сильнее средних, а именно ветры от 13—14 *м/с* и 18—19 *м/с*. Отсюда не трудно заключить, что надо ориентироваться на ветры больших скоростей. Так, в Севастополе ветры силой от 0 до средних — 5,45 *м/с* заключают в себе лишь 4,65% всей проносимой за год энергии.

Как же подойти к наиболее рациональному использованию проносящейся мимо нас, вечно меняющейся в своей силе, энергии?

Анализ кривых энергии. Для разрешения этого вопроса необходимо перейти от общих теоретических положений к чисто практической задаче. Но для разрешения ее нужно знать, какими ветряками мы будем работать, каков тот аппарат, которым мы должны улавливать проносящуюся энергию. Мы остановились на последних типах быстроходных ветряков ЦАГИ, решивших основную задачу — постоянство числа оборотов. Конструкция их предусматривает установку на ветер определенной силы. При ветрах более сильных весь излишек ветра против принятого нами, пропускается мимо ветряка, без его использования.

Так, при установке на ветер в 10 *м/с* ветряк будет работать и вырабатывать энергию и при 15 *м/с* ветре так, как он работал бы при ветре в 10 *м/с*.

На чертежах 1 и 2 (на стр. 246) кривая «*c*» показывает общее количество энергии, которое приносит с собой ветры от 0 до 25 *м/с*, в первом, и от 0 до 40 *м/с*, во втором случае. Так как, согласно вышеизложенного, при установке на ветер определенной силы, вся энергия сверх принятого нами предельного ветра проносится мимо неиспользованной, то попытаемся определить, какое же количество энергии может быть использовано при ориентировке на тот или иной предельный ветер. Возьмем, например, в одном из исследуемых нами случаев — на Караби-Яйле (чертеж 2, на стр. 246) предельным — ветер средний — 7,65 *м/с*. Тогда все остальные ветры более 7,65 *м/с* будут давать энергии столько же, сколько ее дал бы ветер в 7,65 *м/с*. Что же будет при ветрах более 7,65 *м/с* — например, при 10 *м/с*?

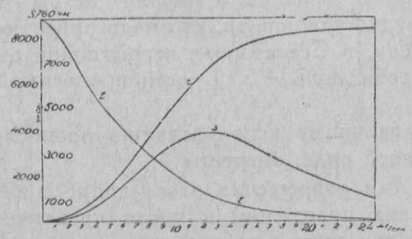
Для всех точек выше 7,65 *м/с* мы будем множить число случаев не на соответствующую им энергию, как это было при изображении основной

кривой «c», а на энергию соответствующую ветру в 7,65 *м/с*. Тогда, начиная с точки «d», кривая начнет понижаться в соответствии с убывающим числом случаев для более и более сильных ветров и общее количество энергии, которое при этом будет выработано, будет пропорционально уже не всей площади описанной кривой «c», а той лишь части ее, которая ограничена сначала кривой «c» до точки «*d*», а затем кривой «dd».

На Севастопольском примере (черт. 1, на стр. 246) мы остановились на 10 *м/с*. Ломанная линия от точки «*d*» влево отграничивает энергию, которая может быть нами использована, а вправо площадь соответствующую энергии, которая пропадает вследствие того, что мы ограничили использование 10 *м/с*. Если в каждой последующей точке, соответствующей наростающей силе ветра, мы построим, начиная со слабых и до наиболее сильных ветров, подобные же кривые, то получим все растущие площади, соответствующие все большему количеству энергии, которая будет нами использована при ориентировке на все более сильные ветры (см. рис. 2 на стр. 246), на котором мы приняли предельные ветры в 7,65 *м/с* 12, 18 и 30 *м/с* и отграничили соответствующие им энергетические площади в точках d, e, f, g.

Просчитав в отдельных таблицах количество энергии, которое может быть получено при ориентировке на ветер все большей силы, мы получаем для Севастополя кривую «r» (черт. 3 на стр. 248). Медленное наростание энергии вначале сменяется быстрым приростом ее от перехода к более сильным ветрам. Последние 10 ступеней почти ничего уже не прибавляют к общему количеству энергии и из кривой «r» (черт. 3 на стр. 248) видно, что ориентироваться на ветры за указанном перегибом нет никакого смысла. Сейчас мы увидим, что предельная, в смысле экономической целесообразности, ступень лежит еще раньше.

По Севастополю за 1913 и 1914 гг.



Черт. 3

r — энергия на оси крыльев при установке на ветры равной силы.
S — энергия на борнах генератора с учетом всех коэфиц. пол. действия.
t — число часов работы максимума.

Теперь приблизимся еще на шаг к реальной постановке вопроса и вычислим количество энергии, использование коей практически возможно. Между энергией ветра, свободно протекающего в пространстве использованием этой энергии для механической работы и далее, превращением ее в электрическую энергию лежит ряд ступеней, на каждой из которых часть энергии теряется. Прежде всего, встречая препятствие в виде ветряка, ветер частично его обтекает и только часть потока проходит через крылья ветряка, где и преобразуется в механическую энергию. Предельный теоретический коэфициент полезного действия (ξ) на этой ступени — 59,2%. Но практические результаты не позволяют пока говорить об использовании более 34%.

Таким образом, мы получаем известное количество энергии на крыльях ветряка. Далее, приходится учесть потери в подшипниках, в зубчатке и, наконец, в сопряженной с ветряком динамомашине или ином механизме. Не останавливаясь подробно на подсчете этих потерь укажем, что при учете их кривая «r» (четр. 3 на стр. 248) превратится в кривую «S». Вместо прежнего постоянного наростания количества вырабатываемой энергии от перехода работы установки на все более сильные ветры, мы после известной ступени ветра обнаруживаем, вместо прироста, убыль энергии. Об'ясняется это следующим. Согласно подсчета, при ветре в 2,5

раза более слабом, чем принятый нами предельный — энергии вырабатывается в ($2{,}5^3$ раз меньше, т.-е. 6,4% от полной мощности, а это равняется потерям холостого хода. При прочих же сравнительно слабых ветрах установка будет работать с плохим коэфициентом полезного действия. Если мы при рассчете ветряка будем ориентироваться на ветер значительно более сильный, то, выигрывая очень мало от такого перехода на высшие ступени, мы значительно больше теряем на плохом использовании ветров несколько более слабых, но значительно более частых. Перегиб кривой «S» на черт. 3 (на стр. 248) и показывает это.

Для большей ясности картины мы изобразили на чертежах 1 и 2 (на стр. 246) для некоторых точек, кроме кривых ограничивающих использование всей энергии ветра, в зависимости от установки на предельный ветер, еще кривые использования в зависимости от коэфициента полезного действия генератора.

Так, на чертеже 1 (стр. 246) кривая *ccdd* отграничивает площадь 10 *м/с*, кривая же ppd_1d_1 отграничивает площадь, оставшуюся за вычетом использования энергии всех ветров при установке на предельный ветер в потерь в генераторе. Тоже самое мы отметим на чертеже 2 (на стр. 246) для 12 *м/с* и 30 *м/с*.

Осветим теперь еще один крайне существенный для каждой установки вопрос — о числе часов ее работы. При этом укажем, что общее количество часов работы вне вопроса об отдаваемой за это время энергии играет сравнительно второстепенную роль. Лучше характеризует установку не понятие «общее число часов работы», а «число часов работы максимума» (кривая «t» черт. 3, на стр. 248), т.-е. к скольким часам работы можно было бы свести всю отдаваемую за год энергию при работе только на полную нагрузку. Получаем мы эту величину путем деления общего количества отдаваемой за год энергии на предельную мощность.

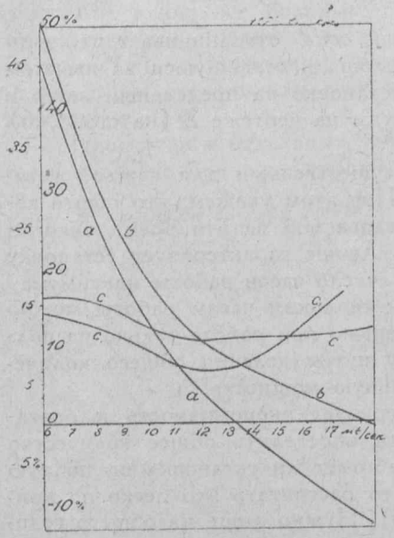
Это понятие гораздо лучше характеризует экономичность и рентабельность установки. Если же мы захотим определить общее количество часов работы вне зависимости от того, работает ли установка на полную мощность или загружена лишь частично, то рассчитать это легко по кривой «*a*» чертежей 2 и 3 (на стр. 246, 248). Нужно лишь из общего годового числа часов выкинуть штилевые дни, т.-е. дни действительного и относительного штиля, когда установка не работает, так как каждая установка, как уже было сказано, начинает работать лишь с ветров в 2,5 раза меньших, чем избранный нами предельный ветер.

О п р е д е л е н и е о п т и м а л ь н о г о в е т р а д л я у с т а н о в к и. Как уже упоминалось, из чертежей 1 и 2 (на стр. 246) априори было ясно, что, при ориентировке на ветер определенной силы, нельзя останавливаться на ветрах средних и меньших. Протекающая с ними энергия настолько незначительна, по сравнению с общей массой последней, таящейся в ветрах, что говорить, при такой ориентировке, об использовании энергии ветра не приходится. С другой стороны, из чертежа 3 (на стр. 248) совершенно очевидно, что базироваться на ветрах за седлом — в наших примерах, на ветрах в 2,5 раз более сильных, чем средние — не приходится, так как в конечном счете, при более дорогой установке мы получили бы меньше энергии и притом менее равномерно использованной в продолжение года. Более определенно мы, пока, высказаться не можем. Если бы установка нам ничего не стоила, а рабочая сила тоже не оплачивалась бы, то ясно, что предельной — была бы установка на ветры на седле, т.-е. для Севастополя — 13 *м/с*, а для Караби-Яйлы — 18 *м/с*. Тогда вопрос свелся бы лишь к получению максимального количества энергии. Но, на самом деле, вопрос стоит не так, и ориентировку на более сильный ветер приходиться оплачивать растущими годовыми расходами. Всю систему как меха-

ническую, так и связанную с нею электрическую часть приходиться сооружать соответственно предельному избранному ветру, а число случаев этого предельного ветра может быть и не столь велико. Таким образом, в реальных условиях может оказаться, что последние ступени перед седлом дадут большее удорожание, чем прибавят энергии. Тогда было бы выгоднее достичь увеличения количества энергии не путем использования более сильных ветров, а путем установки второго ветряка или путем увеличения размаха крыльев.

К решению поставленной выше задачи о наиболее экономически целесообразном пределе мы и перейдем.

Графическое определение оптимального ветра для установки ветряка



Черт. 4

a — прирост отдачи энергии в % при ориентировке на все более сильный ветер в Севастополе.
b — тоже на Караби-Яйле.
c — прирост в % годовых расходов как выше при работе с техническим персоналом.
c_1 — тоже при автомазатиции установки.

Прежде всего посмотрим, что определяет экономичность и практическую пригодность установки.

Основными моментами, характеризующими всякую установку являются: 1) количество вырабатываемой за год энергии; 2) годовые расходы, сопряженные с работой установки и 3) распределение отдаваемой энергии в продолжение года или, что то же, число часов работы максимума.

Первые два момента определяют стоимость вырабатываемой энергии, третий характеризует установку с точки зрения ее пригодности для тех или иных целей. Так как первые два и последний признаки характеризуют установку с совершенно разных сторон, то исследовать их можно независимо друг от друга.

Количество вырабатываемой энергии нами подробно разобрано и исчерпывающи характеризуется кривыми «S». Зная силу ветра и избранный нами размах крыльев, мы в любой момент можем перевести наши условные единицы энергии в киловаттчасы.

Переходя к вопросу о стоимости установки, мы за недостатком места укажем лишь, что каждой ступени ветра соответствует, конечно, соответствующая мощность сопряженного генератора. Стоимость установленного киловатта при увеличении мощности до известных пределов (до перехода на тихоходные типы) падает: стоимость же башни от установки на более сильные ветры возрастает незначительно, так как при всех случаях расчет башни приходится производить на предельные ветры данной местности. Нами просчитаны отдельно стоимость для каждой ступени ветра. При подсчете годовых расходов учтены проценты на капитал, амортизационные отчисления, ремонт и заработная плата.

Посмотрим же, как при переходе с одной ступени ветра на следующую будут расти, с одной стороны, количество отдаваемой энергии (по черт. 3 на стр. 248), с другой, как будут наростать годовые расходы.

Выразим и то и другое приращение в процентах. На чертеже 4 (на стр. 250) кривые «*a*» и «*b*» показывают прирост (в процентах) энергии при переходе с одной ступени ветра к последующей (по Севастополю кр. S черт. 3, на стр. 248). Прирост годовых расходов (расчет которых в виду ограниченности места мы здесь не приводим) — тоже в процентах, по отношению к каждой предшествующей ступени — изображен кривой «*c*» и «c_1», при чем «c_1» показывает прирост годовых расходов при автоматизации установки.

Если при переходе от одного ветра к более сильному прирост количества вырабатываемой энергии или киловаттчасов будет больше, чем прирост годовых расходов, то при переходе этом стоимость энергии уменьшится. Если же прирост энергии будет меньше, чем прирост годовых расходов по установке, то переход к следующей ступени удорожит энергию. Точки пересечения кривых «*c*» и «c_1» с кривыми «*a*» и «*b*» показывают тот оптимальный ветер, при установке на который мы имеем наиболее дешевую энергию. И до этой точки пересечения и после нее энергия будет дороже. Разница между ординатами «*c*» или «c_1» и «*a*» или «*b*» для каждой испытуемой ступени ветра показывает на сколько процентов в этом случае энергия будет дороже, чем при оптимальном ветре.

На разобранных нами примерах покажем каких результатов можно достигнуть при правильном расчете и ориентировке на оптимальный ветер. Приводим сводку результатов по двум установкам:

Таблица 2

Сводка расчетов установок с ориентировкой на оптимальный ветер

	На Караби-Яйле	В Севастополе
Оптимальный ветер в *м/с*	12	9,9
Соответствующий ему генератор в *квт*	250,5	133
Поправка на барометр давления в *квт*	222	133
Ближайший заводской тип в *квт*	200	150
Соответствующий ветер в *м/с*	11,6	10,3
Общее число часов работы	5.930	4.668
Число часов работы максимума	2 495	1.875
Число часов работы при полной нагрузке	1.741	1.141
Начальный ветер при трогании ветряка в *м/с*	4,65	4,15
% использован. энергии с учет. всех коэфиц. пол. действ. (включ. и генерат.) и с учетом потерь от установки на определенный ветер	29,9	39
% использования полный с учетом =0,34	10,1	13 3
Число киловаттчасов в год	499.000	281.250
Расход за год с обслуживающим персоналом (в руб.)	6.863	6.177
Расход при автоматизации (в руб.)	4.565	4.235
Стоим. 1 *квтч.* при работе с рабочим персоналом на шинах ветроустановки (в коп.)	1,37	2,2
Стоим. 1 *квтч.* при автоматизации (в коп.)	0,86	1,63
Стоим. 1 *квтч.* при автоматизации и массовой заготовке (в коп.)	0,67	1,25
Принятая стоимость установки (без автоматизации) (в руб.)	36.350	33.350

При этом считаем необходимым оговориться, что расчеты сделаны по ближайшей метеорологической станции, а, как указано было выше, количество энергии на соседних холмах было бы в 6 раз больше и стоимость установки возросла бы главным образом лишь в части, относящейся к стоимости электрического оборудования, да и то меньше, чем прирост мощности.

Уже из приведенных примеров видно, какие благоприятные результаты может дать ветросиловая установка и как выгодны были бы возможности приспособления ветряков для параллельной работы на общую сеть.

Работа ветросиловой установки в реальных условиях. Рассмотрим теперь условия работы ветросиловой установки в реаль-

ных условиях, чтобы перейти затем к вопросу о возможном потребителе этой дешевой, но неравномерно пульсирующей энергии.

Для решения этой задачи приходится во-первых, задаться определенным графиком суточного потребителя энергии, а во-вторых, на основании ежечасной проработки показаний анемографа определить общую отдачу энергии ветряком. Для этого мы взяли тот же пример Севастопольского ветряка, проработав 3 характерных месяца со средним в общем ветром (5,4 *м/с*) при чем один из месяцев был исключительно ветряный (в среднем — 8,1 *м/с*), один тихий (3,3 *м/с*) и один средний (5,6 *м/с*). При этом мы задались графиком потребления энергии (крив. «*b*» черт. 5 на 252 стр.),соответствующим средне-промышленной нагрузке (3.200 часов в год работы максимума). При зимней пиковой нагрузке в 100 *квт* мы приняли средне-годовую нагрузку в 80 *квт*. Систему работы ветряка мы приняли самую сложную, т.-е. не связанную ни с какой иной системой и покрывающую весь спрос исключительно энергией ветра при наличии какого-либо аккумулятора.

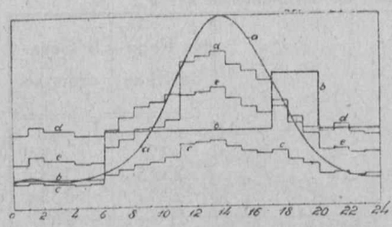
Ежечасная проработка возможной отдачи с пополнением нехватки энергии аккумулятором (потери на аккумуляцию приняты—50%) показала, что:

1) если ветряк по максимальной мощности равен наибольшей пиковой нагрузке, то энергии его хватит в Севастопольских условиях лишь на покрытие чисто осветительной нагрузки (около 1.700 часов максимума). При нагрузке полупромышленной (3.200 часов)—мощность ветряка должна быть почти вдвое больше пиковой нагрузки (1,9 раза);

2) даже при «среднем» ветре значительно более низком, чем начальный ветер, с которого ветряк вообще начинает работать (у нас при среднем ветре — 3,3 и начальном 4,15 *м/с*), ветряк все же может покрыть часть месячного спроса;

3) величина аккумулятора должна быть рассчитана (при принятых заданиях) на покрытие 1,3 месячного спроса на энергию.

Анализ работы ветросиловой установки в реальной обстановке по Севастополю



Черт. 5

a — энергетическая кривая ветра в Севастополе в продолжении суток.
b — заданный график потребления энергии за сутки при годовом максимуме 100 *кв*. а среднем — 80 *кв*.
c — кривая полезной отдачи за сутки ветряка в 100 *кв*. п. и потерях на аккумуляцию 50%.
e — тоже как *c*, но установка в 1,9 раз большая для полного покрытия спроса.
d — общая отдача этой установки включая потери при аккумуляции.

На чертеже 5 дан графический анализ работы ветросиловой установки в реальной обстановке по Севастополю.

Мировые ресурсы энергии ветра. Хотя вопрос этот имеет чисто академическое значение, но в виду того, что он неоднократно обсуждался, мы дадим подсчет мировых ресурсов на основании данных полученных от проработки нашим методом.

Приняв в расчет анемометрическую тень, мы подсчитали, что на 1 *кв. км* может быть установлено не более 5 тридцатиметровых ветряков. Если мы примем теперь географическую средне-арифметическую мировую скорость ветра в 4 *м/с*, то средне-кубическая для разных районов будет не меньше 4,7—4,8 *м/с*. Если же мы еще сделаем поправки на затишливое расположение метеорологических станций и повышение центра наших ветряков на 25 *м* над уровнем почвы, то получим минимум 5 *м/с*. Этот ветер мы и примем для нашего расчета.

Приняв данные, полученные по Севастополю, за основу, просчитаем, сколько энергии мы можем получить при ветрах в 5 *м/с* от одного ветряка и, далее, с одного километра. Путем интерполяции получаем мощность одного ветряка — 95 *квт* и количество киловаттчасов с одного квадратного километра — 1.085.000.

При этих данных со всей суши за год могло бы быть получено количество энергии эквивалентное более ста миллиардов тонн 7.000 калорийного угля, т.-е. количество в 85 раз превосходящее мировую добычу каменного угля в 1923 г.

Возвращаясь к таблице 1, мы приходим к выводу, что запасы энергии ветра в ней приуменьшены и превосходят запасы всех прочих видов энергии примерно в 3,5 раза.

О потребителе ветроэнергии и методах использования ветра. В заключение перейдем к чрезвычайно сложному вопросу, заслуживающему самостоятельной проработки — о наивыгоднейших методах работы ветряками. Что наиболее целесообразно, — самостоятельная ли работа ветряками или работа их в комбинатах с тепловыми или гидроустановками, в мелком масштабе для сельских станций или в комбинации с мощными сетями и пр?

Вследствие сложности вопроса и большого количества привходящих моментов, мы лишь вкратце коснемся его, наметив основные типы работы и те пути, по которым, по нашему мнению, должно пойти развитие ветросиловой проблемы, чтобы дать наибольший народнохозяйственный эффект

К каким же основным системам сводится работа ветряков?

1. Самостоятельная работа отдельных ветряков, работающих исключительно на энергии ветра без аккумуляции.

2. Система работы ветросиловых установок без иных резервов, но с аккумуляцией.

3. Работа ветряка с тепловым резервом.

4. Работа ветросиловых установок прямо на общую сеть без аккумулирования энергии.

5. Работа ветряков непосредственно на сеть с аккумуляцией лишь суточных излишков энергии.

6. Работа на общую сеть с аккумуляцией энергии ветра, особенно, с гидроаккумуляцией.

7. Работа ветросиловых установок, связанных с мощными областными комбинатами.

Дадим краткую характеристику каждого из приведенных методов работы.

1. Самостоятельная работа ветряка, да притом еще без аккумуляции энергии, конечно, крайне несовершенна, но она же почти только одна и известна на практике. Насколько она примитивна, видно из того, что ветряк такого типа, какой мы все время разбирали, работал бы (см. черт. 1, на стр. 246) при полной нагрузке 1.292 часа; при нагрузке от 0 до полной — 3.376 час., бездействовал бы —4.092 час. Таким образом, только в 15% всего времени мы можем полностью его нагружать, в 38% мы работаем ненадежно, с возможностью лишь частичной нагрузки и 47% всего времени мы вообще не сможем работать. А, между тем, такие ветряки работают уже 2.000 лет и при этом имеют тенденцию к дальнейшему развитию.

Применяются они, главным образом, для механических целей и при том в тех лишь случаях, где непрерывность работы не является первейшим необходимым требованием. Для производства электрической энергии, без аккумуляторов или тепловых резервов, почти неприменимы, вследствие непостоянства работы и большого количества часов бездействия.

В связи с нашими изысканиями следует указать, что в этом типе ветряков главным моментом при выборе предельного ветра, на котором следует базироваться при расчете мощности установки, будет не дешевизна

энергии, а постоянство ее отдачи. Только что мы указывали, что ветряк, подобранный по нашему методу, работал бы лишь 4.668 час. — из них на полную нагрузку 1.292 часа. Если же мы понизим предельный ветер вместо 10 *м/с* до 7,5 *м/с*, то получим увеличение числа часов работы до 6.300. Если по условиям хозяйства требуется, чтобы ее работа давала возможность в крестьянском хозяйстве удобно комбинировать работу ветряка с другими хозяйственными работами, то это увеличение числа часов работы будет иметь первенствующее значение, хотя бы вырабатываемая в этом случае энергия была на валу двигателя и дороже.

Наивыгоднейший народнохозяйственный эффект будет проистекать не от наиболее дешевых силочасов на валу ветряка, а от приспособленности его к условиям хозяйства.

Эта система, несмотря на все свое несовершенство, и впредь сохраняет свою жизненность, особенно, в районах оторванных от дешевой энергии и для специальных целей, например, для мельниц, водоснабжения, орошения и пр. Следует лишь пожелать возможно большей массовой заготовки стандартных типов, к чему, впрочем, ЦАГИ теперь уже частично приступил.

2. Вторая возможная комбинация, при которой ветросиловая установка не нуждается ни в каком резерве или ином источнике энергии для полного обслуживания потребителя. Система эта предусматривает возможность аккумуляции энергии во время, обильное ветрами, при малой нагрузке, когда остаются от подачи в сеть избытки энергии, которые и можно сохранить при посредстве аккумуляторов и использовать ее во время безветрия, или когда сила ветра недостаточна, чтобы полностью покрыть спрос на энергию.

Система эта мало применима при дорогих свинцовых аккумуляторах, но может дать очень хорошие результаты, если только по близости имеется какой-либо водоем или возможность создать таковой и получить напор воды достаточный для гидроустановки, по мощности соответствующей нашему ветряку. Если при этом у нижнего уровня гидростанции можно получить второй водоем, то получится идеальная замкнутая система, при которой при безветрии вода изливалась бы из верхнего водоема в нижний,—а при обильных ветрах снова поступала бы в верхнее водовместилище. По об'ему водоемы эти должны быть равны приблизительно 1,3-кратному количеству воды, которое нужно, чтобы покрыть при помощи резервной гидроустановки месячное потребление энергии. И в этом случае может оказаться целесообразным повысить число часов работы максимума за счет удорожания энергии. Хотя эта система при устройстве заново водоема, может оказаться и не дешевой, но она может дать очень хорошие результаты при наличии уже готовых искусственных или природных водоемов, с возможностью получения необходимого напора.

3. Система работы ветряка с тепловым резервом тоже может себя оправдать в районах оторванных от дешевой энергии.

Само собой очевидно, что система эта возможна лишь в том случае, если стоимость ветроэнергии будет дешевле топливной слагающей. Резерв может по мощности и не совпадать с мощностью ветряка. Он может быть рассчитан для покрытия лишь самой острой нужды в энергии, как например, части освещения, подачи воды и т. п.; прочий же спрос на энергию будет покрываться при наличии ветра.

И в этом случае, установка на тот или иной ветер может диктоваться не столько дешевизной, сколько хозяйственными соображениями.

При этом, большой резерв позволит, если это окажется дешевле для всей системы, ориентироваться на больший ветер. Наивыгоднейший ветер будет не при наиболее дешевой энергии ветростанции, а при наименьших расходах за год всей системы.

4. Работа на общую сеть. С этой системы следует начинать работу по выработке тока ветросиловыми установками в более широких масштабах. Эта же система может дать наиболее дешевую энергию от ветряков (от всего комбината энергия следующих систем дешевле). Система эта стала вполне осуществима с тех пор, как были созданы ветряки с постоянным числом оборотов.

Как уже было указано, при колебании в числе оборотов, которое имеют современные конструкции ЦАГИ (в 3%), возможна непосредственная работа на сеть даже синхронными генераторами. Вопрос лишь в том, какое соотношение между мощностью ветряков и мощностью всей системы наиболее целесообразно.

При колеблющемся графике потребления энергии, принятом нами (кривая «*b*» черт. 5, на стр. 252), мы видим, что, если ветряки будут по мощности больше, чем минимальная ночная нагрузка, то часть энергии будет в ветренные ночи пропадать даром. Последнее, конечно, удорожило бы энергию и осложнило бы дело, Но до пределов ночного минимума, энергия, вливаемая в общую сеть будет наиболее дешевой. Предел выгодности — это, когда стоимость ветроэнергии равна стоимости топлива (топливная слагающая) + расход на смазку + уменьшение сноса тепловых машин от уменьшения числа часов работы или когда она равна цене за энергию, которую приходится уплачивать чужому предприятию.

Подсчет в каждом отдельном случае показал бы на сколько стоит повышать ветросиловую мощность по сравнению с ночным минимумом при условии частичных потерь энергии в особо ветрянные ночи.

Подсчеты ветряков Севастополя и Кабари-Яйлы основаны на применении именно этой системы.

5. Пятая система — переходная к 6 и 7 — частичная аккумуляция энергии на несколько часов работы в сутки дает возможность с выгодой сильно повысить отношение мощности ветряков к мощности всей системы. При обсуждении системы 4, мы уже говорили, что предельная мощность ветряков в системе определяется минимумом ночного графика загрузки. Но если мы создадим аккумулятор, который смог хотя бы частично поглотить избыточную ночную энергию, то это дало бы нам возможность сильно повысить в общей системе ветросиловую часть. Так в Севастополе в настоящее время ночной минимум (в продолжении 4 часов) равен 17,5% от годового максимума. Расчет показал, что если создать аккумулятор емкостью в 13,3% суточной выработки энергии (т.-е. примерно на 3,25 часа средней нагрузки), то это дало бы возможность повысить мощность ветряка до 0,5 мощности всей системы, т.-е. к имеющейся теплосиловой или гидросиловой установке прибавить еще 50% по мощности ветряков. При наличии большого водохранилища суточное регулирование работы ветряков сказалось бы на водохранилище лишь как слабо ощутимое суточное дыхание водоема.

6. Переходим к шестой группе — работе ветряков в комбинации с большими гидроустановками, имеющими многомесячное или годовое регулирование подачи тока, например, с Днепростроем.

Годовое регулирование предполагает обычно или же покрытие многомесячного маловодья, или, даже, сохранение известных запасов воды на сухой год. Из рассмотрения замкнутой (2) системы выяснилось, что, при условиях аналогичных Севастопольским, запасов воды для полной замкнутости системы требуется лишь 1,3 месячного спроса и что в срок нескольких месяцев система снова восполняет свои запасы. Годовое регулирование гидростанции вполне совместимо с незначительным сравнительно, регулированием для ветродвигателей. В больших масштабах годового регулирования гидростанции, где дело идет о запасах многомесячных и даже годовых.

сравнительно незначительные позаимствования и отдачи, которые будут заканчивать свой цикл в продолжении лишь немногих месяцев, будут проходить для системы сравнительно безболезненно. Это тоже можно сравнить с дыханием водоема, но уже не суточным, а сезонным. Таким образом, запас воды для, примерно, полуторамесячного количества энергии даст возможность при помощи ветросиловых установок увеличить мощность комбинированной системы вдвое. Если ниже уровня машинного здания гидростанции также имеется тоже достаточно мощный водный резервуар, а таковой будет, например, на Днепре при создании нижней плотины, то мощность ветряков может быть во столько раз больше мощности прочих двигателей, во сколько нижний и верхний водоемы по своей энергетической способности больше необходимого для выработки при замкнутой системе 1,3 месячного запаса энергии.

При большем развитии ветросиловой части общей системы и полном отсутствии нижнего водоема, поставить дело так, чтобы энергия ветра в обильные ветрами дни совсем не пропадала, конечно, нельзя.

7. В заключение еще последняя возможность работы ветросиловых установок — с еще более мощными комбинатами, охватывающими систему параллельно работающих установок, разбросанных на больших расстояниях друг от друга.

Нет сомнения, что не пройдет еще и 10—15 лет, т.-е. времени в продолжении которого ветряки, вырабатывающие электрическую энергию, вряд ли даже переживут уже свои «детские болезни» — как весь юг СССР сольет все свои электропередачи в одну общую сеть. Гидростанции на Днепре, Буге, реках Северного Кавказа и пр., тепловые станции Донбасса, работающие на штыбе и низкосортном угле и заводские установки на доменных газах будут соединены одной общей сетью — паутиной высоковольтных передач.

При этой комбинации присоединение ветряков будет еще рациональнее. Ветряки Крымские, Новороссийской группы и другие, разбросанные на громадных расстояниях друг от друга, но соединенные общей системой, будут работать в несравненно более выгодных условиях. Подсчитано, что вследствие несовпадения на таких расстояниях штилевых и бурных дней, общее число часов работы всей ветровой группы может повыситься почти в полтора раза, что является, конечно, большим выигрышем, сделав отдачу от ветросиловых установок значительно ровнее.

Рассмотрение разных способов и систем работы ветряками убеждает нас, что, поскольку ветряки предназначаются для выработки электрической энергии они, хотя и применимы для индивидуального обслуживания поселений и совхозов, но действительного развития и полной своей выгодности они достигнут лишь в мощных комбинатах, особенно, в связи с гидросиловыми установками, где ветер может стать равноправным фактором в числе других входящих в комбинат групп.

Будучи в состоянии уменьшить установленные тепловые мощности лишь в незначительной степени (уменьшая число часов их работы), он тем не менее сможет значительно сократить расходы на топливо и уменьшить снос прочих машин.

Просмотр всех перечисленных возможностей работы ветра сделан, конечно, лишь схематически и ни в какой мере не претендует на исчерпывание материала. Мы лишь хотели наметить пути наивыгоднейшего использования ветровой энергии и дать хоть слабый толчок к дальнейшему изучению и проработке этого вопроса.

А. Авербух и А. Брюханов

Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР[1]

Покупательная сила хлебов

Анализируя динамику районных индексов цен, мы установили тенденции, имевшие место в движении номинального уровня цен хлебов в отдельных районах. Но изменение номинального уровня цен на сел.-хоз. продукты, без анализа его соотношений с промышленными ценами, не может быть исчерпывающим показателем рыночных условий, складывающихся для сельского хозяйства, ибо высота уровня цен сел.-хоз. продуктов, сама по себе еще не говорит о их реальной покупательной силе.

Если взять в качестве показателя отношение индексов цен плановых заготовителей на зерновые хлеба к районным индексам розничных цен на промтовары, то мы получим следующую картину.

Индексы покупательной силы хлебов (отношение индексов зерновых к индексам промтоваров, принятый за 100)

	По общеторгов. индексу		По индексу кооперат. торговли			% % % изменения к предыд году	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Ц. Ч. О.	79	73	76	58	63	— 23,7	+ 8,8
Урал	55	65	67	53	60	— 20,9	+ 13,1
Ср.-Волжский	69	75	78	55	66	— 29,5	+ 20,0
Н.-Волжский	90	72	74	58	68	— 21,6	+ 17,3
Сев. Кавказ . .	55	59	60	55	66	— 8,2	+ 20,0
Сибирь	56	58	60	59	66	— 1,6	+ 12,0
УССР	75	73	76	57	69	— 24,9	+ 21,0
СССР	68	68	70	56	66	— 20,0	+ 17,9

Преимущественное значение в розничном обороте промтоваров кооперативная торговля получает только начиная с 1925/26 г., поэтому для того, чтобы выявить покупательную силу зерновых хлебов в прошлые годы, мы воспользовались отношением индексов хлебов к обще-торговым розничным индексам. За последующие годы для этой цели взяты индексы цен промтоваров в кооперативной торговле.

1924/25 и 1925/26 гг., бывшие годами высоких хлебных цен и относительно низких розничных цен на промтовары,[2] характерны, относительно

[1] Окончание См. „Плановое Хозяйство" № 7.

[2] Повышение цен промтоваров, имевшее место в 1925/26 г., началось со второй половины сел.-хоз. года.

высокой покупательной силой хлебов. Однако, в силу выявленных нами различий в высоте уровней хлебных цен в разных районах в эти годы, мы имеем резкие различия в покупательной силе хлебов. Районы низких индексов цен на зерно (Сибирь, Урал, Сев.-Кавказ), несмотря на относительно более низкие индексы промтоваров,[1] имеют наименьшую покупательную силу (так, в 1925/26 г. в Сибири и на Сев.-Кавказе, мы имеем покупательную силу в 60 коп. за рубль, на Урале — в 67 коп.); районы, расположенные ближе к индустриальным центрам страны, наоборот, имеют большую покупательную силу зерна в промтоварах (например, ЦЧО и УССР —76 коп., Ср. Волжск. р. —78 коп.). В период рыночных затруднений 1925/26 г. имело место повышение розничных цен промтоваров. Падение уровня зерновых цен произошло в начале 1926/27 сел.-хоз. года, когда уровень промышленных цен, был еще высок. Снижение отпускных и розничных цен на промтовары, произведенное в последнем квартале 1926/27 сел.-хоз. года, не сказалось, в общем, на условиях реализации сел.-хоз. продукции этого года, в целом, поэтому, оказавшихся, с точки зрения эквивалентности с промтоварами, не благоприятными. Во всех районах произошло значительное раздвижение ножниц. Исключение составляют Сев.-Кавказ и Сибирь, где это раздвижение ножниц было менее значительным, благодаря меньшему темпу снижения заготовительных хлебных цен. В общем покупательная сила хлебов упала в этом году ниже 60 коп.

Указанное выше снижение промышленных цен целиком перешло на 1927/28 г., в котором, благодаря, одновременному некоторому повышению заготовительных цен на хлеба, лезвия ножниц значительно сблизились, и, с точки зрения ценностных условий обмена с промышленностью, этот год явился значительно более благоприятным, чем предшествующий, но все же, как это видно из вышеприведенных данных таблицы, индексы покупательной силы в этом году еще значительно ниже 1925/26 г.

Вследствие произведенного повышения плановых цен на хлеба в 1928/29 г, мы констатируем дальнейший значительный сдвиг в сторону возрастания покупательной силы хлебов по всем районам.

Сопоставим исчисленные нами индексы покупательной силы в 1928/29 г., с уровнями в 1925/26 г., являющимся годом наивысшей покупательной силы хлеба в прошлом периоде.

Индексы покупательной силы хлебов (отношение индексов зерновых к индексам промтоваров по кооп. торговле = 100)

	1925/26 г.	1928/29 г.	% изменения к 1925/26 г.
Ц. Ч. О.	76	77	+ 1,5
Урал	67	75	+ 12,0
Ср.-Волжский	78	76	— 2,5
Н.-Волжский	74	80	+ 8,1
Сев. Кавказ	60	84	+ 40,0
Сибирь	60	82	+ 37,0
УССР	76	79	+ 4,0
СССР	70	80	+ 14,3

[1] В 1925/26 г. индекс промтоваров равнялся в Сибири 206, на Сев. Кавказе—214, в то время, как в производящей полосе он составлял 220.

Как видно из этой таблицы, покупательная сила хлебов в 1928/29 г. в целом значительно выше ее в 1925/26 г. Районами наиболее высокого уровня покупательной силы хлебов в 1928/29 г. являются, как раз те районы, где уровень ее в 1925/26 г. был особенно низким (Сев. Кавказ, Сибирь).

Конкурентоспособность хлебов

С точки зрения пропорциональности в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства, центральное значение имеет проблема системы ценностных соотношений между сел.-хоз. отраслями и главнейшими сел.-хоз. продуктами. С этой точки зрения мы проанализируем ту систему, в которую складывались цены сел.-хоз. продуктов на протяжении последних лет, и выявим место, которое занимали цены на зерно в этой системе, и их соотношения с ценами других отраслей.

По исчисленному нами общеторговому индексу, взвешенных по товарной части сельского хозяйства, заготовительных цен плановых, местных и частных заготовителей на сел.-хоз. продукты (цен производителей), динамика общего уровня сел.-хоз. цен и уровней цен главнейших отраслей сельского хозяйства и соотношения уровней этих цен представляются за три года в следующем виде:

Индексы	Индексы к довоенной базе = 100			Отношения групповых индексов к общему = 100		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Зерновые	161,1	124,6	134,6	101,3	83,5	86,0
Технические	130,4	126,7	135,0	82,2	84,8	86,2
Животноводческие	171,3	179,3	181,7	108,0	120,0	116,0
Общ. сел.-хоз. индекс	158,8	149,3	156,4	100,0	100,0	100,0

Изменение общего уровня сел.-хоз. цен от 1925/26 к 1926/27 г. было связано с пертурбационными сдвигами в соотношении цен внутри сельского хозяйства, значительно изменившими ценностные взаимоотношения отраслей сельского хозяйства между собой, по сравнению с предшествовавшими годами.

Благоприятные рыночные условия, сложившиеся для зерновых хлебов в 1925/26 г. и недородном 1924/25 г., бывших годами напряженного спроса на хлеб и высоких хлебных цен, способствовали быстрому росту зерновой продукции.

Эти условия, с другой стороны, были неблагоприятными для развития на протяжении этих лет, интенсивных культур и дважды привели к сокращению площади посева под техническими культурами (в 1925 и 1926 гг.).

Произведенное в 1926/27 г. в директивном порядке понижение уровня плановых заготовительных хлебных цен явилось в обстановке раздвинутых ножниц чрезмерным. На ряду с понижением цен на зерновые хлеба и снижением цен на некоторые из технических культур, цены продуктов животноводства в этом году не только не обнаружили понижения, но дали на протяжении года чрезвычайно интенсивный рост, вышедший за пределы обычного в год повторного урожая.

При общем понижении сель-хоз. индекса в 1926/27 г. на — 6%, цены зерна упали — 23%, технических культур на — 3%, а цены на продукты животноводства выросли на + 5%.

Необходимо отметить, что рост животноводческого индекса имел место во все предыдущие годы, достигнув уже в 1925/26 г. значительной

высоты (171). Причины роста цен в животноводческом секторе в 1926/27 г. отчасти, повидимому, заключались в «ножницах».

Раздвижение ножниц по линии зерновых хлебов было особенно велико и так как по линии технических культур ножницы тоже раздвигались, то этот разрыв компенсировался повышением цен на животноводческих рынках, плановый охват которых был значительно слабее рынков полеводственных культур.

В совокупности эти сдвиги в ценах привели к нарушению равновесия в ценностных связях отдельных сел.-хоз. отраслей между собой. Понижение хлебных цен, в условиях сильного роста цен в животноводческом секторе, привело к понижению конкурентоспособности зернового хозяйства. При относительном, в сравнении с зерновыми культурами, повышении конкурентоспособности технических культур, конкурентоспособность всего полеводства в целом понизилась. Наоборот, соотношение цен оказалось сравнительно с полеводственными отраслями ненормально выгодным для животноводства, поставив его в положение наиболее рентабельной из сел.-хоз. отраслей.

В то время как в 1925/26 г. отношение индекса зерновых к общему индексу составляло 101%, в 1926/27 г. отношение это составляет 83,5%. Отношение животноводческого индекса к общему составляло в 1925/26 г. 108,6%, в 1926/27 г. — 120%. Таким образом, в 1926/27 г. конкурентоспособность зерновых культур понизилась на —18%, а конкурентоспособность технических культур и продуктов животноводства возросла на + 3% и + 11%.

Вследствие некоторого повышения в 1927/28 г. цен зерновых хлебов, при частичном повышении цен технических культур (лен, пенька, махорка) и приостановке в росте цен продуктов животноводства, разрыв цен между основными отраслями сельского хозяйства несколько смягчился. Однако, это сближение разрыва было в общем ничтожно, благодаря чему 1927/28 г. в основных своих чертах, в области соотношений сел.-хоз. цен, повторил диспропорции 1926/27 г.

Названные диспропорции в соотношениях цен, имевшие место в 1927/28 г. и, особенно, в 1926/27 г., привели, на ряду с другими оказавшими здесь действие моментами, к определенным сдвигам в сел.-хоз. производстве, нарушившим равновесие в развитии отдельных отраслей. Понижение конкурентоспособности зернового хозяйства не благоприятствовало достаточному темпу его развития, выразившись в падении коэфициента прироста зерновых посевов от 1926/27 к 1927/28 г. почти в 4 раза, и понижении товарности зерна, ослабив поступление хлеба на рынок уже во второй половине 1926/27 г. и, наконец, приостановке роста и даже сокращения посевной площади в 1928/29 г., связанным, правда, также с гибелью озимых. На ряду с этим, положительное значение имел рост технических культур, рыночная обстановка для которых в эти годы была относительно благоприятной, вследствие низких цен на зерновые хлеба. Рост животноводства, дававший устойчивые коэфициенты, происходил, однако, в условиях напряжения кормового баланса, в силу недостаточного темпа развития зерновых культур.

Вообще же следует иметь в виду, что те или иные смещения в ценностных соотношениях отдельных сел.-хоз. отраслей и продуктов между собой, в условиях полунатурального способа их производства и потребления,— формы господствующей в нашем сельском хозяйстве,— влекут за собой не только и не в первую очередь абсолютное сокращение производства, но и ведут к иному структурному соотношению товарной и натурально-потребляемой частей произведенной продукции. Так, относительно низкие цены на зерновые хлеба в период 1926/27 и 1927/28 гг. с относительно

высокими ценами продуктов животноводства (прежде всего, мяса) в известной мере обусловили усиленную натурализацию потребления зерна не только кормовых хлебов, но, что особенно важно, продовольственных (на юге — пшеницы) внутри крестьянского хозяйства на корм скоту и тем самым уменьшали размеры товарной части хлеба, подлежащего отчуждению и идущего на снабжение страны продовольствием.

Перейдем теперь к рассмотрению того, как это понижение конкурентоспособности хлебов, которое мы констатировали в результате анализа динамических сдвигов в соотношении в среднем по Союзу индексов сел.-хоз. цен, происходило в отдельных районах Союза.

Ниже мы даем отношение индексов зерновых хлебов к общему сел.-хоз. индексу, принимаемому за 100, по исчисленным нами районным индексам заготовительных цен:

Районы	Отнош. индексов зерновых к общему сел.-хоз. индексу = 100				% % изменен. к предыдущему году		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О. . . .	110	86	81	96	— 22	— 6	+ 19
Урал	97	82	81	91	— 15	— 1	+ 12
Ср.-Волжск. .	106	82	86	93	— 23	+ 5	+ 8
Н.-Волжск. . .	107	85	91	99	— 21	+ 7	+ 9
Сев. Кавказ . .	92	83	89	99	— 10	+ 7	+ 11
Сибирь	91	85	83	93	— 7	— 2	+ 12
УССР	104	83	84	94	— 20	+ 1	+ 12

Как видно в 1926/27 г. во всех районах произошло сильное понижение конкурентоспособности хлебов, при чем наиболее сильное понижение имело место в Центральных районах (ЦЧО, Повольжье) и на Украине. В 1927/28 г. конкурентоспособность хлебов несколько повышается, но лишь в районах плохого урожая (Поволжье и Сев. Кавказ), где, на ряду с некоторым повышением цен на хлеб, произошло понижение животноводческого индекса. В остальных же районах имело место дальнейшее ухудшение соотношений цен для зерна. В итоге за оба года динамически более сильное понижение конкурентоспособности произошло в районах, которые, как мы ранее отметили имели понижательную тенденцию динамики уровня хлебных цен. Интересно отметить, что как раз в этих районах рост животноводческого индекса особенно силен.

Нижеприводимая таблица дает представление о движении индекса цен на продукты животноводства за интересующие нас годы по отдельным зерновым районам.

Индексы цен на продукты животноводства

Районы	Индексы к довоенной базе = 100			% изменения к предыдущему году	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Ц. Ч. О.	159	180	196	+ 13,2	+ 8,9
Урал	149	162	169	+ 8,7	+ 4 3
Ср. Волжский	146	168	168	+ 15,1	0,0
Н. Волжский	150	172	164	+ 14,7	— 4,7
Сев. Кавказ	175	180	170	+ 2,9	— 5,6
Сибирь	146	156	168	+ 6,8	+ 7,7
Украина	156	176	184	+ 12,8	+ 4,5

В самом деле, в то время как в 1926/27 г. на Сев. Кавказе, на Урале и в Сибири цены продуктов животноводства обнаруживают рост в пределах от + 3% до + 9%, в центральных производящих районах и на Украине рост животноводческого индекса составляет от + 13 до + 15%.

Итак, динамически наиболее неблагоприятный сдвиг в ценах на зерно и продукты животноводства имел место в центральных производящих районах и в УССР.

Выше мы констатировали, что в отличие от 1924/25 и 1925/26 гг., вследствие относительно низких цен на зерно, 1926/27 и 1927/28 гг. были благоприятными для технических культур.

Динамика коэфициента конкурентоспособности технических культур за 1925/26—1927/28 гг. представляется в следующем виде:

Отношение индексов цен на технические культуры к индексам цен зерновых хлебов = 100

Культуры	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	% изменен. к предыдущему году	
				1926/27 г.	1927/28 г.
Подсолнух (Сев. Кавказ и УССР)	60	82	88	+ 36,7	+ 7,3
Льняное семя (Сев.-Кавказ) . . .	85	78	77	— 8,2	— 1,3
Конопля-волокно (Ц. Ч. О. и УССР)	120	145	147	+ 20,8	+ 1,4
Махорка (Ц. Ч. О. и УССР) . . .	147	136	128	— 7,5	— 5,9
Свекла (Ц. Ч. О. и УССР) . . .	88	118	114	+ 34,1	— 3,4

Как видно из этой таблицы, в 1926/27 г., вследствие меньшого снижения цен на технические культуры и большего повышения цен на них в 1928/29 г., чем на зерно, конкурентоспособность технических культур относительно зерновых в оба эти года значительно возростает, по сравнению с 1925/26 г.

Как выглядят ценностные взаимоотношения сел.-хоз. отраслей в 1928—1929 г. в результате тех изменений, которые произошли в ценах на отдельные сел. хоз. продукты в этом году? Вследствие произведенного в плановом порядке повышения цен на зерновые хлеба, на лен, на маслосемена, на молоко и на масло коровье и понижения цен на мясо и тех сдвигов в ценах, которые произошли на рынках второстепенных продуктов (картофель, овощи, объемистые корма и другие), общий уровень цен производителей на сел.-хоз. продукты повышается в 1928/29 г. на + 6,9%, против 1927/28 г., при чем зерновые на + 22%, технические на + 4,4% и цены продуктов животноводства на + 1%. В результате этих смещений, мы имеем в 1928/29 г. систему цен в сельском хозяйстве отличную от предыдущих двух лет. Для того, чтобы вскрыть характерные черты системы цен 1928/29 г., сравним индексы цен отраслей и их соотношения в 1928/29 г. с уровнями и соотношениями 1925/26 г., в котором мы имели уровень зерновых цен, близкий в 1928/29 г., и который как мы уже отмечали, характеризуется, как год благоприятных ценностных соотношений для зерна:

Наименование индексов	Индексы цен производителей к довоенной базе = 100		% % изменен.	Конкурентоспособн. сел.-хоз. отрасл. (отнош. индексов отраслей к общему = 100)		% % изменен.
	1925/26 г.	1928/29 г.		1925/26 г.	1928/29 г.	
Зерновые	161,1	164,1	+ 1,9	101,3	98,2	— 3,1
Технические . . .	130,4	141,0	+ 8,1	82,2	84,3	+ 2,6
Животноводство .	171,3	183,4	+ 7,1	108,0	109,7	+ 1,6
Общий сел.-хоз. индекс	158,8	167,2	+ 5,3	100,0	100,0	0

Как мы видим, в 1928/29 г. индекс зерна выше его уровня 1925/26 г. на + 2%, индекс технических культур соответственно выше на + 8%, а индекс животноводства на + 7%. В связи с этим, в 1928/29 г. конкурентоспособность зерновых хлебов ниже на — 3%, против 1925/26 г., конкурентоспособность технических выше на + 3%, а конкурентоспособность животноводства поднялась против 1925/26 г. на + 2%. Таким образом, в 1928/29 г. мы имеем сближение уровней животноводческого и зернового индексов по сравнению с предыдущими 1926/27 и 1927/28 гг., и более благоприятные соотношения между индексами технических культур и зерна по сравнению с 1925/26 г.

Ценообразование отдельных культур

В заключение проиллюстрируем влияние политики цен и всей суммы условий ценообразования на положение отдельных главнейших зерновых культур в характерных для них районах в связи с условиями их производства.

Рост производства отдельных хлебных культур в периоде, когда «восстановительный» процесс в зерновом хозяйстве еще не закончен, в известной мере связан со степенью восстановленности зернового хозяйства (освоения наличных земель, тягловой силы, наличия рабочих рук, семенного материала и проч.) в отдельных районах. Как установлено, степень восстановления зерновых посевов к довоенному времени в различных районах неодинакова. Кроме того, как ранее мы отмечали, влияние цен на производство и товарность хлебов должно быть различно в районах с разной степенью товарности и неодинаково для более и менее товарных культур. Поэтому, подход к изучению влияния ценообразующих условий на положение отдельных культур в зерновом хозяйстве должен быть диференцированным по отношению к разным районам.

В южных районах, на Северном Кавказе и на Украине, посевная площадь зерновых к концу восстановительного периода близка к довоенной. Вследствие отсутствия свободных земель, рыночная конъюнктура, складывающаяся для отдельных культур, вместе с ценообразующими условиями, сильнее сказывалась в этих районах и влияла на исход борьбы за посевную площадь, которая происходит между отдельными зерновыми культурами в этих районах, являющихся также наиболее товарными и наиболее связанными с рынком. На протяжении последних лет мы имели в этих районах интенсивный рост озимой пшеницы, происходивший за счет вытеснения посевов яровой пшеницы, ржи, ячменя и крупяных (по данным Н. Огановского в последние годы на Сев. Кавказе и в УССР мы имеем площадь пшеницы выше довоенной, за счет сокращения посевов выше названных других культур). Озимая пшеница высоконатурная, обладающая сортовыми семенами, засухоустойчивая и высокоурожайная имеет более низкую и устойчивую себестоимость, по сравнению с яровой пшеницей:

Культуры	1925/1926 г.			1926/1927 г.			1927/1928 г.		
	Себестоимость	Цена	Разн. в % %	Себестоимость	Цена	Разн. в % %	Себестоимость	Цена	Разн. в % %
	в коп. за центнер								
УССР									
Пшеница озим. . . .	620	960	+ 55	550	680	+ 24	590	710	+ 20
„ яров. . . .	660		+ 45	730		— 7	680		+ 5
Сев. Кавказ									
Пшеница озим. . . .	430	700	+ 63	470	640	+ 36	490	660	+ 35
„ яров. . . .	400		+ 75	560		+ 14	610		+ 8

На ряду с овсом, посевы которого в этих районах бурно растут, озимая пшеница обладает большей рентабельностью, в сравнении с другими зерновыми культурами. Интересно, что пшеница и овес на протяжении последних лет имеют также и наиболее высокие индексы цен к довоенному времени:

Культуры	УССР		Сев. Кавказ	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Пшеница	181	128	135	124
Овес	140	114	129	110
Рожь	144	111	119	102
Ячмень	119	89	118	88
Кукуруза	102	102	100	98

В одинаковом положении между собой, за истекшие годы, в южных районах находились культуры ячменя и кукурузы. По отношению к этим культурам мы имеем пример неустойчивой политики цен, повлекшей за собой определенные процессы в их производстве и товарности:

Культуры	Индексы цен к довоенной базе = 100			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
УССР				
Ячмень	144	119	89	142
Кукуруза	160	102	102	152
Сев. Кавказ				
Ячмень	125	118	88	121
Кукуруза	134	100	98	124

В течение двух лет — 1925/26 и 1926/27 гг.— цены на ячмень и кукурузу были близки к довоенным. Вместе с тем, индексы их были наиболее низкими среди других культур и ниже общего зернового индекса, который на Украине был равен в 1925/26 г.— 162, в 1926/27 г.— 119 и на Сев. Кавказе в 1925/26 г.— 129, в 1926/27 г.— 116. Эта политика цен не находилась в соответствии с издержками производства ячменя и кукурузы. Рентабельность ячменя в 1925/26 г. значительно отстает в этих районах от пшеницы и овса, а в 1926/27 г. он явно убыточен. В результате низких цен и неблагоприятных соотношений с ценами других зерновых культур, за два года мы имели сокращение посевов ячменя и кукурузы и падение товарности обеих культур, вследствие чего регулирующие органы уже в 1927/28 г. вынуждены были резко поднять цены этих культур.

В восточных районах (Сибирь, Зауралье) зерновое хозяйство находится в иных условиях, чем на юге. Наличие неосвоенных земель позволяет свободно расширять посевы, за счет вовлечения в хозяйство еще незатронутых целин. Но недостаток рабочей силы заставляет распределять трудовые затраты, в той части, где имеет место товарное производство хлеба, т.-е., где посевы расширяются как товарные, сообразно с доходностью и рентабельностью отдельных культур.

В то время, как посевы пшеницы и овса в этих районах увеличиваются из года в год, посевы ржи на протяжении ряда лет обнаруживают тенденцию к сокращению. С этими процессами согласуются ценностные условия. Себестоимость ржи выше себестоимости пшеницы и овса; поэтому, при цене, равной цене овса, рожь выступает, как сравнительно нерентабельная культура. Сравним высоту и динамику индексов цен отдельных культур в этих районах:

Культуры	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Сибирь				
Пшеница	133	123	122	124
Овес	114	123	114	114
Рожь	95	105	92	95
Урал				
Пшеница	132	153	122	124
Овес	115	162	102	108
Рожь	116	149	113	113

Индексы цен на рожь в Сибири ниже индексов цен на овес и пшеницу и, кроме 1925/26 г., ниже довоенного уровня. На Урале индекс овса в последние два года был ниже индекса ржи. Понижение индекса овса на Урале в 1926/27 г. было связано с блестящим урожаем овса в этом году (11,4 центнера против среднего урожая 7,3 центнера с *га*). Несмотря на резкое понижение цены овса (индекс 102), рентабельность его в этом году все же сравнительно выше ржи. Однако, удержание индекса овса на низком уровне и в следующем году оказало свое влияние на сильное сокращение площадей овса, происшедшее в 1928 г. Вследствие этого, в 1928/29 г., несмотря на хороший урожай этой культуры на Урале, индекс плановых цен на овес поднят до 149, при индексе ржи — 132. Таким образом, в общем итоге, конкурентоспособность пшеницы и овса выше ржи и это в числе других факторов несомненно оказывает свое влияние на те тенденции, которые имеют место в развитии зернового производства в этих районах.

В центральных производящих районах мы имеем две зоны различных условий зернового производства. С одной стороны, группу губерний, где распаханы все свободные земли (ЦЧО) и губернии, примыкающие к ней и, где мы наблюдаем ту же картину, что и на юге, т.-е. конкуренцию отдельных зерновых культур между собой (на юге ЦЧО озимая пшеница вытесняет с посевной площади посевы ржи и других хлебов). С другой стороны, мы имеем районы Поволжья с избытком свободных, нераспаханных земель — районы, где зерновое производство является наименее восстановленным, по сравнению с довоенным временем, и где, не конкурируя между собой, отдельные хлебные культуры свободно развиваются, как за счет невосстановленных земель, так и за счет вовлечения новых целин. Характерно отметить, что в этих районах мы имеем наименьшее расхождение между уровнями индексов цен отдельных хлебов, т.-е. уровни близкие между собой по высоте относительно к довоенному времени.

Отметим, в заключение, что этим кратким рассмотрением положения отдельных культур мы далеко не исчерпали проблемы соотношений цен отдельных зерновых культур между собой и степени влияния цены на отдельные зерновые культуры, в зависимости от их районного расположения и степени их товарности. Эту часть работы нужно считать еще незаконченной.

Заключение

Влияние цены, в наших условиях, как уже было отмечено ранее, вне рассмотрения его в связи с мероприятиями государства, направленными непосредственно на производство (контрактация, снабжение семенами и орудиями, кредит, агропомощь, налоговая политика и т. п.) минуя рыночные отношения, не может быть полным и исчерпывающим.

Советская экономика включается в мировой товарооборот через экспорт хлеба в капиталистические страны. В связи с этим, должны быть проанализированы формы и степень влияния на наши условия ценнообразования мирового хлебного рынка.

На ряду с этим, особое внимание должно быть уделено выявлению социальной и политической роли цены и ее действия в условиях различных социальных группировок крестьянства.

Но все это — предметы самостоятельного исследования.

На основе проделанного нами исследования, мы приходим в итоге к следующим выводам:

1. Весь исследуемый период начиная с 1923/24 г. до 1928/29 г., в отношении цен и ценообразования может быть подразделен на два основных этапа. Первый период обнимает собой годы с 1923/24 г. по 1925/26 г. Этот период может быть охарактеризован, как период в целом благоприятных рыночных условий для развития хлебного производства в стране. Эти благоприятные условия заключались в высоком уровне цен на зерно, и относительно низких ценах на другие продукты сельского хозяйства (технические культуры, животноводство), что обеспечивало, в о-п е р в ы х, высокую покупательную силу зерна в промтоварах, и, в о-в т о р ы х, его высокую конкурентоспособность по отношению к другим продуктам сел.-хоз. производства. Эти условия способствовали быстрому росту зерновой продукции в этот период, расширению посевных площадей и увеличению товарности.

Второй период включает в себя два года 1926/27 г. и 1927/28 г. В этом периоде вся сумма условий реализации неблагоприятствует зерновой отрасли сельского хозяйства. На протяжении обоих лет устанавливаются низкие цены на зерно, понижающие его покупательную силу и не обеспечивающие, в достаточной мере, доходности и рентабельности зернового производства. На ряду с этим, цены других продуктов повышаются и эквиваленты в других продуктах складываются не в пользу хлеба. Эти годы являются в то же время годами замедления в темпе развития зернового хозяйства, отставания зерновой отрасли от потребностей развития народного хозяйства страны.

2. Можно наметить три зоны, где условия ценообразования были различны на протяжении всего истекшего периода.

П е р в а я з о н а — южные, наиболее товарные районы СССР — Сев. Кавказ и Украина, где вся сумма ценностных условий за последние годы была наиболее неблагоприятной для зернового хозяйства этих районов. Тенденции ценообразующих факторов были различны в этих районах на протяжении истекших лет. Украина начала с высокого уровня цен, резко переломившегося, в дальнейшем, в сторону снижения. Сев. Кавказ начал с чрезвычайного пониженного уровня цен, медленно повышавшегося в течение этих лет. На Сев. Кавказе, при резко возраставшей себестоимости зерна, мы имели неподвижные стабильные цены. На Украине, при меньшем возрастании себестоимости, имело место резкое снижение цен. На Украине резко понижалась покупательная сила и конкурентоспособность хлебов. На Сев. Кавказ имели место меньшие колебания конкурентоспособности и покупательной силы.

Но общее, что связывает эти районы, это чрезвычайно низкий уровень цен за последние годы, на котором выровнялись ранее резко различные уровни обоих районов.

Этот уровень цен, установившийся в 1926/27 г., не обеспечивал в достаточной мере доходности зернового хозяйства, тормозил развитие производства хлеба (ячмень, кукуруза), принижал товарность и был одной из причин отрицательных явлений в области зернового хозяйства, с особой силой обнаруживших себя именно в этих районах к концу рассматриваемого периода.

В т о р а я з о н а — центральные районы производящей полосы. Эти районы, отличающиеся колебаниями урожаев, имели на протяжении последних лет меняющуюся конъюнктуру на своем хлебном рынке. В связи с этим, в указанных районых, мы имели наиболее резкие сдвиги в ценах и условиях ценообразования. Эта сумма условий несомненно влияла в том направлении, что мы имели сравнительно большое натуральное оседание зерна внутри крестьянского хозяйства и что товарность хлеба в этих районах росла не в достаточной мере.

Т р е т ь я з о н а — восточные районы (Урал, Сибирь). В этих районах вся сумма рыночных и ценностных условий в общем и целом складывалась более благоприятно, чем в южных и центральных районах. Но в конце исследованного нами периода, в этих районах наметился перелом, и если для районов юга и центра критическим годом в развитии зернового хозяйства был 1926/27 г., то для этих районов, в этом отношении, явился более характерным 1927/28 г., что связано как с политикой цен, так и с рядов других моментов («чрезвычайные» меры и пр.).

3. В области познания процессов ценообразования в сельском хозяйстве, мы находимся еще на такой стадии, когда политика и планирование их не может опираться на материалы, в достаточно точной мере учитывающих факторы, из которых складывается цена.

Наше знание об издержках производства в сельском хозяйстве, или так называемой себестоимости, еще в достаточной мере несовершенно. Если в промышленности издержки производства включают и отражают большинство элементов цены, то в сельском хозяйстве один из элементов, являющийся в силу низкого органического состава затрат, основным — стоимость рабочей силы — нами конструируется, ибо труд представлен в натуральном выражении. Индексы цены достаточно чутко отмечают динамические сдвиги, тем не менее своими уровнями не дают исчерпывающего орудия в деле планирования цен, поскольку оставляют в стороне проблему доходности и рентабельности производства. В силу этого, на данной стадии, планирование сел.-хоз. цен должно быть основано на комплексном изучении всей суммы моментов, связанных с ценой (производственных и рыночных), на сочетании которых должна строиться политика цен.

4. 1928/29 г., является, в области цен, первым переломным годом пятилетнего плана народного хозяйства.

Повышение цен на зерно изменяет место зерна в системе цен на сел.-хоз. продукты в выгодную для него сторону.

Пятилетним планом народнохозяйственного строительства СССР запроектирована такая система цен в сельском хозяйстве, которая максимально учитывает необходимость форсирования развития зернового хозяйства. На ряду с политикой цен, благоприятствующей подъему технических культур и интенсивному росту животноводческих отраслей, система цен в пятилетнем плане построена на основе создания наиболее благоприятных ценностных условий для реализации плана подъема и реконструкции зернового хозяйства.

Приложение 1

Индекс цен плановых заготовителей с довоенной базой [1]

(Средние цены за 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. = 100,0)

Веса постоянные

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Зерновые	151,8	118,7	129,1	153,3
Рожь	151,9	112,4	120,2	145,2
Пшеница	157,8	125,3	132,5	157,4
Овес	156,0	113 4	120,8	146,4
Ячмень	117,8	87,5	134,6	166,1
Гречиха	152,3	126,9	131,4	168,7
Просо	118.0	104,3	116,3	118,1
Кукуруза	100,0	100,0	136,0	137,1
2. Масличные	98,8	101,2	118,0	127,5
Подсолнух	93,3	101,1	119,8	128,6
Лен-семя	120,1	102,5	110,2	125,8
Конопля-семя	121,2	97,9	110,5	110,5
3. Технические	137,5	133.0	138,1	143,0
Лен-волокно	134,7	128,6	146,0	177,4
Конопля-волокно	200,6	176,7	186,8	186,8
Хлопок	129,4	129,4	129.4	129,4
Свекла	133,3	126,7	133.3	133,3
Табак	138,6	155,3	159,5	159,5
Махорка	238,9	162,4	161,1	161,1
4. Животное продовольствие	155,2	172,7	174,1	178,9
Масло коровье	135,5	164.3	169,2	182,8
Яйца	179,1	188,9	192,2	192,2
Мясо	165,9	172,7	167,5	162,5
5. Животное сырье	163,3	171,7	175,2	175,2
Кожи крупные	154,0	159,9	161,6	161,6
Кожи мелкие	191,5	200,8	210,0	210,0
Шерсть	153,2	175,7	177,3	177,3
4—5. Животноводство	158,8	172,2	174,6	178,3
1—5. Все сельское хозяйство	146,3	133,9	141,4	154,6

[1] Примечания к таблицам индексов цен. Индексы построены по методу агрегатов. В качестве весов продуктов и районов для индекса цен плановых заготовителей взяты плановые заготовки в среднем за три года 1925/26—1927/28. Современные цены по материалам П/о статистических цен ПЭУ НКТорга СССР. Индекс построен на довоенную базу к средним за предвоенное трехлетие 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. ценам.

Источником довоенных цен служили преимущественно цены, собиравшиеся в министерстве земледелия. Так как Госплан считает эти цены, в части хлебов и маслосемян преувеличенными, исходя из того, что они не отражают уровня, по которому происходили продажи хлеба середняцко-бедняцкой частью деревни, являющейся в наших условиях преобладающей, к этим ценам установлены поправки. Предварительные исчисления, сделанные в Госплане, установили коэфициент скидки к довоенным ценам на хлеба в размере 6%. В настоящее время этот коэфициент уточняется. Мы применили этот коэфициент к нашим хлебным индексам, распространив его также на маслосемена. Поэтому уровни индексов, полученные нами, выше привычных уровней индексов НКТорга.

Приложение 2

Индекс цен производителей, взвешенный по товарной части сельского хозяйства с довоенной базой

(Цены трехлетия 1910/11, 1912/13 и 1913/14 гг. = 100,0)

Веса постоянные

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Зерновые	161,1	124,6	134,6	164,1
Рожь	158,3	115,5	120,2	—
Пшеница	165,0	130,1	136,1	—
Овес	173,0	128,4	135.8	—
Ячмень	119,5	94,2	138,0	—
Гречиха	158,3	128.4	131,4	—
Просо	126,6	107,7	119,7	—
Кукуруза	108,0	106,0	140,0	—
2. Масличные	107,8	108,8	124,4	134,6
Подсолнух	101,1	107,0	124,7	133,5
Лен-семя	125,1	109,5	121,6	138.5
Конопля-семя	128,3	125,6	124,8	124,8
3. Технические	140,2	134,6	139 8	144,5
Лен-волокно	134,7	128.6	146,0	177,4
Конопля-волокно	206,9	183,3	196,6	194,3
Хлопок	129,4	129,4	129.4	129,4
Свекла	133,3	126,7	133.3	133,3
Табак	138,6	155.3	159,5	159.5
Махорка	238,9	162,4	161,1	161,1
4. Картофель	183,3	170,8	208,3	208,3
1—4. Полеводство	148,6	127.3	137,6	157,1
5. Сено	193,3	175,7	183,3	183,3
6. Животное продовольствие	167,2	175,7	178,7	181,2
Масло коровье	153,0	169,3	172,5	184,6
Молоко свежее	176 8	168,0	184,8	—
Яйца	191,7	195,2	196,9	196,9
Мясо	166,7	176,9	176,9	171,8
7. Животное сырье	187,5	193.2	193,6	192,2
Кожи крупные	170,4	157,2	165.4	165,4
Кожи мелкие	205,4	204,6	216,9	213,9
Шерсть	227,1	278,6	268,6	264 2
6—7. Животноводство	171,4	179,3	181,8	183,4
1—7. Все сельское хозяйство	158,8	149,3	156,4	167,2

Для построения общеторгового индекса заготовительных цен веса установлены по среднему за три года 1925/26—1927/28 товарному выходу по исчислениям контрольных цифр. Для установления динамики цен частных заготовителей привлечены материалы ЦСУ о базарных ценах. Цены социальных секторов торговли взвешены по удельным весам секторов. Довоенные цены те же, что и выше.

Для построения районных индексов, в качестве современных цен, использованы цены плановых заготовителей. Веса же установлены по товарной части сельского хозяйства, взятой в среднем за 1925 26—1927/28 гг.

Во всех исчислениях цены хлебов в 1928/29 г. по данным за первое полугодие этого года; по остальным продуктам в большинстве своем цены взяты директивные, по исчислениям, сделанным Госпланом к пятилетнему плану.

Приложение 3

Районные индексы заготовительных цен плановых заготовителей на сел.-хоз. продукты

Районы	Индексы цен к довоенной базе = 100															
	Зерновые				Техническ. (с масличн.)				Животноводство				Все сельское хозяйство			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1227/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О.	166	126	126	153	130	131	138	140	159	180	196	190	151	147	155	159
Урал	148	116	119	149	155	142	155	176	149	162	169	173	152	142	147	163
Ср.-Волжский	172	119	132	152	249	211	229	220	146	168	168	170	163	146	153	163
Н.-Волжский	163	127	137	159	119	134	148	153	150	172	164	165	152	150	151	161
Сев. Кавказ	129	116	125	160	109	136	143	149	175	180	170	170	140	140	141	161
Сибирь	123	117	119	147	132	129	139	146	146	156	168	172	135	137	144	158
УССР	162	119	130	150	144	135	146	145	156	176	184	181	156	144	154	159

Приложение 3а

Конкурентоспособность сел.-хоз. отраслей (отношение индексов отраслей к общему сел.-хоз. индексу = 100)

Районы	Зерновые				Техническ. (с масличн.)				Животноводство				Все сельское хозяйство			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О.	110	86	81	96	86	89	89	88	105	122	126	119	100	100	100	100
Урал	97	82	81	91	102	100	105	108	98	114	115	106	100	100	100	100
Ср.-Волжский	106	82	86	93	153	145	150	135	90	115	110	104	100	100	100	100
Н.-Волжский	107	85	91	99	78	89	98	95	99	115	109	102	100	100	100	100
Сев. Кавказ	92	83	89	99	78	97	101	93	125	129	121	106	100	100	100	100
Сибирь	91	85	83	93	98	94	97	92	108	114	117	109	100	100	100	100
УССР	104	83	84	94	92	94	95	91	100	122	119	114	100	100	100	100

Приложение 4

Индексы цен плановых заготовителей на отдельные зерновые хлеба

(довоенные цены = 100)

Районы	Рожь					Пшеница					Овес					Ячмень					Кукуруза					Просо					Гречиха				
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Ц. Ч. О. . .	170	178	121	124	153	208	185	140	141	160	213	167	124	126	152	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159	119	136	119	144	145	154	128	125	145
Урал	116	149	113	113	132	132	153	122	124	153	115	162	102	108	149	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Башкирия . .	147	171	126	139	163	199	229	139	153	181	148	196	120	128	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97	154	134	153	163
Ср.-Волжск. .	160	163	113	121	139	161	179	127	142	164	183	196	111	121	143	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105	117	88	126	137	106	148	120	137	140
Н.-Волжск. . .	172	170	118	125	153	235	166	140	149	69	202	155	105	111	131	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158	154	114	137	148	—	—	—	—	—
Сев. Кавказ .	109	119	102	112	143	125	135	124	127	161	189	129	110	116	132	125	118	88	121	174	134	100	98	124	138	144	111	95	122	138	—	—	—	—	—
Сибирь . . .	95	105	92	95	123	133	123	122	124	150	114	123	114	119	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
УССР . . .	146	144	111	120	146	191	181	128	133	154	172	140	114	120	128	144	119	89	142	155	160	102	102	152	160	134	88	84	97	110	130	157	128	132	146

Поднятие урожайности на 35% в течение пятилетия обеспечивает к концу его более низкую себестоимость зерна. На ряду с этим, реконструкция самого способа производства (коллективизация хозяйств и их укрупнение, замена живого труда машиной и т. п.) также снижает издержки производства.

Все это реально обеспечивает возможность некоторого снижения цен на зерновые продукты к концу пятилетия, как это и запроектировано в пятилетке, и тем самым способствует процессу оздоровления валюты и увеличению покупательной силы червонца. Этого же требует и задача повышения реальной заработной платы пролетариата, поскольку понижение потребительских цен, в тех размерах, которые необходимы для понижения бюджетного индекса, не может быть осуществлено за счет лишь одной товаропроводящей кооперативной сети.

Благодаря снижению розничных цен на промтовары в 23%, за пятилетие, мы будем иметь дальнейшее увеличение покупательной силы хлебов (с 80 коп. за рубль в 1928/29 г., до 90 коп. в 1932/33 г.). Несмотря на запроектированное снижение зерновых цен, вследствие большего снижения себестоимости зерновых хлебов, доходность, рентабельность и конкурентоспособность повышаются к концу пятилетия.

Эта общая установка в политике цен на зерно получит свое развитие в годовых отрезках плана, при чем центральным стержнем этой политики должна явиться разработка ее в районном разрезе, применительно к тем задачам, которые ставит пятилетний план развития перед каждым районом Союза в отдельности.

Э. Квиринг. „Очерки развития промышленности СССР", ГИЗ, 1929 г., стр. 231.

В широких кругах наших экономистов и хозяйственников существует пренебрежительное отношение к работам исторического характера.

Такое отношение является по существу верхоглядством. Для марксизма-ленинизма характерно обобщение и осмысливание пройденного пути и анализ специфических особенностей каждого этапа развития. Это особенно важно для нашей сугубо-динамичной эпохи. С этой точки зрения работу тов. Квиринга надо всячески приветствовать. Надо пожелать, чтобы она послужила поводом к ряду конкретных очерков-монографий по отдельным отраслям промышленности и другим отраслям народного хозяйства (такая попытка имеется по сахарной промышленности). Это способствовало бы более глубокому продумыванию отдельных сторон нашей промышленной политики.

Характеристика состояния промышленности в эпоху военного коммунизма, итоги нэпа, конкретное освещение кризисных явлений, сезонные колебания, динамика отраслей промышленности, финансы, труд, социальная структура и капитальное строительство — таково содержание этой обстоятельной работы.

Автор сам оговаривает отсутствие ряда важных разделов, как экспорт-импорт, проблема сырья, планирования, кадров, вопросы организации. Надо отметить, что целый ряд данных, относящихся к исследуемому автором десятилетию, появился уже после сдачи книги в набор.

Но отсутствие ряда глав является существенным упущением в работе. К таким главам мы относим главу о концентрации промышленности. Эта тема особенно уместна для работы, рисующей эволюцию промышленности СССР. Тов. Квиринг, правда, мельком освещает вопрос о концентрации, но делает это только в связи с ростом пролетариата, работающего на крупных предприятиях. Но проблема укрупнения производительных сил в сфере промышленного труда, рост механической двигательной силы, энерговооруженность промышленного аппарата, укрупнение организационных форм — все эти стороны развития процесса концентрации автором не разработаны. Ставя своей задачей проследить историю развития ведущего уклада нашей экономики за 10 лет, тов. Квиринг приводит 5 укладов из схемы Ленина. Между прочим, многие авторы не замечают, что Владимир Ильич говорил не только о 5 укладах, но и об элементах 5 укладов. Забвение этого „редакционного" момента приводило левых к резкому разграничению единого народного хозяйства только на 2 сектора, а правых — к подведению всей экономики под действие законов, присущих укладу товарного хозяйства.

Тов. Квиринг показывает, какое наследство страна получила уже к моменту революции, в результате империалистической войны. Непроизводительный ход промышленного механизма, большая часть которого работала на оборону, разрыв районных связей, а затем демобилизация, — все это обусловило трудности начала восстановительного периода. Прибавим к этому еще распад социальных связей, которым сопровождался переход от одной системы производственных отношений к другой — и перед нашей памятью воскреснет полная героизма и инициативы и, вместе с тем, при отсутствии достаточной выучки, борьба рабочих масс за овладевание промышленным механизмом. Тов. Квиринг совершенно прав, полемизируя с теми товарищами, которые принижают идею рабочего контроля. Вопрос о степени „утопичности" идеи рабочего контроля на разных этапах борьбы за власть является и теперь актуальным для секций Коминтерна (см. последние дискуссии по этому поводу). Практически дело обстояло в 1917 г. так, что движение за рабочий контроль возникло из гущи масс и было методом классовой борьбы. Это была мера борьбы с локаутом и саботажем владельцев и вместе с тем этапом борьбы за овладение производственным аппаратом. Всякий, кто хоть несколько помнит 1917 г., не может отрицать этого.

Рисуя постепенный темп национализации промышленности, тов. Квиринг критикует трактовку военного коммунизма тов. Крицманом. Тов. Квиринг утверждает, в соответствии с Лениным, что военный коммунизм был нам навязан, был вынужден нашим „лагерным, осажденным" положением. Спор по вопросу о военном коммунизме имеет теперь не только исторический интерес. Он поучителен еще вот в каком отношении: подобно тому, как в эпоху военного коммунизма были

тенденции возводить эту систему в „вечную категорию“, так и теперь появляется пленение идеологией нэпа, стремление придать ему статический характер. Правые ведь и грешат тем, что некоторые оттенки их сознания находятся в в плену у первого, восстановительного периода нэпа, точно так же, как левые не могли расстаться с пережитками военного коммунизма до самого позднего времени. А что военный коммунизм понимался не только как „навязанное“ зло, показывают такие факты, как: 1) история с посевкомами, 2) теория трэдов, 3) приводимый самим тов. Квирингом факт, свидетельствующий о том, что лишь за несколько месяцев до нэпа, 29 ноября 1920 г., было издано ВСНХ постановление об общей национализации всей мелкой промышленности с количеством рабочих свыше 5, 4) приказ ВСНХ о безденежном обмене. Наконец, тов. Квиринг правильно пишет, что „попытка же и по окончании гражданской войны продолжать и расширять политику военного коммунизма дала отрицательные результаты“. Значит была попытка „продолжать и расширять“. Наконец, у Ленина мы находим на протяжении всего XVIII тома указания, что мы отступили из-за некультурности. Ведь сам Э. К. приводит следующую красноречивую цитату Ильича: „Массы почувствовали . . . . ., что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы“.

В дальнейшем изложении автор, проводя последовательно выдержанную характеристику нашей промышленной политики, правильно доказывает успехи социалистического строительства именно при нэпе и благодаря ему. В частности, автором приводятся интересные данные, свидетельствующие о том, что в эпоху военного коммунизма удельный вес частной промышленности был выше, чем при нэпе.

Шаг за шагом, рисуя динамику и условия промышленного развития, автор дает полную картину восстановления и перехода к реконструкции советской промышленности, считая при этом, что до 1926/27 г. включительно мы восстанавливали промышленность на основе довоенного соотношения. Однако, элементы, правда слабые, перегруппировки и реконструкции уже выявляются в 1926/27 г. Процесс социальной реконструкции носит заметный характер.

В части, касающейся проблемы цен, тов. Квиринг убедительно критикует имевшиеся в свое время попытки повышения цен на промтовары. Если в этой связи попытаться углубленно изучить смену, чередование этапов нашей промышленной политики, то можно сказать, что дело заключается в том, что мы вынуждены развиваться толчкообразно, форсируя ведущие звенья. Не будь у нас ограничения в ресурсах, мы могли бы двигаться равномерно по всему фронту. Теперь же (а чем дальше тем больше) мы можем преодолевать неравномерность развития лишь в меру роста наших ресурсов и соответственно углублению планирования. Тов. Квиринг в конце книги приводит ряд правильных соображений о распределении народного дохода в пользу индустрии и правильно указывает, что большую часть пятилетки промышленность должна будет еще расходовать на собственное капитальное строительство.

Нет возможности в краткой рецензии коснуться ряда цифр и тем (в связи с новой пятилеткой некоторые из них уже устарели) приведенных автором. Они не только интересны, но заслуживают большого внимания. Отметим только, что в вопросе, например, о политике амортизации, тов. Квиринг в нескольких простых и ясных словах рассеивает весь туман, образованный учеными и неучеными вокруг этой проблемы.

В заключение нельзя не отметить еще одной ценной черты книги: чувствуется, что каждая глава проработана автором со всей тщательностью. Не мешало бы в этом отношении „штемпелюющим“ коммунистам (и беспартийным диллетантам) взять пример с рецензируемой книги.

М. Персиц.

„Капитальное строительство текстильной промышленности“. Изд. Научно-технического совета текстильной промышленности. М., 1929 г., стр. 348, цена 7 р. 30 к.

Рецензируемый сборник вышел под редакцией проф. Державина, проф. Федотова и А. А. Нольде.

Прежде чем приступить к изложению проектов нового строительства, как такового, редакция решила, сначала, сказать несколько слов о работе Научно-технического совета по экспертизе проектов, о той „ответственной, неблагодарной и утомительной“ работе, которую приходится осуществлять НТС. Наконец, желая подчеркнуть свою собственную плодотворную работу, редакция (т.-е. руководители НТС) сообщает цифры сокращений проектировочной стоимости по отдельным об'ектам строительства, произведенным НТС; против первоначальных заявок хозяйственников сокращения эти

значительны, но вряд ли это может служить в качестве положительной характеристики для работы НТС, ибо по нашим данным почти по всем об'ектам, по каким НТС сделал сокращения, в концеконцов, при стройке, имелись значительные перерасходы, т.-е. эти сокращения нереальны и существуют только на бумаге. Вообще оценивать работу НТС более к лицу тем, кто смотрит на нее со стороны, а не самому же НТС,—тогда эта оценка не была бы пожалуй такой оптимистической, какую сделал себе НТС. Слишком много дефектов имеет НТС, и не место о них здесь распространяться.

Итак, как во всякой научной книге, так и в этой, имеются разделы: во-первых, от редакции, затем, предисловие, потом, нечто в виде отчета НТС по вопросам экспертизы. Эти разделы без большого ущерба для дела можно было вообще не печатать, так как содержание их обычное и смысл трафаретен. Затем имеется ряд статей, посвященных общим установкам в политике строительства. К ним относятся, прежде всего, статьи В. Сероцинского, Николаева, Чердынцева и Кольцова. Общее в этих статьях, за исключением статьи Чердынцева, это то, что они со стилистической стороны заставляют желать многого.

Что же касается содержания, как такового, так и в этом отношении чего-либо нового или дельного также нельзя найти. Так, В. Сероцинский в своей статье „Общие требования к фабричному строительству“ дает нормы по строительству, но их можно было бы изложить во-первых в небольшой табличке, затем, есть много, выражаясь мягко, туманных мест; так, на стр. 15 изображены 2 чертежа, где указано, что периметр стен здания, изображенного на чертеже 1, равен 557.2 *м*, ниже пятью строками доказывается, что периметр того же здания, изображенного на этом чертеже, равен 379 *м*. Эта неразбериха очевидно произошла по вине „корректора“. В целом же вся статья содержит только общие рассуждения без подтверждения их цифровыми данными.

Вторая статья из этого цикла принадлежит перу Николаева. Тема статьи „О типе прядильной фабрики“. Этот автор пытался разрешить сложную проблему о типе наших фабрик (деревенская или городская), при чем, после длинных и путаных рассуждений приходит к выводу, что в СССР следует строить оба типа фабрик, или вернее все типы хороши. Почему следует строить, об этом автор, кроме общих рассуждений, ничего вразумительного не сказал. Ниже несколькими строками после этого он, правда, пишет: „Можно предвидеть, что мощность менее 25—30 тыс. веретен будет нам не под силу, прежде всего, потому, что не хватит техперсонала для этих фабрик“. Мы конечно признаем большое значение за техперсоналом, но не такое, чтобы считать, что в производстве этот фактор являлся исключительным и что никаких других факторов не существует.

В сборнике имеется одна из немногих статей, принадлежащих перу Чердынцева. Прекрасный (как исключение), слог большая эрудиция, выводы — на основе доказанного, а не на основе умозаключений и предположений, как это имеет место в статьях его коллег по сборнику. С Чердынцевым можно и не соглашаться, хотя по-нашему и для этого нет основания; во всяком случае с ним можно спорить — есть материал для спора.

Следующая статья С. К. Кольцова. Об этой статье ничего нельзя сказать — ни хорошего, ни плохого; плохо то, что зря расходуется бумага на такие статьи, хорошо,—что люди на старости лет пробуют свои писательские таланты. „Авось, что-либо выйдет“ — думает автор, — но очевидно ничего не вышло. Однако, есть место в статье, которое неосведомленному читателю может много напортить. Это — рассуждение Кольцова о механическом транспортере в текстильной промышленности; неведомо кто рассчитывал, для какого случая и, главное, как рассчитывал, но некто рассчитал и решил, что конвейеры на фабриках экономически не оправдываются.

Нам, например, известен расчет И. Д. Зворыкина, который говорит обратное, его расчеты всеми проверены и всюду заслушаны, и конечно, они будут значительнее и авторитетнее, чем умозаключения С. К. Кольцова о вреде конвейера, основанные неизвестно на чем.

Имеется, кроме этого, ряд статей, в которых пытаются об'яснить содержание проекта того или иного строительства, но не всегда это делается удачно и убедительно (Аршенская и Владимирская отделочные фабрики). Особенно мало внимания уделено энергетическому хозяйству. Правда, имеется статья, принадлежащая И. В. Урбелю, руководителю, в некотором отношении, вопросами энергетики всей текстильной промышленности. Более чем популярно рассуждение о выборе моторов, без расчетов и схем, нет упоминания о разных коэфициентах, например даже такого популярного, как одновременность.

Курьезно определение силы освещения посредством лампочек: это определение, конечно, ничего не показывает и за такое определение в былые времена профессора ставили студентам неудовлетворительные баллы говоря, что „силу освещения по лампочкам могут определять только домашние хозяйки, не имеющие представления о люксах, люменах“, а не студенты, тем более инженеры.

Приведены ни к селу, ни к городу данные Ветцеля. Убого сделан „расчет“

вентиляции и отопления, представляющий просто-напросто общие рассуждения, ни к чему и никого не обязывающие.

Прочтя все это, жалеешь теперешних студентов, не у кого им учиться, но пуще прежнего становится жаль нашу текстильную промышленность с ее все более и более расшатывающимся теплосиловым хозяйством.

Итак, долгожданная и нужная книжка вышла, надежды, на нее возлагаемые, она не оправдала, и чувство ожидания теперь сменяется чувством полного неудовлетворения и разочарования. В самом деле, вместо подробного опубликования проектов капитального строительства, мы получили пересказ невысокого качества, в котором много слов и мало дела, в нем много общеизвестной философии и нет, или почти нет, техники. В этой книге, конечно, ни студент, ни тем более инженер-проектировщик, для себя ничего не найдут нужного или нового. Итак, потрачено без нужды много времени и средств. Вместо указанного здесь сочинения, НТС в следующей книге следует опубликовать полностью один из лучших и по возможности образцовый проект (если вообще такие имеются в текстильной промышленности)—это и будет служить тем, чего хотела получить редакционная комиссия от рецензируемой книги, согласно ее предисловия. Не без основания некоторые читатели, ознакомившись с этой книгой, заявляют, что текстильная промышленность имеет не технические проекты, а только введение к ним.

И. Беспалов.

„Weltwirtschaftliches Archiv". „Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft und seeverkehr an der Universität". Kiel, Oktober 1928 — Januar 1929.

Рецензируемые выпуски „Weltwirschaftliches Archiv", как всегда, отличаются богатым и разносторонним содержанием. Центральное место в общем отделе несомненно принадлежит статье Зомбарта „Превращение капитализма", помещенной в октябрьской книге и представляющей собою доклад автора на сентябрьском с'езде „Союза социальной политики". Эта статья нашла уже ряд откликов и в советской прессе. В январской книжке „Weltwirtschaftliches Archiv" Зомбарту отвечает проф. Хр. Эккерт в статье под заглавием „Перспективы капитализма". Тот факт, что обе статьи идут передовыми в общем отделе авторитетнейшего теоретического органа по мировому хозяйству, свидетельствует о том, что западно-европейская буржуазия, несмотря на успехи так называемой стабилизации, серьезно озабочена „судьбами капитализма". Эти „судьбы" ей во всяком случае представляются весьма и весьма неопределенными даже для ближайшего будущего, если принять во внимание, что два представителя буржуазной науки высказывают две, взаимно исключающие друг друга, оценки перспектив: Зомбарт выступает в роли пессимиста, Эккерт — в роли оптимиста. Правда, у обоих речь идет главным образом о европейском капитализме, но ведь Европа и является основным узлом великой борьбы между капитализмом и социализмом. Если почва уходит здесь из-под ног буржуазии, то вряд ли серьезным утешением для нее может служить тот факт, что капитализм в остальном мире еще не покатился под откос. Обратимся, однако, к содержанию статей.

Доклад Зомбарта опирается в основном на его исследование о новейшем капитализме, о котором был уже дан отзыв на страницах „Планового Хозяйства" в прошлом году, до его появления на русском языке. [1] Зомбарт исследует вопрос об эволюции капитализма с трех сторон: со стороны территориальной экспансии, структурных изменений и со стороны перемен в соотношениях между капитализмом и другими экономическими формами в старых промышленных странах.

Зомбарт предвидит распространение капитализма на территориях Азии и Африки. Капитализм станет „цветным" капитализмом. Однако, в отличие от прежней капиталистической экспансии, которая совершалась за счет экспорта капиталов из старых промышленных стран, предстоящее, а отчасти и совершающееся распространение капитализма по отсталым странам и континентам может опираться только на их собственное капиталонакопление. Страны старого капитализма, по мнению Зомбарта, не будут располагать необходимыми капиталами для выполнения этой громадной задачи. Зомбарт полагает, что темп накопления в старых промышленных странах (Европа + Соед. Штаты) неизбежно должен замедлиться. Замедление или приостановка роста населения, на ряду с тенденцией к сокращению рабочего дня, подрежут рост абсолютной прибавочной стоимости. Замедление роста производительности в добывающих отраслях промышленности и в сельском хозяйстве, не компенсируемое прогрессом техники в обрабатывающих отраслях, а также и рост зарплаты, затормозят рост относительной прибавочной стоимости. В частности, поскольку речь идет о замедлении, то в будущем отпадают три

[1] См. „Плановое Хозяйство" № 7 за 1928 г.

крупнейших источника, которые питали прежние гигантские масштабы накопления капитала: захват новых земель, хищнический грабеж почвы за пределами Зап. Европы и эксплоатация земледельческих народов, которые теперь завоевывают самостоятельность, не дают себя стричь и даже хотят иметь собственную промышленность. „Активное" участие Европы и Соед. Штатов в строительстве „цветного" капитализма будет таким образом невелико по сравнению с прошлым. С другой стороны — индустриализация аграрных стран, развитие „цветного" капитализма не поведет даже на начальных стадиях к расширению рынка для европейско-американской промышленности, главным образом, потому, что земледельческим странам, заводящим у себя промышленность, нечем будет оплатить импорт. „На одной земледельческой базе нельзя построить две разные промышленные системы". А ввоз промышленных товаров в порядке импорта капиталов будет невозможен, в силу разобранных выше причин. Таким образом, Зомбарт приходит к своей излюбленной старой идее о том, что капиталистическое развитие ведет не к уплотнению мировых хозяйственных отношений, а, наоборот, к национальной хозяйственной автаркии, к образованию более или менее замкнутых национальных „микрокосмосов" (см. его „Хозяйственное развитие Германии в XIX в."). Он пытается доказать, что нарисованная им перспектива уже осуществляется в настоящем: вывоз земледельческих продуктов из важнейших земледельческих стран частично уже прекратился, цены этих продуктов — если оставить в стороне исключительные явления войны — в течение 20 — 30 лет непрерывно подымались, промышленность старо-капиталистических стран испытывала за тот же срок хронический кризис сбыта, что отразилось на замедлении темпа прироста промышленного населения.

Анализ изменений внутренней структуры капитализма дает мало нового по сравнению с тем, что Зомбарт писал в своем „Современном капитализме". Подчеркивается тот же процесс: замена свободного капитализма „связанным" капитализмом, всесторонняя регламентация, бюрократизация, рационализация. Предпринимательский дух уступает место системе „бюджетирования хозяйства", сами рабочие постепенно превращаются в чиновников, работа которых регулируется не индивидуальными договорами, а всеобщими нормами, заработная плата превращается в стандартизированный чиновничий оклад, с пенсией при инвалидности и пр.

Старая механика рынка заменяется всеобщей системой регулирования цен, плат, прибылей, контингентированием спроса и предложения; даже тончайший механизм денежного рынка подчиняется общей тенденции. Колоссальная централизация предприятий психологически ослабляет стремление к прибыли, симптомами чего являются—фиксирование дивидентов, вложение избытков в собственные предприятия и пр. Движущей силой капитализма являлась до сих пор борьба рационального и иррационального начал спекуляции и калькуляции. Но с всеобщей рационализацией хозяйства, с ослаблением колебания конъюнктур и замедлением экономического процесса, эта движущая сила исчезает. Капитализм отмирает или засыпает.

На третий вопрос, о соотношении капитализма с другими хозяйственными системами Зомбарт также отвечает в духе своего основного труда. Он защищает идею „социал-имморализма": ни одна хозяйственная система не вытесняется из экономической жизни, а продолжает жить рядом со вновь развивающимися. На ряду с развитием форм государственного, общинного, кооперативного хозяйства сохранится и капиталистическая форма предприятий, а также и докапиталистические уклады ремесленного и крестьянского хозяйств. Для крестьян, говорит Зомбарт, только теперь наступает эпоха „экономического освобождения".

„По всем пунктам" Зомбарту возражает Эккерт. Он вообще скептически настроен насчет возможности предсказывать будущее, но все же видит это будущее в более розовых красках. По его мнению, Зомбарт переоценил удельный вес „государственно-социалистических" элементов капитализма, приписав своеобразные черты германской экономики всему остальному миру, где продолжает процветать частно капиталистическая инициатива. Он с отрадой констатирует, что в Азии, в Америке и даже в самой Европе „дух предпринимательства" и жажда прибылей не только не угасли, но, наоборот, захватывают умы и волю буржуазной молодежи, порождая отважных капитанов индустрии. Тенденция, к „связанности", по его мнению, никогда не была чужда капитализму, это общая черта всякого крупного предприятия; решающим моментом для судеб капитализма является, однако, рост производительности, а в этом отношении Эккерт резко расходится с Зомбартом в оценке перспектив. Он полагает, что только теперь капитализм вступает в эпоху гигантских переворотов в технике, которые делают беспочвенным всякий пессимизм насчет дальнейшего роста производительных сил. Он считает необоснованными опасения насчет добывающих отраслей промышленности, ссылаясь на рост производительности в золотопромышленности, а в отношении земледелия полагает, что рационализация хозяйства и вовлечение в земледельческую культуру новых пространств Ю. Аме-

рики способны еще надолго обеспечить бесперебойный ход капиталистического развития. Таким образом, странам старого капитализма нечего опасаться иссякания источников накопления капитала. Развитие „цветного“ капитализма не только не суживает для них поля деятельности, но, наоборот, открывает новые небывалые перспективы капиталовложений и экспорта, перед которыми бледнеют цифры импорта капиталов в эпоху, когда шла индустриализация самой континентальной Европы.

Можно было бы таким образом „в надежде славы и добра“ глядеть вперед без боязни. Но существуют обстоятельства, которые и для Эккерта омрачают ясный фон. Это, во-первых, отношение пролетариата к капитализму в старых индустриальных странах, и во-вторых — отношение к нему колониальных народов — во вновь развивающихся странах. Здесь он видит тучи на горизонте, но все же находит утешение. Пример Америки показывает, что можно уничтожить дух классовой борьбы, если рабочих постепенно превратить в капиталистов, пусть и маленьких (пресловутые акции). Если к этому прибавить еще немножко хозяйственной демократии на предприятиях, то и совсем хорошо будет. Что касается отсталых народов, то здесь надо разрешить только две „маленьких“ задачи: во-первых, найти средства, чтобы заставить их работать на капиталистов. Для этого Эккерт рекомендует вместо прямого принуждения — „пробуждение потребностей“, во-вторых, позаботиться о том, чтобы это „пробуждение потребностей“ не вело к действительному росту потребления — иначе средства не оправдают цели, исчезнет источник добавочного накопления. Здесь он утешается тем, что потребление отсталых народов не может слишком возрасти, ибо, во-первых, они быстро перенимают у культурных наций привычки к ограничению рождаемости, во-вторых, сам капитал позаботится уже о том, чтобы они по одежке протягивали ножки. Но эти надежды не способны рассеять мучительные сомнения, и Эккерт прибегает к последнему аргументу: во-первых, сам Коминтерн признал в 1926 г. консолидацию капитализма, во-вторых, если даже вся Европа и половина Азии насильственно ликвидируют у себя капиталистическую систему, то все же остается Америка, руководимая Соед. Штатами, в качестве сильнейшего партнера в игре. Дядя Сам останется, таким образом, последним оплотом буржуазного хозяйства.

Нетрудно заметить, что „оптимизм“ Эккерта по части перспектив капитализма на деле выглядит несравненно мрачнее, чем „пессимизм“ Зомбарта, который вообще под флагом строгой научности и бесстрастности преподносит своей аудитории самое обыкновенное теоретическое мошенничество. В медовых устах Зомбарта, будущее капитализма приобретает характер самой приятной идилии: все превращения совершаются гладко и мирно сокращение рынков сбыта компенсируется уменьшением капиталонакопления (так что и потребность в рынках уменьшается), взамен внешних рынков расширяется внутренний (повышение заработной платы), ограниченным возможностям накопления соответствует исчезновение жажды прибылей у капиталистов, индустриализации аграрных стран — аграризация индустриальных стран, вместо мирового хозяйства со всеми его треволнениями, войнами, соперничеством и пр. ряд мирных, замкнутых „домашних хозяйств“, экономических „микрокосмосов“, в которых и капиталисты и рабочие, постепенно утрачивая классовый дух и убаюкиваемые всеобщей регламентацией и рационализацией, превращаются по существу в однородную касту общественных чиновников, различающихся лишь по табели о рангах. Разве можно было придумать лучший конец, лучшее утешение для встревоженного воображения современного буржуа, одержимого тяжкими заботами в настоящем и терзаемого дурными снами насчет будущего? Классическая политическая экономия сто слишком лет назад с нескрываемым ужасом видела в факте понижения нормы прибыли угрожающие признаки снижения темпа роста производительных сил и усматривала в этом основу грядущих социальных бурь и потрясений. Она ошибалась в оценке внутренней связи явлений и перспектив развития, но она несомненно была права в одном: если бы капитализм действительно оказался неспособным двигать вперед производительные силы, он был бы опрокинут революцией неизбежно. Теперь Зомбарт снова возвращается к ложным идеям классиков. Но его отличие от классиков состоит в том, что он в снижении темпа производительности не видит никаких угроз для социального благополучия, т.-е. ошибается или обманывает там, где классики говорили правду; Зомбарт спускается даже ниже уровня вульгарной экономии. Последняя строила свои „экономические гармонии“ между трудом и капиталом на росте производительных сил. Зомбарт считает, что эта гармония будет осуществляться в эпоху упадка развития производительных сил, и такие пошлости говорит крупнейший авторитет в вопросах современного капитализма.

Что касается фактической стороны дела, то Зомбарт и здесь, вместо честного анализа фактов, занимается фантазиями или ложным толкованием фактов. Его рассуждения насчет постепенного суживания мировых хозяйственных связей

являются чистейшим измышлением. В них верно лишь то, что капитализм действительно движется в противоречиях, одним из которых является противоречие между охраной национального рынка от иностранных товаров и необходимостью расширения сбыта на внешних рынках. Но в этом как-раз и сказывается противоречие между мировым характером современного хозяйства и национально-государственными границами, переставшими ему соответствовать. Победа „автаркии“, если бы она была возможна, означала бы катастрофический удар по производительным силам, которого все равно не перенесла бы капиталистическая система. Победа мирового хозяйства и ликвидация таможенных границ, означая гигантский рост производительных сил, также невозможна в рамках капиталистического строя. Факт относительного сокращения вывоза земледельческих продуктов из аграрных стран несомненен, но, во-первых, это относительное сокращение сплошь и рядом идет параллельно с абсолютным ростом сельскохозяйственного экспорта, во-вторых, сама индустриализация аграрных стран, даже там, где она проводится в извращенных капиталистических формах, ведет к еще большему росту в них земледельческой продукции, в-третьих, земледелие превращается теперь постепенно только в одну из отраслей промышленности, и мировое разделение труда отнюдь не исчерпывается делением на промышленные и аграрные страны. Тем самым отпадает довод о том, что „на одной земледельческой базе нельзя построить двух промышленных систем“. Размышления Зомбарта насчет неизбежного сокращения темпа накопления капитала в старых промышленных странах могут быть верны лишь относительно, т.-е. поскольку речь идет о темпах роста. Но для экспорта капиталов решающее значение имеют абсолютные размеры накопления, а они громадны (если принять в расчет Соед. Штаты), и фактический экспорт капитала в Азию, Африку, Ю. Америку опровергает пророчества Зомбарта. Что касается снижения темпов, то здесь, с одной стороны, сказывается снижение нормы прибыли, с другой стороны — действительное замедление роста производительных сил, обусловленное загниванием капитализма, а не ухудшением материально-технических условий производства. В этом отношении проф. Эккерт „прав“: с точки зрения материального богатства природы и современного состояния техники мы находимся не в конце, а в начале периода небывалого роста производительных сил. Но он глубоко ошибается, если воображает, что это развитие сможет совершаться в капиталистической форме. Капитализм все больше превращается в оковы, а не в движущую силу этого развития. Отсюда — одна из причин того, мягко выражаясь, неприязненного отношения трудящихся масс к капитализму, которое столь основательно беспокоит проф. Эккерта.

Мы подробно остановились на дискуссии о судьбах капитализма, потому что она имеет глубоко симптоматическое значение. Показательно между прочим и то, что идеологи современной буржуазии с гораздо большим беспокойством относятся к судьбам дорогого им общественного строя, чем идеологи современной социалистической демократии, обслуживающие тот же строй в рабочем классе. Каутский, например, считает экономические возможности капитализма совершенно беспредельными. Внимание буржуазной науки, даже в лице таких далеких от социологической теории ее представителей, как Шмаленбах, все больше сосредоточивается на тех превращениях, которые происходят с капитализмом в наши дни, и если существуют у нее сомнения, то отнюдь не по вопросу о том, угрожает ли капитализму гибель, на этот счет все согласны. Споры идут лишь о времени и месте. Никому не хочется быть первым на очереди. Споры идут лишь о формах крушения. Все жадно ищут „спокойной“ смерти, — по Зомбарту, хотя смутно чувствуют, что дело идет по Ленину.

На других статьях и материалах, „Weltwirtschaftliches Archiv“ мы здесь специально не останавливаемся, хотя многие из них представляют значительный интерес. Весьма ценны статьи Боркенкойфа в октябрьской, и Чиршкого в январской книжках, трактующие вопрос о характере и перспективах современных интернациональных картелей. Эти статьи поучительны особенно для тех, кто склонен переоценивать удельный вес организованных мировых хозяйственных связей капитализма и недооценивать раздирающие его междугосударственные противоречия. Большинство международных картелей, по признанию авторов, раздираются внутренними противоречиями и несут в себе зародыши собственного разложения. Поскольку они консервируют отсталые индустрии и ограничивают продукцию передовых промышленных стран системой квот, они играют вдобавок и реакционную роль. Высшие формы международных об'единений (концерны, тресты), будучи лишены некоторых противоречий, свойственных интернациональным картелям, слишком ничтожны по своему удельному весу, чтобы оказывать какое-либо крупное влияние на экономическую политику государств.

Ценными исследованиями являются статьи Пределя — о перемещении к югу американской текстильной промышленности, А. Мора — о стабилизации покупательной силы доллара, хотя в последней име-

ются теоретические ошибки. Обширная статья Луизы Зоммер излагает пред историю женевской экономической конференции 1927 г. Материал представляет известный интерес в качестве исторической сводки, наивные восторги автора по поводу сообщаемых фактов „международной солидарности", над которыми можно только посмеяться — совершенно неуместны даже в буржуазном журнале, претендующем на серьезное научное значение.

Из теоретических статей можно отметить еще статью Студенского — о природе крестьянского хозяйства (перевод с русского), где автор занимается опровержением семейно-потребительской теории Челинцова - Чаянова.

Статья Лифмана „Идея выравнивания, как организационный принцип менового оборота" представляет собою любопытный образец ультра-психологического пустословия, выдаваемого за последнее слово экономической науки. Автор выступает со своей обычной претенциозностью непризнанного Коперника в науке.

В обоих номерах журнала, как всегда богато представлены хроника и библиография.

А. Светлов.

Albert Halasz. „Das neue mitteleuropa in wirtschaftlichen karten" Berlin. 1928, S. 149.
Альберт Галаш. „Новая Центральная Европа в экономических картах".

Мировая война не принесла с собой, пожалуй, ни в одной части земного шара столь существенных территориальных, политических и экономических перемен, как на территории бывшей австро венгерской монархии. Из ее частей образовались три новые государства (Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия), а остальные провинции отошли к соседним государствам — Польше, Румынии, Юго-Славии и Италии. Бывшая Австро Венгрия отличалась развитым разделением труда между отдельными провинциями и оживленным внутренним товарооборотом; наоборот, ее внешнеторговый оборот был невелик. Казалось бы, что после раздробления Австро-Венгрии внутренняя торговля между ее провинциями в своей значительной части должна была превратиться во внешнюю торговлю между вновь образовавшимися государствами. Но шесть, так называемых, государств — „преемников", стремясь к активизации торгового баланса, стараются всячески сократить существующий между ними товарооборот и с этой целью оградились высокими таможенными кордонами. Такова основная экономическая проблема Центральной Европы.

Альберт Галаш, автор вышедшего впервые в 1919 г. и повторенного потом в нескольких изданиях атласа „Венгрия в экономико-географических картах", пытается теперь в другом экономическом атласе дать картину того клубка противоречий, который образовался в новой Центральной Европе.

Необходимо, прежде всего, отметить, что определение „Центральная Европа" понимается автором атласа иначе, чем это бывает обычно в германской литературе. В последней (как в известной работе Ноймана, специально посвященной этому вопросу, так и в чисто географической литературе) под Центральной Европой понималась Германия, Австро-Венгрия и окружающие их более мелкие государства. Галаш же обозначает этим термином лишь преемников бывшей Австро-Венгрии.

Атлас Галаша преследует определенную политическую цель. При помощи цифр продукции и товарооборота автор хочет показать, как новые политические и таможенные границы, проведенные на территории бывшей Австро-Венгрии, повели к сокращению потребления, к сокращению производства, и что они были установлены вне всякой связи с требованиями экономики. Атлас содержит целый ряд весьма характерных иллюстраций этого положения. Например, довоенная Венгрия имела 28 железнодорожных пограничных станций, а послевоенная Венгрия, с одной третью прежней территории,— 51. Далее, мельницы Будапешта, снабжавшие раньше мукой самые разнообразные районы бывшей Австро-Венгрии и отрезанные теперь от них таможенными барьерами, используют в последние годы всего лишь около 15 - 20% своей производительной способности. Но, являясь националистически настроенным венгерцем, автор замечает, главным образом, те „несправедливости", от которых должна „страдать" Венгрия под влиянием последствий Трианонского договора, и совершенно не уделяет внимания нелепостям довоенной Австро-Венгрии, идеализируя последнюю.

А между тем, в довоенной Австро-Венгрии такого рода „несправедливых" явлений, отражавшихся также и на географии экономической жизни, было никоим образом не меньше, чем теперь. Более того, Австро-Венгрия была одним из классических образцов сочетания национального гнета с экономическим. После того, как господство немецкой буржуазии над всеми частями Австро-Венгрии не удержалось и пришлось разделить его с венгерскими помещиками, в каждой из двух составных частей Австро-Венгрии формы эксплоатации были другие. Но как в австрийской, так и в венгерской части имелись подчиненные нации (главным образом, славянские), подавляющее большинство которых являлось одновременно подчиненным классом. Национальная борьба, доходившая до регулярных обструкций в венском парламенте и т. д., являлась лишь несколько видоизмененной и иначе окрашенной борьбой угнетенных классов (в первую очередь, крестьян), принадлежавшим к нациям — меньшинствам Останавливаться на отдельных фактах этой борьбы не приходится: они описывались не раз. Но, во всяком случае, ясно, что противопоставлять современную балканизацию Австро-Венгрии идеальному довоенному положению можно только с определенными целями.

Галаш желает изобразить в ряде карто-диаграмм экономическую жизнь государств-преемников, перенося центр тяжести на вопросы взаимной связи между ними. Это достигается тем, что, во-первых, по каждому рассматриваемому товару рядом с картой продукции дается карта излишков и недостаток внешнеторгового оборота, во-вторых, даются сводные таблицы и карты внешней торговли каждого из рассматриваемых государств и, в-третьих, значительное внимание уделяется транспорту.

Место в рецензируемом атласе довольно равномерно распределено между различными отраслями экономики, и этим он выгодно отличается от атласа Пфоля и Фридриха. [1] Отдельные разделы посвящены общим географическим предпосылкам экономической жизни, путям сообщения, энергетике и горной промышленности, лесному и сельскому хозяйству, обрабатывающей промышленности и внешней торговле. Большинство из карт относится ко всему комплексу государств-преемников. В начале атласа поставлен раздел о Европе в целом. Сельскохозяйственным товарам уделяется несколько большее внимание, чем другим группам, но это вполне оправдывается экономической структурой рассматриваемых государств.

Карто-диаграммы строятся Галашем при помощи относительно простых технических методов (точек, квадратов, кругов и т. п.), и они оказываются значительно более удачными, чем та сложная символика, которая в некоторых экономических атласах, например, у тех же Пфоля и Фридриха приводит, подчас, к ненужному усложнению понятий. Галаша можно несколько упрекнуть лишь в том, что он, отчасти, переходит в противоположную крайность: в отдельных картах он слишком уж упрощает картину и не дает читателю многого из того, что он должен был бы дать. Например, на карте лесов (стр. 14), кроме их абсолютной площади, следовало бы показать и относительную лесистость (несколько цифр внизу карты недостаточны) Еще менее показательны абсолютные цифры в применении к площади полевых культур (стр. 15). Наоборот, на других картах, например, по скотоводству (стр. 23—24), Галаш ограничивается относительными показателями, а в данном случае абсолютная численность скота была бы также интересна, и места для ее изображения вполне довольно. В картах, касающихся внешней торговли, не мешало бы также для более ясной картины добавить стрелки, показывающие направления товарооборота.

Текст, сопровождающий карты, в общем менее удачен, чем сами карты. В некоторых случаях он прямо-таки наивен, как, например, на стр. 23: „В различных районах Европы разводятся различные породы (рогатого скота)", без какой-либо дальнейшей конкретизации. В большинстве надписей приходится констатировать недостаток ориентировки в явлениях мирового хозяйства. Характерной в этом отношении является надпись на карте угля (стр. 58): „Вследствие небольшой специфической цены, излишки угля не переносят транспорта на дальние расстояния, поэтому сбыт происходит, по возможности, по близости от шахт". На карте, к которой относится этот текст, изображены достаточно внушительные количества угля, экспортируемые и импортируемые отдельными странами Центральной Европы, и тем самым опровергается текст. Далее, совершенно недопустимо для иллюстрации послевоенного положения по углю (внизу стр. 12) брать данные за один год, притом за столь ненормальный, как 1926 г., тем более, что в других таблицах автор берет средние данные за ряд лет.

Во многих надписях чувствуется излишняя схематичность и отсутствие индивидуального подхода к каждому отдельному товару. Например, в таблице о внешней торговле овсом (стр. 19) в тексте говорится о красных квадратах при странах с избытками овса, а на карте нет ни одного красного квадрата; об'ясняется это тем, что надпись схематически перенята с предшествующих карт по другим хлебным культурам. И это не единственный случай.

В некоторых картах приняты во внимание довоенные цифры, в других же — только послевоенные. И тот, и другой методы не дают, конечно, достаточно ясной картины (подчас даже искажают действительное положение вещей). Каждый

---

[1] См. мою рецензию в № 1 „Вестника Статистики" за 1929 г.

экономический атлас, где это сколько-нибудь позволяет наличие свободного места, должен иллюстрировать и довоенное, и послевоенное положение.

Совершенно излишней является детализированная гидрографическая сеть (до мельчайших речушек) которая служит фоном для многих карт. Мелкие речки не играют значительной роли в современной экономике (во всяком случае, их роль не сравнится с второстепенными железными дорогами).

Внешне атлас издан прекрасно, как впрочем, и все издания Reimar Hobbing.

В общем, атлас может явится прекрасным пособием для изучения экономики Центральной Европы. Но пользующийся им должен не забывать (как, впрочем, при пользовании всякими экономическими атласами) о том, что, в противоположность географическим атласам, экономические атласы нужно всегда открывать с некоторым запасом критицизма.

К. Рубинштейн.

А. Мельник. Турция. „Ее историческое прошлое и настоящее". Издательство „Московский рабочий" Москва, 1929 г. Ленинград, стр. 175.

Работа тов. Мельника охватывает две основные проблемы: политическую историю — прошлое и настоящее — Турции, и анализ ее экономической структуры. Первая проблема разрешена автором удовлетворительно: конспективно, но достаточно четко, он дает историю младотурецкого движения, распада Оттоманской империи и, наконец, историю зарождения и развития Кемалистского движения. Точно также, тов. Мельник подробно останавливается на внешней политике Турции после войны и, в частности, на проблеме внешне-торговой и внешне-политической связи Турции и СССР.

Вторая проблема, входящая в рецензируемую работу,— анализ народного хозяйства Турции — выполнена автором менее удачно.

Центральным статистическим управлением Турции изданы в 1928 г. „Статистический Ежегодник" и „Материалы сельскохозяйственного и промышленного ценза 1927 г."[1] Автором эти материалы были использованы, но недостаточно полно. Так например, анализируя сельское хозяйство Турции, необходимо было подчеркнуть его ярко выраженный зерновой характер, и преобладание среди зерновых культур пшеницы и ячменя. Действительно, распределение возделываемой площади по культурам следующее (в %% к итогу): хлебные злаки — 90% (в том числе пшеница — 51%, ячмень — 23%); овощи 4% и промышленные растения — 6%. При анализе сельского хозяйства, необходимо было также поставить проблему машинизации и механизации сельскохозяйственных процессов. Эта проблема тесно связана с вопросом о типе сельского хозяйства Турции, вернее о направлении экстенсивном или интенсивном его развития. Дифференцированных цифровых материалов об индустриализации сельского хозяйства Турции нет, но в данных сельскохозяйственного ценза 1927 г. имеется указание на то, что общее количество всех сельскохозяйственных машин и инструментов по всем вилайетам Турции составляло 1.413.509. С другой стороны, динамика урожайности отдельных сельскохозяйственных культур (по данным Римского сельскохозяйственного института), отсутствие в импорте минеральных удобрений свидетельствует о том, что процессы интенсификации сельского хозяйства Турции находятся еще в зародышевом состоянии. Следует, однако, отметить, что тов. Мельником приводится ряд, в достаточной степени репрезентативных, материалов сель.-хоз. ценза 1927 г.: абсолютные цифры распределения всей земельной площади; данные (абсолютные и относительные) о динамике площади под зерновыми культурами на протяжении 1913—27 гг. данные о состоянии садоводства и животноводства.

В области анализа турецкой промышленности работа тов. Мельника страдает весьма существенными пробелами носит в значительной степени, декларативный характер, вроде, например, таких утверждений: „В Турции все больше и больше начинает приобретать значение лозунг индустриализации"; такое положение, при отсутствии надлежащей экономической аргументации, представляется весьма мало убедительным. Автор чрезвычайно неумело использовал интересные статистические материалы промышленного ценза 1927 г. Промышленность Турции носит, в основном, полукустарный, полуремесленный характер: 43,3% всего числа предприятий, составляют предприятия, где занято одно лицо или одно лицо с членами семьи, т.-е. предприятия домашней промышленности; предприятия, где занято от 2 до 10 человек составляют 53.6% всего числа предприятий, от 11 до 100 человек — 2,9% и от 101 человека и больше — 0,2%. Таким образом, предприятия, где занято до 10 человек, т.-е. предприятия ремесленного типа, составляют 97% всего числа предприятий турецкой промышленности; крупные предприятия (от 101 человека и больше) почти совершенно отсутствуют.

[1] „Annuaire statistique", „Compte rendu du recensement agricole de 1927", „Compte rendu du recensement industriel de 1927".

При изучении турецкой промышленности, как промышленности экономически-отсталой страны, автору следовало бы также обратить внимание на проблему механизации промышленности. По данным промышленного ценза 1927 г., нужно отметить, что только 8,9% всего числа промышленных предприятий Турции имеет механические двигатели, а подавляющая масса предприятий — свыше 90% — не имеет никаких моторных двигателей. В основных отраслях турецкой промышленности, преобладающих по числу предприятий и числу занятых лиц, именно, промышленности по обработке сель-хоз. продуктов, текстильной, деревообделочной и металлургии (93% всего числа предприятий и 84% общего числа занятых лиц), энерговооруженность чрезвычайно низка; так, число предприятий, имеющих механические двигатели соответственно составляет: в промышленности по обработке сел.-хоз. продуктов — 4%, в текстильной — 2,6%, в деревообделочной — 4,8%, и в металлургии (включая производство металлов и машиностроение) — 3,0%.

Наименее энерговооруженными отраслями турецкой промышленности (промышленность по обработке сел.-хоз. продуктов, текстильная, деревообделочная и металлургия) являются отрасли, где преобладает домашняя промышленность, т.-е. предприятия, где занято одно лицо или одно лицо с членами семьи, что является экономически вполне закономерным.

Для уяснения процессов индустриализации страны, что является одной из задач рецензируемой работы, автору следовало бы дать детальный, развернутый анализ показателей транспортного хозяйства Турции. Необходимо, прежде всего, отметить, что показатели транспортного хозяйства Турции значительно благоприятнее, чем эти же показатели в других отсталых и полуколониальных странах Ближнего Востока (напр., Персия); длина жел.-дор. сети Турции составляет — по данным ценза 1927 г. — 4.640 *км* (по более поздним данным — 4.881 *км*), в том числе: протяженность государственной жел.-дор. сети — 2.249 *км*. (48%) и частных железнодорожных дорог — 2.391 *км* (52%). В ближайшие годы предстоит постройка 1.922 *км* жел.-дор. сети; таким образом, правительство предполагает в ближайшие годы довести протяженность железных дорог до 7.000 *км*; в настоящее же время протяженность железных дорог на 1 *кв. км* территории составляет 0.6 *км*, а протяженность жел. дор. на каждые 100.000 жителей — 60 *км*. Железнодорожное строительство является отраслью турецкого народного хозяйства, куда, в основном, устремляются иностранные инвестиции. Иностранные инвестиции в железные дороги Турции составляют 39 млн. фунтов стерлингов из общей суммы иностранных капиталовложений в турецкое народное хозяйство в 63,4 млн. фунтов стерлингов, т.-е. 62%. Иностранные капиталы, инвестированные в жел.-дор. строительство Турции, распределяются следующим образом: 67% всей суммы инвестиций приходится на германский капитал, 15% — на французский, 12% — на английский и 6% — на капиталы прочих стран.

Чрезвычайно странно, почему тов. Мельник, анализируя направление внешне-торгового оборота Турции (страны отправления и страны назначения), не привел данных об удельном весе в турецком экспорте и импорте СССР (в 1926 г. экспорт в СССР составил, по стоимости, 2,8% всего турецкого экспорта, а импорт из СССР — 3,6% всего турецкого импорта). При анализе турецкого импорта, автору необходимо было остановиться на динамике импорта, машин и механизмов, как на одном из показателей процесса индустриализации страны. Импорт машин и механизмов, в Турцию на протяжении 1923—28 гг. дает непрерывный рост; их удельный вес во всем Турецком импорте вырос с 0,9% в 1923 г. до 5,2% в 1928 г.

Кроме того, автору следовало бы детально проанализировать внешне-торговый оборот Турции под углом зрения связей с СССР. На основе этого анализа можно было установить, что структура советского экспорта в Турцию в 1928 г. в общем анологична структуре экспорта 1913 г. и характеризуется преобладанием трех товарных групп: нефть, сахар и хлеб в зерне (около 70% всего экспорта по стоимости), при чем для структуры экспорта СССР в послевоенные годы характерно (и абсолютное и относительное) усиление значения нефти и сахара за счет хлеба в зерне. Турецкий импорт в СССР тоже, в общем, характеризуется преобладанием 5 товарных групп: — хлопок, дубильные вещества, апельсины и лимоны, сухие фрукты, которые составляли в 1913 г. — 52% всего турецкого импорта в СССР по стоимости, а в 1928 г. — 64%, интересно и, в высокой степени, показательно, что в 1913 г. апельсины и лимоны, сухие фрукты и орехи составляли 82% всего турецкого импорта в СССР (по стоимости), а в 1928 г. — 24%. Таким образом, импорт СССР из Турции, носивший в основном, потребительский характер до войны (1913 г.) характеризуется в 1928 г. ослаблением значения потребительских групп и усилением предметов промышленного импорта (в основном хлопок), которые составили в 1928 г. — 46% стоимости всего турецкого импорта в СССР.

Наконец, в области анализа финансового хозяйства Турции автор, несмотря на значительный текстуальный и цифровой материал, не дал четкой характеристики структуры и направления динамики

финансового хозяйства страны. Действительно, турецкий бюджет в своей доходной части покоится на налогах на потребителя (доходы от монополий, пошлин и других косвенных налогов составили в 1927/28 г. 45% доходной части бюджета); преобладание налогов на потребление вообще чрезвычайно характерно для структуры доходной части бюджетов экономически-отсталых стран. В расходной же части турецкого бюджета преобладают расходы на оборону, которые в 1927/28 бюджетном году составили 40% всех расходов.

Экономические и политические связи Турции и СССР растут и крепнут с каждым годом. В деле индустриализации Турции, оказания ей технической помощи — СССР должен занять и, безусловно, займет одно из первых мест. Поэтому изучение турецкого народного хозяйства является важной и неотложной задачей. Работа т. Мельника, конечно, страдает существенными пробелами, но она может быть использована, как элементарное введение, к более пристальному и внимательному изучению экономики и политики современной Турции.

М. Коган.

„Мировое хозяйство и мировая политика". №№ 1—7 за 1929 г. Издание Института мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии.

Рецензируемые 7 номеров ежемесячного журнала, издаваемого Комм академией, очень богаты содержанием. Кроме очерков т. Варги, посвященных текущей конъюнктуре мирового хозяйства, заслуживает внимания ряд статей и обзоров, посвященных отдельным вопросам мировой политики и мировой экономики.

Остановимся несколько подробнее на содержании этого материала. В ряде статей тт. Варги, Тимова и, отчасти, Виноградова дается анализ и оценка новейшей фазы политического развития Румынии после прихода к власти националцаранистской партии, получившей на последних выборах огромное большинство в 77% всех голосов. Для оценки этого политического события авторы стараются выявить, кого представляла ушедшая от власти либеральная партия Братиану и какую роль в ее судьбе сыграла, с одной стороны, ее аграрная политика, а с другой стороны, ее политика в отношении иностранного капитала. К сожалению, из очерка т. Варги, который наиболее всесторонне пытается охватить предмет, недостаточно ясно, какую роль играли в самой либеральной партии старорумынские бояре, равно, как неясны вообще их политические судьбы. По словам т. Варги, при проведении аграрной реформы в Румынии, выкуп за землю свелся почти к нулю вследствие обесценения румынской валюты, последовавшей за инфляцией. Означает ли это, что старорумынские аграрии, составлявшие господствующий класс в стране, разорились на аграрной реформе и перешли на чиновничий паек или же они успели перебросить полученный выкуп в промышленность в порядке принудительного „румынизирования" промышленности вновь приобретенных провинций. Политика либеральной партии была направлена на искусственное форсирование капиталистической индустриализации страны, за счет обескровливания сельского хозяйства (экспортные пошлины на сел.-хоз. продукты, запретительные импортные пошлины на продукты промышленности, подачки и льготы промышленникам, за счет казенного сундука и пр.). Для сельского хозяйства Румынии это явилось большим бременем, чем самый высокий выкуп за землю. Измельчавшее, в результате аграрной реформы, и потерявшее значительную долю своей былой товарности, сельское хозяйство Румынии лишилось, вследствие политики либералов, рыночных экономических стимулов, что особенно сказалось на кулацких слоях деревни, которые, как указывает т. Варга, и сыграли руководящую роль в перевороте (поход 150 тыс. на Бухарест и последовавшая за этим смена власти). С другой стороны, создав себе на почве сверхэксплоатации крестьянства и рабочих особенно благоприятные условия капиталонакопления внутри страны, либералы очевидно не склонны были допустить к дележке добычи иностранный промышленный капитал, хотя они были не прочь принять от иностранного ссудного (финансового) капитала заем для санирования валюты и финансов. Но иностранный финансовый капитал может мириться только с таким румынским правительством, которое могло бы выполнить достаточно надежно задачи по внешней политике (подготовка к войне против СССР), составляющие неотъемлемую часть программы англо-французского финансового капитала в Румынии. Таким образом, власть Братиану была подорвана и извнутри и извне. Авторы далее выясняют, какие противоречия таит в себе новый политический режим в Румынии, главным образом, по линии диференциации деревни.

Другому нашему соседу—Афганистану—посвящены статьи тт. Ильинского и Леоринуса, в которых приводится ряд интересных фактов и соображений, проливающих некоторый свет на происходящую сейчас в Афганистане борьбу.

Надо прямо сказать, что для исчерпывающего анализа социально-классовых

отношений Афганистана достаточно научных данных еще не имеется. Из отдельных положений автора любопытно отметить, что пастушеские кочевые племена нередко перекладывают на оседлых земледельцев финансовое бремя государственного управления. В то время как за последние 10 лет налоги на орошенную землю увеличились на 250%, а на земледельческий рабочий скот — лошадей и ослов — на 400% и на 500%, налог на верблюдов, представляющих, между прочим, единственный вид кочевого скота, который облагается, повысился только на 33%. Кочевники, как справедливо указывал автор, могли пострадать при Аманулле-хане только как купцы, в связи с развитием государственных торговых монополий и шоссейных дорог.

Английский империализм пытается играть на противоречиях, с одной стороны, между отдельными кочевыми племенами и, с другой стороны, между земледельческими и неземледельческими племенами.

В статье М. Галковича, посвященной тихоокеанской проблеме, содержится (невзирая на небрежность стиля и, особенно, цифровых таблиц) ряд свежих мыслей, однако, в анализе автора имеется и ряд прорех. Автор, например, правильно указывает, что пищевая проблема Японии может быть разрешена внутри страны, но упускает из виду зависимость японского сельского хозяйства от ввоза удобрений. Автор далее правильно подчеркивает стимулирующее влияние, которое имели победоносные войны на развитие японского хозяйства, но совершенно не учитывает, что главными источниками большого капиталонакопления в Японии явились: огромный рост арендных цен на землю (эксплоатация крестьянства) и огромная эксплоатация рабочих в промышленности (ночной труд женщин и детей, мизерная зарплата и пр.). В своей концепции взаимоотношений Японии с Соед. Штатами, клонящейся к умалению вероятности вооруженного между ними конфликта, автор, с одной стороны, придает слишком большое значение зависимости Японии от Соед. Штатов в отношении сбыта шелка и снабжения некоторыми видами сырья, а с другой стороны, он недооценивает жизненных интересов Соед. Штатов в Азии. Что касается первого вопроса, то именно стремление Японии перестроить свою экономику так, чтобы избавиться от односторонней зависимости от Соед Штатов, является одной из причин, толкающих ее на империалистическую экспансию, в которой она и сталкивается с Соед. Штатами. Интересы же Соед. Штатов в Азии определяются под углом зрения близкого будущего тем, что западные штаты Сев. Америки изобилуют сырьем и дешевой водной энергией, способными питать огромную промышленность, и если для этой промышленности не будут созданы новые рынки сбыта, то для старых восточных промышленных районов страны создастся очень опасная конкуренция. Важно также, что неприхотливые азиатские рынки могут вообще поглотить вторые и третьи сорта и отходы американской промышленности, работающей на изысканный внутренний рынок.

В статье т. И. Рейснера „Платформа индийской буржуазии" дана интересная характеристика последнего об'единенного с'езда буржуазно-национальных партий, состоявшегося в 1928 г. в Лукнове. Этот с'езд знаменует, по словам автора, резкий сдвиг буржуазно-национального движения Индии вправо. В ходе изложения автор дает живой очерк тех внутренних противоречий индийской общественной и политической жизни, которые с большим искусством используются Англией для того, чтобы удерживать господство в этой стране.

Яркую характеристику послевоенной колониальной политики Франции дают тт. С. Грансберг и А. Романский в своих статьях. Тов. Грансберг подчеркивает то особенное значение, которое получили колонии, как поставщики пушечного мяса для Франции. Автор недостаточно, однако, остановился на транссахарской железной дороге, которая интересна именно с этой стороны, ибо, как грузовой путь, эта дорога не сможет конкурировать с водным путем (по реке Нигеру и, далее, по Атлантическому океану). Очень содержателен очерк т. Никкеля, посвященный Формозе. К сожалению, автор не остановился на организации японских сахарных плантаций на этом острове с социально-экономической стороны (китайцы-крестьяне, по свидетельству индийского экономиста Китинджа, производят здесь на своих землях безвозмездно тростник для японских сахарных заводов). Упомянем еще интересные статьи Скотт-Ниринга—о положении негров в Соед. Штатах, Ф. Нотовича — о государственном кризисе в Югославии, А. Губера—об иностранном капитале в Индонезии и А. Болгара — о внешней политике Венгрии. При большом обилии статей, посвященных мировой политике, в журнале сравнительно мало статей на чисто-экономические темы. Наиболее интересной из них нам представляется яркая статья т. Ф. Капелюша, посвященная очень мало освещенному у нас вопросу об американском госкапитализме („Сверхмощные государственные установки в Соед. Штатах"). Малоосвещенные вопросы затронуты в статьях: т. С. Рыбникова — о международных отношениях в страховом деле, В. Левинсона — о проблеме нагрузки в металлургии Соед. Штатов (автор вскрывает наличие, кроме конъюнктурной недогрузки, еще структурной недогрузки, однако, он недостаточно выясняет экономическую природу последней)

В весьма обстоятельной статье „Энергетическая проблема современного мирового хозяйства“ т. В. Вейц ищет связи монополистического капитализма с электрификацией в факте вовлечения в оборот больших новых энергетических ресурсов, в виде низкопробных углей, торфа и воды, равно как в факте развития в нашу эпоху ряда электроемких химических и металлургических производств (азот, алюминий и пр.). Автор мог бы также упомянуть, что вся современная пресса, являющаяся главным духовным орудием монополистического капитализма, была бы немыслима без скандинавской и канадской бумагопромышленности, которые базируются на электрификации. В статье „Обесценение серебра и колониальная политика“ т. Л. Мадьяр (автор интересного исследования о сельском хозяйстве Китая) делает попытку вскрыть одну из форм эксплоатации колониальных и полуколониальных стран, которая заключалась в извлечении со стороны европейского капитала выгод от систематического обесценения валюты этих стран.

Мы закончим наш беглый обзор рецензируемого журнала упоминанием о статье т. Варги (в 7 номере) — о новом репарационном плане. По словам автора, план Юнга выгоднее всего для Америки: ей удалось добиться окончательного разрешения репарационного вопроса, при чем никаких уступок союзникам она не сделала; к тому же в лице репарационного банка Соед. Штаты создали мощное орудие для дальнейшего размещения своих капиталов. Правильнее было бы сказать, что в лице репарационного банка Соед. Штаты нашли способ использовать возвращаемые и совершенно ненужные им внутри страны союзнические долги для инвестиций, под обеспечением союзников же (участвующих в образовании капитала репарационного банка), в таких странах, в которых Соед. Штаты сами не решились бы на большие инвестиции.

Недостатком рецензируемого журнала мы считаем полное отсутствие статей на сельскохозяйственные и аграрные темы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ является живым свидетелем серьезной научно-исследовательской работы, происходящей в Институте мирового хозяйства при Коммакадемии. Можно пожелать журналу самого широкого распространения.

И. Гериман.

Г. Сраговић

Библиография плановой литературы [1]

III. Планирование промышленности

10. Химическая промышленность

110. Белорусский государственный трест спичечной промышленности. Проект контрольных цифр пятилетнего плана развития государственной спичечной промышленности Белоруссии. Для обсуждения на рабочих собраниях. Минск. 1928. 28 стр.

111. Смирнов, Б. А. и Ушков, В. А. Перспективы производства уксусной кислоты и метанола. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. VIII.— Харьков. Укргосплан. 1929. 52 стр. (Труды Госплана УССР. Кн. 4).

11. Электрификация

112. СССР. Главное электротехническое управление. Бюро по сельской электрификации. Материалы к вопросу о перспективах развития сельской электрификации РСФСР на ближайшее пятилетие и основные показатели пятилетнего плана сельской электрификации СССР. Под общ. ред. С. А. Кукель-Краевского. Пособие для проектирования сельских установок. Руководящий материал для составления пятилетних планов развития сельской электрификации для губ. и окружн. плановых комиссий и других организаций. — М. Гостехиздат 1929. 94, (10) стр. с диагр. и картогр., (4) вклад. лист диагр. и табл. (Главэлектро ВСНХ СССР. Бюро по сельской электрификации. Сельэлектро).

113. СССР. Главное электротехническое управление. Материалы к пятилетнему плану электрификации Центрально-Промышленной Области (1927/28—1931/32гг.), разработанному главным электротехническим управлением (Главэлектро) ВСНХ СССР. Под ред. С. А. Кукель-Краевского, С. П. Стафрина и Б. А. Дормидонтова. С прил. 7 карт.— М. Гостехиздат 1928. 352, (1) стр. (Промышленно-Экономическая Библиотека. № 11—1).

114. СССР. Главное электро-Техническое управление. Карты Центрально-Промышленной Области (7 карт.). Приложение к материалам по пятилетнему плану электрификации ЦПО, разработанным главным электротехническим управлением под ред. С. А. Кукель-Краевского, С. П. Стафрина и Б. А. Дормидонтова — М, Гостехиздат 1928.

115. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Днепровская гидроэлектрическая станция и использование ее энергии. Материалы комиссии по разработке генерального плана потребителей Днепровской энергии при Президиуме ВСНХ СССР. — М. Гостехиздат 1929. 236 стр.+1 карта. На правах рукописи.

115а. СССР. Главное Управление электротехнической промышленности. Электроснабжение Московского района на ближайшее пятилетие (1923—1927 гг.). По материалам „Главэлектро“.— М. 1922. 16 стр. На правах рукописи.

IV. Планирование строительства

1. Волго-Донской канал

116. „Волга-Дон-Азовское море“. Водная магистраль. Оглавление проекта 1927 года Волга-Дон-Азовское море. — Ростов н/Д. Управл. строит. вод. магистрали „Волга Дон-Азовское море“. 1928. 26 стр. (Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское море“).

117. „Волга-Дон-Азовское море“. Водная магистраль“. Основные данные водной магистрали Волга-Дон-Азовское море. Изд. 2-ое.—Ростов н/Д. Управл. строит. водн. магистрали „Волга-Дон-Азовское море“. 1928. 17 стр. (Северо-Кавказский Исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское Море“).

118. Кульган, П. Е. Наивыгоднейшие типы и размеры судов с расчетом себестоимостей перевозок по Волго-Донскому водному пути. — Ростов н/Д. Управл. строит. водн. магистрали „Волга-Дон-Азовское море“. 1928. V, 186 стр. (Материалы к проекту Волго-Донской магистрали 1927 года. Под ред. А. С. Аксамитного. Вып. I). (Северо Кавказский Краевой исполнительный комитет. Строительство водной магистрали „Волга-Дон-Азовское море“).

119. РСФСР. Совет Народных Комиссаров. Комитет по сооружению Волго-Донской магистрали. Доклад Комитета по сооружению Волго-Донской магистрали при Совете Народных Комиссаров РСФСР М. 1929. 72 стр.

2. Проекты Гипромеза

120. Гос. Институт по проектированию новых металлозаводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект).—Л. Гос. Инст-т по проектир. Новых Металлозавод. 1929. 156 стр.+9 л. прил.

121. Гос. Институт по проектированию новых Металлозаводов. Криворожский металлургический завод. (проект).— Л. Гос. Инс-т по проектиров. новых металлозаводов. 1929. 423 (3) стр.+16 л. прил.

122. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове н/Дону.— Л.— Ростов н/Д. Сев.-Кав. Отд. Гипромеза в Ростове н/Д. 1927. 139, (2) стр.+1 л. прил. (СССР.— ВСНХ. Главное управление металлической промышленности. Государственный Институт по проектированию новых металлических заводов. Сев.-Кав. Отд. в Ростове н/Д).

123. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Тракторный завод имени Ф. Дзержинского в Сталинграде (проект).— Л. Гос. Инст-т по проектированию новых металлозаводов. 1928. 172, (4) стр.+ VI листов прилож.

124. Гос. институт по проектированию новых металлозаводов. Магнитогорский металлургический завод (проект).— Л. Гипромез. 1929. 727, (3) стр.+10 л. прил.

125. Михальцев, Е. В. и Морщихин, Н. А. Себестоимость перевозки Кузнецкого угля на магнитогорский металлургический завод.—М. Уралплан. 1929. 74 стр.

126. Уральская область. Плановая комиссия. Магнитогорский металлургический завод. Техно-экономический очерк. (Материалы к пятилетнему плану хозяйства Урала) — Свердловск. Уралплан. 1928. (4), 96 стр.+1 л. тбал.+3 карты.

3. Турксиб

127. Туркестано-Сибирская магистраль. 1. Рыскулов. „О строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги“. 2. В. Хронин. „Задачи Сибири в связи с строительством Туркестано-Сибирской магистрали“.—Новосибирск. 1928. 28 стр.

4. Капитальное строительство

128. Белорецкий металлургический завод. Пятилетний план капитального строительства по Белорецкому металлургическому заводу. На период 1928/29—1932/33 оп. г.— Белорецк. 1928. 57 стр. (ВСНХ. Белорецк. горнозаводский трест. Белорецк. металлургич. завод).

V. Планирование сельского и лесного хозяйства

1. Годовые планы

129. Вятская Губерния. Земельное Управление. Состояние сельского хозяйства Вятской губернии в на-

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ №№ 6, 7, 1929 г.

чале 1921—22 с.-х. года и план мероприятий по сельскому хозяйству на 1921—22 с.-х. год.—Вятка. Губземуправление. 1922. 80,11 стр.

129а. Минский округ. Земельный отдел. Вытворчы плян працы Менскага акруговага зямельнага аддзелу па сельскай гаспадарцы Менскай акругі на 1927—1928 г. Минск. Минский Окружной Земельный Отдел. 1928. 85, (3) стр.

130. Орловский округ. Плановая комиссия. Директивные указания Орловского Окрплана и Окрзу по составлению районных планов переустройства сельского хозяйства на 1928/29 год. — Орел. Орл. Окрплан. 1928. 18 стр. Без тит. листа. Описано по обложке.

130а. Пензенская губерния. Земельное управление. Обзор сельского хозяйства Пензенской губ. и основные направления его восстановления. Составлен группой специалистов под общей редакцией Губернского агронома Д. С. Магнусова. Часть 1 — Пенза. XV, 254, (I) стр.+ 62 вкл. л. диагр.

131. Полтавский округ. Земельный отдел. Оперативный план работ Полтавського окружного земельного відділу на 1926—27 р.—Полтава. Полтавск. Окр. Зем. Від. 1926. 106, (2) стр.

132. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Контрольные цифры сельского и лесного хозяйства на 1928/29 г. М. „Новая Деревня“. 1928. 273, (1) стр.+1 табл. (Труды Земплана. Под общ. ред. А. И. Муралова. Вып. XV). Оглашению не подлежит. На правах рукописи.

133. Украинская ССР. Народный Комиссариат земледелия. План заходів у сельскому господарстві на 1926/27 р.— Харків. „Радянський Селянин“. 1926.

См. также №№ 11, 210.

2. Перспективные планы

134. Всероссийское совещание земорганов, IV. Москва. 1929. Повестка дня. № 1.— М. „Новая Деревня“. 1929.

№ 1. Тезисы доклада т. Муралова, А. И. „Основные моменты по составлению пятилетнего перспективного плана развития сельского хозяйства“. 10 стр. На 1-м выпуске в надзаголовке: VI (?) всерос. совещание...

№ 2. Проект резолюции по докладу т. Квиринга „О поднятии урожайности“. 15 стр.

№ 3. Тезисы к докладу тт. Клименко, И. Е. и Каминского, Г. Н. „О задачах земорганов в области коллективизации и кооперирования крестьянского хозяйства“. 11 стр.

№ 4. Тезисы доклада т. Розит, Д. П. „Итоги и дальнейшая работа по землеустройству на пятилетие 1928/29—1932/33 гг.“. 24 стр.

№ 5. Тезисы доклада т. Козырева „О лесном хозяйстве“, 10 стр.

135. Жуйков, И. М. Об'ем мероприятий и капиталовложения в сельское хозяйство Сибири по пятилетнему плану. 1928/1929 — 1932/33 год. — Новосибирск. 1928. 23 стр. (Труды Сиб. Краев. Плановой Комиссии по перспективному планированию. Вып. II).

136. Заславский Э. О. Влияние минеральных удобрений на повышение урожайности сел.-хоз. культур. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. VI. — Харьков. Укргосплан. 1928. 118 стр. (Труды Госплана УССР).

137. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Плановая комиссия. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства 1928/29—1932/33 гг. Часть 10. Торфяное хозяйство.— М. „Новая Деревня“. 1929. 28 стр. (Труды Земплана. Под общ. ред. А. И. Муралова. Вып. XVI).

137а. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Основные положения по разработке плана восстановления и развития сельского хозяйства.—М. Ред. Изд. Комитет НКЗ. 1922. 16 стр. (Утверждено Коллегией Нар. Ком. Зем. 12 июня 1922 г. протокол № 179 п. 781).

Брошюра состоит из следующих разделов: I. Общее понятие плана. II. Генеральный или общий план восстановления и развития сельского хозяйства. Правила и порядок его составления. III. Текущий или годичный план восстановления и развития сельского хозяйства.

См. также № 211.

3. Строительство совхозов и колхозов

138. Всероссийское совещание директоров госсельтрестов и заведующих совхозами РСФСР. Москва. Тезисы доклада тов. В. Ф. Дмитриева на Всероссийском совещании госсельтрестов и заведующих совхозами РСФСР. „Состояние трестированных совхозов РСФСР и перспективы их развития“.— М. Б. г. 15 стр. Без тит. листа и обложки.

139. Колхозцентр. Совет. II. сессия 16—22 декабря 1928 г. Резолюции II-ой сессии Совета Всероссийского союза сел.-хоз. коллективов 16—22 декабря 1928 г.—М. Книгосоюз. 1929. 108 стр.

См. тезисы II сессии Совета Колхозцентра по докладу т. Петрова „Пятилетний план развертывания колхозного строительства РСФСР“ — стр. 27. „Основные показатели к пятилетнему плану колхозного строительства“ стр. 65.

140, 141. РСФСР. Народный Комиссариат Земледелия. Пути обществления сельского хозяйства.— М. „Новая Деревня“. 1928.

Вып. I. А. М. Маркевич. Доклад об опыте Украинского об'единения совхозов в деле обобществления крестьянских хозяйств. В. П. Селезнев. Содоклад о работе тракторных колонн в Одесском округе. 31 стр.

Вып. 2. К вопросу об организации новых совхозов (зерновых фабрик). Материалы совещания специалистов. 50 (1) стр.

4. Проблема поднятия урожайности

142. Квиринг, Эр. И. Вопросы урожайности. — М. „Новая Деревня“. 1929. 48 стр.

Книга содержит доклад на IV совещании земорганов о темпе повышения урожайности на ближайшее пятилетие и резолюцию, принятую по докладу.

143. Яковлев, Я. Борьба за урожай. Доклад на IV сессии Центрального Исполнительного комитета Союза ССР (о повышении урожайности на 35% к концу пятилетия).—М. Л. ГИЗ. 1929. 98, (2) стр.

Помещена также статья Яковлева, из „Правды“—„За удвоение урожайности в десятилетие“.

5. Опытное дело

144. РСФСР. Народный Комиссарат Земледелия. Сельскохозяйственное опытное дело Наркомзема РСФСР в программах и планах на 1927/28—1931/32 гг. Составил управляющий опытным отделом Н.К.З. С. К. Чаянов при участии: А. В. Чаянова, М. П. Устиновского, С. Н. Тумановского и др.—М. „Новая Деревня“. 1928. 1036, VI, II стр.

6. Мелиорация

144а. Бельков, И. Г. Перспективы развития мелиорации в Приднепровье. Предисл. И. Г. Александрова. — М. 1928. 90 стр.+15 вклад. лист. (ВСНХ СССР. Госуд. Днепровск. строительство. Материалы по проекту И. Г. Александрова. Вып. V).

7. Животноводство

145. Жуйков, И. М. и Никитин, А. В. Мероприятия по расширению кормовой базы Сибкрая на ближайшее пятилетие. Характеристика кормообеспеченности и план мероприятий по расширению кормовой базы скотоводства. По материалам доклада Край ЗУ в Крайисполкоме. — Новосибирск. 1928. 50 стр. (Сибирское краевое земельн. управление).

146. Татарская АССР. Народный Комиссариат Земледелия. Животноводство Татреспублики и мероприятия по его развитию. (Материалы к докладу Наркомзема на V сессии Тат. Центр. Исполн. Ком-та VII созыва). Предисл. Н. Петрова. — Казань. 1928. 55 стр.

8. Плодоводство

147. Шитт, П. Г. „Экономические основы и перспективы развития плодоводства в СССР“.— М. „Новый Агроном“. 1928. 223, (3) стр. (Труды Плодовой опытной станции сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Вып. I).

VI. Планирование кооперации

148. РСФСР. Государственная плановая комиссия. Инструкционные указания о порядке составления ориентировочного плана о кооперации на 1925/26 г.— М. Госплан РСФСР. 1925. (1), 26 стр.

1. Потребительская кооперация

149. Белорусский союз кооперативных об'единений. Контрольные цифры потребкооперации БССР на 1928/29 г.—Минск. Белкоопсоюз. 1928. 134, (2) стр.

150. Богородско-Глуховский центральный рабочий кооператив. Обзор деятельности Богородско-Глуховского центрального рабочего кооператива за 1927/28 хоз. год и перспективы работы на 1928/29 г. — Богородск. (Б. г.) 42 стр. +2 вклад. листа табл. Без тит. листа. Описано по обложке.

151. Любимов, И. Е. Два года работы потребительской кооперации. (1925/26 и 1926/27 гг.).— М. Центросоюз 1929. 127 стр.

Докладчик касается также вопроса планирования потребительской кооперации.

152. Северо-Кавказский краевой союз потребительских обществ. Ростов на Дону. Контрольные цифры по Севкавкрайсоюзу и сельской сети потребобществ на 1928/29 г.— Ростов н/Д. Севкавкрайсоюз. 1928. 19 стр. (Материалы о потребительской кооперации Севкавказ. края. Вып. 15). К 11 собранию уполномоченных Крайсоюза (7 июля 1928 г.).

2. Промысловая кооперация

153. Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков (Всекопромрыбаксоюз). Отчет Всекопромрыбаксоюза за 1927 г. и 1 половину 1928 г.— М. Всекопромрыбаксоюз. 1928. 90 стр.

Из содержания: Показатели пятилетнего плана развития рыбацкой кооперации (1928—1932 гг.)—79—84 стр. Контрольные цифры рыбацкой кооперации на 1929 г.— 85—89 стр.

154. Юдин, И. С. Как вести плановую работу в охоткооперации. 2 испр. и дополн. изд.— М. Всекохотсоюз. 1929. 40 стр.

3. Сельскохозяйственная кооперация.

155. Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов. „Укрколгосп". Поради до складання виробничого плану с.-г. коллективу. Додаток до зразковоі форм виробничого плану для с.-г. комун та новних артілей. Форма А.—(Харків). „Книгоспілка". (1927 г.). 36 стр.

156. Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов „Укрколгосп". Поради для складання плана с.-г. коллективу. Додаток до зразковоі форми виробничого плана для товариств спільного обрабітку землі й нормальних артілей. Форма Б.—(Харків). „Книгоспілка". (1927 г.). 32 стр.

157. Рязанская губерния. Плановая комиссия. Материалы к плану сельскохозяйственного кооперирования. Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации в Рязанской губернии в 1927/28 г.— Рязань. 1929. 101, (1) стр.

158. Самосюк, Ф. О. Краткое руководство по составлению производственных планов коммун и артелей. Составлено Ф. О. Самосюком.— М. Книгосоюз. (Б. г.). 40 стр. (Всерос. союз сел.-хоз. коллективов „Колхозцентр").

159. Семеноводсоюз. Материалы собрания учредителей Всероссийского Семеноводческого Союза Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз". 20—23 февраля 1928 г.— М. 1928. 92 стр. (Всероссийский Семеноводческий Союз Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз").

См. доклад И. К. Сафонова о плане работ Семеноводсоюза на 1927/28 г.

160. Семеноводсоюз. Материалы 1 сессии Совета „Семеноводсоюза". 28—30 мая 1928 г. М. Книгосоюз. 1928. 48 стр. (Всероссийский Семеноводческий Союз Сельскохозяйственной Кооперации „Семеноводсоюз").

См. доклад И. К. Сафонова „О контрольных цифрах оперативного плана Семеноводсоюза на 1928/29 г.".

161. Центральный яично-птичный союз сельскохозяйственной кооперации. Краткий обзор деятельности Птицеводсоюза за 1926—28 гг. и перспективы развития птицеводческой отрасли сельского хозяйства.—М. Журн. „Птицеводство". 1929. 130 стр. (Центр. яично-птичный союз сел.-хоз. кооп-ции „Птицеводсоюз"). На обл. загл.: „Птицеводсоюз за три года деятельности 1926—1927—1928 гг.".

162. Яковлев, А. На путях производственного кооперирования (основы пятилетнего плана развития с.-х. кооперации). 2 изд., исправл. и дополн.— М. Книгосоюз. 1929. 48 стр.

См. также №№ 204—206.

VII. Планирование транспорта

163. Волжское государственное речное пароходство. Правление. Контрольные цифры перспективного пятилетнего плана Волжского государственного речного пароходства на 1928/1932 г.— Нижний-Новгород. 1928. II, (1), 290 стр.

164. Главацкий, А. А. и Бурундуковский, Л. И. Проблема железнодорожных выходов из Донбасса. Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. X Харьков. Укргосплан. 1929. 84 стр. (Труды Госплана УССР).

165. Ленинградский торговый порт. Перспективный план развития порта на 1928—1940 гг.— Л. 1927 г. (6), VII, 182 стр. + 23 л. прилож. Не подлежит оглашению.

166. Полуян, Д. Водный транспорт и его перспективы. Доклад на III пленуме ЦК Водников. Приложения: 1. Резолюция ЦК Водников. II. Диаграммы.— М. Транспечать НКПС. 1927. 52 стр.

167. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Плановая комиссия по транспорту. Перспективный план морского транспорта (Совторгфлот и Каспар) на пятилетие 1927—1931 гг.— М. Транспечать НКПС. (Б. г.) 95 стр. Не подлежит оглашению.

168. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Центральное плановое управление. Пятилетний перспективный план местного транспорта (на 1928/29—1932/33 гг.)— Б. м. и г. 113 стр. + прилож. На правах рукописи. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

169. СССР. Народный комиссариат путей сообщения. Центральное плановое управление. Пятилетний перспективный план морского транспорта (на 1928/29—1932/33 гг.).— Б. м. и г. 143 стр. + 1 табл. + 3 стр. прилож. На правах рукописи. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

См. также №№ 94, 116—119, 120, 125, 127.

VIII. Планирование народной связи

170. СССР. Народный комиссариат почт и телеграфов. Контрольные цифры хозяйства связи на 1928/29 б. г.— М. НКПТ. 1928 г. 96 стр.

171. СССР. Народный комиссариат почт и телеграфов. Контрольные цифры перспективного плана хозяйства связи на 1928/29—1932/33 гг. Редактировал К. В. Трофимов.— М. НКПТ. 1928. XII, 211 стр. с диагр. + 5 стр. „Для заметок". В переплете-папке.

IX. Планирование торговли

1. Внутренняя торговля

172. Всесоюзный металлургический синдикат. Об'яснительная и методологическая записки к районированию металлосбыта и планированию перевозок синдицированной продукции. 1926/27 г. Приложение к районированию металлосбыта ВМС. 1926/27 г.— Б. м. и г., 16 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

173. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Листмет. 1926/27—1927/28 гг. Б. м. и г. (2), 250, 161, 2 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

174. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Масмет. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. (2), 90, 71 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

175. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Метиз. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. (2), 225, 167 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

176. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Сортмет. 1926/27—1927/28 гг. Б. м. и г. (2), 495, 336, 2 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

177. Всесоюзный металлургический синдикат. Районирование металлосбыта. Директорат Трубмет. 1926/27—1927/28 гг.— Б. м. и г. Разд. паг. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

178. Всесоюзный металлургический синдикат. Сбыт металлов и его организация в 1926/27 г. Всесоюзный металлургический Синдикат (ВМС), Всесоюзный Машинотехнический Синдикат (ВМТС), Акц. О-во „Металлосклад". (Под общ. ред. А. В. Озерского и Г. А. Спектора).— М. Металлоконвенция. 1928 г. 340 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

179. Кульвановский, Л. Б. и Беркаш, В. С. Элеваторное хозяйство и его перспективы. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Вып. I. Харьков. Укргосплан. 1928. 142, (2) стр. (Труды Госплана УССР).

180. Николин, А. О внутренней торговле.— М.-Л. ГИЗ. 1928 г. 238, (2) стр.

Популярная книга, рассчитанная для руководителей школ политграмоты, самообразования и т. п. Книга содержит небольшую главу „Товарооборот в пятилетнем плане" стр. 234—239.

181. Нуринов, А. и Каненгисер, М. Организация хлебозаготовок на Украйне. (Итоги 1927/28 г. и перспективы 1928/29 г.). Материалы для парт. и профактива и низовых хлебозаготовительных работников.— (Харьков). „Пролетарий". 1929 г. 48 стр.

182. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Довідник по організації хлібозаготовчої кампанії на Україні в 1928/29 році.— Харьков. Наркомторг УССР. 1928/29 г. 100, (2) стр.

183. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Практика регулирования частной торговли на рынке промышленных товаров.— Харьков. 1928. 72 стр.

184. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Руководство по организации заготовок и сбыта сельскохозяйственного сырья и продуктов. Составлено под ред. И. А. Вильнита. Пред. А. Нуринова.— Харьков. (Наркомторг УССР). 1928. (8), 608 стр.

185. Украинская ССР. Народный комиссариат торговли. Яичный рынок и его регулирование. Составлено отд. регулирования сел.-хоз. сырья и продуктов. Под ред. и предисл. А. И. Плыга.— Харьков. (Наркомторг). 1928. 116,2 стр. (Б-ка по вопросам рынков сел.-хоз. сырья и продуктов. Вып. 1).

186. Чернов, М. А. Хлебный рынок и его регулирование. Курс лекций, читанных на хлебных курсах при Наркомторге УССР.— Харьков. „Пролетарий". 1928. 144 стр.

См. также № 8.

2. Внешняя торговля

187. Внешняя торговля Союза ССР за X лет. Сборник материалов под ред. Д. И. Кутузова.—М. Наркомторг СССР и РСФСР. 1928. 348 стр.

См. гл. „Плановое начало во внешней торговле". Стр. 156.

188. Энциклопедия советского импорта. В 12 томах. Под ред. Ю. В. Гольдштейна, А. Н. Долгова, Ш. М. Двойлацкого и др. М. Наркомторг СССР и РСФСР. 1929. Т. I. Общие проблемы импорта. 1929. XXXII. 216, 60 стр.

См. гл. Перспективы импорта СССР (на пятилетие 1927/28—1931/32 гг.) в связи с развитием его народного хозяйства.

См. также № 8.

X. Планирование труда

189. Борц, В. и Умблия, В. Рабочая сила на железнодорожном транспорте.—М. Транспечать НКПС. 1929. 160, (1) стр.

См. гл. IV. „Планирование труда". В этой главе разбираются следующие вопросы: методология, контрольные цифры на 1928/29 г., ориентировочное построение на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. и вопрос о семичасовом рабочем дне.

190. Демьяненко, А. А. Подготовка кадров рабочих на пятилетие в каменноугольной промышленности Донбасса. С предисл. Г. И. Ломова.—Харьков. Донуголь. 1928. 64 стр.

191. СССР. Народный Комиссариат труда. Плановое бюро. Контрольные цифры по труду на 1928/29 г.—М. Вопросы Труда. 1929. 84 стр.

192. Толстопятов, И. А. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР.—М. Вопросы Труда. 1929. 66, (1) стр.

В основу брошюры положены доклады о контрольных цифрах по труду, прочитанные на заседаниях Президиума ВЦСПС, Госплана и на совещании тарифных работников органов НКТ. 1 XI. 28. „Перспективы труда" касаются 1928/29 г. и пятилетия 1928/29—1932/33 гг.

193. Украинская ССР. Народный Комиссариат труда. В процессе индустриализации. (К IV Всеукраинскому С'езду Профсоюзов). Составлено Коллегией НКТ УССР. Под ред. К. М. Гулого. — (Харьков) ГКТ УССР. 128 стр.

В первой главе настоящего отчета характеризуется значение НКТ при планировании народного хозяйства и в частности при составлении пятилетнего плана.

194. Шатан, Е. О. Проблема безработицы на Украине. Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. IX.— Харьков. Госплан УССР. (Труды Госплана УССР). 1929 144 стр.

XI. Планирование народного образования и социально-культурного строительства

195. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Главсоцвос Вопросы всеобщего обучения. — М.-Л. ГИЗ. Вып. IV (седьмой). Под ред. М. С. Эпштейна и П. Н. Григорьева 1029 (203 (2) стр.

196. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Организационно-плановое управление. Плановый отдел. Вопросы методологии планирования просветительной работы. Вып. II. Под ред. и с предисл. В. Н. Касаткина.— М. Наркомпрос. РСФСР—ГИЗ. 1928. 192, (1) стр.+1 вкл. лист схем.

197. Скрыпник, Н. А. Состояние и перспективы проведения всеобщего начального обучения в УССР. Перевод с укр. — (Харьков). ГИЗ. Украины. 1928 36 стр.

198. Скрыпник, Н. Станта перспективи загального початкового навчания в УССР.—(Харьков). Держ. вид-во Україні. 1928, 32 стр.

199. Шохер, М. С. Подготовка кадров промышленности („Интегральная система") с предисл. И. А. Краваля. — М. Гостехиздат. 1929, 46 стр .(Инженерно-Промышленная Библиотека. Б. Серия 5. № XIII—12).

„Интегральная система" тов. Шохера имеет в виду новую педагогическую систему, ставящую целью на основании органической повседневной связи ВТУЗ'а с производством, на основе систематического сочетания теории с практикой, разрешить вопрос о подготовке инженеров в кратчайший срок (не более 4 лет), при рациональном использовании учебно-производственного времени, предусматривая начало специализации с первого года". (Из предисл. И А. Краваля).

XII. Планирование финансов

200. Карманная книжка финработника на 1929 г. Год издания третий.—Л. Гос. Фин. Изд. СССР. Ленингр. Обл. Отд. 1929, 400 стр.

См. главу „Финорганы и пятилетний план", стр. 336—341.

201. Шмидт, А. К., Богорад, Д. И., Поляков, П. Г., Шафир, М. И. Единый финансовый план. (Методология и схема построения). Материалы к построению пятилетнего и генерального планов. Вып. IV.—Харьков. Укргосплан. 1928, 40, (2) стр. (Труды Госплана УССР).

1. Планирование бюджета

202. Всесоюзная коммунистическая партия. Елецкий Окружной Комитет. Пленум. 1928. Контрольные цифры бюджета на 1928/29 г. (и др. материалы). — (Б. м. 1928). 24 стр. Без тит. листа и обложки.

203. Малаховский, Е. Я. Контрольные цифры бюджета ЦЧО на 1928/29 г. — Воронеж. 1928. 20 стр. (Оттиск статьи, напечатанной в № 1 журн. „Хозяйство ЦЧО").

2. Планирование кредита

204. Николаевский сельскохозяйственный банк. Річний відчит Миколаївського сельбанку за 1926/27 рік. З додатком фінансово-кредитового плану на 1927/28 рік. (1 рік работи). — Николаев. Сельбанк. 1928. 44 стр. (Миколаів. акційне т-во с./г. кредиту Миколаів сельбанк).

205. Полтавское товарищество сельскохозяйственного кредита „сельбанк". Звіт Полтавського сельбанку за 1926/27 операційний рік та перспективний план работи на 1927/28 рік.— Полтава. Сельбанк. 1928. 68, (2) стр.

206. Сибирский краевой союз союзов сельскохозяйственной кооперации. Новосибирск. Как составить годовой оперативно-финансовый план в сельскохозяйственном кредитном товариществе. Краткие методические и инструктивные указания для правл. и счетоводов с.-х. кредитных т-в. — Новосибирск. Сиб. Союз Союзов с.-х. кооперации. 1928. 36 стр.

206 а. Фридман, С. Л. Проблема сбережений. — М.-Л. „Московский Рабочий". 1928 г., 156 (1) стр.

См. гл. V — Перспективы накопления сбережений,— в которой говорится о мобилизации сбережений и пятилетнем плане народного хозяйства.

XIII. Планирование местного хозяйства

207. Бакинский совет. Плановая комиссия. Хозяйственное и социально-культурное строительство Бакинского Совета в 1928/29—1932/33 гг. Первый вариант пятилетнего плана. — Баку. Баксовет 1929. (2), XIV, 311, (2) стр.

208. Уманский городской совет. Перспективы розвитку міського господарства м. Умані на п'ятиріччя (1926/27—1930/31). — (Умань). Уманська міськрада. 1928. 20 стр.

XIV. Планирование снабжения

209. Горецкий, К. Система снабжения РККА в мирное время. — М.-Л. ГИЗ. Отд. Воен. Лит-ры. 1929. 195 стр.

Автор разбирает вопрос о методологии планирования дела снабжения РККА.

210. „Сельхозснабжение", Акц. Общ. Москва. О сел.-хоз. машиноснабжении на 1928/29 г. (Важнейшие правительственные распоряжения). — М. 1928. 32 стр.

XV. Планирование научной работы.

211. Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур. Ленинград. Перспективный план работ Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур на пятилетие 1927/28 — 1931/32 гг. — Л. (Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур). 1928. 215 стр. Перед загл. „Проект".

212. Зеленин, Д. К. Перспективный план работ по изучению генетики культуры. — Л. 1928. 257 — 266 стр. (Краеведение. Периодич. орган Центр. Бюро Краеведения. № 5, 1928 г.). Отдельный оттиск из журн. „Краеведение" № 5. 1928 г. Без тит. листа и обложки.

213. Институт промышленных изысканий. Архангельск. Четыре года работы Института и его дальнейшие перспективы. Отчет за 1924/25 — 1927/28 гг. и план работ на 1928/29 — 1932/33 гг. — Архангельск. 1928. 66 стр. (Материалы Инст-та промышл. изысканий при Архангельск. Губ. Ком-те. Вып. VI. Очерк составлен С. Ф. Иевлевым).

214. СССР. Народный Комиссариат Путей Сообщения. Научно-технический комитет. Ориентировочная производственная программа на 1928/29 б. г.— М. 1928. 37 стр. Без тит. листа. Описано по обложке. (Напечатано на пишущей машинке и стеклографировано).

215. СССР. Народный Комиссариат Путей Сообщения. Научно-технический комитет. Производственная программа НТК на 1928/29 год. Одобрена Советом НТК в заседании от 8/XII — 28 г. по журналу № 65.—Б. м. и г. (1), 65 стр. (Напечатано на машинке и стеклографировано).

XVI. Баланс народного хозяйства

216. Мышкис, В. С. Баланс народного хозяйства Украины за 1925/26 г. — Харьков. ЦСУ. 1928. X. 64 стр. с диагр. (Центральное Статистическое Управление УССР. Материалы по балансу народного хозяйства Украины. Вып. II).

XVII. Библиография

217. Деборин, Г., Срагович, Г., Чернин, М. Теория и практика планирования народного хозяйства СССР. 1917—1927 и первое полугодие 1928 г. Библиография. Под ред. и с предисл. А. С. Мендельсона. — М.-Л. ГИЗ. 1929. 244 стр. (Институт Народного Хозяйства имени Г. В. Плеханова. Экономический Факультет. Кабинет Планирования).

218. РСФСР. Государственная Плановая Комиссия. Перспективный план народного хозяйства и культурного строитель-

ства СССР. Библиографический указатель. — М. Ред. Изд. Отд. Госплана РСФСР. 1928. 56 стр.

Районный указатель

(Алфавитный)

I. РСФСР.

РСФСР в целом.

132, 134, 137, 137а, 138, 139, 140, 141, 144а, 148, 153, 159, 160, 161, 195, 196.

РСФСР местные.

Архангельск 31, 213.
Брянск 32.
Владивосток 33, 87.
Вологда 34, 49.
Вятско-Ветлужский Край 56, 129д.
Дагестан 51.
Дальневосточный край 36.
Крым 57.
Кубань 37.
Ленинград 90, 165.
Москва 115, 150.
Орел 130.
Пенза 37а, 130а.
Рязань 157.
Самара 38.
Северный Кавказ 116, 117, 118, 119, 22, 152.
Сибирский Край 59, 60, 61, 78, 89, 135, 145, 206.
Средне-Волжская обл. 39.
Сталинград 123.
Сызрань 62.
Татарская республика 35, 52, 146.
Тверь 63.
Урал 95, 98, 99, 100, 120, 124, 125, 126.
ЦПО 113, 114.
ЦЧО 43, 203.
Чувашская республика 21.

II. УССР.

УССР в целом.

16, 24, 40, 66, 67—73, 83, 84, 111, 115 121, 133, 136, 144, 155, 156, 179, 181—186, 193, 194, 197, 198, 201, 216.

УССР местные.

Донбасс 109, 164, 190.
Киев 53.
Николаев 204.
Полтава 131, 205.
Умань 41, 42, 55, 208.
Харьков 104.
Чернигов 75, 76.

III. БССР.

БССР в целом.

7, 18, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 86, 96, 110, 149.

БССР местные.

Минск 129.
Могилев 58.

IV. ЗСФСР.

Азербайджанская ССР 81, 85, 103.
Баку 207.
Грузия 108.

V. ТуркСР.

64, 65.

Л. Е. Минц

Использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве

Если до последнего времени уделялось много внимания вопросам городского рынка труда и проблеме использования резервов, образующихся на городском рынке труда, то вопросу изучения размеров резерва в сельском хозяйстве уделялось внимание постольку, поскольку это оказывало воздействие на образование городских резервов. Проблема аграрного перенаселения в последнее время изучалась и исследовалась главным образом как источник образования безработицы. В настоящее время это огромное, экономического порядка, явление приобретает самостоятельное значение в виду перспектив развития самого сельского хозяйства.

Ближайшая перспектива развития крупных зерновых фабрик, колхозного движения и общего роста всего сельского хозяйства не может не поставить перед нами проблемы регулирования сельскохозяйственного рынка труда. До сих пор, обычно, существовавшее представление таково, что организация сельскохозяйственного рынка труда не требуется, а главная задача состоит в том, чтобы регулировать стихийное движение сельского населения на заработки в город, в целях предотвращения образования безработицы в городах. Уже сайчас мы имеем серьезное положение со снабжением крупных сельскохозяйственных единиц рабочей силой, а это ведь первый год развития наших гигантов.

Если учесть расширенный вариант пятилетнего плана в части развития обобществленного сектора сельского хозяйства, то с совершенной ясностью встает перед нами проблема подготовки кадров для нужд сельского хозяйства.

Изжитие унаследованного нами аграрного перенаселения пойдет, главным образом, за счет реконструкции самого сельского хозяйства. Рост потребности в рабочей силе в сельском хозяйстве, особенно квалифицированной, на ряду с ростом всего наемного труда и рост доходности, особенно бедняцкой части сельскохозяйственного населения, должны являться теми мероприятиями которые послужат изжитию аграрного перенаселения. Общее представление о значительных размерах аграрного перенаселения еще не дает ясного предствления с чем мы имеем дело, а главное не дает представления о необходимости тех или иных мероприятий в области регулирования этого сложного явления. Мы уже в прошлой работе[1] дали анализ сезонных колебаний в затратах труда сельского населения, на что до сих пор не обращалось должного внимания. Если вообще в сельском хозяйстве имеются огромные резервы неиспользованного труда, то в период полевых работ, мы имеем в ряде районов недостаток рабочих рук. Реконструкция всего сельского хозяйства, а не только полеводства, должна привести к более рациональному распределению затрат труда, в направлении большего использования труда в зимний период, что должно благотворно сказаться на общем использовании имеющихся

[1] См. статью автора в „Плановом Хозяйстве“ № 1 за 1927 г. и спец. работу „Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР“, изд. ГИЗ.

запасов труда и на увеличении доходности, особенно бедняцкой части сельского населения. Кроме того, одной из серьезных задач, является снабжение рабочей силой в летний период тех сельскохозяйственных раойнов, в которых ощущается нужда, за счет районов, имеющих избыток рабочей силы. Нужда в квалифицированных рабочих для сельского хозяйства из года в год сильно вырастает, и возможность использования свободных резервов самого сельского хозяйства, дававшего и в довоенный период огромные кадры в отход, на сельскохозяйственные работы, должна быть использована.

Материалы, приведенные нами в прошлой работе по изучению использования труда в сельском хозяйстве, где мы указали, в основном, примененный нами метод исследования и характеристику сезонных колебаний и сделанный нами ряд методологических замечаний, остаются в силе и для публикуемых в настоящей работе материалов. Надо только дополнительно иметь в виду следующее: если в бюджетах 1924/25 г. все расчеты по балансу труда велись в днях, то в 1925/26 г. эти расчеты ведутся в часах. Мы тогда указали, что считаем необходимым, в целях возможности использования материалов, вести учет в днях и часах, так как в разрозненном виде использование этих данных чрезвычайно затруднено. Приходится прибегать ко всякого рода исчислениям для того, чтобы получить представление о нагрузке работой (продолжительность рабочего дня) в разные периоды года разными видами работ и самое получение остатка неиспользованного времени является условным при отсутствии данных в балансе о расходах в днях и часах.

Построенный нами баланс труда дает возможность выявить, как складывается у нас в крестьянском хозяйстве запас рабочего времени, расход и остаток неиспользованного времени. Для того, чтобы построить этот баланс, мы учет времени, израсходованного крестьянским населением, приводимый в бюджетах в часах, переводим в дни путем применения средней нормы продолжительности рабочего дня (по данным бюджетов) в 10,5 ч. по РСФСР и 10 ч. по БССР. Эта средняя норма получена в бюджетах как средне-арифметический из 4 сезонов, а продолжительность рабочего дня в последнем сезоне берется как максимальная затрата в 1 день на основной сель-хоз. работе.

Данные бюджетов, говорящие о средней продолжительности рабочего дня в течение года для лиц обоего пола, не дают возможности построить сезонный баланс труда и не дают возможности правильно построить баланс отдельно для мужчин и женщин. Если сезонный баланс труда, построенный нами для 1924/25 г., по существу мало изменился то применение одинаковой продолжительности рабочего дня для мужчин и женщин имеет много неудобств и не дает правильного представления об остатке, так как дневная нагрузка у женщин выше чем у мужчин (см. работу С. Г. Струмилина «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922/23 г.).

Применяя одинаковую продолжительность рабочего дня у мужчины и женщины, мы для ряда районов получаем, что женщинами израсходовано больше времени, чем имеется в запасе; это указывает на то, что женщины имеют неодинаковую продолжительность рабочего дня с мужчиной и что она в среднем выше, чем принятая нами. Надо иметь в виду, что в продолжительность рабочего дня входят и работы по домашнему хозяйству.

В виду невозможности диференцировать продолжительность рабочего дня по полу и возрасту, приходится пользоваться средней, что, конечно, сказывается на итогах баланса.

Данные бюджетов (в количестве 2.744 бюджетов) переведены нами на все сельское население, приняв данные переписи 1926 г. В расход нами включено и время, связанное с прогулами, праздниками и болезнями в тех же нормах, как и в 1924/25 г. В общем, остаток неиспользованных работников нами получен в 7,8 млн. чел., из них 5 млн. мужчин и 2,8 млн. женщин. Наибольшее количество мы имеем в ЦЧО, Средне-Волжском и Правобережной УССР (см. таблицу 1 на стр. 306).

Надо отметить, что в остатке неиспользованных работников женщины составляют около 31%, что об'ясняется тем, что в запасе взрослые женщины составляют 45%, а в расходе, благодаря занятию домашним хозяйством, взрослые женщины составляют до 50%. В пределах разных районов мы имеем разные соотношения, доходя до равного распределения остатка по полу. Для того, чтобы дать представление о распределении затрат по сезонам, мы приводим в таблице 2 затраты времени по месяцам, по главнейшим районам и для большей наглядности даем диаграмму 1, где приводим затраты труда по месяцам в процентах к общим затратам.

Как и по данным обследования 1924/25 г., максимальные затраты труда приходятся на июнь — сентябрь, максимум мы имеем в августе, дающем 12% всех затрат; остальные месяцы дают колебания от 6,5%—8%. Если такое распределение сезонности в затратах труда характерно для СССР и РСФСР, то для УССР мы имеем некоторое отступление в смысле большей загрузки работой, по сравнению с вышеприведенными данными, в период апрель—июнь, особенно в правобережной УССР, которая дает более плавное нарастание затрат труда в период апрель-сентябрь и более низкий уровень в зимние месяцы.

По Туркменской ССР мы имеем тоже нарастающую кривую до июня, затем некоторое снижение к августу и скачек к сентябрю—октябрю и дальше, снижение к зимним месяцам. В общем, надо отметить, что если еще имеется некоторое различие в затратах труда между районами в весенние месяцы, то очень однообразна картина, рисующая резкое снижение затрат в зимние месяцы. Если от данных абсолютных затрат по месяцам перейти к рассмотрению продолжительности рабочего месяца на одного работника (см. таблицу 3 и диаграмму 2), то получим, что в августе каждый работник затрачивает 265 час. а в феврале он тратит только 157 час., как видно, разница солидная. Если соответственно рассчитать продолжительность рабочего дня, то будем иметь, что в напряженный период полевых работ мы имеем в крестьянском хозяйстве почти 12-час. рабочий день, а в зимние месяцы 6,5—7,5 час. (см. таблицу 4 на стр. 312).

Все эти расчеты показывают, что в крестьянском хозяйстве напряженность работы не равномерно распределяется по сезонам: с одной стороны, напряженная работа в течение нескольких летних месяцев и с другой стороны недостаточная нагрузка зимою. Конечно, это не означает, что полученные нами данные отражают действительную нагрузку всего сельского населения. Это только средние величины, они означают что часть работников может быть и зимою нагружена полностью (особенно остающиеся в хозяйстве женщины), а часть совершенно свободна и ищет работы на стороне или не имеет никакой работы.

Путем механизации работ в сельском хозяйстве мы можем срезать летние пики (см. диаграммы № 1 и 2) требующие слишком большого напряжения и путем использования двигательной силы и других мероприятий расширить такие отрасли хозяйства, которые заняли бы крестьянское население зимою и повысили бы общую доходность крестьянского населения. главным образом, батрацкой и бедняцкой части. Расширение зимних работ в области строительства, лесозаготовок и ряд других создают тоже дополнительный источник для занятий крестьянского населения. Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть важность сезонной проблемы для крестьянского хозяйства, которая должна быть учтена во всех наших перспективных планах.

Основная часть затрат времени падает на работы в сельском хозяйстве—48% всех затрат, при чем на полеводство уходит 20%, на сенокос—3,2% и животноводство — до 22% (см. таблицу 5 на стр. 313).

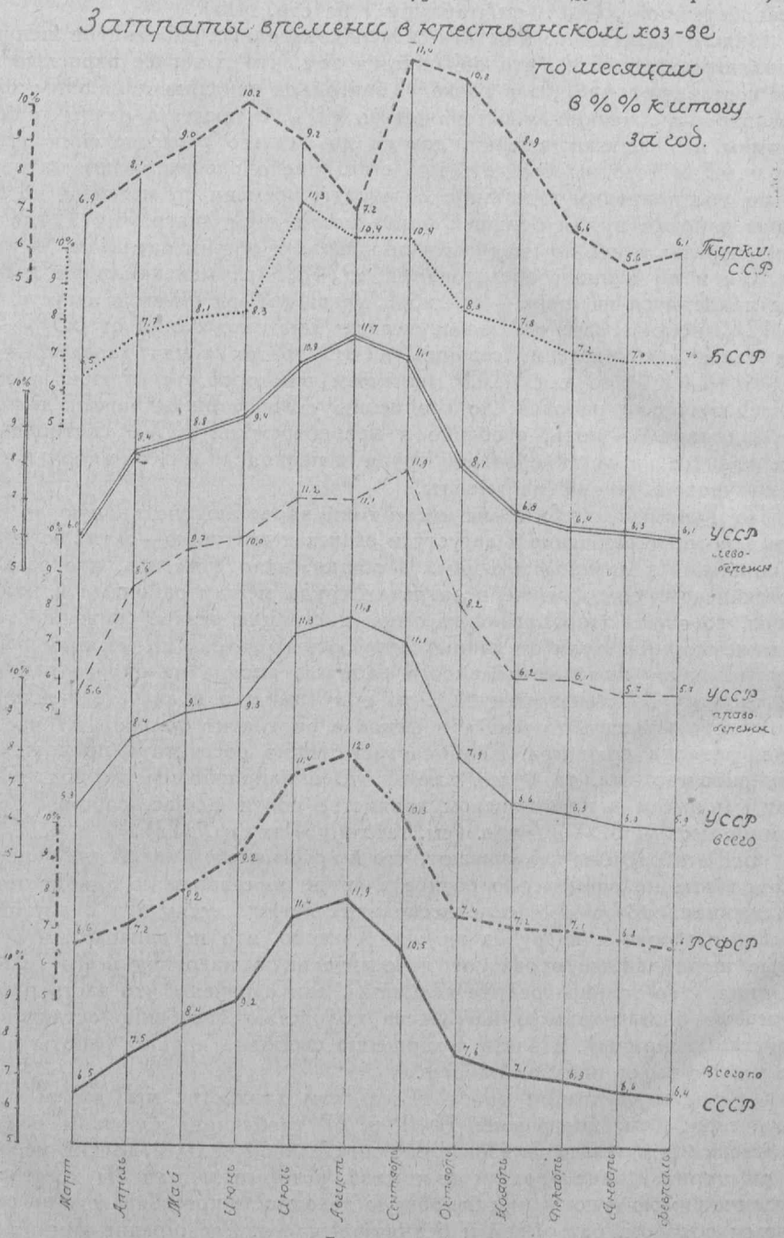


Диаграмма 1

Работы вне своего сельского хозяйства составляют 12,8%, из них работа по найму — 4,4% (по РСФСР — 5%. УССР — 3,1%), при чем на фабриках и заводах — 2% и служба в учреждениях — 2,4%: поденная и сдельная работа в чужом сельском хозяйстве—1,4% и работа со своими инвентарем или скотом — 1,3%. Последние виды работ имеют большую долю затрат по УССР. Прочие самостоятельные промысла составляют 4,6% всех затрат, из них 1,9% составляет извоз. Ремесленное и кустарное производства составляют 0,9% и торговля — 0,1%.

На основании данных, полученных из бюджетов, мы можем получить нормы затрат труда по разным культурам и работам в часах по районам (см. таблицу 6 на стр. 314). Приведенные материалы дают возмож-

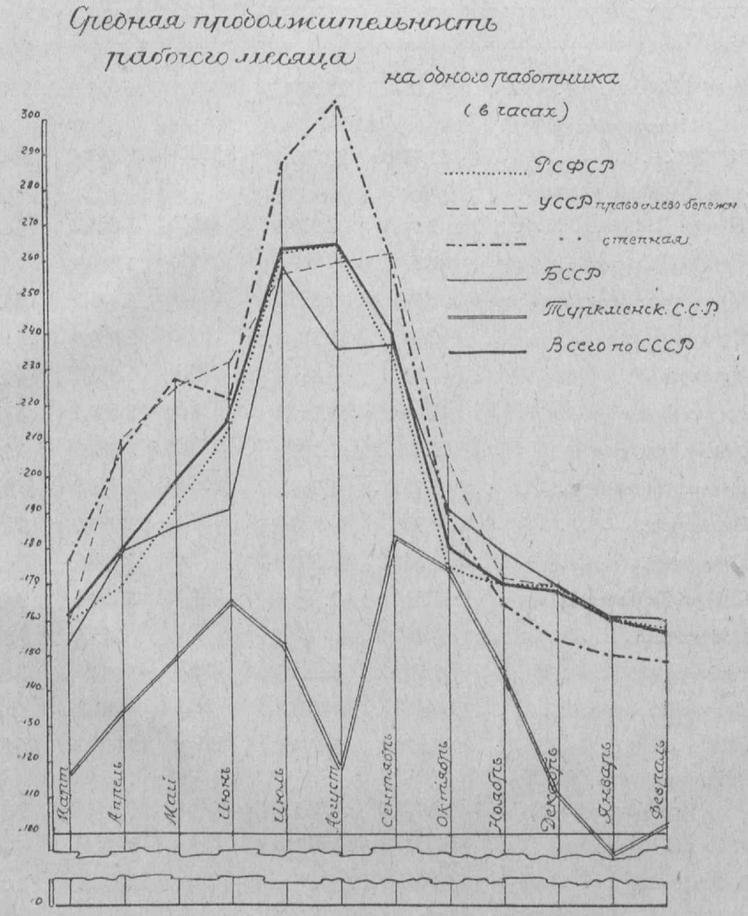


Диаграмма 2

ность не только анализировать состояние использования рабочего времени в крестьянском хозяйстве, но и учитывая все намечающиеся изменения в сельском хозяйстве и во всем народном хозяйстве, осветить перспективы использования труда в крестьянском хозяйстве, что сделано в пятилетнем плане (см. С. Г. Струмилин. «Социальные проблемы пятилетки» изд. «Плановое Хозяйство» 1929 г.).

При перспективном планировании в этой части должны быть в дальнейшем учтены сезонные колебания в затратах труда и намечены соответствующие мероприятия.

Баланс рабочего времени в крестьянском хозяйстве по полу и возрасту[1] (по данным бюджетного обследования 1925/26 г.)

Таблица 1

Наименование районов	В тысячах работников в переводе на взрослого мужчину									
	Запас рабочего времени									
	Членов семьи				Постоянных рабо наемных чих		Поденных рабочих				Всего			
	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Всего по СССР	31.863,2	29.599,4	4.617,3	66.079,9	577,5	571,5	35,2	1.184,2	807,4	813,7	42,3	1.663,4	33.248,1	30.984,6	4.694,8	68.927,5
В том числе:																
По РСФСР	21.779,6	20.625,5	3.192,3	45.597,4	254,6	264,2	11,4	530,2	483,5	505,6	21,5	1.010,6	22.517,7	21.395,3	3.225,2	47.138,2
По районам РСФСР:																
1. Центр.-Черноозем.	2.541,4	2.379,6	403,2	5.324,2	14,0	15,9	0,6	30,5	33,9	38,5	1,4	73,8	2.589,3	2.434,0	405,2	5.428,5
2. Рязано-Тульский	876,2	860,3	149,9	1.886,4	5,3	5,0	0,2	10,5	18,3	17,3	0,6	36,2	899,8	882,6	150,7	1.933,1
3. Московско-Промышленный	2.691,7	2.878,5	371,0	5.941,2	25,5	29,7	1,3	56.5	48,2	56,3	2,5	107,0	2.765,4	2.964,5	374,8	6.104,7
4. Средне-Волжск.	2 363,7	2.312,9	354 2	5.030,8	11,2	10,9	0,4	22,5	43,2	41,7	1,7	86,6	2.418,1	2.365,5	356,3	5.139,9
5. Вятский	847,8	861,0	110,1	1.818,9	7,1	9,4	0,3	16,8	17,5	23,2	0,9	41,6	872,4	893,6	111,3	1.877,3
6. Нижне-Волжский	1.243,5	1.157,4	188,8	2.589,7	17,6	17,3	1,0	35,9	27,0	26,6	1,5	55,1	1.288,1	1.201,3	191,3	2.680,7
7. Уральская область	1.429,4	1.384,9	188,6	3.002,9	25,6	26,1	0,9	52,6	61,8	63,1	2,3	127,2	1.516,8	1.474,1	191,8	3.182,7
8. Северо Западный	1.152,4	1.068,7	154,8	2.375,9	8,4	9,5	0,3	18,2	23,6	26,5	1,0	51,1	1.184,4	1.104,7	156,1	2.445,2
9. Западный	955,1	900,3	137,6	1.993,0	13.2	14,3	0,8	28,3	18,3	19,7	1,1	39,1	986,6	934,3	139,5	2.060,4
10. Северный	555,9	550,8	73,8	1.180,5	4,8	5,7	0,2	10,7	8,4	10,0	0,3	18,7	569,1	566,5	74,3	1.209,9
11. Северо-Кавказский	1.819,0	1.596,2	284,9	3.700,1	47,1	45,2	1,4	93,7	59,3	56,9	1,8	118,0	1.925,4	1.698,3	288,1	3.911.8
12. Крымский	110,6	90,7	13,7	215,0	3,1	2,8	0,1	6 0	5,8	5,4	0,2	11,4	119,5	98,9	14,0	232,4
13. Сибирский	1.989,2	1.658,5	296,8	3.944,5	31,0	31,5	1,6	64,1	46,8	47,5	2,4	96,7	2.067,0	1.737,5	300,8	4.105,3
14. Дальне-Восточный	410,8	280,8	55,5	747,1	8,1	7,0	0,8	15,9	9,4	8,1	1,0	18,5	428,3	295,9	57,3	781,5
По УССР	6.420,0	5.694,7	922,4	13.037,1	264,9	251,0	20,0	535,9	250,9	237,2	16,8	504,9	6.935,8	6.182,9	959,2	14.077,9
По п/районам УССР																
I. Лево и Правобережный п/район: 1. Правобережный	2.071,6	1.851,0	277,1	4.199,7	94,7	81,9	7,4	184,0	72,4	62,5	5,6	140,5	2.238,7	1.995,4	290,1	4.524,2
I. Лево и Правобережный п/район: 2. Левобережный	1.628,7	1.411.2	228,4	3.268,3	82,5	85,9	5,9	174,3	64,0	66,8	4,6	135,4	1.775,2	1.563,9	238,9	3.578,0
I. Лево и Правобережный п/район: 3. Полесье	673,1	608,1	91,9	1.373,1	21,4	20,1	1,1	42,6	54,7	51,5	2,7	108,9	749,2	679,7	95,7	1.524,6
I. Лево и Правобережный п/район: Итого по Лево-и Правобережному	4.373,4	3.870,3	597,4	8.841,1	198,6	187,9	14,4	400,9	191,1	180,8	12,9	384,8	4.763,1	4.239,0	624,7	9.626,8
II. Южностепной п/район: 1. Степной	1.203,8	1.079,6	189,8	2.473,2	52,8	49,4	5,0	107,2	27,1	25,4	2,6	55,1	1.283,7	1.154,4	197,4	2.635,5
II. Южностепной п/район: 2. Днепропетровский.	509,1	465,5	83,2	1.057,8	12,3	12,8	0,6	25,7	18,8	19,6	0,9	39,3	540,2	497,9	84,7	1.122,8
II. Южностепной п/район: 3. Сталинский	333,7	279,3	52,0	665,0	1,2	0,9	0,0	2,1	13,9	11,4	0,4	25,7	348,8	291,6	52,4	692,8
II. Южностепной п/район: Итого по Юж.-Степному	2.046.6	1.824,4	325,0	4.196,0	66,3	63,1	5,6	135,0	59,8	56,4	3,9	120,1	2.172,7	1.943,9	334,5	4.451,1
По БССР	1.107,9	976,0	147,4	2.231,3	14,1	13,7	1,2	29,0	8,4	8,1	0,7	17,2	1.130,4	997,8	149,3	2.277,5
По Турк.ССР	280,4	189,5	25,5	495,4	2,7	1,8	0,1	4,6	6,9	4,7	0,3	11,9	290,0	196,0	25,9	511,9

[1] Данные крестьянских бюджетов, которые легли в основу исчисления, получены от ЦСУР СФСР по районам РСФСР, а остальные республики ЦСУ СССР.

Продолжение таблицы 1

Наименование районов	В тысячах работников							
	Расход рабочего времени [1]				Остаток неиспользованного времени			
	М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Д	Всего
18	19	20	21	22	23	24	25	26
Всего по СССР	27.521,1	28.256,2	1.441,8	57.219,1	5.727,0	2.728,4	3.253,0	11.708,4
В том числе:								
По РСФСР	18.270,8	19.396,5	814,0	38.481,3	4.246,9	1.998,8	2.411,2	8.656,9
По районам РСФСР:								
1. Центр.-Черноземн.	1.818,1	2.064,2	74,5	3.956,8	771,2	369,8	330,7	1.471,7
2. Рязано-Тульский	709,6	666,5	22,9	1.399,0	190,2	216,1	127,8	534,1
3. Московско-Пром.	2.425,6	2.829,1	123,9	5.378,6	339,8	135,4	250,9	726,1
4. Средне-Волжский	1.776,8	1.719,8	66,4	3.563,0	641,3	645,7	289,9	1.576,9
5. Вятский	715,4	943,8	35,1	1.694,3	157,0	— 50,2	76,2	183,0
6. Нижне-Волжский	988,1	971,5	56,9	2.016,5	300,0	229,8	134,4	664,2
7. Уральская обл.	1.245,5	1.273,6	46,4	2.565,5	271,3	200,5	145,4	617,2
8. Северо-Западный	1.052,6	1.181,2	42,7	2.276,5	131,8	— 76,5	113,4	168,7
9. Западный	854,6	922,4	50,6	1.827,6	132,0	11,9	88,9	232,8
10. Северный	525,4	622,7	19,7	1.167,8	43,7	— 56,2	54,6	42,1
11. Северо-Кавказск.	1.777,6	1.700,9	52,3	3.530,8	147,8	— 2,6	235,8	381,0
12. Крымский	72,1	67,1	3,0	142,2	47,4	31,8	11,0	90,2
13. Сибирский	1.670,8	1.691,9	85,1	3.447,8	396,2	45,6	215,7	657,5
14. Дальне-Восточный	295,6	254,5	30,1	580,2	132,7	41,4	27,2	201,3
По УССР	6.186,1	5.834,2	440,5	12.460,8	749,7	348,7	518,7	1.617,1
По п/районам УССР:								
I. Лево- и Право-бережн. п/район: 1. Правобережный	1.994,4	1.720,5	155,8	3.870,7	244,3	274,9	134,3	653,5
2. Левобережный	1.608,7	1.679,0	114,5	3.402,2	166,5	— 115,1	124,4	175,8
3. Полесье	654,2	615,8	33,2	1.303,2	95,0	63,9	62,5	221,4
Итого по Лево- и Правобережн.	4.257,3	4.015,3	303,5	8.576,1	505,8	223,7	321,2	1.050,7
II. Южно-Степной п/район: 1. Степной	1.125,4	1.053,5	106,3	2.285,2	158,3	100,9	91,1	350,3
2. Днепропетров.	484,1	503,6	22,1	1.009,8	56,1	— 5,7	62,6	113,0
3. Сталинский	319,3	261,8	8,6	589,7	29,5	29,8	43,8	103,1
Итого по Южно-Степному	1.928,8	1.818,9	137,0	3.884,7	243,9	125,0	197,5	566,4
По БССР	917,3	885,6	75,1	1.878,0	213,1	112,2	74,2	399,5
По Турк.ССР	181,7	122,2	9,2	313,1	108,3	73,8	16,7	198,8

[1] Вместе с праздниками.

в переводе на взрослого мужчину							Неиспользованная рабочая сила в рабочем возрасте в тыс. чел.				
Неиспользованное время детей, подростков и стариков				Остаток времени взрослых рабочих			Мужчин			Женщин	Всего
							16—17 лет	18—60 лет	Всего		
М	Ж	Д	Всего	М	Ж	Всего					
27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
815,9	460,8	3.253,0	4.529,7	4.911,1	2.267,6	7.178,7	511,9	4.501,9	5.013,8	2.834,8	7.848,6
611,3	348,6	2.411,2	3.371,1	3.635,6	1.650,2	5.285,8	383,9	3.328,7	3.712,6	2.063,0	5.775,6
117,2	65,8	330,7	513,7	654,0	304,0	958,0	72,0	596,4	668,4	380,0	1.048,4
31,2	42,1	127,8	201,1	159,0	174,0	333,0	18,6	144,1	162,7	217,5	380,2
53,3	28,6	250,9	332,8	286,5	106,8	393,3	30,1	262,4	292,5	133,5	426,0
89,8	109,1	289,9	488,8	551,5	536,6	1.088,1	58,6	504,6	563,2	670,8	1.234,0
22,9	— 8,9	76,2	90,2	134,1	— 41,3	92,8	13,3	123,5	136,8	— 51,6	85,2
41,7	39,1	134,4	215,2	258,3	190,7	449,0	26,8	236,9	263,7	238,4	502,1
35,5	33,1	145,4	214,0	235,8	167,4	403,2	23 9	216,7	240,6	209,3	449,9
19,9	— 14,6	113,4	118,7	111,9	— 61,9	50,0	10,8	103,3	114,1	— 77,4	36,7
19,3	2,0	88,9	110,2	112,7	9,9	122,6	11,8	103,3	115,1	12,4	127,5
5,2	— 10,1	54,6	49,7	38,5	— 46,1	— 7,6	3,8	35,5	39,3	— 57,6	— 18,3
19,5	— 0,4	235,8	254,9	128,3	— 2,2	126,1	14,4	116,8	131,2	— 2,8	128,4
5,1	4,4	11,0	20,5	42,3	27,4	69,7	4,0	39,1	43,1	34,3	77,4
55,5	6,9	215,7	278,1	340,7	38,7	379,4	36,1	311,8	347,9	48,4	396,3
16,9	6,8	27,2	50,9	115,8	34,6	150,4	10,5	107,4	117,9	43,3	161,2
104,0	52,4	518,7	675,1	645,7	296,3	942,0	66,9	592,3	659,2	370,4	1.029,6
32,5	43,7	134,3	210,5	211,8	231,2	443,0	20,4	195,5	215,9	289,0	504,9
24,3	— 19,5	124,4	129,2	142,2	— 95,6	46,6	14,8	130,4	145,2	—119,5	25,7
16,2	8,5	62,5	87,2	78,8	55,4	134,2	8,0	72,4	80,4	69,3	149,7
73,0	32,7	321,2	426,9	432,8	191,0	623,8	43,2	398,3	441,5	238,8	680,3
20,1	15,7	91,1	126,9	138,2	85,2	223,4	15,0	126,2	141,2	106,5	247,7
7,1	— 0,9	62,6	68,8	49,0	— 4,8	44,2	5,9	44,3	50,2	— 6,0	44,2
3,8	4,9	43,8	52,5	25,7	24,9	50,6	2,8	23,5	26,3	31,1	57,4
31,0	19,7	197,5	248,2	212,9	105,3	318,2	23,7	194,0	217,7	131,6	349,3
30,9	17,5	74,2	122,6	182,2	94,7	276,9	19,6	166,5	186,1	118,4	304,5
11,4	9,3	16,7	37,4	96,9	64,5	161,4	5,0	92,9	97,9	80,6	178,5

Таблица 2

Затраты времени в крестьянском хозяйстве (в млн час.) по месяцам

(по данным бюджетного обследования 1925/26 г.).

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Всего
По СССР всего затрачено времени	10.724	12.240	13.745	15.001	18 597	19.367	17.173	12.369	11.494	11.316	10.752	10.551	163.329
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	5.504	7.020	8.524	9.781	13.377	14.147	11.953	7.149	6.274	6.096	5.532	5.331	100.688
из них: на полеводство	276	1.903	3.147	3.510	5.136	8.604	6.663	2.015	836	405	101	87	32.683
По республикам													
По РСФСР всего затрачено времени	7.380	7.950	9.081	10.152	12.650	13.302	11.433	8.176	7.902	7.850	7.462	7.317	110.655
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	3.887	4.457	5.588	6.659	9.156	9.808	7.939	4.683	4.409	4.357	3.969	3.824	68 736
из них: на полеводство	117	1.095	2.181	2.466	3 186	6.225	4.569	1.269	510	230	51	43	21.942
По УССР всего затрачено времени	2.176	2.940	3.180	3.256	3.945	4.078	3.870	2.780	2.289	2.223	2.110	2.064	34.911
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	1.010	1.774	2.014	2.089	2.779	2.911	2.704	1.614	1.122	1.056	943	897	20.913
из них: на полеводство	126	561	603	667	1.406	1.526	1.339	440	151	102	38	32	6.991
По подрайонам УССР													
1. Правобережн. п/район: всего затрачено времени	613	933	1.050	1.081	1.217	1.202	1.286	887	667	664	623	616	10.839
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	268	588	705	736	872	857	941	542	322	319	278	271	6.699
из них: на полеводство	23	178	228	245	434	387	437	137	45	39	23	19	2.195
2. Левобережн. п/район: всего затрачено времени	570	796	842	891	1.037	1.116	1.061	776	647	614	597	580	9.527
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	243	469	516	564	710	790	734	449	320	287	271	253	5.606
из них: на полеводство	6	147	132	177	348	407	370	126	35	19	5	8	1.780
По БССР всего затрачено времени	343	406	424	435	594	544	547	437	407	379	366	365	5.247
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	191	254	272	283	442	392	394	285	254	227	213	213	3.420
из них: на полеводство	4	96	114	93	150	223	236	119	88	33	3	1	1.166
По ТуркСССР всего затрачено времени	59	69	77	87	79	61	97	92	76	56	48	52	853
в том числе:													
на основные раб. в сел. хоз. и раб. вне своего с. х.	23	34	42	52	44	25	62	57	41	21	12	16	429
из них: на полеводство	9	15	25	33	28	10	43	42	27	10	3	5	250

Таблица 3

Средняя продолжительность рабочего месяца на одного работника 1925/26 г.

(в часах)

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Итого проработано одним работником за год
1. Центр.-Черноземный	138,8	169,6	165,0	198,7	200,7	250,2	230,2	157,7	147,1	145,3	141,7	137,3	2.082,3
2. Рязано-Тульский	140,6	172,4	174,9	189,2	215,3	264,0	201,7	146,2	153,5	141,5	130,3	133,4	2.063,0
3. Московско-Промышленный	176,8	176,9	210,9	221,4	308,3	288,6	262,6	190,4	183,7	180,0	177,4	174,0	2.551,0
4. Средне-Волжский	132,8	143,3	156,1	187,9	226,8	237,6	195,7	132,7	140,9	145,8	139,1	136,1	1 974,8
5. Вятский	160,1	163,2	212,8	260,8	298,4	268,0	239,4	219,9	201,8	201,1	173,9	173,7	2.573,1
6. Нижне-Волжский	144,8	173,5	164,6	214,0	232,5	273,1	216,2	144,6	140,0	145,2	145,2	142,9	2.136,6
7. Уральский	150,8	148,0	181,6	193,6	240,2	238,8	203,7	189,7	195,7	180,7	157,8	234,4	2.315,0
8. Северо-Западный (Ленингр.-Карельски)	185,9	181,9	241,4	246,7	348,1	282,1	286,4	208,5	192,0	201,8	191,6	182,3	2.748,7
9. Западный	166,2	182,0	225,8	227,3	294,0	277,7	273,3	210,1	190,3	190,6	180,3	174,3	2.591,9
10. Северный	204,0	168,3	219,2	236,5	326,5	318,9	271,6	220,6	213,0	218,8	202,6	210,1	2.810,1
11. Северо-Кавказский	191,0	205,4	219,3	229,3	265,7	280,1	249,7	181,3	170,0	175,5	184,5	179,5	2.531,3
12. Крымский	152,1	129,5	164,7	164,5	238,4	201,9	136,6	103,5	100,0	121,2	115,2	104,8	1.732,4
13. Сибирский	167,3	171,2	190,6	213,9	286,4	274,5	228,3	178,1	184,5	182,2	162,9	161,6	2.401,5
14. Дальне-Восточный	154,2	159,3	161,3	170,9	211,9	199,0	203,6	169,7	171,9	173,5	173,9	169,6	2.118,8
Итого по РСФСР	160,4	170,3	191,6	212,8	262,4	265,6	234,3	175,2	170,8	170,4	162,4	159,3	2.335,5
УССР													
Право- и Левобережная	155,9	209,9	225,9	231,7	257,5	260,1	262,4	206,1	171,8	169,7	160,9	157,2	2.469,1
Степная	176,4	207,8	226,6	221,8	288,1	305,1	260,8	190,2	164,5	155,8	151,0	149,0	2.497,1
БССР	152,6	178,2	186,2	190,7	260,4	235,6	236,5	191,7	178,9	167,8	162,2	162,2	2.303,0
Туркменская ССР	116,7	135,4	149,8	166,5	153,7	120,0	184,1	175,8	147,0	112,1	95,2	103,5	1.659,8
Всего по СССР	160,1	178,9	198,7	215,2	262,6	265,6	240,3	181,4	170,5	168,6	160,7	157,8	2.360,4

Таблица 4

Средняя продолжительность рабочего дня в сельском хозяйстве на одного работника по месяцам 1925/26 г.

(в часах)

Наименование районов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Средняя годовая
1. Центр.-Черноземный	6,4	9,0	7,1	9,9	8,4	11,6	9,8	6,1	6,2	5,6	6,8	5,7	7,6
2. Рязано-Тульский	6,5	9,1	7,6	9,5	9,0	12,3	8,6	5,6	6,4	5,5	6,2	5,5	7,6
3. Московско-Промышленный	7,9	9,3	9,1	10,7	12,6	12,9	11,0	7,4	7,6	7,0	8,3	7,3	9,2
4. Средне-Волжский	6,2	7,3	6,8	9,0	10,4	10,6	8,4	5,1	5,9	5,7	7,0	5,7	7,2
5. Вятский	7,5	8,3	9,2	12,5	13,6	12,0	10,2	8,5	8,5	7,8	8,8	7,2	9,4
6. Нижне-Волжский	6,8	8,8	7,1	10,3	10,6	12,2	9,2	5,6	5,9	5,6	7,3	5,9	7,8
7. Уральская область	7,0	7,5	8,2	9,7	12,4	11,3	8,7	7,3	8,2	7,1	7,6	9,8	8,7
8. Северо-Западный (Ленингр.-Карельский)	8,3	9,6	11,2	11,6	13,0	11,7	11,0	8,0	7,9	7,8	8,9	7,6	9,7
9. Западный	7,6	9,8	9,7	11,4	11,7	11,4	11,0	8,1	8,0	7,4	8,5	7,3	9,3
10. Северный	9,0	8,4	9,8	12,0	13,6	13,1	11,4	8,5	8,8	8,5	9,5	8,8	10,1
11. Северо-Кавказский	9,3	11,0	9,5	11,4	11,6	12,6	10,8	7,0	7,2	6,9	9,3	7,5	9,4
12. Крымский	7,2	6,8	7,2	8,2	10,1	8,9	5,8	4,0	4,2	4,7	5,6	4,5	6,4
13. Сибирский	7,8	8,7	8,6	10,6	12,2	11,7	9,8	6,9	7,8	7,1	7,9	6,7	8,8
14. Дальне-Восточный	7,3	8,4	7,0	8,5	9,0	8,8	8,7	6,5	7,3	6,7	8,5	7,3	7,8
Итого по РСФСР	7,6	9,0	8,3	10,6	11,2	11,7	10,0	6,7	7,2	6,6	7,9	6,9	8,6
УССР													
Право- и Левобережная	8,3	10,9	9,9	11,8	11,2	11,9	11,2	8,0	7,4	6,6	8,5	6,5	9,3
Степная	9,4	11,3	9,8	10,9	12,3	13,4	11,1	7,4	7,0	6,1	8,0	6,2	9,3
БССР	6,9	9,6	8,0	9,3	10,3	9,7	9,5	7,4	7,5	6,5	7,7	6,8	8,2
Туркменская ССР	5,5	7,1	6,5	8,3	6,5	5,3	7,9	6,7	6,2	4,3	4,6	4,5	6,1
Всего по СССР	7,6	9,4	8,6	10,7	11,2	11,8	10,3	7,0	7,2	6,5	7,8	6,8	8,7

Примечание. Средняя продолжительность рабочего дня по месяцам получена следующим образом: затрата времени в часах для каждого месяца делилась на число работников (членов семьи и наемных рабочих) в соответствующем месяце и полученная продолжительность рабочего месяца делилась на число рабочих дней в месяце, принятых при подсчетах по материалам 1924/25 г.

В бюджетах распределена по месяцам только часть затрат, остальные затраты (примерно, 35% — главным образом, затраты на домашнее хозяйство) распределены нами по месяцам поровну.

Число работников в каждом месяце получено следующим образом: число работников членов семьи взято одинаковое в каждом месяце, постоянные наемные рабочие распределены по месяцам, пропорционально учтенным в бюджетах общим затратам по месяцам, а поденные наемные рабочие распределены по месяцам, пропорционально затратам на полеводство.

Таблица 5

Процентное распределение затрат времени в крестьянском хозяйстве по отдельным видам работ

(по данным бюджетного обследования 1925/26 г.)

Наименование республик	Всего затрачено рабочего времени	В том числе по основным видам работ																																
		Работа в сельском хозяйстве																	Домашнее хозяйство			Работа вне своего сельского хозяйства												
			в том числе																	в том числе			в том числе												
				Полеводство									Животноводство											работа по найму вне с. х.				Прочие самостоятел. промысла							
					в том числе									в том числе										в том числе					в том числе							
		Всего	Всего	зерновые хлеба	прядильные	корне-клубне-плоды	трансеяние	Огород	Бахча	Сад	Виноград	Пчеловодство	Сенокос	Всего	Скотоводство	Птицеводство	Возведение и ремонт построек	Изготовление и ремонт инвентаря	Лесное хозяйство	Рыболовство	Охота	Всего	Переработка продуктов для домашних надобностей	Домашнее хозяйство	Всего	Всего	Работа на фабриках и заводах	Служба в учреждениях	Поденные и сдельные работы в чужом с.-х. хозяйстве	Работа со своим инвент. и скотом в чужом сельском хозяйстве	Всего	Извоз	Прочие самостоятельные промысла	Ремесленно-кустарные производства	Торговля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	38	33	34	35	36
по СССР	100,0	47,8	20,0	12,9	1,9	2,6	0,3	1,5	0,4	0,2	0,1	0,2	3,2	21,9	21,0	0,9	1,6	0,5	1,9	0,2	0,0	29,3	5,6	23,7	12,8	4,4	2,0	2,4	1,4	1,3	4,6	1,9	2,7	0,9	0,1
в том числе:																																			
РСФСР	100,0	46,8	19,8	12,6	1,9	2,2	0,3	1,5	0,4	0,2	0,1	0,3	4,0	20,5	19,6	0,9	1,6	0,5	2 3	0,2	—	29,2	5,5	23,7	13,7	5,0	2,4	2,6	1,3	1,2	4,9	1,9	3,0	1,1	—
УССР	100,0	49,6	20,2	14,0	1,3	3,7	0,1	1,7	0,6	0,3	0,2	0,1	0,8	25,7	24,8	0,9	1,6	0,3	0,8	0,0	—	29,9	5,4	24,5	11,1	3,1	1,1	2,0	1,7	2,0	3,7	1,7	2,0	0,5	0,1
БССР	100,0	56,2	22,2	14,7	2,3	4,6	0,5	1,0	—	0,1	—	—	3,6	29,3	28,4	0,9	1,0	0,6	3,3	0,2	—	27,2	8,2	19,0	6,6	0,6	0,2	0,4	0,8	0,4	4,8	1,2	3,6	—	—
ТуркССР	100,0	47,3	29,4	8,6	18,7	—	1,5	2,7	1,0	0,0	0,1	—	—	13,2	13,2	—	1,0	—	—	—	—	32,8	6,1	26,7	3,5	0,3	—	0,3	1,4	0,1	0,2	0,2	—	1,5	—

Примечание. Нисхождение некоторых частных итогов и общего итога затрат времени с суммой отдельных затрат, входящих в эти итоги, об'ясняется тем, что некоторые мелкие работы в таблице не названы.

Затраты рабочего времени в часах в среднем

Таблица 6

на одного работника 1925/26 г.

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНОВ	Всего затрачено рабочего времени	в том числе по отдельным видам работ														
		Работа в сельском хозяйстве														
		Всего	Полеводство										Животноводство			
			Всего на полеводство	В том числе									Всего	В том числе		
				Зерновые хлеба	Прядильные	Корне-клубне-плоды	Травосеяние	Огород	Бахча	Сад	Виноград	Пчеловодство	Сенокос		Скотоводство	Птицеводство
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Центр.-Черноземный . .	2.131,9	987,5	442,5	293,4	48,8	70,9	2,1	26,8	6,3	9,0	—	2,9	15,5	484,5	456,3	28,2
2. Рязано-Тульский	2.127,5	999,8	412,3	278,8	38,9	55,5	2,4	13,7	—	2,7	—	—	56,0	515,1	491,6	23,5
3. Моск.-Промышленн. . .	2.633,1	1.227,8	520,1	301,5	81,6	106,2	26,9	39,1	—	5,4	—	5,2	138,7	519,3	497,1	22,2
4. Средне-Волжский	2.027,9	931,1	454,3	348,9	38,9	46,3	0,1	28,4	10,5	4,0	—	4,9	52,1	376,9	359,6	17,3
5. Вятский	2.667,1	1.266,9	563,0	438,9	69,0	45,8	8,9	61,7	—	2,8	—	4.3	127.8	507,3	490,5	16,8
6. Нижне-Волжский	2.229,5	1.212,4	516,3	417,1	13,5	40,1	0,1	35,2	32,4	13,5	—	—	77,9	537,1	512,8	24 3
7. Уральский	2.387,1	1.106,8	462,1	382,6	48,2	26,3	5,0	18,3	0,5	1,2	—	2,9	152,3	468,4	445,2	23,2
8. Ленингр.-Карельский . .	2.839,0	1.161,1	471,8	295,8	68,9	86,9	18,9	43,6	—	2,6	—	1,9	173,6	467,6	449,9	17,7
9. Западный	2.733,1	1.285,7	497,5	276,5	96,8	102,2	14,7	26,1	—	1,6	—	1,6	90,7	668,2	648,2	20,0
10. Северный	2.887,5	1.302,7	522,1	401,4	69,2	38,6	5,3	28,1	—	1,0	—	0,2	250,3	500,8	492,9	7,9
11. Северо-Кавказский . . .	2.696,3	1.298,7	524,5	396,7	18,5	15,0	2,0	47,0	44,4	2,1	28,9	25,2	44.8	581,8	541,8	40,0
12. Крымский	1.891,0	822,5	381,7	212,1	0,4	1,4	—	31,1	41,7	47,2	51,1	0,3	19,3	250,1	239,2	10,9
13. Сибирский	2.511,1	1.172,0	466,4	нет сведений				69,3	1,4	—	—	5,6	141,0	488,3	462,3	26,0
14. Дальне-Восточный . . .	2.220,6	1.049,5	356,4	274,0	14,5	15,0	3,6	88,0		2,0	—	0,4	128,4	474,3	454,2	20,1
Итого по РСФСР . . .	2.427,0	1.136,0	481,0	338,0	51,0	60,0	8,0	37.0	9,0	4,0	3,0	5,0	98,0	498,0	474,0	24,0
1. Правобережная лесостепь	2 581,0	1.285,7	522,8	350,6	19,9	146,8	3,5	51,9	3,4	10,5	—	3,9	17,5	675,6	652,8	22,8
2. Левобережная лесостепь	2.915,1	1.446,0	544,5	327,0	54,0	112,2	5,5	46,6	19,5	6,1	—	2,1	23,4	803.8	775,7	28,1
3. Полесье	2.657,8	1.345,2	573,3	343,8	79,0	119,2	5,1	31,3	1,8	7,6	4,6	18,5	57,2	650.8	634,3	16,5
4. Сталинский подрайон . .	2.487,0	1.353,5	642,8	558,9	6,7	36,4	—	51,2	26,9	4,6	—	11,1	4,3	612,6	592,3	20,3
5. Степной „ . .	2.591,4	1.269,1	510,6	411,6	15,1	21,6	1,7	45,3	24,7	9,4	20,8	0,1	5,8	652,4	621,2	31,2
6. Днепропетровск. подрайон	2.677,2	1.231,0	558,6	443,1	35,7	52,5	1,3	44,2	40,0	15,6	5,9	1,4	16,6	548,7	531,3	17,4
Итого по УССР . . .	2.678,0	1.328,0	540,0	374,0	34,0	98,0	3,0	47,0	16,0	9,0	5,0	4,0	20,0	687,0	662,0	25,0
БССР . . .	2.352,0	1.321,0	523,0	345,0	53,0	108,0	13,0	24,0	—	2,0	—	—	83,0	689,0	668,0	21.0
Туркменская ССР . . .	1.721,0	813,0	504,0	148,0	321,0	—	26,0	46,0	18,0	2,0	2,0	—	—	227,0	227,0	—
Всего по СССР . . .	2.472,0	1.181,0	495,0	341,0	49,0	69,0	7,0	39,0	10,0	5,0	3,0	5,0	80,0	543,0	519,0	24,0

Продолжение табл. 6

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНОВ	В том числе по отдельным видам работ										Работа вне своего сельского хозяйства										
	Возведение и капитальный ремонт построек	Весь текущий ремонт построек	Изготовление и капитальный ремонт инвентаря	Весь текущий ремонт инвентаря	Лесное хозяйство	Рыболовство	Охота	Домашн. хозяйство: Всего	Домашн. хозяйство: В том числе: Переработка продукт. для домашн. надобност.	Домашн. хозяйство: В том числе: Домашнее хозяйство	Всего	Работа по найму вне с. х.: Всего	Работа по найму вне с. х.: В том числе: Работа на фабр. и заводах по найму	Работа по найму вне с. х.: В том числе: Служба в учреждениях	Поденные и сдельные работы в чужом сельском хозяйстве	Работа со своим инвентар. и скотом в чужом сельск. хоз.	Проч. самостоятельн. промыслы: Всего	Проч. самостоятельн. промыслы: В том числе: И воз	Проч. самостоятельн. промыслы: В том числе: Прочие самостоятельные занятия	Ремесленно-кустарное производство	Торговля
18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
1. Центр.-Черноземный .	16,7	8,6	1,5	4,7	9,1	1,5	0,1	739,3	176,5	562,8	278,6	101,4	34,6	66,8	20,4	18,3	90,3	20,8	69,5	43,8	—
2. Рязано-Тульский . . .	17,2	3,0	0,5	3,7	24,3	2,2	1,4	555,4	112,1	443,3	419,9	194,2	78,7	115,5	33,2	23,3	161,3	18,5	142,8	7,8	—
3. Моск.-Промышленн. . .	38,7	11,2	1,4	3,8	68,6	1,1	1,4	640,7	72,6	568,1	490,3	218,2	134,3	83,9	35.8	22,3	152,5	97,5	55,0	45,5	5,6
4. Средне-Волжский . . .	17,3	7,2	1,4	6,1	41,1	1,5	0,1	625,8	148,0	477,8	303.6	86,1	51,3	34,8	29,1	27,1	122,6	28,4	94,2	32,0	—
5. Вятский	40,1	13,5	6,0	12,0	55,2	7,5	—	753,9	219,3	534,6	299,3	97,6	39,9	57,7	13,3	42,3	138,4	39,7	98,7	5,9	—
6. Нижне-Волжский . . .	20,6	5,2	1,3	10,9	9,6	5,1	1,9	684,5	127,0	557,5	159,1	31,6	5,0	26,6	27,9	70,7	51,8	27,9	23,9	6,6	—
7. Уральский	32,8	8,5	4,7	8,7	70,4	7,0	1,5	686,5	128,3	558,2	428,4	94,6	33,8	60,8	33,4	43,6	105,8	58,4	47,4	50,5	0,5
8. Ленингр.-Карельский .	34,3	9,8	12,4	8,4	102,4	34,9	1,1	802,4	159,0	643,4	509,4	255,7	124,4	131,3	35,1	17,5	190,8	97,0	93,8	2,6	1,7
9. Западный	30,8	11,4	7,5	9,9	63,5	0,3	—	790,5	205,2	585,3	332,4	123,0	61,8	61,2	36,7	11,0	135,1	70,6	64,5	23,3	3,3
10. Северный	44,4	11,3	0,5	16,0	131,5	11,0	2,3	770,9	160,4	610,5	459,2	138,4	75,0	63,4	10,7	16,0	224,3	40,9	183,4	62,8	1,2
11. Северо-Кавказский . .	25,5	24,1	2,9	23,4	22,2	7,2	—	806,5	111,6	694,9	240,3	91,6	47,7	43,9	58,6	43,1	43,6	13,4	30,2	—	3,4
12. Крымский	17,6	9,1	—	3,9	4,9	3,0	0,2	651,3	21,9	629,4	312,3	47,9	4,5	43,4	142,3	45,0	61,2	34,2	27,0	15,9	—
13. Сибирский	29,7	9,3	4,5	7,5	108,4	8,9	4,8	775,0	116,3	658,7	244,7	47,5	3,1	44,4	32,5	35,1	116,4	45,2	71,2	12,4	—
14. Дальне-Восточный . .	21,0	12,1	—	8,1	112,3	—	—	638,6	43,1	595,5	236,6	61,0	8,1	52,9	13,9	35,6	120,7	52,3	68,4	5,4	—
Итого по РСФСР . . .	38,0		12,0		55,0	6,0	1,0	709,0	134,0	575,0	331,0	120,0	57,0	63,0	32,0	29,0	119,0	47,0	72,0	26,0	2,0
1. Правобережн. лесостепь	29,5	12,7	9,6		29,7	0,6	—	728,5	127,7	600,8	310,1	102,0	26,1	75,9	57,1	45,4	102,8	68,1	34,7	2,8	—
2. Левобережная лесостепь	41,1	15,3	9,3		16,1	0,9	1,3	916,5	207,7	708,8	288,4	63,5	16,9	46,6	45,6	44,8	118,6	33,6	85,0	15,9	—
3. Полесье	36,7	12,0	8,8		51,6	0,3	0,3	745,1	173,2	571,9	279,3	101,3	63,8	37,5	42,1	7,3	79,0	22,1	56,9	49,5	—
4. Сталинский подрайон .	23,9	5,0	19,1		26,9	—	—	670,9	58,0	612,9	297,1	41,6	40,9	0,7	7,1	99,1	122,1	63,1	59,0	27,2	—
5. Степной „ .	5,4	18,5	6,5		2,0	3,5	1,5	840,5	86,8	753,7	265,9	61,9	18,6	43,3	40,1	73,8	72,2	35,8	36,4	—	17,9
6. Днепропетр. подрайон	38,9	16,5	8,3		3,8	15,0	0,7	790,4	157,6	632,8	379,0	124,4	50,4	74,0	41,0	91,2	108,3	36,3	72,0	14,1	—
Итого по УССР . . .	43,0		9,0		20,0	2,0	1,0	801,0	144,0	657,0	298,0	83,0	29,0	54,0	46,0	53,0	100,0	46,0	54,0	13,0	3,0
БССР . . .	23,0		15,0		77,0	5,0	—	639,0	193,0	446,0	156,0	14,0	4,0	10,0	18,0	10,0	114,0	29,0	85,0	—	—
Туркменская ССР . . .	18,0		0,1		—	—	0,2	565,0	106,0	459,0	60,0	4,0	—	4 0	24,0	3,0	4,0	4,0	—	25,0	—
Всего по СССР . . .	38,0		11,0		48,0	5,0	1,0	725,0	138,0	587,0	316,0	108,0	49,0	59,0	35,0	33,0	114,0	46,0	68,0	22,0	2,0

Примечание. При вычислении затрат на одного работника приняты во внима ние только работники члены семьи.

Средняя по СССР вычислена по данным только следующих республик: РСФСР, УССР, БССР и ТуркССР, введенных с соответствующим весом.